

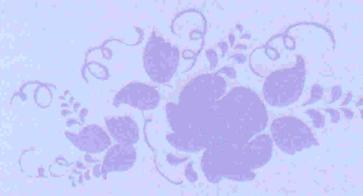
A decorative border with intricate floral and scrollwork patterns in a light blue color, framing the entire page. The border is composed of four corner pieces and four central pieces along the top and bottom edges.

ЛЕКСИЧЕСКИЙ АТЛАС

РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

2016

A central floral illustration featuring a large, dark blue flower with several leaves and a cluster of smaller, lighter blue flowers and leaves to its left and right.

Российская академия наук

Институт лингвистических исследований

Лексический атлас русских народных говоров

Материалы и исследования 2016

Издательство

С-Петербург

Нестор-История

MMXVI

УДК 81.28
ББК 81.2Рус67

Печатается по решению Ученого совета
Института лингвистических исследований РАН

Ответственный редактор: *С. А. Мызников*
Редколлегия: *А. А. Бурькин, Р. В. Гайдамашко,*
О. В. Глебова, Л. Н. Донина, О. Н. Крылова

Рецензенты: доктор филологических наук *О. Д. Кузнецова*
кандидат филологических наук *Е. И. Сьянова*

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 16-04-00065а

Работа выполнена в рамках государственного задания ИЛИ РАН
(тема № 0187-2014-0007 «Русская диалектная
лексикография и лингвогеография»)

**Лексический атлас русских народных говоров
(Материалы и исследования) 2016 /**

Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2016. — 556 с.

ISBN 978-5-4469-1096-0

В сборнике опубликованы статьи и материалы участников проекта «Лексический атлас русских народных говоров». В работах освещен широкий круг вопросов исследования диалектной лексики, семантики, структуры отдельных тематических групп и словообразования. Значительную часть книги составляют статьи по диалектной фразеологии, синонимии, истории слов и ономастике. Освещаются также практические вопросы картографирования и некоторые теоретические проблемы лингвогеографии.

Сборник вносит вклад в теорию и практику лингвогеографических исследований и представляет интерес для широкого круга исследователей русского языка.

ISBN 978-5-4469-1096-0

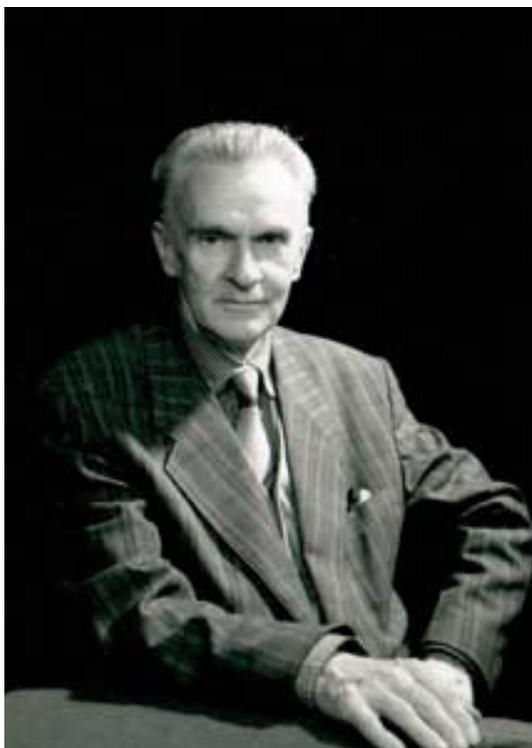
9 785446 910960 >

УДК 81.28

ББК 81.2

© ИЛИ РАН, 2016

© Авторы статей, 2016

ПАМЯТИ
АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ГЕРДА

От редколлегии

Данный сборник мы посвящаем памяти Александра Сергеевича Герда, чье имя неразрывно связано с «Лексическим атласом русских народных говоров».

Александр Сергеевич стоял у истоков Атласа. По его предложению работа над этим проектом в начале 1980-х годов осуществлялась во «Всесоюзном географическом обществе СССР» (в настоящее время — «Русское географическое общество»), в издательстве которого и выходили первые сборники, где публиковались статьи по проблемам русской и зарубежной лингвогеографии.

В конце 1980-х годов А. С. Герд пришел к руководству Словарным отделом ЛО Института языкознания АН СССР (ныне ИЛИ РАН), и именно он стал инициатором того, что работа над «Лексическим атласом русских народных говоров» стала плановой темой в Институте.

А. С. Герд предложил проводить ежегодные диалектологические совещания-конференции с целью осуществления координации работ, первоначально — по созданию программы-вопросника, а позднее — по обсуждению теоретических и практических вопросов, сбору диалектных материалов и картографированию. Такие совещания продолжаются и поныне.

Большое внимание Александр Сергеевич уделял экспедиционной работе по сбору материалов для ЛАРНГ. Еще летом 2015 года он участвовал в диалектологической экспедиции в Ленинградскую область.

После кончины И. А. Попова с 2001-го года и до конца жизни А. С. Герд осуществлял руководство всей темой «Лексический атлас русский народных говоров», вникая во все этапы работы над проектом. Он сумел объединить в работе над ЛАРНГ диалектологов всех ведущих вузов и научных организаций России.

Содержание

Объекты материальной культуры во фразеологии русских говоров Мордовии <i>Э. Н. Акимова, Т. И. Мочалова</i>	11
Наименования, обозначающие коммуникативно-прагматическую сторону речи, в самарских говорах <i>Н. Ю. Баженов</i>	24
Метеорологическая лексика в самарских говорах <i>Т. Е. Баженова</i>	36
Диалектная лексика в автобиографическом очерке А. Н. Сидорова «Повесть о русском солдате» <i>Л. П. Батырева</i>	46
Финно-угорские названия растений, содержащие зооэтимизмы со значением 'заяц' (на материале финно-пермских языков) <i>И. В. Бродский</i>	54
Глагол <i>чикилять</i> и производные от него в донском казачьем диалекте <i>Е. В. Брысина, В. И. Супрун</i>	66
Названия обычая коллективной помощи в сельской работе <i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова</i>	77
О номинации отдельных частей объектов мезорельефа (на материале орловских говоров) <i>Н. В. Бурко</i>	90

«Словарь русского камчатского наречия» (к 40-летию издания)	100
<i>А. А. Бурькин</i>	
О «кабинетной» апеллятивизации топонимов	108
<i>В. Л. Васильев</i>	
«Лексический атлас русских народных говоров» и лексика природы в лингвогносеологическом аспекте	121
<i>Т. И. Вендина</i>	
Лексика животного мира междуречья Костромы и Унжи как материал для Лексического атласа русских народных говоров (именования птиц)	154
<i>Н. С. Ганцовская</i>	
Отражение сюжетных мотивов в номинациях колдуна (на материале мифологических рассказов Пермского края)	164
<i>М. А. Гранова</i>	
Лингвистическое картографирование в областном словаре. Карты наименований частей некоего обобщенного целого (и их синонимов) в Псковском областном словаре: Карта № 6 «Локальные обозначения фаз луны»	173
<i>Ю. Ф. Денисенко</i>	
Глагольная строительная лексика в русских говорах Мордовии	189
<i>Л. Н. Денисова</i>	
Диалектная лексика в массовой коммуникации (на материале региональной прессы 1920–1930-х гг.)	196
<i>Ю. Н. Драчева</i>	

Парадигматические связи между качественными наречиями в русских говорах Мордовии <i>Н. И. Ершова</i>	207
О типологии самарских позднепереселенческих окающих говоров (по материалам регионального атласа) <i>Т. Ф. Зиброва</i>	220
Названия крапивы в русских народных говорах (по данным картотеки ЛАРНГ) <i>Л. Ю. Зорина</i>	227
Лексика стирки и глажения в воронежских говорах <i>Т. В. Карасёва</i>	239
Диалектная и разговорная лексика в смоленском памятнике XVII века «Мера лесов...» <i>В. С. Картавенко</i>	249
Номинация возлюбленного в архангельских говорах <i>И. Б. Качинская</i>	255
Из истории исследований русских говоров юга Нижегородской области <i>Л. А. Климкова, Е. Ю. Любова, О. В. Никифорова, Г. Н. Тюрин</i>	272
Фитонимия русского языка в диахроническом аспекте (XI–XVII вв.) <i>В. Б. Колосова, Н. В. Петров</i>	308
Наименования коровы в орловских говорах <i>Е. В. Королева</i>	315

- Значимость общерусских лексем в системе говоров (из опыта лексикографической и картографической работы) 323
Л. Я. Костючук
- Наименования хозяйственных построек в белгородских говорах 333
С. А. Кошарная, Л. И. Плотникова
- Проявление системных отношений в лексике русских говоров Воловского района Тульской области 340
Н. А. Красовская, Л. В. Шестопалова
- Лингвогеографические данные в процедуре описания диалектного словообразовательного типа (на материале смоленских говоров) 349
Е. С. Лунькова
- Варианты наименований птенца соловья в русских говорах (лингвогеографический аспект) 361
Т. М. Малыгина, Л. И. Ларина, Л. Е. Писарева
- Названия наклонного бревенчатого настила в крестьянском хозяйственном комплексе 366
Л. П. Михайлова
- Новый севернорусский диалектный материал в этимологическом прочтении 376
С. А. Мызников
- Особенности лексики животноводства и птицеводства в говорах Ульяновской области 384
Я. В. Мызникова

- О некоторых наименованиях частей сельского жилища первой половины XX века (на материале говора Кучеряевки Бутурлиновского района Воронежской области) 391
Л. В. Недоступова
- Лексика народного этикета в поунженских говорах (на материале произведений И. М. Касаткина) 399
С. В. Окуловская
- Номинации праздника в честь завершения уборки зерновых (на материале архангельских говоров) 408
Ж. А. Панина
- Общенародная и просторечная лексика в диалектной речи (на материале говора села Белогорное Вольского района Саратовской области) 415
А. А. Семёнова
- Наименования кухонной утвари, используемой в процессе хлебопечения (на материале вятских говоров) 425
З. В. Сметанина
- Наименования орудий и процессов сельскохозяйственного труда в речи старшего поколения носителей донских говоров 439
Н. А. Стародубцева, Н. А. Тупикова
- Наименования приусадебных участков в русских говорах Европейского Севера 453
О. А. Теуш
- Имена прилагательные тематической группы «Природа» в донских говорах 461
М. В. Флягина

Костромская микротопонимия как источник сведений для ЛАРНГ (названия родников)	470
<i>Е. В. Цветкова</i>	
К этимологии русского диалектного слова <i>елбѣжник</i>	483
<i>Т. В. Шалаева</i>	
Грамматический синкретизм неизменяемых знаменательных частей речи в русских народных говорах	488
<i>Л. Г. Яцкевич</i>	
Список сокращений	510
Указатель диалектной лексики	521

Объекты материальной культуры во фразеологии русских говоров Мордовии

Э. Н. Акимова, Т. И. Мочалова

В статье описываются со структурно-семантических позиций бытующие в русских говорах Мордовии фразеологизмы, репрезентирующие некоторые объекты материальной культуры, в частности, одежду, головные уборы, обувь, продукты питания, кушания и напитки.

Ключевые слова: диалектная фразеология, языковая картина мира, материальная культура

Одним из важнейших компонентов этнической идентификации народа является одежда. Ее наименования занимают особое место в языковой картине мира человека, они непосредственно связаны с бытом, историей, культурой народа; их развитие и функционирование зависят от социальных изменений в жизни этнокультурного сообщества.

В процессе номинации одежды в крестьянской среде на территории Мордовии основным дифференциальным признаком выступает ее назначение, ср.: *на проходку* — ‘праздничная одежда’, *в колья и мялья* ‘одежда для повседневной носки’. Праздничная женская одежда, как правило, включала элементы красного цвета (*кубовый сарафан*), обшивалась кружевом или тесьмой (*миколашкин сарафан*), предназначалась для специальных случаев (*троишный сарафан*). Разнообразны наименования мужской рубахи, в основе номинации которых отразились этнокультурные представления народа: *красная рубаха*, *сплошная рубашка*, *камлотовая рубаха*, *хлыстанная рубаха* и др.

Наименования обуви немногочисленны, поскольку раньше в сельской местности использовали в основном лапти и

сапоги: *ковырянные лапти, летние лапти, мордовские лапти; яловочные сапоги, голевые сапоги*. Кожаную обувь носители диалекта недифференцированно называют *голой / голевой обувкой*.

Особый интерес представляет рассмотрение наименований головных уборов в исследуемых говорах, в частности платков. Как известно, платку в культуре разных народов отводится заметное место. Достаточно вспомнить его значение в обрядах, обычаях, суевериях, гаданиях.

В русской традиции платок, плат (кусок ткани, полотна) — это символ: брачный и религиозный (покрыть голову — подчиниться мужу), магический (платок — проводник в «чужой» мир, граница между мирами) и даже идеологический (красная косынка в 20-е гг. XX в.).

Кроме того, это яркая деталь девичьего и женского костюма. Ношение платка — искусство и благочестивая традиция: на протяжении многих веков, начиная с древнерусского быта, считалось недопустимым и предосудительным для православной женщины ходить «простоволосой». Показать на глаза постороннему мужчине с непокрытой головой («засветить волосы») было равносильно измене, а сорвать с женщины головной убор считалось тягчайшим оскорблением [Байбурин 1993: 254].

Символика цвета и рисунка платка, способов его повязывания и ношения зависят от местности проживания, национальности, возраста, семейного и социального статуса женщины, ее положения в общественной иерархии. Поэтому неудивительно, что в различных диалектах русского языка бытует множество названий платков. Во фразеологии русских говоров Мордовии это достаточно обширная группа (27 единиц) с различными опорными словами.

1. Фразеологические единицы (ФЕ) с опорным словом «платок»: *кубовый платок* — ‘большой нарядный платок с яркими цветами’; *сосяной платок* — ‘домотканый платок’; *жарковый (фаевый) платок* — ‘красный или оранже-

вый шелковый платок с набивными цветами»; *скворцовый платок* — ‘серый атласный или сатиновый платок’; *французский платок* — ‘ситцевый красный платок с белыми узорами’; *печальный платок* — ‘траурный, темный платок’; *глинный (гарасный, глинчатый) платок* — ‘тонкий шерстяной платок фабричного производства с кистями и узором в виде крупных цветов; обычно им покрывают невесту’. ФЕ с опорным компонентом «платок» обозначают по большей части платки тонкие, с разноцветными узорами в виде цветов.

2. Фразеологические единицы с опорным словом «шаль»: *накрывная шаль* ‘большая суконная шаль с кистями, которой накрывают голову поверх платка’; *ковровая шаль* — ‘большая шаль с кистями’; *козликковая (козловая, козлѣнковая) шаль* — ‘большой теплый платок с каймой и кистями, вытканый из шерсти с добавлением козьего пуха’; *терновая шаль* — устар. ‘1) теплая шаль из кумача, 2) большой нарядный платок с кистями’; *валявая (валяная) шаль* — ‘тонкая шерстяная шаль фабричной выработки’; *шаль в трѣшницу* — ‘шаль, состоящая из трех частей разного цвета’; *гарзная (гарусовая, гарусная, гарценовая) шаль, делевая шаль* — ‘тонкий шерстяной платок фабричного производства с кистями и узором в виде крупных цветов; обычно им покрывают невесту’. Как видим, слово «шаль» употребляется в современных диалектах в основном для обозначения шерстяного, теплого платка.

3. Фразеологические единицы с опорным словом «ширинка»: *французская ширинка* — ‘большой головной платок с узором и кистями’. Компонент «французский» подчеркивает модные тенденции народного быта, поскольку заграничный наряд считался лучшим.

4. Фразеологические единицы с опорным словом «косынка»: *горелковая косынка* — ‘черный шерстяной платок или косынка фабричного изготовления с узорчатой цветной каймой’.

К анализируемой группе наименований платков тесно примыкают 15 глагольных фразеологизмов со значением 'способы повязывания (ношения) платков': *вязать на подвязку* — 'завязывать концы платка под подбородком'; *обязать (обязаться) наперёд концы* — 'надеть платок, завязав его концы на лбу'; *носить галочками, обязать (обязывать, обязаться, обязываться) коньком (конёчком)* — 'надеть (надевать) платок так, чтобы надо лбом образовался острый угол'; *обязать (обязывать, обязаться, обязываться) по девушке (по-девушкиному, мордочкой), поверх головы, по вилочки (вилочку), убирать вилочком, через голову (обязаться)* — 'надеть (надевать) платок на голову, завязав концы сзади'; *на маленький хохолок обязаться* — 'сложить и повязать головной платок так, чтобы маленький угол оказался сверху, а большой внизу'; *ходить лысухой* — 'повязывать платок так, что половина головы остается открытой'.

В основу большинства этих фразеологизмов положены сравнения и метафоры. Их коннотация положительная, за исключением последней фразеологической единицы, обозначающей нежелательный и осуждаемый в русской культурной традиции способ ношения платка.

Диалектный материал свидетельствует о том, что в номинации платков отразились цветовые предпочтения этноса, причем в составе фразеосочетаний чаще всего употребляются не цветообозначения, а названия состояния или предметов, которые являются носителем того или иного признака: *печальный платок* — черный (горе); *жарковый платок* — красный, оранжевый (огонь, жар), *скворцовый платок* — серый (скворец). Отдельную группу составляют названия головных уборов, различающихся по размеру и способу изготовления: *накрывная шаль, ковровая шаль; сосяной платок* и др.

Таким образом, анализ диалектных фразеологизмов со значением «одежда, обувь, платки» в русских говорах Мор-

довии показывает значимость этой семантической группы для исследования русской фразеологической и, шире, языковой картины мира, в которой отражается мировидение и миропонимание русского народа.

Устойчивые сочетания со значением «еда» представляют собой важный фрагмент диалектной картины мира, демонстрирующий не только семантические и грамматические особенности диалектных фразеологических единиц, но и черты этнического и культурного своеобразия. Приготовление пищи является одной из разновидностей практической деятельности человека; названия блюд, отношение к еде глубоко связаны с культурой народа и отражают особенности национального сознания. Этим объясняется интерес исследователей к данному семантическому объединению, которое рассматривалось на материале различных групп русских говоров (см.: [Губарева 2002; Демидова 2004; Лутовинова 1970; Осипова 2004 и др.]).

Наименования кушаний, функционирующих в русских говорах Республики Мордовия, на лексическом материале изучались в разных аспектах: словообразовательном [Маркина 1993: 63–66], семантическом [Мочалова 2008: 295–303], грамматическом [Ершова 2007: 317–320], однако на основе фразеологического корпуса до сих пор остаются не исследованными. Рассматриваемые фразеосочетания характеризуются семантическим разнообразием: названия кушаний, продуктов; качество пищи; приготовление пищи; отношение к еде.

Номинативная группа прежде всего представлена названиями продуктов жизненной важности и первой необходимости: хлеб, масло, молоко. Каждое из понятий имеет несколько номинаций, семантика которых отражает особенности деревенского быта и специфику приготовленного или полученного продукта. Так, по времени получения различается *обедельное молоко* ‘дневного удоя’, *молоденькое молоко* ‘сегодняшнего удоя’, *порненькое молоко* / *молочко* ‘пар-

ное молоко'; по способу приготовления — *жареное молоко* 'топлёное'; по способу хранения — *кадное молоко* 'которое во время поста сливают в кадки'. Группа фразеологизмов характеризует свойства, проявляемые этим же продуктом: *отсикнуться водой* 'свернуться', *самокавом пойти* 'скиснуть', *сесть стулом* 'створожиться'.

Масло характеризуется также по времени выработки — *растовое масло* 'выработанное в летний период', по способу приготовления — *обыдённое / быдённое масло* во 2 знач. 'топленое'; по характеру сырья, из которого оно изготавливается, — *обыдённое / быдённое масло* в 1 знач. 'сливочное масло, приготовленное из свежих сливок, сметаны', *гарное масло* 'репейное'. Обратим внимание на то, что характеризующий признак *обыдённный* входит в разные семантические подгруппы, подчеркивая привычность, каждодневность используемого продукта, в частности *сливочного топленого / нетопленого масла*. При этом интересно, что топленое молоко, очевидно, не воспринимается в народном сознании как обыденный продукт, что отражается в его наименовании с акцентом на способ приготовления, по-разному представленный в литературном языке и диалекте: *топленое — жареное (молоко)*.

Название *молоко* фигурирует и по отношению к продукту, приготовленному из конопляного семени. Толченое конопляное семя, разведенное водой, называется *полянущкино молоко*, где определение *полянущкино* ориентирует, очевидно, на растительное сырье для изготовления напитка. Ср. *полянкино молоко* 'кашица из овсяной крупы или хлопьев, протертых сквозь сито' (Костром.). Отметим, что в номинациях отражается ценностный аспект отношения к домашнему продукту питания; имплицитно, при помощи словообразовательных средств подчеркивается значимость и важность его наличия: *молоденькое, порненькое, полянущкино*.

Название хлеба представлено двумя единицами: 1) фразеологическая единица косвенно указывает на сырье, из ко-

торого он изготовлен, — *зеленый хлеб*, т. е. хлеб с добавлением лебеды или другой травы. Колористический компонент в номинации продукта появляется, с одной стороны, в результате ассоциативного переноса с зеленого цвета травы (зелени), с другой стороны, внешне такой хлеб действительно может иметь зеленоватый оттенок; 2) фразеологическая единица, по-видимому, репрезентирует фольклорные мотивы — *лисичкин / лисин хлеб* — ‘хлеб, принесенный домой с поля, из леса’.

В целом семантическая группа названий кушаний и продуктов немногочисленна и содержит, помимо вышеуказанных, номинации грубой деревенской пищи, предназначенной для повседневного употребления: капуста, картофель, сало. Названия капусты и картофеля даны по способу их приготовления: *черная капуста* — ‘квашеная капуста, приготовленная из верхних зеленых листьев’; *драная картошка* — ‘тертый картофель’. Сало, в частности подкожное свиное сало, шпик носит название недифференцированного характера — *белое мясо*, указывающее на принадлежность к мясному продукту, специфика выявляется за счет цветового определения. Наименование сахара показывает форму, в которой употребляется продукт, — *комковой (крушковой) сахар*.

Названия собственно кушаний также представлены небольшой в количественном отношении подгруппой: *каша* и *пирог*. *Драная каша* — ‘кушанье из тертого картофеля’. Фразеологизм *кривой пирог* многозначен: это название, с одной стороны, пирога с любой начинкой, с другой стороны, — вареника. Очевидно, что вареник получил такое название по форме и характеру начинки, поскольку вареники — это «кушанье из пресного теста в виде маленьких пирожков с разной начинкой, сваренных в крутом кипятке» (БТСРЯ: 111). В литературном языке номинация мотивирована способом приготовления: корень *вар-* (варить).

В структурном отношении эта группа фразеологических единиц довольно однотипна. Это номинации с нераспространенным согласованным определением, выраженным именем прилагательным: *обедельное молоко, растовое масло, посконное семя* и др. И только небольшая подгруппа (три фразеосочетания), характеризующая свойства молока, представляет собой глагольные сочетания, образованные примыканием наречий образа действия — адвербативных имен существительных в форме творительного падежа: *сесть стулом, самоквасом пойти, отсикнутья водой*. В семантическом отношении эти фразеологические единицы отражают не столько свойство, сколько способ достижения этого свойства, перехода в указанное состояние, что передается посредством глагольных языковых единиц. При этом указанные свойства свидетельствуют одновременно и о качестве продукта, что позволяет отнести эти устойчивые обороты к переходной семантической зоне.

Группа фразеосочетаний, связанная с характеристикой процесса приготовления пищи, немногочисленна, представлена двенадцатью фразеологизмами. Большая их часть обозначает традиционный для сельских жителей способ приготовления кушаний в крестьянской печи. При этом для носителей диалекта оказываются актуализованными различные этапы данного процесса: поставить готовящееся блюдо в только что истопленную печь с закрытой трубой (*поставить в вольную (печку), поставить / ставить вупылу* во 2 знач.) или поставить в топящуюся печь ближе к пламени (*поставить / ставить вупылу* в 1 знач.). Важным этапом является также правильный подбор исходных продуктов и ингредиентов для того или иного блюда, на что указывают фразеологические единицы, обозначающие подготовку продуктов для щей (*собирать щи*), приготовление теста для выпечки хлеба, пирогов (*квашню творить, мешать хлебы, притворить / приболтать тесто, ставить / поставит квасы*). Зафиксированы наимено-

вания других действий, связанных с процессом приготовления пищи: *прибелить* / *приболтать тесто* — ‘подбить тесто, добавив в него муки, сдобы и т. п.’, *опарить* / *опаривать квас* — ‘заквасить / заквашивать квас’. В диалектной речи встречаем фразеологизм *варить ячницу*, указывающий на особенности приготовления блюда — варить, в отличие от свободного словосочетания общенародного языка *жарить ячницу*; в номинации фразеологической единицы *рассучить лепешку* отражается способ приготовления домашней лапши: измельчение лепешки из теста. Заметим, что по структуре устойчивые выражения рассматриваемой семантической группы являются глагольными и представляют сочетания переходного глагола совершенного или несовершенного вида с существительным в В. п. без предлога (*ставить* / *поставить квасы*, *собирать щи*, *квашню творить*, *мешать хлебы* и т. п.).

Фразеологические единицы со значением «качество пищи» предполагают выражение оценки довольно обобщенного характера: вкусно — невкусно, что позволяет говорить о наличии антонимичных отношений. О вкусной пище говорят — *за уши не оттащишь* (в 1 знач.), *ум отъешь*; о невкусной — *в рот не вотрешь* (*не вгонимь*, *не втокаришь*), *брюхо лупится*. Большая часть фразеологизмов характеризует качество хлеба или пирога, причем, как правило, репрезентируется оценка некачественной пищи: ‘черствый, твердый хлеб’ — *как клица*, *как колотушка*, *об дорогу не расшибешь*; ‘подгоревший до черноты’ — *как жасанный* (во 2 знач.), ‘плохо пропеченный’ — *как сбитень*. Как антонимы можно расценивать фразеологические единицы, характеризующие хлеб по признаку свежести: вышеперечисленные обороты со значением ‘черствый хлеб’ противопоставлены фразеологизмам со значением ‘мягкий хлеб’: *как на воздухе*, *как на еланке* (*еланочке*) в 3 знач. Фразеосочетание *сесть пнем* является омонимичным, поскольку используется для характеристики качества разных

продуктов: теста, которое не поднялось, не взошло, и овощей, которые сгнили и слежались.

Фразеологические единицы, обозначающие отношение человека к еде, качеству пищи, широко распространены в исследуемых говорах. Можно выделить семантическую подгруппу, связанную с оценкой процесса употребления пищи, ее чувственным восприятием, вкусовыми ощущениями человека (*хмылом съестъ* — ‘съесть очень быстро’, *как шатолом* — ‘наспех, не разбирая вкуса (поесть)’, *в три горла, как метлой мести, как с поправы (сорваться), солощой (солущий, солощавый) есть* — ‘есть / съесть много, с жадностью’). Антонимичным являются устойчивые сочетания, показывающие, с аппетитом ли ест человек, ср.: *за моё-моё* ‘есть с аппетитом’ — *опричь души* ‘без желания (есть)’.

Особую подгруппу составляют фразеологические единицы, называющие самого человека в зависимости от того, разбирается ли он в еде (*язык не лопата*) или употребляет в пищу все подряд (*молоть как жёрнов*). В диалектном социуме, как правило, негативно оценивается жадный на еду, ненасытный человек (*ненапористая утроба, сытости не знает*), наевшийся, но продолжающий есть (*глаза не сыты* в 1 знач.) или наедающийся до пресыщения (*наестся как дурак на поминках, на семь полотниц наестся, обжорством пахнет*). Интересен тот факт, что в исследуемых говорах отсутствуют фразеологические единицы, дающие положительную оценку человеку, знающему меру в еде. Диалектный фразеологизм *жорон (жор) напал* служит для номинации человека, который испытывает сильное желание есть. Единичным оказалось устойчивое сочетание, характеризующее вкусовые предпочтения человека: *картовная душа* называют в диалектной среде человека, любящего употреблять в пищу картофель. О неприхотливом в пище человеке говорят *мести все под одну метлу*.

Разнообразны фразеологические единицы, характеризующие чувство голода: 'голодать' — *класть (положить) зубы на поллицу, морить душу, принять голод, сущи глотать*; 'голодный' — *не пимши не емши*, 'испытывать чувство сильного голода' — *кишка кишке бьет по башке*, 'постоянно испытывать чувство голода' — *как шарок голодный*. Примыкает к ним оборот *на тощой желудок* — 'натошак'. На основе характеристики физиологических процессов в организме человека строятся фразеологизмы, обозначающие желание человека поесть: *изойти слюнями* — 'испытывать сильное желание есть', *развесть губы* — 'возбудить аппетит', *растопыривать живот* — 'напрасно надеяться съесть что-либо вкусное'.

В территориально замкнутом социуме отношение к пище может служить основанием для оценки имущественного и социального положения человека, поскольку наличие продуктов питания, их разнообразие свидетельствовало о достатке семьи, независимости: *на своем хлебе* — 'питаться за свой счет'. Фразеологизмы могут передавать и другие формы взаимоотношений между членами диалектного сообщества, связанные с употреблением пищи: *сесть / садиться на хвост* употребляется со значением 'напроситься / напрашиваться на угощение', *с голодными равняться* — 'приравнивать себя к тем, кто хочет есть', *дубинкой не отшибешь, за уши не оттащишь* — 'трудно отвлечь, оторвать от чего-либо съестного'; *в рот не вотрешь / втокаришь* в 1 знач. — 'не заставишь съесть'.

Фразеологические единицы, входящие в состав данной группы, являются наиболее разнообразными в структурном плане. Здесь представлены субстантивные сочетания (*на своем хлебе, картовная душа*), глагольные фразеологические единицы (*морить душу, принять голод*), которые по своей структуре представляют аналог словосочетания (*обжорством пахнет*) или простого предложения (*глаза не сыты*). В некоторых случаях фразеологизмы включа-

ют в свой состав сравнительный союз *как* (*как шатолом, как метлой мести, как с поправы* и др.), например, устойчивое сочетание *молоть как жёрнов* называет человека, употребляющего в пищу все подряд, через ассоциативное сравнение с мощными мельничными жерновами.

В состав большинства фразеологизмов данной группы входят компоненты-соматизмы, относящиеся к органам пищеварения человека, желудочно-кишечному тракту: *на тощой желудок, кишка кишке бьет по башке, в три горла, развестъ губы, язык не лопата, растопыривать живот, ненапористая утроба* и др., что позволяет ассоциативно соотнести качество пищи или процесс ее употребления с функциями конкретного органа человека. Отметим, что представленная в работе классификация имеет перекрещивающийся характер, поскольку отдельные устойчивые сочетания входят в разные группы. Так, фразеологизм *ум отъешь, в рот не вотрешь* используются для качественной характеристики употребляемой человеком пищи (вкусно / невкусно), поэтому закономерно входят в состав семантических групп «качество пищи» и «отношение человека к еде».

Таким образом, фразеологизмы со значением «Одежда, обувь» и «Еда» включают в свой состав разнообразные в структурно-семантическом отношении единицы, которые позволяют воссоздать элементы материальной культуры этноса, изучить особенности быта, традиции и обычаи представителей территориально замкнутого социума.

«Поскольку восприятие и осмысление человеком мира является производным от его культурно-исторического бытия», причины устойчивости диалектизмов в условиях процессов социальной интеграции «кроются в самой традиционной культуре, в своеобразии ее языковой картины мира», — полагает Т. И. Вендина [Вендина 2015: 150].

Литература

Акимова Э. Н. Диалектные фразеологизмы со значением «Платки и способы их повязывания (ношения)» в русских говорах Мордовии // Десятые Поливановские чтения. Сборник ст. по мат. докл. и сообщ. конф. Ч. II. Смоленск, 2011. С. 61–65.

Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. 240 с.

Вендина Т. И. Лексический атлас русских народных говоров и лексика природы как объект лингвогеографического изучения // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2015. СПб., 2015. С. 136–156.

Губарева В. В. Лексика питания в говорах Тамбовской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2002. 24 с.

Демидова К. И. О характере проявления языковой картины мира на территории среднего Урала (на материале семантической общности «названия кушаний») // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2004. СПб., 2004. С. 9–19.

Ершова Н. И. Лексико-семантическая группа субстантиватов со значением хлебобулочных изделий в русских говорах на территории Мордовии // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: материалы II Междунар. науч. конф. Волгоград, 2007. С. 317–320.

Лутовинова И. С. О названиях кушаний в печорских говорах // Севернорусские говоры. Вып. 1. Л., 1970. С. 118–127.

Маркина Л. В. Из наблюдений над словообразованием существительных в словаре русских говоров на территории Мордовии // Филологические заметки. Саранск, 1993. С. 63–66.

Мочалова Т. И. Названия кушаний в русских говорах Мордовии // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Вып. 29. Ч. 1. Воронеж, 2008. С. 295–303.

Осипова Е. П. О некоторых названиях пищи в рязанских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2004. СПб., 2004. С. 248–251.

Наименования, обозначающие коммуникативно-прагматическую сторону речи, в самарских говорах

Н. Ю. Баженов

В статье проводится семантический анализ лексико-фразеосемантического поля «Коммуникативный план речи» в самарских говорах. В состав исследуемого поля входят глаголы, существительные, прилагательные и наречия, а также фразеологические сочетания. Проведённый анализ выявил большое количество линий их семантической дифференциации внутри поля.

Ключевые слова: диалект, самарские говоры, диалектная лексика, лексическая семантика, речь

Речь, по замечанию Н. Д. Арутюновой, может обладать процессуальными свойствами, не зависящими от особенностей конкретного языка: «Процесс речи характеризуется определённым темпом, продолжительностью, тембровыми особенностями, степенью громкости, артикуляционной чёткости, акцентом и т. п. Речь может быть охарактеризована через указание на психологическое состояние говорящего, его коммуникативную задачу, отношение к собеседнику, искренность, по признакам своей формальной и смысловой структуры. К речи применимы эстетические (стилистические) и этические (нормативные) оценки» [Арутюнова 1990: 414].

Настоящая статья посвящена семантическому анализу диалектных лексических и фразеологических наименований, отражающих коммуникативно-прагматический аспект высказывания. Эмпирической базой исследования послужили: лексическая картотека с ответами на вопросы Программы ЛАРНГ, зафиксированными в населённых пунктах Самар-

ской области (далее — КЛАРНГ), записи диалектной речи из архивных материалов кафедры русского языка Самарского (бывшего Самарского государственного) университета (далее — Архив СамГУ) и хрестоматии В. А. Малаховского (далее — КОДХ), а также собственные полевые записи автора (далее — Автор). Была проведена также сплошная выборка из словарных источников (СРНГ, МСП). Общий объём материала составил 133 языковые единицы.

Построение каких бы то ни было семантических парадигм лексики говорения носит несколько условный характер и осложняется рядом факторов — как на уровне семантической структуры конкретного слова, так и на уровне лексической системы говора.

1) В составе многих наименований, связанных с речевой ситуацией, содержится более одного дифференциального признака.

2) В диалектной лексике наблюдается отсутствие чёткой сегментации некоторых понятийных сфер (особенно абстрактных) и неразвитая полифункциональность, следствием чего является сосредоточенность элементов вокруг ядерных зон полей и групп. Наряду с отсутствием кодифицированной нормы и преимущественно разговорным характером диалектной коммуникации, наличие этого фактора позволяет свидетельствовать о значительном формально-семантическом варьировании [Миронова 2013: 107] и диффузности семантики диалектного слова [Коготкова 1979: 14–57].

Тем не менее, линии семантической дифференциации внутри исследуемого поля прослеживаются довольно отчётливо. Семантическая структура лексико-фразеосемантического (ЛФС) поля «Речь» отражена в схеме на рис. 1 (см. след. стр.).

Рассматриваемое поле содержит в себе лексические и фразеологические единицы, относящиеся:

а) к семантическим диалектизмам, ср. *шумѣть*, *москвѣ*, *шарманка*, *повѣдливый*, *сорванец*;

б) к морфологическим вариантам общерусских слов, ср. *скричáть*, *поздорóвкаться*, *болтúша*, *людíмый*, *нелюдíмок*, *говорíстый*, *говóркий*;

в) к номинациям с диалектной основой, ср. *бáять*, *гү-тóрить*, *ботвítь*, *дорекáть*, *рамдítь*, *слажáться*, *бахóря*, *бáский*, *баслívый*.

Рис. 1: Семантическая структура лексико-фразеосемантического поля «Речь»

Рассмотрим микрополя, входящие в ЛФСП «Коммуникативно-прагматический план речи».

1. Микрополе «Разговор»

Данное микрополе представляет собой ядерную область исследуемого поля и околядерную область макрополя «Речь». Сюда входят обобщённые, не осложнённые частными дифференциальными признаками обозначения ситуации

беседы, разговора: *баять, набаяться* (*Набаялись и разошлись*. Владимировка Безенч. МСГП: 258); *балякать, забаякаться, пробаякать* (*Там мужики после работы сидят, балякают*. Автор. // *Ведь ты забаякался — по недосугу домашнему много времени просидел*. Ставроп. Самар. СРНГ 9: 244. // *Ух, сынок, забаякалась я с тобой, ты, поди устал уже записывать*. Сокский Исакл. Автор. // *Мы так с тобой до вечера пробаякаем*. Мосты Пестрав. Автор.); *гутóрить, погутóрить* (*Ойдатé в садок, там у меня сморотка йесь, позбира́м и погутóрим, ойдатъ, ойдатъ*. Стар. Похвистнево Похв. КОДХ: 75); *глаго́лить* (*Соседка зайдёт — глаго́лим, обсу́ждаем новости*. Крепость Кондурча Шентал. КЛАРНГ), *суда́чить, посудáчить* (*Заходите: посидим, посудáчим*. Криволучье-Ивановка Красноарм. КЛАРНГ) — ‘разговаривать, беседовать с кем-либо’.

Глагол *каля́кать* в значении ‘разговаривать, беседовать’ (*Вот мы с тобой топерь каля́каем*. Фёдоровка Ставроп. *Мы долго каля́кали*. Курумоч Волж. *Чаво эс не покаля́кать?* Тимофеевка Ставроп. МСГП: 219–220) известен просторечию и литературному языку. При этом, по нашим наблюдениям [Баженев 2014: 15], в говорах, в т. ч. самарских, спектр значений указанного глагола шире, что позволяет судить о его диалектной приуроченности.

2. Микрополе «Склонность к общению»

Данное микрополе можно разделить на две части.

В первую войдут обозначения, маркирующие склонность к общению (глаголы со значением ‘много говорить, болтать’, существительные и прилагательные со значением ‘говорливый, разговорчивый, общительный (о человеке)’:

балабо́нить Крепость Кондурча Шигон. (КЛАРНГ), *шлейть* Кожемяки Кин.-Черк. (МСГП: 344) — ‘много, без умолку разговаривать’;

болту́ша Сокский Исакл.; *москвá* Давыдовка Приволж. (КЛАРНГ), *частобáй, частобáйка* (*Она уж такая*

была частобáйка! Тростянка Краснояр. МСГП: 344) — ‘разговорчивый, много болтающий человек’; *бáжоря* (*Сколько я вам уже накалякала, вот бáжоря.* Крепость Кондурча Шенгал.), *шлeя* Кожемяки Кин.-Черк. (МСГП: 344) — ‘болтливая женщина’;

бáский (*Эх и бáска! Её не переговоришь!* Михайловка Краснояр. *Он говорит бáсок.* Сергеевка Краснояр. МСГП: 171), *баслiвый* (*Муж мой больно баслiвый был.* Владимирова Безенч. МСГП: 171. *Она баслiва. // Не баслiвый он, а молодотто он и не разговаривал, всё молчит.* Шигон. Куйбыш.; Самар. СРНГ 2: 134); *брехлiвый* (*Шибко брехлiвая, не отвяжесся.* Муранка Шигон.; Токмакла Ч.-Верш. КЛАРНГ), *брешлiвый* Дмитриевка Нефтегор. (МСГП: 177); *говорiстый* Криволучье-Ивановка Красноарм. (КЛАРНГ), *говóркий* Самар. (СРНГ 6: 257); *лопотлiвый* (*Она старушка лопотлiвая, поговорить любит.* Алексеевка Алекс. МСГП: 246) — ‘словоохотливый, разговорчивый, болтливый’; *повáдливый* ‘располагающий к себе, приятный в общении’ (*А потому и повáдливый, что люди к нему идут — а уж эти-то разбираются, что да как.* Мосты Пестрав.) // ‘общительный’ Нов. Буян Краснояр. (КЛАРНГ).

Во вторую группу входят наименования с семантикой необщительности — существительные и прилагательные со значением ‘необщительный, замкнутый, нелюдимый человек’:

нелюдiмок ‘нелюдим’ Криволучье-Ивановка Красноарм., *нелюдiмка* (общий род) Орловка Кошк. (КЛАРНГ);

небаслiвый (*Уж больно небаслiвая: сидит молчма всё время.* Узюково Ставроп. КОДХ: 47); *небрехлiвый* (*Вы ничего от неё не добьётесь, небрехлiвая она.* Орловка Кошк. КЛАРНГ) — ‘необщительный, неразговорчивый, молчаливый’.

3. Микрополе «Прагматические свойства речи»

В данное микрополе входят обозначения речи по разнообразным признакам, связанным с целью высказывания и особенностями речевого взаимодействия участников коммуникации:

а) 'Приветствие': **разздоробаться** (*На крыльце чэлек во-симъ, литинанты. Молодѣжь. Как разздоробатся с ними?* Подстепки Ставроп. КОДХ: 82); **поздоробкаться** Самар., Куйбыш. (СРНГ 28: 360), **поздрáвствоваться** (*А патом мы с подружкой пришли из мытыфѣ, она поздрáвствовалась.* Нов. Камелик Большечерн. *Царь вошёл в избу, поздрáвствовался* (сказка). Елховка Елх. КОДХ: 103, 132) — 'поздороваться';

б) 'Зов': **кричáть (крьчáть)** 'спрашивать о ком-либо, звать' (*Ты зачем кричѣл меня утрась?* Узюково Ставроп. КОДХ: 48. *Вот спонадоблюс я тебе, крьчы меня: «Сивка-бурка, вещь коурка, встань передо мной, как лист перед травой».* Подвалье Шигон. КОДХ: 60. *Раньше у стариков в лесу далѣко, где-то в дубровке, пчельники стояли. Бывало, мѣд накачают <...> среди двора полог рассѣлют* (расстелят. — Н. Б.), *всю шпану кричáт: «Идите сюда, идите сюда, идите сюда»...* Токмакла Ч.-Верш. Архив СамГУ), **скричáть (скрьчáть)** 'позвать, пригласить кого-либо' (*Мам, что ты не скричѣла её?* Стар. Похвистнево Похв. МСПП: 314. *Скрьчи его.* Куйбыш. СРНГ 38: 144) // 'созвать, позвать (многих)' (*Скричáл шесть ли, семь ли мужиков, конюшню поставили.* Куйбыш. СРНГ 38: 144); **шумѣть** (*В воскресеньѣ только уснула — шумѣть: «Мама-мама!».* Беловка Богат. КОДХ: 100), **шумнѣть** (*Шумнѣ-ка Машку с огорода.* Самовольно-Ивановка Алекс. МСПП: 353) — 'звать, позвать';

в) 'Волеизъявление', 'побуждение': **гундѣть** 'просить, выпрашивать' (*А они на пиче у мене гундѣт, хлеба просят.* Гавриловка Алекс. МСПП: 198); **конáться** 'обращать-

ся с просьбой, упрашивать, умолять; клянчить, кланяться' Самар., 'заставлять друг друга что-либо делать' Николаев. Самар. (СРНГ 14: 244); **нака́зывать** 'приказывать, велеть' (А она поняла, что ему надо колесо, утром приехала из города и привезла всем, кто наказывал, а ему колесо. «Зачем это ты, Лёксандръ?» — «Да вить ты велел!» Хрящёвка Ставроп. КОДХ: 70. (Барин) *нака́зывал: как сев начнётся, своё-то подожди, сперва мне засеи.* Сосновый Солонец Ставроп. КОДХ: 135. Ставроп. Самар. СРНГ 19: 304); **науча́ть** 'подучить, подговорить' (с вопросом к значению: *Анадысь они у нас плетни ломали, кашир их научал.* Пестрав. Самар. СРНГ 20: 252); **сдобнѣжить** 'надоесть просьбами' (Утѣвка Нефтегор. МСПП: 214) // 'вывести из терпения, донять кого-либо (просьбами, капризами, плачем и т. п.)' (СРНГ 37: 84); **булга́чить** 'будить, заставлять просыпаться' Самар. (СРНГ 3: 268);

г) 'Вопрос': **выпра́шивать** 'спрашивать, выпрашивать' (*Выпра́шивал меня всё, как живём, как дела в колхозе, ровно как про своё спрашивают.* Подвалье Шигон. КОДХ: 66). Примеры употребления слова **спрашивать** показывают, что иногда значение вопроса у этого глагола затемняется, а актуализируется значение просьбы и даже требования: *А отец, бывало, скажет: «Не придёшь — не спра́шивай есть».* Мосты Пестрав. (Автор). *Рождь не спра́шивают глубинны́* (т. е. не требует вспашки. — *Прим. составителей КОДХ*). Благодаровка Шигон. (КОДХ: 57); ср. в литературном языке: *Спрашивайте во всех газетных киосках;*

д) 'Соглашение', 'договор': **дру́житься** 'соглашаться' Самар. (СРНГ 8: 213); **ла́диться** 'покупая или продавая что-либо, договариваться о цене; торговаться' Николаев. Самар. (СРНГ 16: 231); **несудобный** 'несговорчивый' Утѣвка Нефтегор. (МСПП: 264);

е) 'Лесть': **егоза́** 'льстец' Самар. (СРНГ 8: 316);

ж) 'Откровенная речь': **напрямóк** 'напрямик, откровенно, без обиняков (говорить)' Шигон. Самар. (СРНГ 20: 107);

з) 'Благословение': *блaслaвля́ть, блaслaвля́ть* (*А тут блaслaвля́ет отец, что с иконой. Чуви́чи Хворостя́н. Архив СамГУ. Когда блaслaвля́ют, кричат: «Блaслaви́-ка ты меня!»... Все родные блaслaвля́ют молодых.* Тростя́нка Кин. КОДХ: 104) — 'благословлять'.

4. Микрополе «Эмоциональное отношение и оценка»

Микрополе обозначений речевого выражения эмоционального отношения и оценки представлено большим количеством номинативных единиц. По мысли Ю. А. Бессоновой, «в русской социокультурной среде человек является существом эмоциональным, чутко реагирующим на внешние раздражители: жизненные события, отношения людей» [Бессонова 2001: 20].

Рассмотрим наименования, выражающие эмоциональное отношение и оценку, объединённые в группы на основе разных семантических признаков:

а) 'Жалость', 'утешение': *жaлéть* 'утешать, ласкать' (*Подойди, я тебе пожалею.* Самовольно-Ивановка Алекс. МСП: 204);

б) 'Ласковая речь': *гла́дкий* 'приветливый, ласковый (о словах, речи)' (*Гладкей реченьки не скажет* — не поговорит ласково. Ставроп. Самар. СРНГ 6: 179);

в) 'Хвастовство': *ботви́ть* 'хвастать, хвалиться', *ботви́ла* 'о хвастливом человеке' Самар. (СРНГ 3: 134); *хва́льбу́н* (*Я хва́льбуно́в не люблю.* Нов. Камелик Б.-Черн.), *хва́льбу́шка* Давыдовка Приволж.; *чва́нец* Орловка Кошк. (КЛАРНГ) — 'тот, кто много зазнаётся, чванится, хвастается'; *долгоязы́чный* Ставроп. Самар. (СРНГ 8: 109), *бахва́листый* Крепость Кондурча Шентал., *нахва́листый* Криволучье-Ивановка Красноарм. (КЛАРНГ) — 'хвастливый';

г) 'Жалоба': *слажа́ться* (*Она слажается: нога болит.* Ефремовка Богат. МСП: 315, СРНГ 38: 226) — 'жаловаться'; *причи́тывать* 'ныть, причитать' (*Всё причитывает дед, всё причитывает.* Чуви́чи Хворостя́н. Архив

СамГУ); *рамдѣть* ‘жаловаться, ныть’ (Парфёновка Кин. МСПП: 299);

д) ‘Выражение недовольства’, ‘ворчание’: *брехѣть* ‘ворчать, брюзжать’ (*Что ты всё брехѣешь?* Город Самара, с пометой: «в старину», СРНГ 3: 177); *бурдѣть* ‘быть недовольным чем-либо, ворчать’ (*Чѣ ты на мене всё бурдѣишь, как бурдѣ?* Алекс. Куйбыш. СРНГ 3: 284. *Зять начал бурдѣть.* Максимовка Богат. МСПП: 179); *курѣнитъся* ‘вести себя подобно индюку (шипеть, ворчать, горячиться; важничать, заноситься)’ (*Ну чѣ не лежишь, курѣнишься.* Алекс. Куйбыш.; ср. куйбыш. *курѣн* ‘индюк’, СРНГ 16: 150);

е) ‘Критика’, ‘упрёк’: *дорекѣть* ‘укорять’ Бариновка Нефтегор. (МСПП: 200); *костерѣть* ‘сильно ругать, бранить’ Куйбыш. (СРНГ 15: 73); *отѣкатъ* ‘осмеять, отругать’ Самар. (СРНГ 25: 18); *пощунѣть* ‘поругать, побранить’ Николаев. Самар. (СРНГ 31: 43); *распогонѣть* ‘разругать, разбранить кого-либо’ (*Я её так распогоняю.* Пестрав. Куйбыш. СРНГ 34: 175);

ж) ‘Конфликт’, ‘ссора’: *зѣнуть* ‘закричать сердито, грубо на кого-нибудь’ Самар. (СРНГ 11: 283), *кашу заварѣть* ‘устроить ссору, драку’ (*Он им такую кашу заварил.* Самар. СРНГ 13: 148); *брехѣться* ‘браниться, ссориться’ (*Не брехѣйся!* Город Самара, СРНГ 3: 177), *лихостѣться* (*Друг на дружку не лихостѣлись, у нас весело было.* Тяглое Озеро Пестрав. МСПП: 245), *склѣчѣться* Чувичи Хворостян. (МСПП: 313) — ‘ссориться, браниться, вздорить’; *сварѣться* Стар. Похвистнево Похв. (МСПП: 309), *сварѣник* ‘вздорный человек’ Орловка Кошк. (КЛАРНГ); *гаѣ да маѣ* (*Он любит гаѣ да маѣ. У них вечно гаѣ да маѣ.* Самар. СРНГ 6: 96), *дрѣзга* Орловка Кошк., Печинено Богат. (КЛАРНГ), *содѣм* Самовольно-Ивановка Алекс. (МСПП: 306), Куйбыш. (СРНГ 39: 211), *содѣмица* Самовольно-Ивановка Алекс. (МСПП: 306) — ‘шумная ссора, ругань’; *ругѣчка* ‘конфликт, спор, ссора’ (*Без песни никуда. Али чтоб ругѣчка промеж себя — никогда... Никогда никакой ругѣчки не было.* Токмак-

ла Ч.-Верш. Архив СамГУ), *ругли́вый* ‘склонный к ругани, сварливый, вздорный’ (*Руглива больно была: ни одного дня не пройдет, чтобы она с кем не поругалась*. Куйбыш. СРНГ 35: 231–232), *руга́чкий* (*У меня дед руга́чкий был*. Кротовка Кин.-Черк. МСПП: 303), *кропотли́вый* Самар. (СРНГ 15: 281) — ‘ворчливый; сварливый’; *вздо́рник* ‘вздорный, сварливый человек’ Криволучье-Ивановка Б.-Черн., *завари́ха* ‘сварливая женщина’ Орловка Кошк. (КЛАРНГ); *базло́* ‘злой человек, злюка’ «Самара и подгородные слободы» (СРНГ 2: 50); *бры́жучка*, *бры́жучка́*, *бры́жучня́*, *бры́жучи́ка* — ‘женщина, имеющая привычку ворчать и браниться без причины (обычно старуха или торговка)’ Город Самара (СРНГ 3: 231); *ла́йка* ‘о том, кто бранится, ругается’ (*Она как лайка, всё лает*. Самар. СРНГ 16: 248); *глот* ‘о человеке, который любит спорить, брать криком’ (*Такой глот, каких мало*. Куйбыш. СРНГ 6: 201);

з) ‘Шутка’, ‘насмешка’: *взглумля́ться* (*Не надо, не надо над старостью шутить, взглумля́ться не надо, не хорошо это*. Мосты Пестрав. Автор; Нов. Буян Краснояр. КЛАРНГ), *зубоска́лится* Крепость Кондурча Шентал., *надсме́хаться* Печинено Богат., Орловка Кошк., *осме́хаться* Криволучье-Ивановка Красноарм. — ‘насмеяться’; *надсме́шку надсмеши́ть* ‘развеселить, посмешить; обидно пошутить, с издёвкой посмеяться’ (*Меня напои, накорми да надсмешку надсмеши*. Самар. СРНГ 19: 252); *посме́шница* ‘насмешница’ Орловка Кошк. (КЛАРНГ); *сковальи́жна* ‘насмешник, насмешница’ Ставроп. Самар. (СРНГ 38: 44);

и) ‘Грубость’, ‘нахальство’: *нагля́чка*, *наха́льница* Орловка Кошк. (КЛАРНГ) — ‘нахальная, грубая женщина’; *сорва́нец* ‘дерзкий, нахальный, грубый человек’ Самар. (СРНГ 40: 13);

к) ‘Сквернословие’: *соро́бник* ‘бесстыдник, матерщинник’ (*Хоть при детях бы ни матюкалси, соро́бник!* Украинка Большечерн., Автор).

5. Микрополе «Коммуникативное воздействие»

В данное микрополе объединяются слова, отражающие особенности воздействия речи на того, кому она адресована. Конституенты микрополя группируются на основе следующих семантических признаков:

а) ‘Надоедливо’: **навя́за** (*Такой навя́за: пристанет — не отвяжесся*. Криволучье-Ивановка Красноарм.; Мосты Пестрав.), **надоёда** Печинено Богат., **надоёдни́к** Орловка Кошк. (КЛАРНГ), **надоёдни́ца** (*Свекровь-то говорит: «Надоедницу везут»*. Самар. СРНГ 19: 242) — ‘назойливый, навязчивый человек’; **назо́льни́к**, **назо́льни́ца** — ‘надоедливый человек’ Криволучье-Ивановка Красноарм. (КЛАРНГ), **назо́ла** ‘навязчивый, надоедливый человек; плохой человек, плохой работник’ (СРНГ 19: 288); **нака́чнóй** ‘навязчивый, надоедливый’ (*Ах вы, накачные!* Шигон. Самар. СРНГ 19: 312);

б) ‘Утомительно’, ‘напор’: **заба́ивать** ‘утомлять, доводить до отупения продолжительным разговором; заговаривать’, **заба́ять** ‘переговорить, заговорить всех’, ‘занять разговорами, не дать опомниться, отговориться’ Самар. (СРНГ 9: 242, 248);

в) ‘Убеждение’: **обаим** [ударение под вопросом] ‘человек, который умеет убедить, уговорить’. Ставроп. Самар. (СРНГ 21: 343);

г) ‘Тревога’: **булга́чить** ‘тревожить, беспокоить’ Самар. (СРНГ 3: 268).

Как показывает рассмотренный материал, ЛФСП «Коммуникативный план речи» включает в себя большое количество диалектных номинаций, которые характеризуются высоким семантическим потенциалом, объединяясь в различные семантические группировки внутри поля. В то же время охват маркируемых речевых ситуаций не настолько широк, как в литературном языке. Сказанное можно объяснить относительно слабо развитой стилистической дифференци-

ацией диалектной лексики и преимущественно разговорным характером диалектной коммуникации. Тем не менее, наименования речевой деятельности в говорах представлены большим количеством номинаций, что обуславливается развитой вариативностью и многообразием говоров как частных языковых систем.

Сокращения

Автор — Полевые записи автора.

Архив СамГУ — Архивные материалы диалектологических экспедиций Самарского (быв. Куйбышевского) государственного университета. Диалектологическая лаборатория кафедры русского языка и массовой коммуникации Самарского национального исследовательского университета им. С. П. Королёва.

Литература

Арутюнова Н. Д. Речь // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 414–416.

Баженов Н. Ю. Диалектные глаголы речи как источник для словаря самарских говоров (к проблеме отбора и интерпретации лексического материала) // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2014. СПб., 2014. С. 5–15.

Бессонова Ю. А. Семантика диалектных глаголов речи в орловских говорах и отражение в ней мировосприятия их носителей: Дис. ... канд. филол. наук. Орёл, 2001. 269 с.

Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы). М., 1979. 336 с.

Миронова Д. М. Синонимическое расширение как источник пополнения семантического поля свойств человека в говорах Бирского района республики Башкортостан // Вестник Самарского гос. ун-та. 2013. № 2 (103). С. 107–111.

Метеорологическая лексика в самарских говорах^{*}

Т. Е. Баженова

Рассматривается лексика говоров самарского Поволжья. Уделяется внимание семантическому и ареальному анализу лексики по разделу «Погода». Анализируются лексические группы метеорологических наименований, их этимология, а также наиболее продуктивные способы словообразования. В числе составленных пробных карт по лексике самарских говоров рассматривается представленная в статье карта к вопросу Л591 ЛАРНГ «Низовая метель с сильным ветром, позёмка».

Ключевые слова: диалект, лингвогеография, Лексический атлас русских народных говоров, говоры территорий позднего заселения, метеорологическая лексика

Метеорологическая лексика самарских говоров практически не изучена. Лингвистическому описанию подвергались лишь отдельные наименования этой лексико-семантической группы [Долгова 2014: 46–47; Долгова 2015: 68–71], несмотря на её широкую представленность в говорах Самарской области. Исследование данного пласта диалектной лексики является актуальным с точки зрения разрешения вопроса о специфике лексико-семантических систем на территориях, освоенных носителями русского языка сравнительно недавно (на так называемых территориях позднего заселения). На перспективность данного аспекта указывают результаты специальных исследований, выполненных в процессе работы над «Лексическим атласом русских народных говоров» по лекси-

^{*} Исследование выполнено при поддержке РГНФ и Правительства Самарской области (проект № 16-14-63001 «Лексика самарских говоров: типологическое и лексикографическое описание»).

ке костромских [Лебедева 2011: 305–312], тверских [Кириллова 2003: 100–103], волгоградских [Кудряшова 2012: 57–66], орловских [Макушева 1998: 151–155] и др. говоров.

Целью настоящего исследования является семантический и ареальный анализ лексики, обозначающей метеорологические явления в говорах Самарской области. В нашем распоряжении была выборка лексики из архивных материалов 1939–1991 гг. к X тому ДАРЯ. Архивные сведения существенно дополнены данными экспедиций 2002–2014 гг., собранными по программе ЛАРНГ, в которой раздел «Погода» занимает значительное место.

Собранный материал позволил выделить следующие семантические разряды.

1. Названия погоды

погода ‘любая погода’, *непогодь* ‘плохая, ненастная погода’, *вёдро* ‘ясная, солнечная погода’: *Тинёта литит, наверна вёдра будут* (Ставр., Красноарм.), *мóрок* ‘пасмурная, ненастная погода’, *жарина* ‘жаркое летнее время, жаркая погода’, *безвётрие* ‘безветренная погода’ (Шент., Б. Черн.), *бездбжжица* ‘засушливая погода, засуха’ (Б. Черн.), *беспогодица* ‘ненастная погода, ненастье’ (Богат., Шент.), *духонь* ‘жаркая погода, жара, зной’ (Приволж.), *заветерье* ‘ветренная погода’ (Шент., Б. Черн.), *затишье* ‘безветренная погода’, *наволочь* ‘плохая погода, ненастье’ (Пестр., Богат., К.-Черк., Алекс.), *непогодица* ‘ненастная погода’ (Краснояр.), *раздополье* ‘разлив реки весной’: *Калу́ха (рыба) приплывала к нам, кауда раздополье была* (Кошк., Красноарм.), *рóстополь* ‘оттепель, быстрое таяние снега’ (Ставр.).

Общее наименование — лексема *погода* — известно повсеместно, однако семантическая структура этого слова разнообразна. Зафиксированы следующие значения: 1. Общее название, любая погода. Это общерусское значение слова распространено на всей территории Самарской области;

2. Ясная солнечная погода (весенняя или летняя): *Снапы... начинаш складывать в крясты или в скирды, когда **погода*** (Нефт.); 3. Плохая погода с дождем; 4. Зимнее ненастье с сильным снегом: *Когда сверху снек идёт, простъ снек, этъ **погода** идёт, а с ветром — буран* (Серг.). *Ежли кода сильная **погода**, говорят: «Как шурганит!»* (Б. Черн.).

Слово **погода** в значении ‘хорошая погода’ в русских народных говорах обычно встречается в южнорусских и прилегающих к ним среднерусских говорах. В северном наречии лексема употребляется в значении ‘плохая погода’.

Достаточное количество фактического материала позволило составить карту распределения лексико-семантических вариантов (ЛСВ) по говорам Самарской области. В самарских говорах ареалы ЛСВ ‘хорошая погода’ и ‘плохая погода’ не совпадают, однако связь с типологической характеристикой материнских говоров у них уже утрачена. Первый вариант ‘хорошая погода’ зафиксирован в западной и северной части области в условных границах говоров с преимущественно владими́ро-поволжской окающей основой. В этом же ареале бытует и семантически связанное с этим ЛСВ составное наименование **погоджий день**.

ЛСВ общерусского слова **погода** ‘плохая погода с дождем’ представлен на нашей территории повсеместно, однако ареал данного значения большей плотностью характеризуется всё в тех же западных районах области, где преобладают окающие и акающие среднерусские говоры, хотя и не имеет четких очертаний.

ЛСВ **погода** ‘зимнее ненастье с сильным снегом’ образует небольшой компактный ареал в окающих говорах западных районов области (7 сел Безенчукского, Приволжского, Сызранского р-нов).

Состояние погоды в самарских говорах зачастую характеризуется с помощью составных наименований, например: **ведренный / вёдренный / ведрянóй день** ‘ясный, солнечный день’ (Пестр., Кошк., Б. Черн., К.-Черк., Шигон.),

голо́дная зима ‘отсутствие или малое количество снега’ (Шигон.), *масли́вый день* ‘дождливый день’ (Богат.), *ме́сишная ночь* ‘лунная ночь’ (Алекс.), *на́волочный день* (Б. Черн.), *нависли́вый день* ‘пасмурный день’: *Плахой день, нависли́вый* (Безенч.).

К этому же разряду можно отнести глаголы, содержащие семантический признак состояния и изменения погоды: *ве́дреть* ‘проясниться’ (Краснояр., Исакл.), *завола́живать(ся)*, *заобола́живать(ся)* ‘становиться облачным, пасмурным, покрываться тучами’ (Кошк., Краснояр., Б. Черн., Красноарм.), *закалы́жить* ‘стать облачным, покрываться тучами’: *Гляди, закалы́жило-та как к дажэжу* (Волж.), *заи́ниться* ‘покрываться инеем’ (Краснояр.), *жа́мкнутъ* ‘о дожде: сильно идти, лить’ (Ставр.), *обу́тривать(ся)* ‘светать’: *Ни абутрилась ишишо, а уж жар; В окурат стала обутривать; Летам рана начинат абутривацца* (Пестр., Ставр., Богат.), *гололе́дить* ‘покрываться льдом, обледеневать (о дороге)’ (Б. Черн., К.-Черк.); *бура́нить* ‘о непогоде: сильный верховой ветер со снегом’ (Ставр.), *завью́жить* ‘о начавшейся метели с верховым ветром’ (Ставр.), *пороши́ть* ‘о снеге: идти’ (К.-Черк.) и др.

В самарских говорах функционируют лексемы, передающие состояние погоды и использующиеся в безличных конструкциях: *хму́рно, на́волочно* ‘облачно’ (Краснояр.), *чи́черно* ‘холодно’ (Богат.), *студе́но* ‘холодно’ (Алекс.), *тусме́нно, тусми́нно* ‘пасмурно, хмуро’ (Б. Глуш.).

В числе составленных нами карт заслуживает внимания карта, на которой зафиксированы наречия со значением ‘холодно’. Всем самарским говорам характерна лексема *хо́лодно* и её акцентологический вариант *холоднó*. Вторую позицию по степени репрезентативности занимает лексема *студе́но* и её акцентологический вариант *студенó*. Двумя ареалами: на западе области в Безенчукском, Сызранском, Шигонском р-нах и на востоке — в Богатовском, Борском, Алексеевском, Нефтегорском р-нах, а также кое-где на севере —

зафиксирована лексема *сiверно*. Единичные фиксации имеют лексемы *чи́черно*, *зiя́бко*, *зiяп-зiяп*.

2. Названия ветра

верховiк ‘ветер с верховьев реки’ (Краснояр.), ‘ветер, дующий поверху’ (Шент., Кошк.); *низовiк* ‘ветер, дующий понизу’ (Кошк., Шент.), *весiнник* ‘восточный ветер’ (Богат.), *зiверть*, *завитiуха* ‘вихрь’ (Краснояр., Б. Черн., Богат.), *зiпадник* ‘западный ветер’ (Богат.), *пони́зiвка* ‘низовой ветер’ (Похв.); *чи́чер* ‘сильный ветер с пылью’ (Алекс.), *сiвер* ‘холодный ветер’ (Богат.).

Все наименования ветра в говорах содержат различные характеристики ветра по силе, направлению и т. д., но наиболее разнообразны в самарских говорах наименования ветра со снегом. В большей части говоров Самарской области распространены литературные варианты для обозначения ветра со снегом разной силы: *метель*, *буран*, *вьюга*, *пурга*, *позёмка*, однако в частных диалектных системах встречаются:

- словообразовательные дериваты: *бурга́* ‘сильный ветер со снегом, метель’ (Кошк.), *подзёмка* ‘снеговая метель с низовым ветром, позёмка’ (Алекс.);
- семантические варианты: *кутерма́* ‘ненастье, сильная метель, вьюга’ (Шент., Богат.), *перенос* ‘вьюга’ (Шигон.), *шторм* ‘вьюга’ (Ставр.);
- собственно лексические диалектизмы: *зiверть* ‘сильная метель, буран’ (Шент., Богат.), *метiг* ‘буран’ (Шигон.), *хурта́* ‘сильная метель’ (Ставр.), *шурга́* ‘снежная буря’ (Шигон.), *подирiuka* ‘позёмка’ (Кин.), *кура́* ‘снегопад в безветренную погоду’ (Похв.).

На пробной карте, составленной по материалам вопроса Л591 ЛАРНГ, отражены лексемы со значением ‘низовая метель с сильным ветром, позёмка’ (рис. 1). Повсеместно, в

большей части районов¹ Самарской области, зафиксированы слова с корнем *-зём-*: *позёмка*, *подзёмка*, *надзёмка*, *позёмок*. На северо-востоке и севере области встречаются лексемы с корнем *-низ-*: *понизу́ха*, *пониzóвка*, *поднизу́ха*. Спорадически отмечены лексемы с корнем *полз-*: *ползу́ха*, *ползу́н*.

3. Названия осадков

выпадки ‘осадки, дожди’: *Благóприятная пагода счита́ется тихая, тёплая, с нибальшими выпа́дками дажда* (Сызр., Краснояр., Шент, Приволж., Богат.); *крупá* ‘мелкий град, снег в виде крупинок’ (Алекс., Приволж.); *лепня́* ‘мокрый снег хлопьями’ (Шент.); *облóжник* ‘затяжной дождь’ (Богат.); *помы́ха* ‘туман в сильную жару’: *Фсё ат памыхи пагибает* (Богат.); *замерки* ‘осадки в виде снега’: *Замерки идут* (Шигон.).

Среди наименований осадков встречаются описательные конструкции и фразеологические обороты, имеющие структурную схему прил. + сущ.: *беспáвестный дождь* ‘проливной дождь, ливень’ (Исакл.).

4. Названия облаков, туч

медвёдки ‘облака’ (К.-Черк.), *на́волочь* ‘сплошная облачность перед ненастьем’ (Б. Черн.), *на́волок* ‘сплошная облачность перед ненастьем’ (К.-Черк.), *градобóйная* ‘приносящая град (о туче)’ (Кошк., Шент.).

Имеющийся фактический материал позволил картографировать названия туч в самарских говорах. На нашей территории акцентологический вариант *тучá* и диалектное слово *хма́ра* имеют четкую ареально-типологическую характеристику: они встречаются в говорах с южнорусской основой и образуют компактные ареалы на юге области и в

¹ На пробной карте административные районы отмечены в соответствии с нумерацией пунктов, принятой в ЛАРНГ.

Л 591. Низовая метель с сильным ветром, позёмка

Рис. 1: Пробная карта «Низовая метель с сильным ветром, позёмка»

междуречье Сок – Большой Кинель, где отмечен небольшой южнорусский остров.

5. Названия льда

на́ледь ‘ледяная корка на снегу, наст’ (Краснояр., Ис-акл.); ‘ледяная корка на земле’ (Краснояр., Шент., Приволж., Б. Черн.); *обледёница* ‘ледяная корка на снегу, наст’ (Б. Черн.); ‘плотная ледяная корка на земле’ (К.-Черк., Б. Черн.); *пала́ст* ‘ледяная корка на снегу, наст’ (Шигон.).

Метеорологическая лексика самарских говоров отличается разнообразием типов диалектных различий. Преобладают собственно-лексические различия: а) слова самарских говоров, корни которых отсутствуют в литературном языке *тома́* ‘тучи, небо в тучах перед дождем’: *Эх, тома́-тэ какая, видать, дожжыг будет* (Сызр.); *тумённо* ‘пасмурно, хмуро’ (Б. Глуш.); *хма́рить* ‘о наступлении плохой погоды: заволакиваться тучами’ (Нефт.); б) слова, корни которых в литературном языке имеют иное значение: *наво́лочный* ‘сплошная облачность перед ненастьем’ (Б. Черн.), *сухмя́ный, сушмя́ный* ‘сухой, засушливый’ (Краснояр.), *увёдриться* ‘о ясной погоде: установиться’ (Богат., Алекс.).

Группа диалектных метеонимов лексико-словообразовательного типа представлена в самарских говорах достаточно широко. Так, словообразовательные варианты, отличающиеся от литературных эквивалентов морфемным составом: *бурьга́* ‘вьюга’, *вью́ша* ‘вьюга’, *обледёница* ‘гололедица’, *бура́нить* ‘идти, длиться (о буране)’, *заи́ниться* ‘покрыться инеем’ и др.

Лексико-семантические варианты, представленные лексемами, имеющими разное значение, встречаются в самарских говорах реже. Так, например, словом *грибни́к* в самарских говорах называют грибной дождь (Шент., Богат.), а слово *ползу́н* имеет значение ‘поземка, низовая метель’ (Ставр.).

Особо следует отметить диалектные различия в звуковом (точнее, фонематическом) оформлении отдельных слов и морфем. В самарских говорах зафиксированы лексико-фонетические варианты, которые при идентичном морфологическом составе и семантике различаются звуковым составом корневой морфемы (*пурга́ / бурга́ / шурга́*); местом ударения (*ту́ча / туча́, студёно́ / студенó*).

Некоторые диалектные слова в составе лексической группы «Погода» имеют различия в грамматическом оформлении. Ср.: *выпадо́к, выпа́дка* 'осадки в виде дождя и снега'. Как показывают приведенные примеры, чаще всего диалектные слова отличаются формальными признаками грамматического рода имен существительных.

Слова, относящиеся к метеорологической лексике, отличаются общими особенностями словообразования.

Целый ряд слов образован при помощи приставки *без-* (*бес-*) и суффикса *-иц*. Например: *бездóжжица, беспого́дица, бесне́жица* и др.

Глаголы, обозначающие метеорологические процессы, образуются при помощи приставки *за-*: *заи́ниться* 'покрыться инеем' (Краснояр.), *завола́кивать(ся)* 'становиться облачным, пасмурным, покрываться тучами' (Кошк., Краснояр., Б. Черн., Красноарм.), *закалы́жить* 'стать облачным, покрыться тучами' (Волж.), *закла́дывать, занела́диться, занепого́диться* 'становиться пасмурной, хмуриться', *заметéлить* 'начаться / начинаться (о метели)' (Краснояр., Б. Черн., Богат., Шент.), *запого́диться* 'становиться ненастной' (Красноарм.), *запруди́ть* 'о дожде: сильно политься, пойти' (Б. Черн., Богат.), *запузы́ривать* 'о дожде: сильно идти, лить' (Исакл., Шент.), *засне́жить* 'о снеге: сильно идти, заносить' (К.-Черк., Б. Черн., Краснояр.).

Систематизация метеорологической лексики, представленной в самарских говорах, имеет практическое значение для разработки лингвистических карт.

Сокращенные названия районов Самарской области

Алекс. — Алексеевский	Красноарм. — Красноармейский
Безенч. — Безенчукский	
Богат. — Богатовский	Краснояр. — Красноярский
Б. Глуш. — Большеглушицкий	Нефт. — Нефтегорский
Б. Черн. — Большечерниговский	Пестр. — Пестравский
Волж. — Волжский	Похв. — Похвистневский
Исакл. — Исаклинский	Приволж. — Приволжский
Кин. — Кинельский	Серг. — Сергиевский
К.-Черк. — Кинель-Черкасский	Ставр. — Ставропольский
Кошк. — Кошкинский	Сызр. — Сызранский
	Шент. — Шенталинский
	Шигон. — Шигонский

Литература

Долгова Е. Ю. Специфика семантического поля «Погода» в системе говоров Самарской области // Славянская диалектная лексикография: Материалы конференции. СПб., 2014. С. 46–47.

Долгова Е. Ю. Семантика лексемы *погода* в системе самарских говоров // Самарский научный вестник. 2015. № 1. С. 68–71.

Кириллова Т. В. О семантике слова *погода* в тверских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2000. СПб., 2003. С. 100–103.

Кудряшова Р. И. Названия зимнего ветра со снегом в волгоградских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1994. СПб., 1996. С. 57–66.

Кузнецова Е. В. Потенциальная структурная мотивация: критерии подбора мотиваторов (на материале метеорологической лексики донских говоров) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2009. СПб., 2009. С. 150–169.

Лебедева И. В. Метеорологическая лексика в говорах Костромской области (по материалам ЛАРНГ) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011. СПб., 2011. С. 305–312.

Макушева О. А. О словах «погода» и «негода» в орловских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1995. СПб., 1998. С. 151–155.

Диалектная лексика в автобиографическом очерке А. Н. Сидорова «Повесть о русском солдате»

Л. П. Батырева

В статье анализируется диалектный лексикон А. Н. Сидорова, автора историко-биографического очерка «Повесть о русском солдате». Цель исследования — понять, в какой степени данный материал надежен как источник изучения диалектной лексики.

Ключевые слова: диалектология, лексикология, лексикография, письменные источники, народные мемуары, восточные среднерусские говоры

В последнее время возрос интерес издателей, читателей и исследователей к автобиографическим запискам простых тружеников, ординарных, рядовых людей. Б. И. Осипов, публикатор такого рода произведений [Автобиографические записки 1995; Воспоминания 1997; Солдатские воспоминания 2000; Воспоминания 2002; Мемуары 2007] объясняет «массовый порыв к писанию мемуаров» тем, что «после стольких десятилетий вынужденного для многих и многих молчания о прошлом люди захотели выговориться» [Осипов 2015: 377]. Учёный считает, что написание и публикация мемуаров чрезвычайно важны для провинциала, поскольку он «в наибольшей степени ощущает опасность бесследного исчезновения своей личности, своего поколения, своих культурно-этнических установок, наконец, своих обид, хотя бы и личных» [Осипов 2015: 379].

Жители Ивановской области не остались в стороне от этой тенденции. Воспоминания о своей жизни для членов своей семьи написала палешанка Ф. В. Жаворонкова [Баты-

рева 2015]; опубликованы автобиографические записки жительниц Заволжского р-на К. Г. Крыловой [И помнит мир 2015: 104–117] и Е. Ф. Кругловой [И помнит мир 2015: 256–268]; перипетиями своей судьбы решил поделиться А. Н. Сидоров, уроженец с. Зернилова Тейковского р-на Ивановской области, житель г. Кохмы. Воспоминания А. Н. Сидорова, названные «Повестью о русском солдате», в 2014 г. были изданы [Сидоров 2014].

Поскольку автобиографический очерк А. Н. Сидорова адресован широкому кругу читателей, он был подвергнут редакторской правке. Мы имели возможность сравнить авторский вариант воспоминаний и текст публикации, в результате выяснилось, что редактором были исправлены орфографические и пунктуационные ошибки, устранены опечатки, скорректирован строй предложений автора, характерный для устной речи, но при этом, как правило, сохранялись диалектизмы, этнографическая лексика.

Многие из использованных А. Н. Сидоровым диалектных лексем отмечены в СРНГ как принадлежность говоров Ивановской области. Так, с пометами Шуйск. **Влад.**, **Иван.** дается слово *теплинка* ‘огонь, костер, разведенный в лесу, в поле’ (СРНГ 44: 52); с многочисленными территориальными пометами, в числе которых **Иван.**, представлены лексемы *почто* ‘зачем, с какой целью’ (СРНГ 31: 19), *подловка* ‘чердак’ (СРНГ 28: 68), *загородь* ‘изгородь’ (СРНГ 10: 23–24), *омшаник* ‘утеплённое помещение (обычно проконопаченное мхом) для содержания скота’ (СРНГ 23: 208–209), *жарёха* ‘что-либо жареное, жаркое’ (СРНГ 9: 77–78).

Для слова *навстречник* в СРНГ предлагается единственная территориальная помета — Шуйск. **Влад.**: «тот, кто встречается на пути, на дороге» (СРНГ 19: 187). По нашим данным, слово действительно широко бытует на территории Ивановской области, но в другом значении, в том, которое представлено у А. Н. Сидорова, — ‘сосед, живущий в доме напротив’. (В авторском варианте текста — *Я у нав-*

стрешника купил подешевле гармонь; в редакторском — *Я у навстрешника (сосед из дома напротив) купил подешевле гармонь*. Ср. также записи устной речи: *Далеко теперь Иваныч-то живёт, а раньше навстрешником ведь был*; *Уж больно ей навстрешник наш нравился* и т. п. Шуйск., Палех., Лежн., Юж.) Значение ‘тот, кто встречается на пути, на дороге’ нам не известно.

С пометой Шуйск. **Влад.** дано в СРНГ слово *бахилы* ‘сапоги из брезента’, ‘кожаные калоши с завязками, надеваемые на валенки’ (СРНГ 2: 153–154). У Сидорова *бахилы (бахилы из лыка)* — это наименование плетёной обуви, лаптей: *Он шил бахилы и вязал метла; Он всегда чего прирабатывал. То вязал метла, то плел бахилы из лыка*.

Одна из территориальных помет (наряду с пометами **Киров.**, **Курск.**, **Вят.**, **Онеж.** **Арх.**), сопровождающая в СРНГ слово *валеницик* ‘тот, кто изготавливает валяную обувь, валенки’ (*Валеницики ходили к нам одни и те же и по нескольку лет из поколения в поколение, основные были Вологодские. Ежели он плохо сваял, на следующий год ему не доверяли*), — Кинеш. **Костром.** (СРНГ 4: 25–26). Эта севернорусская лексема отмечена также в СРГС с пометами **Арх.**, **Влг.** (СРГС 2: 12).

Многие диалектизмы, употреблённые Сидоровым, не отмечены в СРНГ с территориальными пометами Шуйск. **Влад.**, **Иван.-Вознес.**, **Иван.**, но при этом хорошо известны в местных говорах. Например, слово *гасик* ‘керосиновая лампочка без стекла; коптилка’ (СРНГ 6: 151–152) довольно часто фиксируется на территории Ивановской области. См., например: *Вот какой свет был: лампы керосиновой не было, сидели со свечками и гасиками. Гасик? Накладёшь верёвок, ниток в машинно масло или солярку, и горит; Жили со свечкой и гасиком — пузырьёк с фитильком, так и жили в войну-то*. Комс., Шуйск., Ив. Эта реалья, хорошо знакомая представителям старшего поколения, имеет и другие названия в местных говорах: *гасок* (*Гаскú ведь были, эта же*

лампа, горелки только снимали, и этот фитилёк держали, чтоб он не коптил. Лежн.), **фигасик** (Фигасик — лампа без стёкла, десятилинейная — лента толстая горит, семилинейная тоньше, как лампадка перед иконой, только пламя потолще; Читать я больно любила, огня не было (это ночью — жги — не хочу) — читала на печке с фигасиком; Фигасики — типа лампы: жгли керосин, наливали в маленькую бутылку, внутри — шнурок, который горел; Бывало, свету не было, были фигасики — из шнурка, который протянут в железку и в стаканчике с маслом или керосином и т. п. Шуйск., Юж., Лежн., Сав.), **фигас** (Юж.), **понигушка** (Понигушка у нас стояла на столе, да и не только у меня в дому, ещё и в других домах она тоже была. Понигушка? Это горящий фитилёк. Раньше лампы-то не было. Делали её мы сами: брали железную банку, наливали в её керосин, вставляли трубочку, сверху клали что-то, чтобы она задерживалась, и в эту трубочку пропускали толстую нитку. Она пропитывалась и зажигалась, потом горела. Вот такой был у нас свет. Тейк.). Слово **гасик** следует квалифицировать как устаревшее, хранящееся в пассивном языковом запасе пожилых людей, именно поэтому редакторы очерка прокомментировали его. Ср.: в авторском тексте — *Так как жители не имели вдоволь керосина, пользовались гасиками*; в редакторском варианте — *Так как жители не имели вдоволь керосина, то они пользовались гасиками (так называли во время войны железную или стеклянную банку с керосином, в которую был опущен хлопковый фитиль. — Ред.)*.

В тексте А. Н. Сидорова имеются лексемы, которые ранее не отмечались в местных говорах. К их числу относится слово **пола**, употребленное в авторском варианте (*Дедушка говорил, что на четыре полы мы останемся без хлеба. Да на самих сходах дело доходило до кольев. Но молодые все-таки переубедили стариков, и перешли на четырехполье*) и сохраненное в публикации (*Дедушка говорил, что, разбив всю землю на четыре полы, мы останемся без хлеба, а тут ста-*

рое, обкатанное, привычное. Да и на самих сходках дело порой доходило до кольев. Но молодые все-таки переубедили стариков, и деревенские хозяйства перешли на четырёхполье).

Пола, таким образом, — это часть поля. В СРНГ отмечено 8 значений слова: 1. Половина чего-л.; 2. Оконная занавеска; 3. Полотнище ткани; 4. Полы, мн. Крылья невода; 5. Навес над частью двора (с воротами на улицу), являющийся продолжением крыши дома; 6. Боковая часть, сторона ущелья или лога; 7. Бок, край разрезанной вдоль по брюху шкуры. Полы кожи. || Часть шкуры с брюха животного; 8. В сочетаниях, обозначающих обычаи при купле-продаже лошади (СРНГ 29: 29–30). Можно видеть, что в структуру значений слова входит сема ‘часть’. И половина, и сторона, и бок, и полы невода — это часть целого; занавески состоят из частей; в некоторых случаях семантический компонент ‘часть’ назван при толковании. Территориальные же пометы (**Яросл., Влад.**) свидетельствуют о бытовании лексемы в среднерусских оказующих говорах.

А. Н. Сидоров использует слова, которые не фиксируются в лексикографических трудах ни как ивановские, ни как среднерусские, и таковыми, по всей видимости, не являются. Так, **грабарь** ‘землекоп’ характеризуется как западное и южнорусское (СРНГ 7: 102). Этимологи считают, что слово пришло из немецкого через польский и украинский. См.: «грабарь “землекоп, могильщик”, также грабар, севск. Заимств. через укр. грабар, польск *grabarz* из ср.-в.-н. *grabæge*» (Фасмер 1: 449). В тексте Сидорова также находим указание на южнорусскую, а точнее, украинскую отнесенность слова: *После пожара вся наша родня переехала жить на сплавной участок Петровский. Тут в основном жили бежавшие от раскулачивания из многих областей крестьяне. В то время строился Петровский спиртоводочный завод. Много было украинцев. У них были лошади, и они работали грабарями.* Можно полагать, таким образом, что слово «заимствованно» А. Н. Сидоровым из лексикона украинцев. Точно так же

усвоено им слово *хата*, которое используется при описании скитаний по Белоруссии и Смоленской области. Например: *Жители боялись пускать меня в хату, думали, что тиф; Попросившись в одну из хат, мы попросили чего-нибудь покушать; Не успел обуться в лапти, как в хату входят два фашиста* и т. п. В других случаях в значении 'крестьянский дом' выступает слово *изба*.

Дважды А. Н. Сидоров употребляет лексему *воротяжка*: *И вот в одну из августовских ночей 1942 года во время воздушной тревоги мы выбираемся из лагеря. Поджилки мои дрожали, и меня бросало в озноб от страха. Напарник мой был спокоен, как будто ничего особенного не происходит. Воротяжкой он поднимает нижний ряд проволоки и приказывает: «А ну, ползай. Быстро. Пока часовой пошел в другую сторону. <...> Медлить было нельзя. Дорога каждая секунда. Я вылезая на середину ограждения. «На, бери воротяжку», — шепчет мне напарник. И так, попеременно поднимая проволоку, мы выбираемся из лагеря и ползком, не замеченные часовым, удаляемся от лагеря. **Воротяжка**, следовательно, — палка, шест. Слово толкуется в СРНГ: «шест, с помощью которого приводится в действие рыболовный ворот. “Шест, длиною сажени 3, в отрубе вершка 2, вкладываемый в воротовую бочку, для кругового вращения”». Даются территориальные пометы — Чудское и Псковское озера, Лазаревский (СРНГ 5: 124). В местных говорах данная лексема не фиксировалась, и вполне возможно, что в речи Сидорова она «пришла».*

Имеются случаи, когда значение диалектизма, использованного автором воспоминаний, очевидно, но не очевиден его фонетический облик. Слово *оденье* 'стог' (ср. в черновике — *Хлеб стоял не молоченый в оденях*; в редакторском варианте — *Хлеб стоял не молоченый в стогах*), возможно, произносится с [e] в ударном слоге, но, возможно, иначе — с [o] под ударением: всем известно о непоследовательности в употреблении буквы ё, что свойственно и автору воспоминаний. В

СРНГ фиксируется и *оденье*, и *одёнье*, среди прочих отмечено значение ‘стог сена’ с пометой **Пск.** (СРНГ 23: 13–14).

Обнаружен фонетический вариант известной лексемы *цеп* ‘ручное орудие для молотбы, состоящее из длинной ручки и прикрепленного к ней ремнем короткого деревянного била’ — *цепь*: *А то раньше молотили цепями, а зерно веяли деревянной лопатой.* Вероятно, произношение мягкого согласного — это гиперизм, связанный с отвердением конечных губных в говорах, возможно, — результат смешения двух разных лексем, не исключена также опечатка. Как бы то ни было, публикаторы внесли исправление в авторский текст: *молотили цепями.*

Итак, материал воспоминаний А. Н. Сидорова подтверждает и дополняет сведения о лексическом составе говоров Ивановской области, имеющиеся в лексикографических источниках, а порой и корректирует их. Использованные автором мемуаров диалектизмы в большинстве случаев, судя по данным СРНГ и фактам живой разговорной речи, представляют местный языковой колорит, и всё же при определении территориального статуса отдельных лексем, их значения, иногда фонетического облика нужна осторожность.

«Каждый текст, — пишет о «народных мемуарах» Б. И. Осипов, — требует индивидуального подхода, продуманного и обоснованного» [Осипов 2015: 379]. Действительно, одно дело — рукопись женщины, адресованная последующим поколениям своей семьи [Батырева 2015], другое дело — изначально рассчитанные на широкую аудиторию воспоминания человека, прошедшего войну, немецкий плен, побывавшего на разных территориях Советского Союза и за его пределами, «добывавшего» лексику «на стороне», вдали от родных мест. Поэтому, продолжая мысль Б. И. Осипова, скажем, что индивидуального подхода, особого внимания в данном случае требует каждое слово.

Сокращения районов Ивановской области

Ив. — Ивановский	Сав. — Савинский
Комс. — Комсомольский	Тейк. — Тейковский
Лежн. — Лежневский	Шуйск. — Шуйский
Палех. — Палехский	Юж. — Южский

Литература

Автобиографические записки сибирского крестьянина В. А. Плотнокова / Подгот. текста, предисл. и коммент. Б. И. Осипова. Омск, 1995. 76 с.

Батырева Л. П. Лексика льноводства в автобиографических записках Ф. В. Жаворонковой // Русские народные говоры: прошлое и настоящее. Сборник материалов и исследований всероссийской научно-практической конференции. Кострома, 2015. С. 23–26.

Воспоминания А. Н. Белозёрова «Записки районного служащего» / Подгот. текста и коммент. Б. И. Осипова, Е. С. Ситниковой. Омск, 2002. 132 с.

Воспоминания работницы М. Н. Колтаковой «Как я прожила жизнь»: Публикация и исследование текста / Подготовка текста, предисловие и комментарий Б. И. Осипова. Омск, 1997. 106 с.

И помнит мир спасенный... / Сост. С. В. Касаткина и др. За-волжск, 2015. 280 с.

Мемуары врача К. Г. Амелькиной: Публикация и исследование текста / Подгот. и исслед. текста Б. И. Осипова. Омск, 2007. 96 с.

Осипов Б. И. Народные мемуары как факт культуры: текстологические и источниковедческие проблемы издания // Б. И. Осипов. К истории языка, письма и культуры: Избранные статьи. Т. 2. История письма и культуры. Омск, 2015. С. 375–380.

Сидоров А. Н. Повесть о русском солдате: Историко-биографический очерк. Фурманов, 2014. 115 с.

Солдатские воспоминания Н. Ф. Шульгина и Г. П. Еланцева: Публикация и исследование текста / Подгот. текста и коммент. Б. И. Осипова, Е. С. Ситниковой. Омск. 161 с.

Финно-угорские названия растений, содержащие зоосемизмы со значением ‘заяц’ (на материале финно-пермских языков)

И. В. Бродский

В данной работе автор рассматривает названия растений, содержащих зоосемизмы со значением ‘заяц’; материалом исследования служит фитонимия финно-пермских языков — ветви финно-угорских языков, исключая угорские языки.

Все такие названия растений являются сложными по форме (двухкомпонентными) и содержат слова со значением ‘заяц’ в качестве первого компонента. Эти названия растений весьма распространены, особенно в некоторых языках — финском, эстонском и коми. Модели мотивации таких фитонимов могут быть общими в ряде языков. Наиболее распространенными из них являются ‘заячья капуста’, ‘заячий хлеб’, ‘заячьи уши’ и ‘заячья лапа’.

Ключевые слова: финно-угорские языки, фитонимы, фитонимия, зоосемизмы, заяц

В данной работе мы рассматриваем на материале финно-пермских языков названия растений, в состав которых входят зоосемизмы со значением ‘заяц’. Финно-пермские языки составляют ветвь финно-угорских языков, исключая угорские языки. Подобные названия растений есть и во многих других языках мира.

Названия зайца в прибалтийско-финских языках имеют общее древнее происхождение (фин. *jänis*, кар. *jänis*, *jäniž*, *jänöi*, *d’äniš*, ижор. *jäniz*, вепс. *jäniš*, эст. *jänis*, вод. *jänež*, лив. *jānds*). Возможно, связано с фин. *jānte-*, вепс. *jānde-* ‘жила; тетива’; во всяком случае, прибалтийско-финские названия зайца образованы с помощью суффикса *-kse*, который придает образовавшемуся существительному значение

связи с тем, что выражено производящей основой (в данном случае ‘животное, жилы которого идут на производство тети́вы’).

Лив. *kepps* ‘заяц’ Л. Кеттунен (LW: 119) считает дескриптивным словом. Для мар. *меран* ‘заяц’, по [Кузнецова 2010: 146–148], предложен целый ряд этимологий (финно-угорская, монгольская, тюркская), предпочтительную из которых выделить сложно. Удм. *кеч*, коми *кӧч* являются тюркизмами (КЭСКЯ: 143), причем тюркские слова имеют значение ‘коза’ (ЭСЧЯ 1: 242); интересно, что Анненков (Анненков 1878: 406) с пометой *перм.* (Пермская губерния) дает рядом два русских названия кислицы: **заячья капуста** и **козлячья капуста**.

Названия зайца в финно-пермских языках почти во всех случаях являются, скорее всего, табуистическими (заяц — объект охоты). Лишь морд. *нумоло*, вероятнее всего, является исконным древним названием (ср. коми язв. *нимӧл*, саам. *njoammel*, венг. *nyul*) (КЭСКЯ: 191).

Основные свойства этого животного: осторожность, находчивость; то, что он является объектом охоты, — находят свое отражение в мифологии, фольклоре и обрядах финно-угорских народов (см., например, [Сенкевич-Гудкова 1960: 412; Винокурова 2006: 138–145]).

В составе фитонимов зоосемизмы со значением ‘заяц’ редко становятся носителями какого-либо признака и иногда явно опциональны: например, сложные названия овсяга в рассматриваемых языках чаще всего образуются по модели ‘животное + овес’, причем названия животных могут быть самыми разнообразными (волк, собака, заяц, лошадь, журавль и др.). Кислица в финском языке может носить сложные по форме названия с определениями *jäniksen-* ‘заячий’, *harakan-* ‘сорочий’, *käen-* ‘кукушкин’, *ketun-* ‘лисий’, *linnun-* ‘птичий’, *revon-* ‘лисий’.

Многочисленны названия растений, в которых всё растение или какая-либо его морфологическая часть сравнивается с частью тела животного.

Конечно, на результаты исследования во многом влияет количество и качество собранного фитонимического материала по каждому языку. Для некоторых языков работа по собиранию диалектной лексики проводится столетиями, и это отражено уже в старых изданиях по ботанике (например, [Tillandz 1683]; фитонимы из этой книги мы отмечаем отдельно и даем в оригинальной транскрипции). По наиболее распространенным языкам финно-пермской ветви — финскому, эстонскому — собраны многие тысячи народных названий растений; по другим языкам количество известных фитонимов на порядок меньше. Это затрудняет выделение общих моделей мотивации фитонимов, однако и существующего материала достаточно для некоторых обобщений.

При написании данной статьи автор использовал большое количество различных источников (только лексикографических — около сорока). Транскрипция фитонимов в статье во всех случаях повторяет транскрипцию оригинала.

Ниже перечислены примеры финно-пермских названий растений, в состав которых входят зоосемизмы со значением ‘заяц’.

Прибалтийско-финские языки

Финский язык

jänis ‘заяц’ — jäneksenlapilas ‘кислица’, букв. ‘заячий клевер’; jäniksenljuoksutin ‘водяника’, ‘плаун’, ‘хвощ лесной’, букв. ‘заячья сычужина’; jäniksenljäkälä, jäniksenljäkkära ‘кошачья лапка’, букв. ‘заячий лишайник’; jäniksenlkaali ‘кислица’, букв. ‘заячья капуста’; jäniksenlkakkara ‘кислица’, букв. ‘заячья лепешка’ или ‘заячья ромашка’; jäniksenlkakku ‘кислица’, букв. ‘заячий торт’; jäniksenlkaura ‘овсюг’, букв. ‘заячий овес’; jäniksenlkukka ‘седмич-

ник европейский’, букв. ‘заячий цветок’; **jäniksen**||**käpälä**, **jäneksen**||**käpälä** (уже в [Tillandz 1683] — **jänexen** **käpälä**) ‘бессмертник’, ‘кислица’, ‘клевер пашенный’, ‘мелколепестник едкий’, ‘чина луговая’, ‘язвенник ранозаживляющий’, букв. ‘заячья лапа’; **jäniksen**||**leipä**, **jäneksen**||**leipä** ‘кислица’, букв. ‘заячий хлеб’; **jäniksen**||**pöytä** ‘манжетка’, букв. ‘заячий стол’; **jäniksen**||**silmä** ‘седмичник европейский’, букв. ‘заячий глаз’; **jänis**||**heinä** ‘трясунка средняя’, букв. ‘заячья трава’; **jänis**||**ruoho**, **jänes**||**ruoho** ‘трясунка средняя’, букв. ‘заячья трава’.

jänö ‘зайчик (димикутивная форма)’ — **jänön**||**lapila** ‘клевер пашенный’, букв. ‘заячий клевер’; **jänön**||**kapälä** ‘клевер пашенный’, букв. ‘заячья лапа’.

Карельские наречия

jänis, **jäniš** ‘заяц’ — кар. собств. **jäniksen**||**heinä** ‘кошачья лапка’, букв. ‘заячья трава’; кар. собств. **jäniksen**||**vüö** ‘плаун годичный’, букв. ‘заячий пояс’.

jänöi ‘зайчик (димикутивная форма)’ — кар. собств. **jänöin**||**heinä** ‘клевер ползучий’, букв. ‘заячья трава’, кар. ливв. **jänöin**||**heinü** ‘кислица’, ‘клевер пашенный’, букв. ‘заячья трава’; кар. собств. **jänöin**||**händä** ‘пушица влагалищная’, букв. ‘заячий хвост’; кар. собств. **jänöin**||**kapustu** ‘кислица’, букв. ‘заячья капуста’; кар. ливв. **jänöin**||**käbäl** ‘кошачья лапка двудомная’, букв. ‘заячья лапа’; кар. собств. **jänöin**||**leibä**, **jänöi**||**leibä** ‘кислица’, ‘клевер пашенный’, букв. ‘заячий хлеб’, кар. ливв. **jänöin**||**leibü**, **dänöin**||**leibü** ‘кислица’, ‘клевер пашенный’, букв. ‘заячий хлеб’; кар. ливв. **jänöin**||**lorahad** ‘кукушкин лен’, букв. ‘заячьи всходы’; кар. собств. **jänöim**||**päppä** ‘кислица’, букв. ‘заячий хлеб’, кар. ливв. **dänöim**||**päppü** ‘клевер’, букв. ‘заячий хлеб’; кар. ливв. **jänöin**||**villu** ‘пушица влагалищная’, букв. ‘заячья шерсть’.

Ижорский язык

jäniz ‘заяц’ — jänikseŋllkäppälä ‘кошачьи лапки’, букв. ‘заячья лапа’; jäniksenllsõlallheinä ‘кислица’, букв. ‘заячий щавель’.

Вепский язык

janiš ‘заяц’ — dän’išeŋllpirgad (janišanllpirgad) ‘щавель’, букв. ‘заячьи пироги’; gänišanllkorvaižed (janišanllkorvaižed) ‘ландыш’, букв. ‘заячьи ушки’; jänišeŋlltomain’e (janišanlltomaine) ‘трилистник’, букв. ‘заячий гостинец’.

Эстонский язык

jänes ‘заяц’ — jäneksellsilmad ‘ветреница лесная’, букв. ‘заячьи глаза’; jänesehhain, jänesehhain, jänesehein, jänesehelein ‘вейник наземный’, ‘кислица’, ‘куколь’, ‘пушица’, букв. ‘заячья трава’; jänesehhapikud, jänesehhapigud, jänesehhapu, jänesehhapud, jänesehhapikad, jänesehhapikas, jänesehhapigud, jänesehhapukad ‘кислица’, букв. ‘заячья квашня’; jänesehhänd ‘пушица’, букв. ‘заячий хвост’; jänesehka(a)psad, jänesehka(a)psud, jänesehkabust, jänesehkapust, jänesehkapst, jänesehkapsta, jänesehkapstas, jänesehkops, jänesehkapst, jänesehkapsta, jänesehkapsad, jänesehkapsta, jänesehkapusta, jänesehkabustad, jänesehkapsa, jänesehkapsad, jänesehkapstad ‘вяжечка гладкая’, ‘кислица’, ‘молочай болотный’, ‘осот полевой’, ‘свербига восточная’, букв. ‘заячья капуста’; jänesehkaalikas ‘лютик луковичный’, букв. ‘заячья брюква’; jänesehkarvad ‘пушица’, букв. ‘заячья шерсть’; jänesehkesv, jänesehkesv ‘двукосточник тростниковидный’, ‘ячмень гривастый’, букв. ‘заячий ячмень’; jänesehkäpp ‘кошачья лапка’, ‘пушица’, ‘язвенник ранозаживляющий’, букв. ‘заячья лапа’; jänesehkübärä ‘колокольчик персиколистный’, букв. ‘заячья шляпа’; jänesehkõrv ‘ландыш майский’, букв. ‘заячье ухо’; jänesehkõrvallhed ‘майник двулистный’, букв. ‘листья заячьего уха’; jänesehlill, jänesehlilli, jänesehlilled,

jänneselllilled ‘истод горьковатый’, ‘короставник полевой’, ‘пушица узколистная’, букв. ‘заячий цветок’; **jänesellluga** ‘ситник развесистый’, букв. ‘заячий ситовник’ или ‘заячий камыш’; **jänesellluht**, **jänesllluht** ‘двукисточник тростнико-видный’, ‘осока заячья’, ‘ситник развесистый’, ‘ситник сученный’, букв. ‘заячья осока (заячья /луговая/ трава)’; **jänesellmaks**, **jänesellmaksad** ‘кислица’, ‘печеночница благородная’, букв. ‘заячья печень’; **jänesellmari** ‘майник двулистный’, букв. ‘заячья ягода’; **jänesellmokk**, **jänesellmokad** ‘грушанка круглолистная’, ‘печеночница благородная’, букв. ‘заячья губа’; **jänesellmunad**, **jänesellmunnid** ‘очитник’, ‘погремок’, букв. ‘заячьи яйца’; **jänesellmännad** ‘молочай солнцегляд’, букв. ‘заячьи мутовки’; **jänesellnõges** ‘синяк’, букв. ‘заячья крапива’; **jäneselloplikad**, **jänekselloplikad**, **jänesellhublik** ‘кислица’, букв. ‘заячий щавель’; **jänesellpaju** ‘ива ползучая’, букв. ‘заячья ива’; **jänesellpunts** ‘пушица’, букв. ‘заячья связка’, ‘заячий узел’; **jänesellputk** ‘дудник лесной’, букв. ‘заячий дудник’; **jänesellpüksid** ‘первоцвет весенний’, букв. ‘заячьи штаны’; **jänesellpütsik** ‘василистник водосборолистный’, ‘любка двулистная’, букв. ‘заячий дудник’; **jänesellristllhain**, **jänesellristikllhein**, **jänessellristikllhein** ‘кислица’, ‘клевер каштановый’, ‘клевер ползучий’, букв. ‘заячий клевер (заячья крестовая трава)’; **jänesellrohi**, **jäneksellrohi** ‘пушица’, ‘очиток едкий’, букв. ‘заячья трава’; **jänesellsaba** ‘пухонос дернистый’, ‘пушица узколистная’, букв. ‘заячий хвост’; **jänesellsalat** ‘мицелис стенной’, букв. ‘заячий салат’; **jäneselltakk** ‘пушица узколистная’, букв. ‘заячья пакля’; **jäneselltanu** ‘колокольчик’, букв. ‘заячий чепчик’; **jäneselltubak**, **jäneselltubakas** ‘коровяк’, букв. ‘заячий табак’; **jäneselltutt** ‘пушица’, букв. ‘заячья кисть’; **jänesellvill** ‘пушица узколистная’, букв. ‘заячья шерсть’.

Эст. **jänesellhublik** ‘кислица’, очевидно, происходит из **jänisellhapulloplik**, букв. ‘заячий щавель’. Эст. **jänesellmaks**, **jänesellmaksad** ‘кислица’, ‘печеночница’, букв. ‘заячья печень’, ‘заячьи печенки’, по-видимому, позднее название; в

русском и германских языках названия этого растения связаны с латинским фитонимом *Hepatica* (ср. греч. *hepar* ‘печенка’). Латинское название дано по форме листьев, напоминающих своими очертаниями печень, отсюда рус. *печеночница*, англ. *liverwort*, *liverleaf*, нем. *Leberkraut*, *Leberblume*.

С эст. *jänesellmari* ‘майник двулистный’ можно сравнить рус. *заячьи ягодки*, *зайцевы ягоды*, *зайковы ягодки*, *заячьи ягоды* (Анненков 1878: 206; СРНГ 11: 206).

Водский язык

jänez ‘заяц’ — *jänesèlkapuss* ‘кислица’, букв. ‘заячья капуста’; *jänesèlublikõs* ‘кислица’, букв. ‘заячий щавель’.

Ливский язык

kerps ‘заяц’ — *kerpsllaṙṙlāina* ‘кислица’, букв. ‘заячий щавель’; *kerpslraṅṅgêd* ‘плаун’, букв. ‘заячьи удила’.

Мордовские языки

Эрзянский язык

нумоло ‘заяц’ — *нумолонь лопа* ‘клевер пашенный’, букв. ‘заячий лист’; *нумоло вигине* ‘папоротник’, букв. ‘заячье бердо’; *нумолонь лата (лато)* ‘папоротник’, букв. ‘заячий навес’; *нумолонь сурсеме* ‘папоротник’, букв. ‘заячий гребень’.

Мокшанский язык

нумол ‘заяц’ — *нумолонь умбрав* ‘щавель’ (вероятнее, какой-либо из его видов), букв. ‘заячий щавель’; *нумолонь капста* ‘молочай’, букв. ‘заячья капуста’; *нумолонь мадя* ‘трилистник’, букв. ‘заячья лапа’; *нумолонь пиленья* ‘гриб личичка’, букв. ‘заячье ушко’.

шумбраз ‘заяц’ — *шумбразонь ксты* ‘майник двулистный’, букв. ‘заячья земляника’.

С мокш. нумолонь умбрав можно сравнить тат. куян кузгалагы ‘заячий щавель’, также букв. ‘заячий щавель’.

Марийский язык

меранг ‘заяц’ — меранг ковышта ‘молодило’, ‘заячья капуста’, ‘очиток пурпуровый’, букв. ‘заячья капуста’; меранг лашка ‘кислица’, букв. ‘заячья клетка’.

Пермские языки

Удмуртский язык

кеч ‘заяц’ — кеч кубиста ‘кислица’, букв. ‘заячья капуста’.

Коми-зырянский язык

кӧч ‘заяц’ — кӧч йӧн ‘осот полевой’, букв. ‘заячий осот’; кӧчлгоб ‘подберезовик’, букв. ‘заячий гриб’; кӧчлтшак ‘груздь желтый’, букв. ‘заячий гриб’; кӧчалбак ‘трутовик’, букв. ‘заячий трутовик’; кӧчӧельдӧг ‘груздь желтый’, букв. ‘заячий груздь’; кӧч съӧлалоз ‘поленика’, букв. ‘заячья поленика’; кӧчӧоз ‘костяника’, букв. ‘заячья земляника’; кӧчшомалкор ‘кислица’, букв. ‘заячий кислый лист’; кӧчалмач ‘дождевик’, букв. ‘заячий мяч’; кӧч ошӧльюр ‘гриб коровяк, коровятник’, букв. ‘заячий боровик’, ‘заячья медвежья голова’; кӧчӧвӧнь ‘плаун булавовидный’, букв. ‘заячий пояс’.

Коми кӧч йӧла оз ‘поленика’, букв. ‘земляника с молоком зайца’ — результат народной этимологии от исходного кӧч съӧлалоз ‘поленика’, букв. ‘заячья поленика’. С другой стороны, коми зыр. кӧч йӧла ‘груздь желтый’, ‘млечник’ — это несомненный результат отпадения детерминанта, скорее всего, тшак ‘гриб’. Коми кӧчӧйӧв ‘вороника черная’, по-видимому (исходя из совершенно нелогичной «молочной» мотивации черных ягод), есть искаженное кӧчӧйӧн (относит-

ся к осоту, но подобное название могло относиться и к воронике).

Коми-пермяцкий язык

кӧчлӧазь ‘очиток’, ‘снить обыкновенная’, букв. ‘заячья зеленая листва’; кӧчлӧбӧж ‘горец змеиный’, букв. ‘заячий хвост’; кӧчлӧвир(лӧтурун) ‘дымянка лекарственная’, ‘чистотел’, букв. ‘заячья кровь(-трава)’; кӧчлӧвӧнь ‘плаун булавовидный’, букв. ‘заячий пояс’; кӧч пикан ‘борщевик сибирский’, букв. ‘заячья снить’.

Некоторые финно-пермские «заячьи» фитонимы имеет общую мотивацию. Модели номинации, содержащие названия зайца, весьма разнообразны.

Наиболее распространенной моделью является ‘заячья капуста’: фин. *jäniksenlkaali* ‘кислица’; кар. собств. *jänöinllkapustu* ‘кислица’; вод. *jänesèllkapuss* ‘кислица’; удм. *кеч кубиста* ‘кислица’ — вероятнее всего, независимые друг от друга кальки русского фитонима. При этом происхождение мокш. *нумолонь капста* ‘молочай’, букв. ‘заячья капуста’, неясно из-за его значения. Тат. *куян кәбестәсе* ‘кислица’, букв. ‘заячья капуста’, не имеет отношения к указанному фитониму: это возможная калька русского названия растения с частичным заимствованием определяющего компонента. Тем не менее, лит. *kiškiallkopūstis* ‘кислица’, букв. ‘заячья капуста’, польск. *szczawik zajęczy* ‘кислица’, букв. ‘заячья кислица’, шв. *harllsyra* ‘кислица’, букв. ‘заячья кислота’, самостоятельны. Германские и балтийские названия кислицы также могли быть калькированы в прибалтийско-финские языки.

Растения, названия которых образованы по данной модели, особенно охотно поедаются зайцами; это относится и к растениям, названия которых образованы по моделям ‘заячий хлеб’, ‘заячья трава’.

Модель ‘заячья трава’ представлена следующим образом: фин. *jänisllheinä* ‘трясунка средняя’, *jänisllruoho*, *jänesll-*

ruoho ‘трясунка средняя’; кар. собств. **jäniksenlheinä** ‘кошачья лапка’, кар. собств. **jänöinlheinä** ‘клевер ползучий’, букв. ‘заячья трава’, кар. ливв. **jänöinlheinü** ‘кислица’, ‘клевер пашенный’, букв. ‘заячья трава’; эст. **jänesellrohi**, **jänekseallrohi** ‘пушица’, ‘очиток едкий’. Эта модель относится к совершенно разным растениям, названия которых одновременно образованы и по другим моделям, содержащим зоосемизм со значением ‘заяц’. Поэтому мы полагаем, что в представленных выше названиях произошла смена детерминанта на ‘трава’.

Названия, созданные по модели ‘заячий цветок’, зафиксированы в двух языках ветви: это фин. **jäniksenl kukka** ‘седмичник европейский’; эст. **jänesellill**, **jänesellilli**, **jänesellilled**, **jännesellilled** ‘истод горьковатый’, ‘короставник полевой’, ‘пушица узколистная’. Финское и эстонские названия, скорее всего, не имеют отношения друг к другу и образовались независимо.

Модель ‘заячья лапа’ распространена в прибалтийско-финских и мордовских языках: фин. **jäniksenl käpälä** ‘бессмертник’, **jänönl käpälä** ‘клевер пашенный’; кар. ливв. **jänöinl käbäl** ‘кошачья лапка двудомная’; ижор. **jäniksenl käppäälä** ‘кошачьи лапки’; эст. **jänesellkäpp** ‘кошачья лапка’, ‘пушица’, ‘язвенник ранозаживляющий’; мокш. **нумолонь мадя** ‘трилистник’. Прибалтийско-финские фитонимы, образованные по этой модели, несомненно имеют общее древнее происхождение. Данная модель относится к растениям, листья которых по форме напоминают след зайца или кошки (отсюда одновременно их «кошачьи» названия).

Модель ‘заячье ухо (ушко)’ представлена следующим образом: вепс. **g’änišanl korvaižed** (**janišanl korvaižed**) ‘ландыш’; эст. **jänesellkõrv** ‘ландыш майский’ (с дополнительным детерминантом — **jänesellkõrvallhed** ‘майник двулистный’, букв. ‘листья заячьего уха’); мокш. **нумолонь пиленья** ‘гриб лисичка’. Эта модель относится к растениям, имеющим удлиненные формы, напоминающие уши зайца.

Обозначаемые этим названием в прибалтийско-финских языках растения — майник и ландыш — очень похожи друг на друга. **Заячьими ушами (ухами, ушками)** называется майник двулистный во многих русских говорах (Анненков 1878: 206; СРНГ 11: 206).

Мокшанский фитоним **нумолонь пиленя**, возможно, калькирован с русского миконима, ср. рус. **заячье ушко** ‘лисичка’.

Модель ‘заячий хвост’ — весьма редкая: кар. собств. **jänöinllhäändä** ‘пушица’; эст. **jänesellhäänd** ‘пушица’, **jänesellsaba** ‘пухонос дернистый’, ‘пушица узколистная’; коми перм. **кӧчлбӧж** ‘горец змеиный’. Прибалтийско-финские фитонимы, образованные по данной модели, относятся к одному и тому же растению, в связи с чем можно предполагать их родство.

Фин. **jäniksenllheinä** ‘зайцехвостник’, букв. ‘заячий хвост’, является новой калькой русского или германских названий этого растения, которое не распространено в финно-угорском ареале и привнесено туда в конце XIX в. как декоративное.

Модель ‘заячий пояс’ — кар. собств. **jäniksenllvüö** ‘плаун годичный’; коми зыр. **кӧчлвӧнь** ‘плаун булавовидный’; коми перм. **кӧчлвӧнь** ‘плаун булавовидный’. Данная модель является общей для коми языков.

Модель ‘заячий хлеб’ функционирует в финском языке и карельских наречиях, она почти всегда относится к кислице: фин. **jäniksenllleipä**, **jäneksenllleipä** ‘кислица’; кар. собств. **jänöinllleibä**, **jänöillleibä** ‘кислица’, ‘клевер пашенный’, кар. ливв. **jänöinllleibü**, **dänöinllleibü** ‘кислица’, ‘клевер пашенный’, кар. собств. **jänöimllräppä** ‘кислица’, кар. ливв. **dänöimllräppü** ‘клевер’ (кар. **räppä**, **räppü** ‘хлеб /в детской речи/’).

Названия пушицы — растения с заметной «шерстяной» белой пуховкой — мотивированы названиями зайца; по-видимому, причиной этого стала схожесть пуховок с шерстью зайца-беляка.

Как видно из представленного материала, большинство моделей номинации растений, включающих компоненты со значением ‘заяц’, не получило широкого распространения. Другие модели (‘заячий лист’, ‘заячий гриб’ и др.) обычно представлены единичными фиксациями в отдельных языках. Вообще, финно-пермские названия растений, мотивированные зоосемизмами со значением ‘заяц’, отличаются выраженной пестротой семантических моделей, которые почти не повторяются даже в рамках отдельных языковых ветвей.

Сокращения названий языков и диалектов

англ. — английский	лит. — литовский
венг. — венгерский	мар. — марийский
вепс. — вепсский	мокш. — мокшанский
вод. — водский	морд. — мордовские языки
греч. — греческий	нем. — немецкий
ижор. — ижорский	польск. — польский
кар. — карельские наречия	рус. — русский
(ливв. — ливвиковское,	саам. — саамский
собств. — собственно-ка-	тат. — татарский
рельское)	удм. — удмуртский
коми зыр. — коми-зырянский	фин. — финский
коми перм. — коми-пермяцкий	шв. — шведский
коми язв. — коми-язвинский	эст. — эстонский
лив. — ливский	

Литература

Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов. Петрозаводск, 2006. 448 с.

Кузнецова М. Н. Названия диких и домашних животных в марийском языке. Йошкар-Ола, 2010. 316 с.

Сенкевич-Гудкова В. В. Отражение фольклора народов Севера в «Повести временных лет» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 16. М.; Л., 1960. С. 411–414.

Suhonen P. Suomalaiset kasvinnimet. Annales Botanici Societatis Zoologicae-Botanicæ Fennicæ Vanamo 7: 1. Helsinki, 1936. 466 s.

Tillandz E. Catalogus plantarum, quae prope Aboam tam in excultis, quam incultis locis hucusque inventae sunt. Aboae, 1683. 72 p.

Глагол *чикиллять* и производные от него в донском казачьем диалекте

Е. В. Брысина, В. И. Супрун

Семантические процессы в говорах протекают в условиях неравномерного распространения, что обуславливает разные структуры глаголов-полисемантов на смежных территориях и качественно-количественные различия словообразовательных гнезд.

Ключевые слова: диалект, семантика, структура полисеманта, лексико-семантический вариант, словообразовательное (деривационное) гнездо.

Характеризуя различные виды человеческой деятельности, диалектные глаголы нередко развивают многозначность, неравномерно представленную на разных (и даже смежных) территориях, что является показателем уникальности семантических процессов, представленных в различных диалектных зонах, и подтверждает локальность распространения диалектных явлений. Примеры можно обнаружить практически в любом диалекте.

Так, в донских казачьих говорах широко употребляется глагол *чикиллять*, являющийся полисемантом. В Словаре донских говоров Волгоградской области (СДГВО) и Большом толковом словаре донского казачества (БТСДК) приведены следующие его значения (сокращенные наименования населенных пунктов см. в БТСДК — с. 15–18; СДГВО — с. 693–695):

1. 'Идти, хромая; хромать'. *Чикилляить — хромаить или с кастылём ходить* (Ман.). *Ногу напарол, типерь чикилляю. Чавой-т чикилляиш, никак ногу разрезал?* (Масл.). *Ана так и чикилляить* (Н-ан.). *Чикиллять — у няво с нагой ни ф парятки* (Крас.). *Салдат идёт и чикилляить* (Ман.). *Мой*

дет сроду чикилял, а быстрее иво нитто ни хадил (Карг.)
На гвость наступил и чикиляить (Тац.) Бкн., Кл.-П., Нех.,
 Н-цар., Прб., Прлз., Рдч., Фрл., Чрк. // 'Идти на одной ноге
 (об одноногом человеке)'. *На адной наге ходить, гаваряты:*
зачикилял, чикиляить (Ман.).

2. 'Идти медленно, с трудом'. *Долга ты чикилять будиши
 на дароги?* (Сир.). *Куды чикиляиш?* (Н-ан.). Крас. *В полдень
 видит Дарья в мареве, каменная девка чикиляет* (В. Ко-
 гитин. Сказки-пересказки). *Какая наша жизнь, — пожа-
 ловался Холюша. — Еле чикиляю* (Б. Екимов. Холюшино
 подворье). *Ноги свои пожалей. Нынче с доставкой, не чики-
 лять на бугор, — уговаривает Мишка* (Б. Екимов. «Не надо
 плакать...»).

3. 'Прыгать на одной ноге'. *Чикилять — эта прыгать
 на адной наге* (Н-ан.). *Чикиляить — на адной наге прыга-
 ить* (Н-цар.). *Дети играют, чикиляють* (Ман.). *Разные
 игры были: лапта, выбиушы, класики — на адной наге чики-
 лять* (Б. Мел.). *Кинши валянак и чикиляиши на адной наге*
 (Клет.). *Будя чикилять, пасиди. Твая очирить чикилять*
 (игра в классики) (Масл.). *Ана целый день чикилять мо-
 жыть* (Зем.). *Дети прыгают на одной ношки, ета ани
 чикиляють* (Бок.). Баг., Веш., Нех., Сув., У-Хоп.

4. 'Бросать камешек в игре в **чикильдўшки**'. Лук.

Наиболее распространенными на Дону являются первое
 ('хромать') и третье ('прыгать на одной ноге') значения гла-
 гола *чикилять*, они зафиксированы и в словаре А. В. Мирто-
 ва (Миртов 1929: 358). Именно эти значения способствовали
 образованию в казачестве новых диалектных единиц.

От глагола *чикилять* в донских говорах образованы
 префиксальные глаголы совершенного вида *дочкилять*,
зачикилять, *прочкилять*, имеющие по два значения:

дочкилять 1) 'дойти с трудом, дохромать'. *Ели дачи-
 килляла старушка* (Крас.). *Пака я дачикиляла, магазин и за-
 крылси* (Нех.). *Ноги у мене бальныи, ели да дома дачикиля-
 ла* (Прб.). *Ты бяги быстрее, а то я пака дачикиляю* (Сол.);

2) ‘допрыгать на одной ноге’. *Дачикилять* — *дапрыгать на одной наге куда-та* (Орл.). Ет.;

зачикилять 1) ‘пойти, прихрамывая; заковылять, захромать’. *Он упал и зачикилял да самава дома* (Прлз.). *Ногу адбили сабачёнки, вот ана и зачикиляла* (У-Быстр.) Веш. Марк. // Об одноногом человеке. *На одной наге ходить, гаварять: зачикилял* (Ман.); 2) ‘начать прыгать, запрыгать на одной ноге’. *Зачикилял на одной наге* (Масл.). *Вот я и зачикиляла* (У-Хоп.). Клет.;

прочикилять 1) ‘пройти, прихрамывая; проковылять’. Бкн., Кл.-П., Н-цар., Прб., Прлз., Рдч., Чрк.; 2) ‘прыгать некоторое время на одной ноге’. Ет., Н-ан., Нех., Раз., Сув., У-Хоп. *На одной ноге, дуракуя, прочикилял по камням, не пролив ни капли* (Е. Кулькин. Покушение).

Приставки придают мотивирующему глаголу дополнительную семантику. При помощи приставки *до-* глагол получает значение ‘действие, названное мотивирующим глаголом, довести до конца или до какого-л. предела’; при присоединении префикса *за-* — ‘начать действие, вызванное мотивирующим глаголом’; при помощи *про-* — ‘действие, названное мотивирующим глаголом, а) направить мимо чего-нибудь или б) совершить в течение какого-либо времени (чаще — длительного)’ [РГ-80 1: 359, 360, 369].

Кроме того, в донских говорах представлены глаголы-derivаты от *чикилять*, зафиксированные в значении, связанном только с хромотой человека (**вычикилять** — сов., **почикилять** — сов., **причикиливать** — несов., **причикилять** — сов.):

вычикилять ‘выйти, хромая’. *Вот и бабаня вычикилила* (Кл.-П.). Раз., Чрк. *Из другой комнаты вычикиляла на одной ноге Вера Григорьевна* (Е. Кулькин. Крушение);

почикилять ‘пойти хромая, медленно, с трудом; похромать’. *О, пачикилял, ели идёт* (Чрк.). *Он пачикилял дамой* (Н-др.). *Вон он пачикилял с кастыликам* (Кл.-П.). *Вон пачикиляла бапка* (Орл.). Раз. *Да просто встала и почикиляла*

(Е. Кулькин. Испытание). *Потолкался он у калитки и к матери почиклял* (Е. Кулькин. Чёрная кошка);

причикливать ‘слегка хромать, прихрамывать’. Ет., Раз. *А ну прихрамывай-причикливай, а то не поверят, что хромой* (Е. Кулькин. Крушение).

причиклять ‘прийти, хромая, с трудом передвигаясь’. Ет., Раз. *В военкомате, куда Принц едва причиклял, сидели ещё двое с пухлыми ногами* (Е. Кулькин. Родная кровь).

Каждая из данных приставок также придает дополнительную семантику значению мотивированного глагола: префикс *вы-* — ‘направиться наружу’, *по-* — ‘начать действие’, *при-* — ‘достигнуть какого-н. места’. Глагол *причикливать*, образованный префиксально-суффиксальным способом (*при-* и *-ива-*) имеет значение ‘с небольшой интенсивностью совершать действие, вызванное мотивирующим глаголом’ [РГ-80 1: 358, 366–367, 382].

Функционирование на Дону глаголов с корнем *чикил-* в значении ‘хромать’ послужило основанием для образования номинаций хромого человека. На территории волгоградских донских говоров такого человека называют **чикильй** (*Он з детства чикильй, храмаить* — Н. Чир., Прст.), что отмечает в своем словаре и А. В. Миртов (Миртов 1929: 358). В ростовских донских говорах употребляется лексема **чикильявый** (*Вот сасет у мене чикильявый сайсем* — Рзд.) (БТСДК: 579).

В БТСДК не представлена лексема **чикильй**, хотя А. Миртов записал это слово в станице Вёшенской Ростовской области. Следует, однако, заметить, что говор Вёшенской ближе казачьим говорам Волгоградской области, с которыми он граничит, в этой станице представлен говор верховых казаков. Бóльшая же часть диалектов Ростовской области относится преимущественно к низовым (по классификации А. В. Миртова, это *донецкий*, *низовые* говоры и *смешанные* говоры [Миртов 1926: 15–21]). Говоры Волгоградской об-

ласти — в основном верховые (по классификации А. В. Миртова, *верховый* и *средне-донской* говор [Миртов 1926: 12–13]).

На территории Ростовской области бытует междометие *чикиль*, которое наглядно описывает передвижения прихрамывающего человека: *Кривылять на двару — чикиль-чикиль* (Прм.) (БТСДК: 579).

Некоторые дериваты от глагола *чикильятъ* имеют значения, связанные только с прыжками. Сюда относится глагол *чикильнуть* и названия игр (*чикальдушки, чикильдушки, чикильда, чикильяшки*).

Глагол совершенного вида *чикильнуть* ‘сделать прыжок, прыгнуть на одной ноге’ образован с помощью суффикса *-ну-*, придающего деривату значение ‘однократно совершить действие, вызванное мотивирующим глаголом’ [РГ-80 1: 347–348]. *Вот эт он чикильнул, высако как* (Орл.). *Раз. И она, по-парнишачьи чикильнув на одной ноге, убежала в хутор* (Е. Кулькин. Крушение).

На территории волгоградских казачьих говоров имеется четыре наименования детской игры, при которой участники рисуют на земле квадраты и затем, бросая камешек, кусочек стекла или другие небольшие предметы, прыгают поочередно по этим квадратам. В литературном языке эта игра носит название *классики* или *классы* (Ожегов: 238):

чикильда: *Пайдём, ф чикильду паиграим* (Серг.). *Ф чикильду: делали эти, ну как их, клетки, и прыгали* (Мох.). *Чикильда — эт класики, децкая игра* (Глш.). *Ф чикильду играли: брасали склянку и прыгали: рас, рас, рас* (Орл.);

чикильдушки (только мн.): *Рисуютъ, брасаютъ склянки и прыгаютъ на адной наге — эта чикильдушки* (Нех.). *Чикильдушки? Рисуютъ и играють, брасаютъ какую-нибудь склянку* (Нех.). *Ф чикильдушки хош?* (Масл.). *Помниш, у двара ф чикильдушки играли?* (Масл.);

чикальдушки: (только мн.). *Чикальдушки — игра, чикальдушки рисавали и чикильяли, но штоп на чарту ни наступитъ* (Алк.). *Ф чикальдушки играли* (Алк.);

чикиляшки (только мн.). *Чикиляшки* — игра: на зимле чиртились клетки и на ним прыгали. *Давайти ф чикиляшки играть* (У-Бэл.). *Давай ф чикиляшки паиграим* (Зем.).

Обратим внимание на употребление рассмотренных нами лексем с корнем *чикил-* в других русских говорах. Словари свидетельствуют о следующем.

В словаре В. Даля представлены только две подобные лексемы: глагол *чикилд́ать* (зап.) в значении ‘хромать’ и имя существительное *чикилд́а* (без указания места) ‘колча, хромой’ (Даль, 6-е изд. 4: 694). В статье *ко́лча* (от пск. глагола *ко́лтатъ* ‘ковылять, хромать’) поясняется, что так называют хромого, «особенно если одна нога короче или ступня выворочена, или берца кривы, ноги колесом либо хером; кто ходит вперевалку, ковыляет» (Даль, 6-е изд. 2: 143). Значения, связанные с прыжками, в словаре не отмечены.

В 1–46 выпусках Словаря русских народных говоров не представлено ни одного приставочного глагола с корнем *чикил-*, нет глаголов *вычикилять*, *дочкилять*, *зачикилять*, *почикилять*, *причикиливать*, *причикилять*, *прочикилять*, бытующих в донских говорах. В Инверсионном индексе к словарю русских народных говоров указаны лексемы *чикиляй*, *чикилять* (ИИСРНГ: 242, 503). Можно предположить, что материал взят из Донского словаря А. В. Миртова, где зафиксированы именно эти диалектные единицы, другие бесприставочные образования в этом индексе отсутствуют.

Выборочная проверка фиксации глагола *чикилять* в словарях, отражающих южнорусские, среднерусские, севернорусские говоры первичного образования и переселенческие говоры («Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)», «Словарь говоров Подмосковья» А. Ф. Ивановой, «Ярославский областной словарь», «Словарь говора д. Акчим Красновшерского района Пермской области», «Словарь русских говоров Забайкалья» и нек. др.) показала, что рассматриваемый глагол представлен только в «Словаре русских говоров

ожных районов Красноярского края», причем в трёх вариантах:

чакилять, несов., неперех.; экспр. 1. Идти. Ср.: ЧИКИЛЯТЬ в 1 знач. — *Вон, чакиляет. Выспался, а мы ждём.* Аб.: Абан. 2. Хромать. Ср.: ЧИКИЛЯТЬ во 2 знач. — *Ноги-то уже болят, так и чакиляю.* Аб.: Быс. (СЮКК: 92);

чикилять, несов., неперех.; экспр. 1. Хромать. Ср.: ЧАКИЛЯТЬ во 2 знач., ЧУКИЛЯТЬ. — *Упала мать-то на ногу, вот теперь и чикилят.* Аб.: Тур. 2. Идти. Ср.: ЧАКИЛЯТЬ в 1 знач. — *Вон чикиляют опеть эти гости.* Нз.: Пав. (СЮКК: 113);

чукилять, несов., неперех. Идти. Ср.: ЧАКИЛЯТЬ в 1 знач., ЧИКИЛЯТЬ в 1 знач. — *К старости-то уж не ходишь, а чукиляшь. Ноги-то как брёвна стали. От и хромашь.* Ем.: Емел. (СЮКК: 120).

Отметим, что в «Словаре говора казаков-некрасовцев» О. К. Сердюковой не представлена ни одна из лексем, зафиксированная в БТСДК и СДГВО (Сердюкова 2005). Казаки-некрасовцы были выходцами из станиц и хуторов Среднего и Верхнего Дона (станец Нижнечирской, Есауловской, Голубинской, Пятиизбянской, а также из станиц и хуторов, расположенных по притокам Дона — Чиру, Хопру, Медведице [Сердюкова 1969: 6]), той территории, которая впоследствии в большей своей части вошла в состав Второго Донского округа бывшей Области Войска Донского [Орлов 1984: 87–88; Кудряшова 1998: 9–15], где в настоящее время представлена группа чирских донских говоров Волгоградской области [Орлов 1984: 87–91; Кудряшова 1998: 15–16]). Несмотря на почти 250-летний отрыв от родных мест, некрасовцы, живя в иноязычном окружении, изолированно, сумели сохранить свой родной говор. Однако в словаре О. К. Сердюковой отсутствуют диалектные единицы с корнем *чикиль-*, хотя в донских волгоградских говорах они широко представлены и активны в употреблении. Возможно, они были утрачены в говоре или остались незафиксированными.

Происхождение глагола *чикилять* затемнено. А. Г. Преображенский и П. Я. Черных происхождения данного слова не рассматривают. М. Фасмер предполагает, что *чикилять* ‘хромать’ и *чикиляй* ‘хромой человек’, возможно, возникли из *чи* ‘ли, или’ и **кыл* ‘хромой’, родственного *кулявий* ‘хромой’, *культя* (Фасмер 4: 361). А. В. Миртов связывает происхождение глагола с татарским *текяння* ‘хромать’ (Миртов 1929: 358). Думается, что обе этимологии недостаточно убедительны: первая — с точки зрения словообразования, вторая — на фонетических основаниях, а также в связи с отсутствием данной единицы в татарском языке; возможно, А. В. Миртов обнаружил её в одном из говоров, в литературном татарском языке в значении ‘хромать’ используются глаголы *аксаклау* и *чатанлау* (ТтРС).

Между тем во многих тюркских языках имеются слова с семантикой движения, которые могли быть заимствованы донскими казаками и жителями Южной Сибири, контактирующими с носителями тюркских языков. В турецком языке отмечены глаголы *çekilmek* ‘уходить, отходить’, *çekmek* ‘тянуть, тащить’, *çikmak* ‘перейти’, существительные *çikiş* и *çikma* ‘выход’ (ТтРС). Сходные слова имеются в туркменском языке *çekilmek* ‘уйти’, *çukma* и *çukuş* ‘выход’ (ТмРС). В киргизском языке используются этимологически сходные единицы *чыгуу* ‘выйти’, *чыгуу* и *чыгышы* ‘выход’ (КрРС), в казахском — *шығу* ‘выходить’ и ‘выход’ (КЗРС), в татарском — *чыгу* ‘идти’, *чыгарга* ‘выйти’, *чигену* ‘отступать’, *чыгыш*, *чыгу* ‘выход’ (ТтРС). В узбекском языке, помимо глагола *чиқмоқ* ‘выйти’ и *чекинмоқ* ‘отступать’ (УРС 1941; УРС 1989), используются близкие по звучанию оноματοпоэтические глаголы *чикилламоқ* и *чикиллатмоқ* ‘издавать звук чик-чик’ (УТИЛ: 374), которые похожи на донское междометие *чикиль-чикиль*. Вероятно, в русских говорах глагол был оформлен по модели *ковылять*, *гулять*, *костылять*, *путлять*, *петлять*, *цеплять* и пр., при этом в донских говорах произошло сужение значения заимствованного корня:

для семантизации значений выхода, перехода, отступления и пр. в диалектах было достаточно исконных единиц, тогда как для передвижения затруднённого, с хромотой или игрового можно было воспользоваться заимствованным корнем. Вероятно, определённую роль сыграла и ономотопея. Известно, что для описания походки хромящего человека в народной речи используются различные дразнилки и звукоподражательные единицы: *Татьяна вдруг вспомнила, как в детстве они дразнили хромого соседа: «Рупь, пять, где взять, надо заработать»... Ритм дразнилки имитировал ритм хромой походки* (В. Токарева. Перелом). В южно-сибирских говорах глагол используется как для экспрессивного описания обычного движения с помощью ног, так и для фиксации передвижения хромого человека.

Возможно, в группу с рассматриваемым корнем можно отнести и существительное *чикилі́ки* (вариант *чикиле́ки*), которое отметил в своем словаре А. В. Миртов и которое зафиксировано в БТСДК (БТСДК: 579): старинное женское украшение, связанное сеткой из жемчуга, которое, обвивая чело, спускалось под ушами (Миртов 1929: 358). В книге «Донской народный костюм» описывается, что в старину женщины долго сохраняли традиционную одежду тех мест, откуда они пришли на Дон. Известно, что многие донские казаки женились на татарках (привозили из походов «красных жен») и браки с женщинами иной национальности считались обычными. А. Н. Логинов отмечает: «Немаловажное значение имели и браки казаков с полоненными татарками, турчанками» [Логинов 2003: 23]. В XVII–XVIII вв. платье казачки татарского покроя сочеталось с русским головным убором. Кроме повойника, голова казачки могла быть увенчана рогатой кичкой. С кички по бокам свисали до самых плеч *чикі́лики* (длинные нити, унизанные жемчугом — в виде жемчужной сетки, которая свисала из-под головного убора, частично прикрывая щеки) [ДНК: 36–39, 63]. То же отмечается и в «Иллюстрированной истории казачества»: «Замуж-

ние женщины носили кички с высокими рогами. Против лба надевался вышитый круг, и от лба до ушей были подвески. Сзади был подзатыльник, весь убранный золотом, серебром и бисерными нитками. На висках были такие же нитки, называемые *чикилеками*» [ИИК: 106]. При ходьбе, при движении головой *чиклилки* колебались, покачивались, т. е. «чикиляли», как и прихрамывающий человек. Можно предположить, что эта лексема связана с глаголом *чикилять*.

Наши наблюдения над функционированием глагола *чикилять* и его дериватов в донских казачьих говорах показали, что на территории Волгоградской области словообразовательное гнездо с вершиной *чикилять* значительно шире, нежели в Ростовской.

Общими для обеих областей являются две лексемы: *чикилять* и *зачикилять*. Однако в ростовских говорах глагол *чикилять* имеет только два самых распространенных значения ('хромать' и 'прыгать на одной ноге'), а в волгоградских — четыре лексико-семантических варианта. На территории волгоградского казачества глагол *чикилять* приобрел дополнительные значения: одно — связанное с развитием значения 'хромать' ('медленно идти, не обязательно хромая'), второе — связанное с играми в «классики» ('бросать камешек в игре в *чикильдужики*'). Глагол *зачикилять* на территории Ростовской области представлен только в одном значении ('захромать'), на территории волгоградского донского казачества зафиксировано второе значение 'начать прыгать, запрыгать на одной ноге'.

Только в Ростовской области бытуют лексемы *чикилявый* 'хромой' и междометие *чикиль-чикиль*. Только в Волгоградской области представлены следующие диалектные единицы: имя существительное *чикильяй* 'хромой человек', глаголы *чикильнуть*, *вэчикилять*, *дочикилять*, *почикилять*, *причикильивать*, *причикилять*, *прочикилять*, все названия игр в «классики» (*чикальдужики*, *чикильдэ*, *чикильдужики*, *чикиляшки*), а также два до-

полнительных лексико-семантических варианта глагола *чи-килять* и одно дополнительное значение глагола *зачикилять*.

Литература

Донской народный костюм / Сост. Т. К. Тумасов, Т. С. Скуба. Ростов н/Д., 1986. 63, [1] с. : ил. (ДНК).

Иллюстрированная история казачества. Репринт. изд. Волгоград, 1994. 544 с. (ИИК).

Кудряшова Р. И. Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области). Волгоград, 1998. 93 с.

Логинов А. Н. «Тюркская струя» в традиционной одежде донских казаков в XVI–XVIII вв. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Матер. VI Междунар. конф., г. Волгоград, 28–30 нояб. 2002 г. Волгоград, 2003. С. 23–30.

Миртов А. В. Казачьи говоры. Изд. 2-е, перераб. Ростов н/Д., 1926. 32 с.

Орлов Л. М. Русские говоры Волгоградской области: Учеб. пособие. Волгоград, 1984. 96 с.

Русская грамматика: в 2 т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980. (РГ-80).

Сердюкова О. К. Лексика говора казаков-некрасовцев: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 1969. 26 с.

Названия обычая коллективной помощи в сельской работе*

И. А. Букринская, О. Е. Кармакова

В статье рассматривается обычай безвозмездной коллективной помощи в сельской работе: дается его лингвогеографическое описание, приведены общие наименования работ и именованя частных видов помощи. Номинации, распространенные в русских говорах, сопоставляются с номинациями в других восточнославянских языках.

Ключевые слова: лингвогеография, диалектная лексика, обычай коллективной помощи

В восточнославянской традиционной крестьянской культуре сохранился до наших дней архаический обычай коллективной помощи, который известен и многим другим этносам.

Помощь в первую очередь распространялась на тяжелые, трудоемкие работы, связанные со строительством дома, где одной семье не справиться, а также срочные работы: жатва, покос, копка картофеля. Обычно таким образом помогали вдовам, сиротам, погорельцам, больным и слабым: *Ну какая-нибудь баба с мал мала меньше ребятами не успеет сжать, соберут ей помочь, и всем миром бабы дожнут* (ЯОС). Раньше помощь проводилась по решению сельской общины, которая руководила хозяйственной, общественной и даже семейно-бытовой жизнью деревни. Нуждающийся крестьянин обращался к сельскому сходу или сам приглашал людей, адресуясь не ко всей общине, а прежде всего к родственникам и соседям. Но помощь могла быть организована и

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 16-04-18011е «Диалектологические исследования центра Европейской части России и восточнославянского пограничья».

иным способом: соседи договаривались по очереди помогать друг другу в разных видах работ, например, рубить капусту или вывозить на поля навоз.

Итак, неоплачиваемую общественную помощь условно можно разделить на три основных типа: 1) *благотворительная* помощь — крестьяне деревней работали на сиротские, вдовьи или просто маломощные хозяйства, помогали сообща погорельцам; 2) *в отработку* — соседи договаривались по очереди помогать друг другу, т. е. происходил обмен работниками; 3) *одноразовая* — хозяину было необходимо срочно завершить определенную работу.

Материалом для статьи послужили карты национальных атласов (ДАРЯ 1996: 175–176; ДАРЯ 1997: карта № 55; ДАБМ: № 315), словари, монографические работы по этнографии и диалектологии.

В русских говорах описываемое действие в зависимости от территории бытования имеет различные наименования, укажем наиболее распространенные, образующие значимые ареалы: *то́лока*, *толо́ка*, *толокá*, *пóмочь*, *пóмога*, *помóга*, *посóбие*, *себрá*. Перечисленные термины обозначают любой вид помощи вне зависимости от характера работы. На конкретный вид работы указывают адекватные словосочетания: *капустная толока*, *навозная толока*, *льняная толока*, *помолотная помочь*, *льняная помочь*, *избяная помочь* и под. Поскольку работа устраивалась в пользу нуждающихся, ее было разрешено проводить в те дни, когда по церковным и мирским правилам работать запрещалось, т. е. в воскресенье и праздники.

После работы было принято угощать помощников (*помочáн*, *толочáн*), которые перед застольем переодевались в праздничные одежды, специально взятые для этого случая. Поэтому во многих местах России бытовали выражения *играть*, *справлять помочь / толоку* (ср. *играть свадьбу*, *справлять новоселье*) — что означало регламентированное праздничное действие, состоящее из нескольких обязательных

частей. Прежде всего хозяин или хозяйка заранее приглашали людей на помощь (*созывали, собирали на помочь / толоку*), обходя каждый дом; в назначенный день утром все собирались вместе, распределяя обязанности, потом следовала непосредственно работа и завершающий этап — обед и гулянье. Любопытно, что в некоторых деревнях по традиции обед должен был состоять из 12 блюд, чтобы каждый месяц «получил свою порцию», а следовательно, весь год был накормлен, задобрен для благополучия хозяйства. После еды устраивались игры, пляски, молодежь с песнями и частушками каталась по деревне на лошадях. Как правило, помощь устраивали *обыденщиной* или *обыденкой*, т. е. в течение одного дня. Усредненная схема подготовки и проведения обычая приводится в [Громыко 1981; 1991].

В зависимости от характера работы помощь разделялась на *мужскую* (строительство дома, перекрывание крыши, рытье колодца); *женскую* (обработка льна, прядение шерсти, жатва, уборка избы); *общую*, в которой были заняты мужчины, женщины, молодежь и даже дети (вывоз навоза на поля, косьба, установка печи, заготовка капусты). Судя по материалам экспедиций последнего времени, обычай до сих пор существует в ряде русских деревень, но лишь в отдельных видах работ: обычно это уборка картофеля и рубка капусты для квашения.

Лингвогеографический анализ материала показывает, что названия коллективной помощи делят восточнославянскую территорию на два больших ареала: запад — *толока* и восток — *помочь / помочи, помощь* (см. карту).

Следует отметить, что в русских говорах лексема *толока́* является диагностической чертой юго-западной диалектной зоны — II пучок изоглосс [Захарова, Орлова 1970: 101], восточная граница ее ареала проходит по линии Курск — Орел — Калуга — Торжок — Новгород — Гдов. Помимо основного фиксируется и небольшой островной ареал в говорах рязанской Мещеры. Деулинский словарь, представляющий

Карта 1: Распространение слова *толокá* в значении 'коллективная помощь в работе'

частную диалектную систему в пределах Мещерского края, дает иллюстративный материал, описывающий обряд (Деулино). Надо заметить, что достаточно часто мещерские говоры имеют черты, отличающие их от окружающего языкового ландшафта. Отмечается *толока* и в некоторых западных и юго-западных районах Московской области: Можайском, Наро-Фоминском, Подольском, Чеховском (Войтенко 1991: 68).

В белорусских говорах наименования *талака́*, *то́лака*, *та-ло́ка* известны практически повсеместно, лишь в центральных говорах южнее и западнее Минска зафиксировано слово *пóмочь*. На территории украинских говоров название *толо-ка́* для коллективной помощи также распространено достаточно широко.

Помимо описываемого значения, лексемам *толо́ка*, *то-ло́к* в восточнославянских языках присуще и иное с основной семой 'земля под паром': 'нива, оставленная на отдых', 'пар, паровое поле', 'пар, на котором пасется скот', 'парина, паровое поле, на которое пускают скот при трехпольном хозяйстве', 'скотный выгон', 'сельское общее пастбище' (Опыт; Даль, 6-е изд.; Гринченко; ДАБМ); [Гриценко 2014: 152]. Значение 'пар, паровое поле, на которое пускают скот' отмечается и в польском языке. В материалах ДАРЯ подобные значения приведены эпизодически (Курская, Брянская обл.); так как специального вопроса (Программа ДАРЯ) не содержит, нельзя точно представить их распространение, однако, судя по данным словарей, указанные значения имеют южную локализацию.

В отдельных говорах отмечены единичные дериваты с корнем *-толок-*: *на́толка* (Рязанская обл.), *уто́лока*, *сúтолока* (Тверская обл.), *толка́ч* (Нижегородская обл.).

Наименования с корнем *-tlak* есть и в других славянских языках. М. Фасмер приводит следующую этимологию рассматриваемого апеллятива: *толокá* 'работа крестьян общества; ток; выгон', укр. *толокá* вин. п. *то́локу* 'поле под па-

ром, выгон', блр. *толокá*, болг. *тлакá* 'повинность, добровольная работа в целях взаимопомощи, вознаграждаемая угощением', сербохорв. *тáка*, словен. *tlaka*, польск. *łoka* — то же, также в знач. 'толпа, сутолока' || Родственно лит. *talká*, вин. п. *talką* 'толока, работники, созванные на подмогу', лтш. *talka* — то же, ... с др. вокализмом: лит. *telkiù, telkiaũ, telkti* 'созывать на толоку' ... сюда же *толóчь*.

Как видим, у Фасмера значения 'работа сообща' и 'поле под паром' приводятся в одной статье и соотносятся с глаголом *толочь*, что представляется вполне мотивированным. Но существует и другая точка зрения. Так, Ю. А. Лаучюте, исследователь балтийских языков, считает, что в данном случае речь должна идти о двух семантически не связанных группах слов. Одна из них определяется семей 'давление' и туда относятся значения 'поле под паром, где пасется скот', 'молотильный ток', 'давка', 'толчя'. Второе, доминирующее значение 'коллективная помощь' не имеет в славянских языках широких этимологических связей, поэтому она считает это балтийским заимствованием, находя косвенное подтверждение своей точки зрения в неустойчивости места ударения (Лаучюте 1982). В восточнославянских говорах данное слово в значении 'коллективная помощь' наиболее широко распространено с ударением на флексии — *толокá*, реже с ударением на основе: *толóка, тóлока*; в значениях 'пар', 'выгон скота' частотнее формы *толóка* и *толóк*. На наш взгляд, скорее правы те этимологи, которые полагают, что все значения восходят к одному этимону, имеющему общее балтославянское происхождение.

Гораздо большую территорию в русских говорах занимает ареал номинаций, образованных от глагола *помогать*. Самой распространенной является форма *пóмочь*, в ряде мест сосуществующая с вариантами *пóмощь* (чаще), *помочá, пóмочи, на помочáх* (реже). Кроме того, наименование *пóмочь* имеет значительный ареал в говорах центральной

диалектной зоны Белоруссии (между Гродно, Минском и Гомелем).

Другие дериваты от названного глагола не имеют презентативных ареалов. Так, номинации *помóга*, *пóмога*, *подмóга* отмечены в отдельных населенных пунктах, которые встречаются на всей территории ареала *помочь*. В белорусских говорах зафиксировано слово *дапамóга* также единично при сосуществовании с *пóмочь*.

Наименование *посóбие* в русских говорах известно в северо-западной диалектной зоне, где образует небольшой компактный ареал в гдовских и примыкающих к ним новгородских говорах. Отмечены и менее распространенные именованья: *подсóба*, *подсóбка*, *пособлénье*, *пособлóчки*, *пособля́нки* от глаголов *подсобить*, *пособить* ‘помогать’. Этимологически они восходят к местоимению *себе* (*собе*), в других славянских языках рассматриваемый глагол известен в значении ‘действовать, производить’.

На юг от Москвы — в Орловской, Курской и Рязанской областях — встречается название *себра́*. Скорее всего, оно означало соседскую помощь и образовалось от слова *сябёр* (варианты *себёр*, *сябр*) ‘сосед, товарищ, член общины’, известного в юго-западных русских, белорусских и украинских говорах, а также в других славянских языках. В белорусских говорах наименование *себра* отмечено единично; в центральных белорусских говорах бытует еще одно наименование *гурт*, которое не отмечается в других восточнославянских языках.

Помимо общих в говорах существовали специальные названия для частных видов работ, что отмечено в этнографических материалах, диалектных словарях, комментариях к лингвистическим атласам. Остановимся на них.

Так, у всех восточных славян бытовала помощь в полевых работах. В русских говорах для частных видов помощи существовали следующие названия: при жатве — *вы́жинки*, *дожéйки*, *обжéйки*, *спожéйки*, *бородá*, *кáша*, *со-*

ломáта (саламáта); при обмолоте зерна — *помолóтка, помолóтки, помолóт*; при покосе, заготовке сена — *сеновнíцы, ховрj́н*; при вывозе навоза на поля — *на́зьмы, назьмы́* (образовано от слова *назём* 'навоз'), *навóзница, отвóз*; при прополке — *полотj́шки*.

Именно с целью быстрого завершения работы собирали помощь, которая становилась частью обряда, посвященного окончанию жатвы. Таким образом, дериваты с корнем *-жин-* обозначали и обряд окончания жатвы, и коллективную помощь. Помогать женщины и девушки приходили со своими серпами, нарядно одетые, поскольку работа осознавалась как праздник. Работу сопровождали различные действия магического характера. Так, самый важный момент наступал при жатве последней полосы. Это ответственное дело доверяли либо самой красивой девушке, либо самой опытной, почтенной женщине. Несколько колосьев на полосе нужно было оставить несжатými — их обвязывали лентой или травой, украшали венком, пригибали к земле, а под колосья клали хлеб-соль. Этот обряд назывался «завивать бороду», отсюда и название *бородá* для подобного вида женской работы. На севере по традиции *помочан* кормили кашей; вероятно, именно поэтому здесь и обычай помощи получил название *кáша* или *солómáта* (тоже вид каши, похожей на кисель, которую варят не из крупы, а из муки) [Зеленин 1991: 66–67]. Реже коллективную помощь устраивали при обмолоте зерна.

Достаточно часто собирали помощь при строительных работах: для установки сруба на фундамент — *вздj́мки, сды́мки* (мужская помощь); для битья печей — *печебj́тье* (чаще молодежная помощь).

Помочане-мужчины раскатывали ранее приготовленный сруб, стоящий на земле, а потом его собирали на фундаменте. Самый важный этап в строительстве — подъем матицы, то есть центральной потолочной балки, к которой в ряде мест привязывали угощение. После окончания работы помогавшие садились за стол, это угощение получило название

мáтичное по этапу строительного процессе (подробнее см. [Панина 2015]).

Печебѣтье, как уже говорилось, могло быть и мужской, и молодежной помощью. Для того, чтобы работа проходила быстрее, хозяин сам делал *опѣчек* — основание для печи, форму в виде дощатого ящика, куда и набивали глину. Печь, как правило, устанавливали в новом, еще не достроенном доме. *Били* только глиняные печи, а кирпичные обычно клали печники. Работу выполняли за один день, завершалась она, как всегда, угощением, которое называлось *печнѣ*.

К мужской помощи, помимо строительства, относилась заготовка дров — *дровяницы*.

Существовала помощь и в женской работе, проходившая в помещении: обработка льна и конопли — *помятѹшки, потрепѹшки, копотѹха, харѹзна, карѹзна*; прядение шерсти и льна — *сѹпрядки, попрядѹшки, попрядѹха, попрядѹца, прядѹльницы*; рубка и соленье капусты — *капѹстки, капѹстница* (эта помощь могла быть молодежной, открывавшей сезон осенне-зимних собраний молодежи — *посиделок* и *беседок*); мытьѣ и уборка избы — *избомѹтье, большемѹтье*.

Снопы льна и конопли перед обработкой сушили в овинах, а чтобы лен и конопля не успели после этого отсыреть, их следовало быстро обработать, поэтому хозяйка и собирала женщин на помощь. Они разминали стебли *мялками*, затем трепали их *трепалами*, чесали щетками и гребнями, получая *кудель* — чистые волокна. По этим процессам и совместная работа стала называться *помятѹшками, потрепѹшками*, которые устраивались не в избах, а в овинах или банях, так как при работе было много пыли и грязи. Во многих местах существовала норма — каждая помощница должна была успеть за ночь обработать до ста снопов.

Прядением подготовленного волокна и шерсти женщины занимались, как правило, поздней осенью и зимой (с Покрова — 14 октября н. ст. до Рождества — 7 января н. ст.).

Наименования помощи в подобных работах образованы от корня *-пряд-*. Название *сўпрядки* широко распространено на северо-западе и севере: в Псковской, Владимирской, Вологодской, Кировской, Архангельской областях. В южных районах известны другие названия: *попрядух*, *попрядухи*, *попрядушки*, а *прядильницы* встречаются в Нижегородской области. Вот как рассказывала одна из хозяек про *попрядух* в Рязанской обл.: *Девоч собираю на попрядух, они прядутъ, прядутъ мой лен, я их кормлю, винца поднось* (Деулино).

Помощь при прядении отличалась от других видов помощи тем, что работа длилась не один вечер, а несколько вечеров подряд в доме хозяйки, в конце всей работы она приглашала женщин на обед. Существовал и другой вариант: хозяйка раздавала сырье по домам и устанавливала срок завершения, именно в этот день устраивалось гуляние. *Супряжницы*, *супряжанки* (так называли помогавших) нарядные, с выполненной работой собирались у хозяйки. *Сўпрядкой* могли называть саму помощь или и помощь, и день, на который назначено угощение. Лексема *супрядки* имеет поговорам и иное значение — ‘вечерние собрания с работой’, в этом случае каждая женщина или девушка приходит со своей пряжей. Слово *супрядки* в указанном значении образует компактный ареал в псковских и новгородских говорах, имеющих продолжение в белорусских говорах (ДАРЯ 2004: Карта № 93). Это наименование существовало еще в древнерусском языке, о чем свидетельствуют памятники письменности.

Словари XIX вв., того времени, когда обычай был широко распространен, отмечают приведенные наименования и дериваты от соответствующих корней: *помочь* (Арханг.), *собирать помочь* (Арханг. Шенк. Нижегород. Новгор. Перм. Верхот. Усол. Симб. Ярослав.), *быть на помочи* (Волог.), *помочанин* ‘мужчина, работающий на помочи’ (Волог. Верховаж. Иркут.), *помочанка* ‘женщина, работающая на помочи’ (Волог. Верховаж. Иркут.), *толока* ‘общинная... уборка хлеба или сена, принадлежащих одному хозяину, чрез пригла-

пенных к тому соседей, родных и знакомых'; *помочь* (Кур. Судж. Псков. Великолуц. Холм. Смол. Росл. Твер. Вышневолоц. Осташ.); наряду с названием *помочь* приводится *помочушка* 'помощь, состоящая из небольшого числа людей'; *толока́* в одном из значений 'помочь в Малороссии, иначе *толжуша́*; *пóмочь*, *пóмочи*, *работатъ на помочáх*, *помочáне*; *пóмочь* (сев. и вост.), *собирать помочь* или *делатъ помочь*, *помочанин* 'работник и гость на пóмочи', *толо́ка* и *толока́* (юж., зап., нвг., твр.), *толоча́нин*, зап. *толоче́йка* 'помочанин, помочанка, гость и работник на толоке' (Бурнашев; Опыт; Даль; Подвысоцкий 1885).

Большинство диалектных словарей второй половины XX в. (СРНГ, ЯОС и др.) также фиксируют приведенные в статье наименования коллективной помощи, а иллюстративный материал показывает, что обычай сохранился вплоть до конца XX в.

В материалах ДАРЯ упоминаются и единично встретившиеся названия коллективной помощи, которые приведены в общем списке названий.

Жизнь крестьянина во многом зависела от природных условий, поэтому обычай помощи сельского коллектива кому-то из своих членов имел такое большое значение в деревенском социуме. Сельчане часто помогали и тем семьям, которые лишились хозяина и не могли организовать уборочные и/или строительные работы. Описанный обычай интересен ещё и тем, что объединяет две главные стихии жизни — будничную работу и праздник (*гулянье*), мы наблюдаем не просто смену работы отдыхом, но осознание работы праздничным актом (недаром помощь разрешалась по воскресным и праздничным дням). Традиция совместного застолья, угощения тех, кто пришел в дом и помог в чем-либо, принята и в городской культуре, но своими корнями, скорее всего, уходит в крестьянскую стихию обычая коллективной помощи.

Литература

Гриценко П. Ю. Про один тип джерел сучасних діалектологічних студій // Діалекти в синхронії та діахронії: загальнослов'янський контекст. Київ, 2014. С. 145–154.

Громько М. М. Обычай помочей у русских крестьян в XIX в. // Советская этнография. 1981. № 4. С. 26–38; № 5. С. 33–46.

Громько М. М. Мир русской деревни. М., 1991. 446 с.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970. 166 с.

Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. 511 с.

Панина Ж. А. Семантическое поле 'праздники' в говорах архангельского региона: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 27 с.

Приложение

Названия коллективной помощи,
приведенные в материалах ДАРЯ

<i>Большéмытьe</i>	<i>Льняная толóка</i>
<i>Борода</i>	<i>Навóзница</i>
<i>Валéж</i>	<i>Навóзная пóмочь</i>
<i>Вздýмки</i>	<i>Навóзная толóка</i>
<i>Вýжинки</i>	<i>Назъмы</i>
<i>До́жинки</i>	<i>Назъмы</i>
<i>Дровя́нцы</i>	<i>На́толка</i>
<i>Избо́мытьe</i>	<i>Обж́инки</i>
<i>Избя́ная пóмочь</i>	<i>Отвóз</i>
<i>Ка́ша</i>	<i>Печеб́итьe</i>
<i>Капу́стки</i>	<i>Подмо́га</i>
<i>Капу́стная толóка</i>	<i>Подсо́бка</i>
<i>Капу́стница</i>	<i>Пож́инки</i>
<i>Кари́зна</i>	<i>Полоту́шки</i>
<i>Копот́иха</i>	<i>Пóмога</i>
<i>Льняная пóмочь</i>	<i>Помóга</i>

<i>Помоло́т</i>	<i>Пряди́льницы</i>
<i>Помоло́тка</i>	<i>Сды́мки</i>
<i>Помоло́тки</i>	<i>Сжи́нки</i>
<i>Помоло́тная по́мочь</i>	<i>Себра́</i>
<i>Помо́ча</i>	<i>Сенови́цы</i>
<i>По́мочи</i>	<i>Солома́та</i>
<i>Помо́чушка</i>	<i>Спожи́нки</i>
<i>По́мочь</i>	<i>Су́рядки</i>
<i>По́мощь</i>	<i>Су́толока</i>
<i>Помяту́шки</i>	<i>Сябе́р</i>
<i>Попряду́ха</i>	<i>Та́лкуша</i>
<i>Попряду́ха</i>	<i>Толка́ч</i>
<i>Попряду́шки</i>	<i>Толо́к</i>
<i>Посо́ба</i>	<i>Толока́</i>
<i>Посо́бие</i>	<i>Толо́ка</i>
<i>Посо́бление</i>	<i>То́лока</i>
<i>Посо́блюшки</i>	<i>Толо́ки</i>
<i>Посо́бянка</i>	<i>У́толока</i>
<i>Потоло́к</i>	<i>Хару́зна</i>
<i>Потрепу́шки</i>	<i>Ховру́н</i>

О номинации отдельных частей объектов мезорельефа (на материале орловских говоров)

Н. В. Бурко

В данной статье рассматриваются наименования некоторых компонентов объектов мезорельефа (в частности, элементов возвышенности), которые отражают специфику восприятия окружающей действительности носителями русских народных говоров.

Ключевые слова: русские народные говоры, лексема, семантика, перенос значения, апеллятив

Общеизвестно, что при назывании географических объектов (в особенности отличающихся большими размерами) номинации подвергается не только реалья в целом, но и ее компоненты. При этом носителями языка учитываются различные «морфологические особенности рельефа: плановый рисунок горных цепей, речных долин, а также генезис эоловых, биогенных и ряда других форм» [Соколова 2007: 51–53]. Стремление к детализации и конкретизации при обозначении природных объектов в некоторых говорах приводит, например, к тому, что «местные жители могут иметь названия многих элементов горы, — отдельных выступов, скал, склонов, но в то же время не иметь для нее обобщающего названия» [Поспелов 1969: 5]. И хотя последнее замечание в большей степени относится к получению географическими объектами собственных наименований (оронимов), но в то же время отражает и специфические особенности апеллятивной номинации, существующие в разных диалектах.

В орловских говорах, как в большинстве русских народных говоров, употребляются апеллятивы, называющие как

весь географический объект, характерный для данного типа рельефа, так и отдельные его части.

В данной работе рассматриваются наименования в говорах Орловщины таких форм мезорельефа, как вершина, склон, подножие возвышенности, а также частей склона.

Вершина — «наиболее высокая, верхняя часть чего-либо» (БАС 2: 210).

В современном русском языке существует ряд слов, называющих верхнюю часть, вершину возвышенности. В синонимический ряд с этим значением в ССРЯ (ССРЯ 1: 125) включены слова *верхушка*, *вершина*, *верх*, *макушка*, *макуша* (прост.), *маковка*, *глава* (трад.-поэтич.). В (Александрова 1968: 59), помимо уже перечисленных лексем *верх*, *вершина*, *верхушка*, *макушка*, *маковка* (прост.), отмечено существительное *гребень* и словосочетание *верхняя часть*.

Компоненты представленных синонимических рядов отличаются не только стилистической принадлежностью, но и оттенками значений и степенью употребительности: «*Верхушка* может быть не только у больших и высоких предметов (деревьев, возвышенностей и т. п.), но и у небольших; *вершина* — преимущественно у больших (например, горы, дерева); *макушка* и простореч. *макуша* чаще употребляются по отношению к вершине дерева; *маковка* употребляется редко; *глава* употребляется в образной приподнятой и поэтической речи» (ССРЯ 1: 125).

В орловских говорах основу синонимического ряда со значением 'верхняя часть, вершина возвышенности' составляют общенародные слова: *верх* — *На верх, бывала, зббирёшся, всё видать* (Свердловский р-н); *Вон ани идут. Ды ты на верх глянь!* (Колпнянский р-н); *верхушка* — *Малинькие были, да вирхушки никада не дэхадили, больнь крутъ там* (Орловский р-н); *вершина* — *Виршынь на увале шырокзя* (Верховский р-н); *макушка* — *Приехли нэ Касую Гору и астэнавились нэ макушки аддажнутъ* (Новодеревень-

ковский р-н), которые дополняются диалектными существительными *верхуша*, *выш*, *вышь*, *горбина*, *огривок*, *вершок*.

Вершок — *Виришок* — *этъ верх халма* (Новодеревеньковский р-н); *Мы как раз нѣ виришку халма были, када абстрел нѣчился* (Ливенский р-н).

Лексема *вершок* со значением ‘верх, верхушка’ известна в русском языке с древнерусской эпохи (Срезневский 1: 467). Значение ‘верхняя часть чего-либо’ отмечено у данной лексемы и в БАС (БАС 2: 211), но в словаре более позднего издания (МАС 1: 155) уже отсутствует. Из этих наблюдений можно заключить, что общепринятое ранее значение перестаёт быть таковым, выходит из активного словарного запаса литературного языка, но продолжает жить в народных говорах. Кроме орловских говоров, слово *вершок* ‘вершина, верхушка’ известно в московских (СРНГ 4: 177) и Брянских говорах (СБГ 2: 48); ‘вершина горы’ — в украинских диалектах (Мурзаев 1984: 120).

Апеллятив *верхуша* отмечен на территории Дмитровского района Орловской области, а также в соседних курских говорах (СРНГ 4: 171).

Одно из значений субстантива *горбина* в современном русском языке — ‘небольшая округлая возвышенность’ (БАС 3: 271). Это слово — суффиксальное образование (при помощи характерного для географической номенклатуры суффикса *-ин-*) от существительного *горб*, известного уже в древнерусском языке со значениями ‘возвышение, холм’, ‘спина, хребет’. Слово *горб* общеславянское, но, по замечанию Н. М. Шанского (Шанский, Боброва: 60), надёжной этимологии у него нет. «Родственно др.-прусс. *garbis* ‘гора’, лит. *gárbana*, *gárbina* ‘завиток (волос)’, ирл. *gerbach* ‘морщинистый’, исл. *korba* ‘морщина, складка’, *korpa* ‘собираться в складки, съеживаться’, арм. *kart* ‘удочка, крючок’ из **grp-ti*» (Фасмер 1: 439). По мысли Н. М. Шанского и Т. А. Бобровой, значение ‘холм, пригорок, бугор’ у суще-

ствительного *горб* ближе к исходному 'искривление, изгиб', а «уже вторичным экспрессивным образованием на базе этого являются значения 'горб' и 'спина'» (Шанский, Боброва: 60).

Значение 'верхняя часть, вершина возвышенности' у слова *горбина* в орловских говорах появилось, думается, вследствие семантического переноса «целое» → «часть целого» ('небольшая округлая возвышенность' в общенародном языке → 'верхушка, вершина' в говорах) — *Последний бугор астался. Щас эту гарбину пиривалим и выйдем на ровнзе места* (Новодеревеньковский р-н). С таким же значением апеллятив *горбина* 'вершина горы' отмечен в говорах Урала (СРНГ 7: 22).

В результате «внутреннего» (метонимического) переноса по линии «целое» → «часть целого» развилось в орловских говорах значение 'верхняя часть, вершина возвышенности' и у апеллятива *вышь* (известного в говорах Орловщины для обозначения небольшого холма, бугра) — *Па выши хвращо идти* (Новосильский р-н). В ряде орловских говоров употребляется морфологический вариант лексемы *вышь* — существительное мужского рода *выш*: *Нѣ вышу стань, усѣ увидиш* (Залегощенский р-н). *Был нѣ вышу* (Новосильский р-н). *На самѣм вышу дом паставили* (Болховский р-н + Мценский р-н, Новодеревеньковский р-н).

Следует подчеркнуть, что в орловских говорах слова *выш*, *вышь* известны с более широким значением 'самая высокая часть чего-либо, верх' (СОГ 2: 126–127): *Мальщик сидел на самѣм вышу дерева. Нѣ вышу дома*. С такими значениями в других народных говорах эти лексемы не зафиксированы.

Дифференциальный семантический признак, указывающий на особенности поверхности вершины (наличие растительности), выделяет апеллятив *огривок* 'вершина какой-либо возвышенности, покрытая растительностью' (СОГ

8: 83) — *Глянь-кѣ туда, видиши вон тот агривѣк, вот кра-сива, правда?* (Покровский р-н).

У существительного *огривок* мы наблюдаем актуализацию того же типа переноса значения, что и в словах *горбина, вышь, выш:* ‘возвышенность’ → ‘вершина возвышенности’.

В орловских говорах используются слова, употребляющиеся как общие наименования склона возвышенности: *склон, скат, уклон, сторона*, известные с тем же значением в общенародном языке, а также лексемы, в семантике которых в качестве релевантной выступает сема, указывающая на признак крутизны/пологости склонов.

Сема ‘крутой’ актуализируется в существительных *круча, косогор, скат, отлог*.

В современном русском языке лексема *круча* известна со значением ‘крутой спуск, обрыв, крутое место’ (МАС 2: 140). В орловских говорах она имеет похожее значение — ‘крутой склон возвышенности, оврага’: *На этѣм бугре уклон нибальшой, а на том, глуди, такая круча, што ни збирѣшя* (Новодеревеньковский р-н). Как название крутого склона горы слово *круча* известно также в пермских говорах [Полякова 1998: 97], а во владимирских говорах это ‘крутой обрывистый берег’ (СРНГ 15: 334).

Косогор: *И склон крутой — кѣсагор. Ну, не так уи сильнѣ крутой, где и касить можна. Горки — этѣ против сонца, а кѣсагор — пат сонцем* (Новодеревеньковский р-н). Таким образом, в дефиниции лексемы *косогор*, известной в современном русском языке как ‘склон горы, холма и т. п.’ (МАС 2: 112), в орловских говорах реализуется сема ‘под солнцем’, указывающая на дополнительный признак ‘обращённости к солнцу’, который в сознании диалектоносителей оказывается важным, определяющим наряду с признаком ‘крутизны’.

В Новодеревеньковском районе Орловской области дифференцирующая сема ‘крутой’ проявляется и в значении сло-

ва *скат* — *По этому скату не зббирёшся. Скат — это склон, давольнѡ крутой.*

В современном русском литературном языке у лексемы *скат* выделяется значение 'наклонная поверхность чего-либо, *пологий* спуск' (курсив наш. — Н. Б.) (БАС 13: 901; МАС 4: 104).

Существенное различие между общенародным словом и диалектной лексемой — содержание в семантике слова указания на противоположные понятия (крутой/пологий), отражающие «единую и вместе с тем дифференцируемую, «раздвоенную» сущность» (Львов 1985: 9). Так как «дифференцируя единую сущность, антонимы как знаки «раздвоенного» на противоположности единства одновременно и определяют предел проявления какого-либо качества, свойства, действия, и указывают на неразрывную связь противоположностей» (Там же), то семантический переход по линии «*min* предел появления качества» ↔ «*max* предел проявления качества» не выглядит в говорах алогичным и неожиданным. Собственно, на основе этой поляризации противоположностей происходит развитие значений слов по линии «верх» ↔ «низ», так широко представленное в говорах. Слова, совмещающие в себе противоположные значения, образуют «особую непродуктивную разновидность антонимов» (ЛЭС: 36). По замечанию В. Н. Прохоровой, в литературном языке «энантиoseмия... представлена большей частью диахронно, то есть противоположные значения слова выступают только как результат изменения значения слова в ходе истории», тогда как в русских народных говорах в большинстве случаев слова с противоположными значениями «предстают перед исследователем как синхронные факты русского языка» [Прохорова 1961: 122]. Среди внутрисловных антонимов выделяется прежде всего две группы: 1) «одинаково звучащие слова разных говоров, значения которых при сопоставлении выступают как антонимичные» (например, *торить* — «спешить» — в псковских и тверских говорах,

«задерживать» — в архангельских говорах; *збойливый* — «учтивый, вежливый, скромный» — во владимирских говорах, «гордый, надменный, заносчивый» — в говорах Сибири); 2) «слова одного говора с антонимичными значениями» [Там же] (например, орловское *верх* — ‘овраг’ и ‘возвышенность’, ‘холм’).

Примером внутренней противопоставленности, противоположности значений (энантиосемии) в пределах орловских говоров является существительное *отлог*. Оно известно со значением ‘высокий крутой спуск, круча’ (СОГ 8: 200) — *Сматри! Ни прыгэй с атлога* (Хотынецкий р-н), а также ‘некрутой, пологий склон (холма, оврага)’ — *А если у бугра некрутой склон, идти хэрашо — этэ атлог* (Новодеревеньковский р-н).

Значение ‘некрутой, пологий склон’ отмечено у однокоренного слова *полог*, образованного при помощи нулевой суффиксации от прилагательного *пологий* ‘отлогий, покатый’ (БАС 10: 1059) — *Давай пэ палогу спустимся* (Орловский р-н). Со значением ‘покатость, покатый склон’ апеллятив *полóг* зафиксирован также в псковских и тверских говорах, а в бассейне р. Урал и на Псковщине известен акцентологический вариант *пóлог* (СРНГ 29: 96).

Для обозначения пологого склона возвышенности, как и для обозначения пологого склона оврага, на Орловщине известно слово *левада* — *Ливада ещё есть. Ливада — этэ типэ кэсагора, пат сонцем. Кэсагор больше, чем ливада, круче* (Новодеревеньковский р-н).

Обращает на себя внимание то, что в данном случае, как и в слове *косогор* ‘крутой склон возвышенности’, произошла актуализация признака ‘обращённости к солнцу’. С подобным значением апеллятив *левада* не отмечен в других русских говорах (СРНГ 16: 305).

Как название элемента мезорельефа – части склона: уступа на возвышенности – в орловских говорах зафиксировано слово *порог* — *Нашы бугры имеют парогы* (Новодере-

веньковский р-н). Слово **порог** в современном русском языке многозначно, в основе появления отмеченного в орловских говорах значения лежит, вероятно, метафорическое переосмысление одного из значений: ‘брус (обычно деревянный) в нижней части дверного проема’ (БАС 10: 1377). Лексема **порог** достаточно часто встречается в русских народных говорах с разнообразными значениями (СРНГ 30: 65), но дефиниция ‘уступ на возвышенности’ отмечена только в орловских говорах.

Для обозначения нижней части возвышенности в орловских говорах употребляются слова **подножие**, **подошва**, **пригорок**.

Существительное **подошва** известно в научной географической терминологии; это — «условная линия, ограничивающая в плане горное сооружение и отделяющая его от равнинных пространств» (ЭСГТ: 289). В современном русском языке одно из значений апеллятива **подошва** — ‘нижняя часть, основание (горы, холма и т. п.)’ (БАС 10: 520). В орловских говорах то же — *Хадили нѣ шашлык нѣ Касую гору. Дѣлико не пашли, нѣ подошве кастѣр разожгли* (Новодеревеньковский р-н).

С тем же значением известны общенародные слова **подножие**: *С калыма ехѣли, у падножия гары астанавились прикусить* (Орловский р-н) и **пригорок**: *Дѣлико ни хади, пѣдажди мне нѣ пригорке. Пригорѣк — этѣ вот нижняя часть гары, бугра, ближайшый участѣк* (Залегощенский р-н). *А вот пригорѣк, виш? Бирѣски там растут* (Верховский р-н). В современном русском языке существительное **пригорок** употребляется со значением ‘небольшой холм, бугор’ (БАС 11: 430). В русских народных говорах эта лексема имеет также значения ‘склон горки, холма’ в пермских, красноярских говорах, ‘порог’ в свердловских говорах. Развитие значений в говорах, вероятно, произошло по линии «целое» → «часть целого».

Для обозначения частей возвышенности в орловских говорах отмечено 26 апеллятивов, большая часть которых (54%) — слова, совпадающие с лексемами литературного языка в плане содержания и в плане выражения: *верх*, *вершина*, *верхушка*, *макушка*, *склон*, *скат*, *уклон*, *сторона*, *косогор*, *круча*, *подножье*, *подошва*; 26% — слова, совпадающие с литературными только в плане выражения: *пригорок* — в литературном языке ‘холм, бугор, горка’ (МАС 3: 403), в орловских говорах — ‘нижняя часть, основание возвышенности’; *порог* — в литературном языке многозначное слово, одно из значений которого можно отнести к географической лексике: ‘каменистое поперечное возвышение дна реки, нарушающее плавность её течения’ (БАС 10: 1377), в орловских говорах ‘уступ на возвышенности’ и др.; 20% — диалектные наименования компонентов возвышенности: *выш*, *вышь*, *огривок*, *верхуша*, *полог* и др. Причем среди зафиксированных на Орловщине наименований отмечены как полидиалектные слова, о чём свидетельствуют данные региональных словарей и СРНГ (например, *вершок*, *горбина*, *полог*), так и узкорегionalные апеллятивы, зарегистрированные только в орловских говорах (*выш*).

Среди рассмотренных наименований частей объектов мезорельефа отмечаются лексемы, называющие часть возвышенности безотносительно к каким-либо дополнительным признакам реалии (например, *вершок*, *верхуша*, *выш*, *вышь*, *горбина*, *макушка* — вершина возвышенности), монофункциональные лексемы, т. е. содержащие указание на один дополнительный признак (‘наличие растительности’ у лексемы *огривок*, обозначающей вершину возвышенности), и полифункциональные лексемы, содержащие указание на несколько признаков (‘характер склонов’ + ‘обращённость к солнцу’ у слов *косогор*, *левада*). Чем больше количество дифференциальных признаков в значении насчитывает лексическая единица, тем дальше отстоит она «от беспризнакового члена, от нуля» [Чернейко 1980: 16] и тем ближе нахо-

дится к периферии и пересечению семантических микрополей.

Кроме того, среди лексем, называющих компоненты возвышенности, отмечены случаи энантиосемии (*скат*, *отлог* 'пологий склон возвышенности' ↔ 'крутой склон возвышенности').

Литература

Полякова Е. Н. От *аршины* до *яра*: Русская народная географическая терминология Пермской области. Пермь, 1988. 180 с.

Поспелов Е. М. Оронимика СССР: Состояние и проблемы // Оронимика / Редкол.: В. Д. Беленькая [и др.]. М., 1969. С. 4–8.

Прохорова В. Н. О словах с противоположными значениями в русских говорах // Филологические науки. 1961. № 1. С. 122–127.

Соколова А. А. Ландшафт в системе традиционных пространственных представлений: географическая интерпретация диалектных образов: монография. СПб., 2007. 392 с.

Чернейко Л. О. Опыт парадигматического анализа лексики: (на материале географических терминов архангельских говоров): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. 17 с.

«Словарь русского камчатского наречия» (к 40-летию издания)*

А. А. Бурькин

Статья приурочена к 40-летию выхода в свет словаря по русским говорам Камчатки, содержащего материалы по одной из самых архаичных групп говоров русского старожильческого населения Восточной Сибири. В статье дается обзор словарей по русским старожильческим говорам Восточной Сибири (Приамурье, Якутия, Охотское побережье), обсуждаются проблемы заимствования лексики из языков коренного населения, рассматриваются севернорусская диалектная лексика, сохраняющаяся в русских старожильческих говорах Сибири. Отмечаются высокие качества работы авторов над словарем как пример обработки материала для диалектного словаря дифференциального типа.

Ключевые слова: русские говоры Сибири, диалектная лексикография, «Словарь русского камчатского наречия»

Изучение русских говоров Крайнего Северо-Востока России и русских говоров Дальнего Востока заметно отстает от уровня описания русских говоров Европейской части России, Урала, Западной Сибири — для этого есть свои исторические причины. Тем не менее в недавние годы были изданы «Словарь русских говоров Приамурья» [1-е изд. 1983; 2-е изд., испр. и доп. 2007] (СРГП), «Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии» [т. 1. 1997; т. 2. 2002; т. 3, 4. 2007] (Дружинина), «Словарь региональной лексики

* Исследование проведено в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 16-04-00065а «Лексический атлас русских народных говоров» в контексте современных полевых данных и материалов региональных диалектных словарей».

Северо-Востока» (Зотов 2010), материалы которых охватывают по существу всю Восточную Сибирь.

«Словарь русского камчатского наречия» (Браславец, Шатунова 1977)¹ стал одним из первых словарей, фиксирующих говоры русских одного из его авторов [Браславец 1963] проясняет ситуацию с речью старожилов Сахалина. Прошедшие четыре десятилетия ознаменовались множеством событий в изучении русских старожильческих говоров Сибири и Дальнего Востока: изучение русских говоров этих регионов стало предметом коллективных монографий [Русские говоры Приамурья 2011], сборников статей и материалов конференций [Русские говоры Камчатки 2006; Севернорусские говоры от Архангельска до Камчатки 2013], отдельных статей [Бархатова 1975; 1979; 1988; Бархатова, Ильинская 1988], кандидатских диссертаций, рецензий и аналитических статей по лексикографии [Лукьянова 2008; Сергеева 2009; Галуза 2013]; в Камчатском крае сложилась своя этнолингвистическая школа [Глущенко 2011 — с обзором литературы]; опубликованы авторитетные и качественные этимологические словари А. Е. Аникина (Аникин 2000; 2003), объясняющие заимствованные лексические единицы говоров этих регионов. Тем не менее, компактный (около 2000 слов) «Словарь русского камчатского наречия» заслуживает того, чтобы взглянуть на него внимательнее и использовать заложенный в нем диалектологический и лексикографический опыт.

«Словарь русского камчатского наречия» — словарь дифференциального типа, включающий лексику, отсутствующую в русском литературном языке или имеющую в «камчатском наречии» иные значения, а также те лексические диалектизмы, которые являются заимствованиями из языков народов Камчатки (на Камчатке широко распространились слова чукотского и корякского языков). Принцип дифференциальности выдержан в словаре с исключительной последо-

¹Далее ссылки на этот словарь делаются в тексте с указанием страницы.

вательностью, что служит хорошим примером для составителей современных локальных диалектных словарей: в нем нет той лексики, которая в региональных формах языка балансирует на грани новых диалектных слов и просторечия (в словаре М. Ф. Дружининой таких слов, скажем так, слишком много).

В рассматриваемом Словаре представлены редкие архаизмы: *борошень* ‘мелочи, которые можно скласть вместе, приборы дорожные, скарб’ (с. 31), *днище* ‘расстояние, которое можно проехать в один день’ (2-е знач.) (с. 53), *дубас* ‘верхняя рабочая или дорожная одежда’ (с. 55), *шахма*, *сакма* ‘след от саней по снегу, лыжня’ (с. 191; ранний тюркизм: этимология известна, см.: Аникин 2000: 480–481), но данные этого Словаря к семантике не учтены), *шиликун* ‘наряженный’, ‘нечистые духи’ (с. 192), *попускаться* ‘соглашаться, сдаваться’ (с. 136). Слова *прудило* и *остол* (с. 144) даны как синонимы, в то время как в говорах Якутии они различаются по географическому распределению.

Оригинальны вошедшие в словарь фразеологизмы: *вымотать кишки* ‘выпотрошить рыбу’ (с. 41), *дурить в дудку* ‘сильно расти в ствол’ (с. 56), *лён помять* ‘бить по шее’ (с. 94), *рубажку надел* ‘разбогател’ (с. 151), *хилый на стужу* ‘боящийся холода’ (с. 181). Сходный по качеству и еще не исследованный фразеологический материал мы находим в «Словаре русских говоров Приамурья» [Назарова 2004: 53 и сл.]. Ни одна из фразеологических единиц этого Словаря не может рассматриваться как просторечная, хотя позднее мы встречаем диалектные фразеологические словари, ср. (Кобелева 2004), материал которых почти полностью относится к просторечной идиоматике, ср., однако, *с копыт долой* (с. 157).

Привлекают внимание инновации камчатского наречия: *бубенцы* ‘пчелы’ (с. 32) — переосмысление архаического *будуница* ‘пчела’, еще сохранявшегося в речи и отмеченного словарем (с. 32); *чушатник* ‘хлев для свиней’ (с. 189) — от

регионализма *чушка* ‘свинья’, характерного для старожильческих регионов.

Наибольший интерес вызывают слова, заимствованные из местных языков, и слова севернорусских говоров, принесенные первопроходцами-казаками и промышленниками на Камчатку.

В «Словаре русского камчатского наречия» присутствуют формы *апана* ‘собачий корм, состоящий из вареной вяленой рыбы’ (с. 24) и *опана* ‘корм для собак из разварной рыбы’ (с. 119) (Аникин 2000: 94), в аутентичности которых для камчатских говоров не приходится сомневаться, см. (Аникин 2000: 19). Сходный случай: в Словаре есть лексема *шира* ‘кожа, которою обиты ящики или посылки’ (с. 192) явный монголизм, нетипичный для Камчатки, но эта лексема не отмечена в этимологической сводке (Аникин 2000: 706).

Из якутского языка происходят слова *алас* ‘тундра’, *алашу* ‘суходолы’ (с. 23), *бадараны* ‘топкое болото’ (с. 26). А. Е. Аникин, указывая, что источником последней диалектной лексемы является якут. *бадаран* ‘болото’, пытается отыскать этимон лексемы и приводит долганское (словарь М. Стаховского) *batyrǵan* (Аникин 2000: 111), сюда же можно добавить монг. *намарган* ‘болото’, соотношение которого с якутским словом не вполне понятно (возможно, что якут. *бадаран* — монголизм с метатезой, но тогда неясен источник долганской формы). Лексема *маняло* ‘коряцкое кушанье’ (с. 99), вероятнее всего, восходит к юкагирскому *моньил* ‘живот’, с чем согласен А. Е. Аникин (Аникин 2000: 394), не исключаяющий и других этимологических решений для этого слова. Для слова *укенчина* ‘плохая, дрянная оленья кожа без шерсти’ (с. 176) верно указан чукотско-корякский источник (Аникин 2000: 585), ср. чукотск. *уккэнчи* ‘плащ’, но непонятно изменение значения слова в сторону снижения.

Остается неясной причина вариантности форм *бугачи* ‘хрящики от затылочной части головы рыбы’ (с. 32), *пугач* ‘часть головы рыбы до жаберных крышек’ (с. 145). А. Е. Ани-

кин приводит для этих форм севернотунгусские параллели (Аникин 2000: 141, 461), но эвен. *букэч* ‘рыбья голова’ само по себе остается изолятом и похоже на какое-то старое заимствование или слово, гомогенное с монг. *mögeresün* ‘хрящ’.

Ряд слов камчатского наречия, присутствующих в данном Словаре и явно восходящих к языкам народов Камчатки, остается без объяснения. Так, форма *валава* ‘нож’ (с. 33) сравнивается А. Е. Аникиным с корякским *в’ала* ‘нож’ (Аникин 2000: 154) на уровне корней, похоже, что это форма мн. числа *в’алав* ‘ножи’.

Любопытны формы *евала*, *евалая* ‘рыба отметавшая икру’ (с. 57 с дублетом), *ивайлук* (с. 67); судя по всему, эти слова восходят к корякскому *ейв’эл* ‘сирота’, отметим, что эвенское слово *нукуя* ‘отнерестившаяся рыба (кета)’ имеет также значение ‘бедный человек, слабый человек’.

Форма *каноны* ‘посуда’ (с. 72) остается без объяснения — это заимствование из корякского *к’аманга* ‘миска’, ‘блюдо’.

Загадочные слова *гамулы* ‘сказочные богатыри, живущие в вулканах’ (с. 44), *камули* ‘злые горные духи’ (с. 71), похоже, восходят к айнскому *камуй* ‘бог’, ‘дух’ и пришли в камчатское наречие через ительменское посредство.

Слово *утка*, *уточка* ‘птица всякого рода’ (с. 178) точно соответствует по семантике чукотскому *гатле* ‘птица вообще’ и ‘утка’, ср. ительм. *уткэ* ‘утка’ — русское заимствование.

Интересно, что для названия изделия — шнура, плетеного из ремней, в камчатское наречие попали формы *чаут* ‘ременная петля с костяным кольцом, аркан’ (с. 185), очевидно, из корякского языка, и *маут* ‘ремень, на котором удерживается спица (копье на нерпу)’ (с. 100) — заимствование из тунгусских языков, в основном значении ‘аркан для ловли оленей’. История этих похожих друг на друга слов пока не ясна: тунгусское происхождение слова *маут* сомнений не вызывает (Аникин 2000: 385), но даже праформа тунгусской лексемы отражена не в эвенкийском языке, а в якутском слове эвенкийского происхождения *мамык*, *мамыкта*, архетип

которого в самих эвенкийских диалектах отсутствует. (Возможно, оба слова восходят к тюркским корням со сходным значением, ср. др.-тюрк. *-baγ-* ‘оковы, узы, повязка, покрывало, узел’ (ДТС: 77) и *сiγ-* ‘завязывать, связывать узлом’ (ДТС: 147).

Благодаря тому, что слова, заимствованные в разное время носителями севернорусских говоров и распространившиеся на восток по мере продвижения землепроходцев в Сибирь, описаны в этимологических словарях А. Е. Аникина (Аникин 2000; 2003), нет надобности обращать внимания на историю таких слов, как *алак*, *алык*, *алачики* (с. 23), *аргис* ‘обоз, аргиш’ (с. 24), *варжисны* (с. 34), *войда*, *войдать* (с. 38), *гача*, *гачи* (с. 44), *евразжка* (с. 57), *едомо*, *елань* (с. 57), *ичиги* (с. 69), *калаус* (с. 69), *камас* (с. 70), *камлея* (с. 71), *кибас* (с. 76), *кукуль* (с. 86), *кулемка*, *култук* (с. 87), *куржсевинка* (с. 88), *курья* (с. 89), *кухлянка* (с. 90), *лабаз* (с. 91), *лыва* (с. 97), *малахай*, *мандара* (с. 98), *остол* (с. 120), *пальма* ‘нож’ (с. 123), *порса* (с. 137), *ровдуга* (с. 150), *сутуры* (с. 165), *тайга* (с. 167), *торбаса* (с. 171), *тулун*, *турсук* (с. 174), *туяс* (с. 175), *хиуз* (с. 181), *хоньбы* (с. 183), *чуман* (с. 189), *шагла* (с. 189–190), *шайба*, *сайба* (с. 190), *шаньга*, *шанежка* (с. 191), *юхала* (с. 194) и др. Такие слова в сибирских и особенно в восточносибирских говорах представляют собой благоприобретенный компонент, и если и являются заимствованиями, то их источники, преимущественно языки уральской семьи, распространены далеко к западу от мест бытования восточносибирских старожильческих говоров, в особенности такого изолята, как говоры Камчатки. Такие лексические единицы, как *зарод* (с. 64), *парунья* (с. 125), *пойматься* (с. 135), *репище* (с. 149), *стайка* (с. 163), *уда* (с. 176), однозначно выдают в «камчатском наречии» севернорусскую основу, которая остается классифицирующим признаком этих говоров.

По прошествии 40 лет с момента издания скромный по объему и оформлению «Словарь русского камчатского наре-

чия» К. М. Браславца и Л. В. Шатуновой продолжает привлекать к себе внимание, несмотря на то, что его материал многократно использовался диалектологами и этимологами. Остается неосвоенной его этнолингвистическая составляющая, отражающая знания носителей камчатского наречия в области традиционной культуры и верований аборигенов Камчатки, не до конца решены проблемы истории слов, пришедших из языков коренных жителей Камчатки с учетом генетических и ареальных связей этих языков и диалектов. Этот Словарь, несмотря на большое число новых диалектных словарей, в том числе по сибирским и дальневосточным говорам, остается хорошим образцом краткого дифференциального словаря изолированных старожильческих говоров.

Литература

Бархатова О. Т. Из наблюдений над лексикой русских говоров долины реки Камчатки // Проблемы лексикологии, фразеологии и лексикографии сибирских говоров. Красноярск, 1975. С. 79–84.

Бархатова О. Т. Из наблюдений над рыболовецкой лексикой в русских говорах камчадалов // Проблемы лексикологии, фразеологии и лексикографии сибирских говоров. Красноярск, 1979. С. 33–40.

Бархатова О. Т. Из истории бытовой лексики в говорах камчадалов // Лексические единицы и их взаимодействие в говорах Сибири: межвузовский сборник научных трудов. Красноярск, 1988. С. 34–46.

Бархатова О. Т., Ильинская Н. Г. Из наблюдений над лексикой охоты в говорах камчадалов // Народные говоры Дальнего Востока: межвуз. сб. Хабаровск, 1988. С. 35–44.

Браславец К. М. Речь русских старожиллов Сахалина. Южно-Сахалинск, 1963. 80 с.

Галуза О. Ю. Диалектная лексикография Приамурья: становление и современное состояние // Вопросы лексикографии. 2013. № 2(4). С. 41–47.

Глущенко О. А. Этнолингвистическая школа Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2011. № 1(17). С. 35–42.

Лукуьянова Н. А. Рецензия на книгу: Словарь русских говоров Приамурья. 2-е изд., испр. и доп. / Авт.-сост. О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятина, Н. П. Шенкевец. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. 544 с. // Вестник Новосибирского гос. университета. 2008. Т. 7. Серия филология, история. Вып. 2. Филология. С. 137–139.

Назарова Т. В. Образный мир народной идиоматики // Народное слово Приамурья. Благовещенск, 2004. С. 53–60.

Русские говоры Камчатки: [сб. ст.] / Под ред. Н. Г. Ильинской. Петропавловск-Камч., 2006. Вып. 1. 199 с., [3] л. цв. ил. : табл.

Русские говоры Приамурья: коллективная монография / Под ред. В. Т. Садченко. Хабаровск, 2011. 201, [2] с.

Севернорусские говоры от Архангельска до Камчатки: генезис, функционирование, тенденции развития: сб. науч. тр. I Международной науч.-практ. конф., Петропавловск-Камч., 12–13 ноября 2013 г. / Под общ. ред. Н. Г. Ильинской. Петропавловск-Камч., 2013. 135 с.

Сергеева И. А. «Словарь русских говоров Приамурья». Итоги и уроки... // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 1. Филология. Искусствоведение. С. 211–216.

О «кабинетной» апеллятивизации топонимов

В. Л. Васильев

В статье изучается феномен ошибочного восприятия и лексикографирования географических названий как апеллятивных лексических диалектизмов (так называемая «кабинетная апеллятивизация» топонимии). В качестве материала рассмотрены псевдоапеллятивы *вышгородъ*, *камнѡ*, *взвѡд*, *верьяжка*, *зерѣм*, *ѣгла*, *врев*, *самоклѡжа* и др., присутствующие с различными значениями в хорошо известных диалектных, исторических и этимологических словарях.

Ключевые слова: географическое название, термин-фантом, псевдодиалектизм, апеллятивизация топонимов, словари

Помимо естественного процесса превращения топонима в апеллятив, наблюдаемого весьма редко (ср., например, волг. *дунѡй* ‘ручей’), пожалуй, чаще обнаруживаются случаи искусственной апеллятивизации топонимов только на бумаге (другими словами, случаи «кабинетной» апеллятивизации).

Как правило, речь идет о превращении географических названий в диалектные географические термины, поскольку эти два класса лексем очень близки друг к другу, вплоть до неразличения, в силу общей референтной соотнесенности с объектами ландшафтной топографии. Под «кабинетную» апеллятивизацию, судя по имеющимся у меня фактам, обыкновенно подпадают древние, архаические топонимы славянского облика, которые внешне сохраняют кажущиеся очевидными фонетические переключки с русской диалектной лексикой. Фантомные лексические диалектизмы, закрепившись однажды в лексикографическом источнике, кочуют из словаря в словарь и постепенно становятся необходимым фактическим материалом научных исследований, получают этимоло-

логии, как и все прочие слова. Именно поэтому имеет смысл такие лексемы отслеживать, обосновывать их фантомный характер (в чем, конечно, не всегда можно быть уверенным на сто процентов) и, видя их искусственность, выводить из научного оборота.

Конкретные причины «кабинетной» апеллятивизации топонимии различны. В целом она проистекает из слишком вольных, донаучных или околонаучных, топонимических толкований, порой даже из словесной игры с топонимами. Ранее уже отмечалось [Добродомов 2015: 269–271; Дудин 2012: 178], что именно таким игровым путем появился рязанский псевдодialeктизм *колóмень*, придуманный в середине XIX в. любителем народной словесности Рязанского края М. Н. Макаровым, который пишет следующее: «В названии *Колуга* медик мой находит *окололужье*, то есть поселок при *луге* или при *луже*; в *Колязине* — *коло-язье*, в *Коломне* — *коломень*, ближайшее или соседнее (что-либо) *ко мне* (*ко мени?*), к известному мѣсту, и проч.» [Макаров 1846: 41–42], цит. по [Добродомов 2015: 269]. Сочиненное Макаровым ряз. *колóмень*, ставшее плодом размышления над корнем топонима *Коломна*, позднее перекочевало в словарь В. И. Даля (см.: *колóмень*, *колóменье* ряз. ‘околица, околоток, соседство’ с примечанием: «отчего и названье города *Коломны*: околица Москвы», Даль 2: 138). Затем ряз. *колóмень*, *колóменье* очутилось в СРНГ (14: 170) и в «Этимологическом словаре славянских языков», где получило статус праславянизма: праслав. **kolome/-mene*, с вопросом (ЭССЯ 10: 146).

Любителем словесности Макаровым, как убедительно доказывает А. А. Дудин [Дудин 2012: 178–179], был придуман путем объяснения названия с. *Вышгород* на Рязанщине еще один рязанский псевдодialeктизм — *вѣшгородъ*, который из рязанской губернской газеты вошел в «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря» 1858 г. как *вѣшгородъ* ‘огорода на горе для пригона скота или табуна’ (Доп. Опыт: 30), потом в словарь В. И. Даля. В конечном итоге тер-

мин-фантом предстал в СРНГ (6: 59) как *вышгород* ‘загородка на горе для стада коров или табуна лошадей’ ряз., 1847 г. и получил объяснение в «Русском этимологическом словаре»: «Апеллятивный реликт прасл. сложения **vyše(ь)gordъ* <...>, часто выступавшего в древней Славии как назв. крепостей, городских укреплений на возвышенностях, холмах» (Аникин 9).

Конечно, никакого злого умысла в искусственном превращении топонима в апеллятив обыкновенно не просматривается. В целом это происходит случайно, по недосмотру, но так или иначе связано с рефлексией по поводу происхождения топонимов, с неудачным приравнением топонима к вероятному термину-мотиватору, который из вероятного иногда превращается для автора в безусловный. Значение такого термина произвольно конструируется из элементов характеристики (в том числе исторической) топонимического референта. Учет и анализ местного топонимического ландшафта позволяют отчасти отследить такие ложно понятые лексические факты. Изложу ряд примеров подобного типа из региона исторических новгородско-псковских земель.

Пск. *камно́* ‘межа между участками, обозначенная камнем’ (ПОС 13: 448, со ссылкой на словарь В. И. Даля, см. Даль 2: 81). Далевский словарь определяет *камно́* следующим образом: «пск. слово, обратившееся в название многих пограничных урочищ, но начальное, кажется, означавшее грань, межу, обозначенную камнем» (Даль 2: 81). В СРНГ (13: 27) дано более подробное толкование слова *камно́*: «Место на западной оконечности, границе. Слово, вышедшее почти из употребления и оставшееся теперь уже для многих мест собственным» (Пск., Опоч. Пск. с отсылкой к материалам Карпова, 1855 г.); «Слово, обратившееся в название многих пограничных урочищ, но начальное, кажется, означавшее грань, межу, обозначенную камнем» (Пск. со ссылкой на словарь Даля). Очевидно, первоисточником термина *камно́*, обозначения каменной межи, явились материалы

Карпова 1855 г., который и запустил процесс искусственной апеллятивизации и мультипликации исторического псковского топонима *Камно́*. Данный топоним, вопреки Карпову, представлен не во многих местах (пограничных урочищах), а прикреплен к конкретному средневековому укреплению, погосту в нескольких километрах западнее Пскова (сегодня здесь остается д. *Камно́* рядом с одноименным городищем в истоках р. Камёнки). Значение каменной межи, границы становится понятным, если учесть, что укрепленный погост *Камно*, ставший источником термина *камно́*, в течение столетий выполнял функцию приграничной крепости, прикрывая западные предместья Пскова от иноземных захватчиков: в 1239 г. псковичи «избиша Литву на Камне», в 1272 г. разбили ливонское войско, в 1341 г. «ставше станми на Камне», в 1407 г. потерпели поражение от немцев «за Камном на Лозоговичьском поли» [Мельников 1984: 76–78; Янин 1998: 120]. По происхождению топоним *Камно* являет собой др.-пск., др.-новг. форму адъектива **камъньни* ‘каменный’, от *кам* ‘камень’ [Васильев 2012: 407–409].

Др.-рус. *взвэд*, *узвэд* ‘охота’ (Фасмер 1: 310, со ссылкой на Дювернуа 1894: 23). Это превращенное в апеллятив название с. *Взвэд*, расположенного в устье р. Ловати в 18–19 км к северу от г. Старая Русса Новгородской обл. Топоним *В(ѣ)звэд* (или *Озвэд*, *Озвэдо*) многократно упоминается в грамотах Новгорода XIII–XV вв. в связи с княжеской охотой. Впервые селение указано договорной грамоте Новгорода с тверским князем Ярославом Ярославичем 1264 г. как *Озвэдо* («А на Озвэдо ти, княже, ездити лѣтъ звери гонитъ»), то же в грамотах 1266 и 1270 гг. (ГВНП: 10–12, № 1, 2, 3). В грамоте Новгорода с тверским князем 1304–1305 гг. — *Озвэд* («А на Озвэдъ ти, княже, ездити лѣтъ звѣри гонитъ»), то же в грамотах 1307–1308, 1326–1327 гг. (Там же: 17 + 19, 21, 27, № 7 + 9, 10, 14). В договорной грамоте с тверским князем Михаилом Александровичем 1371 г. — *Възвэд*: «А лѣтъ ѣздѣти на Възвэдъ звѣри гонитъ» (Там же: 29, № 15), в грамо-

тах 1435, 1456 и 1471 гг. с московскими князьями Василием Васильевичем и Иваном Васильевичем — *Взвад* («А лѣтъ ѣздити на Взвадъ звѣри гонити») или *Възвад* (Там же: 40 + 19, 47, № 22 + 19, 26). Данные исторические контексты, взятые сами по себе, не позволяют однозначно понять, что такое лексема *В(ѡ)звад* (*Озвад*): это топоним, помен loci ('место охоты') или апеллятивный помен acti ('охота')? Опора только на древнерусскую письменность привела к неверному восприятию данной лексемы как обозначения охоты, однако обращение к топонимическому ландшафту Новгородской земли однозначно свидетельствует о географическом имени.

Впрочем, знание топонимического ландшафта не подразумевает обязательного использования этого знания. Так, в Новгородском областном словаре содержится диал. *взвад* в значении 'небольшой мыс земли, обычно слегка возвышенный, который вдается в озеро', записанный в Новгородском р-не (НОС 1: 124). Здесь сама дефиниция выдает фантомность термина: диалектное обозначение мыса вовсе не требует такой гиперконкретизации признаков (вполне достаточно ограничиться определением 'мыс' или 'мыс на реке, озере'), но данное развернутое описание как раз соответствует топографии широко известного с. *Взвад*, которое действительно стоит на слегка возвышенном мысу, вдающемся в оз. Ильмень.

«Русский этимологический словарь» А. Е. Аникина учитывает изложенный в НОС фантомный термин *взвад*, объединяя его с фантомным же др.-рус. *възвадѣ*, *узвадѣ* 'охота' из словаря М. Фасмера (Аникин 7: 108). Разумеется, при таком скрещивании т. н. термин *взвад* 'небольшой мыс...' не получает приемлемого объяснения (см. в Аникин: «мотивировка неясна: 'место, куда заманивают (загоняют) зверя на охоте'?»).

Диал. *веря́жка* 'большое непроходимое болото в лесу', записанное в д. Даймище Гатчинского района Ленинградской области, 1959 г. (СРНГ 4: 179). Из СРНГ диал. *веря́жка* по-

пало в «Программу собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров (Лексика природы)» (М.; Л., 1990), см. вопрос № 414 «Программы...» о диал. обозначениях большого болота, с. 51. Вслед за СРНГ диал. *веря́жка* как обозначение большого болота учтено также в Аникин 7. Однако перед нами явно фантомный термин, появившийся на свет в результате ошибки. Похоже, собиратель записал название речки *Веря́жка*, берущей начало из большого крупного болота *Веря́жский Мох*, которое находится как раз поблизости от д. Займище Гатчинского района, где в 1959 г. фиксировалась диалектная лексика; затем этот гидроним *Веря́жка* по каким-то причинам очутился в СРНГ на правах диалектного нарицательного слова. Ранее мною подробно был исследован вопрос о новгородской топонимии на *Веря́ж-*, и было выяснено, что число этих топонимов крайне ограничено (всего шесть, не считая вторичных дериватов и вариантных форм), все они сосредоточены в окрестностях оз. Ильмень не более чем в 140–150 км от него, все очень древние (фиксируются начиная с XV–XVI вв.), не находящие апеллятивной поддержки в местных говорах. Эти названия обосновывались мною и другими исследователями в качестве производных от этнонимического обозначения варягов, но в его исчезнувшем древненовгородском облике типа **верягъ* [Васильев 2012: 343–347], хотя в последнее время я все более склонен считать их производными все же не от этнонима, а от термина болота, но не современного **веря́жка*, а давно исчезнувшего, забытого (типа **веряга*).

Подобного рода случайная апеллятивизация топонимии доказывается наличием соответствующих топонимов в тех местах, где производилась запись диалектной лексики. Аналогичным образом можно подозревать в несуществовании новгородский термин *зерём* 'мокрое место': «Зерём — это термин охотников, зерём — мокрый, место сырое», Вол. (НОС 3: 96); вместе с ним в НОС приведен отмеченный в том же р-не топоним *Зеремá* — водное угодье у д. Верёхново: «Зе-

рема — это такое место, где бывает очень много весной воды и уток. Пошли в Зерема уток ловить», Вол. (Там же: 97). В книге, посвященной новгородской географической терминологии, *зерём* и *зеремá* даны как варианты термины со значением ‘место, затопленное в половодье водой’ [Строгова 1991: 43]. В данном случае описание денотата топонима, полученное от информанта, было интерпретировано как значение апеллятива. Конечно, следует говорить не о *зереме* как «термине охотников», а о *Зереме* как названии сырого места, урочища, куда охотники ходят охотиться на уток. Дело в том, что в 8 км севернее д. Верёхново, где был записан т. н. термин *зерём* ‘мокрое место’, расположена рядом с большим сырым болотом д. *Зерема* Волотовского района (= д. *Зерема* Городецкой волости Старорусского уезда, по спискам селений начала XX в., СМНГ 3: 34–35). Кроме этого топонима, на прилегающей территории Юго-Западного Приильменя (преимущественно бассейн р. Шелони) выявлен компактный анклав названий на *Зерем-*, почти все они — идущие из средневековой эпохи ойконимы, отраженные в письменности XV–XVIII вв. [Васильев 2012: 399–403, карта на с. 738]. Все они восходят к др.-рус. *зеремя* ‘место, где живет стадо бобров’, сохраненному актовой письменностью Южной и Западной России. В грамотах XV в., написанных на Волыни, термин неоднократно встречается в сообщениях о раздаче бобровых угодий: «...Дали есмо и записали за его вѣрную службу села (...) з бобровыми гоны и с зеремяны», 1430 г. (АЮЗР 8: 6, 7–8); «...Дали есмо тому пре(д)реченому пану Андрѣю (...) село Михлинъ оу Луцкомъ повѣте (...) з бобровыми гоны и с зеремяны», 1433 г. [Розов 1928: 118–119]; «...Дали есмо ему (...) село Холопы (...) з бобровыми гоны, и зеремяны», 1452 г. (АЮЗР 8: 4, 60–61); «и в зеремяни бобровый ея уступаешъ» (из архива княжат Любартовичей Сангушков XIV–XVI вв., по [Филин 1972: 543]).

Диал. *ѣгла* ‘ель’ в Боровичском районе Новгородской области, XX в. (СРНГ 8: 316). На этот диалектный факт обыч-

но ссылаются при рассмотрении рефлексации *tl, dl* > *кл, гл* — специфической, северно-кривичской особенности древненовгородского диалекта, см., например, [Филин 1972: 278; Зализняк 2004: 49; Васильев 2012: 394]; (Аникин 1998: 328). Сегодня появились подозрения в апеллятивности данного факта. Действительно, ни в НОС, ни в СРГК, ни в картеке ЭССЯ, ни в картеке диалектной лексики Боровичского уезда, собранной краеведом К. В. Гарновским, знатком Боровичского края¹, ни в иных местных источниках этого слова нет; оно единично представлено только в СРНГ (причем в записи, в целом не типичной для СРНГ: без указания конкретной даты и без ссылки на конкретный письменный источник) при том, что рядом с Боровичами находятся хорошо известные д. *Ёгла* на р. Мсте и под деревней крупный порог *Ёгла* (*Ёгольский*). Нет ли здесь восприятия названий этой деревни и этого порога в качестве диалектного обозначения ели? В этой вероятной (о стопроцентной безусловности, конечно, говорить нельзя) апеллятивизации просматривается некая филологическая заинтересованность дополнительно обосновать наличие в древних новгородских говорах обозначения дерева ели с рефлексом *гл*. В том, что подобное северно-кривичское обозначение елки существовало, сомневаться не приходится, ввиду повторяющейся (более десятка раз) новгородско-псковской топонимии *Еглино*, *Еглинка*, *Егольско* и др. и отражения термина *егль* ‘ель’ в одном из псковских актов XIV–XV вв.: «... путь кроими до ручья до егли до кроя, от егли ручьемъ внизъ» [Марасинова 1966: 52, гр. 9]. Что же касается боровичского *Ёгла*, то скорее всего с елью данное название не связано: ранний вариант его представлен адъективной формой *Еглая*, первоначально оно относилось к мстинскому порогу, перейдя потом на деревню, и, похоже, имеет отношение к диал. *егліть* ‘спешить самому или побуждать другого поспешить что-либо делать’ курск., ‘ме-

¹Картоотека К. В. Гарновского хранится на кафедре матлингвистики филологического факультета СПбГУ.

таться от боли, нетерпения’ тул., *неяглый* ‘неповоротливый, нерасторопный; ленивый’ нижегор., яросл. (СРНГ 21: 212) или, точнее, к *яглый* ‘расторопный, быстрый’ в утвердительном смысле (т. е. *Еглая*, или первоначально скорее **Еглой* (= диал. *яглый*) в согласовании с термином *порог* — ожидаемая номинация для места с бурным, быстрым течением).

Отсутствие достаточной лингвистической строгости при объяснении древнего топонима создает благоприятные условия для его превращения в апеллатив. Так, журналист С. Е. Мельников, автор хорошей популярной книги о псковских географических названиях, пишет об имени древнего селения *Врев* на р. Великой в Псковской области следующее: «Врев» — ключ-кипун, родник. «Вреть» по-древнерусски значит кипеть» [Мельников 1984: 40]. Впоследствии Э. М. Мурзаев, сославшись на Мельникова (которого он ошибочно указывает под фамилией Мельниченко), в словаре географических терминов отдельным артикулом выводит псковский термин *врев* ‘ключ, кипун, родник’ (Мурзаев 1999: 138). В авторитетных собраниях диалектной лексики Русского Северо-Запада (ПОС, НОС, СРНГ, СРГК и др.) такого термина, однако, не найти, псковские и новгородские говоры его не знают, зато обнаружено не менее десятка повторяющихся псковско-новгородских топонимов *Врёво*, *Врево*, *Вревка*, *Врева*, отмеченных как правило в средневековой документации (с XV в.). Подробный анализ их показал, что данные топонимические архаизмы, хотя и родственны др.-рус. *въръти* ‘кипеть, бурлить’, имеют тесные связи с терминологией типа новг. *урёв* ‘круча’ (НОС 11: 96), калуж. *вров* ‘овраг’ (СРНГ 5: 193) и др. (см. [Васильев 2011: 241–250; Васильев 2012: 372–378]), а пск. *Врев* отметило селение на круче, на крутобоком холме².

²Ср. еще не учтенные мною в предыдущих работах укр. диал. (полесск.) термины *уров* ‘ущелье с нависающими скалами’, *урови* ‘пропасти, обрывы’, *уровище* ‘пропасть’ [Марусенко 1968: 252], которые скорее всего родственны изложенной топонимии на *Врев*- и новг. *урёв*; эти полесские тер-

Основой превращения топонима в нарицательную лексему иногда становится местная топонимическая легенда. Именно таким путем в результате курьеза возникли новг. *самоклáжа* и *самокрáжа*; см. в НОС (10: 7): *самоклáжа* (*самоклáда*) ‘общая могила’: «Посередь деревни вырыта яма была, которая называлась самоклажа. Холера ходила, и людей кидали в одну яму», Новг., *самокрáжа* — то же, что *самоклáжа*: «Самокража, а было самокрада: вымирал народ, сам клал себя в гроб, раньше ложился в гроб, на доску, чтоб потом скатиться в яму. Самоклада, самокража», Новг. В данном случае искусственной апеллятивизации подверглось прежнее название д. Ильмень Новгородского района на северо-западном побережье Ильменя (в Ильменском Поозерье), которая до 1953 г. называлась *Самокража*. Поозеры, до сих пор помнящие старый топоним, рассказывали легенду, что жители д. Самокража (или, в народно-переосмысленном облике, — *Самоклажа*) сами себя хоронили, клали в могилу в тяжелые времена мора (в ином варианте легенды, во времена нашествия литвы). Что касается научного объяснения топонима *Самокража*, то он трактуется как йотовый посессив от др.-новг. личного прозвища **Самокрадъ* (или коллективного **Самокрады*). Данное экспрессивно-оценочное прозвище (буквально — ‘кто сам у себя крадет’) было когда-то популярным в центральных древненовгородских землях, коль скоро топоним *Самокража* повторяется не менее семи раз в разных местах Новгородской и Псковской областей [Васильев 2012: 110–112].

Если конкретный топоним не найден, то об искусственно-оттопонимной природе термина остается рассуждать только в сугубо гипотетическом ключе. Например, слово *лукóма* ‘изгиб оврага’ с пометами «стар.» и «сев.» (Даль 2: 272) вызывает подозрения в том, что перед нами настоящий апеллятив, а не апеллятивизированный топоним: все лексемы с ос-

мины продолжают основу *урев-*, отвердевшую в белорусской диалектной среде и сближенную с лексемой *ров*.

новой *луком-*, кроме данного факта, выступают старыми топонимами Новгородской земли, Поочья, Белоруссии, Украины с древнерусской и старорусской историей, основа содержит суффикс *-ом-*, характерный именно для архаической топонимии, а не для апеллятивной лексики (подр. см. [Васильев 2012: 523–525]), далевское определение ‘изгиб оврага’ более подходит описанию некоего топообъекта, оврага, нежели значению слова (скорее ожидается просто ‘изгиб’, без топографической конкретизации). Правда, слово *луко́ма* содержится также в СРНГ (17: 191), где оно, помимо отсылки к словарю Даля, приведено еще со значением ‘извилистый овраг’ (Север., 1959). Указание на год 1959 вроде бы предполагает еще одну фиксацию данного термина. Однако неопределенность его географии (Север.), почти буквальное следование значению из словаря Даля явно подсказывают, что мы встречаемся здесь с «умножением сущностей», т. е. с реминисценцией все того же далевского *луко́ма*.

Создание псевдотерминов из топонимии — это в любом случае меньшее зло, нежели намеренное создание «диалектной лексики» из самой же диалектной лексики (о чем, например, неоднократно писал А. Е. Аникин, обосновывая искусственный характер многих слов в «Словаре русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова [Аникин 2002: 31–46; Аникин 2015: 10–12]). При случайной апеллятивизации топонимов обычно происходит простое умножение одних и тех же сущностей, объяснение топонимии через «самое себя» внутри ареала соотносительной с ней терминологии, при этом история термина — мотиватора топонима — почти не страдает; во втором же случае — безусловно затрудняются поиски этимологии, изучение эволюции и ареала диалектной лексемы, поскольку научные усилия могут быть направлены совсем в другую сторону.

Литература

Аникин А. Е. Еще раз о “Словаре русских говоров Забайкалья” Л. Е. Элиасова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1997. СПб., 2002. С. 31–46.

Аникин А. Е. Об этимологиях, основанных на недоразумениях и недостоверном материале // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы III Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г. Екатеринбург, 2015. С. 10–12.

Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше утвержденной при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторстве. Ч. 1–8. Киев, 1859–1914. (АЮЗР).

Васильев В. Л. *Врѣв и урѣв* (этимология, семантика, ареал) // Русский язык в научном освещении. 2011. № 1(21). С. 241–250.

Васильев В. Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012. 816 с.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949. 408 с. (ГВНП).

Добродомов И. Г. Город *Коломна* (топонимический этюд с источниковедческими экскурсами) // И. Г. Добродомов. Избранные труды по этимологии и лексикологии. М., 2015. С. 262–278.

Дудин А. А. И. И. Срезневский и изучение русских народных говоров: заметки по лингвистическому источниковедению (лексикографические материалы М. Н. Макарова) // И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: К 200-летию со дня рождения И. И. Срезневского: сборник статей. Рязань, 2012. С. 177–181.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004. 879 с.

Макаров М. Н. Несколько историко-филологических заметок к словарю г. Линде по букве К // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1846. № 4. Отд. 4. С. 37–42.

Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966. 209, [2] с., [1] л. ил.

Марусенко Т. А. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов) // Полесье. Лингвистика. Археология. Топонимика. М., 1968. С. 206–255.

Мельников С. Е. О чем говорят географические названия: Историко-лингвистические и краеведческие заметки. Л., 1984. 199 с.

Розов В. Українські грамоти XIV і першої половини X ст. Т. 1. Київ, 1928. 4 + 176 + 75 + IX с.

Строгова В. П. Как говорят в Новгородском крае. Новгород, 1991. 134 с.

Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972. 655 с.

Янин В. Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998. 216 с.

«Лексический атлас русских народных говоров» и лексика природы в лингвогносеологическом аспекте

Т. И. Вендина

Статья посвящена анализу структурной организации семантической сферы «Растительный мир» с точки зрения ее семантической и мотивационной расчлененности, выявлению различий в принципах номинации семантических групп, принадлежащих одному семантическому полю. Автор доказывает, что свежий, достоверный материал Атласа, рассмотренный в гносеологическом и лингвогеографическом аспектах, дает возможность по-новому взглянуть на природу диалектных номинаций, и предлагает схему иерархии семантически и мотивационно структурированных разных участков семантической сферы «Растительный мир».

Ключевые слова: диалекты, лингвогеография, мотивационные модели

В одной из своих статей, изданных более 20 лет тому назад, я писала о том, что может дать для антропологической лингвистики и в частности для лингвогносеологии реализация такого проекта, как «Лексический атлас русских народных говоров». Работа над Атласом тогда находилась в начальной стадии, и многие прогнозы делались *a priori*. Сегодня, когда завершилась подготовка к печати первого тома Атласа, можно сверить эти прогнозы с результатами проделанной работы.

Задача Атласа заключается в том, чтобы представить в пространственной проекции основные звенья словарного состава русских народных говоров — лексические и семантические различия в организации тематических групп слов, се-

мантическую структуру слова, особенности диалектного словообразования.

Построенный на принципиально иных началах, нежели ДАРЯ, ориентированный прежде всего на системный подход в изучении диалектной лексики, ЛАРНГ является одним из важнейших источников лингвистической гносеологии, изучающей когнитивную функцию языка. Системный подход к изучению диалектной лексики¹, лежащий в основе «Программы» Атласа, дал возможность рассмотреть ее в рамках отдельных микросистем. Каждый том тематической серии «Природа» посвящен определенной семантической группе: первый том этой серии посвящен растительному миру, второй том будет посвящен лексике животного мира, третий — ландшафтной лексике, четвертый — метеорологии и т. д. Лексика «освоенной природы» (полеводство, огородничество, садоводство и т. д.) будет представлена в тематической серии «Трудовая деятельность человека». Такая организация материала позволит более четко эксплицировать различия в принципах номинации семантических групп, принадлежащих одному семантическому полю.

Отказ от прежнего атомистического подхода к изучению диалектной лексики, ориентация на системность делает реальной возможность по-новому взглянуть на ономаσιологическое и словообразовательное устройство отдельных участков лексической системы русских диалектов. Системный подход к разработке «Программы» Атласа позволил обнаружить не только внутреннюю системность лексического уровня языка, но и осуществить переход к исследованию диалектной лексики в когнитивном и лингвогеографическом аспекте.

Известно, что в лексических единицах любого языка содержится богатейшая информация, раскрывающая особен-

¹О системном подходе к изучению диалектной лексики см. «Предисловие» к «Пробному выпуску Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ 2004: 11–12).

ности видения мира человеком и являющаяся своеобразным ориентиром в его освоении. Поскольку любой язык стремится не только к объективации миропонимания народа, но и консервации его духовно-практической деятельности, карты ЛАРНГ позволяют проникнуть в механизм сложного процесса познания и интерпретации мира человеком, т. е., в конечном счете, приблизиться к пониманию когнитивного акта, самого механизма взаимодействия человека и языка.

Представления человека об окружающем его мире, и в частности о природе, формируют глубинную основу его системы ценностей. Знакомство с материалами тома раскрывает отношение русского народа к «вмещающей и кормящей» [Гумилев 1992: 11] его природе, что выразилось, прежде всего, в богатом и детализированном словаре, характеризующемся плюрализмом в наименовании одних и тех же реалий, различающихся способами семантического и словообразовательного маркирования.

Работа с материалами этого тома показала, что в чрезвычайно раздробленной семантической сфере «Растительного мира» существует своя логика и «шкала ценностей», которая, однако, поддается реконструкции только при системном подходе к материалу. Методика системного анализа лексики, основанная на принципе выделения интегральных и дифференциальных сем, формирующих то или иное семантическое пространство (лексико-семантическую группу, тематическую группу, семантическое поле и т. д.), дает возможность учесть, с одной стороны, взаимосвязанные природные и социальные явления, характеризующие их интегральные признаки и процессы, а с другой — разнообразные дифференциальные признаки.

В этой связи следует особо отметить важную роль словообразования, которое позволяет определить, какие элементы внеязыковой действительности словообразовательно маркируются и почему, и тем самым выяснить, **что** в языковом сознании народа является жизненно и социально важным.

Материалы Атласа представляют особую ценность еще и потому, что именно лексический уровень языка более всего подвержен «давлению действительности», в связи с чем он ярче всего передает своеобразие семантического облика модели мира. В этом смысле материалы уже первого тома атласа «Растительный мир», давая возможность увидеть пространственную и реальную классификацию человеческого опыта, позволяют взглянуть на русскую природу сквозь призму диалектного слова.

Экстраполируя положения интерпретирующей лингвистики с синтаксиса на словообразование (поскольку словообразовательный акт — это в известном смысле акт предикации, о чем писал еще о. П. А. Флоренский, уподоблявший слово «свившемуся в комок предложению, а предложение — свободно распустившемуся слову» [Флоренский 1990: 126–127]), следует признать, что в производном слове как в языковой структуре представления знаний ярче, чем в других, немотивированных словах, высвечивается такой семиотический концепт, введенный Ч. Пирсом, как «интерпретант», поскольку именно здесь нагляднее всего эксплицируется результат предметно-познавательной, интерпретирующей деятельности человека. Благодаря производному слову мы можем обратиться к исследованию мышления человека, восприятию и членению универсума, так как именно производное слово позволяет понять, «какое концептуальное или когнитивное образование подведено под “крышу” знака, какой квант информации выделен телом знака из общего потока сведений о мире» [Кубрякова 1993: 23]. Сохраняя свою внутреннюю форму, производное слово, таким образом, дает возможность понять «привычки сознания», узнать, о чем и как думает народ, отсылая к его концептуализации мира. А поскольку эта концептуализация носит системный характер, то выбор словообразовательно маркируемых предметов и явлений внешнего мира и их объективируемых признаков также не является случайным и тем более хаотичным, а но-

сит системный характер, давая представление о мировидении всех членов этноса. Именно на этом основывается общность их картины мира и возможность взаимопонимания.

Материалы Атласа являются прекрасной иллюстрацией этого положения, если обратить внимание на два принципиально важных вопроса:

1) выбор предмета или явления действительности в качестве объекта словообразовательной детерминации (что уже само по себе свидетельствует о его значимости для носителей языка: эта значимость и явилась потребностью к словотворческим усилиям человека);

2) оценка его с точки зрения потребностей, интересов и установок познающего субъекта.

Известно, что в системе представлений человека об окружающей его среде отражены результаты его познавательной и классифицирующей деятельности. Познание мира — сложный процесс моделирования окружающей действительности. Взаимодействие человека с окружающим миром, в процессе которого происходит познание и оценка мира, приводит к формированию ценностного видения мира. «Мыслительная и познавательная деятельность людей не ограничивается отражением реальности. Окружающий мир не просто дублируется с помощью знаковых средств, а оказывается вовлеченным в личностную сферу человека: явления и предметы внешнего мира оцениваются, принимаются или отвергаются человеком» [Дмитровская 1988: 8], т. е. человек не только познает мир, но и оценивает его с точки зрения значимости для удовлетворения своих потребностей. Поэтому любая оценка содержит два относительно самостоятельных аспекта: гносеологический и ценностный, т. е. оценка является специфической формой проявления познания. Не случайно голландский исследователь Т. А. ван Дейк называет ее «когнитивным феноменом», тесно связанным с практической деятельностью человека [ван Дейк 1989: 12].

О ценностном отношении к миру свидетельствуют и существование избирательности в номинации явлений природы, и выбор совершенно определенных мотивационных признаков, актуализируемых в акте словообразования. Словообразовательные средства привлекаются, как правило, для означивания тех реалий, которые **могут оцениваться**, когда необходимо актуализировать в них такие признаки и свойства, которые имеют практическое значение для человека в его освоении мира, что свидетельствует о приобретении этими реалиями нового, утилитарного статуса. Среди них не только те, которые связаны с биологическим выживанием человека или имеют хозяйственно важное значение, но и те, которые помогают ему ориентироваться в сложном и многоликом мире природы. Именно этим обстоятельством объясняется факт селективности словообразования, когда одни семантические сферы языка оказываются открытыми для актов словообразования, тогда как другие — практически закрытыми. И это прекрасно доказали материалы Атласа.

В томе содержится более двухсот карт, которые представляют лексику разных тематических групп:

1) названия лесных массивов, в том числе и общее название леса (ср., например, следующие карты: «лес», «большой лесной массив», «небольшой лесок, роща», «высокий лес», «мелкий лес, мелколесье», «густой лес», «редкий лес», «чаща», «больной лес», «здоровый высокий прямой строевой лес», «тонкий высокий лес», «вырубленный лес», «поваленный бурей лес», «мертвый лес с засохшими на корню деревьями», «молодой лес из деревьев разных пород», «горелый лес», «лес, растущий на болоте», «лес, растущий по берегам рек, озер», «лиственный лес», «хвойный лес», «смешанный лес» и др.), сюда входят и названия некоторых лесных локусов (ср., например, следующие карты: «поляна», «опушка леса», «просека, участок вырубленного леса», «выгоревшее место

в лесу», «грибное место», «луг, богатый травами», «ягодное место» и др.);

2) названия деревьев (карты «большое растущее дерево», «маленькое растущее дерево», «верхушка дерева», «ветвь дерева», «листва», «почка», «сережки на дереве», «ветвистое дерево», «развилитое дерево», «гнилое дерево», «дерево, вырванное с корнем», «дерево с дуплом», «кривое дерево», «верхний слой древесины дерева», «сломанное бурей дерево», «сухое упавшее дерево» и др.), в том числе их отдельных видов (ср., например, следующие карты: «береза», «верба», «осина», «черемуха»), сюда входят и названия «березового сока», «смолы», а также «коры деревьев» (см. семантическую карту «бересто», «кора ивы», «кора, используемая при дублении», «шишковатый нарост на дереве» и др.);

3) названия кустарников (карты «густые заросли кустарника», «мелкий низкорослый кустарник», «орешник», «шиповник», «можжевельник» и др.);

4) названия трав (карты «болотная трава», «сорная трава», «колючая трава», «душица», «зверобой», «крапива», «молочай», «подорожник», «полынь», «щавель» и др.);

5) названия ягод (карты «брусника», «голубика», «ежевика», «черника», «земляника», «клюква», «клюква, перезимовавшая под снегом», «комоника», «морошка», «незрелая зеленая ягода» и др.);

6) названия цветов (карты «василек», «девясил», «ромашка», «клевер», «ландыш», «колокольчик», «одуванчик», «репейник» и др.);

7) названия грибов; в этот блок карт входят и названия кушаний из грибов (карты «гриб» (о. н.), «белый гриб», «валуй», «лисичка», «масленок», «мухомор», «опенок», «груздь», «несъедобный гриб», «поганка», «подберезовик», «подосиновик», «рыжик», «свинушка», «съедобный гриб», «сыроежка», «шампиньон», «грибной нарост на дереве», «грибная похлебка» и др.).

Каждая тематическая группа имеет свои характерные особенности в принципах семантической организации и номинации. Образ жизни (*modus vivendi*) не мог не сказаться на образе мышления (*modus cogitandi*) человека. Существование тесных эмоционально-когнитивных и аксиологических, потребностно-мотивационных связей русского народа с окружающим его миром вело к актуализации в каждой семантической сфере растительного мира своих характерных мотивационных признаков.

Системный подход к изучению диалектной лексики этого тома позволил выявить следующую особенность в ее организации: ключевые слова каждого номинативного участка семантической сферы «Растительный мир» (например, *лес, дерево, луг, трава, ягода, гриб* и др.) являются производными с синхронной точки зрения. Это объясняется не только древностью указанных слов, но и их функцией в лексической системе языка как слов идентифицирующих, призванных служить адекватному восприятию, являющихся системообразующим звеном данного фрагмента лексикона.

Вместе с тем словообразовательная производность этих лексем компенсируется многочисленными дериватами, характеризующими каждый номинативный участок этой многоуровневой гетерогенной семантической сферы с самых разных точек зрения, благодаря чему ее семантическое пространство обладает высокой степенью расчлененности.

ЛЕС

Семантический участок «Лес» широко открыт для актов словообразования, хотя само название леса как совокупности произрастающих в нем деревьев (ср. *лес, бор, ляд, роща* к. 1 «Лес»), является производным (единичные производные образования типа *лесняк, лесье, дубрава* выполняют лишь идентифицирующую функцию).

С помощью словообразовательных средств объективируется такой признак леса, как **преобладающие породы**

деревьев (ср.: *листвяк, листвяжник* к. 5 «Лиственный лес»; *игольник, хвойник, хвойняк* к. 6 «Хвойный лес»; *разнолесица, разнолесок, разнолесье* к. 7 «Смешанный лес»; в том числе и видовых названий деревьев, ср.: *березовник, дубник, ольшняк, осинник, сосенник* и т. д. см. к. 8 «Лес с преобладанием деревьев определенной породы»).

При этом актуализируется не только видовой признак, но и оценочный, указывающий на **качество деревьев** (ср.: *буреломник, буреполом, валёж, валежина, валежник, валёжник, ветробой, ветровал, ветролом, вихрелом, вылом, выломок, завал, заваль, залежь, залом, лом, повал, повалесье, полом, слом, слома* к. 35 «Поваленный бурей лес»; *гарник, выгарь, выгарки, погарь, горель, горельник, погорельник, горелка, погорелье, паленина, пожарище, огнище* к. 28 «Горелый, выгоревший лес»).

Расчленение семантического пространства «Лес» с подключением словообразовательных средств происходит и при актуализации классифицирующих или характеризующих признаков, особенно имеющих хозяйственно-важное значение.

Словообразовательные средства активно включаются в акт номинации при необходимости охарактеризовать лесной массив с точки зрения качества произрастающих в нем деревьев. При этом на первый план выходит когнитивно-прагматический аспект: с помощью словообразовательных средств объективируются, как правило, отрицательные признаки, о чем свидетельствует не только количество и состав производных, но и нередко их отсутствие при обозначении положительного признака. Разная семантическая дифференциация этого номинативного участка наблюдается в том случае, когда необходимо обозначить:

— **лес с больной древесиной** (ср. *гнилушник, гнильё, дурак, дурняк, негодье, негодняк* и др. к. 20 «Больной, низкий, кривой, нестройной лес») или **высыхающий на корню лес** (ср. *засошина, застойник, засухоль, за-*

сушина, засушник, мертвень, мертвечатина, мертвешник, мертвина, мертвяк, мёртнице, подстой, подсушник, сошник, сошняк, стояк, сухара, сухарина, сухарник, сухарняк, сухат, сухняк, суховник, сухолесье, сухольё, сухоподстой, сухоподстойник, сухопостой, сухопостойник, сухостав, сухостой, сухостойка, сухостойник, сушарник, сушилльник, сушина, сушинник, сушки, сушляк, сушник, сушняк, сушина, сушняжник к. 41 «Мертвый лес с засохшими на корню деревьями»), при том что для обозначения здорового, сильного леса используются чаще всего описательные конструкции (ср.: *жаровый лес, добрый лес, спелый лес, ядрёный лес, кондовый лес* к. 17 «Здоровый высокий прямой строевой лес» или *взводистый, взгонистый, гонистый, гонкий, погонистый, погонный, прогонистый лес* к. 18 «Высокий лес с большими деревьями», ср. также единичную производную лексему с качественно-оценочным значением *здоровяк* на к. 17 «Здоровый высокий прямой строевой лес»);

— *мелкий, малорослый лес* (ср. *малорос, малороска, малорослик, малоросник, мелкач, мелкаш, мелколесник, мелколесье, мелятник, молодняк, подлесник, подлесок, полесок, полесье, парусняк, подрост, подростель, подростник, подросток, подсад, подсада, подсадник, подсадок, прусняк* к. 23 «Мелкий лес, мелколесье»), тогда как дериваты, обозначающие хороший лес с большими, высокими деревьями, являются единичными (ср. *лесина* п. 49; *высокарь* п. 341; *высокач* п. 279; *высокорник* п. 454; *вышник* п. 392; *жарник* п. 207 к. 18 «Высокий лес с большими деревьями», поскольку чаще используются описательные конструкции);

— *кривой, нестроевой лес* (ср. *криволесье, кривостой, кривляк, кривняк, кривуша* к. 20 «Больной, низкий, кривой, нестроевой лес»), ср. единичные производные для обозначения высокого прямого строевого леса (*стро-*

евик, стрóйка, стройняк, стройлес, стройник, высокоствольник к. 17 «Здоровый высокий прямой строевой лес»);

— **величину леса**, причем, что особенно интересно, как правило, небольшого леса (ср. соотношение номинативных рядов **небольшого леса**: *боровинка, гай, гаёк, колок, курень, лесок, малолесье, мелколесье, нива, околок, осколок, перелесок, подлесок, роца, сколок* к. 31 «Небольшой лесок, роца»; и **большого леса**: *лесище, многолесье, уймаще, урочище* и др. к. 30 «Большой обширный лесной массив»);

— его **густоту**, особенно при необходимости обозначить **густой, дремучий, непроходимый лес, чащу** (ср.: *глушняк, глузомань, густарник, густина, гущина, густолесье, гуцар, гуцара, займище, трущобник, частьель, чащель, частьельник, чащельник, частик, чащара, чащина, частьина, чащоба, чащобник, чернолесье* к. 11 «Густой лес»; *глушняк, глушник, глузомань, гуцара, дёр, дрём, дурман, заглушица, зарастень, матерняк, парма, рамень, раменье, рем, рема, ропость, сузём, тайбола, тайга, трущоба, урема, хлисья, чаща, чащара, чащина, чащоба* и др. к. 14 «Чаща»), реже — при обозначении **редкого леса** (ср. *поредь, поредняк, поредье, проредка, прорезж, редашка, редина, редка, редколесица, редколесок, редколесье, редник, редняк, редыш, редьё, редак, режсенец, жсидель, жсидник, жсидняк, облесье* к. 10 «Редкий лес»);

— **возраст**, особенно при обозначении **молодого леса** как леса, непригодного для строительства домов, мостов, лодок и других сколь-либо значительных хозяйственных построек (ср. *заросль, заростель, заростник, заросляк, заростняк, лесок, малёг, мелкач, мелкашник, мелколесье, мелкотина, мелкотник, мелкотняк, мелятник, молодель, молодень, молодельник, молодижник, молодяжник, молодник, молодняк, молодяжка, мо-*

лодыжник, молочник, паросник, парусняг, подлесок, подрост, подростель, подросток, полесье, росляк к. 27 «Молодой лес из деревьев разных пород»);

— назначение леса, его функциональное использование (ср. *бревенник, бревяник, деловъё, заборник, избяник, избник, избняк, корабельник, мачтовик, мачтовник, погонка, строевик*, к. 17 «Здоровый высокий прямой строевой лес»; *дровеник, дровеняк, дровник, дровняк, дровяник* к. 20 «Больной, низкий, кривой, нестроевой лес»; *жердинник, жердник, жердяник, жерденик, жердняк, жердовник, слезник, слезняк* к. 26 «Тонкий высокий лес»);

— место произрастания леса (ср. *боровина, боровинка, верховик, вершина, вершинка, вершинник, горняк, грива, гривка* к. 33 «Лес на возвышенности»; *болотник, болотняк, моховик, омшара, мокрятник, топляк* к. 32 «Лес, растущий на болоте» или *берегняк, береговик, береговина, бережина, бережник, бережняк, забока, займище, озерина, озёрник, приозёрца, паберега, побережина, подбережник, прибережник, прибрежник, прибрежна, прибрежня, прибрежняк, поречина, приречник, речина* к. 34 «Лес, растущий по берегам рек, озёр»).

Свою логику и свои особенности в принципах семантической организации и номинации имеют и лесные локусы — поляна (к. 111 «Поляна»), опушка (к. 115 «Опушка»), просека (к. 117 «Просека»), луг, богатый травами (к. 175 «Луг богатый травами»).

Так, например, в названиях просеки ведущим является акторный мотивационный признак («предмет как результат действия»), ср. *засака, просек, просяк, просека, просёка, выруб, вырубка, вырубок, проруб, прорубка, разруб, разрубка* к. 117 «Просека». В названиях опушки преобладает локативный признак, ср. *взлесок, взлесье, забока, закраек, закрайка, залесок, залесье, облесок, об-*

лесье, обочина, окраина, окрайка, подлесок, подлесье к. 115 «Опушка». В названиях луга, богатого травами, актуализируется качественно или предметно-характеризующий признак, ср. *травник, травища, травница, травостой, травяник, гувенник, гуменник, гувно, гумно, много-травье, разнотравье, луговина, луговище, лужина* к. 175 «Луг богатый травами». А в названиях поляны чаще всего актуализируются три признака: качественно- или предметно-характеризующий (ср. *гладина, гладинка, гладушинка, гладушка, голощёка, голыдьба, голыздина, голызина, долина, долинка, елань, еланка, круглина, кругловина, круговина, кружевина, прогалина, прогалинка, прогалок, проголызина, просветлина, пусто-лесье, пустоты, пустоша, пустошка, пустошок, пустынка, пустынь, пустошь, пустырь, редина, светлина, светловина, чистина, чищина, чистинка, чистовина, чисть, чистьяжина, чища, чищоба*), локативный (ср. *междулесок, междулесье, межлесье, междулесица, пролесок, пролесье*) и подобие (ср. *лысина, майдан, палестина, палестинка, плешина, плешка*).

Таким образом, каждая тематическая группа семантической сферы «Лес» имеет свои характерные мотивационные признаки, связанные с отражением действительности. Эти признаки, с одной стороны, помогают человеку ориентироваться в сложном и многоликом мире природы, а с другой — говорят о его жизненных приоритетах. Наряду с онтологическим планом, связанным с отражением предметов и реаллий внешнего мира, в этой семантической сфере присутствует и аксиологический план, где словообразовательные средства используются не только для обозначения когнитивного, но и прагматического элемента. Именно с прагматическими интересами связана актуализация чаще всего отрицательных признаков при номинации леса, поскольку необходимо указать на непригодность использования такого леса в хозяйстве крестьянина: с этим обстоятельством связано, как представ-

ляется, маркирование преимущественно молодого (а не старого) леса, больного, а не здорового как леса, не имеющего хозяйственной ценности, в частности, непригодного для строительства домов, мостов, лодок и т. д.

ДЕРЕВЬЯ

Названия большинства деревьев (ср.: *береза, ель, дуб, сосна, вяз, осина, ива* и др.), в том числе растущего дерева, различных его частей, древесины, ветвей дерева (см. карты к. 93 «Часть ствола без сучьев», к. 96 «Ветвь дерева», к. 59 «Древесина»), практически закрыты для словообразования². Встречающиеся в диалектах производные от этих наименований с тем же значением (типа *березина, вербава, вязина, ивка, ивня, ольховина, елица* и др.) являются, по сути дела, субстанциальными образованиями, имеющими лишь идентифицирующее значение и нулевую мотивационную маркированность, поскольку так же, как и их мотивирующие, они «скрывают» свою внутреннюю форму. Появление их в языке во многом объясняется давлением языковой системы, а именно существующей в диалектах тенденцией к мотивированности слова (по этой модели — непроизводная основа родового названия дерева + аффиксальный расширитель — образуются производные, семантически тождественные их мотивирующим).

Ситуация, однако, меняется, когда необходимо обозначить вид того или иного дерева, указать на его возраст, место произрастания, функциональное назначение и другие признаки, имеющие хозяйственное значение для человека. Ярким примером может служить название березы (к. 61).

²Не могу в связи с этим не привести интересное наблюдение А. Д. Черенковой, свидетельствующее о давлении действительности на язык. Отсутствие леса ведет, как правило, к нерасчлененному восприятию деревьев. В тех воронежских говорах, где леса отсутствуют вообще или же имеются лишь искусственные насаждения в лесополосах и около водоемов, «носители говоров употребляют для названий тополя, ивы, клена, ясеня и др. деревьев одно слово – вятло» [Черенкова 1998: 102].

В комментарии к карте автор пишет о том, что помимо общерусского названия березы он счел возможным отразить на карте названия, характеризующие разновидности растения *Betula alba* 'береза', «поскольку в ряде говоров эти названия не только составляют видовые пары (например, *глушняк* ~ *чистяк*), но и являются единственными обозначениями реальности. Опыт диалектологического исследования показывает, что при номинации природных объектов далеко не все значимые с точки зрения литературного языка оппозиции активизируются диалектоносителями. В процессе номинации явлений и объектов природы диалектоносители учитывают самые мельчайшие признаки реалий, так возникают дифференцирующие названия, в которых актуализируются различные особенности местных объектов природы». Поэтому на карту выносятся и названия породы березы с шершавым листом, негодной на банные веники (*глушнега, глушняк, глушина, глушка, крушина*), и породы березы с небольшими гладкими листьями (*чистуха, чистушка, чистка, чистяк, весёлка*). Доказательством правильности такого решения могут служить следующие иллюстрации, записанные в полевых условиях: *Глушка не как чистка, на язык возьмешь — как тертуха* (п. 69). *На веники надо ломать чистку, а то опаршивишь* (п. 107). *Чистяк гладкий, на веники* (п. 49). *С весёлки сок собирать любили. Из весёлки веники делали* (п. 219). *Весёлка та на веники, а глушняк нет* (п. 332). «Осознавая и признавая общенародную языковую оппозицию «общее название» — «видовое наименование», диалектоносители тем не менее настаивают на конкретизации названий близких им, «родных» природных объектов. Именно в этом проявляется своеобразие их языковой картины мира: *Ну берёза, это как берёза, это где-то, а у нас вот чистуха есть, а есть глушина. Берёза есть берёза, весёлка на веники иде, а глушина не* (п. 221). *Чистка — это берёза, листочек возьмёшь на язык, он и гладенький* (п. 69). *У берёзы-весёлки лист мягкой, гладкой. А у берёзы-глушины*

твёрдай лист (п. 223). Предпочтение в употреблении видовых наименований отдельными говорами, а значит и равномерность их включения в состав картографируемого материала, подчеркивается не только частотностью этих наименований в русских диалектах, но и словообразовательной вариативностью (ср.: *чистуха* ~ *чистушка* ~ *чистотка* ~ *чиснега* ~ *чистка* ~ *чистьяк*; *глушина* ~ *глушнега* ~ *глушка* ~ *глушняк*), а также типологической повторяемостью словообразовательных моделей (ср.: *чистьяк* ~ *глушняк*, *чистка* ~ *глушка*, *глушина* ~ *крушина*)» (Флягина. Комментарий к карте 61 «Береза»). В пользу авторского решения свидетельствует и четкий ареал этих названий в русских диалектах.

Несмотря на довольно слабую семантическую расчлененность номинативного участка «Деревья», картографирование диалектных названий показало, что в этих названиях объективируются такие признаки, как:

— **качественно- или предметно-характеризующий** (ср. *белостволка*, *белица*, *белокорка*, *белянка*, *весёлка*, *глушина*, *глушка*, *глушина*, *глушняга*, *глушняк*, *чиснега*, *чистарка*, *чистка*, *чистолист*, *чистополь*, *чистуха*, *чистьяк* к. 61 «Береза»; *белолистка* к. 72 «Осина»; *черень*, *черномушка*, *чернуха*, *черняк* к. 73 «Черемуха»; *дикарь*, *дикарка*, *дикарька*, *дикорька*, *дикуш*, *дикуша*, *дикушка*, *дичка*, *дичок*, *кислица*, *кислика*, *кисличка*, *кислуха*, *кислушка* к. 74 «Дикая лесная яблоня»; *горбач*, *горбыль*, *кривина*, *кривляга*, *кривляк*, *кривляка*, *кривняк*, *кривулина*, *кривуля*, *кривуляк*, *кривуляка*, *кривуза*, *кривуша*, *кривушка*, *кривьё*, *кривьяк*, *кривьяка* к. 91 «Кривое дерево»; *ветвистое*, *ветлистое*, *ветлявое*, *ветливое*, *гагаристое*, *лапистое*, *разлапистое*, *сучьявое*, *сучливое*, *сучистое*, *сучкастое*, *сучастое*, *сучкастое*, *сучковастое*, *сучковатое*, *сучклявое*, *сучковастое*, *сучклевастое*, *сучковатое*, *сучьеватое* к. 92 «Ветвистое дерево»);

— **акциональный** (ср. *витуха, повитель, повитуха* к. 61 «Береза»; *висла, вислина, плакучка, плакуша, плакунья, плачуша, плачуха* к. 64 «Ива»; *дрожина, дроженица, дрожница, дрожнина, дрожница, дрожница, трепетуша, трусница, трясина, тряснина, трясуха, трясушка, шелестуша* к. 72 «Осина»; *глотиша, глотуха, засадиша, засидиша, рассадиша* к. 73 «Черемуха»; *вилага, виляка, вилаха, виляха, изверетень, изворотень* к. 91 «Кривое дерево»; *раскладистое, развесистое* к. 92 «Ветвистое дерево»);

— **локативный** (ср. *лесавка, лесковка, лесника, лесничка, леснушка, лесовина, лесовка, лесовушка, лешак, лешака, лешуга* к. 74 «Дикая лесная яблоня»);

— **функциональный**, указывающий на назначение дерева (ср. *дубильня, дубина, дубна, дубнина, дубняк, дубовина, дубовник, задуба, задубье* к. 105 «Кора ивы»; к. 106 «Кора, используемая при дублении»);

— **реляционный**, указывающий на отношения принадлежности (например, сока лесных деревьев, ср. *березень, березина, березица, берёзница, березник, берёзник, березница, берёзница, березняк, березовик, берёзовик, березовица, берёзовица, берёзовник, березовка, берёзовка, березок, березьевка, березян* и др. к. 109 «Сок березы»);

— **партитивный**, признак, актуализирующий значение части дерева (ср. *вершовец, верховина, верхуша, верхушка, вершина, вершинка, вершинник, вершок, маковица, маковка, маковушка, макуша, макушка* к. 95 «Верхушка дерева»).

ТРАВЫ И ЦВЕТЫ

Иную картину дают названия трав и цветов. Аксиологически нейтральная зона на этом семантическом участке сужается, уступая место когнитивным, аффективным, прагматическим, утилитарным и др. видам оценок, репрезенти-

рующих чувственный опыт человека, его практическую деятельность и повседневные жизненные интересы. Этим, по видимому, объясняется то обстоятельство, что семантическое пространство «Луговые и лесные травы и цветы» отличается высокой степенью расчлененности. И хотя общее название травы в диалектах представлено неизменным производным именем, однако при образовании качественно-характеризующих названий, когда необходимо конкретизировать или детализировать название той или иной травы, происходит активное подключение словообразовательных средств. При этом словообразовательные средства используются не только в целях объективации реальных свойств и качеств трав, но и **ирреальных**, т. е. таких, которые лишь приписываются им человеком, но которые, однако, также отражают особенности его мировосприятия (ср. *девясил, девясила, девясильник, девятисил, девятисила, девятисилка, богатка, горчицвет, горчицветка, горчицветник, золотник, золотарник, золототысячник, золотолетник* к. 147 «Девясил»; *зверемой, зверьбой, зверобей, зверобойник, хворбой* к. 148 «Зверобой»; *звенец, звенильник, звенильчик, звенчак, звонарь, звонец, звонник, звонок, звоночек, звончик, позвонец, балабол, балаболеньник, балаболка, балаболочник, балабонка* к. 151 «Колокольчик»).

В частности, семантическая дифференциация этого номинативного участка с привлечением словообразовательных средств наблюдается в том случае, когда необходимо сообщить:

— об окраске цветов или листьев травы (ср. *жёлтик, желтоголовник, желтуха, желтушка, желтушник, желтяк* к. 160 «Одуванчик»; *белоголовец, белоголовик, белоголовник, красноголовик, красноголовка, красноголовник* к. 149 «Клевер»; *белоцвет, белыш, серебрянник* к. 154 «Ландыш»);

— о форме листьев или цветка (ср. *трёхлистник, трёхлистник, трилистник, троелистник* и др. к. 149

«Клевер»; *пуханка, пухлянка, пушистик, пушок* к. 160 «Одуванчик»; *колоколец* к. 151 «Колокольчик»);

— о запахе травы или цветка (ср. *душистик, пахучка, пахучник* к. 154 «Ландыш»; *душица, душичка, душанка, душистка, душимянка, душиник, душиница, душинянка, духманка, духмяна, духмянка, духмяник, духмяница, духнянка, духовица, пахучка, вонькуха, вонявка, вонючка* к. 141 «Душистая трава»);

— о вкусе травы (ср. *горчущник, горькуха* к. 160 «Одуванчик»; *горечь, горчак, горчаница, горчанка, горчатка, горчень, горчик, горчица, горчук, горчун, горчушник, горькуха, горькуша, горькушка, горькушник, горькушница, горьчак* к. 165 «Полынь»; *медвянка, медовик, медовица, медовичник, медовка, медовник, медовница, медоник, медулка, медунец, медунижник, медуничник, медуница, медуничик, медушник, медушняк* к. 149 «Клевер»; *киселка, кисельца, кислица, кисленица, киследь, кисленка, кислёнка, кислинка, кислянка, кислец, кислик, кислика, кислуха, кислушка, кисляк, кислятка, кислятник* к. 170 «Шавель»);

— об особенности строения ее стебля (ср., например, названия трав, выделяющих на изломе молочко: *молокальник, молокан, молоканка, молоканник, молокогон, молокогонник, молосник, молочавник, молочай, молочайник, молочальник, молочан, молочанник, молочей, молочейник, молочник* к. 157 «Молочай»; *молокан, молоканка, молоковик, молокогонник, молочавник, молочай, молочайник, молочан, молочашник, молочник, молочница* к. 160 «Одуванчик»);

— о способе распространения травы или ее семян (ср. *ветродуй, ветродуйка, надуванчик, дувак, дуван, дуванец, дуванчик, обдуванчик, одуван, одуванец, поддуванчик, пустодуй, раздувайчик, раздуванчик* к. 160 «Одуванчик»; *конотоп, последник, топтун* к. 162 «Подорожник»);

— о месте произрастания травы (ср. *болотина*, *болотник*, *болотница*, *болотня*, *болотнянка*, *болотняк*, *бочажина*, *бочажница*, *мочажина*, *мочажник*, *мочажница*, *мочажница* к. 143 «Трава, растущая на болоте»; *наддорожник*, *поддорожка*, *поддорожник*, *подорожник*, *подорожница*, *попутник*, *попутчик*, *последник*, *придорожник*, *припутник*, *подорожник*, *путник*, *путник*, *тропинник* к. 162 «Подорожник»);

— о воздействии травы (ср., например, названия *колюха*, *колючка*, *колючник*, *цапа*, *цепун*, *цепуха* к. 167 «Репейник»; *молодильник*, *сердечник* к. 154 «Ландыш»; *порезник*, *ранник*, *семижильник*, *апорез-трава*, *жилыжник*, *железняк*, *поджелезник*, *поджелезница*, *кровоавик*, *кровопуск*, *лечебник*, *тягунец* к. 162 «Подорожник»; *грудница*, *грудянка*, *нехворощ*, *нехвороща* к. 165 «Полынь»; *жсала*, *жсалица*, *жсалива*, *жсалока*, *ожсальник*, *жсгучка*, *жсгучник*, *жсига*, *ожсига*, *жсигала*, *жсигало*, *жсигалко*, *жсигалка*, *жсигука*, *жсигун*, *жсигуха*, *жсигучка*, *стрекава*, *стрекива*, *стрекучка*, *стрекаша*, *стрекашина*, *стрекиша* к. 153 «Крапива»; *кровоавец*, *кровоавик*, *кровоавчик*, *кровяник*, *кровь-трава* к. 148 «Зверобой»; *лечебка* к. 169 «Ромашка»; *кровобой*, *кровохлёб*, *кровохлёбка* к. 147 «Девясил»);

— о способе ее применения (ср. *моченец*, *моченец*, *прядва*, *прядва*, *прядево*, *прядиво* к. 152 «Конопля»; *глазомой* к. 146 «Василёк»);

— о времени появления или цветения травы, цветка (ср. *весенушка* к. 154 «Ландыш»; *первоцвет* к. 160 «Одуванчик»);

— об оценке травы, и прежде всего сорной (ср. *дурни-на*, *дурина*, *дурнига*, *дурник*, *дурника*, *дурница*, *дурь-трава*, *дурянка* к. 145 «Сорная трава»).

В семантической структуре этих фитонимов часто просвечивают отношения **подобия**, с помощью словообразова-

тельных средств актуализируется **признак сходства** с различными реалиями внешнего мира, а именно:

— с животными (ср. *собачник*, к. 155 «Лопух»; *собака, собачка, собачник* к. 167 «Репейник»);

— с птицами (ср. *кукушечник, кукушки, кукушник* к. 149 «Клевер»; *орлик* к. 151 «Колокольчик»);

— с предметами домашнего обихода (ср. *колокольчик, колокольник, колоколец, бубунец, бубенчик, котелки, чашечки* к. 151 «Колокольчик»; *шляпник, шляпочник* к. 155 «Лопух»; *огонёк, парашютник, фонарик, подойник* к. 160 «Одуванчик»; *батожка, батожки* к. 170 «Шавель»);

— с человеком (причем в качестве мотивирующих используются, как правило, либо термины родства (ср. *бабка, дед-и-баба, мать-и-мачеха* к. 160 «Одуванчик»; *баба, бабка* к. 162 «Подорожник»; *дед, дедовник, жених, бабушка* к. 169 «Ромашка»; *дед, дедовник* к. 155 «Лопух»); либо социальная лексика (ср. *поп, попик, поповник, попок* к. 169 «Ромашка»; *монах* к. 160 «Одуванчик»; *татарин, татарник, татарка* к. 167 «Репейник»), либо антропонимическая (ср. *марьяна* к. 169 «Ромашка; *василёк, василис, василиск, василисник, василь, васильчик, васильчок* к. 146 «Василек»).

Следует, однако, признать, что в русском травнике таких образных названий растений сравнительно немного, т. к. образность в известной степени затрудняет идентификацию травы и в связи с этим возможность ее правильного использования.

ЯГОДЫ

Семантическое пространство «Ягоды» не обладает такой высокой степенью расчлененности, как семантическое поле наименований трав. Общее название ягоды представлено производным именем, однако, когда необходимо конкретизировать это название, происходит «подключение» сло-

вообразовательных средств. Обращение к ним наблюдается, в частности, в тех случаях, когда требуется указать на:

— **характерные особенности окраски ягоды** (ср. *чернига, черника, чернина, черниха, черница, черничка, чернуха, чернушка, чернавика, чернилица, чернава, синица* к. 137 «Черника»; *голубика, голубица, голубинка, голубника, голубиха, голубниха, голубина, голубяна, голубянка, голубига, голубнига, голубка, голубель* к. 128 «Голубика»; *зеленёк, зеленец, зеленик, зеленица, зелёнка, зеленок, зеленуга, зеленуха, зеленушка, зеленчак, зеленчук, прозелень* к. 124 «Незрелая ягода»; *жаровина, жаровика, жаровица, жаровиха, жаровница, жаровига* к. 133 «Клюква»; *пожарница* к. 125 «Брусника»);

— **особенности структуры плода ягоды** (*косяна, косянига, косяника, косяница, каменка* к. 136 «Морошка»), его вкуса (ср. *киселица, кислица, кислюха, кислушка* к. 133 «Клюква»; *кислица, кислятина* к. 124 «Незрелая ягода»);

— **место произрастания ягоды** (*земика, земляка, земляна, земляника, землянига, землянина, земляница, землянка, поземка* к. 131 «Земляника»; *боровика, боровина, боровинка* к. 125 «Брусника»; *болотница* к. 133 «Клюква»; *подснежица, подснежка, подснежник, подснежница, снежница* к. 135 «Клюква, перезимовавшая под снегом»);

— **время появления ягоды** (ср. *веснуха, веснушка, веснянка, вешница, зимница, зимовка* к. 135 «Клюква, перезимовавшая под снегом»);

— **характер воздействия на человека** (ср. *пьяница, дурника, дурница, дураха, дурава* к. 128 «Голубика»; *засадиха* к. 73 «Черемуха»; *залепня* к. 124 «Незрелая ягода»).

С помощью словообразовательных средств актуализируется **признак сходства** (нередко воображаемого в резуль-

тате действия народной этимологии) с различными реалиями внешнего мира (ср. *жура, журавина, журавлина, журавинка, журавика, журавлика, журавица, журавлица, журавиха, журавлиха, журавичка, журавинка, журавлейка, журавинье* к. 133 «Клюква»; *княжика, княжника, княженика, княжица, княжница, княженица* к. 136 «Морошка»).

Интересно, что действие словообразовательных средств ограничено в основном сферой съедобных ягод, тогда как названия несъедобных ягод передаются чаще всего с помощью описательных конструкций (ср. *волчьи ягоды, волчье лыко, вороний глаз* и т. д.), факт, который красноречиво свидетельствует об избирательности привлечения словообразовательных средств.

ГРИБЫ

Иную организацию имеет номинативный участок «Грибы», семантическое пространство которого является более расчлененным, чем в названиях ягод. Словообразовательные средства участвуют уже в общем названии грибов (ср. *грибан, губина, обабка* к. 176 «Гриб»), однако так же, как и в названиях деревьев, эти производные являются субстанциональными образованиями, имеющими лишь идентифицирующее значение и нулевую мотивационную маркированность, поскольку так же, как и их мотивирующие, они «скрывают» свою внутреннюю форму.

Однако при образовании качественно-характеризующих названий, когда необходимо детализировать название грибов, прослеживается активное использование словообразовательных средств.

Обращение к словообразовательным средствам происходит, прежде всего, с целью обозначить пригодность или непригодность грибов для человека. Особенно активное их использование наблюдается при образовании общего названия несъедобных грибов (ср. *бешенка, бесюки, благу-*

ша, благушка, горьжун, горчук, мышак, мышьяк, облагушка, погань, поганка, поганька, поганец, поганица, поганица, поганник, поганок, погануха, поганюха, поганушка, поганыш, поганышка, собачняк, собачик, собачуга к. 178 «Несъедобный гриб»), тогда как общее название **съедобных грибов** является довольно бедным в лексическом и мотивационном отношении (ср. *бабарь, бабка, губина, обабок* к. 177 «Съедобный гриб»). Значительно чаще для этой цели используются описательные конструкции (ср. *благородный гриб, добрый гриб, едѣбный гриб, едобный гриб, едовый гриб, едомый гриб, едучий гриб, праский гриб, съедомый гриб, съестной гриб, съестный гриб, умный гриб, хороший гриб, чистый гриб, ядрѣнный гриб, чистая губа* к. 177 «Съедобный гриб»), что отличает названия грибов от названий ягод, в которых этот признак получил свою деривационную реализацию.

Своеобразие номинативного участка «Грибы» проявляется в наборе и дистрибуции мотивационных признаков, актуализируемых в акте словообразования. Подключение словообразовательных средств наблюдается, как правило, в тех случаях, когда необходимо обозначить:

— **место произрастания грибов** как наиболее важный признак при их сборе (ср. *опеньш, опенник, пенѣчник, берѣзовик, подорешник, осинник, луговик* к. 195 «Опѣнок»; *боровик, боровник, боровок, дубняк, дубовик, поддубленник, поддубник, поддубовик, еловик* к. 182 «Белый гриб»; *березник, берѣзник, березовик, березевик, болотник, болотовик, боровик, подберезник, подберѣзник, подберѣзоватик, подберѣзовик, подберѣзовка, подберѣзовок, подберѣзок, приберѣзовик, приберѣзовок* к. 197 «Подберезовик»; *боровик, моховик, осинник, осиновик, подосѣн, подосин, подосинник, подосиноватик, подосиновик, подосиновка, подосинок, подосинь* к. 198 «Подосиновик»; *осинник* к. 187 «Волнушка»; *еловик, сосновик, подъяльник, подсосенник, подсосѣнок* к. 192

«Масленок»; *навозник* к. 196 «Поганка»; *боровик, еловик, елушка, ольховик, ольховник, подъёлошник, подъёлыш* к. 199 «Рыжик»; *навозник, навозняк* к. 206 «Шампиньон»);

— характерные особенности окраски шляпки гриба (ср. *белянка, краснушка, желтушка* к. 187 «Волнушка»; *белянка* к. 188 «Гриб дождевик»; *беляк, белянка, желтуха, желтушка, черныш, чернышка, чернуха, чернушка* к. 189 «Груздь»; *рыжик* к. 191 «Лисичка»; *жёлтик, желтушка* к. 192 «Масленок»; *рябчик, красноголовик* к. 194 «Мухомор»; *белянка* к. 196 «Поганка»; *красноголовик, красноголовка* к. 198 «Подосиновик»; *красноголовик, краснуха, краснушка, рыжак, рыжевик, рыжик, рыжовик, рыжун, рыжуха* к. 199 «Рыжик»; *чернушка* к. 200 «Свинушка»; *беляница, белянка, голубец, голубица, желтавка, желташка, желтовница, желтуха, желтушка, желтявка, желтянка, зеленуха, зеленушка, красавка, краснёха, краснёшка, краснуля, краснутка, краснуха, краснушка, краснога, краснюшка, краснявка, плавка, поплавица, поплавка, серуха, серушка, серянка, синевица, синушка, синютка, синюха, синюшка, синявка, синяшка* к. 201 «Сыроежка»; *чернопузик, чернопузка* к. 206 «Шампиньон»);

— особенности поверхности шляпки гриба (ср. *сопливик, сопляк* к. 184 «Валуй»; *волнейка, волница, волнуха, волнушка, гладуха, мохнушка* к. 187 «Волнушка»; *маслак, маслей, маслевик, маслѣха, маслуха, маслушка, слизень, слизняк, сопливик, сопляк, слюнявчик* к. 192 «Масленок»);

— особенности структуры гриба (ср. *перепонник* к. 192 «Масленок»; *молочник* к. 199 «Рыжик»);

— звуки, издаваемые грибом при его разрыве (ср. *скрипун, скрипуха, скрипица* к. 189 «Груздь»; *хрустишка, хрустяшка* к. 184 «Валуй»; *скрипач, скрипица, скрипуха* к. 205 «Гриб трутовик») и т. д.;

— способность распространять споры по воздуху (ср. *бздун, бздушка, бздых, бздюх, бздюха* к. 188 «Гриб дождевик»);

— вкус гриба на срезе (ср. *горчак, горькуха, горчуха* к. 189 «Груздь»; *солодуха* к. 200 «Свинушка»; *горчуха, горькуха, горькуша, горькушка, сладёна, сластушка, слатушка, солодаха, солодашка, солодок, солодяга, солодянка, солодяха, солодяжка* к. 201 «Сыроежка»; *слажик, сладтик, сладник, сладтяк, солодёна* к. 182 «Белый гриб»);

— время появления грибов, например, в пору колошения хлебов или их созревания (ср. *колосник, колосовик, колосовник* к. 182 «Белый гриб»), после дождя (ср. *дождевик, дождёвка, поддождевик, поддождик* к. 188 «Гриб дождевик»), весной (*весёнка, веснёшники, весенник, веснянки, веснятки, вешки, вешенка, вешники, вешнёвки* к. 195 «Опенок») или осенью (*осенник* к. 195 «Опенок»);

— способ приготовления или заготовки грибов (ср. *поварушка* к. 195 «Опенок»; *сыроедка, сыроежка, сыроежник, сыруга, сыружка* к. 201 «Сыроежка»; *мочанка* к. 199 «Рыжик»; *мочужка, отварушка* к. 187 «Волнушка»);

— действие, оказываемое грибом (ср. *бешенка, бешюки, благуша, благушка, облагушка* к. 178 «Несъедобный гриб»; *мухомор, мухоморик, мухоморник, мухобой, мухоед, мухолов, мухомор, мухоморик, мухоморина, мухоморка, мухоморник, мухоморок, мухотрав, мухотрава, мухотравик, мухотравка, мухотравник* к. 194 «Мухомор»).

Яркой отличительной чертой названий грибов, противопоставляющей их названиям ягод, является широко распространенный мотивационный признак подобия, с помощью словообразовательных средств актуализируется признак сходства:

— с животными, к названиям которых присоединяется, как правило, суффиксальный расширитель, причем этот признак актуализируется чаще всего (ср. *коровак, короватик, короватка, короватник, короведник, коровенник, коровик, коровка, коровник, коровяк, коровятик, коровятка, коровятник* к. 182 «Белый гриб»; *быкарь, бычок* к. 184 «Валуй»; *свинарь, свинорь, свинух, свинуха* к. 189 «Груздь»; *лисики, лисичка, лисица, лиска, лисушка, лисянка, лисята, зайчата, зайчик, зайчонок, зайчушка, курочка, петух, петушок* к. 191 «Лисичка»; *зайчик, козёл, козлец, козлёнок, козьяк* к. 192 «Масленок»; *свинушка, свинарь, свинка, свинух, свинуха, свинорой, свиноройка, коровка, мохнушка, поросёнок, поросюшка, поросляшка* к. 200 «Свинушка»);

— с человеком, при этом в качестве мотивирующей используется, как правило, антропонимическая лексика (ср. *ивашка* к. 195 «Опенок»; *герасим* к. 182 «Белый гриб»; *дуня, дунька, дуняшка, матрёна, матрёшка* к. 200 «Свинушка»; *еремей*, к. 189 «Груздь»), реже социальная (ср. *поп, поповник, княжик, король* к. 182 «Белый гриб»; *колхозник, семейник* к. 195 «Опенок»);

— с частями тела человека или животного (ср. *ушки* к. 191 «Лисичка»; *кулак* к. 184 «Валуй»);

— с предметами домашнего обихода (*кубарь, кубышка* к. 184 «Валуй»; *воронка* к. 191 «Лисичка»).

В названиях грибов ярко выражена еще одна особенность, связанная с давлением действительности на язык: отсутствие условий для произрастания грибов (в связи с отсутствием лесов) ведет к их нерасчлененному восприятию (ср., например, ситуацию в ряде южнорусских говоров, в частности, в говорах Воронежской области, где «грибы имеют только два наименования — опята, которые различаются во всех говорах, и все остальные — белые грибы» [Черенкова 1998: 102].

Если попытаться представить структурную организацию семантической сферы «Растительный мир» с точки зрения ее семантической и мотивационной расчлененности, а значит и открытости для словообразования, то схематически это можно выразить следующим образом:

• человек → 1) 2) 3) 4) 5)

1 лес; 2 травы и цветы; 3 грибы; 4 ягоды; 5 деревья

Такая картина иерархии семантически и мотивационно структурированных участков семантической сферы «Растительный мир» говорит о векторе движения по шкале значимостей при «ословливании» окружающего мира, когда глубоко осмыслено и детально проработано в языке то, что является жизненно важным для человека. Тем самым материалы Атласа позволяют составить представление о том, **что** является значимым для человека в его восприятии мира природы.

Системный подход к изучению диалектной лексики, возможность рассмотреть ее в рамках отдельных микросистем позволяют эксплицировать различия в принципах номинации семантических групп, принадлежащих одному семантическому полю. Если сравнить, например, мотивационные признаки, лежащие в основе названий деревьев и трав, то, наряду с определенным сходством (ср. общий для обеих групп локативный признак или функциональный), обнаруживаются и существенные различия: в названиях трав, в отличие от названий деревьев, актуализируется такой признак, как **время** появления или цветения травы (ср. *весенушки* к. 154 «Ландыш»; *первоцвет* к. 160 «Одуванчик»), **форма** листьев или цветка (ср. *трёхлистик*, *трёхлистник*, *трилистник*, *троеллистник* и др. к. 149 «Клевер»), **запах** (ср. *душистик*, *пахучка*, *пахучник* к. 154 «Ландыш»; *душица*, *душичка*, *душанка*, *душистка*, *душмянка*, *душник*, *душница*, *душнянка*, *душманка*, *духмяна*, *духмянка*, *духмяник*, *духмяница*, *душьянка*,

духовица, пахучка, вонькуха, вонявка, вонючка к. 141 «Душистая трава»), *вкус* (ср. *горчушник, горькуха*, к. 160 «Одуванчик»; *горечь, горчак, горчаница, горчаница, горчанка, горчатка, горчень, горчик, горчица, горчняка, горчук, горчун, горчушник, горькуха, горькуша, горькушка, горькушник, горькушница, горчак* к. 165 «Полынь»), *способ распространения* травы или ее семян (ср. *ветродуй, ветродуйка, надуванчик, дувак, дуван, дуванец, дуванчик, одуванчик, обдуванчик, одуван, одуванец, поддуванчик, пустодуй, раздувайчик, раздуванчик* к. 160 «Одуванчик»), *действие*, оказываемое травой (ср. *жсала, жсалица, жсалива, жслюка, ожсальник, жсгучка, жсгучник, жсига, ожсига, жсигала, жсигало, жсигалко, жсигалка, жсигука, жсигун, жсигуха, жсигучка, стрекава, стрекива, стрекучка, стрекаша, стрекашина, стрекиша* к. 153 «Крапива»), *подобие* (этот признак является особенно интересным в названиях трав, поскольку он лучше всего позволяет увидеть, образность, поэтичность восприятия природы): *собака, собачка, собачник* к. 167 «Репейник»; *бабка, дед-и-баба, мать-и-мачеха* к. 160 «Одуванчик»).

Системный подход к изучению диалектной лексики, заложенный в «Программу» ЛАРНГ, позволяет выявить мотивационные признаки, характерные для разных номинативных участков той или иной семантической сферы. Как видно из приведенного материала, каждая из групп имеет свой набор мотивационных признаков, реализуемых в акте словообразования. Инвентаризация этих признаков, выявление их в полном объеме при феноменологическом подходе к материалу проливает свет на особенности восприятия и репрезентации семантического облика модели мира.

Выявление репертуара мотивационных признаков и словообразовательных средств в каждой семантической сфере создаст в будущем основу для изучения типологии диалектной номинации. Однако уже сейчас материал первого тома

«Растительный мир» делает возможной попытку представить набор мотивационных признаков семантической сферы «Природа», являющихся, по сути дела, гносеологическими параметрами концептуальной модели семантических отношений, регулярно реализующихся в этой сфере. Среди них:

— **качественно- или предметно-характеризующий** признак, указывающий на физические свойства предметов внешнего мира, а именно: характерные особенности окраски листьев деревьев (*белолистка* ‘тополь’), травы (*чернобыльник* ‘полынь’), цветка (*желтушка* ‘одуванчик’), ягоды (*черника*), шляпки гриба (*рыжик*);

— **локативный** признак, актуализирующий сему ‘место’, а именно: место произрастания леса (*болотник, болотняк, моховик, омшара, мокрятник, топляк* ‘лес, растущий на болоте’), дерева (*лесника* ‘лесная яблоня’), травы (*придорожник* ‘подорожник’), ягоды (*поземка* ‘земляника’), гриба (*опеньиш* ‘опенок’) и т. д.;

— **функциональный** признак, указывающий на назначение леса (*избняк* ‘лес, идущий на строительство дома’, *заборник, тычинник* ‘лес, годный для изгородей’), дерева (*мочальник* ‘мелколистная липа, кора которой идет на изготовление мочал’), травы (*чистец* ‘чистотел’), грибов (*соленик* ‘гриб, идущий на засолку’) и т. д.;

— **реляционный** признак, указывающий на оценку с актуализацией чаще всего второго члена оппозиции положительный / отрицательный в названиях леса (*сухарник, жарник* ‘высыхающий на корню лес’), дерева (*подсохлина, сушина* ‘засыхающее дерево’), травы (*дурнина, дурнига* ‘сорная трава’), ягоды (*зеленика, зеленец* ‘незрелая ягода’), гриба (*поганец, поганьиш* ‘несъедобный гриб’).

Уже сам набор этих повторяющихся мотивационных признаков в семантическом пространстве «Природа», проливает свет на «привычки сознания» и систему выбора номинаций.

В связи с этим обращает на себя внимание следующее обстоятельство: когнитивная модель семантической сферы «Растительный мир» покоится на фундаменте зрительного восприятия, что позволяет говорить о символической изобразительности производного слова. Это наблюдение согласуется с современными психологическими теориями, согласно которым «свыше 80% всех сенсорных данных приходится на органы зрения: процесс восприятия и обработки зрительной информации человеческим мозгом связан с функционированием двух модулей зрительной перцепции — один обеспечивает восприятие предметов, другой — восприятие мест» [Кравченко 1997: 41], а точнее, — восприятие пространственной локализации этих предметов. Вместе с тем наряду со зрительным здесь широко представлены и другие виды ощущений — вкусовые, осязательные, обонятельные, что отличает когнитивную модель этой сферы от других семантических сфер русского макрокосма (ср., например, когнитивную модель семантической сферы «Животный мир», в которой на первом плане находится акустическое восприятие, особенно в названиях птиц и насекомых, где ярко выражена звуковая изобразительность слова).

Вместе с тем даже при беглом знакомстве с этими признаками бросается в глаза их прагматическая направленность. С помощью словообразовательных средств маркируется, как правило, то, что имеет ценность в духовно-практической деятельности человека, что несет в себе опасность или угрозу его существованию, а также то, что позволяет ему ориентироваться в окружающем его мире природы.

Оценивание действительности с точки зрения потребностей, интересов и установок познающего субъекта формирует глубинную основу системы ценностей русского народа и оказывает влияние на формирование его ментальности. Думается, что не случайно В. О. Ключевский свой «Курс русской истории» начинает с анализа русской природы и ее влияния на историю русского народа. Именно здесь, по его мне-

нию, закладываются начала национального менталитета русских (ср., например, его пассаж о равнине и ее воздействии на характер русского человека: «Все отличается мягкостью, неуловимостью очертаний, скромностью, даже робостью тонов и красок, все оставляет неопределенное, спокойно-неясное впечатление... Жилья не видно на обширных пространствах, никакого звука не слышно кругом — и наблюдателем овладевает жуткое чувство невозмутимого покоя, беспробудного сна и пустынности, одиночества, располагающее к беспредметному унылому раздумью без ясной, отчетливой мысли» [Ключевский 1987: 86]).

Оценивая материалы первого тома Атласа в целом, можно сказать, что они являются убедительным доказательством того, что словообразование и, шире, сам процесс номинации являются не пассивной объективацией внешнего мира, а сознательным и целенаправленным словотворчеством, в котором познавательное и ценностное сливаются в единое целое. «Ословливание» окружающего мира происходит, с одной стороны, в соответствии с общим принципом категоризации мира, когда то, что являлось значимым для человека, оказывается глубоко осмысленным и детально проработанным в языке, тогда как менее значимые фрагменты получают более общие названия, нередко лишь в виде описательных конструкций; а с другой — в соответствии с аксиологическими законами, когда осуществляется движение по шкале знаний и человеческих ценностей и любые отступления в сторону (будь то положительный или отрицательный вектор) получают свое отражение в языке. При этом в основе и первого, и второго принципа означивания предметов и явлений окружающего мира лежит когнитивно-прагматическое начало. Сам процесс «означивания» предметов и явлений внешнего мира представляет измерение их **значимости** для носителей языка. «Сознание движется по миру на повозке языка и возвращается обогащенным к самому себе» (ФЭС: 555).

Свежий, достоверный материал Атласа, рассмотренный в гносеологическом и лингвогеографическом аспектах, дает возможность по-новому взглянуть на природу диалектных номинаций.

Думается, что сопряженность теории номинации и теории лингвогеографии откроет в будущем широкие перспективы для комплексного изучения процессов языкового означивания.

Литература

Гумилев Л. Н. От Руси к России. М., 1992. 336 с.

ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация: Сборник работ: пер. с англ. / Сост. В. В. Петров; под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. М., 1989. 312 с.

Дмитровская М. А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Знание и мнение / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1988. С. 6–18.

Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. / Под ред. В. Л. Янина; вступ. ст. В. Л. Янина, В. А. Александрова. Т. 1. Курс русской истории: Ч. 1 / Послесл., коммент. В. А. Александрова, В. Г. Зиминой. М., 1987. 430 с., 1 л. портр.

Кравченко А. В. Восприятие и категоризация // Языковая категоризация (части речи, словообразование, теория номинации). Материалы круглого стола, посвященного Е. С. Кубряковой по тематике ее исследований. М., 1997. С. 39–46.

Кубрякова Е. С. Возвращаясь к определению знака // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 18–28.

Флоренский П. А. Сочинения: в 2-х т. Т. 2. У водоразделов мысли: [Ч. 1] / [Историогр. ст. игумена Андроника (А. С. Трубачева); примеч. С. С. Аверинцева и др.]. М., 1990. 447 с., 1 л. портр.

Черенкова А. Д. Мировосприятие сельских жителей и отражение его в лексике природы (на материале говоров Воронежской области) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1995. СПб., 1998. С. 98–102.

Лексика животного мира междуречья Костромы и Унжи как материал для Лексического атласа русских народных говоров (именования птиц)

Н. С. Ганцовская

Материал статьи — это выборка слов вместе с их иллюстрациями из «Словаря говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи» Н. С. Ганцовской в аспекте тематики Лексического атласа русских народных говоров. Лексика группируется по районам Костромской области. В виде комментария выборочно описывается состав, особенности номинации, семантической структуры, словообразовательной и ареальной дистрибуции костромской лексики ряда лексико-тематических групп именованных птиц.

Ключевые слова: Программа ЛАРНГ, диалекты, животный мир, говоры бассейна р. Унжи

В статье показана специфика именованных птиц в говорах междуречья Костромы и Унжи в аспекте тематики Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ). Каждой номинации, которая может быть полезной при составлении карт атласа, присвоен индекс согласно Программе ЛАРНГ. Имеющийся материал мы группируем по районам Костромской области, так как вследствие установок ЛАРНГ каждой такой административной единице соответствует один пункт на картографируемой территории. Данный материал представляет собой выборку слов вместе с их иллюстрациями из «Словаря говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи» Н. С. Ганцовской (Ганцовская 2015). В ви-

де комментария выборочно описывается лексика некоторых лексико-тематических групп нашего материала в отношении их состава, особенностей номинации, семантической структуры, словообразовательной и ареальной дистрибуции.

До последнего времени круг названий диких животных, птиц, насекомых, да во многом и домашних — самок, детёнышей, а также звуков, издаваемых животными, подзывных слов, болезней и физиологических состояний животных являлся малопопулярной темой в словарях различного типа и существующих славянских атласах, пожалуй, за исключением Толкового словаря В. Даля. Картотеки областных словарей русского языка только в последние годы начали пополняться лексикой по теме «Животный мир», что было стимулировано сбором материалов по соответствующему разделу Программы ЛАРНГ. К тому же в настоящее время сбор подобной лексики в полевых условиях представляет большие трудности, о чём неоднократно писали участники проекта по созданию ЛАРНГ, в том числе и автор этих строк. Отсюда использование имеющихся разных источников по этой и другим темам, в первую очередь словарей, признаётся очень желательным для составления карт ЛАРНГ. Полагаем, что и лексика с развёрнутыми иллюстрациями указанного выше Словаря по этой теме может быть бесполезной при составлении карт ЛАРНГ.

Лексика, в том числе и орнитологическая, собранная в нашем словаре, исторически неоднородна. Древнейший её слой маркирует славянскую архаику, восходящую ко времени освоения русскими междуречья Костромы и Унжи в XI–XIII вв., где ещё до монголо-татарского нашествия столкнулись два колонизационных потока, «шедших из Новгородской и Ростово-Суздальских земель» [Рябинин 1986: 101]. В словарь включены также относительно новые и новейшие по времени констинуэнты данного ареала. Это даёт возможность определить исконные, типологически значимые лексические элементы достаточно обширного, но в целом относи-

тельно единообразного (монотонного) диалектного пространства Костромского Заволжья. Такие явления сложились исторически и теперь характеризуют большую часть рассматриваемого речевого идиома как говоры центра (о говорах центра см. [Русская диалектология 1964: 267–268]), поскольку в политическом отношении рассматриваемые территории считались принадлежностью великокняжеской власти, и у жителей галичских и близлежащих земель через посредство Костромы сложились крепкие дипломатические, торгово-хозяйственные и культурные отношения с Москвой. Однако северо-восточные и восточные окраины (а точно и не только окраины) Междуречья характеризуются большей пестротой, «диалектной дробностью» (термин Л. Э. Калнынь [Калнынь 1998: 27–30]), поскольку черты центральных говоров (следствие ростово-суздальского влияния) там соединяются с речевыми особенностями периферийных говоров (привнесёнными древними новгородцами) (о центральных и периферийных говорах см. также [Русская диалектология 1964: 229; Захарова и др. 1970: PAGE]).

Лексические языковые явления говоров Междуречья в своём традиционно сложившемся виде принадлежат к системе говоров северо-восточной диалектной зоны севернорусского наречия [Русская диалектология 1964: 250–252], однако мы видим вкрапление в говоры и образований, более характерных для других инодиалектных зон. Так, например, наряду с обычными для Костромской группы говоров [Русская диалектология 1964: 268], целиком входящей в северо-восточную диалектную зону, наименованиями наседки *кльо́ка*, *кльо́ня*, *кльо́ка* (Буйский р-н; иллюстрации здесь и далее см. ниже); *кльо́ка*, *кльо́ша* (Галичский р-н); *кльо́ка*, *кльо́ша* (Солигаличский р-н); *кльо́тшо́ша*, *кльо́ка*, *кльо́ка*, *кльо́ша* (Чухломский р-н) встречается в окающих буйских и галичских говорах слово *пару́нья* (*Парунья наша с цыплятами гуляет*. Буйск. (Чудцы); *К парунье не подходи — клюнет!* Галич. (Деревеньки). В первом примере видно, что речь идёт о

бывшей наседке, а теперь *цыпльохе* ('курице, которая водит цыплят'), как её повсеместно называют в вологодских и изредка в солигаличских и чухломских говорах Костромской области на границе с Вологодской. *Цыпльоха* же в вологодских говорах может обозначать и 'курицу, которая высиживает цыплят' и 'курицу, которая вывела цыплят и водит их' (СВГ 12: 11). Слово *пару́нья* повсеместно в Вологодской области обозначает наседку (СВГ 7: 12). Распространение слов с корнем *цыпл-*: *цыпльятница*, *цыпльятуха*, *цыпльятиха*, как известно, является принадлежностью северной диалектной зоны, первый пучок изоглосс которой близко подходит к пределам северной границы чухломских и солигаличских говоров [Русская диалектология 1964: 244].

Слово *пару́нья* в значении 'курица-наседка' с пометой Костром. приводится в СРНГ в контексте пермских, вятских, кировских, вологодских, сибирских и др. северо-восточных и северо-западных говоров (СРНГ 25: 244). Поэтому полагаем, что оно более характерно для соседних с чухломскими и солигаличскими вологодских говоров, т. е. говоров Русского Севера, «если под Русским Севером понимать территорию современных Архангельской и Вологодской областей» (СГРС 1: 3). Об этом свидетельствуют и материалы Словаря вологодских говоров, где представлено обширное гнездо однокоренных слов, включающее слово *пару́нья*. Слова *пару́ха*, *пару́нья* 'наседка' определены как принадлежность северной диалектной зоны [Русская диалектология 1964: 246].

Единичные же употребления слов *пару́нья* и *цыпльоха*, возможные и не на границе говоров Междуречья Костромы и Унжи, в пределах 6 лексической зоны территории Владимиро-Суздальского княжества XII – начала XIII вв. [Мельниченко 1974], надо считать, как кажется, случайным явлением позднего демогенезиса.

Возможно и появление лексем *пету́н* и *пеу́н* в буйских говорах (*Петуна моего украли*. Буйск. (Ильино). *Пеун ещё не пел, куда вскочил-то?* Буйск. (Дор)) — явление того же

порядка, в отличие от употребления в зашугомских говорах на северной границе Солигаличского района: *У соседей пеун, такой голосистый, громкий*. Солиг. (Зашугомье). Белозерская подгруппа Межзональной группы северного наречия, эти по своему происхождению переходные говоры, которые долгое время оставались широкой полосой, отделяющей северо-западную зону от северо-восточной [Чайкина 1976: 109], считается основной территорией распространения слов *пе-вѹн* и *пеѹн* [Русская диалектология 1964: 272]. Действительно, на карте 78 «Название петуха» лингвистических карт Г. Г. Мельниченко отмечены два крупных массива распространения слова *пеѹн*: вокруг озера Белого и южнее — в пределах всей Ярославской области, слово совершенно отсутствует в говорах Владимирско-Поволжской группы, Подмосковья и редко встречается на территории современной Костромской области, в том числе и Междуречья Костромы и Ветлуги [Мельниченко 1974: 82].

Говоря о типологии русских диалектных словарей, О. Д. Кузнецова и Ф. П. Сороколетов опирались на идеи Р. И. Аванесова о системности лексики русского языка, которая представляет собой «систему взаимопроникающих элементов»; «это как бы пространственная проекция пережитых исторических процессов» [Кузнецова, Сороколетов 2002: 378]. Современные словари, по их мнению, — это обычно словари, созданные на основе специально собранных современных диалектных материалов и своего рода «сводные словари, обобщающие все имеющиеся диалектные материалы (печатные и рукописные)» [Кузнецова, Сороколетов 2002: 379]. Наш словарь, источник обсуждаемой в данной статье лексики, построен на материале одного хронологического среза, представляет группу однотипных диалектов, в то же время его можно считать и словарём сводного типа. В нём сосредоточены говоры нескольких административных районов, включающих в себя говоры центра и окраин, соседящих с инодиалектными территориями, имеющих другую историю.

Границы между ними могут быть как фронтальными, так и афронтальными, что сказывается в определённой мере и на составе лексики и условиях её функционирования. Кроме того, эти качества лексики оказываются зависимыми и от историко-культурных особенностей рассматриваемого региона. Таковы дихотомические отношения культурного и речевого плана жителей сёл Шартаново (на реке Виге при впадении в неё реки Иды) и Турдиево Чухломского р-на (севернее Шартанова находятся д. Панкратово и Чертово бывшей Турдиевской волости, ещё севернее — граница с Вологодской областью). Рассказывает Марья Александровна Пискарёва, 1926 г. р., жительница с. Шартанова: *Турдиево, Панкратово, Костино — типерича на «о» фсё говорят. Адявались сафсем па-другому, абувались красиво в лапатки́, и с анучами. Спляют лапатки харашо. Ступни на босу ногу надявали... Из турдият многа приехали на Вигу. Нис весь. Речь-та ни смяшалась нисколь, у их речь-та* (полевая запись Н. С. Ганцовской 2006 г.).

Эти и другие особенности диалектов, почерпнутые из словарей разных типов, могут быть полезными при составлении ЛАРНГ, поскольку это, по словам А. С. Герда, «грандиозное всероссийское предприятие, призванное дать новые материалы прежде всего по истории русских слов и русского народа» [Герд 2011: 8].

Литература

Герд А. С. Лексический атлас русских народных говоров. Антиномии. Антиномия IV. Диалект — атлас // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011. СПб., 2011. С. 7–8.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г., Сологуб А. И., Строганова Т. Ю. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: по данным лингвистической географии. М., 1970. 456 с.

Калмынь Л. Э. Диалектная карта как инструмент изучения особенностей славянского диалектного континуума // Исследова-

ния по славянской диалектологии. 5. Актуальные проблемы славянской лингвогеографии. М.: Ин-т славяноведения, 1998. 370 с.

Кузнецова О. Д., Сороколетов Ф. П. К типологии русских диалектных словарей // Аванесовский сборник: к 100-летию со дня рождения чл.-кор. Р. И. Аванесова. М., 2002. С. 378–382.

Мельниченко Г. Г. Лингвистические карты. Приложение к книге «Некоторые лексические группы в современных городах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – начала XIII в. (Территориальное распространение, семантика и словообразование)». Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1974. 94 с.

Русская диалектология / Под. ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964. 306 с.

Рябинин Е. А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986. 160 с.

Чайкина Ю. И. Из истории диалектных границ в связи с заселением Северной Руси // Вопросы языкознания. 1976. № 2. С. 106–119.

Материалы для картографирования

Буйский район

ЛСЛ 280. Птенец жаворонка (ед. и мн. ч.). *Жаворонёнок.* Жаворонёнок жалобно пищит. Чухл. (Засухино). *Жаворáта* и *жаворя́та*, мн. Вишь, жавората по полю бегают, летать учатся. Буйск. (Игумново). **ЛСЛ 333.** Петух. *Пету́н.* Петуна моего украли. Буйск. (Ильино). *Пеу́н.* Пеун ещё не пел, куда вскочил-то? Буйск. (Дор). **ЛСЛ 335.** Наседка. *Кло́ка.* У меня нынче две клоки цыпляток вывели. Буйск. (Контеево). *Клу́ня.* У тебя клуня-то хорошо сидит? Буйск. (Талица). *Клы́ка.* Клыка десять цыплёнков высидела. Буйск. (Ликурга). *Пару́нья.* Парунья наша с цыплятами гуляет. Буйск. (Чудцы). **ЛСЛ 338.** Птенец курицы (ед. и мн. ч.). *Цы́рька.* Цы́рьки. У меня всего десять цырек нонче. Буйск. (Дьяконово).

Галичский район

Л 255. Самка вороны. *Ворони́ца.* Вон вороница на гнезде сидит. Галич. (Введенское). *Ты что, как вороница раскаркалась?* Галич. (Селехово). **Л 264.** Дикий голубь. *Вётюг.* Даве ветюг на окошко сел, дак наш кот весь издёргался. Галич. (Берёзовец). **ЛСЛ 280.** Птенец жаворонка (ед. и мн. ч.). 2. *Жаворáта.* Обрядовое печенье в форме птицы. Пекут весной к прилёту жаворонков. *Мамка всегда жаворот-то пекла, уж больно любили мы.* Галич. (Кабаново). **Л 312.** Тетерев. *Тетéря* (мн. *тетеревья*). *Сегодня тетерю подстрелил.* Галич. (Пронино). *Кукушки прилетают весной, коростель, жаворонки, тетеревья.* Галич. (Пронино). **ЛСЛ 335.** Наседка. *Квóчка.* Квочку сегодня на яйца посадила, пусть свои цыплятки будут. Галич. (Берёзовец). *Брось зерна квочке.* Галич. (Быки). *Клóка.* Клока у меня вторую неделю сидит. Галич. (Варюхино). *Одна клока дома есть, да и та не кормлена.* Галич. (Муравьище). 2. *Клúня.* Перен. Полная женщина. *А вот свекровь-то моя была та ещё клу́ня, в проход не убиралась.* Галич. (Россолово). *Клúша.* *Вчерась клушу на яйца посадила.* Галич. (Орехово). **Л 336.** Курица, которая водит цыплят. *Квóчка.* Не лезь, квочка к цыплятам не пускает, клюнет тебя. Галич. (Туровское). *Клóка.* Клоки с цыплятами злые бывают, не подходят! Галич. (Кабаново). *Парúнья.* К парунье не подходи — клюнет! Галич. (Деревеньки).

Солигаличский район

ЛСЛ 280. Птенец жаворонка (ед. и мн. ч.). *Жаворя́та.* Фольк. *Жаворята, чувелята, летите-ка к нам.* Солиг. (Горка). **ЛСЛ 333.** Петух. *Пеу́н.* У соседей пеун, такой голосистый, громкий. Солиг. (Зашугомье). **ЛСЛ 335.** Наседка. *Клы́ка* и *клы́ша.* У меня клыка-то — из всей деревни лучшая. Солиг. (Одноушево). *Совсем худая клыка-то стала.* Солиг. (Гнездниково). *Цыплóха.* Цыплюха сидит на яйцах

шестой день. Солиг. (Васильево). Л 336. Курица, которая водит цыплят. Клы́ка. А вон по заулку клыка гуляет. Солиг. (Сергеево). Цыплё́ха. Цыплюха злая: никого к своим деткам не подпускает. Солиг. (Куземино). Чиплю́ха. Чиплюха цыпляет водит, охраняет их. Солиг. (Лосево). У соседки две чиплюхи с выводками. Солиг. (Коровново).

Чухломский район

ЛСЛ 251. Птенец воробья. *Воробьёныш.* Вон воробьёныш поскакал. Чухл. (Засухино). **Л 254.** Ворона. *Каркунья.* Каркунья тут же подлетела. Чухл. (Засухино). *Каркунша.* Старая уж каркуша, еле-еле скачет. Чухл. (Засухино). *Каркуши разлетались.* Чухлома. **ЛСЛ 256.** Птенец вороны. *Воронёнок.* Проворонила ворона воронёнка (скороговорка). Чухл. (Засухино). **Л 276.** Жаворонок. *Жаворобнок.* Пели закличку: / Жаворонок, жаворонок! / Не клюй пясок, / Не тупи носок, / Пригодится носок / На овсяный колосок. Чухл. (Дудино). **ЛСЛ 277.** Птенец дятла (ед. и мн. ч.). *Дятлята,* мн. Кто-нибудь видел дятлята? Чухл. (Засухино). **ЛСЛ 279.** Самка жаворонка. *Жаворобнка* и *жаворонка.* Там, на проталинах, жаворонка гнездо совьёт и жаворат выведет. Солиг. (Жилино). *Жаворонка смотрела прямо в глаза.* Чухл. (Засухино). **ЛСЛ 280.** Птенец жаворонка (ед. и мн. ч.). *Жаворонёнок.* Жаворонёнок жалобно пищит. Чухл. (Засухино). **ЛСЛ 285.** Кричать (о журавле). *Курлыканье.* Давно не слышал журавлиное курлыканье. Чухл. (Засухино). *Курлыкать.* Издавать звуки (о журавлях). *Журавли курлыкают, летят.* Чухл. (Засухино). **Л 304.** Соловей. *Соловёйка,* м. Вынасили раскрасавицы, / Вынасили раскрасавицы, да / Салавейку на белых/ы/ на руках. / Салавейку, ой, да на рученьках. Чухл. (Ножкино). *Соловёюшка.* Салавёюшка засвистал. Салавёюшка, ой, да насвистывал, да. Чухл. (Ножкино). *Соло́вка.* Соловка весной уж так поёт! Чухлома. **Л 312.** Тетерев. *Тетёря.* (мн. *тетеревья*). Прилетели две тетери да кулик, / Накосили они

стог сенца, / Кому нада, начинай с конца! Чухл. (Судай). **Л 316.** Ястреб. *Зайчáтник.* Смотри, зайчатник над деревней летает, как бы цыплят не унёс. Чухл. (Якша). **Л 323.** Издавать звуки, характерные для гуся. *Гагáчить.* Как меня гуси увидят, сразу гагачить начинают. Чухл. (Судай). **ЛСЛ 333.** Петух. *Пéтух.* Вон петух-то с наседки слетел. Чухл. (Серапиха). В свадебный день невеста встаёт с постели в петухи, когда все ещё спят, и, одеваясь, воет. Чухл. (Турдиево). *Пеу́н.* У нас и пеуна нету, лиса утащила. Чухл. (Чертово). **ЛСЛ 335.** Наседка. *Клохтúша.* Там в кузове то у меня клохтуша на яйца посажена. Чухл. (Чертово). *Клúка.* Погодите, девчонки, я только клуку покормлю, и пойдём. Чухл. (Фёдоровское). *Клýка* и *клýша.* Надо клыку проверить сходить, не проклюнулись ли яички? Чухл. (Серапиха). *Клыка* клохчет. Чухл. (Шартаново). *Клыша* наша уже старенькая. Чухлома. **Л 336.** Курица, которая водит цыплят. *Цыплóха.* За цыплюхой целый выводок бегают. Чухл. (Панкратово). **Л 339.** Подзывные слова для курицы (для взрослой птицы и птенцов). *Цýва-цýва.* Межд. Подзывные слова для курицы. *Цыва-цыва,* идите есть. Чухлома.

Отражение сюжетных мотивов в номинациях колдуна (на материале мифологических рассказов Пермского края)*

М. А. Гранова

В статье на материале быличек Пермского края рассматривается отражение сюжетных мотивов в номинациях колдуна. В зависимости от специфики вербализации данных мотивов в названиях носителей магического знания в Пермском крае выделяются две диалектные зоны — северо-восток и юг.

Ключевые слова: мифологические рассказы, сюжетный мотив, колдун, демонологическая лексика, пермские говоры

Неотъемлемой частью народных мифологических представлений являются верования, связанные с колдовством. Эти верования отражаются в текстах несказочной прозы на уровне сюжетных мотивов, часть из которых вербализуется в лексемах, называющих носителей магического знания — колдуна, знахаря. Именно такие номинации и порождающие их мотивы станут предметом рассмотрения в настоящей статье.

В качестве материала исследования используются лексемы, называющие колдуна, взятые из картотеки «Этнодиалектного словаря мифологических рассказов Пермского края. Часть I. Люди со сверхъестественными свойствами» (сост. И. И. Русинова, А. В. Черных, К. Э. Шумов, Л. С. Нечаева), Словаря русских народных говоров (СРНГ).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-34-01279(а2) «Сохранение и исследование лингвистического наследия поликультурного региона: применение информационных технологий».

1. К числу мотивов, распространенных на территории Пермского края, относится представление о том, что **«чужие» обладают сакральным знанием**. Этот мотив отражает противопоставление «свой — чужой», которое «является одной из базовых семантических оппозиций в народной культуре» [Белова 2006: 28–29]. Слово «чужой» в данном случае следует понимать как ‘отличающийся от членов данного сообщества по какому-либо признаку’. В рамках настоящей статьи мы рассмотрим три отличительных признака: профессия, национальная принадлежность и внешний вид.

1.1. Деревенские специалисты, «т. е. люди, умеющие делать то, чего не умеет делать большинство жителей деревни, ... выделяются на фоне остального сообщества и часто осознаются как колдуны» [Русинова 2013: 31]. Это проявляется в таких номинациях колдуна, характерных для всего Русского Севера, как **мельник, пастух, охотник, строитель, печник, плотник, повитуха, коновал**: *Мельник был, что-то знал, колдовал. Русалок всяких ребятам казал. (Черн.); Правда ли, неправда было, был у нас Николай Фёдорович, мельник. Слух такой шёл, что, дескать, знал он чертей да кого ишо. Он всё делал сам, а безграмотный был. Казал он кому-то чёрта, испугал им (Сол.); Пастух сам коров не пасёт, их леший пасёт. Филя у нас был, пастух, отец и мать сказывали. Берёт у него лешак дойную корову и доит её. (Черд.); Если охотник промысловик, он без слов ничего не достанет. Слова есть чертовские, бесовские. Он сидит на пне, и все звери и птицы к нему прилетают (Черд.); Видно, худо поугощают [строителей], есть сядут, отопки с печки летят. Строители уж такие знающие были (Юрл.)*. Однако здесь существует и территориальное варьирование: специфическими для Пермского края является номинация **лесник**: *В Камгорте лесник жил. Он мою мать и заколдовал. Сходила мать моя к одной старушке. Та её заговорила (Черд.); [А где он учился колдовству, не рассказывал?] Как же! У лесного дедушки. Он долго лес-*

ником был, по лесам, по полям ходил. Там и научил его лесной дедушка всему. Рассказывал: «Я в каменку прошёл в двенадцать часов прямо в хайло окоянному». Не испугался, прошёл (Вер.). Эта особенность, на наш взгляд, обусловлена географическим положением и ландшафтом региона, который богат лесами, поэтому культурно значимой здесь, кроме перечисленных выше, является профессия лесника.

1.2. «Приписывание вредоносных магических способностей живущим рядом представителям иного этноса — чрезвычайно популярная модель описания социального пространства. В случае практически моноэтничного и моноконфессионального населения подобные подозрения обычно падают на жителей соседнего района, села или куста деревень» [Христофорова 2010: 91]. Так, среди русского населения Пермского края колдунами считаются коми-пермяки, татары, марийцы, поэтому в качестве номинаций колдуна используются такие лексемы, как *пермяк*, *пермянка*, *татарка*, *татарочка*, *мариец*, *цыган*: [А вы знаете таких людей, которые порчу наводят?] *Да это всё пермяки. Они люди знающие* (Ильин.); *Тёте, сестре моей матери, на свадьбе что-то подали выпить. Болела она долго. Повели её далёко, к татарке одной. Она ей сказала, что на смерть было сделано, только не допила, поэтому ещё живая. Дала ей татарка что-то выпить. У той червяк вышел, большой, мохнатый. Татарка сказала, в печку его бросить. Его в печке и сожгли* (Караг.); *Ой, у меня мать сама с порчей была... Ездили раньше сюда цыгане. Разную ерунду делали. Ячичко возьмёт, разобьёт, туда бросит какую-то соринку или соломинку, ячичку болтает. Это там как змей бегат, это, в ячичке. Вот это они такие хитрые цыгане были, ездили сюда на лошадях. Такие нечистые люди* (Черд.).

1.3. «Чужими» в народной культуре считаются также те, кто имеет какие-либо специфические черты внешности. Есть такие названия, в которых проявляются какие-либо конкретные физические недостатки колдуна: *безрукый* (Краснов.),

горбатый (Охан.), *косой* (Охан.), *косошарый* (Краснов.), *кривая* (Куед.), *слепая* (Сол.), *слепой* (Куед.), *немая* (Сукс.): *Он безрукой, настоящий колдун. Портит много, чертей, видно, насаживает. Откуль-ко берёт, не знаю* (Краснов.); *Много их (колдунов) было дак. Ещё одна была, как сказать, горбатая девка. Также знала много. Ак вот она умерла, дак мужику-ту казалася она всё, бегала за им* (Охан.); *Тут у нас кривая жила за речкой. Все говорили, что она векилица. От, мол, мужик поймал её да вилкой выткнул глаз. У жены у беременной поймал. Если напятишь её, дак узнаешь потом* (Куед.); *Говорят, умирает колдун трудно, если не передаст своё умение. Андрей умер легко. Искусство своё чёрное передал Гришке слепому. И умер, дожив лет до восьмидесяти, а то и до девяности* (Куед.). Отличительным признаком колдуна может быть цвет глаз, волос и кожи. Культурно маркированными оказываются красный и черный цвета (причем последний традиционно связывается с отрицательным влиянием, поэтому часто используется в номинациях колдуна). Так, для пермской мифологической традиции характерно представление о том, что порчу может навести человек с рыжими волосами. Этот мотив лежит в основе таких номинаций колдуна, как *рыжий*, *рыжеватый*, *черёмный*: *А ещё говорят, что рыжих нельзя к скотине пускать: испортят* (Охан.); *Да, вот у тебя порча, она получена в течение года, на тебя наложил мужчина черёмный. Он рыжеватый, конопатый, вот такой, обязательно конопат и рыжеват* (Черд.). Порчу может навести также человек с темными, черными глазами. Отсюда номинации: *черноглазый*, *тёмношарый*, *черношарый*: *Они, знаете, некоторые вот даже есть такие люди с чёрными глазами, черноглазые. Они даже сами не знают, сами не могут знать, что они глядят, детей глядят. «Ой, какой хорошенький!» Ребёнок ревёт и плачет* (Черд.); *Чаще, говорят, сглазить может*

человек с тёмными, чёрными глазами. *Тёмношарым* его ещё называют (Окт.).

2. «Пермские мифологические рассказы перекликаются с материалами других регионов Русского Севера... и обнаруживают устойчивость общих сюжетов и мотивов, основой которых выступает представление о **связи колдунов с нечистой силой**» [Русинова 2011: 15]. Лексемы, отражающие этот мотив, широко представлены в Пермском крае. К этой группе мы отнесем номинации с корнем *бес-*, распространенные на северо-востоке пермского региона (*бесист, бесистая, бесистые люди, бесистый мужик, бесистые люди, бесястый*): *Ак попробуй-ко узнай их, где они, бесисты-те. Их эдь нету. Они эдь не скажуются. Ты что! А эсле буэшь дознаваться, оне тебя испортят* (Черд.); *Теперь говорят, сколько бесистых людей!* [А что это за бесистые люди?] *Ну, дак говорят, кто бесей знает, садят. Болеешь потом. Люди бесистые, знатливые, они и портят, говорят* (Черд.); слова с корнем *черт-* (*знающий чертей, чёрт, чертист, чертистая, чертистая старушка, чертистка, чертистые люди, чертистый, чертистый мужик, чертиха, чертознай, чертошай*), встречающиеся как в северо-восточных, так и в южных частях края: *Или, это, как его, поленья, ну, носят: сучковатое, с корой. Если сучковатое, то муж будет знающий этих чертей, а с корой — ну тоже такой же, ну, тоже знат* (Черд.); *Рядом чертистая приехала. Их привязывают, молитву «Воскреснет Бог» задом наперёд читают. Привязывают, чтоб сидела* (Краснов.); *Мать мне рассказывала, что, когда дедушка у Капы был, он чертознай был, килы сажал, пчёл портил* (Куед.); названия, включающие основу *нечист-* (*нечистая, нечистая сила, нечистые люди, нечистый*), функционирующие в северных районах: *Нечистая сила тоже в церковь ходит, но за матицу не может перейти. Вот вы замечали в церкви? Вот если такие не божественные, они за матицу не переходят, молятся*

тут (Усол.); А в Добрянке тоже много колдунов... И дядька этот и говорит: «У нас село такое, Добрянка. Есть люди чистые и нечистые» (Черд.).

Помимо перечисленного в данную группу входят также номинации с корнем *ерет-*, имеющие в литературном языке сему 'вероотступник, продавший душу дьяволу', а в диалектах часто употребляемые для называния колдуна: *веретник, веретник-колдун, ерекник, ерекница, еретик, еретник, еретника, еретница, колдун-еретик, колдун-еретник, ритник*. Такие названия встречаются повсеместно: *Веретники* килы на зубы наводили (Ел.); *У нас тут одну ругают холдунья, она-де ерекница, настоящая-де волшебница* (Краснов.); *Мак рассыплют по полу на свадьбе, чтобы никто ничё не сделал, и слова скажут: «Нож, шило, жало под язык стало колдунам, еретникам, волошебникам»* (Юрл.); *Колдуну-еретнику если понравится кто, он его и сожрёт* (Черд.).

3. Рассмотрим далее отражение в номинациях колдуна мотивов, связанных с каналами магического воздействия — визуальным и вербальным.

3.1. По народным представлениям, **колдун может воздействовать на жертву посредством взгляда**. В пермской традиции этот мотив отражается в номинациях носителя магического знания: *глазливый, дурной глаз, зёхало* (от глагола *зэхать* 'смотреть недобрым глазом; сглаживать', см. СРГЮП 1: 330), *провидоха, прозрительная, пронзитель, уросливый глаз*. Они распространены как на севере, так и на юге края: [А много колдунов-то здесь живет?] *Здесь, говорят, да, есь такие. И глазливые, говорят, что есь* (Черд.); *Сглазить может дурной глаз — человек, у которого тёмные глаза и волосы* (Сол.); *У-у, это чисто зёхало: поглядит — и хоть кого сразу сглазит* (Черн.); *Там старухи — провидохи, беда много знают* (Сол.); *Вот ты, например, скажешь: «Вот у тя как корова ядрёная, хоро-*

шая». Она может заболеть. Уросливый глаз. [Такой человек] *сглазить* может (Черд.).

3.2. Мотив использования сакрального текста в качестве средства магического воздействия основан «на вере в действенную силу слова изменять окружающий мир в интересах человека» [Толстая 2009: 431]. Номинации колдуна, отражающие данное представление, образуются от корней с семантикой говорения. В пермской традиции это корни *говор-* (*бабка-заговорщица, заговоруха, заговорщик, заговорщица*), *шепт-* (*шепотунья, шептальничек, шептарь, шептун, шептунья, шептуха, шопотунья*), *слов-* (*словарка, словеник, словеница, словесник, словник, словница, словщица*), *бай-* (*чернобай, чернобайка*), *бормот-* (*бормотушка*). Корень *говор-* встречается на всей территории края, *шепт-* и *слов-* — только в северных районах, *бай-* и *бормот-* — в южных районах: *Бабки-заговорщицы* были. Рожали с ними, лечились (Орд.); *Деревенские шепотуньи* есть, они знают, кто это тебе килу посадил. У нас была слепая *шепотунья*... (Сол.); *Буде ешио* есть так *заговорухи* (Краснов.); *В больничу* не бывала, к *шептарям* ходила (Черд.); *Дак чёрт-те* лечились, такие были *словарки*, словами *шептали* (Краснов.); *Словник* был, *словники*, слова давали против болезней (Черд.); *Чернобаи* могут всё сделать, насадить. В церковь-то их не возили отпевать, грех большой — они ведь не с Богом, а с чёртом знались (Кунг.); *Свекровка-то* знатная была, знала много, *чернобайка*. И вот, погладила её, эту невесту по голове. Она сначала всё говорила: «Не пойду, не пойду», а потом: «Пойду, пойду, всё равно пойду» (Киш.); *На том конце деревни бормотушка* живёт, всяку болезнь может заговорить (Большесосн.).

Итак, мы рассмотрели круг сюжетных мотивов, которые вербализуются в лексемах, называющих колдуна в русских говорах Пермского края. Однако эти мотивы, будучи об-

щими для мифологической традиции всего региона, в разных его районах представлены специфическими названиями. В крае выделяются две диалектные зоны: северо-восточная (Чердынский, Красновишерский, Соликамский, Усольский, Усольский районы) и южная (Куединский, Чернушинский, Кунгурский, Суксунский, Еловский, Чайковский, Бардымский, Октябрьский районы). Так, например, мотив **связи колдуна с нечистой силой** в северо-восточной зоне представлен номинациями с корнями *бес-* и *нечист-*, которые не встречаются в южной зоне; мотив **использования слова в качестве средства магического воздействия** в северной зоне отражается в лексемах с корнями *шепт-* и *слов-*, а в южной зоне — с корнями *бай-* и *бормот-*.

Условные сокращения районов Пермского края

Большесосн. — Большесосновский	Окт. — Октябрьский
Вер. — Верещагинский	Орд. — Ординский
Ел. — Еловский	Охан. — Оханский
Ильин. — Ильинский	Сол. — Соликамский
Караг. — Карагайский	Сукс. — Суксунский
Киш. — Кишертский	Усол. — Усольский
Краснов. — Красновишерский	Черд. — Чердынский
Куед. — Куединский	Черн. — Чернушинский
Кунг. — Кунгурский	Юрл. — Юрлинский

Литература

Белова О. В. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян (этнолингвистическое исследование): Дис. ... докт. филол. наук. М., 2006. 264 с.

Русинова И. И. Вербализация представлений о связи колдуна с нечистой силой (на материале лексики пермских говоров и мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 2(14). С. 15–23.

Русинова И. И. Восприятие «чужого» и «профессионала» как колдуна, знахаря (по данным «Словаря демонологической лексики Пермского края. Часть 1. Люди со сверхъестественными свойствами») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 3(23). С. 28–34.

Толстая С. М. Речь ритуальная // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. IV. М., 2009. С. 427–432.

Христофорова О. Б. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М., 2010. 432 с.

Лингвистическое картографирование
в областном словаре.

Карты наименований частей некоего
обобщенного целого (и их синонимов)
в Псковском областном словаре:

Карта № 6 «Локальные обозначения
фаз луны»*

Ю. Ф. Денисенко

«Псковский областной словарь с историческими данными» (ПОС) — словарь с компонентами регионального лексического атласа. В опубликованных 26 выпусках 11 карт таких основных типов: семантические, синонимические, лексико-словообразовательные. Анализ карты № 6 указанного типа дополняет данные семантических и синонимических карт предшествующего вида (в публикациях 2014 и 2015 гг.) о членении псковских говоров, складывании их номинативно-семантической, синонимической, словообразовательной систем. В лексикографическом аспекте такие карты дают дополнительные аргументы для разграничения разных видов синонимов, вариантных наименований в словаре.

Ключевые слова: лингвогеография, лексические карты, синонимические изоглоссы, ареалы в региональном словаре

В специальном параграфе «Инструкции Псковского областного словаря» Б. А. Ларина (1961) говорится о том, что в качестве приложения к словарю будет дан «комплект карт географического распространения тех слов, которые ⟨...⟩ имеют своеобразные изоглоссы на Псковской карте ⟨...⟩ Кро-

* Исследование проведено в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 16-04-00150а «Русское диалектное слово в синхронии и диахронии: проблемы лексикографического описания».

ме лексикальных карт будут даны исторические карты границ ⟨...⟩ Псковского княжества, ⟨...⟩ Псковской губернии» [Ларин 2003: 674]. Это положение реализуется: в 26 опубликованных выпусках ПОС представлены «Историческая карта-схема Псковщины», отражающая границы региона с XII в. по 1965 г. и 11 лингвистических карт (см. подробнее: [Денисенко 2014а; 2014б; 2015]).

Обозначенный в заголовке статьи тип лексических карт уточнен нами по сравнению с прежней классификацией: «синонимический» признак отнесен на второй план. Таких карт в ПОС две:

а) № 6 «Локальные обозначения фаз луны (и соответствующих временных отрезков), выраженные одним словом» (ПОС 3: 178; составитель Ю. Ф. Денисенко); общее понятие для этой лексики — фазность / части, четверти лунного диска.

б) № 7 «Названия белка и желтка» (ПОС 10: 188; составители — А. М. Кравчук и В. Х. Рыжова); общее понятие — вещество яйца: его прозрачная / белая в вареном виде и желтая субстанции.

Основная особенность таких групп лексики в том, что слова употребляются в них взаимозависимо: при назывании одной фазы луны упоминают смежную фазу или последовательность фаз (напр.: *Маладiк идeт да палнатi, а патом вeтaх пашoл, пoслe палнатi на вeтaх.* Н.-Рж.¹; *Да пoлнатi лунi маладiк, а с палнатi витoх да палналуниa.* Пуст.); при упоминании белка яйца вспоминают про желток (*Сначaла билудoк, а внутрi жылудок фклaдиный.* Пск.; *В яйцe билудoк и жылуток, онi ф шкорлупiни.* Гд.) и т. п.; это такие «сложносочиненные» группы лексики.

В данной работе анализируется первая из указанных карт.

¹Используем сокращения районов, принятые в ПОС; сокращения раскрыты в конце статьи.

На карте № 6 отражены 9 (13 с вариантами основ и ударений) локальных однословных наименований (не учитываются общие с литературным языком слова типа *новолуние* и словосочетания типа *новая луна, ветхий месяц*); однословные названия отобраны по семантическому признаку «возрастного» изменения диска луны ('молодой' / 'новый', 'полный', 'ветхий' / 'старый') от пяти соответствующих корней *молод-* / *нов-*, *полн-*, *ветх-* / *стар-* (другие лексемы, как *перекрой, сходь* и под., не привлекались); им соответствуют в легенде 5 знаков, выделенных по понятийно-лексическому и ареальному признакам: 1) *новѣц*; 2) *старѣц*; 3) *молодѣц* и уменьшительно-ласкательное *молодицок*; 4) *ветх* / *вѣтх*, *ветох* / *вѣтох*, *вѣтух* и уменьшительно-ласкательные *ветошѣк*, *вѣтошок*; 5) *пѣлнота* и *полнотѣ*.

Карта № 6 отражает довольно четкое отмежевание южнопсковских фиксаций от северной территории по линии **Остров — Холм**.

Такое же разграничение этих групп говоров отмечено на карте Псковской области в «Лингвистическом атласе Верхней Руси»² А. С. Герда (далее — ЛАВР), но значительно севернее — по линии **Псков — Порхов** — и далее **Старая Русса** Новгородской обл. [Герд 1996: 4]³.

²«Под термином *Верхняя Русь* (...) понимается исторически сложившееся единство территорий современных Псковской, Новгородской, Ленинградской областей и западной части Тверской области к западу от Вышнего Волочка, Торжка, Ржева» [Герд 2001: 3; также Герд 1996: 3]; области в границах на 1995 г.; на карте Новгородской обл. показано схождение изоглосс за ее пределами — в районе озера Селигер [Герд 1996: 3].

³Составитель отмечает, что карты ЛАВР носят «свободный обобщающий характер» (при их создании учтены исследования, словари, атласы по 1995 г., материалы проверялись создателем атласа). «Что кроется за проведенными границами — это предстоит выяснить историкам, диалектологам, этнографам» [Герд 1996: 3]. В предпринятом нами анализе карты № 6 уточняется частный вопрос по одной из изоглосс Псковской карты ЛАВР.

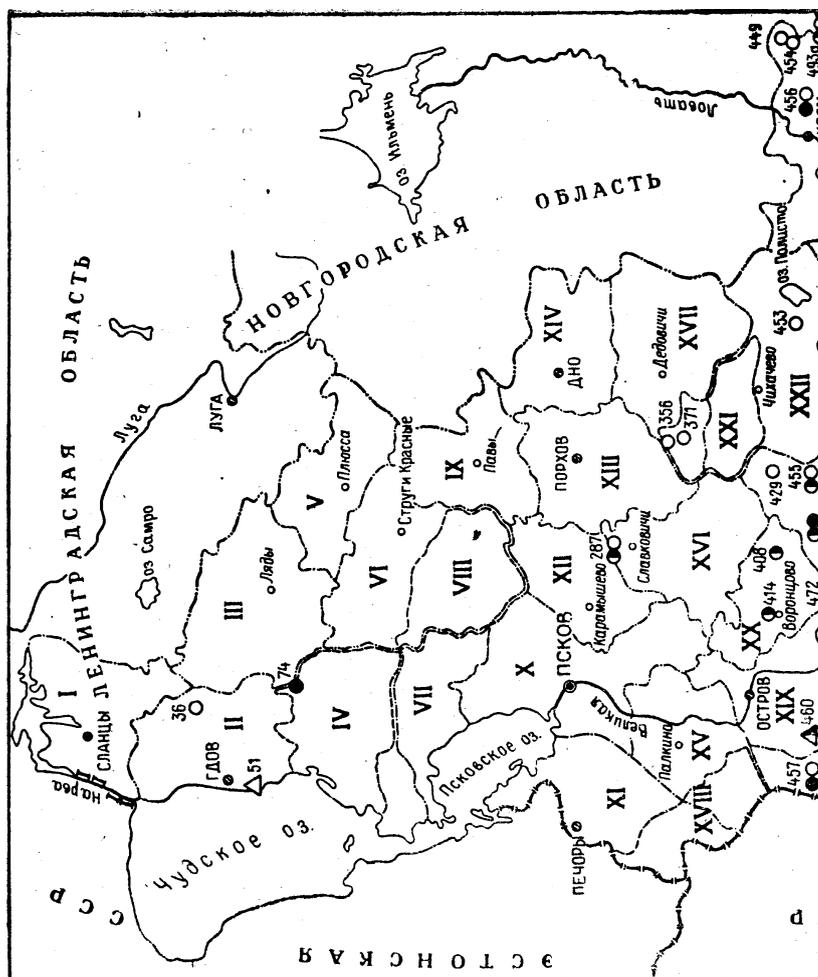
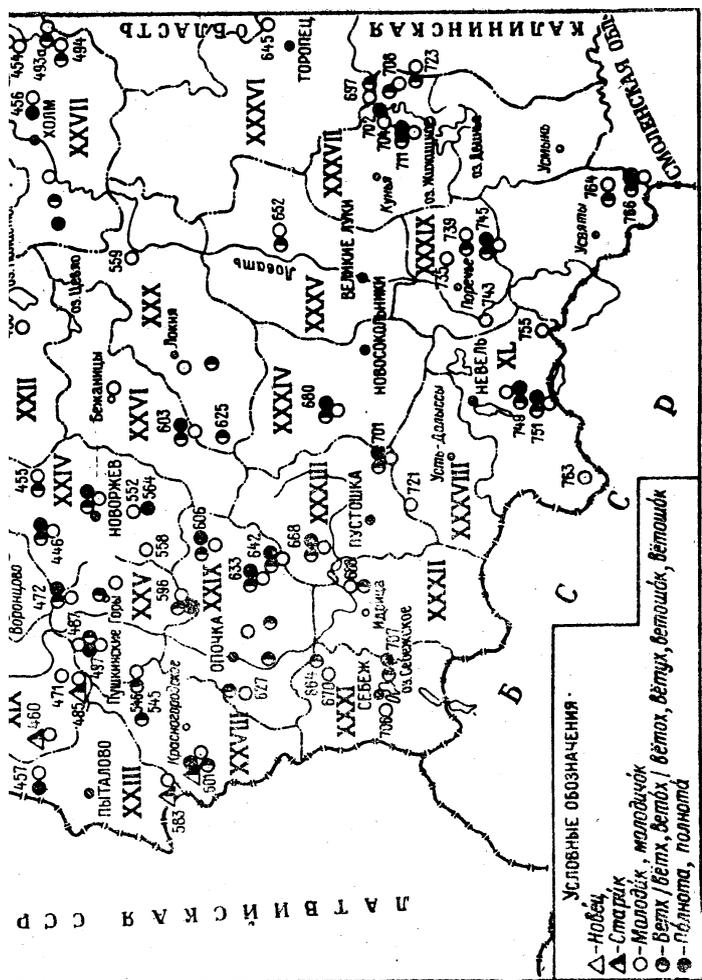

Рис. 1: Карта № 6 «Локальные обозначения фаз луны» (ПОС 3: 178). Начало

Карта № 6

Локальные обозначения фаз луны (и соответствующих временных отрезков), выраженные одним словом.

Рис. 2: Карта № 6 «Локальные обозначения фаз луны» (ПОС 3: 178). Окончание

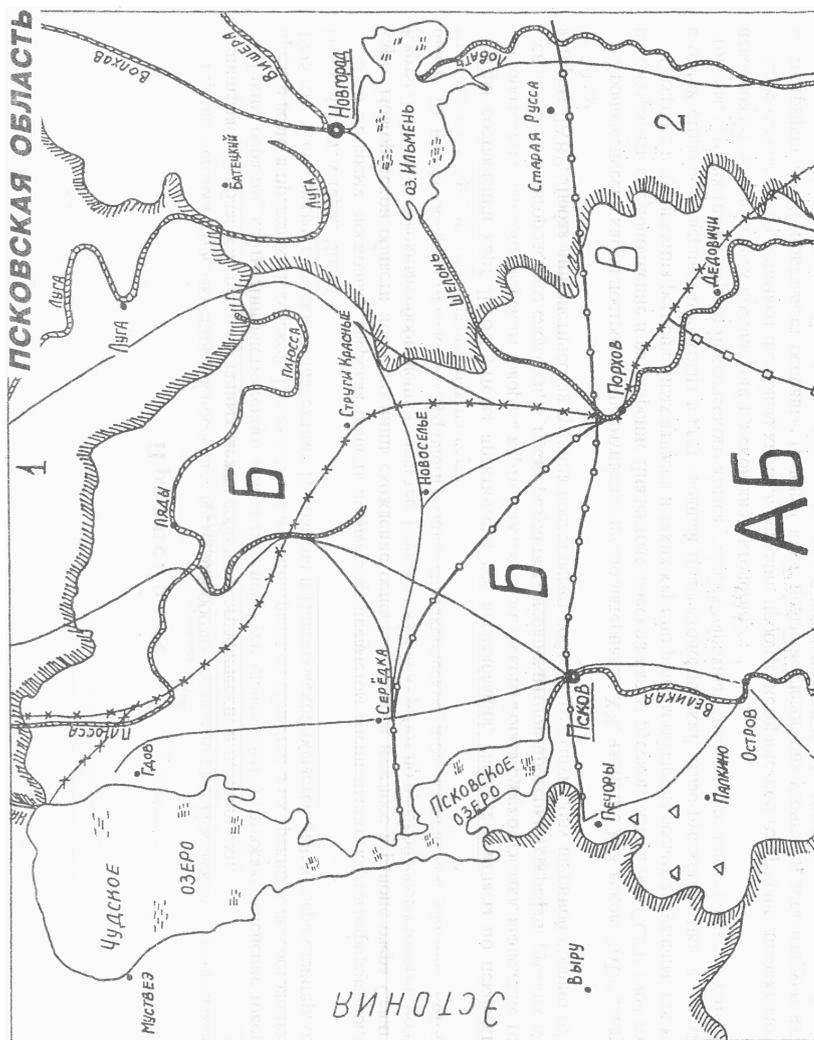

Рис. 3: Карта Псковской области [Герд 1996: 4]. Начало

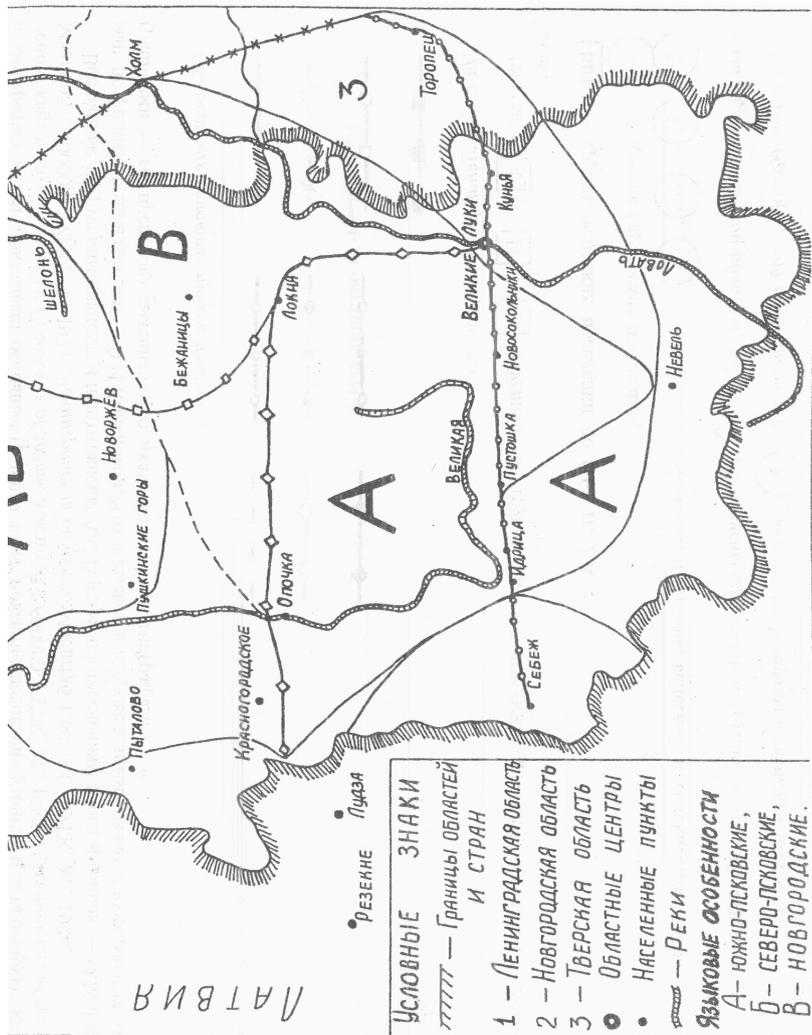

Рис. 4: Карта Псковской области [Герд 1996: 4]. Окончание

I

Наиболее информативными на карте № 6 ПОС являются фиксации лексем *молодік*, *полнота*, *ветх* / *вѣтох* (они системны в том смысле, что в ряде пунктов употребляются 2 или все 3 слова и имеют в основном общую территорию распространения; наименования фазы, когда невидим лунный диск, на карте не представлены). Названные лексемы фиксируются значительно южнее отмеченной А. С. Гердом изоглоссы — по линии **Остров — Холм**: от госграницы с Латвией на западе — в п. 457 на севере XXIII/Пыт.⁴, 460 XIX/Остр., 414, 498 XX/Сош., 429 на севере XXIV/Н.-Рж., 453 XXII/Аш., 456, 454, 449 XXVII/Холм. р-на — до границ с Новгородской и Калининской областями на востоке; от этой линии **равномерный массив знаков** (без заметного размежевания ареалов каждой из лексем триады) до южных пунктов XXXI/Себ., XXXII/Идр., XXXVII/Усть-Долыс., XL/Нев. р-нов — вплоть до границ с Белоруссией и Смоленской областью⁵.

Отметим немногие разрозненные пункты за пределами интенсивного массива: 36 II/Гд. — *молодик*, 74 IV/Полн. — *полнота*, 287 на севере XVI/Сл. — *ветох* и *молодик*, 356 и 371 XVII/Дед. р-на — *молодик*. В 18-м выпуске ПОС (2006): в словарной статье на *молодик* не отмечены районы области за пределами интенсивного массива, исключая словосочетания на *молодик* XVI/Сл. р-на; синоним *молодяк* (не представленный на карте 1976 г.) фиксируется в пределах интенсивного ареала — в XIX/Остр. и XXIV/Н.-Рж. р-нах; кроме этого

⁴Здесь и далее римскими цифрами обозначены на лингвистических картах соответствующие районы Псковской обл.; сокращенные обозначения районов, принятые в ПОС, раскрыты в конце статьи.

⁵Отмечаемое в СРНГ *вѣтых* Великолукск. и Пустошк. р-нов Псковской обл. (СРНГ 4: 206) — в пределах этого ареала; в ПОС такие формы с заударным *ы* передаются как *вѣтох*.

в контексте из XIV/Дн. р-на к словосочетанию *молодой месяц* (в словарной статье *молодой*) употребляется слово *молодик*, не учтенное в посвященной ему словарной статье (ПОС 18: 316, 330, 323) — за границами интенсивного ареала.

1) За пределами псковского континуума *молодик* отмечается в **северо-западных и южных регионах России**: Новг. (1844), Твер./Калин., Брян., Смол., Калуж., Курск., Ворон., Дон., Краснодар.; также в **смежных с северо-западными некоторыми р-нах** бытования русских говоров **в приграничных прибалтийских странах**: Преил. Латв., Йонав. Лит.; *на молодикѹ* — Орл., Смол., Преил. Латв., Йыгев., Тарт. Эстон. (СРНГ 18: 223–224); в **белорусском (маладзік) и украинском (молодик) языках** (и их говорах) (Станкевич 1989: 669; Гринченко 2: 443; во многих диалектных словарях этих языков).

В севернорусской и сибирской зонах *молодик* представлено **точечно** в регионах: **Вят., Южн. Краснояр., Новосибир., Том.**; *молѡдик* — Иркут. (СРНГ 18: 223–224)⁶.

Укажем также дериваты, известные за пределами основного северо-западно-южного ареала — в пограничных с Псковщиной новгородских и далее в северно- и центрально-норусских, уральских, сибирских говорах: *мѡлода* (ж. р.) — Пошех. Яросл. (1850), Шенк. Арх.; *молодник* — Глубок. Вост.-Казах., Яросл.; *молодняк* — Ордын. Новосиб., *на молодѹ* — Южн.-Сиб. (1847), *на мѡлоду* — Белозер. Новг. (1852), Перм., Иркут., Южн.-Сиб., *на молодѹ* — Пошех. Яросл. (1850), Костром., Урал., Перм., Иркут., Омск.; *на молодѹю* — Судог. Влад. (1851), Перм., Иркут., Сиб.; *молодой месяц обмывается* (о дожде во время новолуния) — Саратов. (1848); *молобок* — Меленк. Влад. (1875) (СРНГ 18: 220, 226–227). Упомянутые здесь суффиксальные существительные — эксклюзивные, редкоупотребительные лексе-

⁶Используем географические пометы, принятые в СРНГ (сокращения областей понятны без пояснений, сокращения районов раскрыты в конце статьи).

мы; приведенные же сочетания слов образованы с прилагательным *молод* / *молодой*, которое (в таком употреблении), по историческим и этимологическим словарям, — древнейшая лексема широкого распространения (СлРЯ XI–XVII, 9: 249–250; *молодик* в рассматриваемом значении в нем нет; Фасмер 2: 643–644; *молодик* в нем нет).

Дериваты на *молод-* с «лунно-временной семантикой» широко известны в пределах Восточной Славии; частное образование *молодик* на этом фоне явно ареально в границах региона: **Украина, Белоруссия, Русский Северо-Запад**, в пределах же последнего — прежде всего в пограничной южнопсковской зоне.

2) Компонент рассматриваемого ареала на Псковской карте — *пóлнотá* за его пределами фиксируется в Смол. (1914), рус. говорах Латв. (СРНГ 29: 84); *полнотá* — Чудов. Новг. (НОС 2010: 887); в белорус. яз. поўната (Станкевіч: 789), сев.-зап. в белорус. говорах поўната, поўнатка, поўнатай — в знач. нареч. (СГПЗБ 4: 59–60) и других говорах республики (по областным словарям).

В одном памятнике начала XVIII в. находим: *Вскопай [поле] егда есть полнота, сирьчь полнѡ м[e]с[я]цѡ*. Книга земледелательная... (переведена в Великом Новеграде)⁷, 21, 1705 г. (СлРЯ XI–XVII, 16: 229).

Дериваты с *полн-* отмечаются шире: *на полну* — о полнлунии — Онеж. Арх. (1901), *полно́* — Перм. (1967), *полная точка* (отмечает новолуние в календаре) — Невельск. Пск. (1978) (СРНГ 29: 82, 83, 65); в белорусских и украинских источниках: поўная, поўня, поўнік (Станкевіч: 789), поўна / поўня, поўнэ, поўнік, поўніца (СГПЗБ 4: 59–60); по́вній місяць, по́вня, місяць у по́вні (Грінченко 3: 225).

В исторических источниках: *ини... усмотряютъ полнога мѣсяца* — Пять древнерус. поучений кон. XVI – нач. XVII в. (СлРЯ XI–XVII, 2: 123, на слово *ветхий*): *луна полна* —

⁷Здесь и ниже названия памятников раскрыты по Указателю источников СлРЯ XI–XVII (М.: Наука, 1975).

Ипатьевская летопись, 251, сп. XV в.; *месяца полна* — Заговоры Олонекские, 490, сп. втор. четв. XVII в.: *на полнь* — Грамоты Сиб. (Миллер Г. Ф. История Сибири, 2), 444, 1637 г. (СлРЯ XI–XVII, 16: 229).

Как и с *молод*, образования с корнем *полн* распространены довольно широко в пределах Восточной Славии, *полнота* на этом фоне ареально в пределах чудовско-южнопсковских, смоленских говоров, в русских говорах Латвии и широко — в Белоруссии.

3) Компонент анализируемого ареала на Псковщине — лексемы *ветх* / *вѣтх*, *ветѡх* / *вѣтох*, *вѣтух* и *ветошѡк* / *вѣтошок* известны за южнопсковскими пределами в русских северо-западных, западных и южных говорах, в русских говорах Латвии (и в отдалении от этого массива — в Сибири): Волхов. и Ладож. Петерб., Новг., Смол., Полоцк. (1820), Север<ские> Городок<и Черниг.>⁸, Прейл. Латв., *по ветху* — на исходе месяца — Иркут.; *вѣтух* — Мосал., Жиздр. Калуж. (СРНГ 4: 197–198, 205); *ветѡх*, *ветошѡк* — Смол. (ССГ 2: 35; 11: 190), *вѣтох* — Селигер (Селигер 1: 97); *вѣтах*, *вѣтох*, *вѣташѡк* — в белорусском языке и его говорах (БРС: 150; СГЦБ 1: 81; СГПЗБ 4: 577; Каспяровіч 1927: 56; и др.).

За пределами этого ареала — в архангельских и печорских говорах (дочерних по отношению к диалекту Верхней Руси — псковско-новгородскому в своей основе [Герд 2001: 4]): *вѣтошь* — Арх. (1885), *на ветху* — Онеж. Арх. (1900) (СРНГ 4: 199, 205), *ветѡх* — во многих районах Арх. (АОС 4: 18), *ветѡх*, *на ветѡхе* — Нижняя Печора (СРГНП 1: 66).

Дериваты в той же архангельской зоне: *вѣтошь* Арх. (1885), *ветха* — полнолуние, *ветхѡвый отжив* — движение рыбы при ущербе месяца — Белом. Арх. (1929) (СРНГ 4: 206); *ветхо*, *ветховой* — о месяце, *ветховые воды* —

⁸В СРНГ эта единая географическая помета разделена ошибочно на две пометы: «Север., Городок.» (СРНГ 4: 197).

о понижении уровня воды в период от полнолуния до новолуния — Арх. (АОС 4: 18).

В исторической части словарной статьи ПОС на *вѣтох* находим: *небеснаго месяца априля конецъ вѣтха ... быша морози велици* — Псковская III летопись, 1471 г., л. 139 об. (по Строевскому списку 1556 г., с сохранением слова в вариантном к нему Архивском II списке 1645 г.), слово известно также в Разговорнике Тонниеса Фенна 1607 г. (ПОС 3: 126). Эти источники созданы в Псково-Печерском монастыре и при церкви Св. Троицы Пскова (Пск. III лет.), в Пскове (Разговорник), что значительно севернее фиксации слова на Псковской карте 1976 г.

О более широком распространении рассматриваемого названия ущербной луны свидетельствуют и другие исторические источники: *ветохъ / ветзхъ* — в тексте Ярлыка 1270 г. (Собрание гос. грамот и договоров 2, 6); *въ ветохъ* — Пять древнерус. поучений кон. XVI – нач. XVII в.; [дерево рубят для хором] *на ветху м[е]с[я]ца* — Назиратель, 191, XVI в. (СлРЯ XI–XVII, 2: 123).

Как видим, в современный период компонент южнопсковского ареала *ветох* (его вариантов и производных) тяготеет к ареалу **Русский Северо-Запад, запад и юг, русские говоры Латвии, Белоруссия, север Украины (Чернигов)**. В исторический период XIII–XVII вв. места фиксации в русской зоне располагались шире (что предстоит конкретизировать в дальнейших исследованиях).

II

Выразительному южнопсковскому ареалу на Псковской карте противостоит **северная зона с одиночной фиксацией (п. 51 II/Гд.)** наименования молодого месяца *новѣцъ* — синонима к *молодик* (как указано в ПОС 21: 360).

Эта лексема находит поддержку в известии 1568 г. Псковской III летописи: *бысть знамение: на новцы явишася два месяца рогами противу себя, одинъ повыше, а другой пони-*

же, л. 238 об. (по Строевскому списку 1556 г., с сохранением текста в вариантном Архивском II списке 1645 г.)⁹, с территориальной приуроченностью — **Псков** (церковь Св. Троицы) и **Псково-Печерский монастырь** — центры псковского летописания. Отметим, что только приведенный псковский летописный источник представлен на это слово в СРЯ XI–XVII (11: 394–395).

За пределами Псковской карты такие материалы: **но́вец** — Луж. Петерб. (1871), Арх.; **новѣц** — Шенк. Арх., Тихв. Новг. (1852), Арх., Новг., Гдов. Пск., Перм.; **новец** (без ударения) Новг. (1844); **на новѣцѣ** — Даль (без территор. помет), Олон. (1885–1898), Повен. КАССР (СРНГ 21: 253); **новѣц** — Кондоп. и Медвежьегор. Карел., Тихв. Ленингр., Батецк. Новг. (СРГК 4: 29); также в не названных Новг., Крестец., Шимск., Солецк. р-нах Новг. (НОС 2010: 650). **Ареал нѡвѣц** ‘новолуние; молодой месяц’ — **Арх., Олон., Карел., Петерб., Пск., Новг.** и в большом отрыве от них **Перм.** В историко-диалектном (собственно этимологическом) аспекте на основании этих же материалов А.С. Герд относит **новец** в указанном значении к «собственно новгородским» («гдовско-псковско-новгородский тип») [Герд 2008: 223].

Дериваты с **нов-** для обозначения молодого месяца, новолуния и связанных с ними явлений в русских говорах: **но́ва** — Арх., **на новѣ** — Арх. (1885), **новѣк** — Балаш. Саратов. (1918), **месяц на нѡви (в нѡви)** — Даль (без территор. помет) (СРНГ 21: 253, 261).

Прилагательное **нов, новѣ** по отношению к молодому месяцу, новолунию в исторических источниках: *арама мѣсяца в осмыи нова* [вар. *новаго*] — Ханские ярлыки..., 100, XVI < XIV в.; (1471): ...*мая новаго... быша морозы* — Псковские летописи, т. 2, 180 (по списку 1556 г.); *и постѣдоша новыи луны м[е]с[я]ца* — Библия Геннадия 1499 г. (2 Езд. IX, 16); *труби-*

⁹В ПОС на слово **новец** нет исторической части с данной лексемой (ПОС 21: 360), хотя на слово **докончание** этот контекст цитируется (ПОС 9: 120).

те на новъ мѣсяць — Чудовская псалтырь, 188, XI в., *новья м[е]с[я]ця* — Успенский сборник, 423, XII–XIII вв. (СлРЯ XI–XVII, 11: 413–414).

На фоне производной лексики *новец* ‘молодой месяц’ ареально на довольно ограниченном пространстве — в **пределах северо-западной (новгородско-псковской) территории**. В псковских говорах оно реликтивно.

III

Отметим последний — третий ареал на Псковской карте. Наименование луны на ущербе *старѣкъ* (синоним к *ветх / ветох*) бытует на весьма ограниченном пространстве в **западных пунктах южнопсковского ареала** — в п. 460, 485 XIX/Остр., 583, 601 XXVIII/Кр. р-нов., в приграничье с Латвией.

За пределами этой территории находим разреженное продолжение ареала: *старѣкъ* ‘о четвертой, последней фазе луны, старый месяц’ — Дон., русские говоры Литвы и Латвии (СРНГ 41: 71); брянские говоры: *старѣкъ* — Брян. Брян., *старичѣкъ* — Севск. Брян.¹⁰; *старѣкъ* — белорусские туrowsкие и северозападные говоры (ТС 5: 96; СГПЗБ 4: 577); и за этим ареалом в таких разрозненных регионах (в переселенческих говорах): *старѣкъ* — Саратов., Краснояр., *старѣкъ* — Забайкалье (СРНГ 41: 71, 90). Таким образом, в континууме Восточной Славии псковское *старѣкъ* тяготеет к его западу.

Карта № 6 ПОС представила сложную систему обозначений разновеликих фаз луны в псковских говорах. Отраженные на ней синонимическое противостояние *новец* — *молодик*, обособление *старѣкъ* от *ветх / ветох*, образование триединства *молодик* — *полнота* — *ветх / ветох* — ре-

¹⁰Материалы картотеки Брянского областного словаря использовались нами в 60-е гг. XX в. (хранились в Ленингр. гос. пед. ин-те имени А. И. Герцена).

зультат сложнейших и одновременных процессов развития говоров псковского региона (что показано пока в границах восточного славянства).

Сокращения районов, принятые в ПОС

Аш. — Ашевский, XXII	Пск. — Псковский, X
Гд. — Гдовский, II	Пуст. — Пустошкинский, XXXIII
Дед. — Дедовичский, XVII	Пыт. — Пыталовский, XXIII
Дн. — Дновский, XIV	Себ. — Себежский, XXXI
Идр. — Идрицкий, XXXII	Сл. — Славковский, XVI
Кр. — Красногородский, XXVIII	Сош. — Сошихинский, XX
Нев. — Невельский, XL	Усть-Долыс. — Усть-Долысский, XXXVIII
Н.-Рж. — Новоржевский, XXIV	Холм. — Холмский, XXVII
Остр. — Островский, XIX	
Полн. — Полновский, IV	

Сокращения районов / уездов других регионов

Балаш. — Балашовский Саратов.	Ладож. — Ладожское Петерб.
Батецк. — Батецкий Новгород.	Медвкжьегор. — Медвежьегорский Карел.
Белозер. — Белозерский Новгород.	Меленк. — Меленковский Влад.
Белом. — Беломорский Арх.	Мосал. — Мосальский Калуж.
Брян. — Брянский Брян.	Невельск. — Невельский Пск.
Великолуцк. — Великолуцкий Пск.	Новг. — Новгородский Новгород.
Волхов. — Волховский Петерб.	Онеж. — Онежский Арх.
Гдов. — Гдовский Пск.	Ордын. — Ордынский Новосибир.
Глубок. — Глубоковский Вост.-Казах.	Повен. — Повенецкий Карел.
Жиздр. — Жиздринский Калуж.	Пошех. — Пошехонский Ярослав.
Йонав. — Йонавский Лит. ССР	Прейл. — Прейльский Латв. ССР
Йыгев. — Йыгевский Эст. ССР	Пустошк. — Пустошкинский Пск.
Кандоп. — Кандопожский Карел.	Севск. — Севский Брян.
Крестец. — Крестецкий Новгород.	Солецк. — Солецкий Новгород.
	Судог. — Судогодский Влад.

Тарт. — Тартуский Эст. ССР Чудов. — Чудовский Новг.
Тихв. — Тихвинский Ленингр., Шенк. — Шенкурский Арх.
Новг. Шимск. — Шимский Новг.

Литература

Герд А. С. Лингвистический атлас Верхней Руси. СПб., 1996. 8 с. (Санкт-Петербургский гос. ун-т. Научные доклады).

Герд А. С. Очерк исторической диалектологии Верхней Руси (История ландшафта). СПб., 2001. 21 с. (Санкт-Петербургский гос. ун-т. Научные доклады).

Герд А. С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров (Н, О, П, Р) // Севернорусские говоры. Вып. 9. СПб., 2008. С. 209–262.

Денисенко Ю. Ф. Лингвистическое картографирование в «Псковском областном словаре»: Общие положения. Семантические карты // Лексикология. Лексикография: (русско-славянский цикл) / отв. ред. Т. С. Садова; Русская диалектология / отв. ред. О. В. Васильева; История русского языка / отв. ред. Е. И. Зинovieва, О. В. Васильева: Материалы секций XLIII Международной филологической конференции 11–16 марта 2014 г., С.-Петербург. СПб., 2014а. С. 110–118.

Денисенко Ю. Ф. Лингвистическое картографирование в областном словаре: (Семантические карты в «Псковском областном словаре») // Лингвистический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014 / отв. ред. А. С. Герд. СПб., 2014б. С. 238–267, с лингвистическими картами.

Денисенко Ю. Ф. Лингвистическое картографирование в областном словаре: (Синонимические карты в «Псковском областном словаре») // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2015. СПб., 2015. С. 184–215.

Ларин Б. А. Филологическое наследие. Сборник статей. СПб., 2003. 952 с.

Глагольная строительная лексика в русских говорах Мордовии

Л. Н. Денисова

В статье рассматривается глагольная диалектная лексика, связанная со строительством жилища на территории Республики Мордовия. Представлены многочисленные синонимические ряды глаголов, обозначающих разные этапы строительства, рассмотрены различные действия, сопровождающие этот процесс. Анализ глагольной диалектной лексики позволяет получить представление об элементах материальной культуры русского народа, проживающего на территории Республики Мордовия.

Ключевые слова: строительная лексика, диалектные глаголы, синонимические ряды, этническая культура

Жилище является одним из важнейших компонентов материальной культуры целых этнических коллективов, так как «результаты оценочной деятельности человека находят отражение в бытовой лексике, непосредственно связанной с особенностями его жизни, уклада, дают представление о своеобразии взглядов на окружающий мир, системе ценностей сельских жителей» [Человек 2015: 87]. Анализ глагольных лексических единиц русских народных говоров является средством описания отдельного фрагмента диалектной языковой картины мира. Ф. П. Сороколетов отмечал, что «семантическая разработка многих разрядов диалектной лексики связана с необходимостью проникновения в мир духовной и материальной культуры русского народа» [Сороколетов 1985: 9].

Строительная лексика изучалась как на материале русского литературного языка, так и на диалектном материале. Рассматриваемая группа диалектных глаголов, обозначаю-

щих действия, связанные с процессом строительства дома или хозяйственных построек, довольно многочисленна. Кроме того, на материале русских говоров Республики Мордовия анализировались фразеосочетания, которые называют действия, выполняемые человеком в процессе возведения жилища [Человек 2015: 66–67].

Мордовский край был богат лесами, поэтому русские, проживающие на территории Мордовии, чаще всего в качестве материала для строительства использовали дерево: «Русское население предпочитало селиться вблизи лесных массивов, где можно было найти материал для строительства жилища... Осваивая мордовский край, русские не могли не перенести сюда с собой и некоторые промыслы, такие, например, как обработка дерева, кожевенное, кузнечное, гончарное производство» [Народы 2012: 55–56].

Материалом для нашего исследования послужили данные «Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия» (СРГРМ).

Процесс строительства дома и надворных построек представлен диалектными глаголами, обозначающими разные этапы строительства. Подготовительная работа основана на первичной деревообработке; этот процесс представлен в анализируемых говорах несколькими синонимическими рядами диалектных глаголов. Так, *шкурить*, *лысить*, *сочать*, *соковалить* и т. п. означают ‘очищать от коры, обдирать’. Например: *Лысить — этъ шкурить деривъ, делтъ голы полъсы на дериви, нъ бревне* (Суподеевка, Ард); *Брёвны надъ шкурить, а то пръпадут жывъ* (Кергуды, Ич). Глагол *шарошить* имеет значение ‘скоблить, делать гладким (бревно, доску)’. Например: *Шарошкэй бревно шарошить надъ, дъ шарошкэ куда-тэ здывалъсь* (Токмово, Ков).

Немногочисленны диалектные глаголы со значением ‘строгать’: *шугать*, *скоблить*, *струганить* и т. п.; глаголы *кромить*, *окромлять* употребляются со значением ‘обтесывать края доски’. Например: *Васляй вон доски кро-*

мит, хочыт пол нзстилатъ (Суподеевка, Ард); *Весь день нынчы тёс укромлят, потом строгать будит* (Суподеевка, Ард); *Шугают доски шуганчъкъм* (Дубасово, ЗП).

В пределах исследуемой группы выделяется ряд глаголов, обозначающих непосредственно процесс строительства, а также различные действия, сопровождающие этот процесс. В материалах исследования зафиксировано большое количество диалектных глаголов с общим значением 'построить, выстроить', входящих в синонимический ряд: *сконадобить, определитъ, отправить, посновитъ, постановитъ, пуститъ, разделатъ, собратъ, совершитъ, состряпать, сустробитъ* и т. п. Известно, что многократное дублирование является свидетельством наиболее важных для диалектоносителей значений. Анализируя многочисленные синонимические ряды, мы можем оценить особую значимость понятия «дом» для носителей языка. Например: *Харошый он дом скзнадобил* (Семивражки, Торб); *Этэт дом пзстзнавили ищё маи радитили* (Чеберчино, Дуб); *Он сам себе дом апридилил* (Матвеево, Темн).

Как уже было отмечено, большинство домов строилось из дерева. Для этого использовались почти все породы — сосна, ель, береза, липа, ольха и др., наиболее дорогими и прочными материалами являлись дуб и сосна. Заметим, что нередко в контексте указывается материал, применяемый при строительстве дома или какой-либо другой постройки. Например: *Сасет себе дом сэвиршыл, сасновый* (Сивинь, КС). Деревянные дома чаще всего строили срубным способом, строительством домов занимались плотники, которых нанимали за определенную плату. Исследователи-этнографы замечают: «Перед началом работы и после постройки дома хозяева хорошо угощали плотников и помощников» [Народы 2012: 59]. Например: *Дом уш пзснавили, застолицъ у них щас* (Хлебино, Теньг). Сам хозяин, если не был плотником, рубил лишь мелкие хозяйственные постройки.

Следует заметить, что мужчины в сельской местности, даже не будучи плотниками нередко имели навык плотнико-столярной работы. Например: *Муш у миня лобит шырыкэть. Пэстаяннэ што-тэ шырыкэт* (Новая Михайловка, Лямб). Глагол **шырыкэть** имеет значение ‘резать пилой, пилить’. В диалектных материалах зафиксирован глагол **мастеровэть** со значением ‘плотничать’, например: *Што мэстиравать, што плотничить, этэ фсё равно. У миня самтэ мэстирут в Рузафки* (Стрелецкая Слобода, Руз).

Для обозначения действий, связанных со строительством дома, в исследуемых говорах зафиксированы глаголы типа **составлять** со значением ‘ставить на место (сруб)’ и т. п. После возведения стен их дополнительно конопатили мхом или паклей. Например: *Им лень былэ прэпазить избу, сичяс мёрзнут* (Нижняя Вязера, Инс). Глагол **пропазэть** имеет значение ‘проконопатить’. Процесс строительства дома обязательно предполагал «помочи», т. е. приглашение помощников, обычно знакомых или родственников. Например: *Вот составляли дом-тэ и на помэчь яво пазвали* (Силино, Ард).

Наряду с бревенчатыми жилищами строили саманные или глинобитные дома, которые во многих селениях почти полностью вытеснили бревенчатые постройки. Распространение таких домов в ряде районов (например, в Краснослободском, Лямбирском, Ромодановском, Чамзинском, Кочкуровском, Большеберезниковском) было связано с природными залежами глины. Это объясняется тем, что такой тип жилища обходился дешевле, а по прочности и теплоизоляции не уступал бревенчатой избе [Народы 2012: 58–59]. Диалектные глаголы со значением ‘строить’ могут содержать в своей смысловой структуре указание на применяемый строительный материал: **лэть** ‘строить из кирпичей, самана’, например: *Старый клуп снисли, новый толькэ сэбирающэ лэть* (Авгуры, СШ); *Мы сами лэтухи лэём* (Елизаветинка, ББ).

По рассказам информантов, для строительства жилища из самана в специальных формах изготавливали кирпич. Его

называли сырцовым. Из этих кирпичей выкладывали стены, а щели между ними заливали жидкой глиной, смешанной с мелко изрубленной соломой. Для строительства глинобитных жилищ сначала возводили каркас стены из столбов, а затем с обеих сторон столбов прибивали доски. В промежутки между досками забивали до отказа глину. По мере ее просыхания доски переносили выше. В таких домах по большей мере жили одинокие крестьяне или особенно бедные семьи, которые были не в состоянии поставить рубленую избу [Народы 2012: 59].

Диалектные глаголы, составляющие рассматриваемую группу, обозначают конкретные действия, которые сопровождают процесс строительства. Для диалектоносителей был важен каждый этап при возведении жилища; в исследуемых материалах представлены глаголы типа *опотолбчить* со значением ‘настелить потолок’, *обналичить* со значением ‘прибить наличники к дверным и оконным косякам’ и т. д. Например: *Асталъсь апталочить, а там можнѣ печьку класть* (Тазино, ББ); *Нам толькѣ двери и окнѣ убналичить осталъсь* (Суподеевка, Ард).

Как можно заметить, словообразовательные значения приведенных выше диалектных глаголов тождественны значениям мотивирующих существительных русского литературного языка. Такую же модель наблюдаем в образовании некоторых других глаголов, причем в говорах нередко можно наблюдать приставочную синонимию, ср.: *окосячить, закосячить, раскосячить* ‘вставлять косяки в дверной или оконный проем’. Например: *Дом срубили, таперь двери будут акасячивзть* (Кочелаево, Ков); *Проёмы в ызбе зделъны, их нады укосячить, фставить късяки, хзть в дверной проём, хзть в оконный* (Суподеевка, Ард); *Рѣскосячыл дверь из избы передний в задню* (Суподеевка, Ард); *Акно зъкасячить надѣ* (Чеберчино, Дуб); *Мой хазяин адин фсе окны зѣ ниделю акасячил* (Хлебино, Теньг).

Особый интерес вызывает тот факт, что в срубе многие бревна, в том числе нижнее, верхнее и т. д., имели свое наименование. В русских говорах Мордовии диалектные глаголы могут быть связаны отношениями производности с существительными не только русского литературного языка, но с диалектными именами существительными. Так, глагол *нахлуплять* имеет значение ‘класть на верх сруба нахлупное бревно, т. е. верхнее бревно в срубе, накрывающее матицу’. Например: *Давай падгоним адин сутунзк, тада будим нэхлуплять* (Челмодеевский Майдан, Инс) (*сутунок* ‘короткое бревно в оконном простенке’).

В наших материалах зафиксированы единичные глаголы типа *стопорить* со значением ‘крыть крышу’. Например: *Мужыкоф-тэ у нас не былэ, мы сами крышу стэпарили* (Русские Найманы, ББ). Некоторые диалектные глаголы обозначают действия, сопровождающие процесс ремонта дома или каких-либо построек. Глаголы совершенного и несовершенного видов типа *перечинять, опрavlять, учинить* и т. п. употребляются со значением ‘ремонттировать (отремонтировать)’. Например: *Шабровы дом пиричынют* (Полое, Ард).

Русское население Республики Мордовия большое внимание уделяло внешней и внутренней отделке дома. Диалектные глаголы *ошалевать, ошлэпить* имеют значение ‘обшить тонким тесом, шалевкой’. Обычно они используются для обозначения действий, связанных с внешней отделкой дома. Например: *Дом у неё стоит нэ краю сёла, ошлэвалэ нидавнэ* (Ташкино, Ич); *Хатэ-тэ у миня старзэ, доскэми я иё ашлэпилэ* (Новые Русские Пошаты, Ельн).

Анализ диалектных глаголов, связанных с процессом строительства, способствует пополнению информации об особенностях этнической культуры. В языке отражаются наиболее значимые ценности, принятые в данном социуме. Диалектная глагольная лексика как часть материальной культуры русских, проживающих на территории Мордовии,

репрезентирует фрагмент национальной языковой картины мира.

Сокращения названий районов Республики Мордовия

Ард — Ардатовский	КС — Краснослободский
ББ — Большеберезниковский	Лямб — Лямбирский
Дуб — Дубенский	Руз — Рузаевский
Ельн — Ельниковский	СШ — Старошайговский
ЗП — Zubово-Полянский	Темн — Темниковский
Инс — Инсарский	Теньг — Теньгушевский
Ич — Ичалковский	Торб — Торбеевский
Ков — Ковылкинский	

Литература

Народы Мордовии: историко-этнографическое исследование / Л. И. Никонova [и др.]; под ред. В. А. Юрченкова, Л. И. Никоновой. Саранск, 2012. 608 с.

Сороколетов Ф. П. Способы семантической разработки слов в областных словарях // Диалектная лексика. 1982. Л., 1985. С. 4–19.

Человек и его мир в диалектной фразеологии русских говоров Мордовии: монография / Э. Н. Акимова, А. Ю. Маслова, Т. И. Мочалова [и др.]. Саранск, 2015. 156 с.

Диалектная лексика в массовой коммуникации (на материале региональной прессы 1920–1930-х гг.)*

Ю. Н. Драчева

В статье рассматриваются особенности функционирования диалектной лексики в региональной печати 1920–1930-х гг. Материалы рубрик «Жизнь деревни», «По Северному краю», «Местная жизнь» и отдельные статьи, посвященные крестьянскому быту и его реформированию, обнаруживают постепенное сокращение использования диалектизмов, которые выполняют в газетном тексте стилистическую, фатическую и агитационно-пропагандистскую функцию.

Ключевые слова: русская диалектология, вологодские говоры, массовая коммуникация, региональная пресса

Функционирование диалектной лексики в различных сферах массовой коммуникации привлекает внимание как современных лексикологов, диалектологов, так и лингвистов, занимающихся изучением языка средств массовой информации. Рассматривается бытование диалектного слова в региональной периодике [Дускаева 2014], иноязычной прессе [Чукшис 2014], Интернете [Зорина 2014], коллекционных массовых изданиях [Драчева, Ильина 2014] и пр. В современной прессе диалектизмы отражают региональную языковую картину мира, выполняют экспрессивную функцию, служат средством речевого воздействия, передают местный колорит.

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-34-01263 «Мультимедийный корпус вологодских текстов “Жизненный круг”»).

Причем процесс внедрения диалектных слов в практику региональных СМИ затрагивает не только российские издания. Так, Е. Ю. Скороходова (вслед за Дж. Данном) употребляет термин «языковая фрагментация» для определения процесса «дробления прежде единых средств выражения» [Скороходова 2008: 10] в условиях множественности тематики современных массмедийных ресурсов, причем одним из главных факторов этого процесса являются «региональные языки и диалекты, раньше не имевшие доступа к СМИ или появлявшиеся там только в местном или региональном масштабе» [Данн 2004: 21]. По мнению Л. Р. Дускаевой, так называемая локально окрашенная лексика (локализмы), включая в себя диалектную и просторечную лексику, хронимы и топонимы, устанавливает «пространственно-временные координаты интенционального стиля» региональной прессы [Дускаева 2012: 143].

В начале XX в. диалектная лексика как черта обиходно-бытовой речи крестьян использовалась в отечественных периодических изданиях преимущественно с агитационно-пропагандистскими целями, однако нельзя сказать, что диалектизмы признавались в то время безусловно допустимыми на страницах периодической печати. Е. Н. Басовская, исследуя языковую политику советской власти, пишет о проведении с середины 1920-х гг. политики «лингвистического пуризма» и борьбы за чистоту языка как одной из мифологем коммунистической пропаганды, которая вылилась в публичную дискуссию к началу 1930-х гг. [Басовская 2011a], а уже в середине XX в. «пуристы ... объявляли неправильным и политически чуждым ... язык того самого простого народа, именем которого всегда действовала советская власть» [Басовская 2011б: 120], что делало нежелательной, например, даже стилизацию речи крестьян — героев газетных очерков.

На материале вологодских газет «Красный Север», «Коммунист» (после 1990 г. — «Речь»), «Вологодская жизнь», «Ленинский путь», выходявших в указанный период, про-

анализируем изменение отношения к использованию местных слов и выражений в периодической печати, а также рассмотрим способы введения диалектной лексики в текст газетных статей и ее основные функции. Наиболее показательной в этом отношении является областная ежедневная газета «Красный Север», позиционирующая себя в медиасистеме региона как газета, «необходимая всем рабочим и крестьянам»¹. Именно в данной газете существовали такие постоянные рубрики, как «Жизнь деревни», «По северному краю», «Местная жизнь» и пр., специально созданные для освещения региональных проблем и вопросов.

В вологодской периодике начала 1920-х гг. содержится некоторое количество примеров употребления диалектной лексики, но местная речь еще не становится органичной частью медиатекста и функционирует как иностилевое вкрапление в текст, например: *«В деревне Голодяево Чаромской области происходит что-то невероятное (...). Нет сомнения, что мироеды, не имея нужды в лесе, устрашились дальнего расстояния и не пошли выправлять билет. Бедняки же за отсутствием лошадей и рабочих рук, не имея возможности вырубать и вывозить лес за 330–35 верст, оставили этот вопрос до „ужо“»*², ср.: волог. *ужо́* — ‘когда-нибудь потом, позже’ (СРНГ 46: 346), ‘очень скоро’ (СВГ 11: 110). Обращает на себя внимание способ введения диалектных слов в текст газетной публикации – без объяснения их значений, так как используемые в статьях местные слова являются достаточно распространенными в регионе и не нуждаются в дополнительных разъяснениях.

В это же время на страницах газеты «Красный Север» допускается публикация обращений крестьян с призывами поддержать советскую власть: *«Товарищи крестьяне! 6-ти летняя [так!] бойня до крайности надоела всему народу... Она происходит из-за помещиков и банкиров, и если каж-*

¹Объявления // Вологодская жизнь. 1923. 5 янв. (№ 50). С. 4.

²Люди добрые, рассудите // Коммунист. 1919. 31 дек. (№ 263). С. 3.

дый поймет это, то убедится, за что борется пролетариат и будет бороться до тех пор, пока не **стопчет** своего врага!»³, ср.: **стоптáть** — ‘затоптать’ (СВГ 10: 135). Разговорные (*до крайности*) и диалектные (*стопчет*) элементы должны были способствовать повышению доверия целевой аудитории (в данном случае — крестьян, к которым и обращается «крестьянин Палладий Слюдов» как автор письма) к подобным сообщениям. Форма письма в редакцию позволяла отразить местную речь на страницах газеты без включения ее в авторские материалы, что способствовало выполнению фатической функции: устанавливало контакт с предполагаемой аудиторией. Например, в сообщении из Архангельской губернии в рубрике «По Северному краю» газеты «Красный Север» говорится следующее: «*Беспартийная молодежь д. Исаевской и Копеецкой, Ровдинской вол., Шенкурского уезда на общем собрании постановила: „вместо **вечёрок** и разных ненужных вечеров устраивать беседы, спектакли и разного рода полезные вечера. В корне пресечь все хулиганские выходки, которые проделывали в бывшее старое время“.* А что думает об этом Вологодская молодежь?»⁴, ср.: **вечёрка** — ‘вечернее будничное собрание молодежи в доме, во время которого прядут, вяжут, поют песни и беседуют’ (СВГ 1: 66).

Примечательно то, что, в отличие от губернской / областной газеты «Красный Север», редакция городской газеты «Вологодская жизнь» не рекомендует употреблять не только диалектные, но и разговорные элементы, используя последние для характеристики исключительно негативных явлений в городской среде, например: «*Иногда дни увеселений разных школ совпадают... Стараются **перешибить*** [в источнике — выделение курсивом] *друг друга убранством помеще-*

³По Северному краю // Красный Север. 1920. 11 июня (№ 127). С. 2.

⁴Лучше поздно, чем никогда // Красный Север. 1922. 15 апр. (№ 84). С. 4.

ний»⁵, ср.: простореч. *перешибить* и *перешибать* — ‘превосходить кого-либо в чем-либо, пересиливать, одолевать’ (БАС 9: 1016).

Рубрики наподобие «Бытовых картинок» («Красный Север»), «Маленького фельетона» («Вологодская жизнь») включают в себя зарисовки местного быта и диалоги, в которых для стилизации народной речи используются разговорные, реже — просторечные элементы, но не диалектизмы, например: «*В прошлый раз был я в Вологде, купил эту самую газету, стал на постоялом дворе читать и такое мне там мудреное слово попало, что я ломал, ломал над ним голову да так и не додумался ни до чего*»⁶; «...*напрасно купил, не по нашему уму читать, взял бы «Бедноту» — там все как на ладошке выложено*»⁷ и пр. («Северная беднота» — еженедельная газета, выпускавшаяся в Архангельске в 1921 г.).

В 1920-х гг. диалектная лексика в периодической печати использовалась в большей степени для придания публикации местного колорита и не содержала оценочного компонента, но в конце 1920-х – начале 1930-х гг. прежде нейтральная по своим характеристикам диалектная лексика (и шире — местная речь) постепенно приобретает коннотативный и оценочный компоненты. Например, в соответствующем контексте местные слова могут приобретать отрицательную коннотацию: «*Берегись, отворачивай, сознательный колхозник-старик. Опрокидывай в канаву его воз с сеном, который он везет по наряду в участок лесозаготовок. Бей, ежели супротивствует*»⁸, ср.: *супротивничать* — ‘сопротивляться, упорствовать, не соглашаться’ (СРНГ 42: 262), *супротивство* — ‘возражение, несогласие с кем-л., чем-л.’

⁵ «Танцевальные» школы // Вологодская жизнь. 1923. 16 янв. (№ 53) С. 3.

⁶ Горбунов С. Оффензива // Красный Север. 1920. 11 апр. (№ 79). С. 4.

⁷ Там же.

⁸ Кулаки и подкулачники разлагают колхозы на Леже // Красный Север. 1930. 4 марта (№ 52). С. 5.

(СРНГ 42: 264); «*Они успешно идут в кино. Они драчливо играют в «костыги» и активно хулиганят в потемках*»⁹, ср.: волог. *костыга* 'игральная бабка, кость' (СРНГ 15: 84); «*Ты мерекать умеешь, Александрович*»¹⁰, ср.: *мерекать* — 'думать, гадать, смекать, соображать, придумывать что-либо, угадывать' (Даль, 3-е изд. 2: 831), *мерековать* — 'колдовать' (СВГ 4: 82), 'понимать, разбираться в чем-л.' (СРНГ 18: 115). В таких статьях рисуется отрицательный портрет героя статьи: кулака, подкулачника, расстратчика, бюрократа и пр.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. с изменением пренебрежительного в целом отношения к народной культуре и переоценкой ее как составляющей советской идеологии формируется и положительная оценка образа персонажа литературного произведения или газетной статьи, речь которого характеризуется наличием местных слов и выражений. В рамках газетного очерка допускается использование диалектных слов в речи героя — крестьянина, чаще колхозника, стремящегося построить «новую жизнь», например: «*Вот моя радость. Ишь, какой поставный, красивый! Всего-то ему десять дней еще*»¹¹ (телятница о теленке), ср.: *поставный* 'статный, стройный', 'добротный', волог. *поставно* 'хорошо, умело', 'удачно, красиво, правильно', 'прилично' (СРНГ 30: 210); «*До Брусенца еду с мальчуганом 15–16 лет. Работает в семье за старшего.*

— *Комсомолы у нас в деревне есть, ячейка давно работает. Третьеводнись свадьбу делали. Без попов, «антернационал» пели, речи говорили, очень уж мужикам понравилось.*

— *А ты состоишь в комсомоле? Задаю ему вопрос.*

⁹Энский В. На дворе март... (критические заметки) // Красный Север. 1935. 14 марта (№ 61). С. 4.

¹⁰Энский В. Рассказик для взрослых // Красный Север. 1937. 16 апр. (№ 87). С. 3.

¹¹Логинов Н. Горе и радость Прасковьи Смирновой // Красный Север. 1935. 14 марта (№ 61). С. 2.

— Нет еще, только заявление написал. У нас все ребята хотят **туды** вступить. В грамоте я хорошо **морокою**. С осени «Крестьянскую жизнь» выписываю. Много в **ей** хорошего пишут...»¹². В последнем фрагменте воспроизводятся фонетические (**антернацанал**), грамматические (**в ей**, **комсомолы**) и лексические (**третьёводнисть** — ‘два дня назад, позавчера’ (СРНГ 45: 69), **мороковать** — ‘думать, соображать’ (СРНГ 18: 274), **рббить** — ‘работать’ (СРНГ 35: 108)) черты местной речи.

В художественных текстах, которые в 1920–1930-х гг. публикуются на страницах региональных газет, также присутствует «деревенская» речь персонажей, способствующая самоидентификации целевой аудитории и выработке у нее определенных ценностных и идеологических установок. Так, например, в рубрике «Литературная страничка пролетарских писателей» (газета «Красный Север») публикуется рассказ К. Калиничева «Бабий вожак», в котором диалоги персонажей построены с учетом фонетических, грамматических, лексических и синтаксических (в частности — непоследовательное употребление постпозитивных частиц) особенностей вологодских говоров: «**А собрание-то што же?**

— **И без меня обойдется!**

— **Ничего не обойдется. Ты должна как бы пример показать, а она на вот: за гри-б-ба-ми... Давай-ко разболокайся.**

— **А ну тебя к прахам!** Пристал как банный лист... Приду я еще покамест бабы сходятся. Далеко ли тут **лесто?**»¹³, ср.: **разболокаться** ‘раздеваться’ (СРНГ 33: 267), диал. бран. **к прахам** (СРНГ 31: 70). В рассказе также приводится частушка, в тексте которой отразились грамматические особенности вологодских говоров (форма Тв. п. мн. ч.

¹²От Тотьмы до Брусенца (путевые заметки) // Красный Север. 1925. 1 марта (№ 50). С. 3.

¹³Калиничев К. Бабий вожак (набросок) // Красный Север. 1926. 14 марта (№ 59). С. 6.

сущ.): «*Наши бабы непоседы / За грибам скорей бегут, / К коммунисту на беседу / Наши бабы не пойдут*»¹⁴.

Региональная периодика второй половины 1930-х гг. характеризуется резким снижением количества диалектных слов в текстах статей. С течением времени агитационная функция диалектной лексики теряет свою актуальность, так как Вологодский край в 1930 г. вступает в период массовой коллективизации и раскулачивания¹⁵. Употребительность диалектизмов снижается также и под влиянием борьбы за «чистоту» русского языка. Имеющиеся в этот период в текстах газетных материалов единичные вкрапления диалектных лексем можно объяснить незнанием автором литературного названия соответствующей реалии или же, при отсутствии литературного аналога, намеренным использованием местного широкоупотребительного слова, например: «*Эта коса совершенно не пригодна для косьбы. Естественно, что работая такими косами, многие рабочие не выполняют норм. Не хватает бабок, молотков*»¹⁶, ср.: *ба́бка* — ‘кованое железное приспособление конусообразной формы для отбивки косы, вколачиваемое острием в чурбан; наковальня’ (СВГ 1: 17), ‘небольшая металлическая наковаленка с подставкой для отбивания кос’ (СРНГ 2: 22); «*Дидель становится черствым, маковка в полном цвету, одуванчики скоро «полетят»! Пора, пора косить! Так сказал бригадир Милюков в колхозе „Завет Ильича“*»¹⁷, ср.: *ди́дель* ‘высокое травянистое растение семейства зонтичных с полым трубчатым стеблем’ (СВГ 2: 27), ‘Растение *Angelica silvestris* L.,

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: Постановление бюро Северного крайкома ВКП(б) о ликвидации кулачества как класса в Северном крае от 5 февраля 1930 г. // Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе (1927–1937 гг.): сб. док. Вологда, 1964. С. 272–277.

¹⁶ Почему колхозники сидят сложа руки // Красный Север. 1934. 26 июля (№ 172). С. 1.

¹⁷ Первый день — плохо // Красный Север. 1934. 24 июня (№ 145). С. 2.

сем. зонтичных; дудник лесной' (СРНГ 8: 53); *ма́ковка* — 'соцветие, головка клевера' (СВГ 4: 67).

Во второй половине 1930-х гг. редкие употребления диалектных слов в региональной периодической печати соотносятся в большей степени с письмами читателей и частными объявлениями, чем редакционными материалами. Так, например, в рубрике «Колхозники о новом уставе» (газета «Красный Север») напечатано письмо председателя колхоза «Гудок» Гаврильцевского сельсовета А. П. Сурикова: «*Наладим работу красного уголка. Теперь он находится на заперти, художественных вечеров никогда не бывает*»¹⁸, ср.: *назапертѣ* — 'на замке (о запертой двери)' (СВГ 5: 39), 'под замком, взаперти' (СРНГ 19: 276). Изменения отношения к народной речи в конце 1930-х гг. ярко отражаются в рубриках «Письма в редакцию», «Письма читателей» (газета «Красный Север»), в литературно обработанных текстах которых отсутствует не только диалектная, но и разговорная лексика: «*10 февраля мне на квартиру почтальон принес и вручил пенсию, уже увеличенную почти в два раза. Жаль, что возраст и здоровье не позволяют трудиться на благо социалистической родины, а так хочется чем-нибудь отблагодарить родного товарища Сталина за его заботу о нас, старушках*»¹⁹ (письмо пенсионерки Е. Дмитриевой). В частных объявлениях диалектная лексика в этот период по-прежнему употребляется, хотя преимущественно в районных газетах, например: «*Ушли с пастбища: лошади колхоза «13-й Октябрь» Никольского сельсовета: 1) Кобыла карей масти, 5 лет, рост 141 см, имеет соску (жеребчика карей масти)... 5) Жеребчик рыжей масти, во лбу лысина, задние ноги белые...*»²⁰, ср.: *сósка* — 'жеребенок в возрасте одного года' (СВГ 10: 85); *лы́сина* — 'белое продолговатое

¹⁸Над чем мы задумались? // Красный Север. 1935. 11 марта (№ 59). С. 2.

¹⁹Сталинская забота о людях // Красный Север. 1939. 16 февр. (№ 38). С. 5.

²⁰Объявления // Ленинский путь. 1937. 3 ноября (№ 80). С. 4.

пятно на лбу животного' (СВГ 4: 58); *жерёбчик* — 'жеребец-самец' (СВГ 2: 84).

По-видимому, дискуссия о нормативности диалектизмов в средствах массовой информации не так быстро повлияла на региональную печать, как на центральную, по крайней мере в рассматриваемый период. Несмотря на признание использования диалектной лексики в публицистических материалах органами центральной печати нежелательным, местные слова присутствуют на страницах региональных газет в 1920–1930-х гг. и выполняют стилистическую, фатическую и агитационную функции.

Литература

Басовская Е. Н. Советский лингвистический пуризм: слово и дело (на материале периодики 1920–1930-х годов) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2011а. № 7. С. 114–124.

Басовская Е. Н. Вопросы культуры речи в советской прессе (вторая половина 1940 – начало 1950-х годов) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011б. № 6(68). С. 113–122.

Данн Дж. Найдем ли мы общий язык? Языковая фрагментация в эпоху глобализации / Пер. А. Н. Киселева // Журналистика и культура русской речи. 2004. № 4. С. 18–24.

Драчева Ю. Н., Ильина Е. Н. «Этнолубок XXI века»: коллекция кукол в народных костюмах издательского дома «Де Агостини» // Русские народные говоры: прошлое и настоящее. Вторые Громовские чтения: сборник материалов и исследований всероссийской научно-практической конференции. Кострома, 2015. С. 180–186.

Дускаева Л. Р. Локализмы в формировании интенционального стиля периодического издания // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты / Отв. ред. Г. Д. Ахметова. Чита, 2012. С. 140–144.

Зорина Л. Ю. Диалектное слово в Интернете // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. СПб., 2014. С. 326–341.

Скороходова Е. Ю. Динамика речевых норм в современных текстах средств массовой информации: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2008. 29 с.

Чукшис В. А. Функции диалектизмов в газетных текстах (на материале электронных версий австрийских газет) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2014. № 27. С. 63–74.

Парадигматические связи между качественными наречиями в русских говорах Мордовии

Н. И. Ершова

В статье охарактеризованы качественные наречия, функционирующие в русских говорах Мордовии; описаны системные отношения между ними.

Ключевые слова: наречие, диалектизм, значение, синоним, антоним, омоним

Определительные наречия в русских говорах Мордовии составляют более богатую систему, чем в русском литературном языке, благодаря разнообразию диалектных суффиксов (*сизжмашкой* ‘сидя’, *испутём* ‘хорошо; так, как надо’, *взлягошки* ‘бегом’) и сохранению в большинстве случаев внутренней формы диалектизмов (*назерком* ‘следя взглядом, не теряя из вида’, *крутнем* ‘резко изменив направление’, *внатопот* ‘плотно, толстым слоем’, *невпроед* ‘очень много, так что всего нельзя съесть’, *нехотяшки* ‘вопреки желанию’, *крадичи* ‘тайно, скрытно’).

Данные наименования можно распределить по отдельным семантическим группам, внутри которых они вступают друг с другом в различного характера парадигматические отношения, главным образом синонимические и антонимические.

В работах по диалектной лексикологии наиболее принятым является определение синонимов как слов с тождественным или близким значением, распространенных в одном или территориально близких говорах [Баранникова 1962: 102]. В зависимости от характера различий в составе сино-

нимов выделяется несколько разновидностей: 1) синонимы абсолютные (полные), или дублиеты, совпадающие по своим значениям и характерной сочетаемости; 2) синонимы идеографические, или семантические, отличающиеся определенными элементами своих значений; 3) синонимы стилистические (эмоционально-экспрессивные, экспрессивные), выражающие ту или иную эмоционально-экспрессивную оценку обозначаемого; 4) синонимы семантико-стилистические, отличающиеся друг от друга как по своему значению, так и по эмоционально-экспрессивной окраске [Современный русский язык 1989: 216–217].

Свойственно русским говорам Мордовии и явление антонимии. Под диалектными антонимами мы понимаем слова одной части речи, противоположные по значению, если они распространены в одном говоре или территориально близких говорах. Антонимические парадигмы в рассматриваемых говорах составляют наречия, обозначающие качественную характеристику и интенсивность признака [Русская диалектология 1989: 172].

Предметом рассмотрения в данной статье является группа качественных наречий, обозначающих качество действия или признака. Материалом для исследования послужили данные «Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия» (СРГРМ).

Качественные наречия составляют как двучленные, так и многочленные синонимические ряды со следующими инвариантными значениями:

1) 'хорошо':

Баско: *У миня пасетки были, дефки баскѡ пели* (Кулишейка, Руз).

Гоже (в 1 значении): *Раньшы-тѡ мамлись, а типерь гоже жывѡм* (Подверниха, СШ).

Поклеванно: *В лисах летѡм жыть пѡклеваннѡ* (Кивчей, СШ).

Любесь: *Любесь играет гѡрманист* (Пятина, Ром).

Любота (в 3 значениях): *Щас любата нарот жывёт, ни как раньше* (Новые Русские Пошаты, Ельн).

Данные диалектизмы выступают в качестве абсолютных синонимов. Семантическими синонимами по отношению к ним являются наречие *гожохонько* (*Он гожохонькэ поел севодни*. Рождествено, Ич), лексическое значение которого включает в себя дополнительный семантический компонент 'очень', и диалектизмы следующей лексико-семантической группы, имеющие в своей структуре дифференциальную сему 'так, как следует'.

2) 'хорошо; так, как следует':

Добром: *Биз вяхотки в бани ни вымысси дабром* (Верхняя Рахмановка, Торб).

Испутём: *Сын жынилси у миня, жывёт испутём* (Надеждино, Ельн).

Подстатушку: *Златыя у тя руки, пириделэлэ платья пэтстатушку* (Куликово, Теньг).

Поиспраки: *А гости коли приедут? Веть надь сё п-испраки их фстретить-тэ* (Редкодубье, Ард).

Справно (во 2 значениях): *Какой бы атец хароший ни был, а справнэ дети при нём ни абозрины будут* (Шалы, Ат).

Шибаркой: *Када яйцэ катают, то пригаваривзют: «Милинький, катись, катись шыбаркэй»* (Новая Фёдоровка, СШ).

Указанные слова в русских говорах Мордовии являются дублетами. Кроме того, наречия двух рассмотренных групп выступают в антонимические отношения с наименованиями следующей лексико-семантической группы.

3) 'плохо':

Темно: *Я фсе тямно помню* (Дубасово, ЗП).

Обаполон: *Надэ лучшы прибывать, а то каждый рас делши фсё абапэлэм* (Муравлянка, Ельн).

Похудо: *Сийчас ужэ ни пахудэ жывут* (Марьяновка, ББ).

Уморно (во 2 значениях): *Уморнѣ былѣ вѣивать в лаптях, ох, уморнѣ* (Новая Фёдоровка, СШ).

Понарок (во 2 значениях): *Усадьбу пѣнарок фспахали, камкоф пално былѣ* (Песочная Лосевка, КС).

Данные диалектизмы выступают в качестве дублетов. Семантическими синонимами по отношению к ним являются наречия **чохом**, **тощо** (дифференциальная сема 'кое-как') и **тощевато** (дифференциальная сема 'голодно'): *Фсе чохѣм делѣт* (Муравлянка, Ельн); *Ты нас тащѣ мош* (Хилково, Торб); *В вайну-тѣ тѣщаватѣ жылось* (Ишейки, Темн).

4) 'быстро':

Жарко: *Вы маненькѣ аддахнити, жаркѣ-тѣ больнѣ ни ганити, успети апалоть* (Малый Азясь, Ков).

Живочки: *Доши пойдѣт, жывочки грибы вырѣстут* (Большие Поляны, Ард).

Живочко (во 2 значениях): *Сѣмалѣт-тѣ жывѣчкѣ литат, ни то што раньшѣ былѣ* (Полое, Ард).

Крутко: *Ямишык круткѣ гнал лѣшыдей* (Гуляево, Ич).

Менталя: *Я зготовлю чѣй минталя* (Атемар, Лямб).

Ментом: *Вада на газы-тѣ ментѣм фскипит* (Никольское, Торб).

Невидаючы: *Время-тѣ невидаючы летит* (Суподеевка, Ард).

Невидя: *Этѣ рази дети? Соня сваим скажѣт — тут жѣ невидя зделѣют, а тут ни дѣталкуисси* (Стародевичье, Ельн).

Спорно: *Работѣ у вас спарно идѣт, вон скокѣ зѣ палдня выбузыли* (Паньжа, Ков).

Ужасно: *И растут близницы ужаснѣ, балшыши уш стали* (Горайновка, Кочк).

Чиво: *Агурицы-ти пат плѣнкѣй цыѣѣ растут, им там типло* (Кергуды, Ич).

Шеметой: *Послалѣ ёво в мѣгазин, он шыметой збегѣл* (Суподеевка, Ард).

Шеметом: *З газъм хърошо: фсё шэмитъм вариццъ* (Су-подеевка, Ард).

Шибко (во 2 значении): *Большъ шыпкъ вы идёти, я за вами ни пѣспиваю* (Кочелаево, Ков).

Шутоломно: *Пѣ силу, и так шутоломнъ нисѣццъ машынъ* (Малый Азясь, Ков).

Указанные наречия составляют в русских говорах Мордовии весьма обширный ряд абсолютных синонимов. В свою очередь, они являются семантическими синонимами следующих наименований, смысловая структура которых содержит дополнительную сему 'очень', указывающую на большую интенсивность признака:

Взягошки: *Бижать-тѣ вам нады взягъшки, а то ф школу апаздати* (Новая Александровка, БИ).

Взнулет: *Если бы мать зналъ, што ты приехъл, взнулет приближалъ бы* (Мельцаны, СШ).

Науморышки (в 1 значении): *Куда этъ ани нѣуморышки рѣзбижались, уи ни случилъсь ли што?* (Кушки, Темн).

По-резкому: *Ана фсю жызнъ фсё па-рескъму делѣт. И сичас фсё ишио па-рескъму* (Русские Найманы, ББ).

Шометом: *Шомитъм биги ф школу!* (Смольково, Лямб).

Данные диалектизмы являются антонимами по отношению к наречиям следующей лексико-семантической группы.

5) 'медленно':

Исподовольки: *А вы пѣтрапитись, вы испѣдавольки работѣти* (Слободские Дубровки, КС).

Исподволѣк: *Ты чяво как испадволѣк идѣш? — Дѣ устал* (Гумны, КС).

Исподволок: *А ты ни тѣрапись, ни тѣрапись, некуды спшыть-тѣ, испѣдалок фсё зделѣш* (Гумны, КС).

Истягом (во 2 значении): *Раи на эдѣкѣй лошѣди даедиш, вон гли-кѣ, как истягъм идѣт* (Старая Фѣдоровка, СШ).

Ланкосом: *Если медлиннъ идѣт кто, гѣварят: он лан-кѣсъм идѣт* (Ведянцы, Теньг).

Сподоволь: *А я, доцънъкъ, таперь делзю фсё спѣдаволь* (Ирсеть, СШ).

Указанные диалектные наименования являются дублетами. Наречие **валом** выступает по отношению к ним в качестве семантического синонима, так как его значение включает в себя дополнительный семантический компонент ‘лениво’, отсутствующий в синонимичных словах: *Дажъ зъ вадой ни дашлѣсси, фсё валом делзт* (Кушки, Темн).

6) ‘бедно’:

Негодно (в 1 значении): *Ох и нигадно мы жыли дъ Са-вецкѣй власти* (Подлесная Ивановка, Торб).

Ускудно: *Жыли мы ускуднѣ, ни ф себе, ни нѣ себе* (Трофимовщина, Ром).

Тонковато: *Мая сасеткѣ тѣнкатѣ живѣт* (Матвеево, Темн).

Данные диалектизмы составляют в русских говорах Мордовии многочисленный синонимический ряд дублетов.

7) ‘зажиточно’:

Райно: *Райнѣ люди ныни жывут* (Новое Акшино, СШ).

Справно (в 1 значении): *Таперь-тѣ никто ни изгубат ад голѣдѣ, справнѣ живѣт нарот* (Алексеевка, Темн).

Сырѣсто: *Ани сырѣснѣ жыли* (Малый Азясь, Ков).

Единичное наименование **припенно** в значении ‘богато’ (*Кулаки-тѣ жыли припеннѣ, ни ф чѣм ни нуждались*. Русское Давыдово, Кочк) свидетельствует о наличии в данном случае антонимов, выражающих качественную противоположность и обнаруживающих градуальную (ступенчатую) оппозицию, которая характеризует постепенное изменение признака. Ср.: **припенно** ‘богато’ — **райно, справно, сырѣсто** ‘зажиточно’ — **негодно, ускудно, тонковато** ‘бедно’. Истинными антонимами в данном случае являются симметричные, крайние члены парадигмы.

8) ‘громко’:

Горлопасто: *Как гѣрлопастѣ он рѣзгаваривѣт* (Тепловка, Кочк).

Прытко: *А он мзладой, гъварит прыткѣ, прямѣ кричит* (Протасово, Лямб).

Резко: *Ты мне рескѣ кричы, ресчы, а то я глухая* (Большие Поляны, Ард).

Шибко (в 1 значении): *Ана глухая, как пень, шыткѣ кричит* (Новая Резеповка, Ков).

Данные диалектизмы выступают в качестве абсолютных синонимов. Кроме того, они являются семантическими синонимами по отношению к наречиям **науморышки** во 2 значении (*Вот нзуморышки пают*. Кушки, Темн) и **превелико** (*Я схватилѣ иво за руку, а он как зварѣт привиликѣ!* Челмодеевский Майдан, Инс), лексическое значение которых включает в себя дифференциальную сему ‘очень’, и антонимами по отношению к слову ²**тишма** (в 1 значении ‘тихо’): *Он нибось тишма ни пѣсидит* (Атемар, Лямб).

9) ‘верно, правильно’:

Божественно: *Ей-богу бажѣствиннѣ гъварю, што мне вратѣ* (Лесной, БИ).

Позупрак (в 1 значении): *Раньшѣ вить игрушѣк-тѣ не былѣ, рабятѣ чиринком ат лошки играли. — Пѣзупрак, ана пѣзупрак гъварит* (Малый Азясь, Ков).

Указанные диалектизмы образуют в русских говорах Мордовии двучленное объединение абсолютных синонимов и вступают в антонимические отношения с наречием **зря** ‘1. Неверно, неправильно’: *А мы зря-тѣ ни гъварим, мы гъварим фсѣ правильнѣ* (Новое Акшино, СШ).

10) ‘часто’:

Вчастух: *Ты, я гляжу, фчястух што-тѣ в мѣгазин бегѣш* (Горайновка, Кочк).

Вчастуху: *Ньни кѣчята чяво-тѣ фчястуху кричали, к пиримени, матри* (Кайбичево, КС).

Шибко (в 5 значении): *Мимѣ праходит, но ни шыткѣ заходит* (Русское Давыдово, Кочк).

Данные диалектизмы являются абсолютными синонимами.

Некоторые качественные наречия в русских говорах Мордовии представлены единичными наименованиями и не вступают в синонимические и антонимические отношения, за исключением антонимической парадигмы между словами *толцо* и *тохонько*. Это касается следующих наименований:

Битма ‘плотно, тесно’: *Снапы в риги битма клали* (Алексеевка, Темн).

Излучка ‘злобно, сердито’: *Свякрофь-тэ гварит излучка, как буттэ я виновнэ* (Горяйновка, Кочк).

Куратно ‘ловко’: *Куратнэ пеньжак-тэ шиыли* (Суподеевка, Ард).

Повольно ‘свободно’: *Нэ пустых агницих павольнэ жыли* (Новоникольское, Ельн).

Путью в значении ‘разумно, ясно’: *Фсё наскокэм, нигда путью нечо не скажэт* (Красные Поляны, Ард).

Пылко в значении ‘ярко, жарко (гореть)’: *Драва гарят пылкэ, блискэ к печи нильзя пэдайти* (Тазино, ББ).

Слабко ‘легко’: *Этэт кэшэлёк-эт слакэ уткрываицэ* (Суподеевка, Ард).

Советно ‘дружно, согласно’: *Мы советнэ жыли* (Ишейки, Темн).

Срывно ‘зло, грубо’: *Как звкрит нэ ниво срывнэ!* (Красный Клин, Руз).

Шеборско ‘высокомерно’: *Снаха-тэ у нас больнэ шэбарско sibя видёт* (Кочелаево, Ков).

Охотником ‘добровольно’: *Я ахотникэм на японску вайну паехэл* (Лада, Ич).

Толцо ‘толсто’: *Ни рещ хлеп-тэ талишио, виш, каки куски балшыя* (Новое Акшино, СШ).

Тохонько ‘тоненько’: *Ана хлеп тохэнькэ режыт, паграцки* (Аксёл, Темн).

Подчеркнем, что некоторые качественные наречия в рассматриваемых говорах функционируют в простой форме сравнительной степени, образуемой с помощью литератур-

ных (-е, -ее / -ей) и диалектных (-же, -чи / -че) суффиксов от положительной степени:

Воровей ‘быстрее’: *Вот по-нашѣму шшас «быстрей» гв-воят, стѣрики гв-ворили «воровий». Ты там пишы «воровий»* (Большие Поляны, Ард).

Попрытче ‘побыстрее, поскорей’: *Папрыччи шагай, идѣи как связѣнѣя* (Суподеевка, Ард).

Погулче ‘погромче’: *Пагулчи гв-вари, а то ни слышать мне* (Сивинь, КС).

Повеселей ‘посильнее, поярче’: *Пусти-кѣ пѣвисилей агонь* (Большой Азясь, Ков).

Полее ‘лучше’: *Таперь в дивевни палепий жыть сталѣ* (Казенный Майдан, Ков).

Поскусней ‘вкуснее’: *Агуры самими, а капру-тѣ нету, и рассол пѣскусней* (Кайбичево, КС).

Поплошей ‘похуже’: *Супрѣть у Ронѣжыных этѣ изба-тѣ пѣплашѣй* (Кочуново, Ром).

Послободже ‘лучше, свободнее’: *Щас пѣслабоджы стали жыть* (Кочуново, Ром).

Потруднеючи ‘труднее’: *Там (в техникуме) учиицѣ пѣтруднеючи, чем ф школы* (Нагаево, Инс).

Тепле ‘теплее’: *Тепли удивайтисѣ, ветѣ нидолгѣ прастыть* (Говорово, СШ).

Как видим, синтетическая форма сравнительной степени некоторых наречий осложняется префиксом *по-*, который придает оттенок смягчения, уменьшения степени преобладания сравниваемого качества.

Следует подчеркнуть, что в рассматриваемых говорах функционирует только одно качественное наречие в форме превосходной степени — наименование **наотличку**, имеющее значение ‘лучше всех’. Напр.: *Они богатѣ жывут, дефки-ти ихѣ сѣ нѣотличку удѣвауюцѣ* (Редкодубье, Ард).

Отметим, что многие диалектные качественные наречия обладают ярко выраженной положительной / отрицательной модальностью, оценочностью, что позволяет им составлять

в русских говорах Мордовии как синонимические, так и антонимические парадигмы.

Наряду с явлениями синонимии и антонимии качественным наречиям, функционирующим в русских говорах Мордовии, присуще и явление полисемии. Устная форма существования диалектной лексики приводит к контекстуальным изменениям значения того или иного слова и развитию у него полисемии. Сказанное справедливо и по отношению к качественным наречиям, которые могут быть как однозначными, так и многозначными.

Так, многозначным наречием является, например, слово **отлякой**, имеющее три значения: 1) ‘криво, небрежно’ (*Дверь-тэ отлякэй: низ за-хлопнулси, а верх ни пэдошол*. Суподеевка, Ард); 2) ‘плохо, недружно’ (*Чай и жывут оне с ней как-тэ отлякэй, не больнэ гожэ*. Суподеевка, Ард); 3) ‘плохо, некрасиво’ (*Ана цо ни наденит, на ней фсё атлякэй*. Ефаево, КС).

Диалектное наречие **путью** зафиксировано в СРГРМ в двух значениях: 1) ‘разумно, ясно’ (*Фсё наскокэм, никогда путью нечо не скажэ*. Красные Поляны, Ард); 2) ‘хорошо; так, как надо’ (*Он сроду путью ничяво ни зделэ*, *фсё кой-как, лиш бы скарей*. Атемар, Лямб).

Многозначными могут быть и качественные наречия в форме сравнительной степени, например, слово **больнее** функционирует в русских говорах Мордовии в двух значениях: 1) ‘сильнее’ (*Ударю пихтилём, сытицэ просэ-тэ, а я бальней бью*. Гордеевка, Ельн); 2) ‘быстрее’ (*А ты еи бальней, суп-тэ прастынит*. Старое Акшино, СШ).

Аналогично дело обстоит с синонимичным наименованием **хватче**, имеющим два значения: 1) ‘сильнее’ (*Хватчи нэжымай, сил што ли нет?*); 2) ‘быстрее’ (*Я кричу, штоб астэнавилси, а он ищё хватчи идёт*. Старая Михайловка, Ром).

Как видим, все значения диалектных наименований *отлякай*, *путью*, *хватче* и *больнее* принадлежат изучаемой семантической области.

Реже в рассматриваемых говорах встречаются лексемы, значения которых принадлежат к разным разрядам наречий. Так, диалектизм *понарок* имеет два значения: 1) 'нарочно, в шутку' (*Кто пзнарок завопит, а я здуру-тѣ тады правдѣй плачу.* Кайбичево, КС); 2) 'плохо, небрежно' (*У нас вить печ-тѣ розваливѣциѣ. — Делѣли пзнарок, вот и розваливѣциѣ.* Говорово, СШ).

В данном случае только второе значение наименования относится к качественным наречиям, первое же принадлежит к обстоятельственным наречиям цели.

Практически не представлены диалектизмы, разные значения которых относятся как к качественным наречиям, так и к другим частям речи. В качестве примера можно привести наименование *любота*, которое имеет 4 значения: 1) 'красота' (*Ат такой люботы каму пѣмирать захочициѣ: фсѣ сяло цвѣтѣт вясной.* Дмитриев Усад, Ат); 2) в знач. сказуемого. 'Хорошо, приятно' (*Любата летѣм в лису, цвѣтоф многѣ.* Енгалычево, Дуб); 3) 'хорошо; так, как надо' (*Любата как пают.* Силино, Ард); 4) *междометие*. 'Выражает восхищение, удовольствие' (*А асобѣ хѣрашо у нас висной, када цвѣтут сады. Выдиши в агарот, а вакрук билым-било, толькѣ пчѣлки жуужжат. Любата!* Смольково, Лямб).

Как видим, качественным наречием это слово является только в третьем значении; в первом оно принадлежит к существительным, во втором — к словам категории состояния, в четвертом — к междометиям.

Следует отметить, что однозначные качественные наречия встречаются в русских говорах Мордовии значительно чаще, чем многозначные. Причем практически у всех многозначных слов значения принадлежат изучаемой семантической области.

Омонимы среди диалектных качественных наречий в русских говорах Мордовии практически не встречаются. В качестве примера можно привести омонимическую пару, оба члена которой являются наречиями образа и способа действия (ср.: ¹*тишима* ‘тайком’ и ²*тишима* ‘тихо, спокойно’) и омонимическую пару, один член которой является качественным наречием, второй является частицей (ср.: ¹*накось* ‘криво’ и ²*накось* ‘на, возьми’).

Следовательно, между диалектными качественными наречиями в русских говорах Мордовии наблюдаются все виды парадигматических связей: синонимические, антонимические, полисемические, омонимические, причем наиболее распространенными являются синонимические и антонимические отношения. Особой частотностью отличаются абсолютные синонимы, представленные диалектными качественными наречиями, реже встречаются семантические синонимы. Семантико-стилистических и стилистических синонимов среди качественных наречий, представленных в русских говорах на территории Мордовии, по-видимому, не наблюдается. Качественные наречия, как правило, составляют полинарные ряды контрарных антонимов, обнаруживающих градуальную (ступенчатую) оппозицию, которая характеризует постепенное изменение признака и допускает наличие средних членов. Менее широко в рассматриваемой семантической группе представлено явление полисемии. Что же касается омонимов, то их среди качественных наречий практически не наблюдается.

Сокращения названий районов Республики Мордовия

Ард — Ардатовский

Ат — Атюрьевский

ББ — Большеберезниковский

БИ — Большеигнатовский

Дуб — Дубенский

Ельн — Ельниковский

ЗП — Zubovo-Полянский

Инс — Инсарский

Ич — Ичалковский

Ков — Ковылкинский

Кочк — Кочкуровский
КС — Краснослободский
Лямб — Лямбирский
Ром — Ромодановский
Руз — Рузаевский

СШ — Старошайговский
Темн — Темниковский
Теньг — Теньгушевский
Торб — Торбеевский

Литература

Баранникова Л. И. К вопросу о диалектной синонимии // Вопросы стилистики. Вып. 1. Саратов, 1962. С. 101–121.

Русская диалектология / С. Б. Бромлей, Л. Н. Булатова, К. Ф. Захарова и др.; под ред. Л. К. Касаткина. М., 1989. 224 с.

Современный русский язык: учебник / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1989. 800 с.

О типологии самарских позднепереселенческих окающих говоров (по материалам регионального атласа)

Т. Ф. Зиброва

В статье представлен анализ предударного вокализма самарских окающих говоров, показана их типологическая неоднородность, оспорено традиционное представление о них как о говорах среднерусских владимирско-поволжского типа.

Ключевые слова: типология, трансформация, говоры позднего заселения, оканье, ёканье, уканье

На карте диалектного членения русского языка 1915 г. территория Самарской области входит в так называемый «южновеликорусский поволжский остров» [Дурново и др. 1915]. На самом деле, как доказали еще материалы обследования самарских говоров В. А. Малаховским в 50-е гг. [Малаховский 1955], такого острова в нашем регионе нет. В «Атласе говоров Самарского края» представлен лингвистический ландшафт области, где показано присутствие в регионе всех известных диалектных типов: окающих, среднерусских акающих и южнорусских (Зиброва, Барабина: 49–50). При этом самарские окающие говоры традиционно относят к говорам Владимирско-Поволжской группы, одним из признаков которой было наличие в говорах этой группы неполного оканья. Характер предударного вокализма явился одним из критериев, по которому говоры Владимирско-Поволжской группы по классификации 1964 г. получили статус среднерусских окающих [Русская диалектология 1964; Захарова, Орлова 1970]. Однако материалы, собранные нами для «Атласа говоров Самарского края» после 1970-х гг. (т. е. за последние 40 лет),

показали, что наши северные говоры не так уж однородны по характеру предударного вокализма и статус их как среднерусских не так уж бесспорен. В данной статье ставится попытка показать картину состояния вокалической системы самарских так называемых среднерусских окающих говоров.

Расположенные на севере области (на границе с Татарстаном) и северо-западе (на границе с Ульяновской и Пензенской областями) — в Кошкинском, Клявлинском, Ставропольском, Приволжском районах, говоры эти обладают многими особенностями севернорусского наречия как в фонетической, так и в морфологической системах. Это, например, твердый *ч* (*часто, чисто*); косвенные свидетельства былого «цоканья» (произношение типа *пшенисный, конечно* и под.); стяженные формы глаголов и прилагательных (*знат, умёт, большá, такú* и под.), местоименные формы на *е* (*моё, твое, какéя, какéх* и под.); твердый *с* в возвратной частице (*боúс, боя́лса, боя́лсы*); инфинитив на *чы* (*печчы, петчы*) и др.

Однако наиболее интересными, без сомнения, оказались материалы по предударному вокализму после твердых, мягких согласных и в абсолютном начале слова. Традиционно самарские севернорусские говоры считаются достаточно однородными в типологическом плане и относятся к неполноокающим говорам владимирско-поволжского типа. Но материалы к «Атласу говоров Самарского края» показали значительное количество говоров, в которых до настоящего времени бытует оканье полное, при этом данная система во многих населенных пунктах достаточно устойчива. Так, собиратели отмечают, что, например, в селах Старая Кармала (год обследования 1990), Ермаково (1990 г.) Кошкинского района, Бобровка (2000-е гг.) Кинельского района примеры с полным оканьем составляют от 60 до 90 % общей выборки. Приведу примеры, записанные в с. Старая Кармала: *с молоко́м, болтовни́, конопля́, положу́, хорово́д поведём, лоску-*

то́к (всего 96 примеров); лишь 12 примеров записано с **ѡ** во втором предударном слоге: *мѡлодѡй*, *нѡ домам* и другие.

Конечно, во многих говорах мы зафиксировали лишь следы полного оканья, при преобладании примеров с редуцированными гласными. Так, в говоре с. Русские Липяги примеров с **о** во втором предударном слоге записано 29, с **ѡ** — 26, в с. Сырейка — с **о** (*говорят*) — 15, с **ѡ** (*гѡлубей*) — 38. В материалах 40–50-летней давности (т. е. после середины XX в.) в тех же говорах полное оканье отмечалось как достаточно устойчивое. В целом, по нашим данным, из 50 обследованных сел полное оканье так ли иначе фиксируется в говорах 23 населенных пунктов.

В позиции после мягких согласных в большинстве окающих говоров мы наблюдаем сохранение трех уровней подъема гласных фонем, которые различались под ударением (*вѣс* — *вѣзу*, *лес* — *лесá*, *ряд* — *ряды́*). Такое различие не сохраняется, однако, в позиции перед мягкими согласными. В большинстве случаев **о** и **е** нейтрализуются и им противостоит устойчивое произношение **а**. Приведу примеры такой ёкающей системы в говоре с. Нижнее Санчелеево Ставропольского района:

о	<i>сѣстра́</i> <i>зѣрно́</i> <i>нѣжу́</i> <i>вѣзут</i> и т. д.	<i>ведѣт</i> <i>несѣт</i> <i>пѡвели́</i>
	(всего 204 примера)	(всего 96 примеров)
е	<i>песко́м</i> <i>хлебну́ли</i> <i>бедѡ́й</i> <i>снегу́</i>	<i>семья́</i> <i>венча́ть</i> <i>в ведре́</i>
	(всего 62 примера)	(всего 95 примеров)
а	<i>пляса́ли</i> <i>пряла́</i> <i>вяза́лѡ</i> <i>зѡпряга́ли</i> <i>сняла́</i> <i>пятно́</i> <i>святы́ѡ</i>	<i>глядя́т</i> <i>дѡсяти́</i> <i>прядѣм</i> <i>пѡмякче́й</i>
	(всего 97 примеров)	(всего 45 примеров)

Характерно, что наибольшая сохранность ёканья наблюдается на фоне сохранения полного оканья. В современных условиях бытования говоров исходная ёкающая система трансформируется. Как считают авторы книги «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров», по сравнению с положением после твердых согласных, где трансформация происходит лишь в одном направлении — в сторону аканья, севернорусское ёканье имеет разные направления в развитии: в сторону еканья, иканья, умеренного яканья» [Захарова, Орлова и др. 1970: 366].

Материалы к атласу самарских говоров показали, что часть говоров (около 10 обследованных сёл) сохраняет различие гласных 'о, 'е, 'а в позиции перед твердыми согласными, в то время как перед мягкими согласными происходит нейтрализация 'о и 'е при сохранении 'а (*нёсу — рекá — плясáл; несёт — реку́ — гляди́т*). Такую систему можно наблюдать, например, в говорах сёл Старая Кармала Кошкинского района (годы обследования 1984 и 1990), Подстепки Ставропольского района (год обследования 1978) и др. В говорах 20 населенных пунктов наблюдается тенденция перехода ёкающей системы к еканью: в соответствии с 'о, 'е и даже 'а может звучать 'е. В говорах с вокализмом [о — е — а] делябиализация о приводит к неразличению о и е как перед твердыми, так и перед мягкими согласными, т. е. к образованию вокализма [е — е — а].

«В говорах действительно возникает внутренняя предпосылка перехода к еканью, но ее реализация задерживается в говорах, так как гласный а в соответствии с ударным а во владимирско-поволжских говорах отличается необычайной устойчивостью не только в традиционной речи, но и в передовом слое говора» [Захарова, Орлова и др. 1970: 367]. Подобную тенденцию можно наблюдать в говорах сёл Ермаково Кошкинского района (1990), Сосновка Похвистневского района (1976), Писалы Ставропольского района (1996), Кошки Кошкинского района (1996), Старо-Похвистнево Похвистнев-

ского района (1990) и др.¹ В современном состоянии (последние 30 лет) вокализм по модели [e — e — e/a] фиксируется более чем в полутора десятках сёл с окающим диалектом.

Незначительное количество говоров (6 населенных пунктов по данным экспедиций 1970–2000 гг.) показывает перестройку ёкающей системы в икающую. При этом необходимо заметить, что во всех этих говорах основу составляет различие гласных: **и**, как правило, выступает лишь как вариант другого звука, т. е. наблюдаем модель [o/u — e/u — a/u]. Подобное состояние фонетической системы А. Н. Гвоздев назвал «стадией смешения, стадией беспорядочного употребления звуков в одних и тех же положениях» [Гвоздев 1963: 207]. Тенденция перехода к иканью фиксируется в говорах сёл Старое Мамыково (1984) и Залесье (1978) Кошкинского района, Ягодное Ставропольского района (1978), Большое Томылово Волжского района (1977) и др.

Материалы по говорам десятка сёл показывают тенденцию перестройки ёкающей системы в якающую. Переход к умеренному яканью замечен в говорах сёл Преображенка Волжского района (1976), Студенцы Хворостянского района (1974), Мосты Пестравского района (1991, 1995) и др. Все эти направления трансформации отражены на карте самарского атласа (Зиброва, Барабина: 51).

Несомненно, особый интерес с точки зрения типологических особенностей окающих говоров представляет собой характер произношения этимологического **о** второго предупредительного слога в абсолютном начале слова (*огурцы, огород, одного* и под.). Как известно, здесь возможна модификация начального гласного в различных вариантах **о — а — у — ъ — и**. Все эти варианты отмечаются в говорах края, но в окающих известна реализация в трех гласных **о — у — ъ**. При этом **у** (уканье), как правило, фиксируется в говорах с неполным оканьем (*угорбд, утопрі, утморбзила, узорник, утнимали, удёвайся, корова утелмлзс'* и под.).

¹Здесь и далее в скобках указывается год обследования говора.

Там, где сохраняется полное оканье или фиксируются его следы (примерно в 20 населенных пунктах), мы отмечаем сохранение *о* в позиции начала слова (*огорб́д, отопр́и, одновб́*). При разрушении полного оканья появляется и сокращение начального *о* до *у* и *ѡ*.

Таким образом, наблюдения за вокалической системой севернорусских говоров нашего края в течение последних 40 лет показали, что, несмотря на активное влияние южнорусской стихии и литературного языка, система различения гласных после твердых и после мягких согласных (оканье — ёканье) продолжает жить в говорах территории позднего заселения. Поразителен тот факт, что в значительном количестве говоров еще достаточно устойчиво и полное оканье, и классическое ёканье, а также сохранение начального *о* в абсолютном начале слова второго предупредного слога.

Неоднородность наших говоров по характеру вокализма, возможно, связана с особенностями заселения края. По некоторым свидетельствам, часть территории осваивалась переселенцами из Архангельской, Новгородской, Пермской областей. Это Кошкинский, Ставропольский, Красноярский, Кинель-Черкасский районы, где часто фиксируются говоры с полным оканьем и сохранением начальной *о*. Другая часть — территория Сызранского, Богатовского, Волжского районов — заселялась выходцами из Владимирской, Ульяновской, Пензенской областей, принесшими говоры с неполным оканьем и уканьем. Исходя из анализа предупредного вокализма наших северных говоров, нельзя однозначно считать их монолитными среднерусскими окающими говорами владимирско-поволжского типа.

Литература

Гвоздев А. Н. К вопросу о влиянии междialeктного общения на фонетические системы русских говоров // А. Н. Гвоздев. Избранные работы по орфографии и фонетике. М., 1963. С. 202–210.

Дурново Н. И., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии. М., 1915. 132 с.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970. 168 с.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г., Сологуб А. И., Строганова Т. Ю. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: по данным лингвистической географии. М., 1970. 456 с.

Малаховский В. А. Несколько поправок к диалектологической карте русского языка (к вопросу о границах поволжского южно-великорусского «острова») // Уч. зап. Куйб. пед. ин-та. Вып. 13. Куйбышев, 1955. С. 255–262.

Русская диалектология / Под. ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964. 304 с.

Названия крапивы в русских народных говорах (по данным картотеки ЛАРНГ)

Л. Ю. Зорина

В статье анализируются наименования, сосредоточенные в Картотеке Лексического атласа русских народных говоров как ответы на вопрос Л 140 «Крапива».

Ключевые слова: русские говоры, диалектная лексика, наименования крапивы

Немаловажным и, скорей всего, показательным во многих отношениях станет картографирование русских наименований крапивы.

Крапива — род многолетних или однолетних растений семейства крапивных (*Urtica*). Листья крапивы зубчатые или с глубокими лопастями, обычно покрытые, как и стебли, жгучими волосками. На территории России бытует около 10 видов крапивы, из них два — *Urtica dioica* L., семейства крапивных, крапива двудомная, и *Urtica urens* L., семейства крапивных, крапива жгучая, — повсеместно распространены как сорные растения, произрастающие близ жилья и в сырых лесах (ЭС 1: 550); [Сергиевская 1998: 317–340].

Крапива обычно используется на корм скоту и птице, её молодые листья употребляются в пищу человеком. В народной медицине широко известно применение крапивы как кровоостанавливающего средства. В парфюмерии и кондитерской промышленности крапива используется для получения зелёной краски. В старину из волокна стеблей многолетних видов крапивы изготавливались верёвки, канаты, мешочная ткань. Весьма заметно значение этого растения в русской

культуре, так как с крапивой связан богатый фольклорный материал.

Ответы на вопрос Л 140 «Крапива» для Лексического атласа русских народных говоров получены из большинства районов обследования. В Программе собирания сведений для ЛАРНГ (Программа ЛАРНГ 2: 24) вопрос был сформулирован предельно обобщённо, и поэтому для обозначения крапивы в процессе сбора материала были получены названия нескольких разных растений из семейства крапивных. Вопрос Л 140 «Крапива» ориентирует собирателей на фиксацию слов *жгучка, жегала, жигун, ожальник, ожига, крапивица, стрекива, стрекиша, стрекашина...* (Там же). Однако уже в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля названия были разделены на две группы: названия растения *Urtica dioica*, крапивы простой (*жегала, жигалка, стракива, стрекава, стрекучка*), и названия растения *Urtica urens*, крапивы жгучей (*ожига, жгучка, жигучка, огонь-крапива*) (Даль 2: 185). Крапива *Urtica urens*, крапива жгучая, меньше размерами, чем *Urtica dioica*, крапива двудомная, имеет более округлые по форме листья и однодомна. Название ей дано вполне справедливо — она стрекается сильнее и больней для человека, чем *Urtica Dioica* [Жизнь растений 1980: 350].

В зафиксированных в Картотеке ЛАРНГ наименованиях крапивы отразилось, как кажется, обобщённое народное восприятие растений из семейства крапивных. В процессе анализа полученного материала оказалось возможным разграничить только наименования *крапивы глухой*, с одной стороны, и наименования всех остальных видов крапивы — с другой: *глухая крапива* — сорное травянистое растение с мелкими белыми цветками и с листьями, похожими на листья крапивы, но без жгучих волосков (МАС 2: 318). Выстраивая концепцию карты, обобщая, полагаем, что все прочие наименования крапивы являются названиями одного и того же растения.

В материалах ЛАРНГ для наименования крапивы, за исключением крапивы глухой, зафиксировано свыше 100 различных названий: *крапива, крапиво, крапивь, крапивица, крапивница, крапивник, крапивуха, крапила; стрекава, стрекива, стрекова, стрекаша, стрекашина, стрекалина, стрекиша, стрекоша, стрекоза, стрекала, стрекало, стрекалка, стрекучка, стрекуха, стрекачая, стрекучая крапива, стрекачка, стра(о)кива, стра(п)тива; свербуха, сверблочка, серблочка, сербука, сербуха, сербучка, сергучка; костра, кострива, кострика, костырка, кострочка; жала, жаленица, жалица, жалова, жальник, жалюга, жалюка, жалючка, жальяка, ожальник, ожальница; жегала, жегало, жегука, жегуха, жегулица, жегучка; жгучка, жгучина, жгунья, жгуч, жгучник, жгуха, жгутник; жига, жигала, жигалка, жигава, жигало, жигальник, жиган, жигун, жигун, жигука, жигуха, жигуча, жигучка, жигаца, жигловка, ожига, обжига; жоменница; гуси; колюха, колочка; козюля, косуля; корешки; злюка, сердюка, мачеха, базика, ворблячка, батылинник, бутыльница, моченец, лебеда, домна, двудомка, двудомница, тварь, щавель, придорожница, пустырник; рогатая трава, жгучая трава, жгучая крапива, майская крапива, домная крапива, крапива двухдомная, чёрная, дикий перец, татарское крапиво, бабье жито, огонь-крапива, бей-до-слёз* и др.

Как видим, в перечне содержатся наименования-лексемы (*крапивь, стрекоша, сербучка, жгуха, обжига* и др.), составные наименования (*крапива двухдомная, домная крапива, рогатая трава, жгучая крапива, дикий перец* и др.) и сложные наименования разного типа (*огонь-крапива, бей-до-слёз*).

Приведём для иллюстрации некоторые контексты: *Об крапилу сегодня все руки изожгла* (п. 62). *Щас как жигацы нарву да по ляжкам голым нахлещу!* (п. 62). *Стрекаву*

и слепой зная: как схватишься, так она и жжётся (п. 168). *Крапива есть. Глухая не жжёт, а есть и жгучая* (п. 850). *Ой, скоко жгучки у нас растёт! И не токо в лесу — и в садах, и у дома. Бывало, по садам налазимся, а потом ночи не спим. А мать моя рукой прям рвала и ей посуду мыла* (п. 871). *Нарви кострычки молодой на борщ* (п. 923). *Поразному зовём: кто сербужкой, кто крапивою, а то ещё есть и жигучка* (п. 983). *Лебеду ели, конский щавель, а и то жигучку порубим да с картошки кожсуру варим — ничего, вроде сыты* (п. 1028).

При попытке картографирования полученных в ходе сбора материалов возникли некоторые трудности.

Так, есть факты, свидетельствующие о том, что растение на разных стадиях своего формирования может называться по-разному: *жига, жигучка* — ‘мелкая крапива’; *крапива* — ‘крупная крапива’ (п. 872). При картографировании материала такими тонкостями приходится пренебречь.

При анализе наименований крапивы возникла проблема тождества слова. Она может быть решена следующим образом: *крапива* и другие варианты этого наименования (*кряпива, крепива, кропива, кропива, коприва, прокива*) обобщаются, подаются как наименование *крапива*. Наименования *жгучка, жегучка, жигучка* рассматриваются как *жгучка*, с одной стороны, и *жегучка / жигучка* — с другой. Наименования *джала, джела, жала* предлагается рассматривать как варианты одного слова — *жала*. Наименования *сербучка, свербучка, сверблочка, сергучка* обобщаем и картографируем как *свербучка*. Названия *стракива и стрекива* рассматриваются как варианты одного наименования (ср.: *крапива* и *крепива*). Приведёнными примерами круг вопросов о тождестве слова отнюдь не исчерпывается.

Некоторые названия должны быть отведены от картографирования:

— *лебеда* (п. 42), *щавель* (п. 260) — как не имеющие отношения к обозначаемому растению;

— *батылинник* (п. 181) — как обозначение зарослей репейника, чертополоха, крапивы;

— *злюка* (п. 140), *мачеха* (п. 925), *сердюка* (п. 262), *тварь* (шп. 676, 775) — как оценочные, метафорические наименования;

— *жгучина* (п. 38), *стрекашина* (п. 869) — как наименования единичных стеблей растений;

— *бабье жито* (п. 351), *бей-до-слёз* (п. 980), *дикий перец* (п. 308), *огонь-крапива* (п. 842), *татарское крапиво* (п. 311), *чёрная* (п. 374) — из-за яркой образности, а также ввиду единичности фиксаций.

Карта Л 140 «Крапива» будет посвящена лексико-словообразовательным различиям наименований крапивы.

На первом уровне диалектного противопоставления наименований крапивы выделяются различия в корневых морфемах (*жал-*, *жг-*, *жиг-*, *кол-*, *костр-*, *крапив-*, *сверб-*, *стрек-*), которые передаются на карте геометрическими знаками разной конфигурации. Фонетические различия в оформлении корневой морфемы (*крапива*, *кропива*, *кропива*, *коприва*, *корпива* и др.) расцениваются как нерелевантные для темы карты и специального графического выражения не получают.

Второй уровень противопоставления образует вариантный ряд лексем, различающихся грамматически (*крапива* — *крапиво* — *крапивь*, *жегала* — *жегало*) и словообразовательно (*жала* — *жалица* — *жалыва* — *жалюка* — *ожальник*; *жига* — *жигалка* — *жигука* — *жигун* — *жигуха* — *жигучка* — *ожига*; *крапива* — *крапивица* — *крапивница*; *сверблочка* — *свербука* — *свербучка*; *стрекава* — *стрекива* — *стрекучка* — *стрекаша* — *стрекиша*), которым на карте соответствует разная заливка знака.

В ряде населённых пунктов зафиксированы дублетно-синонимические ряды наименований: *жгучка*, *ожальник*, *жегало* (п. 41); *крапива*, *жгучая крапива*, *жгучка*, *жигучка*, *жига*, *жигала* (п. 871); *крапива*, *жгучая крапива*, *жгучка*, *жига*, *жигучка*, *жала* (п. 872); *крапива*, *крапивица*, *сербучка* (п. 900); *крапива*, *жгучка*, *сверблочка* (п. 966); *жгучка*, *жигун*, *жигучка*, *жалыва* (п. 1028) и мн. др. Однако такие многочленные ряды, как, например, в шп. 871–872, представляются, на наш взгляд, сомнительными.

Из зафиксированных в материалах Картотеки ЛАРНГ наименований наибольшую частотность имеют лексемы *крапива* (употребляется практически повсеместно), *жгучка* (свыше 230 шп.), *крапивица* (95 шп.), *стрекава* (44 шп.), *жигучка* (36 шп.). Далее по степени употребительности следуют номинации *стрекива* (22 шп.), *кострика* (22 шп.), *жегала* (15 шп.), *жига* (15 шп.), *ожига* (17 шп.), *крапивница* (16 шп.), *свербучка* (11 шп.), *крапивь* (12 шп.).

Пометы собирателей в анализируемом материале немногочисленны и в проведённых наблюдениях принципиально ничего не меняют: помета «чаще» при лексеме *крапива* (п. 352), «редко» при *крапивица* (п. 182), *жалюка* (п. 345), *жгучка* (шп. 251, 962, 1008), *сверблочка* (п. 966), *стрекава* (шп. 168, 220, 226, 269); помета «употребляется людьми старшего возраста» при лексеме *стракива* (п. 231).

При составлении карты наименований крапивы было решено не пренебрегать единичными фиксациями названий: *батылинник* (п. 181), *бутыльница* (п. 339), *ворблячка* (п. 970), *двудомка* (п. 636), *двудомница* (п. 849), *жаленица* (шп. 110, 111), *жалива* (п. 283), *жалика* (п. 834), *жальник* (шп. 265, 579), *жалочка* (п. 948), *жгунья* (шп. 112, 159), *жгуха* (п. 323), *жгуч* (п. 243), *жегулица* (п. 64), *жигавя* (п. 267), *жигала* (шп. 706, 885), *жигалица* (шп. 427, 463), *жигальник* (п. 702), *жиган* (п. 239), *жигача* (п. 62), *жигачка* (п. 121), *жигловка* (п. 377), *жилова*

(пп. 1024–1025), *жиляка* (п. 870), *жрунко* (п. 691), *козюля* (п. 701), *косуля* (пп. 702–703), *колюха* (пп. 9, 16), *корешки* (п. 957), *костра* (пп. 267, 322), *кострива* (п. 270), *костырка* (пп. 702, 905), *крап* (п. 476), *крапивник* (пп. 246, 248), *крапилица* (п. 81), *крапивуха* (п. 247), *лагушник* (п. 509), *мачеха* (п. 925), *моченец* (п. 930), *обжига* (п. 944), *ожсальница* (п. 139), *ожгучка* (п. 713), *придорожница* (п. 45), *сверблячка* (п. 1027), *свербуха* (п. 981), *свербыля* (п. 1001), *сердюка* (п. 262), *сергучка* (пп. 670, 970), *стрекала* (п. 845), *стрекалина* (п. 890), *стрекалка* (пп. 668, 683), *стрекало* (п. 274), *стрекачая* (п. 536), *стрекачка* (пп. 639, 714), *стрекова* (п. 218), *стрекоза* (п. 842), *стрекуха* (п. 707), *стрекучая* (п. 676).

Ввиду единичности фиксаций (менее трёх фактов) эти лексемы могли бы быть отведены от картографирования. Однако если сделать «героем» карты корень слова, то, возможно, с учётом этих фактов получится более определённая картина. Так, у слов с корнем *жесг-* как единичные следовало бы отвести наименования *жесгало*, *жесгука*, *жесгуха*, *жесгулица*. Если же их подать совместно со словами *жесгала*, *жесгучка* без внутренней заливки для обозначения аффиксов, то ареал будет вырисовываться определённое. Аналогично: если у слов с корнем *жал-* как единичные отвести наименования *жалова*, *жальник*, *жалюга*, *жалюка*, *жалючка*, *жаляка*, *ожсальница*, будет беднее выглядеть гнездо *жала*, *жаленица*, *жаллица*, *ожсальник*. Если же все эти слова — и с единичными фиксациями тоже — подать без внутренней заливки для обозначения аффиксов, то ареал также будет, как представляется, вырисовываться определённое.

Использование материалов с единичными фиксациями даёт возможность проанализировать словообразовательный потенциал тех или иных корней. Так, идея, выражаемая корнем *жал-* ‘жалить’, обнаруживается в различном аффиксальном оформлении в словах *жалица*, *жалова*, *жалю-*

га, жалока, жалючка, жаляка, жаленица, жальник, жальница, ожальник, ожальница. Идея, выражаемая корнем *жиг-* ‘обжигать’, репрезентируется в наименованиях *жига, жигала, жигалка, жигава, жигало, жигальник, жиган, жигун, жигука, жигуха, жигуча, жигучка, жигаца, жигловка.* Идея, выражаемая корнем *стрек-* ‘стрекать’, реализуется в наименованиях *стрекала, стрекалина, стрекалка, стрекало, стрекачая / стрекучая, стрекачка, стрекова, стрекоза, стрекуха.*

У самого распространённого из всех наименований крапивы слова *крапива* вызывают интерес многочисленные акцентологические и фонетические варианты на широкой территории Славии: *крапива, карпива* и *кропива, крапива* и *кропива, крапива* и *кропива, прожива, корпива, крапива, крепива, крапыва* и *кропыва, крапыва, крапова, крапова* и *кропова, крапила, каприва, кропува, корпива* и др. (ср. укр. кропива, др.-русск. кропива, сербск.-цслав. кропива, коприва, болг. коприва, сербохорв. коприва, словенск. kropiva, kopriva, диал. резьянск. pukruwa, чешск. kopriva, слвц. koprva, koprivica, польск. pokrzywa и др.). Как явствует из материалов словаря М. Фасмера, праславянский вид этого наименования — *kopriva или *kropiva (Фасмер 2: 366). Выбор между этими вариантами, по мнению М. Фасмера, затруднителен ввиду отсутствия древних свидетельств. Этимологическое родство наиболее вероятно с *kropiti (кропить) и ст.-слав. оукропъ. Эта этимология, по М. Фасмеру, подтверждается со стороны реалии — тем, что крапива применяется в качестве корма скоту, причём её предварительно обваривают кипятком. Однако большинство славянских языков свидетельствует о первоначальности формы *kopriva, и приходится говорить о связи наименования с *коприва* ‘шёлк’, т. е. крапива является растением, идущим на изготовление пряжи (Фасмер 2: 367). Представленный в Картотеке ЛАРНГ диалектный материал отража-

ет у этого слова многочисленные факты метатезы: *коприва*, *корпива* (п. 36), *прокива* (п. 10).

Небезынтересно в связи с изучением материалов Картотеки ЛАРНГ перейти к наблюдениям относительно мотивировочных признаков, положенных в основу номинации других названий крапивы.

— Номинация по производимому травой действию: стрекает (*стрекава*, *стрекива*, *стрекова*, *стрекаша*, *стрекашина*, *стрекалина*, *стрекиша*, *стрекоша*, *стрекоза*, *стрекала*, *стрекало*, *стрекалка*, *стрекучка*, *стрекуха*, *стрекачая*, *стрекучая крапива*, *стрекачка*, *стра(о)кива*, *стра(п)тива*), жалит (*жала*, *жаленица*, *жалица*, *жалава*, *жальник*, *жалюга*, *жалюка*, *жалючка*, *жалайка*, *ожальник*, *ожальница*), обжигает (*ожига*, *обжига*), колет (*колюха*, *колючка*).

— По ощущению, которое трава вызывает у человека: жжёт ([жсг-]: *жегала*, *жагало*, *жегука*, *жегуха*, *жегулица*, *жегучка*; [жиг-]: *жига*, *жигала*, *жигалка*, *жигавка*, *жигало*, *жигальник*, *жиган*, *жигун*, *жигука*, *жигуха*, *жигуча*, *жигучка*, *жигаца*, *жигловка*; [жсг-]: *жгучка*, *жгучина*, *жгунья*, *жгуч*, *жгуха*); зудит, чешется, т.е. свербит (*свербуха*, *сверблочка*, *серблочка*, *сербука*, *сербуха*, *сербучка*, *сергучка*).

— По наименованию той части растения, которая специфически, по сравнению с другими растениями, используется в хозяйстве: *костр*- (*костра*, *кострива*, *кострика*, *кострочка*, *костырка*). Здесь, как кажется, видится параллель с обработкой льна: в льнообработке *кострой*, *кострицей* называют жёсткую часть стебля этого волокнистого растения. Ср. в СВГ: *Ране в потёмках лён-от робыли, дак костриця все глаза выстёжит* (д. Шестаково Кичменгско-Городецкого района Вологодской области).

— Место произрастания крапивы практически не отразилось в её номинациях. Единожды употреблённое название *базика* (п. 121), не иллюстрированное, к сожалению, приме-

ром, могло бы быть связанным с обозначением места, *база*, однако, скорей всего, слово *баз* в зоне распространения существительного *базика* не встречается. Крапива названа также *пустырником* (шп. 640, 645, 676, 680, 685, 741, 926), однако, думается, так могла быть названа любая трава, растущая на пустыре.

Практически все, даже единичные фиксации, не кажутся случайными. В этой группе лексики представлены в основном мотивированные наименования, они часто поддерживаются глаголами: *стракива* — *обстракивилась*; *жгучка* — *жжёт, ожалиться крапивою; домная крапива у дома растёт* (ср. научное название одного вида растения — *крапива двудомная*) и т. д. На современном уровне существования русского языка затемнение внутренней формы наблюдаем только у лексемы *крапива* — ввиду её древности.

Некоторые наименования на первый взгляд представляются немотивированными. Однако при более детальном рассмотрении раскрывается и их мотивировочная основа. Таково наименование *строптива* (ср. Даль: *стропъ* ‘верёвочный гуж’ (Даль 4: 342)). Можно полагать, что в основе наименования лежит признак ‘трава, стебли которой идут на изготовление верёвок, канатов’, у наименования происходит ещё контаминация со словом *крапива*. Вероятно, и *жгучник* так же: *жгучий* + *-ник* (шп. 734, 770). А наименования *жоменица, ворблячка* пока остаются неясными. Ни в Словаре Даля, ни в СРНГ нет поддерживающего материала. Но можно предположить связь этих наименований с *жала* и *свербить*. *Бутылница* — известно, что в народной медицине крапивою, готовя из неё лекарственное средство для больных суставами и для улучшения деятельности кишечника, набивают бутылки и заполняют их спиртом.

В репертуаре названий крапивы выявляется целый ряд метафорических, оценочных наименований (*гуси, злюка, сердюка, мачеха, тварь*). Встретилось также несколько

образных, метафорических наименований, вызванных к жизни особыми жгучими качествами растения: *дикий перец* (острое, жгучее по восприятию, как перец), *бабье жито* (не исключено, что шутливое: не сеешь — само растёт; ср.: посев зерна — мужское дело; *бабье жито* произрастает вблизи домов — значит, устранение его — женская работа), *огонь-крапива* (жгучая, как огонь, — в отличие от других видов крапивы), *бей-до-слёз* (имеется в виду обиходное применение побегов крапивы для наказания детей), *татарское крапиво* (мотивируется обильным, как нашествие, произрастанием). Подобные единичные наименования не картографируются.

Наблюдения над картой наименований крапивы показывают, что на европейской территории распространения русского языка практически повсеместно фиксируются названия с корнями *крап-*, *жг-*, *жиг-*. Чёткие ареалы устанавливаются не у всех лексем. Тем не менее, отчетливо выделяются некоторые компактные ареалы. Так, центральный ареал образуют наименования *крапивь* (пп. 80, 137–138, 184, 186, 190, 236, 240, 296, 352, 354 и др.), *крапивица* (пп. 189, 389, 391 и др.). Северо-западный ареал образуют слова с корнем *стрек-* (пп. 24, 57, 130, 170, 271 и др.). Северо-восточный ареал (*крапила* — пп. 52, 62–65, 69) представлен близ Кубенского озера в Вологодской области. Южный ареал, близ Азовского моря, образуют наименования с корнем *сверб-* (пп. 670, 953, 958, 989, 991, 1001, 1027 и др.). Юго-западный ареал образуют слова с корнем *костр-* (пп. 207, 702, 703, 773, 832 и др.). В Прикамье преобладает название *крапивица* (пп. 155, 159, 197, 312 и др.), а в Предуралье наряду с ним — слова с корнем *жсал-* (пп. 119, 265, 266 и др.).

Бесспорно, что эти и многие другие факты Картотеки ЛАРНГ дают обширную информацию относительно самих наименований крапивы, её использования в жизни населения, а также о языковой рефлексии диалектоносителей.

Проведенный анализ русских наименований крапивы позволяет увидеть особенности восприятия изучаемого растения русскоговорящими людьми. С одной стороны, сильна тенденция абстрагироваться, обобщить представления о разных растениях с колющими, жгучими, жалящими свойствами (и все они в таком случае — *крапива*). С другой стороны, люди, живущие на разных территориях распространения русского языка, видят тонкие оттенки мотивировки (*жалит, жжёт, свербит* и др.) и отражают их в многочисленных диалектных номинациях этого растения.

Литература

Жизнь растений: в 6-ти т. / Гл. ред. Ал. А. Федоров. Т. 5. Ч. 1. Цветковые растения. М., 1980. 430 с.: ил.

Сергиевская Е. В. Систематика высших растений. СПб., 1998. 448 с.

Лексика стирки и глажения в воронежских говорах

Т. В. Карасёва

В статье анализируются 55 воронежских диалектных слов, связанных со стиркой и глажкой, выясняется ареал их распространения, выявляется лексика узлокального характера.

Ключевые слова: тематическая группа, стирка, глажение, воронежские говоры, этимология, ареал

ТГ «СТИРКА»

Известно, что стирка белья в деревне всегда считалась трудным делом: *Знама дела, пирьянябóлсси на стирки, али йисть няхота — спать скарей ба.* АЛШ. Терн.; *Иде ш, мне тут ды́хатъ некали: то стираши, то моши (. . .)! НЖ.КРЧ.* Гриб.; *Музоли (мозоли) набивали, пака пастираши.* ЧГР. Борис. Неудивительно, что она иногда была оплачиваемой работой: *Падённо стирають.* Б.ВРК. Рам.

«Кагда стиральных машынаф не былб» (КРСН. Гриб.), бельё стирали вручную: либо в корыте (*Дома у карыти пастираим — ну, мылам, канешна — на рещку идём и паласкаим.* КРС.ЛОГ. Кашир. [Куйдина 2008: 116]), которое обычно ставили за домом (*У нас на задвораки часта стирали, купались.* АРТ. Аннин.) на специальной лавке (*У мене са двара, иде стираю, эта, лавачка зделана.* НЖ.КРЧ. Гриб.), либо в реке, выколачивая на мостках вальком (*А вальком выбивают фсю эту — мыла.* ХЛБР. Аннин.).

Мыло было большой редкостью: *Ана (мыло) идей-та былá, но нам у калхози пакупатъ не за што была: нам жы трудакнишки платили.* КЧГ. Нж.-Дев. Поэтому в качестве

щёлочки обычно использовали раствор золы: *Былки* (стебли подсолнечника) *жгли, залу цадими, шиолак мьльной делали — им и стирали*. КЧТ. Хохол.; *А стирали шиолакам: эта вот салому жгли, тапили, и вот эта замачивали билъё {...} И курьяками стирали: аправитца курица — ани сабирали и гарилкай (?) замачивали — и ф чугун, и ф печь пхали. Ано там атжиснит, пака ни былб ни соли, ни былб, да чистае бьла билъё. Бывала, в марос марозили, чаво там.* ЩУЧ. Эрт.

Картотека «Словаря воронежских говоров», хранящаяся на кафедре славянской филологии Воронежского госуниверситета, материалы Центра региональных лингвистических исследований при кафедре теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы Воронежского госпедуниверситета, «Словарь воронежских говоров», «Словарь русских народных говоров», а также полевые записи автора содержат по крайней мере 55 диалектных слов ТГ «Стирка» и «Глажение», бытующих в воронежских диалектах.

Так, **грязное бельё** имеет этимологически прозрачное название — *грязнотá* (*У мене гризнаты накопилась — стирать нада*. СТ.НКЛС. Хохол.); **отстиранный до белизны** — *исчерныйй* (удар.?) (БРЗГ. Липецк.).

Ёмкость для стирки носит следующие наименования: *бадья* ‘низкая деревянная лохань для стирки белья’ (*Ныня бадью заминили машинкай и стирають уже машинкай*. М.ЯСР. Эрт.); *блюдо* ‘таз’ (*Я пастираю в блюде*. КЗЛ. Терн.); *буж* ‘деревянная кадка для обработки белья щёлочным раствором перед стиркой’ (*Я палажыла билъё у буж и насыпала залы. У буках билъё стирають. Халсты билли в буках*. ШСТ. Бобр.), ‘бочка без дна для кипячения’ (БАБ. Павл.); *лоток* (*Стирали у латке*. Без указ. места; повсеместно); *ночѣвки* ‘корыто, таз’ (КРТ. Остр. [Шаповалова 2013: 183]); *перерез* ‘кадка из распиленной пополам бочки’ (*Рубахи халстиные фсѣ ф перерезах стирали, а патом на рике калатили. У перяреше рубахи халстиные ва-*

рам *абдавали*. Без указ. места); *ряшка* (*Холстинья у ряшк-кал бучили*. Р.БЛВ. Павл.). Указанные слова имеют разное происхождение: *бадья* заимствовано из тат. *badia* от перс. *badye* ‘сосуд для вина’ (Фасмер 1: 104), *бук* — из ср.-нж.-н. *buken* ‘мыть в горячем щёлоке, стирать щёлоком’ (Фасмер 1: 235); *ночѣвки* восходит к праслав. **ньктју* (Фасмер 3: 86); лексема *блюдо* образована с помощью метафории (от *блюдо* ‘тарелка’), а *перерез* — путём нулевой суффиксации от *перерезать*; у слова *лоток* все этимологии недостоверны (Фасмер 2: 523), происхождение лексемы *ряшка* также неясно (Фасмер 3: 537). Почти все данные единицы известны и другим русским говорам: *бадья* ‘глубокий глиняный таз’ (костром.) (СРНГ 2: 41); *бук* ‘кадка или корыто для стирки белья’ (олон., ленингр.), ‘кадка для замачивания тёмного белья’ (курск.), ‘кадка для белья’ (тул.) (СРНГ 3: 261); *лоток* ‘корыто для стирки белья’ (твер., орл.) (СРНГ 17: 156); *ночѣвка* ‘корытце, долблённый деревянный лоток для различных хозяйственных надобностей (для просеивания муки, очистки зерна от мелкой шелухи, замешивания теста, мытья посуды, стирки и т. п.)’ (иркут., сиб., краснояр., кемер., том., омск., ср.-обск., тобол., южн.-урал., свердл., перм., вят., волог., арх., петерб., лат., лит., пск., яросл., костром., ряз., тул., брян., курск., тамб., симб., ульян., куйбыш., сталингр., самар., пенз., дон., кубан., удм., вост.-казах.) (СРНГ 21: 299); *перерез* ‘кадка из распиленной пополам бочки’ (твер., пск., смол., курск., измаил., дон., нж.-дон., касп., брян.) (СРНГ 26: 205); *ряшка* ‘деревянная утварь, необходимая для хозяйства, мытья и т. п.; шайка, корыто, лохань и т. д.’ (калин., пск., курск., южн.) (СРНГ 35: 359).

Валёк — ‘плоский деревянный брусок с ручкой для выколачивания белья при полоскании или для катания белья на скалке’ (МАС 1: 134) — имеет такие названия: *белёк* (*Нюркя узьяла билёк*. Н.ЧГЛ. Тал.); *колотушка* (СРНГ 14: 185); *пральник* (*Не забыть взять пральник*. ИВН. Пан.; *Пастирають, патом калотють пральникам*. Р.ЖРВ. Павл.); *пра-*

ник (СРНГ 31: 67). Все они имеют отглагольное происхождение — от *валять* (**белёк** — искажённое от *валёк*, приближенное к *белить*); *колотить* и *прать* соответственно. В русских говорах **колотушка** ‘валёк для выколачивания белья при стирке’ (р. Мста, арх.) (СРНГ 14: 185); **пральник** ‘валёк, для стирки белья на речке’ (калуж., орл., курск., десн., ок., брян., смол., пск., твер., калин., лит., латв., курган., новосиб., киргиз., краснояр., бурят., амур.) (СРНГ 31: 66); **праник** ‘валёк для выколачивания белья при полоскании’ (южн., кубан., дон., брян., калуж., смол., калин., новг., свердл., новосиб., алт., краснояр., иркут.) (СРНГ 31: 67).

Стиральная доска обозначается как **пральник** (*Патри рубаху а пральник*. СВР. Тал.) и **тёрка** (*Раньшы на тёрки стирали*. ТРС. Лиск.; ЧРТ. Рам.). Это отглагольные образования от *прать* и *тереть* соответственно.

Значение ‘стирать’ имеют следующие глаголы: **банить** (*Зафтря буду рубахи банить*. НКЛС. Хохол.; Н.ЖВТ. Рам.); **вымывать** (*Парки вымыла, рубаху вымыла*. ПЧЛ. Бобр.); **мыться** (*Нынча буду мытца*. КРС.ЛП. Реп.; БРЗ. (какая?), Н.СЛС. Семил., УСТ.-МРВ. Реп.); **прать** ‘стирать бельё, выколачивая его вальком’ (СРНГ 31: 69);

‘стирать небрежно, наспех’: **жамкать** (*Разве так стирают? Ты вить жамкаеш, а ни стираши*. М.ЯСР. Эрт.); **пжмкать** (*Пажмыкая, да и фсё*. ШСТ. Бобр.); **пжмышать** (*Нада пажмышать мешок в одной вадичке*. ХРН. Бобр.); **простирнуть** (*Быстр прастирну кое-шо, да на работу*. ВРН.-ЛЗВ. Липецк.);

‘стирать и при этом мять’: **жмакать** (*Жмакай его дюжа!* ШСТ. Бобр.; ВШН. (?) В.-Хав.); **жмыкать** (ВШЛ. Липецк.);

‘белить, отстирывать’: **белесить** (*Бялё бялесили раньша в Дану*. ГРЖ. Рам.).

Глагол **зболить** (**золить**) имеет несколько значений: ‘парить в растворе золы’ (*И в зале залили, штоп атъядала суровасть-та, штоп белыи были*. МЖС. Кашир. [Херольянц

1966: 284]); ‘стирать с золой’ (*Канопное бильё залили — дюжа харашо стиралась*. ГРЖ. Рам.; *Ат чаго яго золить?* КРС.ЛП. Реп.); ‘стирать’ (*Золить рубахи*. Без указ. места.).

Глагол *бучить* обозначает ‘отбеливать, закладывая в бук и ошпаривая кипятком или заливая щёлочной водой, приготовленной из золы’ (*Готовые халсты бучили ф катки*. *Штобы чишише бильё была, иво бучуть*. ШСТ. Бобр.; повсеместно) и ‘кипятить’ (*У буки бяльё бучили — заливали щёлакам*. БАБ. Павл.), а слово *бучение* (удар.?) имеет значение ‘кипячение’ (БАБ. Павл.). Происхождение *бучить* можно связать со ср.-нж.-н. *buken* ‘мыть в горячем щёлоке, стирать щёлоком’ (Фасмер 1: 235), *жамкать*, *жмакать*, *жмыкать*, *пожмыкать*, *пожмыкать* — с *жать*, *жму* (Фасмер 2: 35), *прать* — с *переть* (Фасмер 3: 355), остальные глаголы имеют прозрачную этимологию. В русских говорах встречаются: *банить* ‘мыть тёплой водой, парить, стирать’ (дон., южн., зап., кубан., терск., рост., курск.), ‘мочить, полоскать’ (терск.) (СРНГ 2: 94); *жамкать* ‘плохо, на скорую руку стирать (бельё)’ (перм., яросл., волог., урал., краснояр., енис.) (СРНГ 9: 70); *жмыкать* ‘стирать, полоскать бельё, одежду и т.п.’ (яросл., твер., симб., влад.) (СРНГ 9: 207); *мыться* ‘стирать бельё’ (курск., калуж., арх., вят., перм., ср.-урал.) (СРНГ 19: 67); *прать* ‘стирать бельё, выколачивая его вальком’ (пск., смол., латв., лит., брян., курск., коми, арх., новосиб.) (СРНГ 31: 69). В МАС глагол *золить* ‘парить в воде с золой (бельё, пряжу)’ даётся с пометой «обл.» (МАС 1: 619), однако в СРНГ он отсутствует, *простирнуть* ‘выстирать что-л., обычно немного, наспех, без особой тщательности’ — с пометой «прост.» (МАС 3: 526).

Зола имеет следующие названия: *збола* (*Збoлу ат патсолнухаф или картошную натину, и золу эту збирали, завязывали кадушку, насыпали заль и кипятку льеш — мягкая делатца вада*. ИСТ. Реп.); *зольное мыло* (*Зальная мыла...*

тищётъ залá. БРЩ. Хохол.). Слово *зола* связано с *зелёный, золото* (Фасмер 2: 103).

Синька для белья обозначается с помощью слова *подсiнька* (СРНГ 28: 180), которое известно также другим русским говорам (том., амур., урал., курск.) (СРНГ 28: 180).

Мыльная вода после стирки носит название *пáмылки* (*Ф памылках зiпань* (фартук) *пастираю*. АНШ. Лиск.; *Ф памылках памой чубарый мишок*. ОРЛК. Тал.; *Вот тряпку тада ф памылках пастиралиш*. Р.БЛВ. Павл.; *В трёх памылках мыла*. Нж.-Дев. (СРНГ 25: 187); ДВД. Лиск., ХРН. Бобр., ЯРК. Н.-Хоп.). Слово бытует также в других русских говорах (вят., каз.-некр., сарат., пенз., сталингр., курск., ср.-урал., ниж.-урал.) (СРНГ 25: 187).

Кусок мыла, оставшийся после стирки, именуется *помылок* (*Памылак спрячь: пригадитца ишшо*. ДНК. Кашир. [Любимов 1988: 48]). В русских говорах *помылок* ‘остаток куска мыла, обмылок’ (пск., твер.) (СРНГ 29: 237).

ТГ «ГЛАЖЕНИЕ»

Известно, что в старину гладили так: «Ткань наматывали на каталку, свободный конец ткани прижимали к концу стола и с силой прокатывали ребристой поверхностью рубеля по каталке. Так несколько раз, пока ткань не разгладится (...) Потом появились чугунные утюги. В них клали раскалённые в печке угли. Они были очень тяжёлые»¹. Об этом же свидетельствуют и воронежские диалектоносители.

Скалка — ‘деревянный гладкий валик, служащий для раскатывания теста, а также подобный гладкий валик для катания белья’ (МАС 4: 103) — в изучаемых говорах имеет следующие названия: *кабáлка* (СТ.ВДГ. Семил.); *катáлка* (Р.БЛВ. Павл.); *качáлка* (*Качалкай выкатывали бяльё*. ЕРШ. Павл.; ОСТРОГ.); *скáла* (КРТ. Остр.; М.ВРК. Семил., ОРЛ. Н.-Усм., СЛД. Остр., УСТ.-МРВ. Реп.); *скалá* (СЛД. Остр.). Все они имеют отглагольное происхождение

¹URL: <http://loveudm.ru/kak-stirali-bele-v-starinu/>

ние, в том числе и *скала* — из *съкало от *скать (*съкати) (Фасмер 3: 631). В русских говорах они широко распространены: *катáлка* ‘изогнутая длинная толстая палка с зарубками на выпуклой стороне, употребляемая для катания белья, валёк’ (арх., коми, новг., пск., калин.) (СРНГ 13: 121), *качáлка* ‘валик, которым катают бельё, скалка’ (смол., кубан.) (СРНГ 13: 141), *скáла* ‘скалка для раскатывания теста или разглаживания белья’ (якут., иркут., бурят., хабар., новосиб., свердл., арх., яросл., ряз., тамб., рост., дон., каз.-некр.) (СРНГ 37: 372).

Рубель — ‘деревянная доска с поперечными желобками, валёк для глажения белья’ (СРНГ 35: 221) — имеет такие наименования: *рубéль* (*Сильней нажымай на рубель.* ДНК. Кашир. [Любимов 1988: 48]; *Гладили раньшы рубилём.* Без указ. места; повсеместно); *рубíль* (*Рубíлим гладили.* ХЛБР. Аннин.; *Вот так вот на скалку наматывали бильё и рубíлим бьёш — сильна так трёш.* ХЛБР. Аннин.); *рубелёк* (уменьш.-ласк.) (ОСТРОГ.). Этимологию данных слов можно, по-видимому, связать с *рубить* (Фасмер 3: 511): выемки на этом инструменте вырубались топором. В русских говорах они так же представлены: *рубéль* ‘деревянная доска с поперечными желобками, валёк для глажения белья’ (волог., коми, брян., новосиб., калуж., ряз., тул., орл., курск., брян., смол., зап., южн., тамб., дон., кубан., новосиб., даг., груз., куйбыш., пенз., яросл., горьк., свердл., чкал., казах., енис., том., краснояр., прибайк.) (СРНГ 35: 221), *рубíль* ‘деревянная доска с поперечными желобками, валёк для глажения белья’ (курск., дон., яросл.) (СРНГ 35: 225).

Рубцы на рубеле называются *надрéзка* (*Рубель был и скалка — из дерива тожы зделана, и гладит им, а на нём — надрески.* ХЛБР. Аннин.; *У ниво, у рубиля, там надрески есть.* ХЛБР. Аннин.).

Значение ‘**гладить с помощью скалки и рубеля**’ передают следующие глаголы: *выкатать* (*Рубашку рублём выкатала.* ВДГ. Семил.; *Нужна выкатать бильё.* КСТ. Хо-

хол.); **выкатывать** (ЕРШ. Павл.); **катать** (*Катают белью рубелим. Р.ГВЗ. Рам.; Раньша катали рубахи. СЛД. Остр.; Халстинны рубахи, была, на скали выкатали — аи блистя! УСТ.-МРВ. Реп.*); **покатать** (*Вазьми рубели и каталку — пакатай рубаху. Р.БЛВ. Павл.*); **покачать** (*Бильё на качалку сматаить ды рубильком пакачаить и выгладить. ОСТРОГ.*); **прошмыгнуть** (?) (*Наматай на кабалку и чуть прашмыгни рубаху. СТ.ВДГ. Семил.*); **укатать** (имеет также значение ‘погладить утюгом’) (*Гладили скалай с рубилим: скатерть — яё разве утюгом укатаиш? КРТ. Остр.*); **укатывать** (*Скало́й с рубилём и рубахи укатывали. СЛД. Остр.*). Глажение белья с помощью катанки — **катанье** (ПЛТ. Реп.). Отметим, что в МАС глаголы *катать*, *выкатать* ‘разглаживать при помощи катка, валька’ приводятся без помет (МАС 2: 39).

Утюг из цельного металла, нагреваемый посредством жара называется **жаровой утюг** (ЯРК. Тал.); посредством положенных в него углей — **паровой утюг** (ЯРК. Н.-Хоп.). Эти наименования происходят от *жар* ‘горячие угли, яркие, но без пламени’ (МАС 1: 472) и *пар* соответственно.

Обгорелое пятно, полоса (от утюга и т. п.) обозначается лексемой **смуга** (*От утюга бурые смуги остались на белье (СРНГ 39: 56)*). У данного слова, бытующего также в курских говорах (Там же), нет чёткой этимологии (Фасмер 3: 693).

Итак, единицы, составляющие ТГ группы «Стирка» и «Глажение» обладают в основном прозрачной этимологией. 29 из них (то есть более половины), не отмеченных в СРНГ, можно предварительно отнести к воронежским узколокальным (*белесить, белёк, блóдо, бучение (удар.?), бучить, выкатать, выкатывать, вымыть, грязно́та, жаровой утюг, жма́кать, зóла, зольно́е мыло, исчерный (удар.?), катанье, каба́лка, катать, надрэ́зка, паровой утюг, пожмы́кать, пожмы́хать, покатать, покачать, пра́льник, прошмыгнуть, рубелёк, скала́, укатывать, укатать*).

Условные сокращения названий населённых пунктов

АЛШ. — Алешки	МЖС. — Можайское
АНШ. — Аношкино	Н.ЖВТ. — Новоживотинное
АРТ. — Артюшкино	Н.СЛС. — Новосильское
Б.ВРК. — Большая Верейка	Н.ЧГЛ. — Новая Чигла
БАБ. — Бабка	НЖ.КРЧ. — Нижний Карачан
БРЗ. — Берёзово	НКЛС. — Никольское
БРЗГ. — Березняги	ОРЛ. — Орлово
БРЩ. — Борщёво	ОРЛВ. — Орловка
ВДГ. — Ведуга	ОСТРОГ. — Острогожск
ВРН.-ЛЗВ. — Ворон-Лозовка	ПЛТ. — Платава
ВШЛ. — Вешаловка	ПЧЛ. — Пчелиновка
ВШН. — Вишнёвка	Р.БЛВ. — Русская Буйловка
ГРЖ. — Горожанка	Р.ГВЗ. — Русская Гвоздёвка
ДВД. — Давыдовка	Р.ЖРВ. — Русская Журавка
ДНК. — Данково	СВР. — Свердлово
ЕРШ. — Ерышнёвка	СЛД. — Солдатское
ИВН. — Ивановка	СТ.ВДГ. — Старая Ведуга
ИСТ. — Истобное	СТ.НКЛС. — Староникольское
КЗЛ. — Козловка	ТРС. — Тресоруково
КРС.ЛОГ — Красный Лог	УСТ.-МРВ. — Усть-Муравлянка
КРС.ЛП. — Краснолипые	
КРСН. — Кирсановка	ХЛБР. — Хлебородное
КРТ. — Коротояк	ХРН. — Хреновое
КСТ. — Костёнки	ЧГР. — Чигорак
КЧГ. — Кучугуры	ЧРТ. — Чертовицы
КЧТ. — Кочетовка	ШСТ. — Шестаково
М.ВРК. — Малая Верейка	ЩУЧ. — Щучье
М.ЯСР. — Малые Ясырки	ЯРК. — Ярки

Условные сокращения названий районов и областей

Аннин. — Аннинский	В.-Хав. — Верхнехавский
Бобр. — Бобровский	Гриб. — Грибановский
Борис. — Борисоглебский	Кашир. — Каширский

Липецк. — Липецкая обл. (ранее — Воронежская область)	Пан. — Панинский
Лиск. — Лискинский	Рам. — Рамонский
Н.-Усм. — Новоусманский	Реп. — Репьёвский
Н.-Хоп. — Новохопёрский	Семил. — Семилукский
Нж.-Дев. — Нижнедевицкий	Тал. — Таловский
Остр. — Острогожский	Терн. — Терновский
Павл. — Павловский	Хохол. — Хохольский
	Эрт. — Эртильский

Литература

Куйдина Е. П. Описание говора села Красный Лог Каширского района Воронежской области: дипломная работа. Воронеж, 2008. 126 с.

Любимов О. И. Диалектная лексика села Данкова Каширского района Воронежской области (к вопросу о влиянии литературного языка на диалект). Воронеж, 1988. 85 с.

Херольяну Р. В. Лексико-семантическая характеристика говора сёл Каширского, Коломенского, Московского, Новоусманского района Воронежской области: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1966. 356 с.

Шаповалова О. И. Словарь говора села Коротояк Острогожского района Воронежской области // Край Воронежский: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6. Воронеж, 2013. С. 176–190.

Диалектная и разговорная лексика в смоленском памятнике XVII века «Мера лесов...»

В. С. Картавенко

В статье представлен анализ лексического материала одного из смоленских памятников письменности XVII в. Кроме нарицательных названий, выявлены ономастические единицы — антропонимы и топонимы.

Ключевые слова: топоним, антропоним, памятники письменности, диалектизм, разговорная лексика

Для историка языка основным источником выявления и изучения словаря прошлых эпох оказываются памятники письменности. О важности изучения письменных памятников писал С. И. Котков: «Плодотворное изучение истории русского языка в настоящее время зависит не только от совершенствования старых и применения новых методов, но и всемерного расширения ... базы исследования, т. е. введения в научный оборот нового круга памятников ... письменности» [Котков 1963: 5].

Изучение памятников деловой письменности XVII–XVIII вв., несомненно, является крайне важным в плане исследования как литературной, так и диалектной и разговорной лексики. Для анализа нами выбран памятник смоленской деловой письменности XVII в. «Мера лесов, начиная от городского в Смоленску рву, учиненная смольянином Колошиным». Хранится документ в Москве, в Российском государственном архиве древних актов (Фонд 145/1. Смоленский приказ, оп. 1, д. № 6, 1673 год). Памятник не изучен ни в лексикологическом аспекте, ни в фонетическом, ни в грам-

матическом. Мы рассмотрим его с точки зрения лексической наполненности. Основное его содержание представляет описание «лесов, которые около Смоленска поросли сколько сажень и десятин в которую сторону от которого и от которого места и по которое место... и каковы те леса в вышину и в толщину и много ли полеи как те леса поросли и сею статьею подлинно порознь по статьям» (л. 1–1 об.).

Как и другие документы этого периода, настоящий памятник характеризует строгость и четкость композиции. Составлен он по определенному образцу, в нем указана точная дата, сообщено, по чьему указу проводилось измерение лесов, где и кем оно проводилось, где и как проходили границы и межи, кто проводил обмеры.

«Основная часть документального текста, более свободная от канцелярской регламентации, представляется наиболее содержательной с точки зрения исследователя-лингвиста», — писал в свое время С. И. Котков о памятниках московской деловой письменности [Памятники 1981: 6]. Наши материалы полностью подтверждают это положение. Так как записывались все показания со слов «тутошних людей» (здешних), то, естественно, в них попадали в большом количестве местные слова. Причем некоторые из них имели в исследуемую эпоху широкое бытование, другие — более узкое, третьи — являлись локализмами.

В исследуемом памятнике особенно богато представлена лексика, объединенная в тематическую группу «Лес», здесь отмечаем и родовые, и видовые наименования (*лес, бор, олешник, осинник*).

Очень подробно описывается высота и толщина деревьев в большом лесу: *Березникъ и осинникъ и олешникъ растут в вышину в сажень и в полтары сажени и в две сажени и в полтрети сажени а в толщину в ботог* (батог — ‘палка, дубинка’) *и в оглоблю и в жердь а сосняк в вышину в полтрети сажени и в три сажени и в четыре и в пять сажени а в толщину в жердь и верхков в пяти вобоима а тот лес*

порос до Шешеновой войны (л. 2). Или, напротив, дается описание небольшого редкого леса: *От городоваго рву сажень на сопакъ лесу нетъ не до болшого реткова алешнику а того небольшого реткова алешнику сажень на дватцетъ до того жъ бояраку а в томъ бояраке тот же небольшой олешник* (л. 4).

Многие слова являются общеупотребительными для той эпохи: **бор, лес, березник, сосняк, крушинник** и др.).

Многочисленны также слова диалектные, местные, которые сохранились до настоящего времени. Слово **сосонник** обозначало 'сосновый лес': *От Гришково рву до речки Есеной версты на две ретко сосонникъ прикоренистой осокореватой* (л. 2–2 об.); *А за Ясену речку пошолъ старой реткой сосонникъ и олешникъ и крушинникъ* (л. 8). В состав русского литературного языка рассматриваемого периода слово не входило, так, Словарь Академии Российской (2-е издание) его не фиксирует. Нет слова **сосонник** и в Словаре В. И. Даля. Однако в смоленских говорах оно продолжало бытовать в начале XX в. (Добровольский 1914: 862) и бытует до настоящего времени (ССГ 10: 84). Судя по данным картотеки Словаря русских народных говоров, известно слово также в калужских, брянских, московских, орловских, тверских говорах (КСРНГ). Отмечается слово **сосонник (сасонник)** и в белорусской географической терминологии [Яшкин 1971: 172].

Со значением 'частый кустарник' было известно на территории Смоленского края слово **чапыжник**: *А за Ясену речку пошол старои лес сосонникъ ивянкъ и орешникъ и чапыжникъ* (л. 8 об.). СлРЯ XI–XVII вв. фиксирует это слово раньше, чем оно отмечено в нашем памятнике. Оно представлено в словарной статье «лес» без объяснения значения: Лес чепыжник. Кн. п. Моск. II, 37. 1594 г. (СлРЯ XI–XVII 8: 210). В САР-2 засвидетельствовано слово **чапыжник** в значении 'дикий густой и частый кустарник' (Слов. Акад. 1806–1822 6: 1237). В. И. Даль дает его без указания

на территорию распространения (Даль 4: 582). Слово *чепыжник* ‘заросли кустарника’ сохраняется в современных смоленских говорах (ССГ 11: 103). Слова *чепыжник*, *чапыжник*, *чапужник* широко известны и в других русских говорах (КСРПГ). В ССРЛЯ *чапыжник* ‘частый кустарник’ представлено с пометой «обл.» (БАС 17: 750).

Слово *шипчинник* ‘заросли шиповника’ выявлено в исследуемом памятнике: *От городской стены сажени на полтары да куста а того куста сажень на девять порос шипчинник и олешинок (2 об.–3); По обе стороны речки Рачевки по бояраком леса небольшие олешинок и крушинник и шипчинник и орешник (10–10 об.)*. В Картотеке СЛРЯ XI–XVII вв. это слово не представлено, там есть лишь слова *шипчинник* и *шипшинник*, зафиксированные в памятниках XVII в. В смоленском диалекте слово *шипчинник* ‘шиповник’ продолжает бытовать до сих пор (Добровольский 1914: 1001; ССГ 11: 142). Кроме смоленских, это слово известно также в некоторых русских говорах Прибалтики, наряду с *шипшинник*, по данным Картотеки СРПГ. Отмечено слово *шипшинник (шыпшынник)* и в белорусской географической терминологии [Яшкин 1971: 208].

В анализируемом памятнике письменности отмечаем также много названий форм рельефа: *ров*, *боярак* ‘овраг’, *низь* ‘низина, низкое место’, *лощина* ‘неглубокий широкий овраг с пологими склонами’ и др.

Из названной группы выделим слово *низь* ‘низина’: *Около речки Рачевки версты на две болшоа лесу нет только промеж пашен и по низем и по лощинам лесок мелкой (л. 10 об.)*. СЛРЯ XI–XVII вв. фиксирует слово *низь* в одном из документов XV в. (Дух. и дог. Гр. 291. 1483 г.) (СЛРЯ XI–XVII 11: 376). САР-2 его не отмечает, зафиксировано оно только в Словаре 1847 г. (Слов. Акад. 1847 3: 459). В настоящее время слово *низь* квалифицируется словарями как просторечное (БАС 7: 1309).

В современном русском литературном языке синонимический ряд с общим значением ‘низменность, низкое место’ включает следующие слова: *низина, низменность, дол, долина* (Александрова 1968: 285). Слово *низь*, выявленное нами, в него не вошло, по-видимому, вследствие малоупотребительности.

В памятниках письменности часто встречается слово *буерак (боерак)* ‘овраг’, в исследуемом нами памятнике выявлена форма *боярак*: *А от того куста сажень на сорок лесу нет до болшова бояраку а от Шейной башни сажень на девять лесу нетъ до того и болшого бояраку а в томъ болшом бояраке небольшой алешникъ растет* (л. 2 об.–3). *Боярак* отмечается в памятниках с XVI в. (СлРЯ XI–XVII 1: 348). Эта форма зафиксирована и в воронежских памятниках XVII в. [Хитрова 1987: 45]. Этимологи считают слово *буерак* заимствованным из тюркских языков. В настоящее время *буерак* квалифицируется по-разному: с пометой «обл.» (МАС 1: 122) и без помет (БАС 1: 671).

Широко представлена в памятнике топонимическая лексика, например, названия рек и небольших речек (*Днепр, Ясена, Кловка, Чуриловка*), названия дорог (*Красенская* дорога, *Досуговская* дорога, *Молоховская* дорога, *Рословская* дорога), названия ворот и башен смоленской крепостной стены (*Копытинские* ворота, *Молоховские, Еленские, Аврамовские, Кривошеевские; Богословская, Гранавитая, Лучинская, Веселуха* и др.). Достаточно полно представлена лексика антропонимическая (князь *Михаил Андреевич Голицын*, дьяк *Федор Злобин*, князь *Иван Андреевич Хованский*, генерал *Аврам Лесли* и др.). Богатство лексического состава памятника не исчерпывается указанными группами лексики. Мы рассмотрели лишь некоторые примеры использования диалектной и разговорной лексики. Рассмотрение же других лексических групп — это предмет иного исследования.

Литература

Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963. 235 с.

Памятники московской деловой письменности XVIII века. М., 1981. 320 с.

Хитрова В. И. Русская историческая и диалектная лексикология. Буквы А—Ж. М., 1987. 111 с.

Яшкін І. Я. Беларускія географічныя назвы: Тапаграфія. Гідралогія. Мінск, 1971. 254 с.

Номинация возлюбленного в архангельских говорах

И. Б. Качинская

В статье рассматривается связь номинации и обращения к возлюбленному с некоторыми другими лексико-семантическими группами: в первую очередь, с ласковым обращением к человеку, а также с лексикой, называющей драчуна, обманщика, хулигана. Дается лексический инвентарь наименований возлюбленного в архангельских говорах, указана мотивация этих номинаций.

Ключевые слова: ласкательное обращение, номинация возлюбленного, русская диалектология, северные говоры

Лексико-семантическая группа (ЛСГ) «Номинация возлюбленных» тесно связана с ЛСГ «Ласкательное наименование человека» — практически все ласкательные обозначения могут быть использованы также в обращении к возлюбленным и в их наименованиях. Так как в данной работе основное внимание уделяется лексике, называющей 'любимого парня, возлюбленного', то примеры будут приводиться в основном о возлюбленном.

1. Ласковое обращение к человеку

Для любой категории людей вне зависимости от пола и возраста — ребенка, женщины, мужчины, молодых и старых, — употребляются субстантиваты *милый, дорогой, любимый, желанный, родной, родимой*, а также *бажной, молёной, любезный* и проч., их дериваты и варианты.

ЛСГ «Ласкательное наименование человека» предполагает активное использование некоторых специфических «кодов», тематических метафор, из которых хотелось бы отметить «животный», «растительный», «родственный» и нек.

др. «коды». В применении к терминам родства об этом писала С. М. Толстая, отмечая, что одна система может становиться «донором» для других систем [Толстая 2009: 7–10].

«Животный код», т. е. зоометафоры, применительно к ЛСГ «Ласкательное наименование человека», часто включает лексемы *голубочек, соколик, зайка, заюшко, котёнок* и проч. См. в обращении пожилой женщины к мужу: *Ой, сейчас, подожди, котёнок! Ты куда, зайка, пошёл? Откуда я знаю, зайка моя! Толенька, пожалуста, зайка моя* (при обозначении мужчины со словами общего рода часто согласуется не только адъектив *мой*, но и адъектив *моя*). В качестве ласкового обращения или номинации может использоваться связанная с «животным кодом» соматика: *лапочка, лапонька, лапушка*.

Не менее значим в группе ласковых наименований и обращений «растительный код»: *ягодка, ягодинка, ягодиночка, малинка, малиночка, земляничка, зерно, зёрнышко* и проч. В ласковом обращении к ребенку: *Да што, моё зерно золотое, пошто плачешь? // Вот, моё зерно ты пионишно. // Ой, моё зёрнышко ретивое!* В ласковом обращении к девушке: *Моя ягодка да моя земляничка. // Ягодиночка моя, полёва земляницинка, возьмут в солдатушки меня, не плаць, не порти лицика.* В ласковом обращении к мужу: *Што, котенька, ягодка ты моя любимая?*

Используется код, который условно может быть назван «дорогим»: в ласковом обращении к женщине присутствуют лексемы *дорогая* и ее дериваты: *дороганушка, дорогашка, дорогаюшка, дорогеюнка, дорогиночка, дорогуночка, дорогуленька, дорогулька, дорогушенька* и нек. др. (см. соответствующие словарные статьи в (АОС 12); к любимому человеку: *дороганушко, дорогашечка, дорогеюшко, золотко*; субстантиваты *дорогой, драгоценный, серебряный, золотой* и проч. в муж. или жен. роде. Приведем обращение к любимому парню, возлюбленному: *Милый мой дра-*

гоценный, дорога забавушка, разлучила нас с тобой твоя желанна мамушка.

В обращении к младшим по возрасту, как и в номинации, регулярно используются лесе́мы *золотавушка, золотанушка, золотейко, золотенько, золотеюшка, золотеюшко, золотилко, золотинка, золотка, золотиночка, золотинушка, золотце, золотая* и *золотой*: *Она и до внучат-то больно добра, всё золотеюшки да голубеюшки. // Так и жили, золотёнько. // Сними цяйник, золотеюшка. // Всё, всё, серебрёюшки!*

Регулярно присутствует в ласковом обращении и в номинации «родственный» код: помимо лексем *родной, родимой* и их дериватов, используются термины кровного родства: *матушка, батюшка, братец*: *Возьми, родимой, возьми, тебе тётя Аня принесла. // Што вы, родимы! // Нет, кушайте, мои родимушки.* В обращении к чужим детям: *До крыльца не дойдёте, милиция вас возьмёт, идите к нам, родные.* В обращении к мужчине любого возраста, родственнику и неродственнику, в том числе к ребенку: *Коль, ничёво не говори, батюшка, ничёво. // Ой, Олёша, суп занеси, батюшко. // Братицы, ну-ко давай спробуем, половину сребём.* В обращении к женщине любого возраста, в том числе к девочке, родственнице и неродственнице: *Што ты, матушка, где нам держат скотину! // Хрёсна говоривала: «Всех ты, матушка, накормишь». // Я возлюбила вас, матушки.*

В отношении к неродственникам, младшим по возрасту, используются лексемы *дочка* (к лицам женского пола), *сын* (к лицам мужского пола) и многочисленные дериваты от корня *дет-* и других корней, обозначающих детей: *детонька, деточка, дитятко, чадушко* и проч.: *Вот такое дело, девушки-ребятушки. // Што вы, робятушка, у нас народ хороший. // Вы заваривали ли, детёши, чай? // Я через два-то года, детоньки, забыла писенки. // Детоуца, мне хлеба буханоуку. // Ты, чадо, смотри — дошла она*

баба. В записи попа Ивановского от 1851 г.: *Дитятко родимое* — ласковое приветствие от родных мальчику или девочке. // *И вот, доцка, я иду с обредни, с фермы, она мне говорит: Оксенья!*

Подобные ласковые обращения распространяются и на домашних животных: *Уже, кысонька, никуда я не уйду, голубушка. Желаннушка! Желанна ты, чадушко моё* (кошке). // *Дети мои, дети, пойдём домой, — хош с кошками поразговаривашь.*

В Словаре древнерусского языка лексемы *лада, ладо* поясняются как «ласкательное название супруга, возлюбленного и супруги, возлюбленной» (СлРЯ XI–XVII 8: 160). Иллюстрация на ‘супруга’ взята из «Слова о полку Игореве», где Ярославна называет *ладой* своего мужа: *Возлелей, госоподине, мою ладу ко мне, а быхъ не слала к нему слез на море рано* (орфография упрощена. — И. К.). В архангельских говорах в качестве ласкового обращения и наименования зафиксированы производные лексемы *ладушка, ладушко*. По отношению к девушке: *Да што ты, ладушка, куколка моя, зачем я тебя затруднять буду?* По отношению к ребенку: *Вот так тебе, моё золотое ты ладушко*. В фольклоре по отношению к мужу: *Мила моя ладушка, как лютая змея, не отпускает никуда. Отпустит ненадолго, сам на лавочке сидит, на лавочке сидит да в окошечко глядит и за мной, младой, следит.*

Часто ласковые обращения нанизываются одно на другое: *Голубеюшка, заюшка, белеюшка, замилушечка, збегай, золотейюшка, голубеюшка, поди домой дак. // Вот тут, сугревинуоцка, золотиноцка-то маленька. // Ты моя любинушка, ты моя золотиношка. // Со свекровкой выжила я тридцать три года, вот, золотко, вот, ягодка золотая. // Всяко вызову: золотой и серебряной, сладкой.*

При этом смешиваются родственники и неродственники; дети и взрослые; половая принадлежность: обраще-

ние *паря*, *брат* может быть направлено как к парню, так и к девочке/девушке, так же как и «составные» обращения: *девка-паря*, *паря-девка*, *парень-девка*, *паря-девушка*, *девки-ребята-братцы*: *Таки вот дела, девки-ребята-братцы*. Смешивается обращение к одному человеку и к нескольким, может смешиваться возрастной и социальный статус человека, что хорошо видно в составных обращениях: *девка-матушка*, *матушка-девушка*, *девки-бабы*, *девки-жёнки*, *девка-жёнка-бабка*: *Есть ли у тебя што, девка-жёнка-бабка?* (подробнее см. [Качинская 2004: 334–346]).

2. Наименования возлюбленного в архангельских говорах

На фоне значительного количества лексем, обслуживающих ЛСГ «Ласкательное наименование человека», специфических наименований возлюбленного оказывается не так много. В архангельских говорах для наименования мужчины, ухаживающего за девушкой (женщиной), ее поклонника, возлюбленного используется около 70 лексем. Для сравнения: для наименования любимой девушки, возлюбленной — около 40. Возможно, еще не все лексемы с названиями возлюбленной выявлены в огромной Картотеке АОС (Картотека АОС). Возможно, это объясняется экстралингвистическими факторами: Картотека АОС создавалась с конца 50-х годов, основными информантами, носителями традиционной культуры, преимущественно были женщины до 20-х годов рождения включительно, потерявшие сыновей, братьев, женихов, мужей на фронтах Великой Отечественной войны. Огромный пласт интересующей нас лексики функционирует в фольклоре, и фольклор этот «женский»: и по исполнению, и по тематике. Кроме того, многие лексемы одинаково используются и по отношению к женщинам, и по отношению к мужчинам, что мы уже наблюдали в группе «Ласкательное наименование человека».

К инвентарю лексем, обозначающих в архангельских говорах возлюбленного, относятся *бáрыши, бáрошник, беседник, беседничек, вечеровальник, добротот, дорогой, дроля* (и многочисленные дериваты), *друг, дружок, дружочек, завлекаша, залётка, залётина, залёточка, кавалер, казак, канáша, ладушка, любимой, любушка, макароля, мальчик, мальчишка* (и др. дериваты), *парень, паренёк* (и др. дериваты), *приятка, масет, масетка, масоточка, матаня, милой, миленькой, милёнок* (и др. дериваты), *молодец, ухажёр, ухажёрник, хахаль, хახель, ягодинка* (и др. дериваты), а также *злодей, мазурик, ухорез, хулиган, трепач*, субстантиваты *бажоной, молёной, желанной, дорогой, любимой, любой, любезной, милой, миленькой* и нек. др.

Самыми частотными названиями возлюбленного являются лексемы с корнем *дрол-* — более 10 дериватов: *дроля, дроленька, дролечёк, дролечка, дролик, дролиночка, дролишко, дроль, дролька, дролюша, дролюшка, дроляха* (АОС 12): *У тебя дроля-то есть? // Дроля — пока ещё не жонились, а ещё знакомятся. // Гуляешь — дак это дролечка, а выйдешь за него — муж будет. // Частушки мы поём только о праздники, когда чарочку выпьем, да про дролечку всё.* Чаше всего лексемы с упоминанием возлюбленного встречаются в фольклоре. В пословицах: *Што девок учить — только дролям письма писать. // Говорили тады, што учиться-то девкам не нать: «Только дружесвьям письма писать». // Отец меня в школу не спустил: «Зацем? Друговьям письма писать?»* В частушках: *Два платоцка полоскала, унесло да вынесло, во своёй деревне дроли для меня не выросло. // Дроля, дроля, дролечёк подари носовичёк, неужели я не стою девети копеечёк? // На германскую границу накидаю ёлочек, чтобы германские фашисты не стреляли дролечек.*

Иногда используется сразу несколько номинаций: *Быва, по кавалеру себе присмекали, по жениху? Кавалер да*

жоних. // *Пей, тоска пройдёт, скучаешь, может, о дро-
лечке, какой ле есть залётка-то? // И мотаню говори-
ли, и дролю, и утажёр — всяко. // Милый — только пар-
ня, да дролечка, да залёточка*. Множественная номинация
встречается и в фольклоре, чаще всего в частушке: *Я одену
бело платте, буду лебединочка, я сама-то некрасива, дро-
ля — ягодиночка*. // *Окаянная машина, куда дролю ута-
шшила, окаянный паровоз, куды матанецку увёз? // Изме-
нил меня матаня, говорит: гуляй одна, я одна гулять не
буду, хватит дролей для меня*. // *У милово поговорочка —
понимаешь да понимаешь, какой ты, лешего, беседничек —
сидишь не обнимашь!*

3. Мотивация

Чаще всего мотивация в номинации возлюбленного доста-
точно прозрачная. Это *друг* (*дружок, дружочек*): *А у де-
вушки дружок, дроля, значит, есть. // Подруга-то при-
шла с дружком*. В фольклоре: *Говоря, што некрасива,
некрасива, небаска, можот, тем шчаслива буду, замуж вы-
ду за дружка*. // *Наутро всех раньше вставала и милого
друга ждала... // Ешчо скажот друг бесценной — я при-
шла последний раз, я пришла к тебе проститься и навеки,
навсегда. // Я милу дружку наказывала, сердечному на-
говаривала...*

Возлюбленный может определяться по гендерному при-
знаку: *мальчик* (*мальчишка*), *парень* (*парнёк, парниш-
ко*), *молодец*: *Позавидовав девичьей жизни, позавидовав
мальчик лизой, стал нашаптывать девушке в уши, стал
нашаптывать ночью и днём... // Интересный-то маль-
чишко никогда так не пройдёт: или губки на улыбке, или
глазиком мигнёт! // Ой-йо-йо, какие горы, горы с перека-
тами! Не любовь, а наказание с этими ребятами! // А во
слезах дружка парня просила, говорила: Хоть-то немно-
жечко мы с тобой поживём, хоть немножечко с тобой
маленько, хорошенько, один маленько с тобой часок... // На*

высокую горушку поднимаетца **парнёк**, он идёт и узнават, где сударушка живёт. // Уточка выплывает, серая выплывает, удалой **молодец** девку завлекает.

Парень, с которым девушка гуляет во время молодежных собраний, — **беседник, беседничек, вечеровальник**: **А беседник** — кавалер, **дроля** по-старому зовётся. // Ну, небось **беседника** себе завела. // Был **беседник**, она с ѳим гуляла. // На Березнике девка задавилась из-за **беседника**. // **Беседничек** — кавалер, ухажёр. // **Вечеровальник** — то парень, кавалер. // У нас вечеровки, а кавалеры **вечеровальники** наши. // Сидели вецеровали, **вецерованник** рядом. // От к ней **вецерованник** ходиў — красивой такой парень. // Моей сестре **вецерованник**. В фольклоре: *Девушки, беда, беда, бесёдник* старее меня, он задумает, дак женитсе, а я дак молода.

Человек, который любит девушек, женщин, — **бáрыш, бáрошник**: Масет, кавалер, **барошник**. *А она бáрыша сбзвала к себе.*

Тот, кто увлек, завлек, — **завлекаша**: *У тебя есть завлэкаша?* В фольклоре: *Завлекаши, да не наши, наши ой далёко да, наши ой далёко да, не придут на вечер суда.*

Ухажёр (ухажёришко) — тот, кто ухаживает за девушкой: **Ухажёр** да кавалер — всяко говорили. И **дроля**, и **милёнок** — всяко говорили. // **Ухажора** дружок звали, дружок да подруга. В фольклоре: *Дайте в лодоцку-мотороцку мотор, мотор, мотор, я поеду на ту сторону, где дроля ухажёр. Подружка моя, пойдём садики садить, чтобы нашим ухажёрам было весело ходить.* — *Подружка моя, не пойду я сад садить, у меня нету ухажёра, ко мне некому ходить.* // **Ухажёрик, ухажёрик, ухажёрик** молодой, кабы ты за мной ухаживал, не я бы за тобой! // **Ухажёрика** любила боле полугодика, не миновать сырой земли — сколоченого гробика. Комментарий информанта: *Уйти в землю от любви-то.*

Дроля и производные — возможно, являются дериватами от глагола *дрóбить* ‘оказывать внимание кому-н., любить кого-н.’. Этот глагол близок глаголу *дрóчить* ‘беречь, лелеять, заботиться о ком-н., ухаживать’; ‘потакать кому-н., потворствовать, баловать, нежить’; ‘ласкать, гладить’ (АОС 12): *У меня веком был дроля из своей волосте, а меня не отдали — житьё худое. В фольклоре: Среди большого клуба одна девушка дроблю, не робоччэго, а служашшэго дролечку люблю.*

Милёнок (милёночек), доброхот, ладушка, приятка — ‘милый, любимый, добрый, приятный человек’: *Дролей-то уж называли в частушках, и милёнок. // А вот я выглядела тебе доброхота. В фольклоре: У кого в кармане семя? Семя, семя у меня. У кого милёнок Сеня? Сеня, Сеня у меня. // Се пришли да се пришли, по порядку сели, моего милёночка, видно, волки съели. // На германского царя надо бы винтовоцка, на германской на войне убили-то милёночка. // У милово моего матка грезнопятая, ты скажи, приятка, матке, штобы пятки спрятала.*

«Животный код» применительно к возлюбленному включает лексемы *голубочек, голубчик, сокол, соколик*: *Всё поджидала из армии голубчика. В фольклоре: Я писала голубчику всё по целому денёчику. // Сердце чует, сердце чует, где-ка дролечка ночует, в лесике у дубчика — жаль его, голубчика. // Я-то немало слёз да ронила, говорила, по тебе-то, голубчик мой! // Я плясала, топала, себе искала сокола, такого сокола — красивого, высокого. // Отлетает мой соколик-россоколик из очей-то моих да из глаз...*

«Растительный код» главным образом связан с лексемой *ягодина* и ее дериватами *ягодин, ягодиночка, ягодинушка, ягодка*, что, по-видимому, определено представлением о ягоде как о чем-то сладком, приятном: *Ягодина дорогой* — это любой (любимый) человек, ты с кем дружишь, он тебе приятный. // Всяко называли: дроля, ягодина и кавалер. *Ягодинкой-то называли. Это всё давнишни слова. //*

Ягодиночка — как теперь ухажёр. Дролей называли, **ягодиной**. // **Ягодиночка** — мальчик, кавалер, вроде как любимый. // Дроля, **ягодиночка**, супостат означает любимый. Вот одно слово «любимый»: сколько слов — дроля, **ягодиночка**, супостат. В фольклоре: Дроля, **ягодка моя**, прилети на вечерочек... // **Ягодина, ягодина, ягодина, ягода**, на словах тебя забыла, а на сердце никогда. // **Ягодинка ягодка**, я любила два годка, два годочка восемь лет, никакой говори нет. // **Ягодиночка ты мой**, сирень голубоватая, давай по-старому гулять, пускай я виноватая. // Не бывать нам в сельсовете, не стоять рука с рукой, не записываться в книгу, **ягодиночка**, с тобой. // **Ягодина, ягодина, ягодина, ягодин**, до чего ты дозаноисся, останесся один. // **Ягодиночку** убили под германским бережком, ево русые кудёрышки засыпало песком. // **Ягодиночку** убили, не поставили креста, токо общая могила цёловёк четыреста. Помимо дериватов с корнем *ягод-* зафиксированы лексемы с названием конкретных ягод: **клюквинка, малиночка**: Ой, какая я была, любила три **малиночки**: тракториста, машиниста, шофёра в кабиночке. **Ягодинка клюквинка**, тебе двадцать два годка, а мене семнадцать лет, гулять с тобой расчёту нет.

Лексема **кавалер (ковалер)** имеет иноязычную этимологию — от фр. ‘всадник’ (Фасмер 2: 152), но широко распространена во всех слоях русского общества, в том числе в современной деревне: *Некогда было гадать, некого и выгадывать — кавалеров не было.* // *Вы не завлекли никаких ковалеров-то?* // *Там кавалер пришёл василёвской.* **Кавалеры** были ваймушские. // *Есть какой-то там у ней кавалеришко.* // *Там один кавалер был, она стала с ним сознаватсы, с ним стала гулять.* Иногда это слово осознаётся как новое: *Дроля — а сечас кавалер.* В фольклоре: **Кавалер ты, кавалер, воротник, вишь, огорел.** // *Надо, надо нам уехать, надо нам уволиться, в Кушкопалы деревни ковалеров не находится.* // *Я и так, я и сяк, и таким*

манером, почему бы не сплясать с этим ковалером? // Пойдёмте, девки, по домам, ковалеры не по нам, при галошах — занятые, без галош не надо нам.

Лексема **казак**, по Фасмеру, из тюрк. ‘свободный, независимый человек, искатель приключений, бродяга’ (Фасмер 2: 158). В архангельских говорах слово **казак** обычно означает либо наемного работника, батрака, либо самца животного, птицы, рыбы. Фразеологизм **вольный казак** может быть использован по отношению к любому человеку, свободному от каких-либо обязательств, от работы, в том числе к женщине. В значении ‘юноша’, ‘возлюбленный’ фиксируется только в фольклоре, в лирических («казачьих») песнях: *Один был из козаков, сбирался на битву, проишался с женой... или По Дону гуляет казак молодой... // За ключёвою водой раскрасавица пришла, вёдра ставила, недо ставила, молодой казак пришёл коней поить, не коня он поил, а всё девку манил, всё приманивал да уговаривал.* В частушках не зафиксировано.

Лексема **хакхаль**, по Далю, ‘обманщик, плут, надувала, принимающий вид порядочного человека’; ‘волокита, любовник’, ‘насмешник’ (Даль 4: 1170). По Фасмеру (со ссылкой на Махека), одна из этимологий — от пол. **коханье** ‘любовь’ (Фасмер 4: 227). По материалам Картотеки АОС фиксируется и как ‘любовник’, и как ‘возлюбленный’. Как ‘любовник, гражданский муж’: *Не знай, сына лишиться или хакхеля взять? Всё и жила вдовницей, никакого хакхеля не нашла. // Я пишу: Юра, я возьму приёмыша (мужа, который будет жить в доме жены). У меня четверо детей да мне хакхеля взять, мне-ка беда с ими.* В качестве возлюбленного **хакхаль**, **хакхель** упоминаются гораздо реже: **Хакхаль** — *ухажёр, кавалер.*

Иногда мотивация не столь очевидна или вовсе не очевидна.

Залётка (*залётина, залёточка, залётушка*) — возможно, речь идет о каком-то чужом молодом человеке, кото-

рый *залетел* в деревню; возможно, речь идет о неожидан-
но прилетевшей любви: *Залёточка* — женишок. // *Залё-
тоуца* — завлека который парень. В фольклоре: *Кольцо на
руке, дак залётка на уме.* // *Выхожу и начинаю, выхожу
и говорю: как меня залётка любит, так и я его люблю.* //
*Не форси, залётина, у вас рубашка тётина, а штанишки
дядены, христа ради дадены.* // *Ты залёточка, залётка,
залетучие глаза.*

Есть слова с неясной этимологией (возможно, иноязыч-
ной) и, соответственно, с неясной мотивацией: *канáша, ма-
сёт, матáня*. *Масет* — это дружок твой. // *Как зовут
твоего масета?* // *Масетка* — это невеста, а жених —
это масет. // *Вон мой дроля идёт, да ишо говорили канá-
ша, мотаня, да всяко.* В фольклоре: *Ты масетка, я ма-
сет, сошей, масеточка, кисет.* // *Супостатка, не косить,
тебе матани не отбить, на твои колени сядет, на ме-
ня будет глядеть.* // *Всё сердечко о тебе, матаня, избо-
лело.* // *Изменил меня матаня, говорит — гуляй одна, я
одна гулять не буду, хватит дролей для меня.*

4. Гендерный аспект

Многие лексемы из вышеназванных (*дроля, дролечка,
ягодка, ягодинка, милушка, матáня, канáша* и нек. др.)
могут использоваться по отношению к девушке, к возлюб-
ленной, но несопоставимо реже, чем по отношению к парню:
*И со стороны девушки называли дролечка, и со стороны
парня — дролечка.* // *А дроля ещё есть слово. Это то-
же ягодиноуца. Это и мужчина, и женщина дроля, кто
с кем дружит.* // *Серёже жениться надо, а дроли не на-
шёл.* // *Он расскажет, сколько дролек у его было, много-
то, всё расскажет.* // *Дролеуца, наверно, егова.* // *Какую-
нить найдёт дролюшу да женится.* // *Маша — канаша
твоя?* // *Ягодиночка, супостатка — то любимая, за-
лётка.* // *Ягодиночка называли то же и парня, и девуку.*
В фольклоре: *Я ходил к матане летом, а она ко мне зимой,*

я кормил ее конфетой, а она меня латшой. Ягодиночка моя какая незговорная... Есть пример, где *ягодиночкой* одновременно оказываются и девушка (в первом случае), и парень (во втором): *Ягодиночка с кудриночкой, далёко ли пошла? — Ягодиночке в дяляночку гостинцев понесла.*

Без соответствующих комментариев или контекстов не очевидно, что слова общего рода в архангельских говорах часто используются по отношению к мужчине: *Ягодиночка на льдиночке, а я — на берегу, перекинь, милой, тесиночку, к тебе перебегу. // Вы, германци чёрные, воевать задорные, из-за вашей силушки погибают милушки.* Номинация и обращение к мужчине могут сопровождаться как адъективом *мой*, так и адъективом *моя*: *Ягодиночка ты мой, ты неладно делаешь, ты завлэк моё сердечко, разу не проведешь. // Ягодиночка моя ни пьёт ни пива, ни вина, да табачку ни курил, веселенькой не гуливал. // Жонится-венчается моя-то ягодиночка, всё ровно не расцветёт, спвянет, как травиночка.* Встречаются варианты: *Погодите, не летите, белые снежиночки, дайте поле перейти моёму ягодиночке. // Погодите, не летите, белые снежиночки, дайте поле перейти моей-то ягодиночке.* То же в обращении: *Ягодиночка ты мой, разлука пала нам с тобой, разлука пала из-за девушки, скажи, из-за какой. // Я люблю, а он не верит, ягодиночка моя... // Дролечка, дролиночка, севодня вечериночка, с кем ты будешь целоваться, моя ягодиночка? В смертном причитании появляется свой *млада милая*: *Опустила я, победная, своево-то младу милую, не в любую путь-дороженьку, из этой-то путь-дороженьки нету пешего-то выводу, нету птицьего-то вылету, нету конного-то выезду...**

5. Субстантивация

В качестве номинации возлюбленного могут использоваться субстантиваты *дорогой, желанной, любимой, любой, любезной, милой, миленькой* и др.: *Мой желанной явился — дорогой* значит, *любимый, любушка* ещё (называют). // *Желанный* нет никого. // *Залётка — любимый*. // *Груди зудят — любой* (любимый) *жалёт, любой* — кавалер-то, а не *любой* — дак не жалёт. *Любой* — ну ты ево примерно любишь, *любой* тебе. В фольклоре: *Песни петь не мастерица, заставляет дорогой, сам в тальяночку играет — дорогая, песни пой*. // *Дорогому* за изменушку *нажарила грибов, кушай, кушай, ягодиночка, за старую любовь*. // *Дорогово* не виню, сама не виноватая, *разлучила, развела Германия проклятая*. // *Вы повешайте Ванюшу на шелковый поясок, пусть княгинюшка посмотрит на любимого разок*. // *Не так далек от ней любимый, в пети шагах только стоял, она увидела, вскричала, сказала: вот где жись моя!* // *На ту пору на тот час самый любезный* *приезжял, со добра коня слезал, со добра коня слезал, коня к кусту привезал, одной девушке сказал: Пойдем, девка, пойдем, красна, во зелёный сад гулять...* // *Раскудрявая берёзка стоит близко у реки, милый, я твоя невеста, ты меня побереги*. // *Полубила я милого, а не попала за его — не хватило капитала у папаши моего*. // *Говорила я милому: не богатого я дому. — Дорогая ты моя, не выбираю я дома*. // *Почталъйон идёт ф помещеньице — несёт от милово да извещеньице, извещеньице — конвертик синенький, а в нём написано: убит ваш миленький*.

Эти же субстантиваты в женском роде используются для номинации возлюбленной.

6. Возлюбленный — любовник

Многие лексемы, обозначающие возлюбленного (*друг, дружок, дроля, кавалер, ухажёр* и др.), получают также значение ‘любовник’: *С дружком живёт, живёт и не расписывается. // Любовник дружок называли по-прежнему. // Она ушла к другу да в двенадцать часов ночи пришла. // Дружесвёей безчётно перевела. // И мужья бьют, и друговья бьют. // Она всё водила миляшов, водила, дак вот доци-то и науцила. // Муж не муж, доброхот тоже был, да бросил. // Ко мне молодец ходил, а щас боле не пускаю. // Дролю нашла, да муж не знает. // Галина с кавалером живёт. // Она збалуется тут, вишь, каки хахали, хапат, за каждым углом има (хватают), за юбку тянут.*

7. Возлюбленный — хулиган

Возлюбленный не всегда является человеком, наделенным исключительно положительными качествами. Достаточно регулярно, с точки зрения обыденной морали, он имеет качества отрицательные. Так, например, *трепач* — ‘человек, который любит сразу много женщин (девушек)’, часто изменяет своей возлюбленной: *Моя дролецка трепачь, с кажинной девкой трепется, моему-то трепачю кажинна девка гленется.*

Лексема *злодей* часто используется в качестве приложения к слову *жених* в плаче невесты: *Ой, хотят-то меня, молодёшенку, хотят-то взамуж отдать, наехал вот злодей жених на конех-то вороных.* Эта же лексема используется и по отношению к возлюбленному: *Горевала, горевала, грудью на воду упала, на воды сказала: Ну! Из-за тебя, злодей, тону.* Комментарий информанта: *Во так из-за нёгб в воду пошла.*

Отчаянный удалой парень, который любит драться, задирается, показывать свою удаль, особенно нравится девуш-

кам. Многие лексемы, в числе основных значений имеющие сему ‘хулиган’, развивают значение ‘возлюбленный’, например *злодей*, *ухорез*, *хулиган*, *мазурик*, *жулик* и др. С одной стороны: *Хулиганы, хулиганы, хулиганы, да не мы, есть такие хулиганы, не выходя из тюрьмы*. С другой: *За реку переезжала, а реку зовут Курган, две фамилии у милого: трепацъ и хулиган*. // *Ягодиночка моя далёко за Уралами, молодая девочка гуляет с хулиганами*. // *Дроля в город — я вдогоночку за ним ударила: хулиганская головушка мне понравилась*. // *Хулиган мальчишка я, любят девушки меня*.

Слово *мазурик* имеет несколько значений, основное — ‘драчун’, ‘обманщик’: *Мазурик — это плохой характер, драчун*. // *Вот какой мазурик-то, мужиков-то так раньше ругали*. // *Который мазурик опять парня налупил?* // *Мазурики-те набили его*. // *Мазурик — парень, он такой нехороший, фулюган*. // *Омманул мазурик*. В то же время *мазурик* — ‘красивый парень’: *Мазурик — выходной, красивый парень, боевой*. Он же — ‘возлюбленный’: *Ни отец, ни мать, ни брат — никто мазурику не рад, девка молодёшенька мазурику радёшенька*.

То же видим в значениях лексемы *ухорез*. Центральное значение: ‘хулиган, драчун, вор’: *Мы ребята ухорезы, мы пришли из-за реки, ноцевали у сапожника — стащили сапоги*. Комментарий информанта: *Зарезать хотят человека — так ухорезы*. // *Мы ребята ухорезы, у хозяина живём, мы хозяина зарежем, а с хозяйкой спать пойдём*. Комментарий: *Ухорезы-ти? Вино пьют да дурачат живут — всё такие. Ухо режут — дак цё хорошего? Не назовёшь хорошим мальчиком*. Но в то же время: *Мы ребята ухорезы, ухорезы чистые, с нами девушки гуляют самые форсистые*. // *Мой милёнок ухорез, под окошечку залез: подкатил к окошку чурочку и сам в окно залез*. *Ухорез значит молодец, боевой, смелой*. // *Мой милёнок ухорез — какая там дальше строчка? Ухорез — смелый, наверно*.

Жулик — ‘вор, бандит, разбойник’, а также ‘обманщик, мошенник, плут’: *Вот беда-то — это жулик идёт, вор. Там щас жулики только ходя, зоны стоя, там это по-тюрьмщики (заключенные) живут. Всё везде ворьё, жулики! Жулики роботать-то не хочут горбом-то.* В то же время *жулик* — возлюбленный: *Что ты, дроля, губы дуешь на весёлую меня, ты в деревне — первый жулик, я и то люблю тебя!*

Работа выполнена на материале архангельских говоров (вышедших 16 выпусков АОС, Картотеки АОС и личных полевых записей автора). Однако модели семантических переходов представляются нам универсальными, характерными для многих языков мира.

Литература

Качинская И. Б. Свет ты мой миленький дружок: номинация и обращение (по материалам архангельских говоров) // Материалы и исследования по русской диалектологии. II (VIII) / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2004. С. 334–346.

Толстая С. М. Категория родства в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия) // Категория родства в языке и культуре / Отв. ред. С. М. Толстая. М., 2009. С. 7–22.

Из истории исследований русских говоров юга Нижегородской области

*Л. А. Климкова, Е. Ю. Любова,
О. В. Никифорова, Г. Н. Тюрина*

Представлены этапы, направления, итоги работы арзамасских диалектологов по изучению русских народных говоров, в основном на территории Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья, в течение 60 лет, а также её перспективы.

Ключевые слова: собирательская деятельность, интерпретация, диалектная микросистема, региональная лексика, апеллятивы, онимы, словарь, атлас, хрестоматия, лингвокраеведение

Начало диалектологической работы в Арзамасском педагогическом институте относится к 1955 г., когда состоялась первая экспедиция по обследованию русских народных говоров. Инициатором и руководителем (до 1979 г.) этого направления деятельности вуза была А. З. Трубачёва, выпускница аспирантуры МОПИ им. Н. К. Крупской (ныне — Московский государственный областной университет), ученица профессора П. Я. Черных. С тех пор работа по изучению русских народных говоров ведется у нас, не прерываясь, вот уже 60 лет. За эти годы мы несколько раз, на разных этапах оценивали её значимость и итоги, начиная с коллективной статьи: *Климкова Л. А., Сахарова С. Р., Трубачева А. З., Юрасова В. В.* Изучение говоров южных районов Горьковской области // *Диалекты и топонимия Поволжья. Чебоксары, 1979. С. 101–114.* В последующие годы были изданы статьи Л. А. Климковой, к которой с 1979 г. перешло общее руководство диалектологической работой:

Направления, итоги и перспективы изучения говоров юга Нижегородской области // *Актуальные проблемы современ-*

ной русистики: Тезисы докладов 2-ой региональной научно-практической конференции. Арзамас: АГПИ, 1994. С. 24–25;

К региональному компоненту в преподавании русского языка в сельской школе // Совершенствование содержания и методов обучения в сельской школе. Арзамас: АГПИ, 1998. С. 15–25;

Нижегородские говоры как объект изучения // Русские народные говоры: история и современность: сб. ст / Отв. ред. Л. А. Климкова. Арзамас: АГПИ, 2005. С. 127–133;

Этапы полувекowego пути. Вместо предисловия // Народная поэзия Арзамасского края. Предания. В двух книгах. Книга вторая: У народной памяти много слов. Арзамас: АГПИ, 2005. С. 199–203;

Диалектологическая практика в системе подготовки учителя-словесника // Педагогическая практика в системе подготовки современного учителя: материалы второй Всероссийской научно-практической конференции. Арзамас, 10–12 марта 2010 г. / Отв.ред. И. В. Кудряшов. Арзамас, 2010. С. 43–48;

Лингвокраеведение: объем, содержание, значимость // Русское слово и Костромской край: сб. статей / Отв. ред. Н. С. Ганцовская, О. Н. Крылова. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 457–465;

Лингвокраеведческая работа: состояние, динамика, перспективы // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2014. № 6. С. 182–185;

Территориальные диалекты в общерусском пространстве: некоторые акценты // Трубачевская соборная встреча: сб. материалов научных чтений. Вып. 2 / Под. ред. Г. В. Егоровой и В. И. Супруна. Волгоград: Изд-во МОУ ИДОД «Олимпия», 2014. С. 63–70; и др.

Собранный в течение ряда лет фактический диалектный материал лег в основу учебных пособий того же автора для студентов:

Региональная ономастика. Микротопонимия Арзамасского района Горьковской области: учебное пособие к спецкурсу. Горький, 1985. 97 с.;

Диалектолого-ономастическая работа в вузе и школе: методические рекомендации. Арзамас, 1988. 91 с.; и др.

В целом диалектологическая работа на кафедре русского языка Арзамасского пединститута прошла ряд этапов:

1955–1962 гг. — сбор и оформление сведений для Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ); по заданию Института русского языка АН СССР были обследованы отдельные говоры Новгородской, Калининской, Костромской, Горьковской областей;

с 1963 г. по сей день — сбор региональной лексики для Диалектного словаря Горьковской (Нижегородской) области; формирование и пополнение кафедральной картотеки; интерпретация материалов; именно с 1963 г. собирательская (и соответственно интерпретационная) деятельность сосредоточилась на территории Горьковской (Нижегородской) области, в основном Окско-Волжско-Сурского междуречья;

с 1970 г. по сей день — сбор онимии — топонимов, микротопонимов, неофициальных антропонимов (прозвищ, уличных фамилий, трансформаций личных имен); формирование и пополнение кафедральной картотеки; интерпретация материалов; неофициальная онимия рассматривается как компонент лексического уровня диалектных микросистем;

1976–1977 гг. — изучение говора д. Михнево Ефремовского района Тульской области для Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА);

1987–2007 гг. — сбор и интерпретация диалектного апеллятивного и онимического материала для «Энциклопедии российских деревень» (по линии одноименного Всероссийского научного и культурно-просветительского общества, возглавляемого Всероссийским институтом аграрных проблем и информатики РАСХН);

с 1989 г. по сей день — сбор материалов для Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ), лингвогеографическая интерпретация лексики, подготовка карт.

Из них три этапа с отметкой «по сей день» с года своего начала являются сквозными. Кроме того, на всех этапах лингвокраеведческой работы записывались тексты разных жанров, часть которых опубликована в хрестоматии «Речи родимой бескрайняя даль...». Говоры Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья. Арзамас: АГПИ, 2009. 265 с. В ней 420 текстов разного объема и разных жанров, расположенных по районам (25 районов Окско-Волжско-Сурского междуречья) и годам (с 1990 по 2008 гг.), оформленных в фонетической записи и документированных через адрес и данные об информантах, с отдельным списком фамилий студентов-собрателей материала. Еще раньше несколько текстов, записанных нашими преподавателями и студентами, вошли в хрестоматию, составленную ярославским исследователем Г. Г. Мельниченко (М.: Просвещение, 1984. С. 69–71).

Изучение нижегородских говоров на протяжении шестидесяти лет шло в русле направлений, проблем всей русской диалектологии, всей русистики, углубляясь, расширяясь в соответствии с задачами времени, с формированием и сменой научных парадигм.

Арзамасскими диалектологами исследовательская работа велась и ведется по разным направлениям:

— Интерпретация речевого материала в русле различных парадигм — системно-структурной организации языка, историзма, когнитивизма, антропоцентризма; с разных позиций — ономаσιологической, семасиологической, системно-функциональной, структурно-деривационной, функционально-дискурсной; в аспекте прагматики, языковой картины мира, языковой личности; с последнего десятилетия XX в. в собирательской и интерпретационной деятельности диалектологов особенно актуализирован дискурсный компонент — за-

пись и всесторонний анализ в русле названных парадигм текстов разного характера, в частности жанра воспоминаний (см. названную выше хрестоматию);

— Этно-, социо- и историко-лингвистический, историко-культурологический аспекты интерпретации диалектного материала, в том числе через призму (лексико-) семантических полей и концептов, прежде всего — суперконцепта *русскость*, а также *человек*, *дом*, *семья*, *время*, *пространство*, *память*, *сакральность*, *жalousть* и др.;

— Анализ и описание онимического пространства Нижегородской области, микропонимии, неофициальной антропонимии юга Нижегородской области, Окско-Волжско-Сурского междуречья как историко-культурной зоны;

— Лексикографическое описание региональной лексики, представление её в диалектном словаре Нижегородской области (ДСНО), а также в микропонимическом и микроантропонимическом (словаре прозвищ);

— Исследование лексики диалектных микросистем лингвогеографическими методами (так, например, применен ареальный метод относительно некоторых лексем тематических групп «головные уборы», «свадебный обряд», микропонимов социального характера), с выходом за пределы Окско-Волжско-Сурского междуречья в Европейскую часть России в связи с подготовкой ЛАРНГ;

— Проблема взаимодействия языков и связанные с ней проблемы этимологизации лексики, заимствования в диалектах; рассматривается она, прежде всего, на онимическом материале, зафиксированном в населенных пунктах со смешанным населением при его двуязычии — мордовско-русском или русско-мордовском, татарско-русском или русско-татарском;

— Изучение региональных черт языка местных памятников письменности, в частности — Арзамасских поместных актов (1578–1618 гг.), «Писцовой книги Арзамасского уезда XVII в.»;

— Изучение одного из локальных социолектов, тайных условных языков кустарного валяльного дела — матрайского (при сопоставлении с фиксацией и анализом его словаря в 60-е гг. XX в. профессором В. Д. Бондалетовым);

— Выявление и анализ региональных черт языка произведений устного народного творчества — сказок, частушек, песен, присловий, быличек, преданий и легенд, в том числе топонимических, и др., прежде всего зафиксированных во время диалектологических экспедиций и практики;

— Анализ и описание регионального компонента языка художественных произведений, прежде всего — писателей-земляков: П. И. Мельникова-Печерского, А. П. Гайдара, Н. И. Кочина, С. И. Шуртакова и др.

Горьковские-нижегородские материалы, собранные и интерпретированные преподавателями и студентами Арзамасского педагогического института, вошли в труды, имеющие непреходящее значение для русской нации, ее истории, культуры, науки. Так, материалы 1-го этапа работы задействованы в лингвогеографических источниках: Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы (М.: Наука, 1957), Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР (в 3-х вып. М.: Наука, 1986, 1989, 1996), в монографиях: Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. По материалам лингвистической географии (М.: Наука, 1970); *Захарова К. Ф., Орлова В. Г.* Диалектное членение русского языка (М.: Просвещение, 1970).

Материалы обследования говоров в последующие этапы использованы в таких источниках, как Лексический атлас русских народных говоров. Пробный выпуск (СПб.: Наука, 2004; руководство работой осуществляется Институтом лингвистических исследований РАН), Общеславянский лингвистический атлас, Диалектный словарь Нижегородской области (опубликованы два выпуска; работа ведется совместно с лабораторией лексикографических исследований имени

В. И. Даля при кафедре истории русского языка и славянского языкознания ННГУ им. Н. И. Лобачевского).

Результаты разноаспектного осмысления, интерпретации зафиксированной за многие годы региональной лексики отразились в проведенных научных конференциях, в издательской деятельности кафедры, в квалификационных работах.

Так, с 90-х гг. XX в. кафедрой русского языка и научной лабораторией диалектологических исследований проведены семь научных конференций различного ранга: «Актуальные проблемы современной русистики» — 2-ая региональная научно-практическая конференция (1994 г.); «Актуальные проблемы изучения русских народных говоров» — межвузовская научная конференция (1996 г.); «Русские народные говоры: история и современность» — Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 50-летию диалектологической работы в Арзамасском государственном педагогическом институте (2005 г.); «Региональная лексика в историко-культурологическом аспекте» — межвузовские диалектологические чтения (2006 г.); «Русское народное слово в языке и речи» — Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 75-летию Арзамасского государственного педагогического института (2009 г.); «Русское слово: прошлое, настоящее, будущее» — Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием (2012 г.); «Русский язык как государственный язык Российской Федерации: лингвистический, ценностный, эстетический, социальный, историко-культурный статус» — Межрегиональная конференция по вопросам функционирования русского языка... Секция «Русский язык: региональный аспект» (2012 г.).

Кроме того, арзамасские диалектологи активно участвуют с докладами по своим темам в конференциях, проводимых в других городах, в других вузах. Так, например, профессор Л. А. Климкова только с 2000 г. приняла участие в 50 конференциях очно, не считая заочных и межвузовских, все-

российских, проведенных в Арзамасском вузе другими его кафедрами.

Кафедрой русского языка АГПИ издано 20 отдельных работ — сборников материалов конференций, проведенных на базе Арзамасского пединститута, и монографий (на региональном или в том числе региональном материале), учебных пособий, микротопонимический словарь в 3-х выпусках (более 66 п. л.). Диалектологами, включая аспирантов, опубликовано в разных источниках в общей сложности свыше 470 статей по разным проблемам диалектологии, регионалистики. Ими на нижегородском материале выполнен и защищен в Москве также ряд диссертаций: 3 кандидатские (по субстантивному словообразованию в говорах юга Горьковской области — Климкова Л. А., 1969 г.; по лексической синонимии в говорах Гагинского района Горьковской области — Сахарова С. Р., 1971 г.; по свадебной лексике в нижегородских говорах — Никифорова О. В., 1996 г.), 1 докторская (по нижегородской, окско-волжско-сурской микротопонимии — Климкова Л. А., 2008 г). В 1994 г. при кафедре была открыта аспирантура. В ней под руководством проф. Л. А. Климовой подготовлено 14 кандидатов филологических наук, из них восемь выполнили диссертации целиком на региональном материале:

1. *Балова Е. Ю.* Демонологическая лексика в говорах Правобережья Нижегородской области. Нижний Новгород, 1999.

2. *Коршунова Л. С.* Лексико-семантические группы глаголов говорения, мыслительной деятельности, чувства в говорах Нижегородской области. Нижний Новгород, 2002.

3. *Волгина О. В.* Служебные слова в нижегородских говорах. Киров, 2008.

4. *Назарова И. В.* Лексика женских головных уборов в говорах юга Нижегородской области. Киров, 2008.

5. *Забродкина Е. А.* Семантическое поле «дом» в русских народных говорах. Киров, 2009.

6. *Маринин А. В.* Лексика промыслов и ремесел в говорах Вадского района Нижегородской области. Киров, 2011.

7. *Власкова М. В.* Языковая личность бывшего сельского жителя. Киров, 2012.

8. *Гузнова А. В.* Прозвищная номинация в арзамасских говорах (части нижегородских). Нижний Новгород, 2016.

Три диссертации выполнены с включением регионального материала:

1. *Власова К. А.* Словообразовательные гнезда *молодой — старый* в русском языке (Опыт разноаспектного сопоставительного анализа). Нижний Новгород, 2002.

2. *Суслова С. С.* Словообразовательные гнезда *делать, работать, трудиться* в современном русском языке: семантический аспект. Киров, 2009.

3. *Грошева Т. Н.* Словообразовательные гнезда *бедный, богатый* в современном русском языке: семантический аспект. Киров, 2010.

В настоящее время по региональной тематике определены и выполняются магистерские работы.

Большая часть диссертаций выросла из студенческих выпускных квалификационных работ (ВКР). Они были введены в учебный план кафедры с 1974 г., названные вначале дипломными работами. За 40 с лишним лет их выполнено по кафедральным направлениям более 200. В качестве иллюстрации см. некоторые темы ВКР в последние годы:

2011 г.

Горюнова О. В. Неофициальное онимическое пространство в говоре села Пасьянова Шатковского района Нижегородской области;

Киселева Н. Н. Матрайская лексика в говоре с. Красного Арзамасского района Нижегородской области;

Пылаева Н. В. Мифологическая лексика в говорах Арзамасского района Нижегородской области.

2012 г.

Анисимова Е. А. (ОЗО). Урбанонимия г. Мурома Владимирской области;

Викторова Ю. Г. Онимическое пространство с. Красного Сеченовского района Нижегородской области;

Ломтев А. А. (ОЗО). Мифологическая лексика в диалектной микросистеме;

Моровова Е. А. Неофициальное онимическое пространство с. Кологреева Ардатовского района Нижегородской области;

Мурзаев С. Н. Онимическое пространство с. Акузова Сергачского района Нижегородской области;

Ракутина Л. В. (ОЗО). Диалектизмы и их функции в романе Н. И. Кочина «Парни».

2014 г.

Горшкова И. С. Лексико-семантическое поле «верхушка дерева» в русских народных говорах (на материалах карты Л 87 ЛАРНГ);

Гулеватая Д. В. (ОЗО). Микротопонимическое пространство с. Дивеево Дивеевского района Нижегородской области и его окрестностей;

Петрова В. В. Лексико-семантическое поле «ветвь дерева» в русских народных говорах (на материалах карты Л 88 ЛАРНГ).

2015 г.

Егорышева А. П. Система неофициальных имен в говоре с. Кремёнки Дивеевского района Нижегородской области;

Корсакова С. П. Регионализмы в прозе А. П. Гайдара.

В традициях кафедры с самой первой экспедиции — организация учебно-практических конференций по результатам экспедиций (позднее практик) с выпуском газеты-бюллетеня. В качестве примера приведем программу последней конференции по итогам диалектологической практики 2015 г. (участники — студенты 3 курса историко-филологического факультета):

1. *Корчагина Ю. В.* Фрагмент микропонимического пространства с. Атемасова Ардатовского района Нижегородской области.

2. *Попкова Н. Н.* Виконимы в говоре с. Бахтызина Вознесенского района Нижегородской области.

3. *Васяева К. О.* Прозвищная номинация в говоре с. Янова Сергачского района Нижегородской области.

4. *Пеженкова Т. П.* Неофициальная антропонимия в говоре п. Берещино Первомайского района Нижегородской области.

5. *Панкратова Е. В., Матвеева В. Е.* Речевой портрет Владимира Петровича Панкратова.

6. *Есаева А. М.* Языковые особенности частушечного дискурса в говоре п. Берещино Первомайского района Нижегородской области.

Сопровождение: видеопрезентация; аудиозаписи речи информантов; исполнение частушек; газета-бюллетень.

Обмен мнениями о полевой работе (участники диалектологической практики), о конференции.

За 60 лет через диалектологическую работу в виде экспедиций, практик, курсовых и дипломных (ВКР) исследований, спецкурсов, спецсеминаров, кружков, участие в учебно-научно-практических конференциях прошли около 6000 студентов очного и заочного отделений филологического факультета. Многие, став учителями, продолжили диалектологическую работу с учащимися средних школ.

В разные годы на кафедре работали такие диалектологи, исследовавшие нижегородские говоры, как: доцент †А. З. Трубачева (о ней мы уже говорили выше), доценты С. Р. Сахарова, †В. В. Юрасова, старшие преподаватели †С. И. Ламохина, Л. Г. Мачалова.

С. Р. Сахарова — исследователь парадигматических отношений в диалектной лексике, в частности синонимических, также занималась изучением региональной сельско-

хозяйственной терминологии, в том числе зафиксированной в «Арзамасских поместных актах 1578–1618 гг.».

В. В. Юрасова рассматривала историко-лингвистические проблемы на материале лексики говоров и исторических памятников.

С. И. Ламохина начинала вплотную заниматься анализом и описанием лексики природы в нижегородских говорах. Она участвовала в авторском коллективе создания статей: *Климкова Л. А., Ламохина С. И., Пестрикова Н. Е.* Лексика природы в говорах Нижегородской области // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. СПб: ИЛИ РАН, 1994. С. 80–88; *Балова Е. Ю., Климкова Л. А., Ламохина С. И., Никифорова О. В.* Явление параллелизма в лексике нижегородских говоров // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1995. СПб.: ИЛИ РАН, 1998. С. 63–73.

Л. Г. Мачалова избрала объектом своего внимания местный памятник письменности — «Арзамасские поместные акты 1578–1618 гг.», описав его в своих статьях как лингвистический источник, прежде всего антропонимический.

В настоящее время на кафедре остались четыре специалиста-диалектолога, авторы данной статьи.

Л. А. Климкова имеет по региональной тематике в общей сложности около 200 работ разных жанров, посвященных прежде всего языку Окско-Волжско-Сурского междуречья как историко-культурной зоны, особенно микропонимическому пространству. Обзор, характеристика ряда её работ, в том числе основных — монографий и микропонимического словаря — даны в статьях: *Супрун В. И.* Вклад Л. А. Климовой в развитие отечественной ономастики и диалектологии; *Васильев В. П., Васильева Э. В.* Родная земля в одежде слова // «И нежный вкус родимой речи...»: сб. научных трудов / Отв. ред. Е. Ю. Любова. Арзамас: АГПИ, 2011. С. 434–441; 70–79. В последние годы ею продолжали разрабатываться темы, ранее определенные по

кафедральным направлениям деятельности. При этом внимание акцентировано на дискурсном аспекте, на анализе текстов разных жанров — констатирующих, мотивационных, фольклорных, в том числе топонимических преданий и легенд, воспоминаний и др.:

Параметры информативности диалектной речи // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011. СПб.: Наука, 2011. С. 86–96;

Мотивационные тексты в региональной языковой картине мира // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: сб. статей. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2011. С. 152–157;

Феномен сельской улицы: лингвокультурологические заметки // Проблемы педагогического образования: история и современность. Йошкар-Ола, 2012. С. 287–297;

Типология текстов в составе микротопонимических комплексов // Вопросы русской исторической грамматики и славяноведения: к 175-летию со дня рождения Ватрослава Ягича. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 78–81;

Тексты-иллюстрации в материалах к некоторым картам ЛАРНГ // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 376–393;

Топонимические предания в нижегородском фольклоре: этнический аспект // Язык и поэтика русского фольклора: к 120-летию со дня рождения В. Я. Проппа: сб. докладов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. С. 91–93;

Топонимические предания в региональной фольклорной картине мира: социальный и личностный аспекты // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. Серия Гуманитарные науки и образование. 2015. № 4(19). С. 12–22; и др.

Продолжается также исследование отдельных фрагментов диалектной языковой картины мира (вербализация концептов, (лексико-) семантические поля, тематические груп-

пы), языковой личности диалектоносителя и бывшего сельского жителя.

Концепт «жалость» в русском языковом сознании // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 217–219;

Ещё раз о русском феномене «жалеть»/«жалость» // Слово в языке и речи: Международный сб. науч. трудов. Елец: Елецкий гос. ун-т, 2009. С. 166–171;

Русское «ничего»: этнолингвистическое содержание, прагматика, функции // Когнитивные исследования языка. Вып. XI: Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов. М., Тамбов, 2012. С. 569–572;

Словообразовательные гнезда-опозиты с вершинами баба — муж(ик) в русской диалектной картине мира // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: сб. ст. Н. Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2012. С. 132–141;

Лексико-семантическое поле «семья» в русском диалектном языке: дети // Проблемы языковой картины мира в синхронии и диахронии: сб. ст. Вып. 12. Н. Новгород: Мининский ун-т, 2014. С. 128–134;

ЛСП «семья» в русском языке: структура, поля и его компонент «ребенок» // Проблемы современной русистики: материалы Всероссийской научно-практ. конф. / Отв. ред. С. Н. Пяткин. Арзамас: АФ ННГУ, 2014. С. 64–75;

Русская народная сказка: историко-лингвистический аспект // Русский язык в контексте национальной культуры: материалы III Международной науч. конф. Т. 1. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2014. С. 326–332;

Языковая личность диалектоносителя: лексический компонент // Русское слово. Вып. 3. Сб. науч. трудов. Волгоград: Изд. Лицея № 8 «Олимпия», 2011. С. 33–42; и др.

Предметом исследований доцента Е. Ю. Любовой на протяжении почти 20 лет является региональная мифологическая лексика, обращение к которой вызвано рядом причин.

В сложившихся сегодня социально-исторических условиях внимание многих этнолингвистов, историков языка, диалектологов как никогда привлекают вопросы национального духовного становления и развития, национальной культуры, истоки которой находятся в далеком прошлом этноса. Своеобразие народного видения мира в полной мере отразилось в лексической системе русских говоров, в том числе в такой тематической группе, как лексика традиционной народной духовной культуры.

Ставший актуальным в последние годы антропологический подход к изучению языковых фактов и определенные изменения в общественном сознании позволили сделать предметом лингвистического исследования те лексические микросистемы, которые долгое время в силу разных причин оставались маловостребованными. Это относится в первую очередь к мифологической лексике.

Усилившийся в лингвистической науке интерес к проблемам роли человеческого фактора в языке, языковой личности также делает актуальным обращение к мифологической лексике, в которой на вербальном уровне запечатлено своеобразие языковой картины мира русского человека. Кроме того, как известно, в настоящее время язык является основным хранителем мифологической информации, поэтому исследователи имеют, вероятно, последнюю возможность фиксации относительно полноценного нового материала мифологического характера. Данные нижегородской мифологии могут пополнить новыми материалами мифологическую лексику русских народных говоров в целом.

Материал исследования был собран Е. Ю. Любовой из разных источников. Таковыми стали: картотека «Диалектного словаря Нижегородской области» (находится в диалектологическом кабинете ННГУ им. Н. И. Лобачевского); картотека диалектной лексики (хранится в диалектологическом кабинете Арзамасского филиала ННГУ им. Н. И. Лобачевского); записи, сделанные студентами и преподавателя-

ми Арзамасского государственного педагогического института им. А. П. Гайдара во время полевых диалектологических практик. Значительную часть материалов составили личные записи Е. Ю. Любовой, разработавшей дополнительные вопросы по теме «Народная демонология», которые позволили получить более конкретные, точные и подробные сведения по данной проблеме. Сбор соответствующего материала Елена Юрьевна продолжает и в настоящее время.

В 1999 г. в Диссертационном совете Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского Е. Ю. Любова успешно защитила кандидатскую диссертацию «Демонологическая лексика в говорах Правобережья Нижегородской области». В данной диссертационной работе и в своих последующих публикациях (около 40 статей, тезисов, материалов) Елена Юрьевна рассмотрела ряд проблем, связанных с региональной мифологической лексикой.

Тематическая классификация мифологических лексем Правобережья Нижегородской области отражает типологическую классификацию соответствующих персонажей, обнаруживает качественный состав нижегородской мифологической лексики. В количественном отношении наиболее представлены в мифологической лексике нижегородских говоров названия, эксплицитно или имплицитно отражающие связь персонажей народной мифологии с местом, сферой их обитания и временем появления (около 30%). См. об этом, например:

Локативный признак в нижегородской мифологической лексике // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: сборник статей по материалам международной научной конференции молодых ученых. Вып. 8. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2009. С. 167–171;

Реляционный признак в нижегородской мифологической лексике // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: сборник статей по материалам международной на-

учной конференции молодых ученых. Вып. 9. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2010. С. 211–214;

Темпоральный признак в нижегородской мифологической лексике // Русское слово. Выпуск 3. Сборник научных трудов к юбилею декана филологического факультета Волгоградского государственного социально-педагогического университета профессора Р. И. Кудряшовой. Волгоград: Изд-во лицея № 8, 2011. С. 50–54;

Нижегородская мифологическая лексика: тематический состав // Карповские чтения: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы региональной фольклористики, краеведения и финно-угорской археологии» (23–24 октября 2014 г.). Выпуск 5 / Отв. ред. Ю. А. Курдин. Арзамас: АФ ННГУ, 2014. С. 227–237; и др.

В составе мифологической лексики Правобережья Нижегородской области представлены как собственно диалектные, так и литературные названия мифологических персонажей, причем количество последних составляет немногим более 20 единиц. Общераспространенными на изучаемой территории Нижегородской области являются литературные обозначения наиболее популярных мифологических персонажей (*домовой, водяной, леший, русалка, кикимора* и т. п.). Значительное количество лексем (около 20%), относящихся к тематической группе «народная мифология», функционируют как в нижегородских говорах, так и в литературном языке, но имеют разное семантическое наполнение (например, *ка-сатка, луговой, моховик, пряжа, шут* и др.). Самобытность мифологической лексики названного региона создается за счет названий, имеющих территориальную маркированность (например, *горнушка, гугун, чиркун, волха, волхва* и др.). Ядро мифологической лексики говоров Правобережья Нижегородской области образуют лексемы, общие для нижегородских говоров и говоров других регионов России (имеют одни и те же значения) и отсутствующие в литератур-

ном языке (около 60%). Сопоставительная характеристика нижегородской мифологической лексики и мифологической лексики говоров других регионов России и литературного языка выявляет своеобразие этой лексической микросистемы, ее самобытность и вместе с тем позволяет рассматривать ее как органическую составную часть общерусской мифологической лексики. Отличия по репертуару и номенклатуре мифологических лексем и соответствующих персонажей носят частный характер и объясняются больше лингвистическими, чем этнографическими причинами. См. об этом, например:

Демонологическая лексика говоров Правобережья Нижегородской области в составе общерусской лексики // Сельская Россия: прошлое и настоящее: Доклады и сообщения 8-й российской научно-практической конференции; Всероссийское научное и культурно-просветительское общество «Энциклопедия российских деревень». М., 2001. С. 187–189;

Названия домового в говорах юга Нижегородской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1998. СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 2001;

Нижегородские названия мифологических персонажей, обитающих в воде // Карповские чтения: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Проблемы региональной фольклористики и краеведения» (18–19 октября 2012 г.). Выпуск 4 / Отв. ред. С. Н. Пяткин. Арзамас: АГПИ, 2012. С. 92–97; и др.

Одной из наиболее ярких черт нижегородской мифологической лексики является христианско-языческий синкретизм — тесное взаимодействие, взаимовлияние, переплетение древних славянских языческих представлений, верований, обычаев, взглядов и христианской религии и морали. См. об этом, например:

Материалы словаря В. И. Даля как средство интерпретации нижегородских мифологем // В. И. Даль в парадигме

идей современной науки: язык — словесность — самосознание — культура: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 200-летию юбилею В. И. Даля. Ч. 1. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2001. С. 135–139;

Языковое выражение мифологических представлений в говорах Нижегородской области // Приволжский научный вестник. Арзамасские филологические чтения — 2013. № 8(24). Т. 2. С. 42–45;

Христианско-языческий синкретизм в нижегородской мифологической лексике // Проблемы современной русистики: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию доктора филол. наук, проф. В. В. Востокова. 18–20 сент. 2014 г. / Отв. ред. С. Н. Пяткин. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2014. С. 100–104;

Мифологема «русалка» в говорах Нижегородской области // Научный диалог. 2015. № 12(48). С. 110–119; и др.

Специфика мифологической лексики как особого ономазиологического класса определяется тем, что членами его являются имена с нулевым экспонентом, т. е. отсутствующим в реальной действительности денотатом. В связи с этим слово часто выступает в данном случае единственным хранителем мифологического понятия, образа. См. об этом:

Названия персонажей-устрашителей в нижегородских говорах // Русское народное слово в языке и речи: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию Арзамасского государственного педагогического института (22–24 октября 2009 года) / Отв. ред. Л. А. Климкова. Арзамас—Саров: СГТ, 2009. С. 237–242;

Нижегородская мифологическая лексика в ономазиологическом аспекте // «И нежный вкус родимой речи...»: сборник научных трудов, посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора Л. А. Климковой / Отв. ред. Е. Ю. Любова. Арзамас: АГПИ, 2011. С. 307–312; и др.

Системная организация денотативной сферы «народная мифология» отражается в соответствующей лексике, едини-

цы которой объединены в парадигмы, включающие гиперонимические и согипонимические ряды, пары, отдельные лексемы с присущими им системными отношениями. См. об этом, например:

Особенности системной организации нижегородской мифологической лексики // Владимир Даль и современная филология: материалы международной научной конференции. Т. 1. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет, 2001. С. 157–161;

Специфика системных отношений в региональной мифологической лексике (на примере говоров Нижегородской области) // Русский язык как государственный язык Российской Федерации в условиях полиэтнического и поликультурного региона: Материалы Межрегиональной конференции по вопросам функционирования русского языка как государственного языка Российской Федерации. 22–24 мая 2013 года: материалы межрегион. науч. конф. / Сост. Э.Н. Акимова. Москва—Саранск: Про100Медиа, 2013. С. 392–396;

Система мифологических представлений в говоре п. Сарма Вознесенского района Нижегородской области // Вторые Громовские чтения: Русские народные говоры: прошлое и настоящее: сб. материалов и исслед. всерос. науч.-практ. конф. Кострома, 17–18 октября 2014 г. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2015. С. 304–310; и др.

Множественность обозначения одних и тех же реалий в мифологической лексике, квалифицируемая как параллелизм, является наиболее ярким примером системных отношений в нижегородской мифологической лексике. См.:

Лексика народной демонологии в говорах юга Нижегородской области // Языковая картина мира в синхронии и диахронии: Межвузовский сборник научных трудов. Нижний Новгород: НГПУ, 1999. С. 62–66; и др.

Значительную часть мифологической лексики (около 90%) образуют лексемы с отчетливой внутренней формой; количество номинант с неустановленными мотивировочны-

ми признаками невелико. В номинации мифологем заметная роль принадлежит имени собственному, которое чаще всего служит средством персонификации и антропоморфизации персонажа. См.:

Имя собственное в составе демонологической лексики Нижегородской области // Русский язык и русистика в современном культурном пространстве: Тезисы докладов международной научной конференции. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. С. 184–186; и др.

Набор мотивировочных признаков в мифологической лексике имеет прагматическую направленность. С помощью словообразовательных средств маркируется, как правило, то, что представляет ценность в духовно-практической деятельности человека, помогает ему ориентироваться в окружающем мире. См. об этом, например:

Мотивировочные признаки в демонологической лексике (на материале говоров юга Нижегородской области) // Александр Сергеевич Пушкин и русский литературный язык в XIX–XX веках: Тезисы докладов международной научной конференции. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет, 1999. С. 30–32;

Отражение акустического проявления персонажей в нижегородских мифологемах // Русский язык: история и современность: Материалы научной конференции, посвященной 80-летию проф. Н. Д. Русинова. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2004. С. 65–67;

Нижегородская мифологическая лексика в ономаσιологическом аспекте // «И нежный вкус родимой речи...»: сборник научных трудов, посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора Л. А. Климковой / Отв. ред. Е. Ю. Любова. Арзамас: АГПИ, 2011. С. 307–312; и др.

Региональная мифологическая лексика является хранилищем мифологической информации. В тематической группе «народная мифология» на вербальном уровне нашли отражение древние представления наших предков о мире и человеке,

о добрых и злых силах, управляющих природой и оказывающих свое влияние на жизнь людей.

Кандидат филологических наук, доцент О. В. Никифорова опубликовала более 90 работ, в которых подробно анализируется словесный код нижегородского обрядового текста на примере свадебного, родильно-крестильного, погребально-поминального обрядов, а также народного календаря. Актуальность исследований обусловлена тем, что современные обычаи утрачивают сакральный характер обрядовых действий и их мотивированность, в то время как в памяти диалектоносителей они сохраняются. Обряды, как известно, регламентируют важные этапы жизни человека, связанные с рождением, свадьбой, вступлением в новую сферу деятельности, переходом в другую возрастную группу, со смертью. В связи с этим описание обрядовых универсалий в сфере семейно-бытовой народной жизни может вскрыть, с одной стороны, содержательную ценность культурных комплексов прошлого, в то же время — их современное состояние. Обряд представляет собой совокупность различных компонентов — вербальных, акциональных, темпоральных, персонажных, предметных. Вербальные тексты, включенные в структуру обряда, привязаны к определенным этапам обряда, придают ритуалу осмысленность, сакральность и функциональную направленность. Роль слова и фразеологизма в структуре и семантике обряда чрезвычайно велика. Посредством анализа обрядовых номинаций выявляются важные категории человеческого бытия и мировоззренческие константы носителей традиционной культуры. В статьях О. В. Никифоровой описываются диалектные обрядовые слова и фразеологизмы, наделенные этнокультурной информацией, объясняются причины возникновения символов в народном крестьянском сознании.

Диалектные слова со значением лица в обрядах характеризуются с точки зрения мотивированности и системных отношений. Так, в работе «Обрядовые агентивы в нижего-

родских говорах» (Мир науки, культуры, образования. 2010. № 4(23). С. 60–63) отмечено, что непосредственное указание на выполнение обрядовой функции лицом содержат отглагольные существительные *ряді́ха* ‘ряженный, участвующий в свадебном обряде, в масленичном обряде’; *плакúша* ‘причитальщица на похоронах’; *молéльщица*, *молі́лка* ‘женщина, которая молится над покойником’; *приёмщица* ‘женщина, помогающая роженице во время родов, принимающая ребенка’; *снаряді́ха*, *ряді́льщица* ‘лицо, одевающее невесту’; *сборщик* ‘лицо, собирающее подарки’; *обмывáльщица*, *убмывáльщица* ‘женщина, совершающая обряд обмывания покойника’; *звáльщик*, *зват*, *позывáтка*, *оповещáнин* ‘тот, кто зовет гостей на свадьбу’; *копáльщик*, *ры́льщик* ‘тот, кто копает могилу для покойника’; *свóдня* ‘сваха’; *подно́счик*, *разно́счик* ‘тот, кто заводит вином на свадьбе’; *провожа́тки* ‘подруги невесты’; *чита́льщица* ‘женщина, которая читает молитвы над покойником’ и др. Основным мотивирующим признаком для агентивов-субстантивированных прилагательных также является обрядовое действие: *звáтый*, *позывáтый* ‘тот, кто приглашает гостей на свадьбу’; *наряжа́тые* ‘ряженные — участники свадебного, масленичного обряда’; *сборчій* ‘человек, собирающий подарки на свадебном пиру’; *верховіе* ‘помощники жениха и невесты’; *провожа́тая* ‘подружка невесты’; *жені́мый* ‘жених’ и др. Агентивы-компози́ты в качестве опорного компонента содержат основу глагола, передающего действие обрядового лица: *богонóс* ‘человек, идущий перед свадебным поездом и несущий икону’; *богомóлка* ‘женщина, которая молится над покойником’; *винодéл*, *винолі́й*, *виночёрпій* ‘человек, распоряжающийся на свадьбе вином’; *сестропрóдавец*, *сестропрóдавица* ‘лицо, продающее невесту на свадьбе’ и др. Функциональный признак представлен опосредованно в наименованиях, мотивированных названиями предметов, с которыми связана функция участника обряда: *постéльник*, *коробéйщики*, *подúшеч-*

ницы 'лица, везущие в дом жениха приданое и постель невесты'; *блiнница* 'женщина, которая печет блины на второй день свадьбы'; *лагiнник* 'один из участников старинного свадебного обряда, везущий за свадебным поездом лагун с пивом'; в наименованиях, мотивированных названиями лиц, с которыми связана обрядовая функция человека: *прижeнник*, *поджeнiшник* 'представитель окружения жениха, распорядитель на свадьбе'; *подневeстница*, *поневeстница* 'подружка невесты'; *полдружска*, *поддружсье*, *полдружсье* 'помощник дружки'; *подсвaшка*, *полсвaха*, *подсвaшница* 'помощница свахи'; в наименованиях, мотивированных названиями обрядов, с которыми связана обрядовая функция: *сварьбjне* 'участники свадьбы'; *поезжaне* 'участники свадебного поезда'. К ним относятся и обрядовые наименования, возникновение образного значения которых связано с участием обозначаемого лица в определенном обрядовом действии: *jрка* 'о невесте в связи с обрядом искать ярку'; *барaн*, *барaшек* 'о женихе в связи с обрядом сватовства, во время которого сваха говорит: «У вас ярка, у нас баран».

Предметы крестьянского быта, которые в повседневности выполняют бытовые функции, в семейных и календарных обрядах получают символическое значение. Лингвокультурологическому анализу диалектных наименований обрядовых реалий Нижегородской области посвящен ряд статей, например:

Наименования приданого в нижегородских говорах // Русская устная речь: Материала международной научной конференции «Барановские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения» и межвузовского совещания «Проблемы создания и использования диалектологических корпусов» (Саратов, СГУ, 15–17 ноября 2010 г.) Саратов: Издат. центр «Наука», 2011. С. 196–200;

Наименования обрядовых выпечных изделий в нижегородских говорах // Русское слово: прошлое, настоящее, будущее: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 17–18 мая 2012 г. Арзамас: АГПИ, 2012. С. 276–280;

Наименования одежды в нижегородской свадебной лексике: лингвокультурологический аспект // Приволжский научный вестник. Научно-практический журнал. 2013. № 8(24). Т. 2. С. 51–56 и др.

В работе «Лексика материальных компонентов в нижегородских говорах» (Вестник ННГУ. 2013. № 6. Ч. 2. С. 167–170) анализируются наименования *звонари́*, *позвоно́чки*, *позвеню́шки*, *ширкуны́* — колокольчики и бубенчики, которые вешали на дуги лошадям свадебного поезда. *Колокольцы привяжут на гривы лошадям, звонари это, лентами наряжут* (д. Зубово Краснобаковского р-на). *Приедут сваты сватать, с позвоночками, лошадям подвяжут* (с. Алексеевка Большеболдинского р-на). В обрядовом дискурсе значение данных лексем дополняется символическим компонентом ‘оберег от потусторонних сил’, который формируется в процессе переосмысления денотативного признака реалии, связанного с действием, производимым колокольчиками. Глаголы *звонить*, *позвонить*, которые кладутся в основу номинации, репрезентируют издаваемый звук. Колокольчики и бубенчики были обязательной принадлежностью большого свадебного поезда, поскольку усиливали эмоциональное воздействие на участников свадьбы и окружающих, дополняя украшенную цветными лентами сбрую лошадей. Кроме того, колокольчики и бубенчики имели и магическое значение. По мнению исследователей, своими звуками они должны были отпугивать от всех участников свадебного поезда и в первую очередь от жениха и невесты нечистую силу. *Ширкун*, по Далю, ‘большой, упряжной бубенчик, болхарь, глухарь, бухарь, гремок, погремок’. *Ширкуны, бывало,*

звонят у коней, весело, поезд свербный все видят и слышат, он по селу мчится (д. Вершинино Шахунского р-на).

Факты диалектной лексики и фразеологии свадебного обряда отличаются способностью к образованию культурно-семiotической информации, раскрывают особенности мировидения носителей нижегородских говоров. Акциональный код нижегородской свадьбы включает в себя разнообразные действия свадебных персонажей и целые микрообряды, что описано в работах О. В. Никифоровой:

Свадебные выкупы и их наименования в нижегородских говорах // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: Сборник статей по материалам Международной научной конференции молодых учёных 12–13 марта 2008 г. Вып. 7. Н. Новгород: ННГУ, 2008. С. 276–280;

Обряд расставания с «красотой» в Нижегородской области (наименования некоторых элементов) // Русский язык: история, диалекты, современность. Юбилейный сборник научных трудов. Выпуск VI. М.: МГОУ, 2005. С. 227–232;

Лексика послесвадебного периода (на материале нижегородских говоров) // «И нежный вкус родимой речи...» Сборник научных трудов, посвященный юбилею д. фил. н., проф. Л. А. Климовой. Арзамас: АГПИ, 2011. С. 356–363;

Наименования друга со стороны жениха в свадебном обряде (на нижегородском материале) // Культура и образование. Декабрь 2014. № 12 [Электронный ресурс]. URL: vestnik-rzl.ru/2014/12/2633 (Дата обращения 12.12.2014) и др.

На материале говоров Нижегородской области характеризуется лексическая объективация народных представлений о смерти, рассматриваются диалектные наименования, репрезентирующие погребально-поминальный обряд (Лексика погребально-поминального обряда в говорах Нижегородской области // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: сборник статей по материалам международной научной конференции молодых ученых 24–25 марта

2009 г. Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2009. С. 207–211; Номинация обрядовых причитаний (по материалам нижегородских говоров) // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 6. С. 377–378). В статье «Лексическая объективация народных представлений о смерти в нижегородских говорах» (Вестник ННГУ. 2015. № 2(2). С. 489–492) отмечено, что родные, близкие плачут, причитают после того, как умершего положат в гроб. В день погребения плачи звучали и при выносе гроба из дома, и по дороге в церковь, и на кладбище, и на могиле. Сильнее всего плачут, когда опускают гроб в могилу. *«Если не причитают, значит, не любят»*, — так говорят в с. Липовка Ардатовского р-на. Ритуальное голошение часто становилось подлинно поэтическим действием, полным печальных, элегических импровизаций. Плач строится как цепь восклицательно-вопросительных предложений, риторических обращений к покойному. Приведем плач жены, записанный нами в с. Большая Арать Гагинского р-на: *«Ой, батюшка, ой, Господи! Да на кого ты меня оставил, покинул, ушел во сыру землю! Что ты не подумал о своих детушках! Как они теперь без тебя? С какой стороны нам теперь ждать тебя, выглядывать? Ой, опомнись, родненкий, разве плохо нам с тобой жилось, жилось-былось?! Люди добрые на нас завидывали! Ой, батюшка, а теперь я осталась одна! Ой!»*.

Обрядовая лексика изучается в лингвокультурологическом аспекте. Исследование тематических групп («Лексика и фразеология святочных обрядов», «Лексика и фразеология масленичных обрядов») выявило региональное своеобразие диалектной лексики. В работе «Вербализация народных представлений о святках в нижегородских говорах» (Международный научно-исследовательский журнал. 2013. № 7(14). Часть 4. С. 35–37) характеризуется значимое обрядовое действие на Святки — ряжение, которое связано с поздравительными обходами дворов и представлено в нижегородских говорах как однословными наименованиями *святѹш-*

ничать, кудёсить («На Святках две недели молодёжь святóшничала» д. Буйное Городецкого р-на), так и составными *ходить рядíхами, ходíть снаряжёнками, ходíть святками* («От Рожэства до Крещения — Святки. На Святки-ти ой как гуляли, две недели не работали. Ходили боярами по избам, угощались, ворожить бегали, плясали шестёры, валялись в снежках. Святошниками ходили от избы к избе по вечерам. Рядились, на голову шапку, лицо марлей закрывали. Святошниками ходют, говорили» д. Вязовка Борского р-на). Рядиться — значит вступать в контакт с «иным» миром. Обычно участвовала в ряжении молодежь, иногда и женатые люди. «Рядились кто цыганом, кто цыганкой, кто морячком, чем чуднее, тем лучше. Кто Ярилой нарядится, мужики — бабами» (д. Высокая Рамень Городецкого р-на). В обычае ряжения можно отметить несколько смысловых мотивов. Один из них реализует оппозицию свой—чужой и связан с перевоплощением в разного рода социальные и национальные типы. Чаще всего в Нижегородской области наряжались рядихами рядными и шобонниками, а также солдатами, колдунами, нищими, людьми редких профессий — коновалами, бурлаками, шерстобитами. Национальный тип представлен цыганами, татарами. Второй мотив святочного ряжения рожден языческим мировосприятием и реализует идею плодородия. Он воплощается в обрядовой перемене пола (женщины рядились стариками, мужчины — старухами), в обычае наряжаться в вывороченные шубы. Обычай рядиться в животных восходит к тотемическим воззрениям славян: нижегородские крестьяне чаще всего рядились лошадью, медведем: «Можно и хвост приделать, как лошадь, рядихой когда ходили, кто во что, в какого зверя, чтобы человека не видеть» (с. Нершево Вачского р-на).

Уделяется внимание описанию фразеологии, фоном для появления которой стали семейные обряды. Изучаются фразеологизмы с тематикой рождения, свадьбы, погребения.

Например, в статье «Этнокультурная семантика обрядового фразеологизма (на материале нижегородских говоров)» (Проблемы языковой картины мира на современном этапе: Сборник статей по материалам международной научной конференции молодых ученых 16–17 марта 2011 г. Н. Новгород: НГПУ, 2011. С. 232–237) представлен культурный комментарий к фразеологизму *скакать в вятель*, основанному на архетипическом противопоставлении верх—низ. *Вятель* в СРНГ ‘рыболовный снаряд в виде сети с крыльями, натянутый на обручи’. Во время сватовства невеста стоит на лавке, к ней подходит отец с вятелем и говорит: «Скокни, доченька!». Если невеста прыгнет в вятель, то считалось, что она согласна выйти замуж. Скакание в вятель можно считать пережитком обрядового празднества совершеннолетия девушки. Движение по вертикали (верх—низ) осуществляется перед тем, как размыкаются временные границы между мирами, когда участник обряда обладает нечистотой, т. е. до очищения. Именно во время свадьбы актуализировался переход невесты в иной социальный и возрастной статус, который воспринимался как символическая смерть и воскрешение в новом качестве.

Лексика народного календаря анализируется в ряде работ:

Наименования нижегородских календарных праздников и праздничных периодов // Проблемы современной русистики: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию д. ф. н., проф. В. В. Востокова 18–20 сентября 2014 г. Арзамас: АФ ННГУ, 2014. С. 108–112;

Языковая репрезентация поста Св.четырдесятницы в нижегородских говорах // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 4(29) С. 295–297.

Статья «Лексико-семантическая группа «Праздники» как фрагмент диалектной картины мира (на материале нижегородских говоров)» (Современные научные достижения — 2013: Материалы IX международной научно-

практической конференции. Прага, 2013. С. 56–60) посвящена, в частности, наименованиям подгруппы «Праздники церковно-календарного цикла», в основе мотивировки которых лежит кулинарный код. Праздник Всемиловитовому Спасу и Пресвятой Богородице, приходящийся на 14 августа, имеет в нижегородских говорах название, связанное с кулинарным кодом, — *Медовый Спас*. Следующий Спас в церковном календаре имеет наименование Преображение Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа и празднуется повсеместно 19 августа. В говорах Нижегородской области обнаружено название этого праздника — *Яблочный Спас*, осложненное связью с кулинарными традициями дня. Третий Спас, отмечаемый 29 августа, в церковном календаре зафиксирован под названием Перенесение из Едессы в Константинополь Нерукотворенного Образа Господа Иисуса Христа. В диалектной речи Нижегородского края функционирует наименование *Хлебный Спас*, также связанное с кулинарным кодом.

Диалектная обрядовая лексика характеризуется многоаспектностью, сравнительно небольшой степенью изученности, поэтому представляет большой интерес для дальнейшего исследования.

Областью научных интересов Г. Н. Тюриной является региональная ономастика, а именно существенный фрагмент антропонимического сектора в пределах онимического пространства говоров юга Нижегородской области — неофициальные (уличные) фамилии. Например, *Пакéтовы*, уличная фамилия Кульковых: «*Да однофамилъцы же были, а чтоб не путали, разделили: те так и остались Кульки, а мы Пакетами стали*» (с. Новая Слобода Большеболдинского р-на); *Корміловы*, уличная фамилия Прониных: «*У них лошадь была, и они у сада пахали, кормильцы были*» (д. Вилейка Сосновского р-на); *Лысовы*, уличная фамилия Малафеевых: «*Лысовыми их стали звать, потому что мужики в их семье лысели рано, с армии приходили, уже лысы были*»

(с. Исупово Гагинского р-на); *Микóлины*, уличная фамилия Докторовых: «*Отец Колька, а его все Миколькой звали*» (с. Шилокша Кулебакского р-на); *Ню́шины*, уличная фамилия Гуськовых: «*Семья у них большая, полсела родственников, бабка — Нюрка. Чтоб с другими Гуськовыми не путать, Нюшиными звали*» (с. Кузьминка Сергачского р-на) и мн. др. Уличные фамилии генетически не составляют особого разряда антропонимов. Их история вписывается в историю официальных фамилий, неотделима от неё. Время оформления этого разряда фамилий, их обособления от официальных, вероятно, XIX в., т. к. ещё в конце XVIII в. для простого народа использовалась двучленная модель именования лиц мужского пола: имя и полуотчество. Образование же фамильных прозваний крестьян, по мнению С. И. Зинина, относится к XIX в.

В условиях многопоколенной крестьянской семьи и деления её в силу различных обстоятельств уличные фамилии служили средством выделения семьи из фамильного ряда родственников. В настоящее время различительная функция неофициальных фамилий диктуется общественно-бытовыми условиями сельской жизни, тем, что часто в пределах одного населённого пункта встречаются семьи-однофамильцы, сохранившие родственные связи, в том числе и имеющие отдалённое родство, а также семьи, получившие одинаковые юридически закреплённые фамилии в результате случайного совпадения. Целью исследований названного характера является разноаспектное описание уличных фамилий как компонента русской антропонимической структуры. В 17 статьях рассмотрены типы номинации, представленные в уличных фамилиях, происхождение, структура, мотивация, словообразование и их коннотация; описаны особенности функционирования и системные отношения названного разряда имён в говорах.

В системе уличных фамилий, бытующих в современных говорах Нижегородской области, проявляют себя несколько

способов и типов номинации. Самую многочисленную группу составляют неофициальные фамилии отэпонимического характера. Меньшей активностью характеризуется тип номинации фамилиями, образованными от собственного имени бабушки и матери, поскольку русский род всегда выходил по мужской линии и только особые обстоятельства ставили во главе семьи женщину. На втором месте по наличию разновидностей находится способ номинации, отражающий свойства самой именуемой личности, а также её неличностные (окололичностные) характеристики — род занятий, место жительства, социальное происхождение, эпизоды из жизни и др.

Семантическая классификация уличных фамилий основывается на значении онимов и апеллятивов, лежащих в основе названий (см.: Онимы и апеллятивы как производящая база для нижегородских уличных фамилий // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2. С. 210–214). Особое внимание уделено неофициальным фамилиям с диалектными корнями (см.: Неофициальные фамилии с диалектными основами в нижегородских говорах // Русский язык: история и современность: Материалы научной конференции, посвящённой 80-летию профессора Н. Д. Русина. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2004. С. 87–89).

Применительно к современным уличным фамилиям можно говорить о живом процессе словообразования по существующим антропонимическим моделям. Основным способом образования неофициальных фамилий, как и официальных, в синхронии и диахронии является морфологический в его суффиксальной разновидности. Наиболее многочисленна группа уличных фамилий, образованных по модели притяжательных прилагательных с помощью антропоформантов *-ов* (*-ев*), *-ин*. Небольшую группу составляют фамилии, образованные по модели качественных и относительных прилагательных с антропоформантами *-ой*, *-ской*, *-цкой*. Довольно малочисленны уличные фамилии, возник-

шие в результате частного проявления трансонимизации — трансантропонимизации. Трансантропонимизация представляет собой действие лексико-семантического способа словообразования: перенос наименования на основе сходства или смежности денотатов (см.: Происхождение, структура и образование уличных фамилий, функционирующих в говорах юга Нижегородской области // Русские народные говоры: история и современность: сб. статей Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 50-летию диалектологической работы в АГПИ им. А. П. Гайдара / Отв. ред. Л. А. Климкова. Арзамас: АГПИ, 2005. С. 237–241).

В нижегородских говорах преобладают мотивированные уличные фамилии, имеющие «живую» внутреннюю форму, называющие лицо через отношение к другому лицу, предмету, признаку, действию, обозначенному мотивирующим словом. Утрата мотивированности неофициальных фамилий — естественный процесс, обусловленный уходом из жизни носителей уличной фамилии, а также людей, давших то или иное наименование (см.: Неофициальные фамилии в говорах юга Нижегородской области: мотивационные отношения // «И нежный вкус родимой речи...»: сборник научных трудов, посвящённый юбилею д. ф. н., проф. Л. А. Климковой / Отв. ред. Е. Ю. Любова. Арзамас: АГПИ, 2011. С. 457–461).

Функции неофициальных фамилий обусловлены характером и структурой их значения. В системе говора уличные фамилии выполняют ряд функций, производных от триединой номинативно-выделительно-дифференцирующей функции, специфичной для онама: характерологическая, фатическая, эмотивная, дейктическая, функция социальной легализации личности и др. (см.: Уличные фамилии: функциональный аспект (на материале говоров юга Нижегородской области) // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: сб. статей по материалам Всероссийской научной конференции молодых учёных. Вып. 5. Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2006. С. 291–293).

В отличие от прозвищ в большинстве случаев уличные фамилии эмоционально и экспрессивно не окрашены, что определяется их изначальной нагрузкой: назвать, выделить и тем самым отграничить, различить семьи, имеющие одну официальную фамилию. У определённой части уличных фамилий, прежде всего отпрозвищных, семантическая структура содержит коннотативное значение, в котором проецируется положительное или отрицательное отношение к лицу, названному онимом (см.: Эмоционально-оценочный компонент в семантике неофициальных фамилий (на материале говоров юга Нижегородской области) // Региональная лексика в историко-культурологическом аспекте: материалы межвузовских диалектологических чтений / Отв. ред. Л. А. Климова. Арзамас: АГПИ, 2007. С. 237–240).

Несомненный интерес представляет рассмотрение онимического пространства одного населённого пункта, фрагментом антропонимии которого являются неофициальные фамилии. Описание уличных фамилий в говорах сёл Гремячево Кулебакского района Нижегородской области и Дуброво Починковского района Нижегородской области показало, что данный вид онимов является довольно устойчивым компонентом неофициального именованья местных жителей, очень активным в данных говорах, как и в нижегородских говорах в целом (см., например: Уличные фамилии как фрагмент онимического пространства села Гремячево Кулебакского района Нижегородской области // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12(42): в 3-х ч. Ч. 1. С. 188–190).

В сфере неофициальных групповых наименований, бытующих в говорах Нижегородской области, наряду с уличными фамилиями можно выделить ещё два типа онимов: коллективно-территориальные прозвища и семейные прозвища. Рассмотрение этих смежных типов наименований позволило сделать вывод о том, что каждый из них обладает своей ономаσιологической спецификой, различаясь в функцио-

нальном, денотативном и структурно-грамматическом аспектах (см.: Групповые антропонимы в говорах юга Нижегородской области // Русское народное слово в языке и речи: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 75-летию АГПИ им. А. П. Гайдара / Отв. ред. Л. А. Климкова. Арзамас—Саров: СГТ, 2009. С. 378–384).

С уходом из жизни однофамильцев, переездом на новое место жительства одной из семей, имеющих одинаковые официальные фамилии, необходимость в уличной фамилии утрачивается. К постепенному сокращению числа этого вида онимов приводят и такие факторы, как урбанизация, снижение рождаемости, старение населения. В связи со сказанным актуализируется необходимость тщательного, бережного сбора уличных фамилий и их дальнейшего изучения.

Уличные фамилии составляют фрагмент региональной языковой картины мира: содержат индивидуальную или групповую оценку особенностей личности, несут информацию о культурно-национальной идентичности жителей и культурных переменах, происходящих в русской деревне.

В целом можно констатировать, что диалектологическая работа в Арзамасском педагогическом институте, небольшом периферийном вузе, в течение 60 лет была успешной. На её проведение были получены гранты РГНФ: в 1996 и 1997 гг., проект «в» «Региональная лексика», в 2000–2001 гг., проект «а» «Региональная онимия»; от Федерального агентства по образованию Российской Федерации в рамках АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (мероприятие 1): 2005–2010 гг., тема «Исследование проблем региональной лексикологии». Также совершенно не случайно в 2009 г. решением Президиума Российской Академии Естествознания в Арзамасском государственном педагогическом институте была утверждена научная школа «Региональное слово в контексте народной культуры». Школа продолжает свою разнообразную деятельность, не исчерпавшую свой потенциал,

имеющую, несмотря, как говорится, на вызовы времени, перспективу. Исследование региональной лексики по-прежнему актуально и осуществляется во всех направлениях, названных в начале статьи.

Особенной же активизации требует лингвогеографическая и лексикографическая работа — по подготовке Лексического атласа русских народных говоров (собираТЕЛЬСкая и интерпретационная деятельность) и региональных словарей: Диалектного словаря Нижегородской области, онимических (в частности, микроантропонимического), словарей лексики промыслов и ремесел, головных уборов и других тематических групп.

Фитонимия русского языка в диахроническом аспекте (XI–XVII вв.)

В. Б. Колосова, Н. В. Петров

В статье описываются цели, задачи, методы и предполагаемые результаты проекта, направленного на поиск и анализ фитонимов, встречающихся в текстах ранней русской письменности (XI–XVII вв.). Главная цель проекта — паспортизация и внесение в базу данных упоминания того или иного растения. Основными задачами являются: определение корпуса фитонимов; изучение изменений в фитонимии в диахронном аспекте; исследование способов передачи иноязычных фитонимов (перевод, калька, транслитерация и др.); изучение механизмов создания символических значений. В качестве источников предполагается использовать наиболее представительные памятники различных жанров русской книжности, как оригинальной, так и переводной — религиозную литературу, азбуковники, травники, лечебники, документы Аптекарского приказа, травелоги, сельскохозяйственные книги и др. В тексте статьи также описываются научные перспективы, открывающиеся при условии создания подобной базы данных.

Ключевые слова: этноботаника, фитонимы, древнерусский язык, старорусский язык, русская книжность, литературные жанры, цифровые гуманитарные исследования, база данных, автоматический поиск

Цель статьи — презентация проекта, нацеленного на паспортизацию упоминания того или иного растения в текстах ранней русской письменности, детальное изучение механизмов изменения названия этого растения, семантики наиболее важных для культуры растительных образов. В ходе исследования мы хотим проанализировать наиболее представи-

тельные памятники различных жанров русской книжности XI–XVII вв., как оригинальной, так и переводной.

Масштабный поиск и анализ фитонимической лексики позволят создать площадку для удобной работы с систематизированным материалом — открытую паспортизированную базу данных названий растений с возможностью поиска по нескольким параметрам — фитониму, денотату (обозначенному русским и/или латинским систематическим названием), историческому периоду, литературному памятнику, автору, литературному жанру.

Прежде всего требуется определить корпус древнерусских фитонимов, что позволит судить об абсолютной и относительной хронологии вхождения фитонимов в русский язык, о способах наименования того или иного растения на протяжении XI–XVII вв., о составе и структуре лексико-семантической группы «Растения».

Сложности изучения древнерусской фитонимики связаны с поздним возникновением письменности. В связи с этим для самого раннего этапа (XI–XII вв.) возможна лишь констатация списка фитонимической лексики и выделение определенных категорий внутри него (разводимые растения в противоположность дикоросам; деревья, кустарники, травы, овощи и т. д.). При этом переводной характер некоторых ранних русских памятников позволяет выделить категорию фитонимов, использованных для обозначения экзотических растений (например, упомянутых в Библии). Знакомство с новыми реалиями (а не только их описаниями) и появление необходимости их номинации определяет разные способы, которыми русские книжники решали проблему передачи иноязычных фитонимов, и трансформацию этих способов. С ростом числа памятников также становится возможным продемонстрировать вариативность в наборе фитонимов в текстах различных жанров и разной хронологической приуроченности. Учитывая религиозный характер значительной части письменных памятников, также можно

выделить иносказательную составляющую, формирующую символический образ растения в процессе становления русской литературы. Однако решение таких задач путем просмотра релевантных текстов *de visu* заняло бы неоправданно много времени. Создание базы данных и поисковой системы на ее основе позволит быстро и эффективно проводить поиск по множеству категорий: растению, его названиям с вариантами, дате и месту создания памятника, авторству, жанровой принадлежности текста и т. д.

Решение данной научной проблемы предполагает работу в четырех основных направлениях: 1) работа с источниками, т. е. выборка контекстов, связанных с растениями, их группировка и паспортизация; 2) изучение изменений в фитонимии (XI–XVII вв.); 3) исследование способов передачи иноязычных фитонимов; 4) изучение механизмов создания и воспроизводства символических контекстов на русской почве в условиях межкультурного общения (взаимопроникновение русской и иностранной традиций, привнесение новых функций для ранее известного растения, реакция культурной среды на иностранные новшества).

Сведение воедино как первичных, так и вторичных источников, создание базы данных и проведенный на ее основе статистический анализ позволит комплексно описать изменения в наименовании растений и механизмы развития их символических значений, привязку разных типов фитонимов к разным типам текстов (деловой письменности, художественной литературе, текстам религиозного характера).

Для составления каталога наименований растений будет использована методика сплошной выборки из первичных и вторичных источников. К первичным источникам отнесем собственно памятники изучаемой эпохи: русские и переводные, опубликованные и архивные. Они подразделяются на несколько тематических групп: 1) летописи (например, Ипатьевская летопись); 2) художественные произведения («Слово о полку Игореве»); 3) рукописные словари (глоссарии, аз-

буковники, лексиконы); 4) травники и лечебники («Благопрохладный цветник, вертоград здравию» Любчанина, Травник Иеронима Спичиньского, Травник Симона Сирениуса и др.) Для книжников XVI–XVII вв. переводные лечебники и травники были интересны не только описанием целебных свойств растений и рецептами лечения различных болезней, но и иноязычной лексикой, которая могла пополнить рукописные словари устаревших и иноязычных слов — азбуковники. Это, например, травник, опубликованный В. В. Губерти [1859], или книга В. М. Флоринского [1879–1880] и т. д.; 5) русско-иностранные разговорники, например, разговорник Соренсена [Sørensen 1962], словарь Ричарда Джемса и др. [Ларин 1959; 2002]; 6) описания путешествий в разные страны и географические сочинения (Хождения Афанасия Никитина, Федота Котова и др., «Роспись Китайского государства» И. Петлина, «Христианская топография» Козьмы Индикоплова и различные космографии); 7) деловые документы, в частности, документы Аптекарского приказа — «Алфавитный перечень лекарств с обозначением их стоимости (на 14 листах)» (находятся на хранении в РГАДА), рецепты (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки) и под.; 8) религиозная литература (книги священного писания, проповеди, жития).

Ко вторичным источникам мы относим прежде всего словари, организованные по хронологическому принципу и охватывающие различные периоды развития русского языка: 1) Словарь И. И. Срезневского 1893–1912 гг. (Срезневский); 2) Словарь древнерусского языка (СлДРЯ XI–XIV), а также картотека словаря; 3) Словарь обиходного русского языка Московской Руси (СлОРЯМР XVI–XVII), а также картотека словаря; 4) Словарь русского языка XI–XVII вв. (СлРЯ XI–XVII), а также картотека словаря. Нас интересуют также региональные исторические словари – например, [Полякова 2010]; (СПЛ XV–XVII) и многие другие.

Кроме того, в сферу наших интересов попадают тематические словари, как, например, Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» (СССПИ).

Каждый из перечисленных типов источников обладает собственной спецификой. Так, в летописях названия растений встречаются крайне редко. В материалах Словаря Срезневского находится лишь около ста фитонимов, причем в основном это названия деревьев и возделываемых культур [Меркулова 1967: 13]. В деловых документах также встречаются в основном названия культурных растений. Напротив, в описаниях путешествий упоминается множество экзотических дикоросов. В текстах травников и лечебников идентификация собственно русских названий затрудняется тем, что многие памятники являются переводными.

Для изучения изменений в системе фитонимии русского языка и для исследования способов передачи иноязычных фитонимов в русских текстах планируется использовать методы терминологического анализа и семантический контент-анализ. Терминологический статус номинации появлялся не сразу. Названия растений, их частей или родовых понятий могли меняться просто в ходе развития языка, например, слово *прозябение* сменилось более привычным нам сейчас термином *растение*. Контент-анализ позволит учесть практически все смысловые единицы лексико-семантической группы «растения».

Использование этнолингвистических методов анализа текста даст возможность выявить концептуальные поля значений фитонимов. В отдельных случаях переводные / калькированные названия растений в конкретном тексте, который зачастую определяет характер символики, становятся источником последующих языковых номинаций. Особенно это касается текстов религиозного содержания, в которых реалии обыденной жизни (животные, растения, предметы) наделялись метафорическими значениями, нередко — под влиянием переводных памятников духовной направленности.

В рамках именно этнолингвистического направления осуществляются актуальные подходы к описанию парадигматики символического языка культуры.

Основным прикладным результатом проекта должна стать электронная база данных — конкорданс, отражающий следующие аспекты проанализированных текстов в отношении фитонимии: оригинал, т. е. фитоним в языке-источнике (если есть); русский перевод (с фонетическими, морфологическими, лексическими вариантами); латинский эквивалент (до рода или, при наличии возможности определения, до вида); денотат (русское научное название); источник с указанием (по возможности) автора, времени и места создания; описание растения (при наличии в тексте); функция или символическое значение растения.

Составленная база данных даст возможность автоматического поиска по следующим параметрам: 1) фитоним (с указанием всех памятников, где он упомянут, вместе с цитатами, и первой фиксации фитонима); 2) год / период (с указанием всех фитонимов, упомянутых за этот период); 3) источник (с указанием всех фитонимов, упомянутых в данном памятнике); 4) тип / жанр источника (с указанием всех фитонимов, упомянутых в текстах этого жанра); 5) язык (с указанием всех фитонимов на этом языке); 6) автор текста / перевода; 7) место создания памятника; 8) денотат (с указанием всех способов обозначения данного растения и первого упоминания растения, с возможностью проследить эволюцию обозначения в хронологическом порядке); 9) функция (с указанием всех технических культур, разводимых и дикорастущих пищевых растений, лекарственных растений, декоративных и пр.).

Помимо быстрого поиска фитонимов по заданным аспектам, база данных позволит решать и более сложные проблемы. Так, сопоставление списков фитонимов в тех или иных памятниках позволит выдвигать гипотезы относительно источников переводных произведений. Сопоставление русских

фитонимов-калек с иноязычными делает более достоверными предположения относительно языка-источника, времени заимствования и памятника, посредством которого фитоним мог проникнуть в русский язык.

Составленная база данных фитонимов XI–XVII вв. также позволит выявить время первой фиксации того или иного фитонима в русском языке; способы передачи на русском языке иноязычных фитонимов (перевод, калька, транскрипция, транслитерация, использование родового понятия и др.); вариантный ряд фитонимов для одного и того же денотата; набор фитонимической лексики в рамках определенного памятника или литературного жанра. Предполагается, что предложенная база данных охватит все возможные аспекты, связанные с эволюцией исконных фитонимов и появлением и адаптацией иноязычных названий растений в рассматриваемый период развития языка.

Литература

Губерти В. В. Книга, глаголемая травник // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Кн. 1. СПб., 1859. С. 76–83 (4-я пагинация).

Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л., 1959. 423 с. : ил.

Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVIII веков. СПб., 2002. 684, [1] с.

Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений (Травы, грибы, ягоды). М., 1967. 260 с.

Флоринский В. М. Русские простонародные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей XVI–XVII вв. Казань, 1879–1880.

Sørensen H. Chr. Ein russisches handschriftliches Gesprächbuch aus dem 17. Jahrhundert. Kobenhavn, 1962. 127 s.

Наименования коровы в орловских говорах

Е. В. Королева

В данной статье рассматриваются номинации коровы в орловских говорах. Материалом для работы послужили данные Словаря орловских говоров. Полученный материал классифицируется по семантическим группам. Делается вывод о том, что в основу наименования коровы в орловских говорах положены разнообразные признаки и характерные действия, что обуславливает существование большого числа номинаций.

Ключевые слова: лексема, лексико-семантическая группа, номинация, говоры, классификация

В традиционном обществе с развитой сельскохозяйственной культурой корова является одним из главных животных в домашнем хозяйстве. Корову воспринимают как символ благополучия, достатка. Корова — матушка, бурёнка, кормилица — считалась первым богатством скотовода, символом изобилия, благоденствия, плодородия. В орловских, как и в других народных говорах, названия коровы представлены многочисленными наименованиями. Материалом для работы послужили данные Словаря орловских говоров (СОГ).

В литературном языке слово *корова* имеет значение ‘крупное парнокопытное домашнее животное, дающее молоко; самка быка’. Эмоционально-окрашенными являются слова: *коровка*, *коровушка*; уничижительное — *коровёнка*. В орловских говорах наряду с общеупотребительной лексемой *корова* зафиксированы диалектные наименования, каждое из которых имеет свою мотивационную основу. По способности издавать звуки, реветь, корову называли *реву́хой* — *Ни у ка-во ривух послы вайны ни астальсь*. По подзывному слову ей дали название *тпруси́ня*, *тпруси́нька* — *Нашъ тпру-*

синькѣ идѣть. Наиболее употребительно в говорах название коровы по внешнему виду: **рогáтка** — *Тагда у каждѣм дваре рагаткѣ была.*

При номинации домашнего животного важным является его возраст, поэтому в говорах распространены названия детёнышей коровы: **телушóк, телушóнка, тюлушóнка, телыш, теля́, телóк, тпру́си́ня** — *А у сасетки тялушок. Надѣ тилушонку нзкармить. Тилок-тѣ у мене нипоуный асталси. Тпруси́ня — телёнкѣ.*

Возраст телёнка отмечается и через указание на действие, характерное для него. Детёныша домашнего животного, сосущего матку, в Урицком районе называют **сосóнчик** — *Сасончик стаит.* Часто употребительная лексема **опóюх, опóйтүх** имеет значение ‘телёнок в возрасте 3–4 недель, который питается пока только одним молоком’ — *Тилёнччик апоюх. Молóчником* в Новосильском районе называют телёнка в возрасте до года — *Малочникѣ нынчѣ первый день у стаду сагнала.*

Интересна и многочисленна семантическая группа, отражающая дифференциацию домашнего животного по возрасту через указание на время рождения и временной отрезок, который прожил телёнок. **Лётник** ‘детёныш коровы, проживший лето’ — *Адно летѣ прабудить тилёнкѣ, вот йетѣ и летник.* Употребительна лексема **лётюшник** ‘годовалое домашнее животное’ — *Бычок и тёлѣчка — летюшники у них.* Телёнка, прожившего лето и зиму, называют **зимовѣк** — *Был у нас зимавик, дѣ прадать пришлось;* а также **зимовáя корóва** — *Кажжа хазяйства: куры, гуси, каровѣ зимавая — усѣ есть.* В Новосильском районе встречаем лексему **одного́дчик** ‘телёнок в возрасте одного года’. **Трѣх-стáтка** ‘домашнее животное в возрасте трёх лет’ — *Ана ужэ трѣхстатка. Трѣхгóдок* ‘молодой бык в возрасте трёх лет’ — *Трѣхгóдкѣ усю цѣпѣ изарвал.* **Пáсынком** называют самого маленького телёнка в стаде — *Наш малинький пасынкѣ апятѣ ат стадѣ убижал.*

Прозрачную внутреннюю форму имеют номинации, в основе которых название времени года: *лётник* ‘детёныш коровы, родившийся летом’ — *Бычок и тёлчка — летники у них; босёнок, осенчук* ‘домашнее животное осеннего приплода’ — *Осинзк — родившийся осенью; зёмник* ‘телёнок, родившийся зимой.’ Заметим, что время рождения актуально только для номинаций телят.

В орловских говорах разнообразно представлены названия коровы, достигшей возраста года или полутора лет. Оказывается, для данного животного этот возраст является очень значимым, так как тёлка, при условии стельности, останется в хозяйстве, чтобы давать молоко после отёла. Если же тёлка не стельная, то ее, скорее всего, зарежут или продадут на мясо. Только после первого отёла тёлка становится коровой, для нее главное — способность выполнять репродуктивную функцию и давать молоко. Так, молодую, ещё не телившуюся корову называют *нётель* — *Мине у групну на хверму две нетили дабавили*. В Малоархангельском районе употребительна лексема *телу́ха* ‘молодая, ещё ни разу не телившаяся корова, тёлка’ — *Тилухъ-тъ на привизи*. Лексема *родёха* имеет два значения: ‘тёлка девяностимесячного возраста, пригодная к случке’ — *Атвяди радёху на выпас*; ‘корова в последний месяц перед отёлом’ — *Наша радёха висенняя*.

Корову, которая имеет особое физиологическое состояние в период плодоношения, отсчитывающегося с момента оплодотворения и до самого отёла (родов), называют *стелённая, тёленая*, то есть ‘вынашивающая в себе плод, стельная’ — *Стилёнзя карова. Телнзя карова*.

Корову, отелившуюся впервые, называют *первотёлок, первотёл, пёрвенец, первостатка* — *Ана мзладая карова, пирватёлк*. Лексема *рójная* в Ливенском районе имеет значение ‘телившаяся, имевшая приплод’ — *Каровъ ужэ рожнзя была*.

Широко распространены наименования, характеризующие не только телившуюся, но и не телившуюся корову: **нетелёная** ‘не вынашивающая в себе плод, не стельная’ *Каровъ этъ нитилёнъя*; **ялёвка** ‘молодая корова, не принесшая на свет в один сезон потомства, временное бесплодие коров’. В сельской местности большое значение имеет появление потомства у домашних животных. В силу этого наблюдаем выражение **выгульная тёлка** ‘тёлка, предназначенная для пополнения дойного стада’ — *Выгульныи тёлки — этъ асобъ вырациивзютца*.

Корова в домашнем хозяйстве — это, прежде всего, источник молока. Поэтому в процессе называния учитывается такой признак, как удоимость. Любая хозяйка не без гордости о своей корове сказала бы **дойни́ца** ‘дойная корова’ — *Дайница нашъ, кармилица наша*. Существует лексема, характеризующая неспособность коровы давать молоко: **ялёвка** ‘молодая корова, не дойная’.

Для называния коровы, которая телится не каждый год, в говорах существуют наименования: **передойка**, **передойная корова**, **корова на передой**. Данные лексемы имеют значение ‘яловая корова, которая характеризуется временным отсутствием молока’ — *А если каровъ ни агулялзъ, этъ пиридойка*. Надо отметить, что для крестьянской семьи такая корова была невыгодна, так как не каждый год приносила телёнка, что обуславливало недостаток молока.

Корова, дающая молоко и приносящая приплод, высоко ценилась в хозяйстве не только в материальном отношении, но и как символ благополучия. Такую корову называли **ведёрница** ‘корова, дающая много молока’ — *У мене карова видернициъ была, па дватцэтъ восем литрзъ мълака давала; молóковая корова, молóчная* — *Нашъ карова малокзвъя*.

Интересно, что в орловских говорах нет слов, называющих корову, которая дает малое количество молока. Это свидетельствует о практичности подхода к выбору коровы. Зафиксирована лексема, которая называет данное домашнее

животное с его физиологической стороны: корову с тугими сосками, из которых плохо поступает молоко, называют *тугососая* — *Каровъ нашъ тугасосья*.

Таким образом, многочисленные наименования коровы по удойности в орловских говорах говорят о том, что основное её использование — содержание в качестве молочного, а не мясного скота.

Интересны наименования: *доянье* ‘дойка’ — *Я былъ нѣ даяньи каровъ*; *подой* ‘дойка коров’ — *Нѣ падой идуть з дивьяннѣй пасудѣй*. К этой же группе относится глагол *подбить* ‘выцедить молоко из вымени, подоить’ — *Надѣ карову падоить*. Слово употребляется в той же форме, что и в современном русском литературном языке, но со смещением ударения на второй слог. *Сдаивать, сдоить* ‘выцедить молоко из вымени; подоить’ — *Сийчас карову здаю, будит мѣлако*. Лексема *подник* употребляется в двух значениях: ‘обмывание и обтирание вымени до и после дойки’ — *Я подник всигда делѣю*; ‘дневная дойка коров’ — *Успивали и на утрешник, и на подник*. Употребительна и распространена лексема *тешать, тешить, потешить* ‘выцеживать молоко из вымени коровы, доить’ — *Анна умеит тешить карову*. *Пайду карову патешу*. Слово *прорабатывать* означает ‘раздавать тугие соски коровы’ — *Мужьки прѣрабатывѣли каров на выгѣне*.

В орловских говорах широко представлена лексика, относящаяся к процессу доения. Распространены лексемы *имья, вимья, подзор*, обозначающие ‘вымя’ — *У маей карови имья дужа звбрусела, я прямѣ с ней замучилась*. *У нащѣй каровы вимя бальшая*. *Вот у карови падзор хѣрошый, малошнѣя, наверна*. Лексемой *дойка* обозначается ‘сосок на вымени коровы’ — *Вот карову пригнали, усе дойки патрескѣлись*. Слово *колодезя* имеет значение ‘ямки возле вымени, по которым узнают молочную корову’ — *Этѣ сматреть надѣ возле вимя, глубокие кѣлѣдезя аль нет*.

Очень интересна семантическая группа, включающая в себя наименования домашних животных по их характеру, привычкам. В названиях домашних животных, имеющих органы защиты — рога, отражаются действия животных, способность бодаться. В орловских говорах бодливая корова получила наименования *брухáка*, *колóка* — *Нинкинъ каровъ забрухалъ малъва — ана у ней брухака. Каровъ у ней — калокъ*. Значение ‘бодливый’ имеют адъективы *брухáчая*, *брухтáчая*, *брухúчая*, *колóчий*, *рляный*, *толкúчий* — *У нас дюжъ была брухачия карова. Ни пѣтхадите: каровъ колитца — калючия. Каровъ мая рлянъя. Была у нас у суседей карова талкучия*. Глаголы *брухáться*, *брухтáться*, *ботáться*, *бутáться*, *колóться* широко распространены в орловских говорах в двух значениях: ‘иметь свойство, обыкновение бодать, бодаться’ — *Нашъ каровъ буталъсь, и мы иѣ прадали*; ‘бодать друг друга’ — *Абои возле пѣгрябцу батаютца*. Лексема *будыскáться* обладает тем же значением, что и *ботáться* — *Каровъ будыскáтитца*.

В связи с тем, что один из основных признаков коровы традиционно связан с наличием рогов, их отсутствие также становится признаком для номинации этого домашнего животного. Так, в орловских говорах употребляется слово *паркíма*, обозначающее безрогую корову — *У ней каровъ паркима*.

По издаваемым коровой звукам выделяют следующие глаголы звучания: *стóгнуть*, *ретовáть* ‘издавать рѣв, реветь’ — *Фсе каровы в стаде стогнуть. Каровы ритуютъ; микнуть* ‘издать звук «му»’ — *Тилёнък микнул*.

В Орловской области выявлены лексемы, характеризующие животное по привычкам, нраву, поведению: *лизоблóдка* ‘о привередливой, слишком разборчивой в корме корове’ — *А каровъ у мене — этъ такая вот лизаблютка!*; *прозúка*, *прозúбка* ‘о хитром, плутоватом животном’ — *Каровъ празукъ усѣ-тки уматалъ кудаи-та; подворáшник* ‘о скотине, птице, часто забредающей в чужие дворы, сады, ого-

роды' — *Каровъ майа пѣдварашиницъ, ходитъ пѣ чужымъ дварамъ; вѣкалка* 'о животном, которое часто подаёт голос' — *Звгани ты эту вѣкълку дамой, искричалъсь уся.*

К номинации данного домашнего животного по внешнему виду и физиологическим особенностям относятся слова: *гладух* 'об упитанном, толстом животом' — *Гладуха пора прѣдавать; гладючий* 'отличающееся полнотой, упитанностью животное' — *Карови гладюции; ослѣток, осклѣток, ослѣток* 'о толстом, откормленном домашнем животном' — *Он у тибя толст, ну аслѣтѣк харошый прѣям; толстѣха, толстѣха* 'с толстым туловищем, толстое' — *Нашиз Бурѣнкѣ такая талстѣха.* Антонимичной им по значению является лексема *прѣный* 'хилый, худой, нездоровый' — *Каровъ тваи прѣные какие-тѣ.*

Интересно наименование животного *лобѣха* 'о животном (корове, телѣнке) с выпуклым, крутым лбом' — *Этѣ карова такая лабаха.* Часто употребительная лексема *лыска* имеет два значения: 'о домашнем животном с проплешиной на голове' — *У нихъ была карова лыска;* 'кличка домашних животных со светлым пятном на лбу' — *Вон пашила Лыска.* По внешнему виду коров характеризуют *требухѣстая, требушѣстая* 'с большим отвисшим животом' — *Каровъ мая была трябухастѣя; рябѣушка, рябая* 'корова, телѣнок пятнистого окраса' — *Нашиз каровъ краснѣя, а все рябушѣк телит.*

Для хозяев и хозяйства является очень важным период отѣла коровы, так как появляется новое животное, требующее внимания и заботы. Начало отѣла характеризуют лексемой *почѣн, почѣнѣть*, то есть 'проявлять признаки скорого отѣла, окота (о самках домашних животных)' — *Каровъ пѣчинаит хѣрашо.* Известны в говорах и существительные: *отѣл* 'время, когда телятся коровы' — *У калхози начилси атѣл; стѣл* 'роды у коровы, отѣл' — *Стѣл сиводня принималъ у сваей каровы; родѣны* — *У каровы радины трудныи были.* Глагол *речѣтъся* значит 'отелиться' — *У саседей каровъ ричилъсь.* Существительные *тѣл, тѣлево* также обо-

значают роды у коровы, отёл — *В этъм гаду тёл был харошый*. Значение ‘прибыль потомства у животных, приплод’ имеет лексема **плёмя** — *Племя, если скатинъ какая ате-литца плиминной*.

Со словами **отёл**, **стёл**, **тёл**, **тэлево** связаны лексемы **первотёл**ок, **первотёл**. Их словообразовательная структура указывает на два основных признака: корень *-тёл-* свидетельствует о процессе родов, а корень *перв-* указывает на то, что отёл *первый*.

В орловских говорах зафиксированы следующие подзываютые и отгонные слова для домашних животных, а в нашем случае для коров: **прсѣнь-прсѣнь**, **тпрусѣ-тпрусѣ**, **тпрусѣня-тпрусѣня** — *Тпрусе-тпрусе, мая харошья*. **Тприть** и **тпрусѣнь** имеют значение отгонного слова для телёнка — *Атайди! Тприть! Тпрусѣнь!*

Как показывает материал, в основу номинации коровы в орловских говорах положены разнообразные признаки и характерные действия, свойственные домашнему животному, что объясняет существование большого числа номинаций.

Значимость общерусских лексем в системе говоров (из опыта лексикографической и картографической работы)

Л. Я. Костючук

Диалектные лексикография и картография в XX–XXI вв. требуют особого внимания к полноте материала для наиболее объективного отражения народно-языковой картины мира. Одна из проблем — соотношение общерусского и диалектного в лексическом составе говоров. Накопленный опыт лексикографической и лингвогеографической работы позволяет сделать необходимые выводы, чему и посвящена статья.

Ключевые слова: полнота материала, общерусское и местное, лексико-семантическая система говоров

Системность диалектной речи в области лексики передаётся, во-первых, с помощью синонимов, антонимов, среди которых важны и общерусские, значимые в общении носителей говоров и для понимания смыслов речений; во-вторых, с помощью отражения и передачи системы и структуры лексико-семантического плана рассматриваемых единиц. При сообщении лексикографической или картографической информации это проявляется в определённой последовательности значений в диалектном словаре (с учётом объёма материала и главной задачи при подходе к публикации материалов), а на карте — через логику изображения и следования значков легенды (ЛАРНГ 2004).

Значим незаменимый для наведения справок «Словарь русских народных говоров» (СРНГ), в котором максимально полно подаются лексико-семантические сведения о лексеме

из огромного количества народных говоров XIX–XXI вв., но без детального представления структуры и логической последовательности значений. Такая особенность словаря получает своё объяснение: словарь делает доступным для сопоставления сохранённый диалектный материал с необходимым «своим» материалом в исследовании конкретного автора. В «Псковском областном словаре с историческими данными» (ПОС), в соответствии с подходом Б. А. Ларина к разработке уникального в мировой лексикографической практике областного словаря полного типа с местными словами из памятников псковской письменности, который был обоснован и отражён в его инструкции к этому труду [Ларин 1961; Ларин 1962: 252–271], серьёзное внимание уделяется логике показа жизни слова в многообразии значений, в вычленении оттенков значений, в отражении употребления некоторых слов как потенциального условия для развития значения в дальнейшем, в отнесении идиоматики в разные разделы словарной статьи, что отвечает диахронному взгляду на формирование фразеологии [Ларин 2002: 28–49]. Всё это помогает исследователям, читателям решать и другие вопросы при необходимости.

Достаточно вспомнить и сопоставить две редакции Инструкции «Псковского областного словаря» [Ларин 1962: 252–271; Инструкция 2004: 5–67] (сейчас подготовлена третья редакция, которая будет опубликована в очередном выпуске словаря). Исследования псковских лексикографов, лексикологов, грамматистов, стилистов за прошедшее время дали возможность уточнить ряд понятий, например относительно вариантов одного слова, в отличие от разных лексических единиц. Важно обращаться и к неустаревшему учению А. И. Смирницкого о «тождестве и отдельности слова» [Смирницкий 1956].

Учёт степени сближения и дифференциации значений у диалектных слов дал возможность объединять значения некоторых многозначных слов в семантические блоки и обо-

значать их в словарной статье римскими цифрами с дальнейшим членением в соответствии с иерархическими отношениями, обозначая арабскими цифрами. Зачинателем такого решения явился А. И. Корнев. Первой была его разработка многозначного слова *быть* и в современной части, и в исторической части словарной статьи с тремя блоками: «I. В качестве самостоятельного глагола означает: [далее четыре значения в современной части и четыре значения в исторической части. — Л. К.]. II. Как вспомогательный глагол употребляется: [далее пять значений в современной части и пять значений в исторической части. — Л. К.]. III. В конструкциях с независимым инфинитивом употребляется... [далее три значения в современной части и три значения в исторической части. — Л. К.]» (ПОС 2: 236–243). Причём разработка семантической стороны настолько детальна, так наглядно показывает специфику материала, что внимательное следование за рассуждениями автора и результатами его наблюдений приводит неожиданно к обнаружению редких явлений и в живых говорах, и в материалах прошлых веков. Такой взгляд на содержание слова помогает не «потерять» даже мельчайших случаев в лексической семантике и в употреблении слов в контекстах и решить, отражать ли их специально и каким способом. Важно, что при этом учитывается и взаимодействие разных языковых уровней. Заинтересованному исследователю, например, в области грамматики, удаётся обнаружить необычное временное значение у некоторых древних форм прошедшего времени: аорист и имперфект, оказывается, в древнерусских текстах могли употребляться со связочной частью. Частично это помогает выявить своеобразие перфектного значения в период формирования в дальнейшем современного прошедшего времени, о чём приходилось нам писать.

Итак, за основными признаками выявляемой системы у лексико-семантических единиц стоят многие теоретические и практические положения в серьёзных исследованиях.

Основным из опорных составляющих диалектной системы в области лексики является признание / непризнание (а если признание, то определение места) общерусских средств номинации. При наличии общерусских значений у диалектных слов важно выявлять переход к образованию других значений, что на фоне присутствия и общерусской составляющей наиболее ясно удаётся понять и объяснить такой путь. Например, в исторической части словарной статьи «Псковского областного словаря с историческими данными» на слово *весна* с учётом общерусского значения в живых говорах ('время года между зимой и летом') отчётливо проявляются и два уникальных местных (псковских) значения, хорошо передающих специфику местной языковой картины мира: 'право сезонного лова' с показательным примером из «Псковской судной грамоты» 1462–1471 гг. («*А которой котечникъ заложил весну, или исполовникъ у государя, ино ему заплатитъ весна своему государю как у другои чать доставалоя на том же садъ*») и 'арендная плата' («*Ино ему заплатитъ весна своему господину*» — с псковской особенностью в тексте: винительный падеж при переходном глаголе от существительного женского рода на *-а*, совпадающий с именительным (ПОС 3: 115)). Слово *весна* в указанных местных профессиональных значениях не отмечено ни в одном из исторических словарей с примерами из памятников из других регионов. Можно утверждать, что это псковская лексическая особенность.

Лексикография, которая разработана неизмеримо полнее и системнее, чем картография (хотя достижения отечественных специалистов известны по ряду лингвистических атласов XX в.), может помочь и картографии, в частности в связи с решением вопроса о роли общерусских лексико-фразеологических единиц в системе отражения аналогичного диалектного материала при трудностях получать на рубеже XX–XXI вв. ответы на многочисленные вопросы «Программы со-

бирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров» (Программа ЛАРНГ).

Опыт показал, что содружество лексикографии и картографии необходимо, как бы далеки и индивидуальны они ни были.

Б. А. Ларин обращал внимание на системное представление лексического материала в «Псковском областном словаре с историческими данными» разными приёмами. Например, учёт грамматической характеристики для определения статуса слова как части речи с обязательным показом основных словоформ у изменяемых частей речи: родительного падежа у имён только при обязательном наличии этой формы в материалах словаря; с показом окончаний первого и третьего лиц единственного числа у глаголов тоже при наличии в карточке этих форм; другие, «экзотические», формы отмечаются тоже в заголовке статьи. Тщательная разработка семантики слова требует внимания ко многим уровням языка, в частности и к сочетаемости, к функционированию в соответствующем окружении, что может повлечь при повторяемости подобного использования развитие нового значения (это так называемое «употребление», обозначаемое горизонтальной чертой). Так, в словарной статье на слово *брюхо* в первом, общерусском, значении 'часть тела человека или животного между грудью и ногами, живот' обнаружено и зафиксировано несколько диалектных употреблений: «— 'О брюшной полости' (*Я сама бѣгаю, а у миня кишок в брюхе нет*)»; «— 'О нижней стороне шляпки гриба' (*Абаротили грип кверху брюхам, а эта ситавик*)»; «— 'О выпуклости, неровности чего-н.' (*У косы: пглажыть на диривянную чурку и мвлатком — этъ брюхъ выпрямить*)» (ПОС 2: 189). Принцип полноты словаря предполагает такое отношение к собранному материалу, которое не даёт права «потерять» ни одного значимого сдвига в значениях: «употребление» — это «зачаток» намечающегося такого сдвига в значении, который с течением времени может закрепиться как оттенок значения или

даже как новое значение (но на этапе создания словарной статьи при анализе материала нельзя терять такие тонкие смысловые явления, связанные с пониманием контекста).

Принятие таких решений невозможно без относительной полноты фиксации материала исследуемых говоров не только в синхронии, но и в диахронии, что и сделало «Псковский областной словарь с историческими данными» уникальным в мировой лексикографии.

Чтобы понять значимость в лексической диалектной системе общерусских слов с общеизвестными значениями, достаточно ознакомиться со словарной статьёй, например, на слово *на́ция* с его первым универсальным в культурном обществе значением ‘национальность, народность’. Важность этого значения, его фон объясняют условия, направление для появления, например, в псковских говорах удивительных народных значений, отражающих языковую картину мира и языковое творчество местных жителей: ‘вид, порода’ («*Кóшка и катёнак, фся́ íхня на́ция*»); ‘внешний вид, облик’ («*Ня узнаеш, па́рень íли дэвушка, адно́й на́цыи*»); ‘обычай, обыкновение’ («*У нас такя́я на́ция: дэвушка далэ́жна крава́ть купítь, шкаф*»); ‘наречие, говор; особенность речи’ («*У наро́ду ра́зная на́ция, в Го́рькаскáй о́бласти гаваря́ть ня так*») и др. (ПОС 20: 411). Но эти псковские значения не появились бы у слова без знания диалектоносителями общекультурного, общерусского значения.

Как будто достаточно показательны однокоренные наречия-синонимы *нато́ца́*, *нато́ца́ка*, *нато́цака́х*, *нато́ца́х*, *нато́ще* со значением ‘до принятия пищи, на голодный желудок’ (ПОС 20: 360). Но справедливо в словаре полного типа присутствует и известное в говорах общерусское слово *нато́ца́к*.

Учёт соотносимых случаев типа *перебу́ть*, *переоде́ть* (общерусских) и *перебу́ть*, *переде́ть* (псковских диалектных) как будто с потерей одного гласного звука в лексикографической («Псковский областной словарь») и картографиче-

ской (сбор материала для «Лексического атласа русских народных говоров» по теме «Одежда») практиках заставляет задуматься над явлением. Эти слова попадут и в «Псковский областной словарь», поскольку лексикографы дорожат всеми записями псковской народной речи, а значит, и собраниями материалов для «Лексического атласа» по псковским говорам.

Данные нашего словаря не раз позволяли пополнить материалы при составлении карт для атласа. И приходится учитывать оба указанных случая для названий понятий, чтобы не обеднить лексическую систему говоров. Исследователь же, наблюдая подобные явления, должен будет решать, что здесь: фонетический ли процесс, особое ли словообразование с участием «связанных корней» и приставки.

Так приходится подходить к сложной истории лексических карт с теми наименованиями, которые известны носителям русского языка независимо от географических мест их жизни. Дело в том, что вмешиваются общерусские представления в системы говоров при рассмотрении конкретного участка действительности. Это коснулось и карт, где встречаются наименования *ча́га*, *трутовѣ́к* и их однокоренные в двух разных номерах карт как будто с близкими темами: «Шишковатый нарост на дереве» и «Грибной нарост на дереве». В чём же дело?

Спрашивается о разных реалиях. Название **грибной нарост на дереве** нацеливает на генетическую природу явления («грибковую»). Обычно эта реалья используется в лечебных целях. Часто связывают её с названием *ча́га*. Наименование же **шишковатый нарост на дереве** предполагает образное указание на форму реалии, которая, будучи твёрдой, идёт на изготовление разных поделок. Для этой реалии обычны наименования типа *трутовѣ́к*. Естественно, стоит понимать под этими названиями разные реалии, раз предлагается составить две разные карты. К сожалению, даже в специальных биологических справочниках нет удовле-

творительных разъяснений этому. Нет чёткости и в рассказах диалектоносителей: одни и те же лексемы-наименования массово попадают в ответы на разные вопросы программы. Сложность решения возрастает и потому, что приходится отражать на картах названия огромного количества говоров. А сведения противоречивы. Грозило решение отвергнуть весь нечёткий материал или, наоборот, найти нестандартный подход к анализу и оценке представленного собирателями материала. В таких случаях, особенно на последнем этапе исследования, важны советы и опыт редактора. В результате пришли к решению сделать карты с ориентацией на отбор тех названий, которые присутствуют в наиболее информативных диалектных разъяснениях-иллюстрациях. Например, к тому, что названо **шишковатый нарост**, относятся в народных говорах, помимо наименований *наплыв*, *кап* и других, и *трутовьянка* («Трутовьянкой у нас зовут шишковатый нарост на стволе дерева. Трутовьянка обычно серого цвета, похожа на копыто. Трутовьянки много на берёзах. Они от трутовьянки гибнут»), и *чага* с вариантом *цага* («Чага, плохие шишки тоже всю вишню сейчас едят»). То же самое обнаруживается и в карте с общим названием другой реалии — **грибковый нарост**: помимо наименований *губовъё*, *губица* и других, как синонимы тоже встречаются и *чага*, и *трут* («Вот растёт на стволе как гриб. Это трут, он от болезни лечит. Кто чага зовёт»). Отсутствие определённых общерусских названий в специальной литературе и в говорах для соответствующих понятий при указанных реалиях, оказывается, затруднило ориентировку в диалектном материале.

Напомним и коллективное нелёгкое и не сразу принятое решение вводить в список для картографирования подчас и наименования с общерусским словом, чтобы не обеднить показ знания диалектоносителями окружающего мира, а самое главное, чтобы отразить явную словообразовательную активность общерусских корней именно в говорах, тем более

разных регионов с их собственной спецификой. Например, названия типа *густяра́* и под. для того, что в общерусском языке названо описательно словосочетанием **густые заросли кустарника** со словом **густой**; *беля́к* от слова **белый** в общерусском описательном словосочетании **белый гриб**. Таких случаев встретилось много при работе над разными темами: введение в необходимых случаях описательных наименований от общерусских формулировок тем карт (ср. **густые заросли, белый гриб**) призвано не создать впечатления, что диалектоносители не имеют понятия о той или иной реалии, которая находится в кругу современной окружающей действительности, но по какой-то причине в языковой картине мира не сохранились у нынешних сельских жителей местные названия. Известно, что язык, включая и народный (говоры), в XX в. и сейчас испытывает сильное влияние «внешней лингвистики» [Соссюр 1977: 59–61].

Но бывает и компромиссное решение: не вводя явно такие общерусские наименования в легенду к карте, не исключать их из Индекса, а на карте давать при необходимости отсылку к нему.

Итак, важно заботиться не только о системном понимании, но, самое главное, и о системном отражении того, что каждый составитель карты обнаружил и должен это донести разными способами до «читателей» карты (набор наименований, легенда, отбор иллюстраций, единообразие подачи материала разными авторами в общем труде — томе атласа). Но каждый раз принятое решение должно быть защищённым и обоснованным: не шаблонный подход, а разумное представление материала для конкретного места и времени.

Проделанная над томом «Растительный мир» и над другими темами работа научила нас самостоятельно, не в ущерб объективной действительности, принимать решения после всесторонней оценки ситуации и обогатила знаниями в области лингвогеографии вообще, а не только в пределах «своего» участка работы над «своей» картой. Очень полезны были

наши нескончаемые встречи, обсуждения, находки, а потом совершенствование решений и критическая оценка самих себя. В частности, признание роли общерусского в системе диалектного, а не следование только за «экзотикой» диалектного материала.

Мы могли учиться у более опытных, друг у друга. А теоретические заседания в период зимних встреч и многих других лексикографических, картографических и лексикологических; современных и исторических по материалу и проблематике конференций (отечественных и международных) обогатили новым, воспоминанием прошлого или узнаванием этого прошлого. А без памяти о достижениях тех, кто обеспечил фундамент науки, нельзя успешно работать никому.

Литература

Инструкция «Псковского областного словаря с историческими данными» (2-я редакция) // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 15. СПб., 2004. С. 5–67.

Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря. Л., 1961. 22 с.

Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря // Псковские говоры. I. Псков, 1962. С. 252–271.

Ларин Б. А. Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // *Б. А. Ларин. Филологическое наследие: Сборник статей.* СПб., 2003. С. 28–49.

Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956. 260 с.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. 695 с.

Наименования хозяйственных построек в белгородских говорах*

С. А. Кошарная, Л. И. Плотникова

В работе предпринят анализ тематической группы «наименования хозяйственных построек» в белгородских говорах. Лексика белгородских говоров является благодатным материалом для диалектологических исследований, поскольку, с одной стороны, область являет собой пограничье с Украиной, чем объясняется факт многочисленных лексических заимствований, а с другой, здесь сохраняется значительный пласт архаики, что, помимо прочего, связано с традиционностью занятий сельских жителей Белгородчины.

Ключевые слова: белгородские говоры, диалектизм, регионим, хозяйственные постройки

Лексика белгородских говоров является благодатным материалом для диалектологических исследований, поскольку, с одной стороны, область являет собой пограничье с Украиной, чем объясняется факт многочисленных лексических заимствований, а с другой — здесь сохраняется значительный пласт архаики, что, помимо прочего, связано с традиционностью занятий сельских жителей Белгородчины. При этом диалектный словарь области на сегодняшний день остается малоисследованным. Практически не описаны отдельные тематические группы диалектной лексики, нет системного описания словообразовательных и морфологических особенностей диалектизмов Белогорья, явления вариативности, синонимии в белгородских говорах и т. д. Между тем указанные говоры представляют значительный интерес, в том чис-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 16-14-31002 (региональный конкурс) «Диалектизмы и регионимы в речи жителей Белгородчины к. XX – нач. XXI вв.».

ле — для лингвокультурологии, так как они отражают процесс становления и развития южнорусского наречия в целом, а также особенности культуры региона.

В нашей работе мы представляем анализ тематической группы «наименования хозяйственных построек», которая в силу своей традиционности вбирает в себя и архаичную лексику, и репрезентирует факт взаимодействия значительной части белгородских говоров с диалектами Слободской Украины.

Источник материала — Словарная картотека белгородских говоров, хранящаяся на кафедре филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Комплекс хозяйственных построек традиционно включает сараи и пристройки к жилому строению различного назначения. Из всех наименований хозяйственных построек, необходимых для обработки и хранения зерновых, наиболее распространенными в говорах Белгородской области являются лексемы *овин* и *амбар* (в различных огласовках: *амб́ар* — *анб́ар*, *ови́н* — *ови́на*, свидетельствующих о явлении вариативности в народных говорах), например: *ови́н* ‘помещение для сушки и хранения снопов’ (*В ави́не снопы́ сушы́ли; За ови́ной та́ма поищы́.* Новооскол.); *анб́ар* ‘сарай для хранения зерна, муки’ (*У анб́ари́ муку́ принисы́.* Чернян.; *В амб́аре жы́то.* Новооскол.).

Таким образом, лексемы сохраняют своё общенародное значение: *овин* ‘строение для сушки хлеба в снопах’, ср. лит. *jaũja* ‘амбар, льносушильня’ от *javai* ‘необмолоченный хлеб’ (Фасмер 3: 113–114), причем подвешенные на жерди снопы хлеба (конопли, льна) высушивались перед молотьюбой с помощью костра или печи.

Печь, установленная в овиннике, именуется в Шебекинском районе Белгородской области *горнушкой*: *горну́шка* ‘топка в овине’ (*Завтра́ б́уду топы́ть горну́шку.* Шебекин.).

Амбар может служить и общим хозяйственным помещением, в котором отгораживают специальный угол или часть помещения для хранения зерна — **закром** (*закрóm*): **зákром**, **закрóm** ‘отгороженная часть амбара’ (*В зákкрам схожу́*. Новооскол.; *У закрóме принаси́ вядрó зерна́*. Чернян.).

Особыми постройками в хозяйственном комплексе являются помещения для летнего местопребывания — **пунька** и **временка**: **пúнька** ‘маленький дом без отопления’, ‘небольшое неотапливаемое строение’ (*Лéтам у пúньке харашó, прaxлáдна*. Чернян.); **врeмянка** ‘небольшое неотапливаемое строение’ (*У вримьянки видрó забирí*. Чернян.), ‘летняя кухня’ (*Лéтам ва вримьянки жáрка, плитá так и дýшыт жáрам*. Старооскол.).

Как показывает анализ белгородских говоров, лексемы **пуня** (**пунька**) и **временка** различаются семантически: **пунька** ‘маленький дом без отопления’ и ‘сарай’; **временка** либо ‘небольшое неотапливаемое строение для летнего проживания’, либо ‘летняя кухня, небольшое, отдельное от дома строение для приготовления пищи в теплое время года’.

Мотивационная основа слова **временка**, таким образом, очевидна: ‘постройка для временного пребывания’, ‘предназначенная для использования в определенное время года’.

Что касается слова **пуня** (**пунька**), то оно относится к заимствованиям исторического периода, которое чрезвычайно широко распространилось по русским говорам в значениях ‘амбар’, ‘сеновал’, ‘хлев’, ‘помещение для хранения хозяйственного инвентаря, кладовка’, ‘летняя кухня’. Вероятно, изначально слово имело значение ‘помещение для обмола или хранения зерна’, затем, с расширением ареала распространения, семантика слова по-разному конкретизируется в разных диалектах и в некоторых значениях пересекается с семантикой другого заимствования — **клуня**, которое известно в белгородских говорах по пограничью с Украиной. Слово **клуня** ‘молотильный сарай’, ‘помещение для молоть-

бы и хранения хлеба в снопах и зерне' родственно лит. *kloti* 'расстилать', польск. *klunja* 'амбар из бревен, место для ночлега', по-видимому, оно заимствуется русскими говорами из польского через посредство украинского языка.

Исходя из того, что лексема *пуня* (*пунья*) (в отличие от диалектизма *клуня*) фиксируется во всех районах области, она может быть отнесена к разряду *регионимов* — элементов особой единицы диалектного членения — *региолекта*, в понимании которого мы уходим от традиционной, по сути дублирующей понятие полудиалекта, трактовки этой разновидности местной речи как городского просторечия с наличием ареально варьирующих черт. В нашем понимании основополагающим для региолекта является не противопоставление городской и сельской речи, а широта ареала распространения, и с этой точки зрения *регионим* — это слово диалектного языка, функционирующее на всей территории области (региона).

Для слова *временка* на сегодняшний день в нашей картотеке нет достаточных данных, чтобы уверенно говорить о его региональном статусе, но можно предположить, что оно также является регионимом.

Синонимичным слову *временка* оказывается диалектизм *хаты́на* 'летняя кухня, отдельное от дома помещение' (*У хаты́ни паста́вила вары́ть карто́ху парася́ти* (Шебекин.)).

С одной стороны, здесь можно «заподозрить» влияние украинских говоров, в то же время, как указывает Н. Г. Шубина, жители соседних с Белгородской областью украинских поселений называют постройку для временного проживания *летней* (субстантив) или *летней кухни* [Шубина 2004: 19].

Выстраивается синонимический ряд: *амбар* — *пуня* — *клуня*, причем два последних члена ряда имеют более узкое территориальное распространение (Чернян., Старооскол., Новооскол.), нежели тюркизм *амбар*. По-видимому, появление в языке слов *пуня* и *клуня* некогда знаменова-

ло усложнение и укрупнение дворового комплекса и имело место уже в исторический период, так как в древнерусском языке данных наименований еще нет.

Помимо этого, в ряде говоров Белогорья фиксируется номинанта *сѣнник* 'крытый сарай для хранения сена' (например: *У сѣннике лётам спѣли*. Волокон.).

Отдельную подгруппу составляют наименования хозяйственных строений, связанных с животноводством: *закѹта* и *зѹкута* 'загон для скота' (*Авѹц в зѹкуте дѣржим*. Новооскол.); *кѹрник* 'куратник' (*У кѹрнике птѹцы мнѹа*. Чернян.); *клеть* 'сарай для овец' (*Зауанѹ авѹц у клеть*. Чернян.); *хлев* 'сарай для скота' (*У хливѹ тилѣнак, гладѹ*. Чернян.).

Полисемантическим является наименование *холобѹдка* 'будка, сарай' (*Щинкѹ у халабѹтки сидѹть*. Чернян.; *Старѹѹ всѹкая у халабѹтке лижѹть*. Старооскол.).

К постройкам, отстоящим от жилого строения, относится курень: *курѣнь* 'шалаш в лесу' (Новооскол.). При этом заслуживают внимания известные значения данного наименования: *курѣнь* 1. То же, что шалаш (обл.); 2. На Дону и Кубани: изба, дом; 3. В старину: отдельная часть запорожского казачьего войска, а также ее стан (Ожегов: 315). В говорах также известны производные от данного слова: *курѣньк* 1. Небольшой сарай для хлеба в поле. **Ворон.**; 2. Маленький домик. **Казакѹ-некрасовцѹ**; 3. Овинный курѣньк. Пристройка к овину. **Ворон.** (СРНГ 16: 120).

В белгородских говорах данное слово, которое восходит к тюркизму *kŭrĕn* 'толпа, племя, отряд воинов', фиксируется только в одном из перечисленных значений, несмотря на близость с Украиной и донской степью.

Среди анализируемых лексем выявляются исконные образования: *временка*, *горнушка*, *закром*, *закута*, *клеть*, *курник*. В то же время здесь имеется значительное количество разновременных заимствований: *амбар*, *клуна*, *курѣнь*, *овин*, *пуня*, *сарай*, *халабудка*, *хлев*, *хатына*.

Данные лексемы, номинирующие хозяйственные строения, отражают межэтнические контакты, в том числе опосредованные украинским языком.

Наиболее широко распространенными в белгородских говорах оказываются общенародные лексемы, в частности, общее наименование дворовой хозяйственной постройки *сарай*. И для этого имеются культурологические основания. Вошедшее в общенародный язык заимствованное в XVII в. тюркское слово *сарай* потеснило номинанту *амбар*. В языке-источнике существительное *сарай* означало 'дом, дворец'. У русских оно многозначно, как многовариантно само название реалии. Эта многозначность преодолевается в говорах появлением новых лексем с конкретным значением, например: *придѣлух* 'сарай для хранения сельхозинвентаря' (*У придѣлухе вілы возьми да агрибай*. Ровенск.), ср. *приделок* 1. Жилая пристройка к дому. **Калуж., Калинин., Ряз., Ворон.;** Хозяйственная пристройка к дому. **Русские на Буковине;** 2. Пристройка к сараю, двору. **Калин., Горьк.;** Навес для хозяйственного инвентаря, дров и т.п. **Калин.;** Небольшой хлев, сарай. **Калин.;** Помещение (на скотном дворе), где подогревают воду, готовят пойло. **Моск.;** 3. Кухня. **Моск.;** 4. Отделение в сундуке для мелких вещей. **Киргиз.** (СРНГ 7: 191).

Равным образом конкретизация значения имеет место в номинанте *комбра* / *камбра* 'сарай для хранения зерна', 'то же, что амбар' (Волокон.) — заимств. из польского *комога* 'кладовая', 'чулан', ср. *комора* 'комната' **Смол.** (СРНГ 14: 237); *камора*, *комора* 'чулан, кладовка, а также отделенная перегородкой небольшая часть комнаты' **Курск., Орл., Смол., Брян., Южн., Зап., Свердлов.;** *камора* 'двор' **Калуж.** (СРНГ 13: 27).

Несмотря на некоторую ограниченность состава белгородской лексики, номинирующей хозяйственные строения, внутри данной группы проявляются общие для диалектов тенденции: склонность к вариативности различного рода

(фонетическая: *комóра* (в окающих говорах по пограничью с Украиной) — *камóра, закúта и зáкута* (акцентное варьирование); морфологическая: *овин* — *овина*; семантическая: *временка* — ‘небольшое неотопливаемое строение’ и ‘летняя кухня’), к развитию синонимических рядов: *сарай* — *амбар* — *пуня* — *пунька* и др.

В то же время конкретизация полисемантов и формирование гиперо-гипонимических отношений (*сарай* — *клеть, клуня, курник, пунька, хлев* и др.) свидетельствуют о значительной специализации хозяйственных построек на территории Белгородской области.

Таким образом, данная тематическая группа репрезентирует важнейшие черты местных говоров на современном этапе их развития, проявляющиеся на всех языковых уровнях, а также демонстрирует формирование в пределах области особого лингвокультурного образования — региолекта.

Сокращенные названия районов Белгородской области

Волокон. — Волоконовский

Старооскол. — Староосольский

Новооскол. — Новооскольский

Чернян. — Чернянский

Ровенск. — Ровенской

Шебекин. — Шебекинский

Литература

Шубина Н. Г. Наименования жилых и хозяйственных построек в говоре села Городище Старооскольского района Белгородской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2004. 22 с.

Проявление системных отношений в лексике русских говоров Воловского района Тульской области

Н. А. Красовская, Л. В. Шестопалова

В статье рассматриваются вопросы внутреннего деления тульских говоров, проявление системных отношений в лексике нескольких населенных пунктов, расположенных в юго-восточной части тульских говоров.

Ключевые слова: система, диалект, юго-восточные тульские говоры, Тульская область, Воловский район

В рамках данной статьи мы остановимся на названиях дятла, известных в русских говорах. Материалом послужил корпус лексем, полученных в качестве ответов на вопрос 275 Программы для составления «Лексического атласа русских народных говоров» (Программа ЛАРНГ).

Тульские говоры относятся по современному диалектному членению к говорам переходного типа. Их характеристика сложна, так как она включает в себя факты, которые являются отличительными признаками всего южнорусского наречия, говоров юго-восточной диалектной зоны, частично говоров Центра и юго-западной диалектной зоны. Долгое время считалось, что большое влияние на формирование особенностей тульских говоров оказали среднерусские говоры, а через них ощущалось и воздействие говоров более северных территорий. Однако, по нашему мнению, довольно заметное влияние на тульские говоры оказали языковые черты территорий, находящихся как западнее, так и восточнее. Можно долго говорить об истории формирования тульских говоров, о пересечении на территории этого региона различных диа-

лектных зон. Однако до сих пор сложная характеристика тульских говоров не отразилась в создании какой-либо типологической сетки. Данные нашей работы по сбору диалектного лексического материала на территории тульских говоров, научные результаты других диалектологов, занимающихся фонетическими, грамматическими проблемами, данные культурологов и фольклористов свидетельствуют о том, что тульские говоры включают в себя несколько типов, разновидностей, которые сложились исторически и имеют комплекс своих языковых характеристик.

Результаты наших экспедиций и исследований дают возможность предварительно выделить как минимум три разновидности внутри тульской группы говоров (оговоримся, что в данном случае мы опираемся пока только на данные по тульским говорам, распространенным на территории Тульской области, не принимая во внимание тульские говоры, распространенные на территории Калужской области). Это юго-западные территории по течению реки Упы, являющейся притоком Оки — часть Одоевского, Суворовского и Арсеньевского районов. С другой стороны, это северная часть тульской группы говоров, в которую входят населенные пункты Веневского, Ясногорского районов, этот край определяется как территория, примыкающая к реке Осетр. Наконец, это говоры, распространенные на территориях Воловского, Богородицкого, Кимовского районов, именно в этих местах берет свое начало река Дон. Эти регионы отличаются и по укладу жизни, по природным комплексам и ландшафтам, по особенностям ведения сельского хозяйства. Наши предварительные данные базируются на ряде наблюдений, связанных с распространением фонетических, грамматических и лексических фактов. Для проведения дальнейших изысканий необходима разработка полной программы, включающей в себя вопросы, которые бы отражали систему говора (говоров), бытующего на той или иной территории.

Думается, что определенное языковое единство проявляет себя в системности.

Закономерно, что чаще всего системообразующие факторы стараются выявить в наличии тех или иных фонетических, грамматических явлений. Гораздо сложнее проследить проявление системных отношений в лексике, многие факты архаических лексических систем утрачены, лексический уровень диалектов постоянно подвергается воздействию со стороны иных языковых систем, подсистем. Однако мы считаем, что лексические факты современных говоров все-таки дают возможность определения в них системных отношений. Проявление системных отношений в лексике, по нашему мнению, и может служить определенным доказательством языкового (а также культурного, исторического) единства той или иной территории (в нашем случае внутри тульской группы говоров).

Известно, что лексическая система — это такое внутренне организованное единство, элементы которого постоянно взаимодействуют друг с другом и находятся в определенных устойчивых отношениях. Лексические единицы вступают в парадигматические и синтагматические отношения. Под парадигматическими отношениями понимаются отношения между единицами одного класса, одной группы слов. Разные единицы, находящиеся в парадигматических отношениях, не могут быть употреблены одновременно [Шмелев 1977: 112–113].

Попытаемся выявить системообразующие черты в лексике говоров двух населенных пунктов Воловского района, которые мы подвергали экспедиционным обследованиям в 2013, 2014, 2015 гг. Это д. Красный Холм и д. Алексеевка. В ходе экспедиций нами были опрошены более десятка коренных жителей этих населенных пунктов, в возрасте от 70 до 90 лет. Указанные деревни находятся на северо-востоке Воловского района, в непосредственной близости к Богородицкому

району. Расстояние между населенными пунктами составляет около 5 км.

Воловский район расположен на юго-востоке Тульской области. Он занимает площадь 1080 кв. км. Его население составляет около 15 тыс. человек. Административный центр — рабочий поселок Волово. Расстояние от Тулы — 101 км. Население — 4 тыс. человек. Воловский район граничит на севере с Богородицким районом, на северо-западе и западе — с Тепло-Огарёвским, на юго-западе — с Каменским, на юге — с Ефремовским, на востоке — с Куркинскими районами [Васильев 2006: 9]. Именно Воловский район оказывается крайней зоной, которая отделяет юго-восточную зону от западной, поэтому интересно обратиться к лексике этой территории, попытаться выявить в ней системные отношения.

Эта территория имеет сложную историю. Из древнего села Никитского в первой половине XIX в. часть жителей основала деревню Красный Холм (она в простонародии до сих пор называется Выселки), а из села Кузовка — деревню Алексеевка.

Некоторые воловские говоры, например, говор с. Непрядва, в 1897 г. анализировал известный диалектолог Е. Ф. Будде. Так, характеризуя особенности речи жителей, он отмечал, что в нем нет перехода [e] в [o] в окончаниях глагольных форм [Будде 1898: 7]. В 1927 г. продолжил исследование этого говора В.Н. Сидоров, который побывал не только в с. Непрядва, но и в с. Никитском, д. Пруды, с. Богоявленка, с. Ростово, с. Михайловском, с. Кудашево, с. Никольское-Буйцы, с. Красно-Буйцы, с. Березовка, с. Монастырщина и выяснил, что такая черта, как отсутствие перехода [e] в [o] после мягких согласных перед твердыми, сохранилась и проявляется еще очень ярко. В.Н. Сидоровым также было определено, что говор деревень Воловского района акающий, аканье в нем недиссимилятивное: звук [a] в первом предупредительном произносится перед ударными [a, и(ы), у, o]. Звонкий задненебный по своему образованию является фри-

кативным: *уармóшка*, *уалушки* и др. Согласные [ф] и [ф'] в говоре отсутствуют. В заимствованных словах в соответствии с твердым [ф] произносится перед согласными [х]: *кóхта*, *хронт* и др. и перед гласными [хв]: *сврахв́ан*, *хв́артук* и др. Губно-зубной фрикативный звонкий [в] в положении перед согласными не в начале слова изменяется в неслоговой [ʏ]: *де́йка*, *пацта́йка* и др., так же на конце слова: *рукáй*, *уадо́й* и др. Заднебный глухой взрывной согласный [к] смягчается в положении после неслогового [j] и мягких согласных: *ма́л'ин'к'у́у* и др. Род.-вин. п. ед. ч. личных и возвратного местоимений представлен в форме *м'ин'э*, *таб'э*, *с'уб'э* и др. Возвратные глаголы образуются посредством частицы [с'и]: *рад'у́лс'и*, *зада́хн'о́ис'и* и др. Форма 3-го лица ед. ч. и мн. ч. глаголов оканчивается на [т']: *саб'ару́т'*, *нав'азу́т'* и др. [Сидоров 1949: 277–289]. Таким образом, по совокупности фонетических, грамматических черт говор указанных населенных пунктов Воловского района Тульской области можно считать южнорусским.

Для доказательства системности лексических фактов, бытующих в близких населенных пунктах, обратимся к примерам нескольких тематических групп.

Так, в д. Алексеевка мать называют *ма́мка* и *ма́мушка* (*ниблагославила миня едина́я ма́тушка*), а в д. Красный Холм — *ма́ма* (*ма́ма, па́па звалá*). В д. Алексеевка свекровь, т. е. мать мужа, именуют *ма́мушка* (*ра́ньше ма́мушка зва́ли*), *ма́ма* (*а типе́рь рэзришы́ть вас нэзыва́ть ма́ма*) и *свекрóвья* (*што́п свикрóвью уважа́ла*). В д. Красный Холм свекровь называют *мама́шка* (*мама́шка — этэ́ уже свикрóвья*) и *мама́ша* (*мама́ша, папа́ша нэзыва́ли*) и также словом *свекрóвья*. В д. Алексеевка лексема *ма́мушка* является многозначной, т. к. обозначает и родную мать, и свекровь. Названий свекрови, как можно наблюдать из вышесказанного, в обоих населенных пунктах наблюдается больше, чем названий родной матери. В обеих деревнях известна лексема *свекрóвья*. Отца в д. Красный Холм именуют *па́па* и

папáша, а в д. Алексеевка — **пáпка** (*мáмка, пáпка, как?*). Свёкра в д. Красный Холм называют словами **пáпа** (*свёкра пáпа нáчали нзывать, а свабó ацá — папáша*), **папáша** (*мамáшэ, папáшэ нзывáли*) и **папáшка** (*свёкр — папáшка*). Опять же обратим внимание на то, что для называния отца мужа использовалось гораздо больше лексем, чем для именованя родного отца, а в д. Алексеевка существует лексема **папáша** для называния свёкра. Можно сделать вывод, что лексема **папáша** в говоре д. Красный Холм выступает как многозначная, так как служит и для обозначения родного отца, и для обозначения свёкра. Думается, неудивительно, что именно для именованя свекрови и свёкра употребляется ряд лексем: здесь проявляют себя коммуникативные особенности, которые связаны с тем, кто и когда именовал некрвных родственников.

Остановимся на некоторых фактах, относящихся к обрядовой лексике. Девушку брачного возраста, невесту в д. Красный Холм называют **молодáя** (*назначат свáдьбу, пришжжáют за м́ладóй*), а в д. Алексеевка используют синонимы **молодáя** и **молóдка** (*ну так и звалí — малóтка*). Предсвадебное торжество, на котором договариваются о дне, организационных и хозяйственных вопросах свадьбы, в двух деревнях называют **пропóй** (*тут зэ сталóм кто чивó лúчие скáжыть, а патóм пьють и закúсывають, ну канéшна прапóй*). Балку, под которую обычно садятся сваты и которая служит основанием для потолка дома, в д. Красный Холм и в д. Алексеевка называют **мáтица** (*рáньше мóда былá, как пэсылáют, нáда зайтíть зэ фтарúю мáтицу*). Приданое в д. Красный Холм называется синонимами **коробья**, **коробьё** и **сундúк** (*кзрбья вязлá нивэста жанишú, сундúк ищё нзывáли*), в д. Алексеевка — также сохраняется лексема **сундúк**, но наравне с этим названием употребляется **корóбочка** (*а мой спёр карóбчкú*). В обеих деревнях, таким образом, для обозначения приданого используется синонимический ряд: **сундúк** и лексемы, производные от корня

короб- (*коробья, коробье, коробочка*). Невесту на второй день свадьбы в данных деревнях называют **ярка** (*нэ фтарой день идуть ярку искать, нивестина радня идуть ярку искать*). Лента, которая кладется на голову покойнику, именуется в д. Алексеевка **венечек** (*винечик нэзывалси цыркбный*), а в д. Красный Холм используется однокоренное слово — **венчик** (*а тут венчик клáli*). В тематической группе обрядовой лексики присутствует довольно много совпадений лексических единиц в говорах двух населенных пунктов, синонимические отношения наблюдаются в обозначении девушки брачного возраста и в обозначении приданого.

Обратимся к лексике, отражающей род занятий, образ жизни населения указанных деревень. В д. Красный Холм и в д. Алексеевка изготовляли из травы верёвку для связки снопов, которая называется **свяслы** (*взяáli снапы, сучили свяслы*). Нижняя часть снопа в д. Алексеевка называлась **коренья**, а в д. Красный Холм **огузья** (*тут кэласочек, тут агузья, агузья — этэ ат корня*). В данном случае мы сталкиваемся с тем, что один и тот же или близкий факт по-разному именуется в д. Алексеевке и в д. Красный Холм. Одинаковой лексемой для двух населенных пунктов, наоборот, является лексема **христэц** в значении ‘особый способ укладки снопов’ (*взяáli снапы, слажыли в христэц, тринáцэт снапов, этэ значит нэзывался христэц, снапы клáli крястбм*). В д. Красный Холм используется лексема **осенчук**, которая является многозначной, она употребляется в значении ‘овца, рожденная осенью’ и ‘шерсть овцы, которую стригли осенью’ (*осинью — асиньчук звáli, акотюца — асиньчукí, у них шёрсть мяхкая*). В этом же населенном пункте мы сталкиваемся еще с одним проявлением полисемии: слово **вяшника** употребляется в значении ‘овца, рожденная весной’ и ‘шерсть овцы, которую стригли весной’ (*этэ вясной — вяшника, асиньчук — мяхкая шерсть, а вяшника — анá пагрубее*). Овца, рожденная весной, в д. Алексеевка называется **вяшника** (*вясной — вясника, осинью — асённяя, вясника —*

у неё длинная шерсть). Иных семантических особенностей у этой лексемы нами пока обнаружено не было, но стоит отметить, что лексемы *вяшні́ка* и *вясні́ка* являются близкими и по значению, и по внутренней форме.

В д. Красный Холм используется лексема *больша́к* в значении 'большая дорога' (*эта у нас вот больша́к прѣхаді́л*). А в д. Алексеевка используется лексема *больша́к* в значении 'поле, находящееся за лугом' (*за лѹгом — эта называ́ица больша́к*).

Проанализировав лексические факты разных тематических групп, встречающиеся в деревнях Красный Холм и Алексеевка, мы пришли к следующим выводам.

Лексика разной тематической отнесенности в современных говорах имеет разную сохранность, именно поэтому мы пытались анализировать только те факты, которые встречаются в говорах двух деревень.

Значительные совпадения лексических единиц, явное преобладание этого явления над имеющимися незначительными различиями свидетельствуют о том, что на лексическом уровне говор одной и другой деревни близок.

Наличие фактов синонимии, полисемии, отмеченных как в говорах двух деревень отдельно, так и на всей рассматриваемой территории, свидетельствует о том, что лексические факты, зафиксированные в д. Красный Холм и д. Алексеевка, можно считать проявлением системных отношений.

В исследуемом нами лексическом континууме довольно много единиц, которые, например, СРНГ характеризует как относящиеся к южным, восточным, поволжским, сибирским территориям. Например, лексема *ма́мушка* в значении 'свекровь' распространена в пензенских, саратовских говорах, *мамáшка* в этом же значении, по данным СРНГ, относится к рязанским говорам, так же, как и лексема *серя́к* в значении 'легкий кафтан', *наперѣдник* отмечается в вологодских говорах, *нага́шник* — в калужских, новосибирских. Как видно, действительно, определенное количество лексем

все-таки тяготеет в восточному региону в целом, хотя без проведения дополнительных многочисленных исследований это утверждение нельзя считать абсолютным.

Литература

Будде Е. Ф. О некоторых народных говорах в Тульской и Калужской губерниях // Известия ОРЯС Имп. АН. 1898. Т. 3, кн. 4. 82 с.

Васильев П. Г. Волово. Юбилейное издание к 80-летию Воловского района Тульской области. М., 2006. 226 с.

Воловский район // Информационно-аналитический портал Тульской области. URL: http://www.71r.ru/volovskojj_rajjon. (Дата обращения: 10 января 2016.)

Сидоров В. Н. Об одном тульском говоре с гласной Е, не изменившейся в О // Материалы и исследования по русской диалектологии / Отв. ред. С. П. Обнорский [и др.]. М.–Л., 1949. С. 277–289.

Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика: учеб. пособие. М., 1977. 335 с.

Лингвогеографические данные в процедуре описания диалектного словообразовательного типа (на материале смоленских говоров)

Е. С. Лунькова

Статья посвящена выявлению закономерностей диалектного словообразования конкретных существительных в смоленских говорах; рассматривается географическая дистрибуция отдельных словообразовательных моделей в рамках словообразовательного типа и устанавливается несоответствие номенклатурных и лингвогеографических характеристик производных диалектных единиц.

Ключевые слова: диалектное словообразование, смоленские говоры, лингвогеография

Словообразовательный тип (далее — СТ), являясь комплексной единицей словообразования, традиционно считается одной из главных единиц этого раздела языкознания.

Среди диалектных словообразовательных единиц он занимает особое место, поскольку, наравне с диалектным словообразовательным гнездом, служит для упорядоченного описания словообразовательной системы говоров и показывает особое устройство этой системы в отдельно взятом сегменте диалектного языка.

Традиционно СТ характеризуется общностью трех элементов, его составляющих: тождественностью части речи производящих слов (отсубстантивные, отаггективные, отглагольные и др. типы), тождественностью словообразовательного средства (форманта), относительной тождественностью словообразовательной семантики (полная тождествен-

ность, как представляется, важна для словообразовательных моделей, которые наполняют тип).

Диалектный СТ дополняется рядом параметров, отражающих его специфическую сущность:

1. тождественность части речи производящих слов (отсубстантивные, отглагольные, отадективные и др. типы);
2. происхождение форманта: является ли он общерусским или диалектным;
3. обобщенное описание словообразовательной семантики в рамках СТ и сравнение ее с семантикой, выделяемой в рамках такого же типа общерусского языка (при наличии последнего); установление инвариантов и отличий; словообразовательная семантика часто бывает маркером диалектного своеобразия типа;
4. установление отношений производности с общерусскими или собственно диалектными основами и количественные характеристики этих отношений; учет структуры производящих основ — производных и непродводных общерусских или диалектных; выявление типов с преобладанием собственно диалектных основ;
5. учет морфонологических явлений в рамках типа.

Описание словообразовательной семантики в рамках СТ может варьироваться от обобщенной грамматико-словообразовательной до относительно узкой лексико-грамматической — в зависимости от целей исследования.

Кроме традиционного описания элементов диалектного СТ, представляется возможным дополнить отдельные пункты этого описания лингвогеографическими данными: целый ряд характеристик типа может быть подвергнут картографированию.

Обратимся к одному из наиболее неоднородных СТ, функционирующих в смоленских говорах, для подтверждения выдвинутого утверждения. Материалом для исследования послужили данные «Словаря смоленских говоров» (ССГ).

Словообразовательный тип отсубстантивных конкретно-предметных существительных (семантика выделяется достаточно условно, в противопоставлении наименованиям человека) с суффиксом *-j(e)* (орфографически также *-j(ě)*) включает 28 производных слов.

В СТ представлены модификационный и мутационный виды словообразовательного значения (СЗ). Модификационное значение отмечается у 21 производного существительного, мутационное — у 7 существительных. СЗ суффикса в смоленских говорах иное, нежели в общерусском языке, где данный формант используется для образования собирательных существительных (типа *отрепье*, *охлопье*), а также для называния места или пространства (например, *Оренбуржье*, *Ставрополье*).

Модификационное СЗ в типе подразделяется на три вида.

Значение тождества выделяется у 14 существительных: *жнивьё* ‘стерня’ (от *жнiво* ‘стерня’), *мочулье* ‘мочало из липовой коры’ (от *мочало*), *обротье* ‘конская узда без удила, недоуздок’ (от *обротъ* с тем же значением), *отбсье* ‘металлический прут (проволока, веревка), соединяющий в телеге ось с оглоблей’ (от *отбса* с тем же значением), *пáколье* ‘пакля’ (от *пакля*), *пáренье* ‘паровая земля’ (от *пáрень* ‘паровая земля’), *пелёсье* ‘полоски чего-либо, кисти, бахромы’ (от *пелеса* ‘тонкая, длинная полоска какого-либо материала, лыка, берёсты и под.’), *повётье* ‘навес во дворе’ (от *повётъ* с тем же значением), *предовiнье* ‘пристройка к овину для обмолота и хранения снопов’ (от *предовiн* с тем же значением), *приклётье* ‘пристройка, кладовая’ (от *приклёт* ‘клеть’), *сдобьё* ‘сдобное тесто’ (от *сдоба*), *тjуловьё* ‘сооружение в овине, предназначенное для сушки

снопов' (от *тўлово* с тем же значением), *хлевьё* 'хлев' (от *хлев*), *шкуратье* 'кусок кожи' (от *шкурят* с тем же значением).

Модификационное СЗ подобия выделяется у существительных *крючье* 'стропила с загнутыми краями' (от *крюк*), *рубье* 'о старой одежде' (от *руба* 'рубаха'), *рясье* 'об изношенной одежде' (от *ряса*), *шмотьё* 'о старой одежде' (от *шмот* 'кусок чего-либо' при возможном общерусском *шмотки*).

Модификационное СЗ «часть от целого» выделяется у слов *косови́нье* 'древко косы, косовище', *косьё* 'древко косы, косовище', *сошьё* 'часть сохи, на которую надевают лемех'.

Мутационное СЗ отмечается у семи слов: *аржéвинье* 'поле, с которого убрана рожь', *горóхвинье* 'поле, с которого убран горох', *гумéнье* 'место, где раньше стояло гумно', *обля́чье* 'полоз для саней' (от *обла́ки* 'березовые заготовки, из которых гнут полозья'), *стожа́рье* 'площадка под стог, устланная ветками, хворостом' (от *стожа́р* 'жердь, слега, вокруг которой кладется стог'), *тошнóтье* 'лепешка, блин из перезимовавшего в поле картофеля' (от *тошнота*), *фарбóтье* 'лохмотья' (от *фарбóты* 'кружево').

Производящие основы в рассматриваемом словообразовательном типе — непроизводные и производные, известные общерусскому языку и говорам.

Непроизводные производящие основы, функционирующие в равной мере в общерусском языке и в говорах, встречаются в девяти случаях: *гумно* — *гумéнье*, *коса* — *косьё*, *крюк* — *крючье*, *мочало* — *мочу́лье*, *пакля* — *пáколье*, *ряса* — *рясье*, *сдоба* — *сдобьё*, *хлев* — *хлевьё*. Непроизводные основы, известные смоленским говорам, были отмечены в одиннадцати парах: *обла́ки* — *обля́чье*, *обрóть* — *обрóтье*, *отóса* — *отóсье*, *пелеса* — *пелéсье*, *повéть* — *повéтье*, *ру́ба* — *рубье*, *стожа́р* — *стожа́рье*, *тўло*

во — *туловъё*, *фарботы* — *фарботье*, *шкурат* — *шкуратье*, *шмот* — *шмотъё*.

Производные производящие основы в типе преобладают в количественном отношении — их восемь, причем семь из них функционируют в смоленских говорах (*ржэвня* — *аржэвинье*, *горохвина* — *горохвинье*, *жниво* — *жнивъё*, *косовина* — *косовинье*, *пáрень* — *пáренье*, *предовин* — *предовинье*, *приклёт* — *приклетье* и лишь одно — в общерусском языке (*тошнота* — *тошнотье*).

Морфонологические изменения происходят в 21 слове рассматриваемого типа, или в абсолютном большинстве. Морфонологические явления в словообразовательном типе представлены чередованиями гласных и согласных, усечением и наращением.

Все чередования гласных в типе единичны и занимают сравнительно небольшое место среди морфонологических процессов: нуль звука чередуется с /е/ в *гумно* — *гуменье*, с /о/ в *пакля* — *паколье*, происходит мена /а/ и /у/ в *мочало* — *мочулье*, /о/ и /е/ в *поплёт* — *поплетье*.

Чередования конечных согласных производящей основы в СТ преобладают и представлены преимущественно меной парных твердых и мягких согласных: /б/ и /б'/ в *руба* — *рубъё*, *сдоба* — *сдобъё*, /в/ и /в'/ в *жниво* — *жнивъё*, *тулово* — *туловъё*, *хлев* — *хлевъё*, /л/ и /л'/ в *мочало* — *мочулье*, /н/ и /н'/ в *горохвина* — *горохвинье*, *гумно* — *гуменье*, *косовина* — *косовинье*, /р/ и /р'/ в *стожар* — *стожарье*, /с/ и /с'/ в *коса* — *косъё*, *отоса* — *отосье*, *пелеса* — *пелесье*, *ряса* — *рясье*, /т/ и /т'/ в *приклёт* — *приклетье*, *тошнота* — *тошнотье*, *шкурат* — *шкуратье*, *шмот* — *шмотъё*. Представлены чередования /к/ и /ч/ (*крюк* — *крючье*, *облаки* — *облячье*), /х/ и /ш/ (*соха* — *сошьё*).

В единичном случае обнаруживается диалектный процесс в производящей основе, представленный протетическим /а/ в корне (*ржэвня* — *аржэвинье*).

Обращает на себя внимание неоднородный характер данного типа: наблюдаются существенные отличия и в значении производных слов (не только лексическом, но и грамматико-словообразовательном), и в акцентологических моделях, которые участвуют в формировании типа. Необходимо отметить, что такая «пестрота» сопутствует большинству из проанализированных нами диалектных типов, функционирующих в смоленских говорах. Возникает вопрос — что же тогда является организующей силой для типа? Что объясняет наличие достаточно большого количества однотипных по строению слов в смоленских говорах? Предположим, что в процедуре анализа такого разнородного материала лингвогеографические характеристики помогут прояснить, какие же именно признаки легли в основу моделей, наполняющих тип.

В данном случае можно говорить о двух моделях в рамках типа — акцентологической (ударное окончание / безударное окончание) и грамматической (по грамматико-словообразовательному значению противопоставлены предметность и собирательность).

Географическая дистрибуция слов по словообразовательным моделям с учетом каждой из переменных, т. е. акцентологии и грамматико-словообразовательного значения, представлена на рис. 1–5. Карты созданы с помощью сервиса Google Maps Engine Lite [Электронный ресурс. URL: <https://www.google.com/maps/d/>].

1.1. Предметное значение, безударное окончание (16 слов): *аржéвинье, горóхвинье, гумéнье, косовiнье, крiочье, мочúлье, облячье, обрóтье, отбóсье, повéтье, предовiнье, приклéтье, стожáрье, тошнóтье, тўло-въё, шжурáтье.*

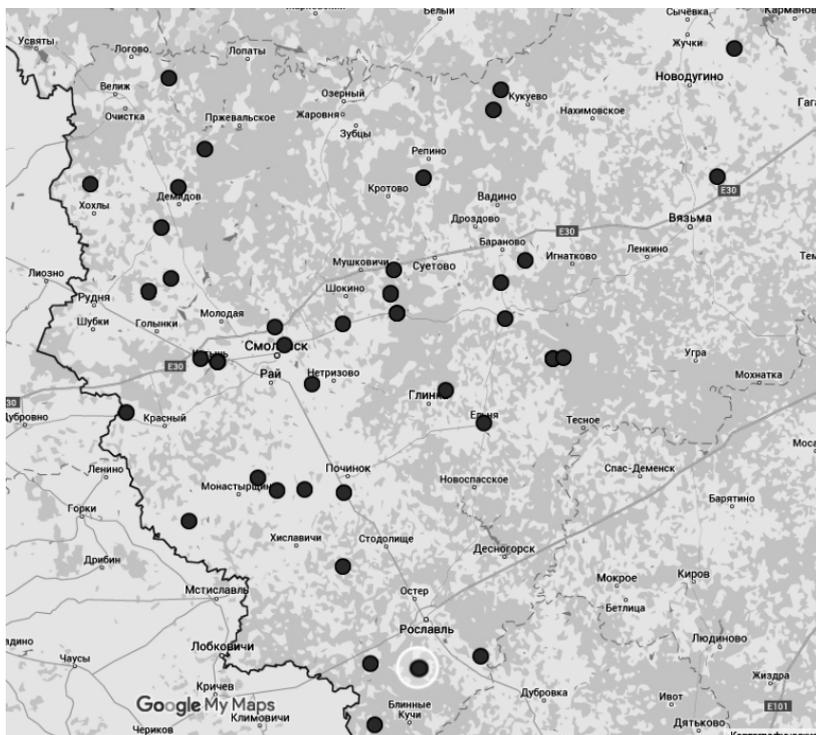

Рис. 1: Модель 1.1. Предметное значение, безударное окончание

1.2. Предметное значение, ударное окончание (3 слова):
кошьё, сошьё, хлевъё.

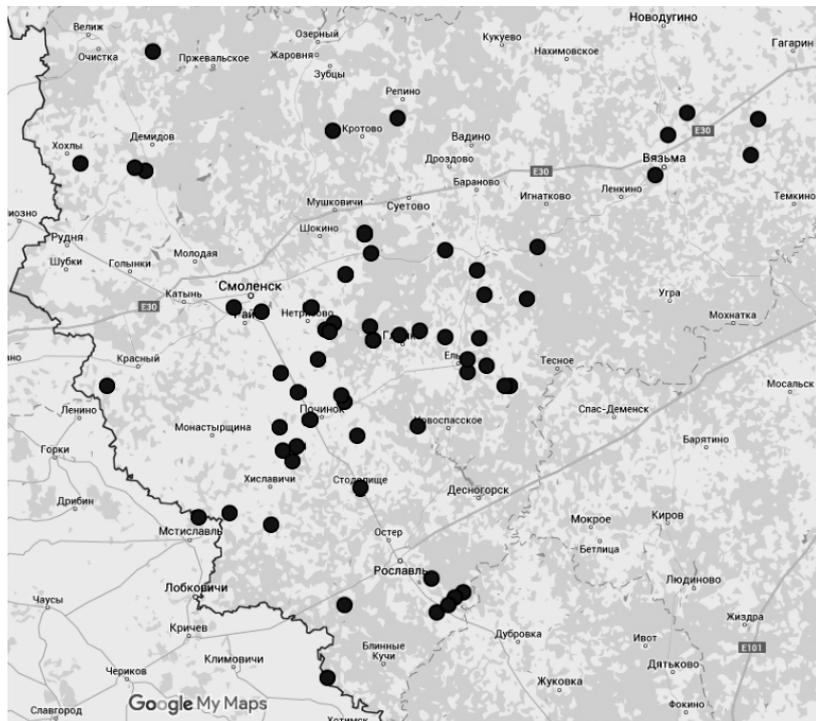

Рис. 2: Модель 1.2. Предметное значение, ударное окончание

Как видно, карта отражает совсем иное положение дел, нежели номенклатура диалектных единиц: данные три слова не являются единичными фактами для смоленского диалекта, они достаточно равномерно распределены по всей территории области с концентрацией в центре.

наш взгляд, об устойчивом характере словообразовательной модели.

2.2. Собирательное значение, ударное окончание (4 слова): *жнивьё, ральё, сдобьё, шмотьё*.

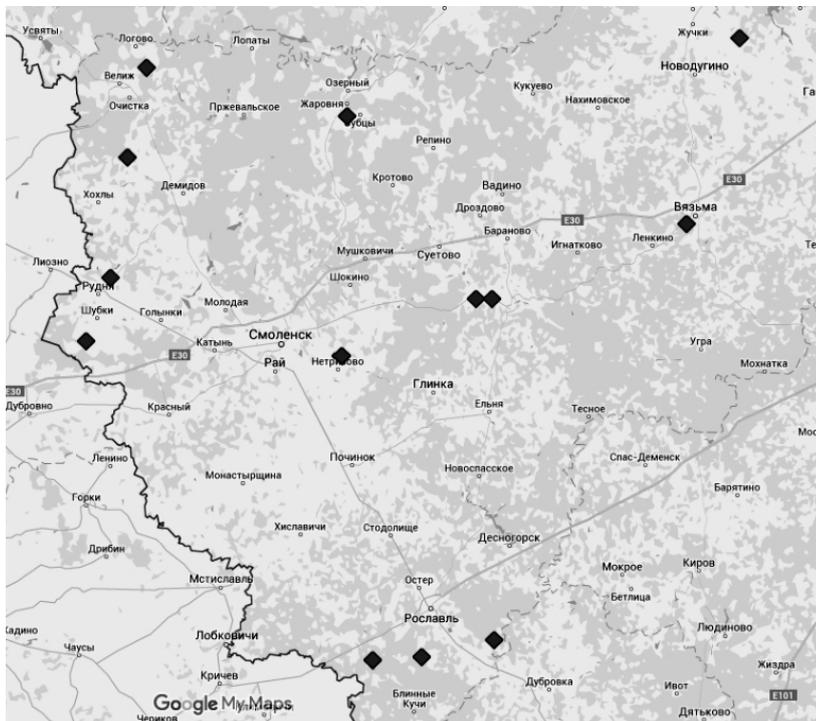

Рис. 5: Модель 2.2. Собирательное значение, ударное окончание

Слова отмечаются разрозненно в отдельных районах области и не подтверждают мысли о целостном характере модели.

С точки зрения номенклатуры единиц обе модели практически равнозначны, поскольку в одной отмечается пять слов, в другой четыре, но вот с точки зрения географического распределения языковых данных говорить о модели во втором случае (собирательные с ударным окончанием) мож-

но достаточно условно. В данном случае мы имеем дело, по-видимому, с размыванием и последовательным исчезновением данной словообразовательной модели, хотя следует заметить, что достоверное заключение о судьбе модели может быть сделано только после всестороннего изучения фактов исторического диалектного словообразования.

Описанный СТ показывает объективную сложность в описании реалий диалектного словообразования: производные слова принадлежат не только разным тематическим группам, у них также отмечается разнородная словообразовательная семантика, разные характеристики с точки зрения производности.

Представляется, что применение метода картографирования при описании такой комплексной словообразовательной единицы, как диалектный словообразовательный тип, в отдельных случаях помогает выявить особенности его функционирования в частных диалектных системах более точно.

Варианты наименований птенца соловья в русских говорах (лингвогеографический аспект)

Т. М. Малыгина, Л. И. Ларина, Л. Е. Писарева

Целью данной статьи является рассмотрение вариантов наименований птенца соловья на территории распространения русского языка, выявление словообразовательных различий названий птенца соловья в русских говорах. Материалом для наблюдений послужили данные, собранные исследователями на территории Европейской части России для составления Лексического атласа русских народных говоров.

Ключевые слова: картографирование, лексема, реалия, русские народные говоры, суффиксальные наименования

Цель данной статьи — рассмотреть варианты наименований птенца соловья на территории распространения русского языка, выявить словообразовательные различия названий птенца соловья в русских говорах.

Материалом для наблюдений послужили данные, собранные исследователями на территории Европейской части России для составления Лексического атласа русских народных говоров.

Все представленные в материалах карты названия птенца соловья являются суффиксальными наименованиями от корня *солов-* : *солóвка, солóвик, соловьёнок, солóвчик, солóвушка, солóвыш, соловья́ша, соловня́тко, соловьёничик, соловьёныш, соловья́тушка, соловей́чик*.

Фонетические позиционные различия, являющиеся результатом регулярных фонетических изменений (редукции безударных гласных, контактной или дистактной ассимиля-

пии согласных), а также различия в акцентуации при картографировании отражаться не будут.

От картографирования отводятся лексемы *птенец*, *птенчик*, *пташонок* (шп. 16, 22, 51, 62, 91, 139, 271, 281, 282, 288, 358, 428, 436, 474, 527, 580, 602, 668, 879) как не соответствующие теме карты, поскольку являются родовым наименованием по отношению к видовому. Лексема *птенец* в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой определяется как ‘детёныш птицы’ (Ожегов, Шведова: 630).

В словаре М. Фасмера читаем: *птѣца*, *птѣшка*, сюда же *птенѣц*, диал. *пѣтка* — то же, вологодск., вятск. (Даль), др.-русск. *потка* (из *пѣтъка), ст.-слав. пѣтица, праслав. *рѣта ‘птица’ родственно лтш. *putns* ‘птица’, лит. *putýtis* ‘пташка’, лат. *putus* ‘дитя’, *putillus* — то же, *putila* ‘птенец’, др.-инд. *putrás* ‘дитя, сын’, авест. *puθra-* — то же, др.-инд. *pótas* ‘детеныш животного’, далее лит. *paũtas* ‘яйцо’ (Фасмер 3: 898).

Согласно данным этимологического словаря русского языка А. Преображенского первичная тема *пта* в русском языке вытеснена лексемами с суффиксами *-x-*: *пта-ха*; *-иц-*: *пт-ица*, *-ух-*: *пт-уха* (Преображенский 2: 147).

В словаре русских народных говоров не зафиксированы лексемы *птенец*, *птенчик*, *пташонок* в значении ‘птенец соловья’, но отмечены слова с первичной темой *пта*, а также лексемы с суф. *-x-*, *-иц-*, *-ух-*, *-ечк-* в значении ‘птица, птаха, птенец’:

— *пта*, жс. ‘птица, птаха’. Терск., 1901 (СРНГ 33: 100);

— *птѣечка*, жс. ‘пташечка’. Смол., 1905. (СРНГ 33: 100);

— *птаx*, *птоx*, *птуx*, м. ‘птица, птаха’, Слов. Акад. 1847. Смол., 1890. Дон. Астрах. (СРНГ 33: 102);

— *птѣха*, *птѣха*, *птуха*, *птѣха* жс. ‘птичка, пташка’. Пск., Твер., 1855 (СРНГ 33: 100);

— *пта́ша*, ж., ласк. ‘птица, птаха’. **Кем., Арх.**, 1910. **Мурман.** (СРНГ 33: 100);

— *птб́шка*, *птѹ́шка*, ж. ‘птица, пташка’. **Калин.**, 1940 (СРНГ 33: 102);

— *птушонок*, м. (мн. *птушата*) ‘детеныш птицы, птенец’. **Смол.**, 1914 (СРНГ 33: 103);

— *птенёчек*, м., ласк. ‘птенчик’ (о ребенке). **Ворон.**, 1917 (СРНГ 33: 101).

На большей части ЛАРНГ для наименования птенца соловья используется лексема *соловьёнок*, которая представлена и на территориях, где присутствует реалья, и на территориях, где она отсутствует: *Птенца соловья соловьёнок зовут, чуть в пушке* (п. 485). *Соловьёнок — детеныш соловья* (п. 845а). *Птенцов у соловья я назову соловьята, а одного — соловьёнок. Других названий и не знаю* (п. 432). *Птенчик их — соловьёнок, а много если — соловьята. Вот послушают соловьята, как их отец свищет, и сами петть станут* (п. 331). *Соловей-то — маленькая птичка, а уж соловьёнок и подавно* (п. 459). *Еще в детстве соловьёнок голосок пробует* (п. 381). *Соловьёнок — это один птенец, кукушка к соловьятам не подкидывает* (п. 749). *Соловьёнок из гнезда выпал* (п. 137). *Птенец соловья — это соловьёнок или соловьята* (п. 49). *Соловьёнка в траве нашла, видать из гнезда выпал* (п. 391). *Мальчишки вынули из гнезда соловьёнка* (п. 281).

Наименования с суффиксами:

-ят/ушк- (*соловьятушка*) характерно для севернорусского наречия (островные ареалы в архангельских говорах). *У соловья птенчик — соловьятушка* (п. 28). *Соловей не дает в обиду соловьятушку* (п. 30);

-ушк- (*соловушка*) имеет широкое распространение в среднерусских (владимирско-поволжских), южнорусских (калужских, воронежских, рязанских), а также в севернорусских говорах (пермские, свердловские диалекты): *У соловья птенчик — соловушка* (п. 618). *Соловушка — это птенец соловья* (п. 608). *А птенца соловушкой у нас зовут.* (п. 834);

-ей/чик- (*соловейчик*) локализуется в границах западной диалектной зоны (псковские, тверские говоры), среднерусских говорах (тверских, ивановских, псковских, говорах Подмосковья), более широко номинация представлена на территории южного наречия (островные ареалы в орловских говорах): *Соловейчик в гнезде пищит* (п. 234). *Соловейчик вылупись, поэтому соловьяха уже не поет* (п. 249);

-ён/ыш- (*соловьёныш*) зафиксировано в среднерусских говорах (ивановских, рязанских, нижегородских), отмечено как исключение в вятских говорах, более широко номинация представлена на территории южного наречия (островные ареалы в курских говорах): *Соловьёныш никогда от матери не отстанет* (п. 258). *Вчера сын принёс соловьёныша, который выпал из гнезда* (п. 289). *Из гнезда выпал соловьёныш* (п. 866). *Соловьёныш никогда от матери не отстанет* (п. 168). *Один — то соловьёныш, а когда много — соловьята* (п. 477).

Кроме того, имеются островные ареалы наименования птенца соловья с суффиксами:

-чик- (*соловчик*) — на северо-западе территории Атласа (псковские диалекты): *У соловчика одна забота — ждать когда принесут пищу* (п. 169);

-ыш- (*соловыш*) — в севернорусских говорах (пермские диалекты): *У соловьяхи птенец соловыш* (п. 212);

-ик- (*соловик*) — в среднерусских говорах (ивановских): *Птенец соловья — маленький соловик* (п. 286);

-ён/чик- (*соловьёнчик*) — в среднерусских говорах (владимирских): *Соловьиха с соловьёнчиком не высоко гнездится* (п. 438);

-к- (*соловка*) — в среднерусских говорах республики Башкортостан: *Когда вылупляется соловка, тогда соловьяха уж не поёт* (п. 595). *Соловка — это птенец соловья* (п. 594);

-яш- (*соловьаша*), -нятк- (*соловнятко*) — на территории южного наречия: *Один — то соловьяша, а когда мно-*

го — *соловьята* (п. 979). *Бывают птенцы у соловьёв — соловьята, а когда один — то соловнятко* (п. 1018).

В ряде говоров сосуществуют от 2 до 3 названий птенца соловья:

соловьёнок — *соловьятушка* — архангельские говоры;

соловьёнок — *соловушка* — пермские диалекты, островные ареалы в среднерусских говорах (ярославские, волгоградские, говоры Подмосковья); островные ареалы в южнорусских говорах (калужские, тамбовские, воронежские);

соловьёнок — *соловьёныш* — вятские говоры; островные ареалы в среднерусских говорах (нижегородские, рязанские); островные ареалы в курских говорах;

соловьёнок — *соловчик* — западные среднерусские говоры (псковская группа говоров);

соловьёнок — *соловейчик* — севернорусское наречие (свердловские, пермские, говоры Удмуртии); островные ареалы в среднерусских говорах (тверских, псковских), Владимирско-Поволжская группа, островные ареалы в орловских говорах:

соловьёнок — *соловыш* севернорусские говоры (пермские диалекты);

соловьёнок — *соловчик* — западные среднерусские говоры (псковская группа говоров);

соловьёнок — *соловьёнчик* — среднерусские говоры (Владимирско-Поволжская группа);

соловьёнок — *соловка* — среднерусские говоры республики Башкортостан;

соловьёнок — *соловьаша* — территория южного наречия (астраханские говоры);

соловьёнок — *соловьёныш* — *соловик* — среднерусские говоры (ивановские диалекты);

соловьёнок — *соловьёныш* — *соловушка* — среднерусские говоры (нижегородские диалекты).

Названия наклонного бревенчатого настила в крестьянском хозяйственном комплексе*

Л. П. Михайлова

В статье представлены лексемы, обозначающие важную реалию крестьянского быта на севере России, — слова с корнями *-воз-*, *-езд-* и *-мост-*, их ареальная дистрибуция. Особое внимание уделяется слову *дес*, причинам его необычного состава.

Ключевые слова: диалектная лексика, лингвистическая география, языковые контакты

В разделе «Крестьянское жилище. Хозяйственные постройки. Строительство» второй части программы ЛАРНГ под номером ЛСЛ 16371 указана тема «Настил для въезда с возом в верхний сарай-сеновал» (Программа ЛАРНГ: 230). В качестве примеров представлены несколько слов: *взвозды*, *взвозье*, *звозье*, *взвезд*, *звезд* (Там же). В материалах А. Д. Сыщикова к словарю, посвященному лексике крестьянского деревянного строительства (Сыщиков 2006), отсутствует только первое слово из данного списка. Автор данного лексикографического труда, включающего сведения по Карелии, Архангельской, Мурманской, Вологодской, Новгородской, Ленинградской областям, в специальном разделе, посвященном надворным хозяйственным постройкам, выделяет тему «Хозяйственная часть дома, двор» (Сыщиков 2006: 136–141). Здесь приводятся и другие лексемы, объединенные корнями *-воз-*, *-езд-*, *-мост-*, а именно: 1. *взвоз*, *взвозье*, *звоз*, *извоз*, 2. *взвезд*, *езд*, *ездо*, *свезд*, *свизд*, 3. *мостов-*

* Исследование выполняется при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

няк, навзмостье, черный мост; приведены и семантически близкие слова *взвозина, возница, стлань, титева* (Там же).

I

Сосредоточим внимание на словах с корнями *-воз-* и *-езд-*, их ареальной характеристике. В архангельских говорах в значении 'бревенчатый накат, настил, ведущий на верхнюю хозяйственную часть дома и двора' бытуют слова, мотивированные глагольной лексемой *взвозить* 'ввозить, доставлять внутрь чего-н.', известной в говоре д. Койнас Лешуконского района, а именно: *взвоз* в Верхне-Тоемском районе — Пучуга, Тимошино, Усть-Выя; Вилегодском — Селяна; Виноградовском — Заостровье; Котласском — Заболотье; Красноборском — Березонаволок, Верхняя Уфтюга, Новошино; Ленском — Суходол; Лешуконском — Кельчегора, Койнас, Олема, Тиглява, Юрома; Мезенском — Долгощелье, Дорогорское, Карьеполье, Кимжа, Лампожня, Майда, Мосеево, Ручьи, Сафоново, Целегора; Няндомском — Ступино; Онежском — Ворзогоры, Кянда, Лямца, Подпорожье, Пурнема, Тамица, Турчасово; Пинежском — Валдокурье, Вальтево, Веркола, Еркино, Кеврола, Покшеньга, Сура; Приморском — Зимняя Золотица, Летняя Золотица, Пушлахта; Устьянском — Синики; Холмогорском — Кузомень, Нижнее Койдокурье, Сия, Собины; ум.-ласк. *взвбзик* в Мезенском районе — Дорогорское, Карьеполье, Сафоново; *взвбзье* в Верхне-Тоемском районе — Горка, Пинежском — Еркино (АОС 4: 61). Данная география слова *взвоз* подтверждена составителями Словаря говоров Русского Севера, в котором указана часть из этих районов и добавлены два района Вологодской области — Кичменгско-Городецкий и Харовский (СГРС 2: 98). Сведения из словаря А. Д. Сыщикова не меняют ареальной картины данной группы слов по Архангельской области: *взвоз, воз, взвозье* 'мостик для въезда на поветь' Холмог. Арх., *воз* 'настил для въезда на

второй этаж двора' Пин. Арх. (Сыщикова 2006: 136–137). География данного слова расширяется за счет наличия его в говорах Низовой Печоры, включающей Усть-Цилемский район Республики Коми и часть Ненецкого национального округа Архангельской области: **взвоз** 'отлогий бревенчатый настил для въезда на сеновал' Великовисочная, Коровий Ручей, Мыла, Среднее Бугаево, Трусово — Низовая Печора (СРГНП 1: 71).

В говорах Русского Севера, помимо указанного слова **взвоз**, употребляется лексема с сокращенным консонантным префиксом: в говорах Низовой Печоры чаще употребляется вариант **звоз** 'то же, что взвоз' — в 13 населенных пунктах (СРГНП 1: 71), **звоз** 'покатый бревенчатый настил для въезда в верхнюю часть крытого двора (в поветь, сарай)' Вин., В.-Т., К.-Б., Котл., Лен., Леш., Мез., Пин., Прим. Арх.; В.-Уст., Кад., М.-Реч., Сямж. Волог. (СГРС 4: 253).

Употребляется также лексика с корнем **-езд-** и префиксами **вз-** и **с-** и их возможными модификатами. Архангельским говорам известны: **взвезд** 'то же, что взвоз', а именно: в Выноградовском районе — Борок, Заостровье; Конощском — Климовская; Няндомском — Веркола; Онежском — Хачела, Плесецком — Першлахта; Устьянском — Бестужево; Шенкурском — Верхопаденьга, Поташевка, Шеговары; **взвездб** в Плесецком — Першлахта, Поромское (АОС 4: 75).

В пределах Архангельской области слова с корнями **-воз-** и **-езд-** имеют обособленные ареалы, точки соприкосновения которых незначительны; более широко на данной территории представлены слова с корнем **-воз-**.

Следующие материалы уточняют ареал слов с корнями **-воз-** и **-езд-**.

1. С корнем **-воз-**. В значении 'покатый бревенчатый настил для въезда в верхнюю часть крытого крестьянского двора (сарай, поветь)' в СРНГ **взвоз** дано с пометами преимущественно обобщающего характера — Север., Арх., Волог., Вят., Медян. Киров. (СРНГ 4: 251). Приведем до-

полнительные сведения по севернорусским говорам. В вологодских говорах **взвоз** ‘покатый бревенчатый настил для въезда в верхнюю часть крытого крестьянского двора’ Баб., Межд., Ньюкс., Тарн., Тот. Волог. (СВГ 1: 69). В вятских говорах известно слово **взвоз** ‘бревенчатая лестница на сарай, по которой можно въехать на лошади’, бытующее в Арбажском, Богородском, Верхошижемском, Даровском, Зуевском, Кикнурском, Кирово-Чепецком, Котельническом, Куменском, Лузском, Мурашинском, Нагорском, Немском, Нолинском, Оричевском, Подосиновском, Санчурском, Слободском, Советском, Сунском, Тужинском, Фаленском, Шабалинском, Юрьянском и Яранском районах Кировской области (ОСВГ 2: 46). В говорах Костромского Заволжья **взвоз** ‘покатый настил из брёвен для въезда на сеновал (повить)’ — Солигаличский район, Б. Токарёво; Галичский, Кабаново (Ганцовская 2015: 52). Слово **взвоз** ‘бревенчатый настил, ведущий на верхнюю хозяйственную часть двора’ в западной части Новгородской области отмечено как единичное в старорусских говорах (НОС 2010: 109).

Реже употребляется слово с приставкой **из-**, обозначающее ту же реалию: **извóз** ‘то же, что взвоз’ Вил. Арх. (СГРС 4: 311); ‘наклонный настил из бревен, по которому лошади въезжают на второй этаж хозяйственных построек’ Онеж. Арх., Канд., Севмор. Мурман., Белом. Карел., Выт. Волог. (СРГК 2: 274). Составители ОСВГ приводят и лексему **звоз** как самостоятельную, отмечая ее в значении ‘наклонный настил из бревен, ведущий к сеновалу’, имеющую в пределах Кировской области в сравнении с лексемой **взвоз** несколько иной ареал, частично совпадающий с ее ареалом, а именно: Афанасьевский, Верхнешижемский, Даровской, Кирово-Чепецкий, Котельнический, Куменский, Лузский, Мурашинский, Нолинский, Опаринский, Оричевский, Подосиновский, Уржумский, Шабалинский районы (ОСВГ 4: 185).

Слова с префиксом **из-** имеют узкий ареал — четыре района Кировской области и один Вологодской: **извóз** ‘приспо-

собрание для въезда лошади с саями на сеновал', имеющее более узкий ареал — Даровской, Зуевский, Сунский, Унинский районы (ОСВГ 4: 219), *извбз* 'покатый бревенчатый настил для въезда в верхнюю часть крытого крестьянского двора' К.-Г. Волог. (СВГ 3: 8).

2. С корнем *-езд*. Для обозначения описываемой реалии наиболее употребительной является лексема с приставкой *вз-*: *взвезд* 'бревенчатый настил, по которому въезжают на сарай, в поветь' в СРНГ приводится с пометами: Каргоп., Шенк. Арх., Олон., Сев.-Двин., Волог., Новг., Буйск. Костром., Яросл. (СРНГ 4: 269). В говорах Русского Севера в значении 'покатый бревенчатый настил для въезда в верхнюю часть крытого крестьянского двора' *взвезд* Вин., Уст. Арх.; Влгд., Гряз., Сок., Хар. Волог. (СГРС 2: 102). В вологодских говорах слово *взвезд* 'то же, что взвоз' известно и более широко — Верх., Гряз., Кир., У.-К. Волог. (СВГ 1: 70). Ср. также данные по русским говорам Карелии и сопредельных областей: *взвезд* 'деревянный настил, по которому поднимаются на сеновал' Карг., Онеж., Плес. Арх., Волог., Кирил., Чер. Волог., Прион. Карел., Кириш. Ленингр. (СРГК 1: 198). В одном из вологодских говоров употребляются варианты *взвезд* и *взвест* — Харовский район, Дитинская (СГРС 2: 98). В говорах Костромской группы *взвезд* 'бревенчатый настил, по которому въезжают в амбар, сарай, на поветь' Гавр.-Ям., Данил., Любим., Пошехон., Ростов., Тутаев., Углич. Яросл., Буйск., Галич., Костром. Костром. (ЯОС 3: 18). Ср. данные по говорам Костромского Заволжья: *взезд* 'настил из брёвен, по которому въезжали на лошади на сеновал' Галич. — Берёзовец, Солиг. — Васильево (Ганцовская 2015: 61).

Известны и слова с сокращенным вариантом приставки: *звезд* 'то же, что взезд' Вель., Вин., Карг., Плес., Уст. Арх; Баб., В.-Важ., Влгд., Вож., Кад. Волог. (СГРС 4: 285); *згйздо* 'наклонный настил из бревен для въезда в сарай' Пуд. Карел. (СРГК 2: 246). В последнем слове отражается за-

мена среднеязычного звука заднеязычным в позиции перед гласным переднего ряда ($j > z$), известная русским говорам Карелии [Суханова, Муллонен 1986]. Имеется и другой орфографически оформленный вариант данного слова: *сгйздо* 'пологий настил, помост, по которому завозили сено в сарай' Карг. Арх. (СРГК 6: 24). Вопрос об исконности приставки в этих двух вариантах лексем, а именно: *с-* или *вз-* ($> з-$) — остается открытым, при том, что изначально реальная ситуация возведения наклонного настила связывалась с необходимостью движения вверх.

Редко используется слово с приставкой *в-*: *ввезд* 'деревянный подъезд на поветь с улицы' Любим. Ярослав., Онеж. Арх. (СРНГ 5: 243), *ввезд* 'деревянный наклонный помост, по которому въезжают на сарай с грузом на лошади' Нюхчозеро Онеж. Арх. (Мызников 2010: 56). Отсутствие данного слова в других словарях дает основания предположить, что вариант *ввезд*, используемый для обозначения описываемой реалии, представляет собой замену ранее широко известного слова *взвезд*, которой может способствовать близость семантики и более легкое произношение.

Употребительно и слово с приставкой *с-*: в говорах Карелии и близких территорий *свезд* 'пологий настил из бревен для въезда с возом на сеновал' Белом., Кондоп., Медв., Прион. Карел., Карг., Плес. Арх., Выт. Волог., Люб., Новг. Новг., Бокс., Лод., Подп. Ленингр. (СРГК 6: 422); в говорах Беломорья *свезд* 'то же, что въезд' Нюхчозеро Онеж. Арх., Хижозеро Сегеж. Карел. (Мызников 2010: 427); в вологодских говорах *свезд* 'покатый бревенчатый настил для въезда в верхнюю часть крытого крестьянского двора' Вож., Сок., Сямж. (СВГ 10: 174); в ярославских говорах *свезд* 'то же, что взезд' Пошехон. (ЯОС 9: 93), в костромских *свезд* 'широкий наклонный настил на повить, по которому можно было въехать на лошади с возом сена' Чухл., Солигалич. (Ганцовская 2015: 374). Сводный словарь русских говоров не меняет ареальной характеристики слова: *свезд* 'бревен-

чатый настил для подъема и спуска телеги с сеном, соломой на верхнюю часть хлева, сеновала и т. п.' Ладож. Петерб., Ленингр., Новг., Олон., КАССР, Арх., Волог., Костром. (СРНГ 43: 110). В эту группу входят морфологические диалектизмы и суффиксальные образования: *свездá* Подп. Ленингр., Пуд. Карел., *свездó* Лод., Подп., Тихв. Ленингр., Выт. Волог., Плес. Арх., *свэздечка* Лод. Ленингр., *свэздéчко* Тихв. Ленингр., *свездóк* Подп. Ленингр., Пуд. Карел. (СРГК 6: 422).

Редкую фиксацию имеет слово *извезд* 'то же, что извоз' — Грязовецкий район Вологодской области, дд. Аксеново и Михалково (СВГ 3: 17).

3. Особого внимания требует бесприставочное слово *езд* и его модификаты. По имеющимся данным, это слово известно Обонежской группе межзональных говоров северного наречия: *езд* 'наклонный настил из бревен, ведущий на второй этаж хозяйственной части дома' Кондоп., Медв., Пуд. Карел., Выт. Волог., вариант *ездó* Пуд. Карел. (СРГК 2: 23). В говорах Заонежья представлена лексема с необычным для русского языка внешним обликом, сделавшим его изолированным в кругу исконно родственных слов: *дес* 'бревенчатый настил для въезда на сарай' Медв. Карел. (СРГК 1: 456). В слове *дес* наблюдается столь сильный отпечаток иностранного влияния, что родное слово становится неузнаваемым.

Слово *езд* могло возникнуть в результате упрощения сочетания согласных *сѵ* в анлауте не без влияния соседних прибалтийско-финских языков, в которых отсутствуют консонантные сочетания в данной позиции [Лыткин 1974: 119]. В необычном слове *дес* отражены два процесса: 1. известный русскому языку фонетический переход *-зд > -ст* в слабой позиции с последующим сокращением сочетания согласных: *-ст > -с* в конце слова [Кузнецов 1954: 69], 2. незакономерная мена *ѵ ~ д'*. Последнее явление, вероятно, возникло как результат предшествующего преобразования среднеязычно-

го согласного в мягкий заднеязычный g' перед гласным переднего ряда: $j > g' > d'$ в начале слова. В целом преобразование лексемы *езд* (< *свезд*) представляется следующим образом: (*свезд* >) *езд* > *гезд* > *дезд* > *дест* > *дес*.

Мену начальных $j \sim d'$ допустимо квалифицировать как признак воздействия фонетических особенностей вепсского языка. И. И. Муллонен и В. С. Суханова, исследовавшие факты перехода начального звука j в g' , рассматривают данное явление «как следствие взаимодействия русских говоров Заонежья с языком прибалтийско-финского населения, возможно вепсского» [Суханова, Муллонен 1986: 43]. В качестве свидетельства авторы приводят факты живой речи русскоговорящих вепсов, а именно: *гесли* (если), *гяцик* (ящик), *гюбка* (юбка), *Гюрьев день* (Юрьев день), отмечая, что здесь четко выступает g' протетический, «причем это правило распространяется и на те диалекты и говоры, которые на вепсской почве характеризуются протезой d' » [Там же]. Появление g' на месте j , находящегося в начале слова, на наш взгляд, правомернее определять как мену звуков, как переход одного звука в другой, а не протезу. Безусловное наличие протетического g' представлено в названии реки *Генуя* в верховьях Капши. «Вепсский вариант — *Eñoja* ~ *Jenjogi*. <...> Неустойчивость e в начальной позиции отображает характерную для вепсских говоров тенденцию к наращению j в начале слова, которую принято связывать с влиянием русской фонетики» [Муллонен 2002: 57]. В вепсском языке данное явление отражено и в географической терминологии, ср. обозначение реки и озера в вепсских говорах: *jogi* и *järv* Озера Подпорожского района Ленинградской области, *dögi* Куя Бабаевского района Вологодской области, Шокша Прионежского района КАССР и *gögi* Пондала Бабаевского района и Шимозеро Вытегорского района Вологодской области, *därv* и *gärv* Шимозеро Вытегорского района Вологодской области (СВЯ: 96, 98). Подобная мена представлена и в вепсской топонимии. Устойчивый характер начального

d' на месте исходного прибалтийско-финского j ярко отражается в вепсской и карельской топонимии. 1. Алфавитный указатель прибалтийско-финских названий водных объектов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь) содержит примерно одинаковое количество названий с j и d', например: Järvi, Järvikod, Hiiñjävrv, Därvensuo, Ahvuudärv, Harbujogi, Karnižđogi (СГЮВП: 167–188). 2. В списке северновепсских топонимов преобладают именованья с đärv и đögi, отмеченное наименование с jogi единично [Муллонен 2014].

II

В меньшей степени в сравнении с вышеприведенными лексемами в русских говорах для обозначения наклонного настила в хозяйственном комплексе деревенского типа используется лексика, мотивированная словом *мост*. В говорах Беломорья *мост* — 'то же, что въезд' Воренжа Белом. Карел. (Мызников 2010: 223), в говорах Ладого-Тихвинской группы известно слово *мостовняк* 'бревенчатый настил для завоза сена на сеновал' Кириш. Ленингр. (СРГК 3: 264). В вологодских говорах представлено слово, имеющее единичную фиксацию: *навзмостье* 'покатый настил из бревен для подъезда к верхней части крытого крестьянского двора' К.-Г. Волог. (СВГ 5: 27), ср. *взмостье* 'основа для устройства зимнего или летнего моста в крестьянском доме' Вельск., Шенк. Арх., Тотем. Волог. (СРНГ 4: 265). В тверских говорах бытует сочетание *чёрный мост* 'наклонный пологий въезд из толстых бревен, уложенных поперек' Осташк. Твер., Меднов. Калин. (СРНГ 18: 288); ср. более четкое определение слова *мостик* 'наклонный пологий накат из толстых бревен, уложенных поперек для въезда лошади с возом на повесть или сеной сарай' Верхнее Поволжье (СРНГ 18: 289).

Итак, лексика, обозначающая специальное сооружение для въезда на верхнюю часть крестьянского хозяйственного комплекса, представлена в основном в говорах севернорусского наречия. Преобладают слова с корнями *-воз-* и *-езд-*, мотивированные глаголами *ввозить* и *въезжать*, *свезжать*. Особое место занимает лексема *-дес-* в говорах Заонежья, возникшая в результате иноструктурного языкового влияния. Слова с корнем *-мост-* в рассматриваемом значении употребляются редко. Поиск материалов по теме может быть продолжен.

Литература

Кузнецов П. С. Русская диалектология. Изд. 2-е. М., 1954. 156 с.

Лыткин В. И. Сравнительная фонетика финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974. С. 108–213.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. 353 с.

Муллонен И. И. Материалы по северновепской топонимии // Истоки Карелии: время, территория, народы. Полевые исследования и архивные материалы. Петрозаводск, 2014. С. 29–54.

Суханова В. С., Муллонен И. И. О г протетическом в русских говорах Карелии // Севернорусские говоры в иноязычном окружении. Сыктывкар, 1986. С. 38–45.

Новый севернорусский диалектный материал в этимологическом прочтении*

С. А. Мызников

В данной статье анализируются новые данные диалектных словарей, которые выходили в свет в последние десятилетия. Анализируются их этимология, корректность лексикографирования. Особое внимание уделяется единицам, которые представляют собой лексикографические конструкты, появившиеся на страницах словарей в результате некорректного прочтения материала.

Ключевые слова: словарь, лексикография, фантом, этимология, контакты

Включение диалектного материала как самодостаточного в сферу этимологии имеет ряд особенностей, о чем неоднократно писалось¹. Объем диалектных данных, которые ранее не подвергались серьезным этимологическим исследованиям, постоянно увеличивается ввиду введения в научный оборот новых диалектных словарей, записей текстов и т. п. В данной работе предлагается этимологическое прочтение некоторых севернорусских диалектных материалов неисконного происхождения. Весьма многочисленные данные, которые представляют результаты этноязыковых контактов, отраженных на лексическом уровне, зафиксированы в «Словаре русских

* Исследование проведено в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 16-04-00065а «Лексический атлас русских народных говоров» в контексте современных полевых данных и материалов региональных диалектных словарей.

¹ Шелепова Л. И. Диалекты как источник этимологии. Томск, 1977. 83 с. Шелепова Л. И. Диалекты и этимология (источниковедческий аспект). Барнаул, 1994. 160 с.

говоров Карелии и сопредельных областей», работа над которым осуществлялась под руководством А. С. Герда².

Среди них можно отметить новые данные, которые ранее не рассматривались в этимологических исследованиях.

Лейхатъ ‘колыхаться — о языках пламени’ Подпорож. (Согиницы) (КСРГК). ‘Колыхаться на ветру — об одежде, траве и т. п.’ Подпорож. (Согиницы), Вытегор. (Ивачево) (КСРГК). ‘Быстро идти’ Подпорож. (Пидьма), Прионеж. (Ладва) (ПЛГО). ‘Болтаться, колыхаться’ Прионеж. (Педасельга) (КСРГК). **Лейхнутъ** ‘дунуть — о ветре’ Вытегор. (Ивачево) (КСРГК). **Слейхатъ** ‘быстро сходить, сбегать куда-л.’ Прионеж. (КСРГК). **Лейхатъ** ‘колыхать, колебать’ Вытегор. ‘Беспечно бродить, слоняться’ Прионеж. ‘Идти быстро, торопливо’ Прионеж., Подпорож. (СРГК 3: 109). **Разляйшитъся** ‘сильно разгореться, растопиться (о печке)’: — *Печка-то у тебя разляйшилась, это значит, сильно разгорелась, растопилась*. Прионеж. (СРГК 5: 420). Все приведенные материалы имеют вепские источники, ср. вепс. *leihahtada* ‘полыхнуть’, *leihta* ‘развеваться, колыхаться, гореть, пылать’ (СВЯ: 283).

Пилка ‘ковш’ Пудож. (СРГК 4: 510). **Пилчók** ‘футляр из бересты, в котором носят брусок для точки косы’ Кирилл. (КСРГК; СРГК 4: 510). **Пиллiк** ‘бумажный пакет, кулек’ Белозер., Бабаев., Вашк. (СРГК 4: 510). **Пилик** ‘бумажный пакет’: — *Макарон-то целый пилик купила, да уж макароны-то пошли так в комок*. Белозерье [Лапин 1994]. Восходит к вепс. *pi'ik* ‘берестяной черпак’ (СВЯ: 417). Причем вариант **пилка** уже можно рассматривать как преобразование, связываемое с глаголом **пить**.

Рáхта ‘жидкость, остающаяся при сбивании масла’ Бабаев. (Янишево) (ПЛГО). **Рáхта** ‘вытопки масла’ Кадн. Волог., 1895 (СРНГ 34: 345). **Рáхтинья** ‘вытопки масла’ Лодейноп. Петрогр., 1927 (СРНГ 34: 345). **Рáхтjуэсье** ‘от-

²В статье использовался также материал картотеки «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (КСРГК).

ходы от перетапливания масла' Лодейноп. (СРГК 5: 500). Ареал и форма данных свидетельствуют об их вепсских источниках, ср. вепс. *rahtod* 'вытопки от масла' (СВЯ: 462). Ср. также ливв. *ruahto* 'творог' (СКЯМ: 314), кар. твер. *rahka* 'творог' (СКЯП: 229). Авторы SKES вряд ли правы, помещая вепсские данные в статью фин. *rahtu* 'небольшое количество чего-л.', вероятно, германского происхождения, ср. др.-норв. *dráttir* 'перевозка' (SKES: 714). Вепсский и карельский материал, вероятно, одного происхождения с фин. *rahka* 'пот больного', 'пена на лошади', 'пена на кипящей воде, на поверхности браги, морском берегу', 'осадок кваса' (SKES: 712, 713).

Ряд данных, зафиксированных в Обонежье и Присвирье, можно рассматривать как семантические кальки³, которые реализуются в речи в виде устойчивых оборотов, но представлены в словарях только в иллюстративном материале.

Один раз жених в первую ночь так жену избил, что негде петуху живого места клюнуть. Бразедом бил, уздой конинной. Подпорож. Ленингр. (СРНГ 1: 104). Ср. сходное вепсское выражение: *iile sijad kuna kukoi voiz kokeita*.

Печка дрожит, а дорожка учит. Лодейноп. (СРГК 2: 5). Ср. вепс.: *Räičine dročib, teine (dorogaine) opendab*.

Печка ваша, девка наша. Тихв. (СРГК 2: 136). Ср. вепс.: *Räičine tiile, neičukeine miile*.

В ряде случаев найденные семантические кальки имеют лексикографические разработки.

³Данная проблема уже была объектом нашего внимания: Мызников С. А. Калькирование как вид межъязыкового взаимодействия // Диалектная лексика 2009. СПб., 2009. С. 183–192; Мызников С. А. Семантические кальки прибалтийско-финского происхождения в севернорусских говорах // Русский язык: исторические судьбы и современность. V Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет. 18–21 марта 2014 г. Труды и материалы. С. 556–557.

Кошачий городок ‘печка’: — *Я на кошечий городок спряталась, на печку, значит.* Вытегор. (СРГК 3: 374). Неясно, следует ли рассматривать на исконной почве или можно сопоставить с вепс. *kažin lidn* ‘кошачий город’, *kažin sija* ‘кошачье место’.

Заячьи гостинцы ‘привезенные обратно домой взятые в дорогу съестные припасы’ Урал., 1934. Шадр., Охан. Перм. (СРНГ 11: 206). Имеются семантические соответствия в финно-угорских языках, ср. вепс. *jänišentomeine* ‘то же’ (дословно — заячий гостинец) (ПЛГО), коми присыкт., среднесысол. *кӧч гӧсьнеч*, верхневычег. *кӧч гӧсьтинеч*, верхневычег., нижневычег. *кӧч нянь* ‘лесной гостинец, остаток хлеба, принесенный обратно домой детям’ (дословно — заячий гостинец, заячий хлеб) (ССКЗД: 173). Ср. также в русских говорах Беломорья: **волк послал** ‘о чем-либо, припасенном в подарок ребенку из леса’ С-двин. (Ненокса) (СГРС). Ср. также: *Эта трава называется заячьи гостинцы. Пески цветут, как снег сойдет.* Медвежьегор. (СРГК 4: 483).

Имеются случаи, когда семантическое сходство фиксируется в некоторых микротопонимах на русской и прибалтийско-финской почве.

Печка ‘самое мелкое место озерной мели’: *Луды — мелкие места на озере, рыбачат у нас на лудах. Самое мелкое место луды — печка.* Медвежьегор. (КСРГК). *В море островочек каменист — печка, дак лодки часто бьются и круговорот около.* Кандалакш. (СРГК 3: 32). **Печь** ‘подводная скала’: — *Еще бывает печь, это щелья, вроде печи, высокая, с обрывом, а кругом место глубокое, короче сказать, скалы это под водой.* Медвежьегор. (СРГК 4: 502). непонятно, можно ли рассматривать как результат семантического влияния, ср. фин. *liesi* в названиях гидронимов: *Liesjoki* на Карельском перешейке, при первичном значении фин. *liesi* ‘печь, печка’. Хотя И. И. Муллонен единицу **печка**- в названиях луд, небольших островков, выступающих над поверхностью воды камней, рассматривает как метафору, в осно-

ве которой использован образ печки-каменки: *Печка* ‘луда в оз. Святуха’ (Пабережье), *Печка* ‘луда’ (Толвуя) (Муллонен 2008: 65).

В ряде случаев этимологический анализ позволяет сделать вывод о некорректной записи или лексикографической интерпретации диалектного слова.

Здѣйка: — *Здика топлена печка, дак жарко*. Кондоп. (СРГК 2: 247). В СРГК дано значение ‘здесь’, что, на наш взгляд, не вполне корректно. В данном случае сочетание с *дѣйка* ‘очень сильно’, ср. *дѣкий* ‘сильный, значительный по напряженности, степени проявления’: — *Дика жара сегодня. Какой дикой ветерило*. Вашкин. *Большой дождь пройде, говорим дикий*. Подпорож. *Дикий мороз*. Лодейноп., Бабаев., Кирил. (СРГК 1: 460). Имеются заимствованные соответствия в вепском языке с той же семантикой, ср. вепс. *diki, diki* ‘очень’ (СВЯ: 68).

[*Гуж*]⁴ ‘большой дождевой червь’ Онеж. КАССР, 1931 (СРНГ 7: 204). При наличии *чѹндѣжи* ‘дождевые черви’, весьма сомнительна форма на [г]. Ср.: *Чѹнѣжи* ‘дождевые черви’ Вытегор. (Куликовский 1898). *Цѹнѣжи* ‘то же’ Олон. (Куликовский). *Чѹнѣжда* ‘дождевой червь’ Вытегор. (Ивачево) (КСРГК). *Чѹндѣжи* ‘червяки’ Вытегор. (СРГК 6: 805). *Чѹнѣжи* ‘дождевые черви’ Прионеж. (Ладва) (ПЛГО). *Чѹнѣжа* ‘дождевой червь’ Кондоп. (КСРГК). *Чѹнѣши* ‘дождевые черви’ Прионеж. (Педасельга) (ПЛГО). *Чѹнѣжа* ‘дождевой червь’ Прионеж. (СРГК 6: 755). Данный материал восходит к вепским источникам, причем особенности русского диалектного вокализма и консонантизма соотносятся с соответствующими вепскими этимонами, ср. вепс. *čunz* (Пондала), *čundž* (Шимозеро, Пелкаска), *čonž* (Шелтозеро) ‘дождевой червь’ (СВЯ: 65). См. также: [Kalima 1915: 242]; (Фасмер 4: 383).

⁴Слово заключается в квадратные скобки, если форма его представляется нам весьма сомнительной.

[*Чужик*] ‘веревка у мережи’ Беломор. (СРГК 6: 804). При имеющейся широко распространенной лексеме *гужик* в сходных значениях, вряд ли следует рассматривать как до-стоверную единицу.

[*Тубочка*] ‘деревянный бочонок для приготовления и хранения кваса’ Вытегор. Волог. (СРГК 6: 528). В заголовочном слове допущена опечатка, по картотеке СРГК единственная фиксация: *Туборочка* ‘деревянный ушат под квас’: — *Сделаешь туборочку квасу солоделого и на недиллю хвтает*. Вытегор. (Тиричево, Чернослободский с/с) (КСРГК, 1967). Ср. *turbastuk* ‘толстяк, толстуха’ (СВЯ: 584), при вепсской глагольной основе *turbota* ‘набухать, разбухать’ и каузативном глаголе *turbotada* (СВЯ: 564, 565), вепс. *turpteine* ‘полный мужчина’ (СВЯ: 585), *turbiš* ‘послелог, на ком-л., с помощью чего-л.’ (СВЯ: 740). Трудно сказать, относится ли сюда же вепс. *turzetada* ‘опухать, вздуться’, при *turze* ‘опухоль, отек’ (СВЯ: 585).

[*Чáčитатъ*] ‘говорить’ Подпорож. (СРГК 6: 761). *Почáčитатъ* ‘поговорить’: — *Выйди на минутку, мне с тобой почачитатъ надо*. Подпорож. (СРГК 5: 126]. Ср. вепс. *čočotada* ‘бормотать, говорить нечленораздельно’ (ПЛГО), *t’ötötada* ‘тараторить’ (СВЯ: 596). Вариант *чáčитатъ* в СРГК, вероятно, следует читать *чáčитатъ*. Отдельно следует рассматривать *пáčетатъ* ‘рассказывать’ Прионеж. КАССР (СРНГ 25: 302). Последнее, если не является опiskeй (в картотеке СРНГ ясно написана буква “ч”), вполне возводится к вепс. *pačotada* ‘сильно ругать’ (СВЯ: 387).

Печекулан ‘вид рыбы’: — *Печекулан — маленькая рыбка, ловят бродочком*. Прионеж. (СРГК 4: 497). Вероятно, является не вполне корректной записью коллектора, поскольку можно связать с вепс. *piču kalaine* ‘небольшая рыбка’.

Вводимые в последние десятилетия в научный оборот новые диалектные лексические данные предоставляют весьма интересные, подчас совершенно неизвестные материалы, которые, вероятно, позволят углубить наши знания об этноязы-

ковых контактах на Русском Севере. Кроме того, некоторые словари уже давно верифицируются на предмет их достоверности⁵, что в будущем может способствовать повышению качества диалектной лексикографии.

⁵Имеется целая серия статей, посвященная критическому разбору диалектных словарей: *Добродомов И. Г.* Проблемы филологической достоверности слова в словарях // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Вып. 4. 1975. С. 29–32; *Добродомов И. Г.* К проблеме семантической идентификации редких слов в памятниках письменности // Исследования по семантике русского языка. Уфа, 1979. С. 82–90; *Добродомов И. Г.* Призрачные слова в текстах и словарях // Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Задачи изучения русской лексики и фразеологии». Орел, 1982. С. 180–182; *Журавлёв А. Ф.* Лексикографические фантомы. 1: СРНГ, А–З // *Dialectologia slavica*: Сборник к 85-летию Самуила Борисовича Бернштейна: Исследования по славянской диалектологии. 4. М., 1995. С. 183–193; *Журавлев А. Ф.* Лексикографические фантомы. 2: СРНГ, И–К // Слово и культура: Памяти Никиты Ильича Толстого. Т. 1. М., 1998. С. 93–104; *Журавлев А. Ф.* Лексикографические фантомы. 3: СРНГ, Л–М // Слово во времени и пространстве (К 60-летию профессора В. М. Мокиенко). СПб., 2000. С. 265–282; *Журавлев А. Ф.* Лексикографические фантомы. 4: СРНГ, Н–О // Исследования по славянской диалектологии. 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография. М., 2001. С. 265–281; *Журавлев А. Ф.* Лексикографические фантомы. 5: СРНГ, О–П // Аванесовский сборник. Антология. М., 2003. С. 282–289; *Журавлев А. Ф.* Лексикографические фантомы. 6: СРНГ, П // Известия Уральского гос. ун-та. 2001. № 20. С. 172–178; *Журавлев А. Ф.* Лексикографические фантомы. 7: СРНГ, П // Исследования по славянской диалектологии. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2002. С. 120–131; *Журавлёв А. Ф.* Лексикографические фантомы. 9: СРНГ, Р // *Palaeoslavica* (Cambridge). 2012. XX. № 1. P. 261–276; *Страхов А. Б.* По страницам Словаря русских народных говоров (замечания, поправки, соображения) // *Palaeoslavica* (Cambridge). 2004. XII. № 1. P. 254–324; *Страхов А. Б.* По страницам Словаря русских народных говоров (замечания, поправки, соображения): дополнения // *Palaeoslavica* (Cambridge). 2008. XVI. № 1. С. 219–275; *Шановал В. В.* Выявление ошибочных написаний заглавных слов в словаре // Вестник Челябинского гос. ун-та. Научный журнал. 2010. № 17(198). Филология. Искусствоведение. Вып. 44. С. 144–148; *Шановал В. В.* Уровни верификации словарной фиксации редкого слова // Человек и язык в коммуникативном пространстве. Сб. науч. статей. Красноярск, 2013. Вып. 4. С. 278–283.

Сокращения

ПЛГО — Полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях).

Литература

Ланин А. Г. Местные слова и выражения, бытующие в Белозерском крае // Белозерье. Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 197–235.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915. XV + 265 s.

Особенности лексики животноводства и птицеводства в говорах Ульяновской области

Я. В. Мызникова

В статье рассматриваются специфические черты весьма значимой для говоров Среднего Поволжья тематической группы лексики животноводства и птицеводства. Эти черты сформировались в процессе межэтнического взаимодействия русских, тюркских и мордовских групп населения и обусловлены сложившимися традициями выгонного содержания скота и птицы. Всё это способствовало появлению значительного количества подзывных слов, «коллективных прозвищ» для овец и гусей, а также обусловило заимствованный характер части лексики по теме пастбищного содержания скота.

Ключевые слова: русские говоры, лексика животноводства, подзывные слова, заимствования, межэтническое взаимодействие, тюркизмы

Материалом для данного исследования послужили записи диалектной речи, производившиеся в течение последних четырёх лет в левобережной части Ульяновской области, а именно в ряде населённых пунктов Старомайнского и Чердаклинского районов: в сёлах и деревнях Кремёнки, Кременские Выселки, Ивановка, Красная Река, Базарно-Мордовские Юрткули, Русские Юрткули, Матвеевка, Большая Кандаля Старомайнского района, Крестово-Городище Чердаклинского района, а также в посёлке Старая Майна.

Татары, чувашы, мордва жили на территории Среднего Поволжья еще до заселения края русскими. Преобладающая часть русских населённых пунктов возникла в середине XVII в. Говоры Ульяновской области являются гово-

рами позднего заселения. На севере Ульяновская область граничит с Республикой Мордовия, Чувашской Республикой и Татарстаном, поэтому смешанный состав населения вполне закономерен.

Как в хозяйственной деятельности татар, мордвы, так и у русского населения Поволжья животноводство и птицеводство всегда занимали весьма существенное место. Информанты сообщали, что животных раньше держали много: *Ты пасматрела бы как мы тут жили // адной скатины столько мы держали / авец стадъм был / и свиней / фсё / я те гаварю / пэ шыисят кур держала // гусей знаи гусей? / два гусака держу семь гусынаф / ане выводят яйца-тэ //* Кременские Выселки; *Вот доржлалли по дьве коровы / свиней / гуси / утки / куры / пырки // мяса была во! //* Красная Река. Практиковалось пастбищно-стойловое содержание скота. Всё тёплое время года скотину держали на выгоне: *На выгон скот выгоняли / овраги были / луга / в оврагах паслись //* Базарно-Мордовские Юрткули. Зимой скотину держали в стойле.

При фиксации лексики животноводства и птицеводства в говорах Ульяновской области обращает на себя внимание необычное изобилие подзывных и отгонных элементов, особенно для стадных животных и птиц. Изучение подзывных лексических элементов даёт интересные сведения о «коллективных именах» для стадных животных и птиц. Вот что сообщали информанты в ответ на вопрос о подзыве овец:

Собиратель: — А у овцы было ещё какое-то название?

Информант 1: — *Барашки / барашик-барашка я обычна звала //*

Информант 2: — *Машка-машка-машка / манька-манька // у нас баушка Манька / сама Манька и я Манька / и овец / манька-манька //*

И1: — *А то барашик-барашик и фсё // барашка-барашка / идут ис стада / барашка-барашка //*

С.: — Их так и подзывали по имени?

И1: — *Оне знали / оне знали хозяйку //*

И2: — *У ково как / в каком доме как звали //* Базарно-Мордовские Юрткули.

В других сёлах сообщали другие способы подзыва («коллективные имена») для овец: *Табун наши / вот кричиш «Бася-бася!» //* *оне бегут к тебе / в свой табун / свою калду //* Красная Река; *А мы: «Бяшки-бяшки-бяшки!» //* Крестово-Городище; *А вот овец мы звали: «Яр-яр-яр!» //* Крестово-Городище. В целом было зафиксировано более десятка подзывных элементов для овец и ягнят: *барáшек-барáшек, барáшка-барáшка, бáря-бáря, бáся-бáся, б́ся-б́ся, б́шка-б́шка, б́ка-б́ка, мánья-мánья, мánька-мánька, м́яшки-м́яшки, м́шка-м́шка, яр-яр-яр*. Отмечено также два слова для отгона овец: *тря! арря!*

Такое же разнообразие «коллективных имён» было зафиксировано для гусей, небольшие стада которых могут собираться на общем озере со всех окрестных частных хозяйств.

— А подзывать как гусей?

— *Лапыньки //* *как назовёш / как сама же //* *будеш сначала как маленьких возмёш / гуси-гуси-гуси / тока крикнеш гуси / оне бегут //* *коды лапаньки / лапа-лапа-лапа / лапа бегут //* *како даш имя //* Базарно-Мордовские Юрткули.

Записаны следующие подзывные элементы для гусей и гусят: *лап-лап-лап, лáпа-лáпа, ѓуси-ѓуси, лю-лю-лю, т́ега-т́ега, т́йга-т́йга, т́йги-т́йги, тиж-тиж-тиж, тижóк-тижóк*. Для отгона гусей используются слова: *кыш!* и *т́йжа!*

Таким образом, наличие своеобразных «коллективных имён» обусловлено обстоятельствами выгула небольших частных групп животных или птиц в одном общем стаде.

Для коров в некоторых семьях были приняты «семейные имена»: *На имя называют каждую корову //* *если мне надо / я ей кричу / «Дочка! / Дочка! / пошли домой! / Дочка! /*

Дочка!» // у меня все дочки / а все называют по-разному / каждый по-своему называет // а у меня все Дочки // а бычки — Мишки // Базарно-Мордовские Юрткули. Кличка часто даётся корове по её масти: *Ночка / Букетка / Красотка / Пестрафка / Рыжонка / Планета / Венера / Луна* // Базарно-Мордовские Юрткули. Подзывные слова для телят и коров: *бўка-бўка, тѣла-тѣла, телѧня-телѧня*. Отгонные слова для телят: *пошѣл!* и *тпруҗся!*

Кур и цыплят подзывают словами *ти-ти-ти, титя-титя, цып-цып-цып, тыпа-тыпа*, клушку с цыплятами — *клу-клу-клу*. Отгоняют кур словами *кыш!* и *пша!* Для подзыва уток используют следующие элементы: *уть-уть-уть, ўти-ўти, ўтиж-ўтиж, ўтю-ўтю*.

Подзывные слова для свиней различаются в соответствии с возрастом животного: *Маленькава поросѣнка подзывают так: «Тц-тц-тц» / так они сосут молоко*. Крестово-Городище. Поросят постарше зовут *хрюш-хрюш!* (Крестово-Городище). Взрослую свинью подзывают *чўня-чўня* (Базарно-Мордовские Юрткули). Отгоняют свиней словом *хось!*

Собаку отгоняют словом *пшол!* Для того чтобы остановить или отогнать лошадь используют элемент *тпруҗ!*

Выгонный характер содержания животных в тёплое время года обусловил разнообразие связанной с выгоном лексики. Отметим прежде всего чёткие различия в наименованиях групп разных животных и птиц: *Если коровы / у них гурт / у лошадей / табун / у овец / отара* // Русские Юрткули; *Ватага / это можно про гусей сказать / у этих какая ватага? / стадо* // табун / если лошади / отара / офцы // Крестово-Городище. Таким образом, зафиксированы следующие наименования: стадо коров — *гурт*, у лошадей — *табун*, у овец (и коз) — *отара*, у гусей — *ватага*. Используется также лексема *гуртовать* ‘собирать скот в стадо’: *Гуртовать можна бычкоф* // Матвеевка. Для именованья овечьего пастуха используется лексема *чабан* ‘овечий пас-

тух'. *Вот папа у меня был чабаном / эта авечым пастухом значит // Крестово-Городище.*

Помимо лексемы **выгон** 'пастбище', существует целый ряд наименований мест для выгульного содержания скота. Зафиксированы различные наименования отгороженного места, загона, где скот мог отдохнуть во время выгона, где был водопой, где доили на выгоне коров. Овец не пригоняли домой на ночь, они отдыхали ночью в особом летнем загоне. Как правило, чабан, иногда с помощниками, ночевал тут же, с овцами, в специально построенной землянке.

Загón 'огороженное место, где отдыхал выгульной скот': *На Красном озере... / в Матвеевском овраге / там овцы жили // изгородь загораживали, и они ночевали там / там были сторожа / это летний загон // Базарно-Мордовские Юрткули.*

Передёржка 'место, где летом держали коров на выгоне': *Три рас ф сутки [доили] / утрам фставали ф четыре часа зимой / а летам ф три // ездили на передержку / на машинах возили / и фляги / и мы / ловили / не подаёца вот эта вот / отелица первотёлка-тэ / верёфкими ловили // Красная Река.*

Стóйло 'отгороженное место для дойки коров на берегу небольшого водоёма': *Раньше доили три раза // было место определённое / стойло называлось / вокруг озера небольшо-ва / чаще всево вот у нас ф Подлесных были вырыты небольшие // Базарно-Мордовские Юрткули.*

Кáлда 'отгороженное место, где летом держали скот на выгоне': *Калда загораживаца / нобет [на обед] загоняют / на ночь загоняют и на дойку / эт калда / загораживали для овец для ночлега / на ночлек тоже / оне ф поле / их ф село не гонят / ф поле / ну и скот отдыхал / там поткармливали их / ну и сторош с ними // Русские Юрткули.*

Пастбища, а особенно летние загоны, старались устраивать рядом с водоёмом: *Где не пашеца / там штоб озёра были / поить штобы можно / вот эт пастбиц // Русские*

Юрткули. Если рядом с селом не было естественного водоёма, устраивали искусственный. У мордвы есть особое наименование для такого водоёма — **ловсэ-эрьке** ‘небольшой естественный или искусственный водоём, к которому пригоняли коров на дойку’: *Делали вот такие озёрца небольшие и называли их ловсэ-эрьке // ловсэ ат слова молоко на мордофскам / ловсэ-эрьке — молочное озерце // вот к этому молочному озерцу фсегда приганяли / только туда фсегда //* Базарно-Мордовские Юрткули.

В настоящее время большинство жителей обследованных населённых пунктов считают себя русскими. Однако прежде бóльшую часть жителей некоторых населённых пунктов (Базарно-Мордовские Юрткули, Русские Юрткули, Матвеевка, Красная Река) составляла мордва. Многие традиции этих мест, в том числе и сельскохозяйственные, в частности «молочные озёра», давно не являются национальными, стали общими для всех. Однако следы межэтнического взаимодействия остаются во многих тематических группах лексики. В животноводстве это не только *молочные озёра* (**ловсэ-эрьке**), но и другие заимствованные элементы. Например, слово **ка́лда** (**ка́рда**) является весьма употребительным в Поволжье не только в русских говорах, но и в мордовских, а также в тюркских языках. Вопрос о его этимологии однозначного решения не имеет [Мызников 2005: 89–90]. Вариативность его фонетического оформления и оттенков значения в русских говорах подтверждает заимствованный характер.

В целом лексика пастбищного скотоводства отражает достаточно древнее влияние тюркских традиций. Так, все принятые в Поволжье наименования стада животных (**отара**, **табун**, **гурт**, **ватага**), а также наименование овечьего пастуха (**чабан**) являются достаточно древними тюркизмами (Шипова 1976: 109, 117, 254, 300, 370). Тюркизмом, видимо, является и отгонное слово для овец **аррjá**.

В заключении отметим, что лексика животноводства и птицеводства в ульяновских говорах демонстрирует достаточно хорошую сохранность, что свидетельствует об устойчивости в регионе традиций частного животноводства, несмотря на упадок крупных хозяйств.

Литература

Мызников С. А. Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл. СПб., 2005. 640 с.

О некоторых наименованиях частей сельского жилища первой половины XX века (на материале говора Кучеряевки Бутурлиновского района Воронежской области)

Л. В. Недоступова

В статье рассматриваются некоторые составляющие сельского жилища первой половины XX в. Определён ареал употребления представленных лексических единиц в воронежских говорах и говорах других территорий. Выявлены морфологические и фонетические особенности русско-украинского говора.

Ключевые слова: крестьянское жилище, строительная культура, народная речь, фонетические и морфологические особенности, русско-украинский говор

К теме крестьянского жилища XX в. в разное время обращались многие российские учёные (В. Г. Руделев, О. Н. Мораховская, В. Е. Гольдина, В. З. Присяжнюк, Н. Г. Шубина и др.), в числе которых и воронежские диалектологи П. Мальныхин, В. И. Дьякова, В. И. Хитрова, Е. А. Асташова и др. Изучение жилища прошлого возможно только при наличии живой народной речи, зафиксированной в полевых условиях в ходе беседы с респондентами. Данная работа, на наш взгляд, может быть полезна как для понимания некоторых особенностей жизни крестьян, так и для выявления лингвистических закономерностей, связанных с тем, что на территории Воронежской области соседствуют говоры русского и украинского языков.

Предметом настоящего исследования стали некоторые составляющие сельского жилища первой половины XX в., на-

ходящегося на юге Центрального Черноземья, а также выявленные фонетические и морфологические особенности говора.

В качестве языкового материала использована речь Задорожной Антонины Николаевны — коренной жительницы села (1934 г. р.), записанная в 2015 г.

Кучеряевка — единственный населённый пункт Кучеряевского сельского поселения Бутурлиновского района. Село находится в 31 километре к востоку от районного центра. Основано в середине XVIII в. крестьянами слободы Бутурлиновки — выходцами из Малороссии. Первым жителем села стал крестьянин Василий Петрович Кучерявый, родившийся в 1738 г. Он поставил свою хату у лога в верховьях речки Осередь. Затем рядом поселились другие люди. Хутор называли по имени первопоселенца. В 1812 г. в нём имелось 25 дворов, 150 жителей. Сейчас в Кучеряевке проживает около 1000 человек. В селе есть дом культуры с библиотекой, неполная средняя школа, медпункт, отделение связи и два магазина.

Смежное соположение на одной территории двух этносов создало предпосылки для межъязыкового контактирования, причём русский язык, занимающий в таких условиях главенствующее положение, воздействует на украинский в большей степени, чем наоборот, и всё-таки обратное воздействие наблюдается [Черенкова 2009: 295].

О существенном влиянии русского языка на украинские говоры писали диалектологи ещё в XIX – начале XX в. [Чужимов 1929: 16]. Современные исследователи М. Т. Авдеева, Е. Ф. Акаткина, А. Д. Черенкова, Е. И. Сьянова и др. также указывают на данный факт.

Дом всегда являлся символом радости, единства рода и частью строительной культуры народа. Стандартное деревенское жилище представляло собой 2 комнаты, что, собственно, отражало материальный достаток семьи.

Жители Кучерявки раньше жили только в небольших одноэтажных домах, которые назывались *хатами*: *В хати было две комнаты: та вин сїны и гóрныця*¹. В словаре В. И. Даля лексема *хата* приводится с пометой «южное» (Даль 4: 348). В воронежских говорах это слово имеет большую территорию функционирования: Острогожский, Верхнемамонский, Нижнедевицкий, Аннинский, Рамонский, Верхнехавский, Богучарский и Репьёвский р-ны (КСВГ)².

Сїны ‘сени’: *В сїнях стоялы вїдра та бóчки. В вїдрах носылы воду. В бóчках хранылы зерно, крупы.*

Дробына ‘лестница’: *В сїнях и дробына стояла, на ей лазылы на чирдák.* В «Словаре украинских говоров Воронежской области» приводится лексема *драбына* в значении ‘приставная лестница’ с указанием сёл Старотолучеево Богучарского р-на и Поддубное Россошанского р-на (Авдеева 2008, 1: 118).

Гóрныця ‘чистая комната, в которой жила семья’: *Гóрныця була отáпливаемой, в нею жыла фся симья.*

Створкы (мн. ч.) ‘оконные ставни’, *ствóрка*: *Створкы рассыпалысь вси, лїтом ужó ни закрывáлысь.*

Русские крестьяне были весьма непритязательными в домашнем обиходе. Кровать, стол, лавка (иногда и стулья) и скрыни — вот весь перечень мебели сельских жителей.

Стил ‘стол’: *В гóрныци стояв здоровый стил. За цим стилóм ёлы. Борц ис пэчэ доставáлы и ёлы со смэтáной. Бурякї парили ф пичэ та картóху и кáшу варылы. Эт и ёлы.*

Глэчик (*глéчик*) ‘керамический горшок в форме сосуда, кувшин’: *В глэчиках хранылы молоко та смэтáну.* СРНГ указывает на бытование лексемы в названном значении в Воронежской, Орловской и Самарской областях (СРНГ 6: 195). В «Словаре украинских говоров Воронежской области» это

¹В статье используется упрощённая транскрипция. Звук «г» в говоре фрикативный.

²Все слова проверены по картотеке Словаря воронежских говоров (Кафедра славянской филологии Воронежского государственного университета).

слово приведено с указанием сёл: Полтавка, Старотолучеево Богучарского р-на, Лосево Павловского р-на, Ольховатка Ольховатского р-на, Шрамовка Россошанского р-на (Авдеева 2008, 1: 84).

Скóтирть ‘скатерть’: *Када прыбырэшь стил, полбжышь скóтирть.*

Лáвки (мн. ч.) ‘лавки, переносные скамейки’: *В хáти булó дви лáвки. На их сьдэлы.* Распространено в сёлах Криуша Петропавловского р-на и Колыбелка Лискинского р-на, а также в хуторе Гринёве Калачеевского р-на (Авдеева 2008, 1: 192).

Стíльчики ‘стульчики, стулья’: *Стíльчики булб тíлькы в нéкторых хáтах.*

Крoвáты ‘кровать, места для лежания’: *Крoвáты булб дэрэвянны. Дítы спáлы на крoвáты.*

Лю́лька ‘колыбель, кровать для грудных детей’: *Дю́жа лю́льку качáть нэ нáдо, дитá нэ трывóжить.*

Тя́бло ‘полка для икон’: *В хáти в углú булó тя́бло.* СРНГ указывает на большую территорию распространения названной лексемы: Костромскую, Ярославскую, Владимирскую, Нижегородскую, Вятскую, Пермскую и Воронежскую области (СРНГ 46: 52).

Главной принадлежностью крестьянской хаты была большая русская **печь**, занимающая от 1/6 до 1/4 всего помещения. Она служила для обогрева, сна, приготовления пищи: *Здорóви спáлы на пэчú. Вмéсто тря́пок стылблы сýно. В пэчú и вары́лы йíсты.*

Рогáч ‘предмет для задвигания посуды в печь и выдвигания её из печи’: *Рогáчáми горшкы сэжáлы в печь. В чугунокáх вары́лы картóху, тóжы доставáлы рогáчáмы. В пэчú и хлип пиклú пшэны́чный. Хлип любы́лы йíсть, колы́ вин тóлькы с пэчú. А по прáзникам пэклы пырогы́.* Лексическая единица **рогач** ‘ухват’ повсеместно распространена в говорах, исключая Русский Север и Северо-Запад (СРНГ 35: 122–123).

Загру́пка ‘пространство между дымоходом русской печи и стеной дома’: *Тоды в загру́пки барахло суши́лы.*

Скры́ня ‘небольшой сундук для хранения вещей’: *Барахло храны́лы в скры́нях.* СРНГ указывает на распространение слова в Воронежской, Курской, Орловской, Рязанской, Саратовской, Брянской, Смоленской, Брестской, Кубанской, Новосибирской, Красноярской областях, Литовской, Латвийской и Дагестанской АССР (СРНГ 38: 163–164).

Но́чвы ‘небольшие корытца для стирки вещей’: *Барахло стыра́лы в но́чвах.* Рассматриваемая лексическая единица бытует в говорах Орловской, Курской, Воронежской, Николаевской, Самарской, Ставропольской и Томской областей (СРНГ 21: 297).

Пол: *Пол у хати був дэрэвянный.*

Ві́нык ‘веник’: *Пидмитáлы бэрэзовым ві́ныком.*

Ві́дра ‘ведра’: *В ві́драх усё у хату вноси́лы: и дровы́шки зымóю.*

Заслуживает внимания тот факт, что в настоящее время в речи местной жительницы сохраняется и говор с украинской основой, и используются общеупотребительные слова русского языка. Нами зафиксированы некоторые черты данного говора.

Фонетика

Среди фонетических черт следует отметить следующие:

1. В говоре господствует звук [ʏ] фрикативный: *за[ʏ]ру́пка, [ʏ]лэ́чик, ро[ʏ]а́ч, [ʏ]ори́кы, в у[ʏ]лу́, пыро[ʏ]ы́* и др.

2. Приставка *пид-* функционирует вместо *под-*: *пидмитáлы.*

3. Наблюдается утрата согласной в начале местоимения: *по ей* — *по ней, на их* — *на них.*

4. Широкое распространение имеет ыканье — употребление гласной *ы* вместо *и* (реже *е*):

— в существительных: *бо́чк[ы], ла́вк[ы], го́рн[ы]ця, дров[ы́]шк[ы], кровáт[ы], ство́рк[ы];*

— в глаголах: *ёл[ы]*, *вар[ы]л[ы]*, *внос[ы]л[ы]*, *стоял[ы]*, *спáл[ы]*, *ст[ы]рál[ы]*, *суш[ы]л[ы]*, *ст[ы]л[ы]л[ы]*, *лáz[ы]л[ы]*, *хран[ы]л[ы]*, *закрывáл[ы]сь*, *рассытáл[ы]сь*, *тр[ы]вóжитъ* и др.

5. Отмечено иканье (на месте *е*, *ё* произносится *и*): *в[и]нык*, *в[и]дра*, *д[и]ты*, *с[и]но*, *с[и]ны*, *с[и]мья*, *ч[и]рдák*, *л[и]том*, *хл[и]н*, *п[и]кли* и др.

6. Всегда твёрдый звук *ц* в говоре произносится мягко *ц'*, и, наоборот, *н* — твёрдо: *гóрныця*, *гóрныци*.

7. Имеет место оканье: *т[о]ды*, *ск[о]тирть*.

8. Вместо *ы* в глаголах прошедшего времени функционирует *у*: *б[у]ло* и др.

9. В глаголах прошедшего времени зафиксированы и суффикс *-л-* (*бу-л-ó*, *бу-л-ы*), и суффикс *-в-*: *стоя-в-*, *бу-в-*.

10. Интересно использование твёрдых согласных вместо мягких в разных частях речи: *дит[á]*, *з[э]рно́*, *см[э]та́ной*, *рогачáм[ы]*, *д[э]р[э]вя́нны*, *пшен[ы]чны́й*, *б[э]р[э]зовым*, *н[э]на́до*, *п[э]кл[ы]*, *пр[ы]б[ы]р[э]шь*, *люб[ы]л[ы]*.

11. Отмечен случай употребления мягкого согласного на месте твёрдого: *буряки́* — бураки.

12. На месте *у* зафиксировано *и*: *ст[и]льчики*.

13. Наблюдается перенос ударения в словах: *в си́нях* и др.

Морфология

1. Для существительных свойственно следующее:

— Варианты употребления предлогов в предложном падеже существительных — *у хáти*, *в чугункáх*.

— Окончание *-и* у существительных 1 склонения в предложном падеже (*в хáт[и]*), *-э* и *-и* — у существительных 3 склонения в родительном и предложном падежах (*ис пэч[э]*, *ф пич[э]*, *с пэч[и]*, *на пэч[и]*).

— В значении 'здоровые (взрослые)' употребляется укороченная форма *здорóви*.

— Окончание *-ю* вместо *-ой* у существительного *зымóю* (зимой).

2. Зафиксированы полная форма прилагательного во множественном числе *деревянные* и укороченная с окончанием *-ы* вместо *-ые*: *дэрэвянны*.

3. Вместо глагола *есть* 'употреблять (пищу)' используются лексические единицы *йісты*, *йість*.

4. Числительное *две* функционирует как лексема *два*.

5. Местоимения представлены разнообразными вариантами:

— Личное местоимение *он* имеет форму *внн*.

— Вместо указательного местоимения употребляется лексема *эт*, вместо *этим* — *цим*.

— В неопределённом местоимении *не́которых* происходит утрата корневой буквы *о*.

— Определительное местоимение *всё* имеет форму *усё*.

— На конце местоимения *й* заменяется на *ю*: *в не́ю*, *е* переходит в *и*: *вси*.

6. Среди наречий отмечены следующие единицы:

— В значении 'очень' употребляется слово *днёжа*.

— Вместо *уже* используется лексическая единица *ужб*.

— Наречие *только* имеет формы *толькы*, *тйлькы*.

7. Служебные части речи представлены немногочисленными единицами:

— Вместо предлога *да* отмечен *та*.

— Союз *когда* функционирует в формах *када́*, *колы́*; союз *тогда* — в форме *тоды́*; союз *тоже* — в форме *то́жы*.

В свете сказанного необходимо отметить, что говор села Кучеряевки представляет собой интересное лингвистическое явление. Это активно функционирующая языковая система, особенности которой мы проследили на лексическом, фонетическом и морфологическом уровнях.

Перечисленные факты позволяют считать кучеряевский говор переходным русско-украинским, существующим в условиях двуязычия. Речь местных жителей, несомненно, представляет ценность для диалектологов, поскольку в ней

присутствуют черты близкородственных языков, оказавших разную степень воздействия друг на друга в зависимости от территориального и временного факторов.

Следует согласиться с мнением М. Т. Авдеевой о том, что украинские говоры в южных районах Воронежской области «...всё ещё сохраняют выразительный украинский языковой тип...». В то же время они испытывают влияние русского литературного языка, что понуждает активизировать работу по сбору материала (Авдеева 2008: 3).

Изучение лексики русско-украинских говоров даёт возможность установить закономерности в истории развития словарного состава родственных языков и их говоров, уяснить особенности развития основных говоров в близкородственной языковой среде, определить характер и специфику взаимодействия диалектов близкородственных языков [Сьянова 2013: 504–505].

Литература

Акаткина Е. Ф. Украинский язык и его говоры на территории Воронежского края: история и современность // Воронежское краеведение: традиции и современность. Материалы ежегодной областной научно-практической конференции (3 декабря 2006 г.). Воронеж, 2008. С. 136–139.

Сьянова Е. И. О некоторых принципах составления «Словаря русско-украинских говоров Воронежской области» // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013. СПб., 2013. С. 496–559.

Черенкова А. Д. Воронежские диалектные тексты как источник для изучения русского национального языка, истории и культуры народа. Воронеж, 2009. 328 с.

Чужимов В. П. Местные народные говоры // По нашему краю. Очерки по природе, быту, хозяйстве и культуре Воронежского и Острогожского округов Центрально-Чернозёмной области. Воронеж, 1929. 60 с.

Лексика народного этикета в поунженских говорах (на материале произведений И. М. Касаткина) *С. В. Окуловская*

В статье представлены этикетные формулы в речи героев рассказов костромского писателя И. Касаткина. Автор отразил особенности речевого принципа вежливости в отдельно взятом регионе. Сопоставление с данными полевых исследований и материалами диалектных словарей говорит о достоверности и значимости представленного материала при изучении поунженских говоров.

Ключевые слова: народный этикет, обращения, поунженские говоры, литературный источник, И. Касаткин

Речевой этикет — важный элемент любой национальной культуры, а его лексические средства — «самостоятельные — культурно-исторические ценности, важнейшие средства регуляции поведения, без которых не может обойтись ни один человек, ни одно общество» (Балакай 2001: 5). В языке, речевом поведении, устойчивых формулах общения отражены богатый народный опыт, неповторимость обычаев, образа жизни, условий быта каждого народа. Справедливо это и в отношении диалектов, которые обладают своим запасом слов и выражений, репрезентирующих региональную специфику речевой вежливости. Однако, как замечает О. Н. Паликова, данные полевых исследований дают скудный материал по данной тематике, так как «в основном представляют собой нарратив, который сам по себе не предусматривает использования этикетных формул» [Паликова 2010: 424]. При изучении данного пласта лексики целесообразно обращение к произведениям художественной литературы, которые рас-

крывают уникальность речевого поведения отдельной этнокультурной общности в различных коммуникативных ситуациях.

Такого рода источником могут послужить рассказы костромского писателя И. М. Касаткина (1880–1938), уроженца д. Барановицы Кологривского уезда. «Это глухой угол в верховьях Унжи, в стороне, на границе северных увалов Вологодского края» [Касаткин 1991: 5]. Большинство рассказов И. М. Касаткин посвятил описанию жизни и быта крестьян своей родины. Он умело использовал знание языка родного края, вплетая в ткань произведений неподдельно звучащую живую народную речь: *Мотри же, сынушко, из избы не убегай* (Путь-дорога). *Спи, розжоное, спи... октись и спи... Экая ведь притка, господи Иисусе* (Петрунькина жизнь). *Чуйко, паря, чего я скажу... Как же это, друх, дьякон-то grit: андела, верна наставника...* (На барках). Рассказы И. М. Касаткина позволяют нам всесторонне представить функционирование этикетной лексики в речи поунженских крестьян в окружении богатого контекста, раскрывающего ее содержательную сторону.

Всё многообразие отношений между персонажами показано в обращениях, имеющих выраженную национальную и региональную специфику. Все они могут быть использованы для ответов на вопросы программы ЛАРНГ по теме «Народный этикет» более широкого раздела «Традиционная народная духовная культура». Это обращения к группе людей (Л 5426): *православные, мир честной*; к группе мужчин (Л 5428): *братчики, робята, ребя, дяденьки*; к незнакомому мужчине, старшему по возрасту (Л 5429): *дядя, дядёк, дядюш, дедо, дедко, дедуш*; к близкому по возрасту мужчине: *брат, братчик, братец, братан*; к младшему по возрасту (Л 5431) а) мужчине: *молодчик, милачок, милай, мил человек, паря, парь, родимец, розжоный*; б) женщине: *деваха, молодка, писаная*; вежливое обращение (Л 5432) к отцу: *тятъ, тятя, тятенька*; к мате-

ри: *мамынька, мамонька*; ласковое обращение (Л 5433) к ребёнку: *сынушко, дитятко моё рожоное, рожонный*; к свату: *сватко, сватушко*; бранное обращение к ребенку (Л 5434): *пацёнок*.

В большинстве этикетных формул прослеживаются христианские традиции, которые, по словам Т. И. Вендиной, «были не только довольно хорошо освоены языком крестьянской культуры, но и, став его органической частью, сыграли важную роль в моделировании концептуальной картины мира» [Вендина 2012: 62]. Особенно ярко они проявляются в обращении к народу: *православные*; благопожеланиях: *дай бог, бог на помочь*; в приветствиях с пожеланием мира. Подобные фразы фиксирует Академический словарь 1847 г. с пометой «церк.» и разъяснением «приветствие при встрече или при входе в дом»: *Идите с миром. Мир ти, мир вам, мир дому сему* (Слов. Акад. 1847, 2: 307). В рассказе И. М. Касаткина «Путь-дорога» крестьянин Панкрат, идущий в город на заработки, произносит в качестве приветствия встречным людям *мир дорбгой* (Л 5421). Грамматический вариант этого изречения зафиксирован в Словаре В. Даля *мир по дороге* с разъяснением «привет встречному» (Даль, 3-е изд. 1: 434). Мира желает при встрече сельский староста собравшейся вечером молодёжи: *Мир честной канпании, — сказал Беспалый, когда его заметили. — Аль сумерничать собрались?* [Касаткин 1991: 123]. Само слово *мир* является в рассказе «На барках» обращением к крестьянам. Его употребляет довольный работой народа крупный лесопромышленник Колокольников после удачного спуска на воду барок: *Спасибо, мир честной!.. Всё ладно сошло! Уж вот как хорошо!* [Касаткин 1991: 27]. Забытое, неактуальное в настоящее время значение слова *мир* «община, общество крестьян» раскрыто в Словаре В. Даля и проиллюстрировано фразой, относящейся к людям той же профессиональной принадлежности: *мир, Бог на помочь*. Данное приветствие служило окликом бурлаков при встрече судов на Волге (Даль, 3-е изд. 2: 278).

Благопожелание *бог на помочь* (Л 5417) в рассказе И. М. Касаткина «С докукой» адресовано работающему у горна кузнецу. Во Фразеологическом словаре русского литературного языка дано словосочетание *бог в помощь* (*помочь*), которое интерпретируется как «устар. прост. В речевом этикете: пожелание кому-либо успеха в труде». Здесь же представлен вариант *бог на помочь*, который проиллюстрирован произведением Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: *Бог на помочь! Как ловится? — Всего один карась! А было их до пропасти...* (Фёдоров 2008). В настоящее время данный устойчивый оборот зафиксирован в Костромском, Красносельском, Нерехотском и Сусанинском районах Костромской области в значении «приветствие, благопожелание тому, кто делает какую-нибудь работу» (ККОС: 274).

Коллективные речевые привычки крестьян, проявляющиеся в выборе определённых коммуникативных стратегий и средств коммуникации при вступлении в диалог, контрастно показаны И. Касаткиным в рассказе «Мужик», где помощник лодочника пытается наладить контакт с барином, которого перевозит в город:

— **Ты, господин, женат будешь?** — спрашивал он у седока.

— Я не тыка, а выка, — отрезал тот.

— Та-ак, — не поняв, откликнулся мужик. — **Дай бог всякому, конечно <...> Детки-то у тебя есть?**

— Вот с-скотина! — ещё более округлил глаза толстый седок. — Полюбуйтесь!

— То-очно... Это ты правильно.

— Не тычь!

— Хорошо, хорошо! — подобрал мужик ноги. — А насчёт скотины ежели, — коровёнку имеем. С ребятами нельзя без скотины <...> Сам посуди, ты человек понимающий...

— Ну, как же не скотина? Вот с-сволочь! — плачуще запыл седок, поедая мужика рачьим взглядом. — Поискать такого!

— Верно! — обрадовался мужик, налегая на весло. — Где уж крестьянскому скоту супротив барского. Это ты, **братец**, верно...

Обращение *господин*, указывающие на высокое положение собеседника, используется лишь в начале диалога, при этом личное местоимение *ты*, употребляемое при нём, не имеет для крестьянина этикетного содержания, а благоприятную атмосферу для начала разговора призван установить вопрос о семье. Когда же крестьянин убеждён, что завязался разговор «по душам», в роли обращения выступает слово *братец*. На то, что в начале XX в. данное обращение являлось типичной этикетной формой в разговоре между мало знакомыми людьми, указывает значение слова *брататься* — ‘входить в короткое знакомство’ (Слов. Акад. 1847, 1: 80). В текстах рассказов И. М. Касаткина термины родства достаточно частотны в ассортименте обращений к людям, не являющимся родственниками, или даже вовсе незнакомым. Такая метафора кровного родства, по-видимому, также имеет связь с христианскими традициями и особым мировидением деревенских жителей, которые воспринимают друг друга как одну большую семью. В. Даль также отмечал данную особенность русского этикета: «В беседе, человека средних лет чествуют дядей, как старика дедушкой, молодого братом, а иногда и сыном» (Даль, 3-е изд. 1: 462).

Словообразовательный потенциал терминов родства в роли обращений в говоре достаточно велик. Варианты слов с различными формантами отражают оттенки экспрессии и региональное своеобразие языковой системы. Так, для обращения к мужчине, близкому по возрасту, употребляются апеллятивы: *брат*, *братец*, *братан*, *братчик*. *И вот, братчики*, — радостно топырился он, — получаю от доктора бумагу: забирай свою бабу, знамо дело, и ребяток, которые новорожденные (Мужик); *Шалишь, братчик!* (Сказка); *Братчики*, не страхайтесь! (Вражья сила); *Сыграни, друх, зараз!* — взмолился Епифан, дёргая бородку. —

Вдарь, брат, для души! (На барках); *А-ах, какая, братцы, жалость!* (Село Микульское). Данный словообразовательный ряд дополняет слово *братук*, используемое в качестве обращения в текстах произведений кологривского писателя Е. Честнякова: *Он в конторе туки-тук: «Отпри-ка мне, братук»* [Образцова 2005: 99]. В БАС формы *брат* и *братец* интерпретируются следующим образом: «в просторечии. Форма дружеского или фамильярного обращения к кому-либо» (БАС 1: 608). Употребление данных обращений в речи поунженских крестьян не зависит от степени близости коммуникантов и их отношений, являясь универсальным обращением между мужчинами. В функции номинатива лексемы *братан* и *братчик* используются в костромских говорах в настоящее время для обозначения братьев разной степени родства (ККОС: 39). Свойство слова *братчик* употребляться в роли обращения раскрыто в СРНГ, где представлено значение «обращение к человеку: товарищ, братец» с пометой **Урал**. (СРНГ 3: 162).

В текстах рассказов И. М. Касаткина для обращения к человеку старшего возраста, который не состоит с называемым в кровном родстве, употребляются слова: *дядя, дяденька, дядёк, дядюш*: *А ты, дядя, не лайся! Чего ты больно уж?* (Осенний ветер); *Не сердись, дядёк! Не гляди, что смеюсь* (С доукой); *Дядёк, что стоит картинка-то?* (Торг); *Дядюш, а ты толком расскажи... про Осипа-то* (Летучий Осип).

При обращении к пожилому человеку, безотносительно к степени родства, употребляются лексемы: *дед, дедо, дедко, дедуш*: *Здорово, дедко Мартьян!* (Лесосека); *А хорошо у вас тут, дед, э-эх! — махнул рукой Григорий и передёрнул плечами. — Век бы не расстался! Только жизнь-то нудная да тихая. Почему это, а? Дедо?* (Село Микульское); *Дедуш, аль воевать вздумал?* (Летучий Осип).

Стремясь наиболее реалистично передать особенности народной речи, И. М. Касаткин отражает не только лексиче-

ские особенности говора, но и многие фонетические и грамматические явления (*робята, мамынька, милай* и др.). Среди обращений, обозначающих лиц мужского пола, велика доля апеллятивов с конечным формантом *-(к)о* (*сынушко, дедко, сватко, сватушко*), что отражает диалектную черту поунженских говоров.

Выделяются особые усечённые формы терминов родства в функции обращения (*дядюш, дедуш*). Раскрывая историю появления подобного рода вокативов (типа *пап, мам* и т. п.) в современном русском языке, М. А. Даниэль приходит к выводу, что они имели диалектный источник [Даниэль 2009: 243]. Однако усечение слов в говоре не останавливается на чистой основе.

Обращения к молодым людям служат лексемы *парь* (*паря*), *ребя*: *Э-э-эвон лес-то! Неужто, парь, не видишь?* (Унжаки); *Знать сѣдни, паря, топор варил?!* (На барках); *Больно, паря, прыток этак-то... Знахарь какой!* (С доуккой); *Что, паря, не клюёт?* (Задушевный разговор); *Бей их, ребя!* (На барках); *Пусти, ребя, Мишку ближе!* (Весёлый батя). Данная особенность речи костромичей подмечена коллективным прозвищем *пари*, которым прозывались жители городов Буй и Галич «от обычного обращения парь, т. е. парень» (Воронцова 2011: 250). В. Даль приводит присловье, относящееся к жителям г. Галич, в котором высмеиваются характерные черты их речи, среди них и указанное обращение: *Що, парь, Галуньки* [Даль 1862: 354]. Данные полевых исследований показывают актуальность обращения *парь* и в настоящее время в Кологривском, Макарьевском, Мантуровском, Нейском, Павинском и Судиславском районах. Однако теперь данная лексема является универсальным обращением к собеседнику и, потеряв связь с мотивирующим словом, употребляется также по отношению к женщинам: *Ты, парь, меня не обманывай, какая ты после этого подруга!* (ККОС: 243).

Ласковыми обращениями к молодым мужчинам в произведениях И. Касаткина являются также **молодчик, милачок, родимец, рожонный**. *Молодчики, молодчики, упрись!* — командовал *Мухин* (На барках); *Не робь, милачки... Денёк, другой, третий водицу-то почерпаем — глядишь, тем разом барочка и замокнет...* (На барках); *Рыжеватый, когда засыпал табаку в сигарку, ухмыльнулся и ответил: Издалече, милачок* (Путь-дорога); *Голодно, родимец...* (Путь-дорога); *Рожонный мой, опиши!* — слезливо встревала вдова *Козлиха, тёмная, высохшая, будто щепка*. — *Поразузнай в городе и опиши...* (Путь-дорога). При этом в большинстве контекстов значение слова **рожонный** (преимущественно в морфологическом варианте **рожонное**) раскрывается как ласковое обращение матерей к сыновьям: *Нельзя, рожонное моё, нельзя...* (Нянька); *Дитятко ты моё-о рожонное...* — *стараясь подражать матери, говорил Стёпка* (Нянька); *В городе, рожонный, в городе* (Силантьёво детство); *Нет, рожонное моё... Спи...* (Петрунькина жизнь).

Деваха, молодка, писаная в произведениях И. Касаткина употребляются как обращения к девушкам. Первое — в речи близко знакомого молодого человека: *Ну, Дунечка, прощай, деваха!* (Дуняша). Второе — в призыве торговца на ярмарке: *А вот платки, крючки, тесьма, ленточки! Наскакивай, эй! Молодки, молодки!* (Торг). Последнее в речи бедного мужика к незнакомой молодой женщине: *Нынче они господ перевозют, писаная!* (Мужик). В роли обращения слово **деваха** зафиксировано в СРНГ с пометой «Кинеш. Костром., Волог., Новг.» (СРНГ 7: 314). Как ласковое обращение к женщине, девушке в ярославских говорах приводится лексема **писаная** (СРНГ 27: 45).

Таким образом, в формах речевого этикета, использованных И. М. Касаткиным, проявляются региональные особенности коммуникативного принципа вежливости в речи поунженских крестьян. Многие из представленных в рассказах обращений фиксируются картотекой КОС в функ-

ции номинатива. Это слова *молодчик* в значении ‘молодой человек, юноша’ в Антроповском, Костромском, Мантуровском и Нерехтском районах; *братчик* ‘двоюродный брат’ в Нерехтском и Костромском районах; *дедко* в Галичском районе; *пацёнок* бран. ‘о мальчике-подростке, шалуне, проказнике’ в Костромском и Нерехтском районах; *тятенька* ласк. ‘отец, папочка’ в Солигаличском, Чухломском, Вохомском районах. Произведения И. М. Касаткина раскрывают вокативный потенциал представленных слов, показывая ситуации их возможного употребления.

Литература

Вендина Т. И. Русская традиционная духовная культура: наследие в слове // *Метафизика*. 2012. № 6. С. 49–64.

Даль В. И. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, загадок, поверий и проч. М., 1862. 1159 с.

Даниэль М. А. «Новый» русский вокатив: история формы усечённого обращения сквозь призму корпуса письменных текстов // *Корпусные исследования по русской грамматике*. М., 2009. С. 224–244.

Касаткин И. М. Мужик. М., 1991. 382 с.

Образцова О. А. Лексика по теме человек в кологривских говорах как источник ЛАРНГ (на материале произведений Е. В. Честнякова) // *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования)* 2005. СПб., 2005. С. 97–100.

Паликова О. Н. Этикет в речи старообрядцев и в словаре говора // *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования)* 2010. СПб., 2010. С. 424–434.

Номинации празднества в честь завершения уборки зерновых (на материале архангельских говоров)

Ж. А. Панина

Статья посвящена названиям праздничных гуляний в честь окончания сбора зерновых. Такие названия на архангельской территории противопоставлены и образуют достаточно четкие ареалы.

Ключевые слова: праздники, народный календарь, архангельские говоры, Русский Север, диалектология

Жизнь крестьян издревле была связана с выращиванием зерновых культур. По традиции на архангельской территории отмечались не только окончание посева и уборка нового урожая, но и завершение обработки собранного зерна, например молотба. В данной статье рассматриваются названия праздничных гуляний в честь окончания сбора зерновых.

Исследование выполнено на материале «Архангельского областного словаря» (АОС), картотеки «Архангельского областного словаря» и собственных полевых записей автора. Примеры даются в упрощенной фонетической транскрипции.

Празднование в честь окончания жатвы называется *вы́жсинки*, *вы́жинáха*, *до́жсѣнки*, *до́жсѣн*, *до́жсѣна*, *до́жсинáха*, *отжсинáха*, *по́жсѣнки*, *по́жсинáха*, *по́жсинáнье*, *отжатнбе*; *постра́дка*; *бородá*, *бородно́й пра́здник*, *бородно́е*; *ка́ша*; *фѣла*, *филá*; *саломáт*, *саломáта*.

Названия с корнем *-жсин-* (*вы́жсинки*, *до́жсинки*, *по́жсинáха* и т. д.) акцентируют внимание на работе, завершение которой празднуется.

вы́жсинки. *Только вы́жсинки одні́ пра́зновали, когда вы́жнуца. Как вы́жнут-то дак это вы́жсинки — вот из этово*

кашу вари́ли. Особенно к осе́нным празъникам, вы́жынки там были. Вы́жынки — это когда зако́нчат жать, осе́нный пра́зьник, назнача́ли ѡго́, когда с полевы́ми рабо́тами зако́нчивали. Брига́да ко́нчила жатье́ — собира́лись на вы́жынки, вот и пра́зник.

выжына́ха. Выжына́ха, пра́зник, вот вы́жнут, пи́во, заку́ски, и сады́ца за сто́л. Выжына́ха — су́п, ка́ша. Выжына́ху де́лали, когда́ фсе́ с полей́ соберу́т. Горбо́ховицу сва́рят, че́-нить из мя́са зде́лають. Выжына́ху в до́ме отмеча́ли, фсе вме́сьте вы́пьют, попою́т, попля́шут, ве́село было́ на́м — фсе́ де́лили попола́м, а жэ́ньщины, каки́ певу́ньи, и на по́кбсе пе́ли — ка́г запою́т.

дожы́нки. Дожы́нки бы́ли, весь хле́п вы́жнут даг дожы́нки устраи́вали фсе́й брига́дой. На дожы́нках чего́ не пригото́вят.

дожы́н. Дожы́н, да, жы́то, ячме́нь жну́т вот, и оста́вят полб́ску и вот это́ дожына́ть, зде́лають дожы́н, и вот напеку́т ша́нэ́к и при́дут вот ф по́ле. Ищэ́ был у фсе́х пра́зьник бы́л, называ́лся дожы́н, поля́ фсе́ убра́ли, хле́п ф скирда́х. Дожы́н — это́ когда́ фсе́ вы́жнут на поля́х, пра́зьник устанавли́вали ф колбо́зе. Фсе́ сожну́т поля́, устраи́ваюд дожы́н, пля́шуд де́фки-ти.

дожы́на. Сожну́д жы́то, дожы́ну пра́знуют.

дожына́ха. Фсе́ убра́ли дак дожына́ху де́лали. Как ко́нчат жать, так дожына́ху справля́ют.

отжына́ха. Отжына́ха-то пра́зьник тако́й быва́т.

пожы́нки. Бу́дут пожы́нки. На пожы́нки пошл́и к те́ты. Называ́ли дожы́нки или пожы́нки, когда́ фсе́ убира́ли. Фсе́ с по́ля уберу́т до сно́пика, до полб́соу́чки, тогда́ пожы́нки спра́вят.

пожына́ха. Ф колбо́зе пожына́ха — напеку́т, кашу́ наваря́т с ма́сло, ры́бникоф напеку́т, су́п сва́рят, вина́ ку́пят, угостя́цца, пото́м пля́ску заведу́т. И фсе́ вот пожына́хами зва́лось, обшшо́й-то обе́т.

пожынанье. Пожынанье ф колхозе было, пиво варят, саламат мешают.

отжатнбе. Откосно, оджытно празновали, а другои рас и отсевно.

Наименование *постра́дка* образовано от глагола *страда́ть*, сохраняющего исконное значение ‘работать’.

постра́дка. Сходим-ка на пострáтки. Ну сходим на пострáтки, а это последний день жатья. На пострáтках — страда́ кончяйеца.

Наименование *борода́* восходит к названию особого обрядового предмета, сопровождающего празднование, и свидетельствует о его дохристианских корнях [Славянские древности 1995: 231]. *Бородой* называли последний сноп, оставленный на поле. С ним было принято совершать различного рода обрядовые действия, например пригибать к земле, обеспечивая будущее плодородие пашни, а впоследствии скармливать домашней скотине или хранить под иконами: *Приноси́ли такую́ боро́ду огро́мну из офса́, овёс последний дожына́ли. Приносят домо́й боро́ду — последний сно́п, и под ико́ну кладу́т в угол. Скоти́не корми́ли боро́ду-то. Борода́ — когда́ уберём урожа́й, са́мый последний сно́пик завёе́ш. Ф Покро́ф скоту́ закармливали.*

борода́. Фсе́ уберу́т-то на поля́х, последний сно́п в до́м занесу́т, да в у́гол поста́вят, да боро́ду празнуют. Жни́во зако́нчено, фсе́ собрано, празнуют боро́ду. Борода́ — это когда́ на поля́х ко́нця рабо́ту. Когда́ хле́п соберу́т, празы́ник называ́лся борода́. У наз боро́дой называ́ют ко́нec жатьвы дак. В основно́м борода́, когда́ хле́п уберу́т с поле́й. Борода́ была́ — празы́ник дере́вской. А борода́ это когда́ жне́ш эту́, зерно́. Вы́жнеш, да это борода́ называ́йеца.

бородно́е. Когда́ посе́ют хле́п, опсевно́ называ́ли этот празы́к, а когда́ фсе́ соберу́т, это боро́дно, боро́дно празы́к. Боро́дно — по́сле убо́рки, соберу́т фсе́х, наваря́т чево́нубуть. А жа́ли ра́ньше — то́жэ боро́дно. Боро́дно — когда́ фсе́ уберу́т. Ну, это как боро́дно — с поля́ уберу́т, с поле́й-

то, дак это рáньшэ бородно́ назывáлось. На бородно́м как снопа́ не хватáт, то́т померёт.

бородно́й пра́здник. *Бýдуд бородно́й пра́зньник справля́ть.*

Сочетание **вить (зави́ть, завивáть) боро́ду** имеет как прямое значение — ‘особым образом завязывать сноп из последних оставшихся на поле колосьев’ (1), так и метонимические значения ‘заканчивать уборку урожая (2) и ‘праздновать окончание уборки урожая (3).

(1) *Завивáли боро́ду — сядут, поедя́т и завивáют боро́ду — послéдний сно́п, ничегó не говоря́т, скоти́не корми́ли боро́ду-то. Боро́ду йéсли кто́ высо́ко жнеёт, придýт да йéсли высо́ко на́жато гдé, завя́жут да и ска́жут: боро́ду оста́вили. Возьму́т соло́мкой завя́жут, во́т и стои́т боро́да. Уш мы вьём боро́ду, завевáем боро́ду. А жáтву закóнчат ф колхо́зе — боро́ду завивáли. Сно́п-то завязывали да та́к ы говорíли: боро́ду завивáть.*

(2) *Вью́д боро́ду — нёт жатья́ боле. То́лько пою́т — боро́ду зави́ли, пёсен мно́го. Боро́ду зави́ли — фсе́ вы́жали. Боро́ду за́вили — фсе́, зна́ш, вы́жали, фсе́ прибра́ли. Боро́ду завьём и де́лаем ве́цер.*

(3) *Да́к дожсына́ть — боро́ду завивáть, мужыки́ жы́то дожсына́ли да́к боро́ду завивáли, вино́ покупáли.*

Необходимо отметить, что последний сноп, оставленный на поле, становился объектом обрядовых действий даже в том случае, когда название праздничного гулянья не было связано с **бородой**: *Посьлёдний сно́п несъли́ на дожсы́нки. Пожы́нки — сно́п несýт и ста́вят в большо́м углу́.*

Некогда праздник в честь окончания уборки зерновых должно было обязательно сопровождаться приготовлением обрядового кушанья из зерна или муки нового урожая. Такими кушаньями на архангельской территории являются **ка́ша, солома́т (саломáта) и филá (фýла)**, давшие названия соответствующим праздничным событиям. Однако связь блюда и праздника в настоящее время утрачивает-

ся: так, информанты отмечают, что *саломáт* (*саломáта*) и *фи́лá* (*фи́ла*) были обязательным атрибутом одноименного праздника, тогда как каши из зерна нового урожая на празднование практически нигде не готовили, заменяя ее рисовой кашей. Вместе с тем на территориях, где названия праздника в честь окончания сбора зерновых назывались не в соответствии с подаваемым обрядовым кушаньем, обрядовые кушанья также подавались: *На дожýн обяза́тельно бы́ло толокно́: пеку́т здóбныйе коло́жкы на ма́сле, поджа́ривают ф пе́чьке ужэ́ на ма́сле — э́то изде́лие называ́лось толокно́. Фи́лу де́лают на дожýнки. Как урожа́й собра́ют, де́лали фи́лу. Ка́шу вари́ли из но́вого зерна́, на жы́ре. Солома́т называ́ли. Солома́ту де́лали ф пожы́на́ту.*

На Пинежье, а также в Каргополье окончание уборочной страды называлось *ка́шей*.

ка́ша. *Ка́ша — зерно́-то уберу́т, из но́вого зерна́ на-мелю́т на жэ́рновáх. Сожну́т послéднее по́ле, ка́ша, фсе́х собра́ют, ве́чером гуля́ют. Фсе́ пришли́ на ка́шу со свои́ма бутылка́ми. Когда́ взы́жнуд жы́то, ро́ш — штобы́ фсе́ взы́жато́ бы́ло, с по́ля у́брано. Как ко́нчыят страду́ — назва́ние ка́ша, а ка́шу-то и не йéли, телёнка́ забыву́т, вина́ принесу́т. Э́ту ка́шу о́сенью пра́зновали, урожа́й уберу́т, жы́то уберу́т, да с пресе́л уберу́т жы́то, во́т и фсе́ бо́ле. Ка́шу пра́зновали, нава́рят, сýпу опшы́й котё́л с мя́сом ме́лко накрóшат, ка́шы ри́совой нава́рят с ма́слом, робя́там накладу́т, а на вечеру́ робóтники приду́т.*

Фи́лá (**фи́ла**) представляет собой кушанье из ячменной муки обязательно нового урожая и большого количества масла: *Фи́лу гото́вили то́лько о́сенью. Как фсе́ с по́жни уберё́ш, так ту́т и фи́лá. Фи́лой е́ту еду́ называ́ют, да и гооря́т, што себóдне у те́х-то фи́лá — э́то одно́ к одному́, и пра́зьник, и еда́. Фи́лá бывáет о́сенью, э́то жну́т ячъме́нь, фсе́ обихо́дят, ф пе́цьку по́ложат и вот фи́лу де́лают, два килогра́мма ма́сла на́до. Фи́ла с ячъме́ня, така́я жы́рная как ка́ша.*

фи́ла (фи́ла). Вот ко́нччим сенокóз да жатьё́, складём да филу́ делаем — колобо́ф напекём да ша́нек. Когда́ окон-цья́нъе жни́твы, де́лают филу́. Фсе́ вы́везут, на прясла вы-вешают, де́лали фи́лу, совме́сно́е угоце́нийе. Фи́ла — это ко́нec урожа́я, и колопки́ называ́ли фи́лой. На фи́лу бра́гу нава́рят, в лагуна́х варили́, на сухаря́х. Это́ фи́ла назы-ва́йеца, пра́зник, это́ ужэ́ ко́нчили́ убóрку. На филы́ фсе́ ба́шмачо́к одéнут, на филу́-то наряди́ца. На филу́ придут́ уся́дуца, бра́шка у ни́х нава́рена. Урожа́й съня́ли и бу́дет фи́ла — ко́нec рабо́ты. Фи́ла, вот ко́гда фсе́ ко́нчат, по-левый́е рабо́ты. Фи́ла ко́гда фсе́ поля́ уберу́т, фсе́ полевый́е рабо́ты ко́нччены́.

фи́лану́тъ — ‘отметить **фи́лу**’. Пошли́ отме́чать фи́лу. Хоро́шó фи́лану́ли.

Саломáт, саломáта — блюдо из толченых сухарей, смешанных с маслом, традиционно подаваемое на гулянии в честь окончания уборочной страды, а также само гуляние.

саломáт. Та́к ы называ́лося — о́-ой, себóдни веть у меня́ соломáт. Соломáт или кáша, одна́ и та́ жэ́ кáша. Соло-мáт — урожа́й ко́нччя́ли. Кáшу вари́ли из но́вого зерна́, на жы́ре. Соломáт называ́ли.

саломáта. Ра́ншэ́ бы́ло соломáта, сун наваря́т, уго-це́ньё. О́, вы́жсали, соломáта у нас себóдня. Соберу́т уро-жа́й — соломáту де́лают.

Наименования **борода́, бородно́е, саломата** и **фи́ла** в настоящее время используются и в более широком значении, называя гуляние в честь окончания любых сельскохозяйственных работ, в том числе посевной, заготовки сена или уборки картофеля: *Сенокóс собра́ли, то́жэ́ называ́лась боро-да́. Когда́ зерно́ уберу́т — борода́. Две боро́ды. Борода́ — это ко́гда фсе́ зако́нчили́, посе́йеш, бородно́. Любу́ю робóту ко́нч-чили́ — на́до боро́ду залива́ть. Хоть и карто́шку копа́ем — и то́ борода́ была́. Карто́шку вы́копают — бородно́е. Вот ко́гда борода́ — посе́вну́ зако́нчат, или убóрочьну́. Сенокóс ко́нчат — боро́ду спра́вят, жни́вьё — то́жэ́ боро́ду спра́-*

вят. Севóдня кóньчила картóшку убирáть — нáдо борóдá завíть. Картóшку вы́копáем, будéм бóроду завивáть, ну винíшко пьём, конéц рáботы. Фчерá у нíх былá саломáта. Закóньчили сенокóс, угощáлись. Дрóва распíлим — у нáс саломáта. Вот коньчáют когдá рáботу какúю, сенокóс, уро-жáй убрáли, мы картóшку вы́копáем и говорím, вóт у нáс саломáта. Дéлали фíлу, когдa концáли рóбить: сенокóс кон-цáецце, жатьё концáецце — принесí цáшку да лóшку и при-ходí на фíлу.

Названия праздничных гуляний в честь окончания уборки зерновых на архангельской территории противопоставлены и образуют достаточно четкие ареалы: гуляние в честь завершения полевых работ называется *бородóй* или *бороднým* преимущественно на юге архангельского региона, а также в среднем и верхнем течении Ваги и нижнем и среднем течении Северной Двины, а также на Средней Пинеге; лексема *кáша* отмечена в верхнем и нижнем течении Пинеги; слово *фíлá* используется на северо-востоке региона (нижнее течение Вашки, верхнее и среднее течение Мезени), *саломáт* и *саломáта* — на юго-западе и крайнем юго-востоке архангельской территории. Наименования с корнем *-жин-* отмечены практически на всей архангельской территории, достаточно четкие ареалы образуют на западе и юго-западе (бассейн Онеги, верхнее течение Ваги, верховья Пинеги), а также на северо-востоке (бассейн Пёзы, нижнее и среднее течение Мезени).

Литература

Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. I. А–Г. М., 1995. 584 с.

Общенародная и просторечная лексика в диалектной речи (на материале говора села Белогорное Вольского района Саратовской области)

А. А. Семёнова

В статье рассматривается функционирование общенародной и просторечной лексики на материале корпуса диалектных текстов говора села Белогорное Вольского района Саратовской области. В статье ставятся вопросы о частеречной принадлежности в составе каждой функциональной лексической подсистемы, об основных семантических группах, регулярности употребления единиц общенародной и литературной лексики в речи диалектоносителей.

Ключевые слова: диалект, общенародная лексика, просторечие, текстовый корпус

Лексический состав русских народных говоров неоднороден. В нем с точки зрения его соотношения с другими формами национального языка выделяются три группы: лексические единицы общерусского лексического фонда, составляющие основу словарного состава любого территориального диалекта; диалектно-просторечные лексемы, входящие в систему диалекта и просторечия, но не употребляющиеся в литературном языке; собственно диалектные (областные) лексемы, которые используются только в системе диалектного языка [Блинова 1972: 102].

Функциональное соотношение этих групп лексики в составе конкретных говоров остается практически не изученным. Между тем значительный интерес представляют вопросы о количественном соотношении (встречаемости) названных лексических групп в потоке диалектной речи, о внутри-

диалектной лексической вариантности (т. е. о сосуществовании в одном говоре эквивалентных единиц (лексических соответствий) различной социально-функциональной принадлежности, об особенностях речевого функционирования имеющих варианты (например, об их количественном, жанрово-тематическом распределении). Изучение функционального соотношения общенародной, диалектно-просторечной и собственно диалектной лексики в потоке диалектной речи предполагает также анализ грамматических характеристик лексического состава данных групп (в частности, изучение количественного распределения частей речи в пределах каждой из групп), анализ словообразовательных особенностей лексических единиц каждой социально-функциональной группы, исследование семантико-тематического наполнения каждой лексической группы — лексики общенародной, диалектно-просторечной и собственно диалектной.

Решение обозначенных задач, многоаспектное исследование проблемы социально-функциональной дифференциации лексического состава говоров требует изучения большого объема текстов, обращения к значительным текстовым массивам, репрезентативно представляющим изучаемый говор, служащим моделью коммуникации данного языкового коллектива.

Источником нашего исследования послужил корпус диалектных текстов, разрабатываемый в Саратовском государственном университете, а именно подкорпус среднерусского говора села Белогорное Вольского района Саратовской области. Для обработки текстового материала использовалась специальная программа обработки словарного состава текстов «Kartateka», которая позволяет получать словники текстов с указанием частоты употребления каждой словоформы и ее конкордансом (т. е. полным набором ее контекстов).

Нами была проанализирована сравнительно небольшая текстовая выборка из названного подкорпуса. На материале трех текстов объемом 6271 словоупотреблений, записанных

от пожилых малограмотных жителей села Белогорное, была дифференцирована общепародная, диалектно-просторечная и собственно диалектная лексика.

Количественно эти лексические пласты распределились следующим образом: 97,5% всех словоупотреблений (всего 6110 словоупотреблений) составила лексика общепародная, 2,3% словоупотреблений (146 словоупотреблений) приходится на лексику диалектно-просторечную, доля собственно диалектной лексики, то есть лексических или семантических диалектизмов, не имеющих распространения за пределами диалектной системы, составила 0,2% словоупотреблений (14 словоупотреблений) в общем речевом потоке.

В составе каждой из выделенных групп были проанализированы речевая активность (частотность) частей речи, а также выделены наиболее актуальные для диалектной коммуникации тематические группы.

На фоне общепародной лексики частеречная принадлежность лексем распределяется следующим образом: самыми употребительными частями речи являются частицы и союзы, которые были объединены в одну группу (высокую частотность обнаруживают частицы и союзы *и, вот, не, то, а*). Среди знаменательных частей речи выстраивается следующая количественная иерархия: местоимения, глаголы (среди них выделяется бытийный глагол *быть / бывать*), существительные, наречия (со значением времени: *щас, тогда, раньше*, образа действия: *так*, со значением количественной и качественной негативной оценки: *мало, плохо*). Реже употребляются прилагательные (количественно выделяются прилагательные с параметрическим значением *маленький* и общеоценочное прилагательное *хороший*), замыкают шкалу количественной иерархии числительные (обычно первого десятка: *четыре, три*), редко употребляются причастия и деепричастия.

Среди имен существительных к числу наиболее актуальных относятся семантико-тематические группы: «Названия

лиц и частей тела» среди них имена собственные, что согласуется с известным положением о большой конкретности диалектного повествования, а также термины родства (*дядя, мама, отец, дети, жена*); «Быт и продукты питания» (*дом, рубль, чайник, жаворонки* ‘изделие из теста’, *хлеб*), «Религия, духовный мир» (*кладбище, пасха, церковь, Богородица, крещение*); «Праздники» (*праздник, свадьба, песни, сабантуй, девичник*); «Время» (*день, лето, время, вечер, жизнь*); «Природа» (*поле, лес, бурьян, лиса*), «Учреждения, организации» (*школа, техникум, общежитие, почта, училище*), «Населённые пункты» (здесь наибольшую частотность обнаруживают общие наименования *село, город*, а также названия своего села и областного центра).

«Значимость» той или иной лексико-тематической группы мы вслед за А. И. Бурановой, проводившей количественное исследование лексико-тематической организации диалектной речи, оценивали с позиции двух параметров: общего количества лексем, входящих в данную группу, и общего количества их словоупотреблений [Буранова 2015: 53]. Так, группа «Названия лиц и частей тела» в нашем материале включает 68 лексических единиц, 287 раз употребленных в исследованных текстах; группа «Быт и продукты питания» включает 92 лексемы, 108 употреблений; группа «Время» 98 лексем, 20 употреблений; группа «Религия и духовный мир» включает 59 лексем, 83 употребления; группа «Праздники» включает 17 лексем, 42 употребления; группа «Природа» 15 лексем, 39 употреблений; группа «Населенные пункты» 8 лексем, 21 употребление; «Учреждения и организации» 9 лексем, 14 употреблений.

Диалектная и диалектно-просторечная лексика в составе проанализированных текстов занимает незначительное место — в целом 2,5% от общего количества словоупотреблений. При этом по количеству употреблений в составе нелитературной лексики преобладают диалектно-просторечные

лексемы, входящие в систему диалекта и просторечия, но не употребляющиеся в литературном языке: *Паска, вишиь, грибики, нонче, погребенье, выучилси, откудова, вота, ну, чего, знай* (вводное слово), *баушка, эдаки, сxorонили, тама, туды, пособить, маленько, маненько, эдакий* и др.).

Большинство лексем диалектно-просторечного характера в составе нашей выборки встречаются по одному разу. Неоднократно употребляются такие лексемы, как *Паска, ну, тама, маленько, вота*.

Наиболее употребительными частями речи в группе диалектно-просторечной лексики являются частицы и союзы (высокую частотность обнаруживают частицы *ну, чё, чего, вота, прям*), далее следует местоимение *каке, ниче*, наречия (*тама, тута, туды, нонче, смолода*), глаголы (*сxorонить, сосвататься, выучилси, пособют*), существительные (*баушка, присловье, ячки*), прилагательные (*эдакий*) и вводные слова (*знай, гляди, чай*).

При классификации диалектно-просторечных лексем выделяются семантико-тематические группы: «Быт и продукты питания» (*изба, блинцы, грибики, ячки*), «Религия и духовный мир» (*паска, погребенье*), «Названия лиц и частей тела» (*баушка*).

Собственно диалектная лексика в составе проанализированных текстов представлена небольшим количеством единиц: *кoduшка* 'бочка'; *котики* 'растение'; *крапивница* 'неверная жена'; *кулугур* 'старообрядец'; *матка* 'перекладина'; *моxnатики* 'растение'; *ряжседицы* 'ряженные'; *нучать* 'понукачь'; *свалякать* 'слепить'; *старoверца* 'старoверка'; *стогуны* 'стебли'; *фатера* 'келья'. Семантико-тематическая классификация лексем показала, что в составе диалектной лексики представлены уже выделенные на материале других лексических пластов группы: «Быт и продукты питания», «Природа», «Названия лиц и частей тела», «Религия, духовный мир».

Большинство диалектных лексем нашей выборки — это лексемы единичного употребления. Только один из 12 примеров, а именно лексема **крапивница** ‘неверная жена’ повторяется несколько раз в одном текстовом фрагменте: *и вот / у них у ней внук женился ну и / чё-то жили они тоже двое детей у них были и она погуливала по сторонам ещё ну и чё-то разговорились и отец-то ей говорит Парка всё равно она **крапивница** и вот возьмись из-за этой **крапивницы** они и разругались / ругались батюшки мое! // она ушла домой окошко открыла всё кричит с нём он у двора сидит на лавочке / да всё равно **крапивница** как ты не ругайси. Неоднократный повтор лексемы может быть связан с эмоциональной стороной высказывания, более точной передачей коммуникативной ситуации.*

Полученная выборка диалектных лексем была проверена по целому ряду толковых (Ожегов, Шведова; Ефремова 2000; БТСРЯ; Даль) и дифференциальных диалектных словарей (ПСДЯЛ; ОСАГ; Деулино; СРНГ; СРГСУ; СПГСП). Это позволило, во-первых, верифицировать диалектный, а не разговорно-просторечный характер единиц выборки, а во-вторых, проследить их территориальное распространение.

По данным диалектных словарей, лексема **свалякать** ‘слепить’ с тем же значением употребляется в рязанских говорах; лексема **матка** ‘перекладина’ с тем же значением употребляется в сибирских говорах; лексема **крапивница** со значением ‘внебрачный ребенок’ употребляется в говорах на территориях Калужской, Новгородской, Курской, Брянской, Омской областей; лексема **мохнатуха**, **махнатушка** с тем же значением, что и **мохнатки** ‘растения’, употребляется в говорах на территории говоров Среднего Урала; лексема **кулугур** ‘старообрядец’ с тем же значением употребляется в говорах на территории Саратовской, Самарской, Нижегородской областей; лексема **котки** ‘растение’ с тем же значением употребляется в говорах на территории Харьковской области; лексема **кoduшка** ‘бочка’ с тем же зна-

чением употребляется на территории Самарской, Саратовской, Воронежской областей.

С точки зрения структурно-семантических особенностей можно выделить диалектизмы, отличающиеся от литературных соответствий фонетическими и (*кодушка* — литературный вариант *кадушка*) словообразовательными (например, *старове́рца* — литературные варианты *старовер*, *староверка*), а также семантические диалектизмы, отличающиеся семантикой от такого же по форме литературного слова (например, *котки*, *крапивница*, *матка*), их можно назвать межсистемными, литературно-диалектными, омонимами. Наконец, встречаются собственно диалектные лексемы, не имеющие формальных совпадений с литературными словами (например, *мохнатки*, *нучать*, *ряжедица*, *стогунцы*, *свалякать*, *кулугур*).

В проанализированных текстах не представлены литературные соответствия, то есть наряду с диалектной лексемой литературное соответствие не употребляется. Лишь однажды в узком контексте литературное соответствие появляется в потоке речи после употребленного ранее диалектизма, что может объясняться автокоррекцией диалектносителя, возникающей в условиях коммуникации с диалектологом — носителем литературной формы речи: *церковной / у меня по папиной линии все церковны / а по маминной и раньше-то как крестили / всё запрещали / это сейчас всё можно а крестить-то / а у нас баушка старове́рца / она нас всех в кодушке и скупала да всех накупала / так что я хожу и в церковь и туда / у меня по папиной линии / бог-то один / ну всё и старове́рка и церковна / бульдог с носорогом.*

В отдельных случаях диалектные лексические единицы сопровождаются метакомментарием, который дает не дефиницию определяемого понятия, а выражает свойственные носителям диалекта процедурные знания (о выражении в диалектной речи этого типа знаний см. [Гольдин, Крючкова

2008: 401]): *вот сейчас говорит запрет это всё на замок и строят они там на крышу или еще чего строят / ну и вот как **матку** класть должны чего-то или выпить дать мужикам иль там денег дать ну чего / а он чего-то соскучилси.*

— А матка это что такое?

— А вот кладут в доме этот / **переклад** / и потолок кладут / это называется **матка**.

{...}

*Тогда наши были это кельи ну **фатёры** их называли / ну их много было / то туды / то сюды сходишь / девчонки все хороши были и весёлы и все и танцуют и пляшут и всё.*

Употребление диалектных единиц может быть связано с их жанрово-тематической спецификой. Например, в рассказе информанта о детских играх, употребляются диалектные слова **котики**, **мохнатки**, **стогунцы**, обозначающие растения: *играли игры-то // и в вышибалы играли и в лапту играли и ну чё только не было играли и / ходим по горам вон ходили // и **котики** собирали всё ели и каке-то **мохнатки** всё ели и **стогунцы**-то щавеля всё собирали ели // всё ели! // а щас не заставишь! / не знай здоровие мы были не знай чё / садили в огородах и горох и семечки всё / Ср. также употребление диалектизма **ряжедицы** в рассказе о том, как раньше играли свадьбы: *гуляли / и едут назад от жениха едут к невесте / тоже три часа они там посидели // уезжают невеста остаётся там с женихом / другой день щут **ряжедицы** щут ой! // да до чего интересно / пройдут не столько это / сколько вот всяких прибауток и шуток э... это всяких / ну находят и уводят к жениху всё* Данные примеры показывают, что диалектные лексемы могут быть ограничены определенными контекстами и употребляются в рассказах о молодости, замужестве, военных годах и др., в жанре рассказа-пластинки (неоднократно повторяемого рассказа о значимых событиях жизни) [Гольдин, Крючкова 2010: 112].*

Таким образом, можно отметить, что собственно диалектная и диалектно-просторечная лексика занимают незначительное место в потоке диалектной речи. Чаще всего диалектная лексика представлена примерами единичного употребления, в речи информантов обычно не представлены литературные соответствия. Употребление диалектной лексики может быть связано с жанрово-тематической спецификой текстового фрагмента.

Функциональный анализ лексического состава диалектной речи показывает, что ее лексическая специфика связана, прежде всего, не с употреблением диалектных слов и диалектно-просторечных лексем, а с семантико-тематическим распределением лексических групп общепародной лексики.

В целом же, как пишет Л. Л. Касаткин, «иерархия диалектных черт выстраивается следующим образом: фонетические — морфологические — синтаксические — лексические. В этом есть глубокий смысл: эта иерархия отражает частоту встречаемости данного языкового явления в потоке речи» [Касаткин 2002: 31]. Речь идет, конечно, об относительной частоте встречаемости диалектных явлений. Точно установить ее можно лишь на основе частотной оценки всех диалектных явлений в текстах, отражающих тот или иной говор. Понятно, что эта задача выполнима лишь на материале диалектных текстовых корпусов, которые могут дать дополнительный материал для решения проблемы специфичности диалектной речи.

Литература

Блинова О. И. Лексика диалекта (с точки зрения ее соотношения с формами национального языка) // *Лексические и грамматические проблемы сибирской диалектологии.* Барнаул, 1971. С. 102–109.

Буранова А. И. Количественные признаки языковых идиомов: диалектная речь на фоне литературно-разговорной (на материале русского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2015. 211 с.

Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю. Текст и знание в диалектной коммуникации // *Материалы и исследования по русской диалектологии.* М., 2008. Кн. 3(9). С. 398–413.

Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю. Русская диалектология. Коммуникативный, когнитивный и лингвокультурный аспекты Саратова, 2010. 121 с.

Касаткин Л. Л. Диалектное членение русского языка, типология русских говоров и статус Чухломского акающего острова // *Материалы и исследования по русской диалектологии.* I (VII) / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2002. С. 25–39.

Наименования кухонной утвари, используемой в процессе хлебопечения (на материале вятских говоров)

З. В. Сметанина

В статье представлены диалектные слова ЛСГ «Наименования утвари для подготовки теста и изделий из него к выпечке», употребляющиеся в вятских говорах; рассмотрены мотивирующие признаки, лежащие в основе номинаций; даны ареальные характеристики.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, диалектное слово, номинатив, мотивирующие признаки, ареал

Вятские говоры как говоры вторичного заселения восточных славян отличаются многообразием и вариантностью номинаций различных реалий. Объектом анализа в данной статье является лексика, называющая кухонную утварь и посуду, используемую в процессе хлебопечения. Все исследователи лексики данной тематической группы (см., напр., [Судаков 1985; Гончарова 2012; Власова 2012]) основывают классификацию наименований посуды, связанной с процессом выпекания мучных изделий, на соответствии с этапами трудового процесса хлебопечения.

Представим списки и анализ лексем, зафиксированных в вятских говорах, в аналогичной последовательности.

1

Наименования ёмкостей для хранения муки: *кладушка*, *кадўлька*, *малёнка*, *мельник*, *мёрник*, *мучница*, *насыпка*, *осиновка*, *раль*, *сёленка*. Лексемы служат для называния ёмкостей различного вида. В вятских говорах ча-

ще всего это кадки разных размеров: **мёрник** ‘большая деревянная кадка для жидких и сыпучих продуктов’ (*Муку ссыпали в мерники*. Кчп.), **мельник** ‘деревянная бочка для хранения муки’ (*В мельниках муку хранили*. Сн. *Возьми муки из мельника*. Свт.), **насыпка** ‘выдолбленный из осины сосуд для хранения муки’ (*Возьми муки из насыпки*. Орч.), **осиновка** ‘деревянная кадушка для хранения муки, мёда’, **кадулька** ‘кадка для муки или толокна’ (*Высытай остатки-то из кадульки*. Мрш.), **кладушка** ‘небольшая кадка для хранения продуктов’, **малёнка** ‘кадушка с одной ручкой, используемая для измерения зерна, муки’ (*Бабушка принесла полную малёнку муки*. Снч. *В малёнке тесто нельзя месить*. Клм.). Распространено в говорах и слово **ларь** в совпадающем с литературным языком значении ‘деревянный ящик с крышкой для хранения продуктов’ (МАС 2: 165). Во многих районах фиксируется фонетический диалектизм **раль** ‘ларь для хранения продуктов’ (*В клетке-то, кума, все рали пустые*. Кмн.). Номинация **мучни́ца** не содержит в толковании конкретного описания предмета, лишь иллюстрации позволяют сделать вывод о том, что **мучни́ца** предназначена для переноса небольшого количества муки (*Набери в ларе муки в мучницу*. Кмн.).

В номинациях данной группы чаще всего использованы функциональные мотивирующие признаки: **насыпка** — то, во что насыпают, **кладушка** — то, во что кладут, **мельник** — предназначено для того, что смолото, для результата работы мельника, **мёрник** — то, что содержит определённое измеренное количество чего-нибудь. В некоторых говорах важным в процессе номинации оказывается указание на материал, из которого сделана кадка или кадоочка: **осиновка** — сделанная из осины (*Как помню, мёд у них всё время водился, они его в осиновках хранили*. Пжн. *Принеси-ко муки, там в осиновке есть ещё*. Свт.). Процесс словообразования шел по схеме: **осина** — **осин-ов-ый** — **осинов-к-а**. Лексемы **кладушка** и **кадулька** в структуре номинации со-

держат указание на небольшой размер утвари, это значение вносят суффиксы *-ушк-* и *-уль-к-*.

2

В группе наименований ёмкостей, применяемых при просеивании муки, важным оказывается предмет, на который мука просеивается: *доска, мукосей, мукосейка, мукосейная доска, селенка, лоток, но́чви, стряпильная доска*. Мотивирующий функциональный признак однословных и двусловных номинаций *мукосей, мукосейка, мукосейная доска, стряпильная доска* заключён в глаголах *сеять* и *стряпать*. Сложные по своему составу слова *мукосей* и *мукосейка* ‘деревянное корыто для просеивания муки’ являются морфологическими и словообразовательными вариантами в одном и том же говоре Кикнурского района, они отличаются родовой принадлежностью (*Неси давай мукосей из клетки*. Ккн. *Куда мукосейка подевалась? Поищи-ка поскорее*. Ккн.). В говорах Уржумского, Кильмезского, Санчурского, Сунского районов используется наименование *доска* в значении ‘лист, кусок фанеры, используемый для просеивания, замешивания и раскатывания теста’. В двусловных образованиях *мукосейная доска* и *стряпильная доска* главным компонентом является имя существительное, указывающее на особенности предмета. *Доска* — это ‘пластина, плита разного назначения’ (МАС 1: 434). Имя прилагательное в номинациях конкретизирует функцию этого предмета крестьянской утвари.

Лексема *селенка* и её варианты *сёлница, сёлниса, сёяльница, сёянка, сёяльник, сёлнки* и *сёлнцы* имеют значение ‘неглубокое выдолбленное деревянное корыто для просеивания муки, замешивания или разделывания теста’. Мотивирующим признаком номинатива *сёлница* является функциональный признак, выражаемый глаголом *сеять* в значении ‘просеивать’ (МАС 4: 86). Данный предмет утвари используется полифункционально. Это подтверждается ил-

люстративным материалом картотеки «Областного словаря вятских говоров» (далее ОСВГ): *Как стану сеять, дак ставлю селенку к пече — пыль-то и утягает. Лз. Селенка-та раскололась, тетерьька неровная получилась. Дрв. А раньше даже этот не покупали ведь мы, всё пекли свой хлебушко-то, ковриги, лео, испеком дак, как жёрново, чашки эдак кореноваты были такие из... ну, из корня это сделают... И вот валём его, такая есть, как ну... называлась се... сельницей её зовут, и обвалеем, квашонку испеком, ковриги... Слб. [Мошкина 1999]. Мука-та в клите на сильнице насыена. Зв. Сначала в сильничу муку просеянную насыпают. Лз. Вываливай хлеб-от в сильничу из квашонки. А потом ужо вываливаём тесто-то из сильничу в чарушу. Юр. В сильнице караваи валяют. Слб. У меня сильница была большая, резная, внутри расписная. Бгр. В сильнице хранят муку, а вот в соседней деревне в сильнице стирают бельё. Бгр.*

В образовании дериватов от глагола *сеять* использовались различные суффиксы: *-льница*, *-(а)льница* (от основ *се-*, *сей-*), *-лен-к-а*, *-анк-а*. В варианте *сѣльниса* наблюдаем процесс замены аффрикаты [ц] на [с]. Отсутствие аффрикаты [ц] наблюдается в южных районах области (*Дом-от уж рушился, а она побегжала за сельнисой. Впл.*).

В отдельных говорах в номинациях с корнем *-сей-* произошёл перенос наименования с одного предмета на другой по сходству функции, так, например, *сѣленкой* называется кастрюля, в которой месят тесто; сколоченный из досок ящик с пологими краями, используемый для хранения просеянной муки; деревянное приспособление в виде короба с ручками-прорезями для хранения и переноса муки; доска для разрезания хлеба; плетёная хлебница.

3

Наименования ёмкостей для замешивания и заквашивания теста: *ба́нка, берёстяник, квашня́, творо́жни-ца, но́чви, кадúлька, квашни́ца, бли́нница, опáрница, ла́ковица, ли́повица, ли́повка, ла́дочка, топни́к*. Самой распространённой номинацией является *квашня́*. По значению слово в диалекте совпадает с литературным — ‘деревянная или глиняная посуда для заквашивания теста’ (МАС 2: 45). Лексемы *квашня́* и *квашница́* обнаруживают функциональную мотивированность и связаны с глаголом *заквасить* — ‘положив закваску (дрожжи), вызвать кислое брожение’ (МАС 1: 526). Словообразовательно связаны между собой глагол *творить* ‘приготавливать, размешивая с чем-нибудь жидким, разводя чем-нибудь жидким’ (МАС 4: 344) и диалектные лексемы *творо́женка, творо́жница* и *творо́жонка* со значением ‘небольшая глиняная квашонка’ (*В творо́жонке творят тесто для блинов и пирожков*. Арб. *Маненько в творо́жонке растворила, завтра колбков напеку*. Опр.). Не случайно также *творогом* называют в вятских говорах само тесто и любые виды начинки для пирогов, ватрушек (*Сегодня у меня творог не укус*. Лз. *Хватит, поди, творогу-ту в квашне*. Ун. *Пекла понче шаньги с творогом из картошки*. Орч. *Творог бываёт и капустный, и грибовный, и карфетный*. Орч. *Шанежки малюсеньки, а творог картосной*. Вшж. *Нарубила из мяса творогу на пирожки*. Пжн.). В качестве начинки используется также жидкое тесто из другой зерновой культуры, в частности, при выпечке так называемых *мучников (мусников)*. Таким образом, лексема *творог* в говорах является омонимом по отношению к аналогичной словоформе литературного языка, равно как и слово *творо́жник* — это не хлебное изделие с творогом, а небольшая скатерть для закрывания квашни (*На наблюднике лежал творо́жник*. Лз. *Пристало сколь теста к творо́жнику*. Пдс.).

Многообразие наименований ёмкостей для замешивания теста в вятских говорах объясняется стремлением диалектоносителей отразить особенности материала, из которого сделана посуда, её внешнего вида, а также целевого предназначения. Так, например, *ліповица* и *ліповка* указывают на материал — липовое дерево, из которого и выдолблена кадочка для замешивания теста. Уменьшительно-ласкательный суффикс *-очк-* в составе лексемы *ладочка* ‘деревянная посуда для замешивания теста’ свидетельствует об эмоциональном отношении к предмету и косвенно говорит о размерах квашни, её красоте, «ладности» (*Тесто месили в ладочке*. Слб.).

Лексема *банка* в литературном языке имеет значение ‘стеклянный или металлический сосуд обычно цилиндрической формы’ (МАС 1: 60). В вятских говорах это ‘глиняный сосуд, глиняная посуда’, возможно, первичным было значение ‘глиняный сосуд для молока, горшок, кринка с расширенными краями наверху’, а вторичное значение ‘квашонка’ развилось на основе сходства функций ‘вместилище для чего-либо’ (*В банке лепёшки творят*. Кмн. *Банки лаковые для белого теста*. Бхл. *Блины растворила в банке*. Бгр.). Глиняный же лакированный сосуд в вятских говорах получает наименование *лаковвица* со словообразовательными вариантами *лаков-к-а* и *лаков-ушк-а*. О его предназначении, особенностях формы свидетельствуют иллюстрации: *В лаковичах-то блины растворяли*. Свч. *Лаковича такая прямая, обтапливается свинцом*. Дрв.

Возможно, что в быту для сохранности глиняной квашни её обвивали берестой, естественно, что эта ёмкость получила наименование *берестеник* (*В берестянике-то лепёшки творим*. Белое творю в берестенике.). В отдельных говорах в результате переноса по сходству функции «для вмещения чего-либо» лексема *топник* служит для номинации посуды для теста, квашни (*Топники глиняные, лаковые для белой стряпни и блинов*. Свч.). Основная же функция предме-

та — служить посудой для топления (иногда хранения) масла (*Полный топник масла стоит в клите. Свч. В топнике молоко кипячу. Урж. Поставила топник сметаны в печь. Млм.*).

Лексема *опáрница* в вятских говорах называет глиняную (покрытую лаком) или деревянную посуду для опары, а чаще для заквашивания всего объёма теста. Зафиксирована в котельничско-вятской группе говоров и частично в юго-восточных говорах Кировской области.

4

Группа наименований приспособлений для придания формы тесту перед выпечкой особенно многочисленна и разнообразна в вятских говорах (ср., напр., [Власова 2002], где такая группа не выделена). Это следующие лексемы: *ва́леница, валю́шка, ва́ляная чаша, валяту́шка, валентáйка, долбя́нка, колобедница, коренёк, коренова́тка, корену́шка, корешáтик, корновáйка, корновáтик, корновáтка, мякошник, насы́пка, но́чви, но́чвы, но-чё́вка, но́чёвки, но́чевни, покату́шка, плóшка, сéленка, сéленки, сéленцы, сёльница, сёяльник, сёяльница, сёянка, спова́льница, ста́вец, фо́рма, хле́бная ча́шка, ча́шка-кореноватка, чару́ша, шабала́.*

В отдельных говорах используются слова литературного языка *плошка* и *форма*, которые можно считать гиперонимами по отношению к диалектным номинациям. Данная лексико-семантическая подгруппа отличается разнообразием мотивировочных признаков, которые лежат в основе номинаций. Значительная часть наименований в вятских говорах связана с глаголами, содержащими семы 'валяния, катания'. Глагол *валять* в значении 'катая, придавать какую-либо форму чему-либо мягкому' (МАС 1: 136) служит основой для образования имен существительных с различными суффиксами: *ва́л-ениц-а, вал-ю́шк-а, валят-у́шк-а* (*В валяшках валяют хлеб-от. Вкм. Он сам плёл валятушки-то.*

Вкм. *Валюшки деревянные валять тесто*. Афн. *У меня три валюшки осталось*. Афн. *Валеница-та худая — нельзя уж валять хлеб*. Кмн.). Зависимый компонент двусловного наименования **валяная чаша** также образован от глагола **валять**: *Хлеб-от валяют в валяных чашах*. Сн. *Сколь у меня дед-от сплёл валяных чаш!* *Ни одной валяной чаши не осталось*. Кмн. Как показывают иллюстрации, данная посуда изготавливалась из дерева или была сплетена из прутьев или лыка. Номинатив **сповальница** (Кумёнский район) также словообразовательно связан с глаголом **валять**. И хотя в вятских говорах не зафиксировано глагола ***сповалять**, лексема легко реконструируется. В русских народных говорах значение «многократности, неопределённости совершаемого действия» передается двумя приставками (*с-* и *по-*), присоединяемыми одновременно. В диалектном словообразовании такие примеры частотны: **сповадиться**, **сповянуть**, **спогубить**, **сподувать**, **спокидать**, **споливать**, **спокой**, **спогубитель**.

Мотивировочным признаком лексемы **покатушка** является действие, выраженное глаголом **катать** ‘разминая руками и двигая по какой-либо поверхности, придавать округлую форму’ (МАС 2: 39). В говорах процесс придания округлой формы тесту осуществляется в специальной посуде, чаще с двумя ручками. Сосуд присыпается мукой, и тесто в нём встряхивается и перекачивается от края к краю. В литературном языке приставочный глагол **покатать** содержит в себе значение «многократности, неопределённой длительности действия». Номинация образована с помощью суффикса *-ушк-* от глагольной основы. В толковании даются сведения о материале, из которого изготовлена форма: **покатушка** — ‘деревянная форма (блюдо) для валяния хлебов’ (*Покатушки деревянные, круглы, в покатушках хлеб валяют*. Опр. *Хлеб разваливают на покатушки*. Пдс.).

На иной способ придания нужной формы тесту перед выпечкой указывает лексема **ставец**. Слово имеет более широ-

кое значение, это ‘большая высокая деревянная или глиняная чаша, миска, блюдо’ (*Не наше дело ставцы точить, наше дело из ставца хлебать*. Ккн. *Всякому старцу по ставцу*. Арб. *У нас все из одного ставца едят*. Урж.). В этом значении слово имеет широкий ареал бытования, фиксируется многими лексикографическими источниками. Специфическая функция этого предмета посуды — «валяние теста перед выпечкой», изготовленного уже из другого материала и другим способом, фиксируется лишь в трех районах. Развитие значения шло по сходству функции «вмещения чего-нибудь»: *Хлеб разваляла в ставцах*. Свт. *Ставец плели из еловых корешков*. Зв. *Квашонку-то велику затворила, так и ставцев не хватило*. Зв. *Хлеба вышло десять ставцев*. Кмн.).

Лексема **насыпка** имеет в вятских говорах первоначальное значение ‘выдолбленный из осины сосуд для хранения муки’ и зафиксирована в лузско-подосиновской и котельничско-вятской группах говоров. Перенос наименования на деревянную чашку для валяния хлеба до выпечки произошел только в В. Лалье Лузского района. Номинация имеет четкую словообразовательную мотивированность, связана с глаголом **насыпать**. Связь эта обнаруживается ещё более явно, если учесть, что в вятских говорах **насыпать** имеет значение ‘положить еду на тарелку’ (*Я насытала — садитесь*. Слб. *Насыть мне блинов в блюдечко*. Свт.).

Одна из номинаций — **колóбедница**, зафиксированная лишь в Даровском районе Кировской области, содержит указание на предназначение предмета. Посуда служит для придания хлебному изделию круглой формы. Как пишет Г. В. Судаков, «слово *коло* (а *колоб* иногда возводят к этому слову) у славян означает ‘круг’» [Судаков 2013: 236].

Прямое указание на предназначение предмета заключено в номинации **мякошник** ‘приспособление для валяния теста и придания ему определённой формы’. Лексема словообразовательно связана с субстантивированными наименованиями **мягкий**, **мягонький**, **мяконький** в значениях ‘каравай из

ржаной, ячменной или пшеничной крупы'. Эта же лексема служит для наименования полотенца, которым накрывают хлеб или которое постилают под хлебные изделия (*Взяла мякошник, накрыла пироги и повернулась к пече-то. Лз. Мякошник у меня лежал свёрнутый в углу на лавке. Пдс.*).

О лексеме *ночѣвка* Т. И. Вендина в книге «Русские диалекты в общеславянском контексте» пишет: «Будучи восточнославянской, лексема в своём распространении имеет территориальные ограничения, ибо она равномерно не покрывает всей восточнославянской территории, при этом она находит продолжение в отдельных западнославянских диалектах, ср., например, распространение следующих лексем: *пъкт-ѣв-ѣк-а* 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (рус.-укр.-блр.-плс.)» [Вендина 2009: 239]. В вятских говорах лексема имеет следующие фонетические, словообразовательные и морфологические варианты: *ночвы, ночви, ночва, ночѣвка, ночѣвки, ночевни*. Ареал употребления слов с корнем *ночв-* на территории Кировской области достаточно широк (*Ночви применяют для расхлопывания теста ярушников. Орл. На ночвах пропалывают крупу. Зв.*). В отдельных говорах в номинациях с корнем *ночв-*, *ночѣв-* произошел перенос наименования с одного предмета на другой по сходству функции хранения или переноса чего-либо с места на место, так, например, *ночвы* — это еще и узкий продолговатый лоток, род совка, корыто для хранения мороженого молока, *ночѣвка* — это лоток, на котором выносят на базар калачи; решето для просеивания муки; подвал для хранения картошки; носилки для сельскохозяйственных работ.

В вариантном ряду номинаций *коренѣк, кореноватка, коренѣшка, корешатик, корновѣйка, корновѣтик, корневѣтка* на первый план выходит сема 'материал, из которого изготовлена чаша', чаще всего это еловые или сосновые корни деревьев: *С кореником хлеб лучше получается. Ктл. Хлеб имел форму кореноватки. Кчп.* Очевидно, процесс об-

разования деривата шёл через словосочетание «прилагательное с суффиксом *-оват-*, *-еват-* + существительное». Инверсионный индекс к СРНГ содержит ряд слов с аналогичной структурой: *ключеватка*, *песковатка*, *игловатка*, *кормоватка*, *носоватка* и др. В этом же ряду и *кореноват-к-а*, *корн-оват-ик*. В одном из говоров Кирово-чепецкого района зафиксирована сложная номинация *чашка-кореноватка*: *В чашках-кореноватках не пекли, а придавали тесту форму*. Сему 'материал' можно опосредованно выделить и в слове *долбянка* 'чашка для разминания теста, выдолбленная из дерева', с узким ареалом: *Долбянку-то эту ещё отец мой делал*. Орч.

Лексема *шабалá* в Шабалинском и Свечинском районах используется в трех значениях: 1. Деревянная чашка (*Налей в шабалу киселя. Целую шабалу квасу выпила*). 2. Деревянная чашка для разделявания теста (такое толкование содержится в материалах картотеки «Областного словаря вятских говоров»). 3. О пустоголовом человеке; о человеке, говорящем вздор. «По материалам С. В. Максимова, *шабала* это «осиновая плаха, которую потом колют на «баклуши» для ложек» [Сметанина 2014: 609]. Развитие значений идёт по линии «материал — изделие из материала» (метонимический перенос) и сходства пустой чаши с головой человека (метафорический перенос). Первоначальное же значение имеет затемнённую мотивировку. Лексема *шабала* представлена в картотеке незначительным числом карточек, что объясняется узким ареалом её использования, но о частоте употребления и значимости этого предмета быта на территории этих районов свидетельствует тот факт, что она легла в основу образования фамилии Шабалины, которая распространена на Вятке, и наименования района.

Первичное и основное значение слова *чару́ша* — 'форма для теста; деревянное или плетённое из корней ёлки, сосны или прутьев ивы блюдо для придания тесту формы перед выпечкой': *Чарушу обсытали мукой, клали тесто и встряхи-*

вали, потом выкладывали на полотно. Свч. В чаруше тесто катаю и хлеб пеку. Арб. В плетёной чаруше валяли хлеб. Орл. Чаруша это блюдо с ручками, тесто-то встряхивали, чтоб коровой красивый был. Свч. В чаруше коровой поднимется и его вываливают на лопату и сажают в печь. Орч. Д. К. Зеленин связывает данную номинацию со словом **чара**. Справедливым можно признать рассуждения писателя краеведа П. П. Маракулина в книге «У медведя во бору»: «На чердаке бабушкиного дома сохранилось многое из прошлого: трепало, ... весы с тарелкой на медных цепях и сплетённая из соснового корня чаруша. Слово это означает круглую чашку для оформления теста. От чаруши пошла фамилия Чарушин».

Иллюстрации свидетельствуют, что в одном говоре диалектоносители различают и используют в речи разные наименования утвари для процесса хлебопечения: *Тесто в квашонке взойдёт, в сельнице намнёшь, да и в чарушу*. Свч. *Тесто-то мешу тоже на сельнице, она больше ночёвок*. Шбл.

5

Наименование приспособлений, на которых хлебные изделия ставились в печку. Хлеб в вятской деревне выпекался в основном на поду или на листах, часто капустных, поэтому номинации приспособлений, на которых выпекались хлебные изделия, немногочисленны: *лист, прётвень, протез* и ряд наименований сковород, на которых могли выпекаться лепёшки, блины и другие изделия — *жареник, жарник, жарбвник, жарёнка, жарёха, бляха*. Материалы картотеки ОСВГ содержат отдельные примеры, из которых следует, что *чаруши* использовались и для выпечки хлеба. Очевидно, они выдерживали высокую температуру в печи, поскольку были сплетены из корней деревьев.

Ареальная характеристика отдельных лексем даёт интересную картину: ареал наименования *но́чви* с вариантами охватывает центральную и северо-западную части, говоры южных районов Кировской области; полностью отсутствует данная номинация в кайских говорах, но там распространены номинации с семей 'валяния' (*валятушки* и др.), и их ареал ограничивается именно этой территорией, в СРНГ не фиксируется ни один из вариантов. Не употребляется в кайских говорах и слово *чару́ша*, имеющего широкий ареал на остальной территории Кировской области. Всё это объясняется длительной изолированностью Кайского края от основной территории по причине отсутствия дорог. Номинации *колóбедник*, *мя́кошник* — ограничены отдельными районами Кировской области, в СРНГ — отсутствуют.

Проведённое исследование показывает, что лексико-семантическая группа «Наименование утвари для подготовки теста и изделий из него к выпечке» в вятских говорах представлена как единицами с широким ареалом употребления, так и узколокальными. Наиболее распространённым мотивировочным признаком в процессе называния реалий является действие, выраженное глаголами *валять*, *катать*, *насыпать*, *просеивать*. Мотивацией для образования лексем часто служит указание на материал (*корень*, *осина*, *липа*, *береста*) и предназначение изделия. Образование лексем происходит при помощи различных суффиксов.

Сокращенные названия районов Кировской области

Арб. — Арбажский	Ккн. — Кикнурский
Афн. — Афанасьевский	Ктл. — Котельничский
Бгр. — Богородский	Кчп. — Кирово-Чепецкий
Бхл. — Белохолуницкий	Лз. — Лузский
Вкм. — Верхнекамский	Млм. — Малмыжский
Дрв. — Даровской	Орл. — Орловский
Зв. — Зуевский	Орч. — Оричский

Пдс. — Подосиновский

Свт. — Советский

Свч. — Свечинский

Слб. — Слободской

Сн. — Санчурский,

Ун. — Унинский

Шбл. — Шабалинский

Яр. — Яранский

Литература

Вендина Т. И. Русские диалекты в общеславянском контексте (лексика). М., 2009. 532 с.

Власова Л. А. Лексика кухонной утвари и посуды в орловских говорах: Дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2002. 269 с.

Гончарова Л. А. Наименования посуды и кухонной утвари в воронежских говорах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012. 22 с.

Мошкина Е. Н. Вятские говоры: звучащая хрестоматия. Приложение № 8 к Бюллетеню фонетического фонда русского языка. Вятка—Бохум, 1999. 110 с.

Сметанина З. В. О шабале, шабалке и других словах (по вятским материалам Д. К. Зеленина) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. СПб., 2014. С. 608–614.

Судаков Г. В. Русская бытовая лексика XVI–XVII вв. в динамическом и функциональном аспектах: Дис. ... докт. филол. наук. М., 1985. 369 с.

Судаков Г. В. Названия хлебных изделий в старорусском языке // Русское слово и Костромской край: сборник статей / Отв. ред. Н. С. Ганцовская, О. Н. Крылова. СПб., 2013. С. 231–242.

Наименования орудий и процессов сельскохозяйственного труда в речи старшего поколения носителей донских говоров

Н. А. Стародубцева, Н. А. Тупикова

В статье рассматривается лексика полеводства, зафиксированная в корпусе текстов, отражающих живую спонтанную речь диалектоносителей на территории распространения донских говоров в Волгоградской области. Описанию подвергаются именные и глагольные средства, используемые в речи информантов старшего поколения для обозначения орудий труда и производства, процессов выращивания и первичной обработки сельскохозяйственных культур.

Ключевые слова: донские говоры, лексика полеводства, семантика, речь диалектоносителей

Экспедиционная работа по Программе Лексического атласа русских народных говоров открывает широкие возможности для изучения диалектов в их динамике и для углубленного наблюдения над спонтанной речью диалектоносителей, запись которой позволяет выявить и сохранить все, что живо в народном сознании, но, по замечанию А. С. Герда, «увы, исчезает из уст и памяти народа» [Герд 1991: 111]. Учитывая, что в идеале полевая работа по разговорной речи предусматривает организацию постоянных стационарных наблюдений в опорных пунктах и группах населения [Там же: 110], кафедра русского языка Волгоградского государственного университета в течение многих лет осуществляла такой проект на базе Урюпинского филиала ВолГУ в районном центре Урюпинск и в настоящее время продолжает исследование на ба-

зе Преображенской средней школы в станице Преображенская Киквидзенского района Волгоградской области. Проводимый опрос информантов разных возрастных групп, цифровая аудиозапись полных рассказов сельских жителей, формирование электронного корпуса текстов дают возможность фиксировать то, что Б. А. Ларин характеризовал как «отложения и реликты прошлого», «настоящую жизнь» народных говоров, в которых отражаются современные процессы их обогащения, переформирования, слияния в подлинно единый общенародный язык [Ларин 2003: 246–247]. При этом постоянными информантами, требующими «пристального наблюдения», остаются «старики, носители наиболее архаичной разновидности говора» [Там же: 246], языковая память которых позволяет «воспроизвести ситуацию иногда и полувековой давности» [Костючук 2009: 69].

Лексика тематической области «сельское хозяйство» как объект собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров представлена в разных разделах «Программы ЛАРНГ», ориентирующей на систематизацию фактов словарной репрезентации окружающего нас мира [Герд, Левичкин 2015: 174]. Одной из обширных групп наименований является лексика полеводства, включающая в том числе обозначения орудий труда, производства и процессов выращивания культурных растений для получения продукции растениеводства, а также для первичной обработки этой продукции. В речи представителей старшего поколения носителей донских говоров такие языковые единицы занимают важное место, поскольку основу записанных рассказов [Лексикон 2014] составляют воспоминания о колхозном или совхозном хозяйстве предвоенных, военных и послевоенных лет: *работала на разных работах: скирдавала, сено слажывала, на таку* (здесь и далее при цитировании используется упрощенная транскрипция) (А. И. Зубкова, с. Семеновка, 1942 г. р.); *Ой, девачки... И на трактаре работала, и на камбайни ва время вайны работала, и на складах работала*

(К. П. Скворцова, г. Урюпинск, 1924 г. р.). Можно выделить несколько общих особенностей использования наименований орудий и процессов сельскохозяйственного полеводческого труда в рассматриваемых текстах. Многие собеседники указывают на то, что их работа на земле начиналась еще в детском возрасте: *А работал после школы, начальних классаф, трактаристам в вайну... Мы работать начали рана, в десяти лет* (В. А. Макаров, х. Дьяконовский, 1928 г. р.); *10 лет мне было, снапы вязала ужэ. Вот так вот. В травакосках шила, саманы липила, памаҳала, разулажывала* (В. В. Черноусова, ст. Преображенская, 1932 г. р.); *Вот в вайну, ну... атец паҳип (присылали нам патом эту, бумашку, што он паҳип). И жыли мы патом адни. Вайна началась. Мне ужэ была чытырнацать лет. Мы работали фсе. ...Нас вазили на быках, убирали пацсолнух... А набрать нада была пять мяшкоф. Ф сафхос. Ни сафхос, а калхос был тада* (А. В. Парамонова, с. Завязка, 1926 г. р.); *В двинацать лет пашили мы на работу. Ф калхози работали* (П. П. Бароменская, с. Мачеха, 1931 г. р.).

В речи диалектоносителей зафиксированы реалии жизни XIX – начала XX вв. Например, Пелагея Александровна Донскова, 1924 г. р., из хутора Казаринский, вспоминала: *Он (т.е. дед — С., Т.) работал, как сказать, ну как сейчас, так и таҳда, ҳуртапраф. Набирал скатины, патом нанимал там рибят, вирхом, штоп памочь, и ҳанял в Балашоф здавал этот скот.* В современных словарях донских говоров (см., например, СДГВО: 128) диалектная лексема **гуртоправ** (*ҳуртоправ*) не приводится, отмечены существительное с процессуальным значением **гуртование** ‘сбор крупного рогатого скота в гурт, стадо’ и глагол **гуртовать** ‘сгонять скот в одно место’. Названия лиц по роду деятельности приводятся словарем В. И. Даля в моделях **гуртовщик** ‘хозяин гурта’; ‘пастух, работник при нем’, **гуртвод** ‘первый гуртовщик, атаман или разводчик при гуртах баранов и волков, пригоняемых из южных и восточн. степей’ (Даль, 8-е

изд. 1: 409) и словарем А. В. Миртова в форме *гуртоправцы* ‘погонщики гурта’ (Миртов 1929: 73–74). Диалектные глаголы также встречаются в рассказах о прошлом, в частности, *наймать* наблюдается в описаниях сельской жизни начала XX в. при характеристике наемного труда на землях богатых единоличников. Так, Ольга Матвеевна Бочарова, 1901 г. р., из хутора Калачевский, рассказывала: *А вот тут вот жили, Цвяткоф жили да Таруашоф, к ним хадилл наймалить палоть. Бывала, приедуть фсех дяфчат, рибят — палоть.* Диалектный глагол используется информантом в значении ‘принимать кого-н. для выполнения какой-л. работы на определенных условиях; нанимать’ (СДГВО: 337).

Анализ тематически разветвленного и внутренне семантически неоднородного единства существительных, обозначающих орудия труда и производства, которые применяются в полеводстве при возделывании зерновых (ржи, пшеницы, овса, кукурузы и т. д.), технических (льна, конопли, хмеля, табака, подсолнечника и т. д.) и других сельскохозяйственных культур (бобовых, стручковых, бахчевых) (Программа ЛАРНГ: 123, 137, 138), позволил с опорой на лексикографические источники (БТСРС: 415–416, 422–425; Шведова 2000: 95–158, 205–209), типовое значение слов и контекст выявить следующее: имена, называющие ‘сельскохозяйственные орудия труда, приспособления, механизмы и их части, предназначенные для разведения полевых сельскохозяйственных культур и получения первичных продуктов, сборов сельскохозяйственного производства’, можно разделить на две основные подгруппы — 1) наименования сложных машин, устройств, орудий и их частей; 2) наименования ручных приспособлений, орудий сельского труда.

Лексика первой подгруппы встречается нечасто (*вал коленчатый, колёса, комбайн, косилка, плуг, подшипники, прицепное, прокладки, соха, СТЗ, техника, трактор, шестерни, шпоры* и др.). Это связано в основном с тем, что, рассказывая о прошлом, представители старше-

го поколения подчеркивают отсутствие в течение длительного времени на селе специальных механизмов для облегчения крестьянского труда: *Вот претки маи... вон сколько хлеба, батюня уаварил, сеяли хлеб триста кругов. А сколько в кругу, я ни знаю. И всё вручную убирали, и ничем ни пыляли. Ходили на полях с иконами, с молитвами, прасили Господа Бога!* (П. А. Донскова); *Фсё было вручную. Хлеб вручную сеили, вручную касили, вручную веили, нахружали вручную* (Она же); *Тауда ни машины, ни трактороф, ничиуо ни было* (О. М. Бочарова). Среди немногочисленных сельскохозяйственных механизмов и приспособлений, которые могли иметься в единоличных хозяйствах, подвергшихся во время коллективизации раскулачиванию, называют соху, плуг, косилку: *И быкоф, и у каво лошади были, фсё забрали. И адали и касилки, и фсё забрали* (О. М. Бочарова). В воспоминаниях сельских жителей о более позднем, военном, времени сохранились названия как простейшей, так и немногочисленной сложной техники: *Баразду зделаим. Такая саха была, и на этой баразде сажали, и следам паливали. — Вёдрами? — Бочкай. Ауа. Вазили на быках и паливали* (О. М. Бочарова); *Трактора какие были? — О, ни дай Бож. СТЗ были. Ну ани такии жы, токо эти с кабиной пашли трактара, а тада бес кабины. — А колёса какие у них были? — Шпоры* (Е. Н. Соина, ст. Тепикинская, 1924 г. р.); *Тада у них калеса на шпорах были* (речь о тракторе — С., Т.) *...дапатонные были... какие-та праклатки ...вал каленчитый там... и я там трактаристкай была* (Е. Т. Ключкина, ст. Тепикинская, 1924 г. р.).

Следует отметить, что повествование, в котором встречаются наименования сельскохозяйственных машин и/или их частей, часто строится информантом в виде зарисовок отдельных сцен непростой повседневной работы в чрезвычайных условиях: *Трактара-та стаять. Фсе стаяли трактара, некаму была работатъ. Мы сели и работали. Ночь, день и ночь. Я ночь уснула и паехала, чирис сваё поле и пае-*

хала, на пятрофскую поля, ды был пацан, работал, Ваня Яшкин, на трактаре. У няво был в трактаре свет, и плух выключался. А у миня ни света, ни плуха, и плух ни выключался. Он кинулся, а миня нету, и мы в адном распахе были. Он паехал за мной. Астанавил, трактар свой астанавил, влес на прицэпное, астанавил, ұрит: “Яжжсай за мной. Я буду вбирёт ехать, а ты яжжсай за мной”. И вирнул миня. Некаму была работать. Паломки были страшныи. Патшыпники плавились бис канца. Каронка рассыпалась. Туда уаняли мы, на рямонт, ф Карнеифку. Туда на рямонт уаняли трактара. А каронка рассыпалась — мы паехали. Паклала я и шыстирни, и валы, фсеё паклала (Е. Н. Соина). В рассказах о послевоенных изменениях, когда появились на селе в хозяйствах новые машины, частотным становится существительное **комбайн**: Учился в Урюпински. На камбайни. <...> Паслала миня штурвальным ф калхос. Приунали камбайны фсе... (С. Бароменский, с. Мачеха, 1931 г. р.).

Особенностью употребления существительных первой подгруппы в речи старшего поколения носителей донских говоров является сопоставительное описание информантом работы старинных и современных машин или механических устройств (**лобогрейки** — жнейка простой конструкции, без сбрасывания сжатого хлеба, **комбайн** — современная сложная техника, **гавринская машина** — местное название нового механизма). Например, в рассказе о старом способе первичного разделения пшеницы и более сложном разделении зерна на сорта: *эт щас камбайн заехал и фсеё скасил, а тауда, раньшэ, вот, я помню, ну, лет шэсть было эт мне, навернае, в трицатом уаду... лабаурейкя прашла, вот идёт пара быкоф, вбирёт лошадь. На лошади пацан сидить. А эта с лабаурейки сваливает этай пышницу... так вот: хоп! хоп! — вилми хоп, туда её, туда. Ззади ея... идутъ жэньщины и вяжут снапы. Спирва нада скрутить вясл: вот так вот-от па витёлке, а патом вот этат сноп вот так вот — рас! его и паставить. Заследом за табой дружая.*

*И сколько этих снапов наставят, тауда едут, эти снапы визут, тут уавринские машины... А эта была немецкая машина. Называлась ана уавринской. Адин бахатый приобрёл иё. Вот эти снапы туда кидают, и она: ууу-у-у, уууу-у. Тут крючки падвешыны: первый сорт пышницы, фтарой, сафсем плахой там, үде с каласком, а туда так вот-от саломы идуть, и вот, такие при-и-бальшыи вяхры навязывают и, значит, быки там тащатъ этой саломы. Ну, солома — пашол! Патом мякина — пашол! И вот так вот-от и работали. Очинь тижолоый трут, очинь, очинь, очинь, очинь (В. А. Кривцова, х. Калачевский, 1923 г. р.). Сравнение различных механизмов находим при обозначении способов помола зерна с помощью *мельницы* и ее старинного аналога *рушылки*. Существительное *рушылка* зафиксировано со значением ‘приспособление для сдирания шелухи с зерна; ручная мельница для грубого помола или переработки в крупу, дроблёнку’ (СДГВО: 522). О таком орудии труда рассказал Николай Степанович Петров, уроженец хутора Окладнинский Урюпинского района, подробно охарактеризовавший устройство, которое имелось не у всех, а только у владельцев частного хозяйства: *Жыли дяды старыи, ну атцы, а их сюда пасилили, и они тут выращивали хлеп... вот... да, да... вот. Ну, были такие рушылки... Вот эта в часным, в часным доме рушылка, она... ну, как она пахожа там как на мельницу. Два камня крухлых, таких крухлых, как бы, и вот туда сыпът и им сам крутиш руками... рушылка, в дамах была часных. Вот хазяин имеют, дадут там сколько, давали понимношку-то зирна, вот пайдеи — смалотиш, смелиш ...Дених не было у нас дених, а диньүами ни брали, аддавали там вот, ну скока там, поллитра примерна, вот, за там, за вядро, ну, апридилённая «такса» была... Ана муку малола, как её, ну а там мука канешна, такая, какая-та там выгадила, ну, плоха ана... А после, патом ужэ, ну эта питидисятый үоды, патом ужэ стали мельницы в Дёминке работать. Названный информантом**

старинный предмет *рушылка* можно отнести к переходным случаям между сложной и ручной машиной для измельчения полевых сельскохозяйственных культур и получения первичного продукта путем помола.

Более разнообразна в речи диалектоносителей лексика второй подгруппы — существительные, обозначающие ручные приспособления и орудия сельского труда. Это в основном названия предметов, орудий и инструментов для рубки, резания, забивания чего-л. (*лом, молоток, нож, топор* и др.); названия орудий, предназначенных для рыхления, копки, их частей (*лопата, мотыга, черенок у лопаты, у мотыги* и др.), и приспособлений для полевых работ (*вилы, грабли, гребалки, коса, чистики* и др.); приспособления и устройства для перемешивания, отвода жидкостей, просеивания (*грох, лейка, по(а)штушка, решето, сито, цедилка* и др.).

Как показывают записи, информанты стремятся рассказать о свойствах утраченных уже в быту предметов, проводя аналогию по форме чего-л., функции, внешнему виду, вместимости, получаемому в результате применения прибора продукту и т. д. Примером является описание инструмента, называемого *грох* и определяемого в словарях донских говоров как ‘подвешенное на ремнях или бечевке решето для сортировки зерна или других сыпучих веществ’ (СДГВО: 122): *үрох — эта... раньшэ... ну вот падвешывался он, с такими... и... зерно в нём, грох, прасивали... назывался грох... Очень удобная была. Ачищала зерно. — А как вообще выглядел этот грох? — Как ришато большое... как ришато большое, да? Фёдравна? — Да, да, да. — Висела ано... — Подвешивали? — Падвешивали ее... и руками вот так... Сеили, ачищали ат сарника хлеп. Грох эт самое ат сарника аддивал* (Т. Ф. Смирнова, х. Гордеюшка, 1925 г. р.).

Важным при объяснении слова в речи информанта является использование таких сочетаний, которые вызывают определенные ассоциации, апеллируют к опыту собеседни-

ка: *Чиринок — эт, например, у лапаты чиринок. У лапаты чиринок называица... у матыги чиринок... эт чиринок* (Т. Ф. Смирнова).

Частотна характеристика орудий ручного труда на основе их функционального сопоставления: *Ришыто прасевать... а сито — эта как мелка-мелка нада... как ну... вкуснее теста будить... а эта с атрубями большы* (Т. Ф. Смирнова).

Следует сказать, что в речевой цепи лексемы могут выступать в иной словообразовательной модели, нежели та, что зафиксирована лексикографами. Например, встречается существительное **цедилка**: *Малако цыдили, вот цыдилка... ана пад видам как лейка, но ана пашыри как лейка... и пашыри, ана шр-шрупчикими, шрупчикими... и э-э працыдили малачко* (Т. Ф. Смирнова). Словарями донских говоров фиксируются образования **цедильный** и **цедильник** (СДГВО: 641).

В массиве глагольных средств обозначения сельскохозяйственного труда и производства выделяется группа лексики по признаку ‘процессы, связанные с разведением полевых сельскохозяйственных культур и получением первичных продуктов сельскохозяйственного производства’. Дифференциация семантико-смыслового наполнения языковых единиц с опорой на лексикографические источники (БТСРГ: 150–218; Шведова 2007: 590–600), типовое значение слов и контекст дает основание разграничить подгруппы слов со значениями: 1) ‘обработка почвы и семян для посадки’; 2) ‘посев, выращивание растений и уход за ними’; 3) ‘получение урожая, его обработка’ (в разновидностях ‘процессы уборки, заготовки’; ‘процессы очистки, изготовления первичного продукта’).

Первая подгруппа представлена в основном общеупотребительными лексемами, называющими неспециализированные и специализированные действия по обработке почвы и семян для посева культур и посадки растений: **обрабатывать, культивировать, боронить / бороновать,**

пахать, копать и др.: *Када их* (прадеда и его семью — С., Т.) *приняли ф казаки, а казаку-та веть была приволье, на каждава казака дали сколько-та дисятин зимли. Ани как начали эти земли абрабатывать, как начали абрабатывать, и ф канечним щёте ани стали самыи бауатыи* (П. А. Донскова); *А пахать была не на чём, пракультивируит там как-нибуть, и па жнивью сеяли... в ўоды вайны* (Е. Т. Ключкина); *Вот эта абрабатывают вот пышно... Вот если у каво каровы были, если на них пахали, таўда на каровах пахали, не[н]чим было пахать, дажэ сами вот фпряуались в этот, ф плух, и пахали аўароды там или вот этат... вот... и пахали ...фсё. <...> Их абрабатывали их сами, как там, эта, пахали, дажэ вот запряуались сами, люди, шли, такии делали вот, так вот, ну вот так вот сюда, и вот так вот шлея. И вот фпряуались в эти плуџи и в бораны, бзрнавали сами* (А. М. Михайлова, с. Завязка, 1936 г. р.).

Посев, выращивание растений и уход за ними обозначаются чаще всего общеупотребительными глаголами *обрабатывать, сеять, сажать, полоть, поливать* и др., например: *Ну свадьбу иўрали на Красную ўорку и осенью. Летам и висной никаўда свадьбу ни иўрали. Патаму шта фсе ф поле, фсе заняты были, какая там свадьба?! Там нада спишить сеять ды...* (В. А. Кривцова); *ўарбузоф хадили туда палоть, бохчи палоть, зарабатывали...* (О. М. Бочарова); *Хадили мы, я ни знаю, са фторова, наверна, класа или с первава класа, хадили палоть хлеба* (А. М. Михайлова). Встречается употребление разговорных и диалектных слов и форм: *обирать* ('собирать'), *опылять* ('хлеб') ('удобрять поля'), *втыкать* ('сажать'), *сшибать* ('срезать, пропалывать'), *поподгребать* ('окучивать') и др.: *И полиш, сколько праполила. И абирать* (О. М. Бочарова); *Вот были такие чистики у нас. Тожэ вот... тут диривячка, а тут зделана, эта, ну вот... Как лапатачка заастрёная. И вот ими хадили мы па палям, и вот так вот пат коринь шшибали яво,*

эти, травы разные... Чистик. Ачищали вот. Чистик. Ну вот. И эта, палолы в основном, тогда ничем ни обрабатывались ани, паля... Их обрабатывали их сами... (А. М. Михайлова); урабли — то пападурить надо чаё-та (А. М. Домородова, с. Семёновка, 1922 г. р.).

Из рассказов диалектоносителей старшего поколения становится ясным, прежде всего, какие именно зерновые, технические и бахчевые культуры выращивали во время их детства и трудовой деятельности: *Фсё сажали: картошку, кукурузу сажали, тыклушки сажали, свяклу. А на Бузулук ходили, там садили капусту, памидоры, ахурицы, патаму шта на бириху тут сразу вада. И фсё было! Капусты этой было — страсть Божья! Ну при савецкай власти мы большы вот на авацах выжывали. Хлеп-та ни давали. Хлеп сеили, хлеп радил, но фсё атправляли... Азимы пышницу ни сеили, а сеили рош (П. А. Донскова); Картошки... ну, сколько насодим. Ценьтнер, два... (О. М. Бочарова); Картошку, ахурицы, памидоры и капусту. Вот эта в основном. Эта щас то синенькие сажают, то... Ну периц тогда сажали тожэ. Периц. И уорький, и такой сажали. Периц. Пацсолнухи сеили, тыквы сажали, вот эта в основном кукурузу сажали... Свяклу. Вот эта ана испакон века. Марковку. Всягда у нас. Ахарот у нас всягда был балшой. Я всягда удивлялась, уварю, зачем мама столько ахурицов всягда насаживала? Стока насажит! (А. И. Буланкина, с. Большая Ивановка, 1931 г. р.); Я работала на табаке, мы работали, табак тады сеили. На табаке работали... (О. М. Бочарова); А долго сажали табак? — Долха. Десить лет на нём была, на табаке. Долха. Фтыкаши, фтыкаши ево (табак — С., Т.). — Руками? — А то чем жы? (О. М. Бочарова).*

Наиболее многочисленной в речи сельских жителей является третья подгруппа — глаголы, обозначающие ‘процессы уборки, заготовки растений’, ‘процессы очистки, изготовления первичного продукта’. По своей лексико-семантической отнесенности данные языковые единицы входят в раз-

ные ЛСГ, например, соединения: *вязать, собирать, мести, мешать, плести* и др.; разделения: *косить, молотить, толочь, дергать, молоть, колоть, рубить, расплетать, резать, драть, дробить* и др.; отделения: *отрывать, обрывать, срывать, холостить* и др.; очищения: *просеивать, прошелушить, сбивать* и под.: *Малатилку сам дядя делал, аццоф брат... сам делал... диривяннуну притом... ни жылезную, а диривяннуну, малатили сами хлеп* (Н. Ф. Александров, х. Калиновский, 1935 г. р.); *Ф сило вывазили, здавали на склат. Вязали, вешали яво (табак — С., Т.). Он высыхнет, а патом пучками вязали и ф сило вазили* (О. М. Бочарова); *...на табак хадили, табак вырашывали. Памағала я... Сажали, а патом цвет срывали, а патом халастили яво, резали яво и здавали, спицально здавали* (В. В. Черноусова); *Хмилины ани назывались. Хмель вот растёт, а в нём вот такие ғаловачки. Вот эти ғаловачки, абрывали* (А. М. Михайлова); *А зерно в чём толкли? — Зирно... вот, если нам зделать пшыно, проса насыпать... то была, значит, диривянная ступа. Так вот-от дерива, а там вы... (нрзб.) и пектиль к нему диривянный. И вот и сидишь так: чу-чу-чу-чу, аға, чу-чу-чу-чу — и прашылушылась. Щас на ришыто — рас, рас, рас, рас — а патом на сита. Ришыто была — дырки здаровыи, и такая вот, ис паклинника, а сита была... чаще ана была, частае. Ну и вот, типерь вот эт, штоп, вот, збить семички* (В. А. Кривцова).

Использование такой лексики, как правило, вплетается в трагические картины прошедшей эпохи. Вспоминает Александра Васильевна Парамонова (с. Завязка, 1926 г. р.): *А патом стали мы (вайна ж ужэ канчалась)... камбайна не было. Адин камбайн стаял вот тут на таку у нас. Мы визали снапы, свясла делали ис травы и вязали снапы. Мужики, какие аставались, женьцин пажилых вазили, на месте их тут эта... пирирабатывали. Камбайн-та щас ходит на полю, а таўда на мести — нас-та салому заставляли*

атрывать. Рассказывает Валентина Васильевна Черноусова (ст. Преображенская, 1932 г. р.): *С вядро тацу пышныцы. А патом и эту приспособили — мясарупку, или как её, пахожа на мясарупку. Так крутиш её, ана дирётъ, палучацца, как крупа. Прасеетъ мать памельче, репейникаф каких-нибудь налепить, а энта сварить каши* (В. В. Черноусова). Детали трудной жизни информанты часто передают через использование такой лексики, которая обозначает продукты сельскохозяйственного производства в виде отходов от выращенного, собранного и обработанного урожая чего-л., то есть в виде высевок, оболочки, остатков на корню и т. п.: *И вот заставили нас в вайну каласки сабирать. Уолад жы был, мы ни ели. Патаму шта дедушка складовый был, мы ни уаладавали сильна, а каласки сабировали. И набрали мы па сумке каласкоф. Вот он и как кнотом нас с Дуськей Жандарёвай!* (В. В. Черноусова); *Лузуа? Эта, вот, знайти, вот эт-от... Вот эта абрабатывають вот пышно... Вот эт-от самая-от вярхушка-от — лузуа-от, иё смешывали с травами. Там и казёлик, и купыри, и либяда — ну фсё вопцим, чё свисное вот нахадили, то фсё это пирямалывали, а малолу жарнава ат этих, ат камбайнаф, были вот такие крухи* (А. М. Михайлова).

Таким образом, в речи старшего поколения носителей донских говоров рассматриваемая лексика раскрывает биографически важные стороны жизни людей своего времени. Названный пласт слов в его функциональном своеобразии, будучи одним из наиболее показательных частей словаря общенародного языка и диалекта, свидетельствует о том, что сельскохозяйственный труд как физический вид деятельности — основа существования, главная сфера социальной практики индивида, в процессе которой наиболее полно раскрываются значимость человека в обществе, созидательность его бытия и ценность опыта, проявляется основательность и результативность приложенных им усилий по формированию жизненного пространства.

Литература

Герд А. С. Советы диалектолога // Русская речь. 1991. № 5. С. 109–112.

Герд А. С., Левичкин А. Н. О специфике тем Программы сбора материалов для ЛАРНГ // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2015. СПб., 2015. С. 174–177.

Костючук Л. Я. Ежегодные экспедиции — новый лексический материал // Лексикология. Лексикография: (Русско-славянский цикл) / Отв. ред. Л. А. Ивашко, И. С. Лутовинова; Русская диалектология / Отв. ред. В. И. Трубинский: Материалы секций XXXVIII Международной филологической конференции, 16–20 марта 2009 г., Санкт-Петербург. СПб., 2009. С. 68–73.

Ларин Б. А. О принципах составления атласа славянских языков // *Б. А. Ларин.* Филологическое наследие: Сборник статей. СПб., 2003. С. 240–250.

Лексикон диалектоносителей в языке региона на территориях смешанного проживания русских и украинцев: учеб.-метод. пособие / Под общ. ред. проф. Н. А. Тупиковой. Волгоград, 2014. 200 с.

Наименования приусадебных участков в русских говорах Европейского Севера

О. А. Теуш

В статье рассматриваются наименования приусадебных участков в русских говорах Европейского Севера, выявляются и этимологизируются базовые лексемы, анализируется внутренняя форма частных наименований.

Ключевые слова: лексема, праславянский язык, деривация, номинация

Основным обозначением приусадебного участка является лексема *огорóд* ‘участок земли — гряды под овощами, обычно вблизи дома, жилья’, производная от *огородítь* ‘обнести оградой’ (Шведова 2007: 555). В диалектах представлены дериваты от лексемы *огород*: *огородéц* ‘приусадебный участок, обычно обнесенный изгородью’ Арх.: Котл.; Влг.: Бабуш., В.-Уст., Ньюкс., У.-Куб.; Костр.: Макар., Мант., Меж., Пыщуг. (КСГРС), Влг.: Баб., В.-Уст., К.-Г., Ник., Ньюкс., Тарн., Тот., Шексн. (СВГ 6: 24), ‘участок земли, на котором выращивают овощи, огород’ Влг.: Баб., Вож., В.-Уст., К.-Г., М.-Реч., Ник., Ньюкс., Тарн., Тот., Шексн. (СВГ 6: 24), Костр.: Антр., Буйск., Галич., Иг., Нейск., Парф., Сол., Суд., Сус., Чухл. (ЯОС 7: 31), *огорóдина* ‘то же’ Мурман.: Канд., *огорóдинка* ‘то же’ Карел.: Пуд., *огорóдница* ‘то же’ Карел.: Медв. (СРГК 4: 141–142), *огорóднице* ‘заброшенный огород’ Карел.: Медв., Пуд. (СРГК 4: 141), *огорóдцы* ‘земельный участок при доме’ Арх.: Уст. (КСГРС).

С тем же корнем в диалектах Европейского Севера России функционируют *горóд* ‘огород’ Лен.: Кириш., *городéц* ‘то же’ Лен.: Кириш., Тихв.; Новг.: Чуд. (СРГК 1: 373). Многочисленны приставочные производные: *вы́города* ‘ого-

род, участок земли вблизи дома для выращивания овощей' Влг.: Гряз. (СВГ 1: 90–91), *въгородка* 'то же' Яр.: Пош. (ЯОС 3: 51), *зâгорода* 'огород, приусадебный участок' Влг.: Влгд., Вож., М.-Реч., Сямж., У.-Куб., Хар. (СВГ 2: 110), Арх.: Карг.; Влг.: Влгд., Череп., Шексн. (СРГК 2: 108), Яр.: Больш., Дан. (КЯОС: 69; ЯОС 4: 66), *изгород* 'то же' Карел.: Медв. (СРГК 2: 276), *îзгорода* 'то же' Яр.: Пош. (ЯОС 4: 136–137), *изгорода* 'то же' Яр.: Угл. (ЯОС 4: 136–137), *угорóдец* 'то же' Арх.: Уст.; Костр.: Меж., Пыщуг. (КСГРС). В значении 'огороженное место' зафиксировано также *горо-дйице* Киров.: Халт. (КСГРС), Влг.: Выт.; Карел.: Кондоп. (СРГК 1: 373). С неполногласием отмечены *град* 'огороженное место' Арх.: Вин. (АОС 10: 21) и *ограда* 'участок земли, на котором выращивают овощи, огород' Влг.: К.-Г., Ник. (СВГ 4: 25). Корень *город-* / *град-* праславянского происхождения: < **gordъ*, связан чередованием гласных с **žyrdъ* (русс. *жердь*) (Шведова 2007: 164).

От глагола *сечь* 'срубить, отрубить' (< праслав. **sěkti*) (Шведова 2007: 877) производны *зâсек* 'огород' Влг.: Ваш. (КСГРС), *óсек* 'огород' Влг.: М.-Реч., Сямж. (СВГ 6: 73), Яр. (КЯОС: 135), 'огород в лесу' Арх.: Мез., Холм.; Влг.: Бабуш., Вож., Ник., Хар. (КСГРС), *осéк* 'огород' Влг.: Череп. (Герасимов 1910: 62), Влг.: М.-Реч., Сямж. (СВГ 6: 73).

Среди обозначений участков земли многочисленны производные от *двор* 'отгороженный от улицы участок земли с надворными постройками при отдельном доме, усадьбе' (праславянского происхождения: < **dvor-*, связан чередованием гласных с **dъvъгъ* (русс. *дверь*) (Шведова 2007: 182)): *дворина* 'приусадебный участок' Влг.: Бабуш.; Костр.: Кологр., Пыщуг., *дворйице* 'то же' Арх.: Вель. (КСГРС), Арх.: Вель., Карг., Леш., Уст. (АОС 10: 334), Влг. (Дилакторский: 100), Влг.: В.-Важ., Ник. (СВГ 2: 12), Яр. (КЯОС: 57), Яр.: Перв. (ЯОС 3: 123). Приставочные образования также отмечены: *задворка* 'часть приусадебного участка (огород, сад, пахотная земля)' Яр.: Люб., Рост., Рыб.; Костр.:

Суд. (ЯОС 4: 68), *ободвóрина* ‘участок земли около дома, огород’ Влг.: В.-Важ. (КСГРС), Влг.: М.-Реч., Тарн. (СВГ 5: 125), Влг.: Бел., Ваш., Череп. (СРГК 4: 96), *ободвóрица* ‘то же’ Арх.: Вин., Котл.; Влг.: В.-Уст. (КСГРС), Арх.: Карг. (СРГК 4: 96), *ободвóрница* ‘то же’ Влг.: Нюкс. (КСГРС), Влг.: В.-Уст., К.-Г., Нюкс. (СВГ 5: 125), *ободвóрок* ‘то же’ Арх.: Вин., Уст. (КСГРС), Арх.: Карг.; Влг.: Кад.; Лен.: Тихв. (СРГК 4: 96), *ободвóрье* ‘то же’ Влг.: Выт. (СРГК 4: 97), *подзадвóрок* ‘то же’ Арх.: Он. (СРГК 4: 630).

Частотны в обозначении небольшого приусадебного огорода термин *сад* Арх.: В.-Т., Уст.; Влг.: В.-Важ.; Костр.: Костр. (КСГРС), Костр.: Буйск., Остр., Суд, Сус. (ККОС: 297–298) и его производные: *са́дик* ‘небольшой приусадебный огород’ Влг.: В.-Важ.; Костр.: Макар. (КСГРС), *са́дник* ‘то же’ Влг.: Сок. (КСГРС), Карел.: Пуд. (СРГК 5: 621), *сад-ни́к* ‘то же’ Влг.: К.-Г. (КСГРС), К.-Перм. (Полякова 2007: 215), *садо́вник* ‘то же’ Влг.: Вель. (Дилакторский: 445), *садо́вничек* ‘то же’ Арх.: Уст. (КСГРС), *садо́к* ‘то же’ Влг.: Вель., В.-Уст. (Дилакторский: 445), *сады́* ‘то же’ Влг. (Дилакторский: 445), Арх. (Даль 4: 128). Лексема *сад* праславянского происхождения: < *sadъ (Шведова 2007: 849). Тот же корень с чередованием гласных (*sed-) представлен в *обсе́дланность*, *обсе́длость* ‘приусадебный участок’ Влг.: Баб. (КСГРС), *осе́длость* ‘то же’ Влг.: Сок., Сямж., У.-Куб., Хар. (КСГРС), Влг.: Сок., У.-Куб. (СВГ 6: 72–73).

От глагола *гнать* ‘понуждать к быстрому бегу, движению’ (Шведова 2007: 155) произведен термин *гон* ‘огород’ Киров.: Кот. (КСГРС), ср. также *загон* ‘приусадебный участок’ Влг.: В.-Уст. (КСГРС).

Нередки наименования приусадебного участка по выращиваемым растениям. Участок, где растет капуста, обозначается так: *капу́стник* ‘участок земли, на котором выращивают капусту’ Арх.: Холм. (Подвысоцкий 1885: 63), Влг.: В.-Важ., Вож., К.-Г., Сямж. (СВГ 3: 38), Яр.: Больш., Бор., Брейт., Дан., Люб., Мышк., Нек., Некр., Пересл., Рост., Ряз.,

Тут., Угл. (ЯОС 5: 19), ‘участок, огород, засаженный разными овощами, иногда и другими культурами’ Арх.: Вель., Карг., Леш., Мез., Шенк.; Влг.: Баб., Вож. (КСГРС), Олон. (Куликовский 1898: 34), Арх.: Карг.; Влг.: Баб., Бел., Кад.; Карел.: Медв. (СРГК 2: 327), *капу́стница* ‘участок земли, на котором выращивают капусту’ Влг.: Влгд., Сок. (СВГ 3: 38), Яр.: Перв., Преч. (ЯОС 5: 19), ‘участок, огород, засаженный разными овощами, иногда и другими культурами’ К.-Перм. (Полякова 2007: 117), *капу́стничек* ‘то же’ Влг.: Баб. (КСГРС), Влг.: Кад. (СРГК 2: 327).

Участок земли, засаженный картофелем, номинируется производными от слов *карто́фель*, *карто́шка*: *карто́фельник* Яр.: Пош.; Арх.: Пин. (КСГРС), Яр.: Больш., Брейт., Гавр., Дан., Люб., Мышк., Пересл., Пош., Преч., Рост., Рыб., Тут., Угл.; Костр.: Антр., Буйск. (ЯОС 5: 22), Влг.: Устюж.; Карел.: Медв.; Лен.: Подп. (СРГК 2: 330), *карто́фельница* Яр.: Тут., *карто́фельнице* Яр.: Бор. (ЯОС 5: 22), *карто́флице* Влг.: Выт.; Лен.: Волос., Лод. (СРГК 2: 330), *карто́флице* Яр.: Дан., *картофля́ник* Яр.: Преч., Ряз. (ЯОС 5: 22), *карто́фник* Арх.: Он., Плес.; Карел.: Медв., Пуд.; Лен.: Бокс., *карто́шник* Влг.: Бел.; Карел.: Пуд. (СРГК 2: 330).

Еще одна культура, отмеченная при номинации приусадебных участков, — огурец: *огурéшник* ‘земельный участок для выращивания огурцов’ Костр.: Галич., Костр., Чухл. (ККОС: 225), ‘огородный участок для овощей’ Костр.: Макар., Мант., Нейск. (ККОС: 225).

Наименование огорода может быть производно от лексем, называющих участок для выращивания конопли: *конопля́ник* ‘огород’ Яр.: Пересл. (ЯОС 5: 60), ср. *конопля́ник* ‘участок земли, на котором растет или с которого убрана конопля’ Карел.: Кондоп., Медв. (СРГК 2: 415), ‘участок земли, который засаживается картофелем’ Яр.: Пересл. (ЯОС 5: 60).

Немногочисленны названия огорода по местонахождению: *водяник* ‘огород, находящийся около реки’ Влг. (Даль 1: 219), Влг.: Баб., К.-Г. (СВГ 1: 78), *гумно́* ‘часть крестьянской усадьбы, приусадебный участок для покоса травы или посадки овощей’ Влг.: Гряз.; Костр.: Галич., Остр. (КСГРС), Костр.: Антр., Буйск., Галич., Сус.; Яр.: Ареф., Больш., Брейт., Бурм., Гавр., Дан., Люб., Масл., Мышк., Нек., Некр., Пош., Рост., Сер., Тут., Угл. (ЯОС 3: 116), *гумённик* ‘приусадебный участок (в основном, для посадки картофеля)’ Влг.: Гряз. (СВГ 1: 136), Костр.: Нейск.; Яр.: Сер. (ЯОС 3: 116), ср. *гумно́* ‘площадка для молотбы сжатого хлеба’ (Шведова 2007: 176).

Земельный участок под огород может быть выделен: *д́а-ча* ‘приусадебный участок’ Костр.: Меж., Шар. (КСГРС), *диль* ‘часть огорода, приходящаяся кому-либо из участников’ Влг.: Влгд., Кадн., Тот. (Дилакторский: 104), *отвóдок* ‘приусадебный участок’ Влг.: Чаг. (КСГРС), *едоку́* ‘земельный участок, выделенный по количеству едоков в семье’ Яр.: Рыб. (ЯОС 4: 33).

Названия приусадебных участков подробно отражают традиции частной земледельческой деятельности как по обустройству участка, так и по типу выращиваемых овощных культур.

Сокращения названий районов и областей

Антр. — Антроповский район Костромской области
 Ареф. — Арефинский район Ярославской области
 Арх. — Архангельская область
 Баб. — Бабаевский район Вологодской области
 Бабуш. — Бабушкинский район Вологодской области
 Бел. — Белозерский район Вологодской области
 Бокс. — Бокситогорский район Ленинградской области
 Больш. — Большевицкий район Ярославской области
 Бор. — Борисоглебский район Ярославской области
 Брейт. — Брейтовский район Ярославской области
 Буйск. — Буйский район Костромской области

Бурм. — Бурмакинский район Ярославской области
Ваш. — Вашкинский район Вологодской области
В.-Важ. — Верховажский район Вологодской области
Вель. — Вельский район Архангельской области, Вельский уезд
Вологодской губернии
Вин. — Виноградовский район Архангельской области
Влг. — Вологодская область (губерния)
Влгд. — Вологодский район Вологодской области
Вож. — Вожегодский район Вологодской области
Волос. — Волосовский район Ленинградской области
В.-Т. — Верхнетоемский район Архангельской области
В.-Уст. — Великоустюжский район Вологодской области
Выг. — Вытегорский район Вологодской области
Гавр. — Гаврилово-Ямский район Ярославской области
Галич. — Галичский район Костромской области
Гряз. — Грязовецкий район Вологодской области
Дан. — Даниловский район Ярославской области
Иг. — Игумновский район Костромской области
Кад. — Кадуйский район Вологодской области
Кадн. — Кадниковский район Вологодской области
Канд. — Кандалакшский район Мурманской области
Карг. — Каргопольский район Архангельской области
Карел. — республика Карелия
К.-Г. — Кичменгско-Городецкий район Вологодской области
Кир. — Кирилловский район Вологодской области
Кириш. — Киришский район Ленинградской области
Киров. — Кировская область
Кологр. — Кологривский район Костромской области
Кондоп. — Кондопожский район Карелии
Костр. — Костромская область, г. Кострома
Кот. — Котельнический район Коровской области
Котл. — Котласский район Архангельской области
К.-Перм. — Коми-Пермяцкий автономный округ
Лен. — Ленинградская область
Леш. — Лешуконский район Архангельской области
Лод. — Лодейнопольский район Ленинградской области
Люб. — Любутинский район Ярославской области
Макар. — Макаровский район Костромской области
Мант. — Мантуровский район Костромской области
Масл. — Масловский район Ярославской области

- Медв. — Медвежьегорский район Карелии
Меж. — Межевской район Костромской области
Мез. — Мезенский район Архангельской области
М.-Реч. — Междуреченский район Вологодской области
Мурм. — Мурманская область
Мышк. — Мышкинский район Ярославской области
Нейск. — Нейский район Костромской области
Нек. — Некоузский район Ярославской области
Некр. — Некрасовский район Ярославской области
Ник. — Никольский район Вологодской области
Новг. — Новгородская область
Нюкс. — Нюксенский район Вологодской области
Олон. — Олонецкая губерния
Он. — Онежский район Архангельской области
Остр. — Островский район Костромской области
Парф. — Парфеньевский район Костромской области
Пересл. — Переславль-Залесский район Ярославской области
Перв. — Первушинский район Ярославской области
Пин. — Пинежский район Архангельской области
Плес. — Плещеевский район Архангельской области
Подп. — Подпорожский район Ленинградской области
Пош. — Пошехонский район Ярославской области
Преч. — Пречистенский район Ярославской области
Пуд. — Пудожский район Карелии
Пыщуг. — Пыщугский район Костромской области
Рост. — Ростовский район Ярославской области
Рыб. — Рыбинский район Ярославской области
Ряз. — Рязанцевский район Ярославской области
Сер. — Серединский район Ярославской области
Сок. — Сокольский район Вологодской области
Сол. — Солигаличский район Костромской области
Суд. — Судиславльский район Костромской области
Сус. — Сусанинский район Костромской области
Сямж. — Сямженский район Вологодской области
Тарн. — Тарногский район Вологодской области
Тихв. — Тихвинский район Ленинградской области
Тот. — Тотемский район Вологодской области
Тут. — Тутаевский район Ярославской области
Угл. — Угличский район Ярославской области
У.-Куб. — Усть-Кубинский район Вологодской области

Уст. — Устьянский район Архангельской области
Устюж. — Устюженский район Вологодской области
Халт. — Халтуринский район Кировской области
Хар. — Харовский район Вологодской области
Холм. — Холмогорский район Архангельской области
Чаг. — Чагодощенский район Вологодской области
Череп. — Череповецкий район Вологодской области
Чуд. — Чудовский район Новгородской области
Чухл. — Чухломской район Костромской области
Шар. — Шарьинский район Костромской области
Шексн. — Шекснинский район Вологодской области
Шенк. — Шенкурский район Архангельской области
Яр. — Ярославская область

Имена прилагательные тематической группы «Природа» в донских говорах

М. В. Флягина

Прилагательные, характеризующие явления природного мира, в донских говорах многочисленны и представляют значительный интерес, так как отличаются от соответствующей группы прилагательных литературного языка в количественном отношении, более разнообразны в словообразовательном отношении, чаще имеют прозрачную внутреннюю форму, могут субстантивироваться. Значительная часть рассмотренных прилагательных, как общерусских, так и собственно диалектных, находится в вариантных отношениях.

Ключевые слова: морфологические способы словообразования, семантизация, словообразовательные варианты, диалектная зона

В системе морфологических ресурсов русского языка имени прилагательному отводится видное место как категории, в семантике которой доминирует понятие качества и которая определяет имя существительное. Прилагательные, характеризующие явления природного мира, в донских говорах достаточно многочисленны и представляют значительный интерес, так как отличаются от соответствующей группы прилагательных литературного языка в количественном отношении (широко развитая синонимия — отличительная черта диалектной лексики), более разнообразны в словообразовательном отношении, чаще имеют прозрачную внутреннюю форму, могут субстантивироваться.

Материалом для исследования послужили данные «Большого толкового словаря донского казачества» (БТСДК)

и «Словаря донских говоров Волгоградской области» (СДГВО).

В исследуемом диалектном материале нами были выделены следующие тематические группы: имена прилагательные, характеризующие растения, имена прилагательные, характеризующие животных, имена прилагательные, характеризующие ландшафт.

Первую тематическую группу составляют имена прилагательные, характеризующие растения, их отличительные особенности и условия произрастания: *багряковский*, *белодолгий*, *белокруглый*, *беломясый*, *будылистый*, *бугунистый* и др. (в нашей картотеке, собранной методом сплошной выборки из словарей донских говоров, 121 наименования).

Проанализированный материал показывает, что многие прилагательные данной тематической группы имеют прозрачную внутреннюю форму, характерную для диалектной лексики: ср. *бугунистый* ‘кустистый’, *будылистый* ‘о растении, имеющем толстый стебель’, *чернобылый* ‘с потемневшими стеблями’, *щелеватый* ‘дуплистый, с трещинами и гнилью (о дереве)’, *тополевый* гриб ‘гриб, растущий под топодем’, *сухобылый* ‘высохший (о растении)’, *синестопый* ‘гриб с ножкой синего цвета’, *пыреистый* ‘содержащий много пырея’, *початочный* ‘относящийся к початкам, кукурузе’, *обломный* ‘обильный урожай’, *набористая* ягода ‘крупная, налитая соком’, *мазрастый* ‘с большим количеством лепестков’, *ломучий* ‘с обильным количеством плодов’, *лопыристый* ‘разросшийся’, *листястый* ‘с крупными листьями’, *ломтёвый* кабак, *ребристая* тыква ‘сорт тыквы с выделяющимися дольками’, *кундюбый* овощ ‘кривой, мелкий’, *красностопый* ‘сорт винограда’, *кормовитая* трава ‘обладающая высокими кормовыми качествами’, *калуновыи*, *калунный* ‘относящийся к тыкве’, *желудевый* ‘о сорте винограда’, *заклёклый* ‘засохший, пожелтевший (о растении)’, *заморенный* ‘гнилой’, *трухлявый*

(о дереве), *дуплястый* 'имеющий дупло', *духмяная* трава 'душистая, духовитая', *жамочный* 'относящийся к растению семейства тыквенных', *желтомясый* 'о сорте арбуза', *бургунский* 'о сорте винограда', *бурелый* 'недозревший' и др.

Что касается словообразовательных особенностей рассмотренных прилагательных, все они образованы морфологическим способом при помощи продуктивных суффиксов, таких как *-ист-*, *-аст-*, *-оват-* (*-еват-*), придающих слову оттенок высшей степени качества (*махрастый*, *дуплястый*, *пырейстый*, *листястый*, *набористая*, *лопыристый*, *будылистый*, *бугунистый*, *кормовитая*, *духовитая*, *целеватый*). Из других суффиксов отмечаются *-ов-*, *-ев(ёв)-* со значением сходства с предметом (*ломтёвый* кабак, *желудевый* — о сорте винограда, *кущевая* трава, *калуновыи* — наподобие тыквы), с таким же значением суффикса отмечены производные с суффиксом *-н-* (*гранатный* ячмень). Некоторые прилагательные с суффиксами *-ов/ев-* и *-н-* указывают на место произрастания: *тополевыи*, *дубовый* гриб, *полевая* овсянка, *луговой* арбуз, *огородные* яблочки (о помидорах). Следует особо отметить названия, происходящие от притяжательных прилагательных, чаще всего обозначающие виды и сорта растений (*акуловская буровинка*, *архиереева голова*, *богово дерево*, *волобий глаз*, *гадючья лебеда*, *гусятая трава*, *заячий холодок*, *змеиный гриб*, *куриные лапки*, *кукушинные слезки*, *ласточинные слезки*, *львиный ротик*, *петровские яблоки*, *поповский дичок*, *бычий глаз*). Прилагательные, образованные при помощи суффиксов *-н-*, *-ян-* и *-ов/ев-*, могут иметь также значение признака или свойства, относящегося к предмету, названному исходным словом: *гречишный*, *гардальный*, *вербяной*, *мыльная трава*, *початочный*, *петрушечный*, *жамочный*, *кужинный* (от *куга* 'камыш').

Словообразовательные варианты свидетельствуют, главным образом, о тенденции к структурной мотивированности, а также о свободном варьировании близких по значению суффиксов в устной речи диалектоносителей.

Продуктивен в донских говорах способ сложения: *чернобылый*, *сухобылый*, *синестопый*, *красностопый*, *желтомясый*, *сладкокаменные* абрикосы ‘сорт абрикосов’, *твердогордая* пшеница ‘сорт пшеницы’, *семиколенная* трава ‘хвощ полевой’, *белодолгий* ‘о сорте винограда’, *белокимшатский* ‘о сорте крупного столового винограда’, *белокруглый* ‘о сорте винограда’, *беломясый* ‘о сорте арбуза’, *белосемянный* ‘о сорте арбуза’, *белотелый* ‘о сорте арбуза’. Ряд сложных слов отличается от соответствующих литературных одним компонентом сложения, например: *сухобылый* — ср. литер. *сухостойный*, *сладкокаменный* — ср. *сладкокостный* и др. Сложные прилагательные подтверждают подмеченное многими лингвистами стремление народной речи к яркости, образности, прозрачности внутренней формы.

Непродуктивным в исследуемой группе является префиксальный способ, чаще встречаются образования префиксально-суффиксального типа: *бескоренный*, *бескорешный* ‘без корней (о траве)’. Некоторые прилагательные мотивированы географическими названиями: *ажинковский* (арбуз), *азовский* (орех) ‘грецкий’, *астраханский* (виноград), *багряковский* (арбуз), *волженский* (арбуз), *карповский* (арбуз) и др.

С точки зрения мотивационной основы прилагательные исследуемой тематической группы можно разделить на следующие группы: 1) прилагательные, мотивированные существительными (*бугунистый*, *будылистый*, *вербяной*, *вербленный*, *початочный* и др.; это самая многочисленная группа); 2) прилагательные, мотивированные глаголами (*заморенный*, *зарослый*, *попасная*, *обломный*, *выспелый*, *ломучий*; таких наименований меньше); 3) прила-

гательные, образованные от других прилагательных (*бурелый, духмяный, редменный*; самая малочисленная группа). Среди отыменных прилагательных особо продуктивна модель «основа диалектного существительного + суффикс». Так, суффикс *-ист-*, присоединенный к основе диалектного существительного, в исследуемой тематической группе имеет значение ‘напоминающий своими качествами то вещество, тот предмет, которые обозначены основой’ (*бугунистый* ‘кустистый’, *будылистый* ‘имеющий толстый стебель’). В большинстве случаев на значение накладывается дополнительная количественная оценка — ‘обладающий большим количеством того, что названо мотивирующим словом’.

В классе отглагольных прилагательных часто встречается модель «усеченная основа глагола + суффикс», при этом суффикс, как правило, имеет значения «имеющий склонность к какому-нибудь действию» или «находящийся в состоянии, возникшем в результате процесса, названного мотивирующим словом» (ср. *зарослый, выспелый, ломучий*).

В группе диалектных прилагательных, характеризующих растительный мир, меньше всего наименований мотивированных прилагательными. Образуются они чаще всего от основы прилагательного (общеупотребительного или диалектного), иногда с присоединением дополнительного суффикса (*бурелый*), иногда с заменой суффикса (*духмяный*).

Вторая тематическая группа — имена прилагательные, характеризующие животный мир. Она представлена в донских говорах следующими наименованиями: *белопухий, берёжная, бескостречный, борозденный, брухливый, коршунячий, стельная* и др. (46 наименований).

Прилагательные этой группы в большинстве своём образованы морфологическими способами (суффиксальным, префиксальным, префиксально-суффиксальным, способом сложения), однако в группе отмечаются и семантические диалектизмы (*скотная, сухостойный, плодовая*).

Из суффиксальных производных отметим наименования с суффиксами *-н-* (*-енн-*, *-янн-*): *борозденный*, *бороздянный*, *бругатный*, *крыжняя*, *лонжённый*, *накидная*, *поблудный*, *покатной*, *посенженный*, *сулятный*, *упряжной*. Среди указанных прилагательных половина слов мотивирована существительными, в которых суффикс имеет значение ‘признака или свойства, относящегося к предмету, названному исходным словом’ (*скотная*, *сулятный*, *упряжной*, *борозденный*, *бороздянный*, *крыжняя* *кряква*). Отглагольные образования имеют обобщенное значение ‘имеющий склонность к какому-нибудь действию’ (*бругатный*, *поблудный*, *покатной*), адъективированные причастия (*лонжённый*, *посенженный*) характеризуются значением ‘тот, который подвергся действию, выраженному основой производящего глагола’.

К продуктивным суффиксам, при помощи которых образованы прилагательные, характеризующие явления животного мира, относим также *-лив-* (*брухливый*, *игреливый*), *-ист-* (*камагористый*), *-ов-* (*плодовая*), *-чат-* (*косячатая*), *-ск-* (*шпанская*), *-ат-* (*желнатый*, *мышатый*), *-яч-* (*коршунячий*). Все указанные наименования мотивированы существительными, за исключением производных с суффиксом *-лив-*, в основе мотивации которых лежат глаголы. Интерес представляет словообразовательный тип, неизвестный литературному языку: «основа существительного + суффикс *-ат-*» с общим значением ‘свойственный тому, или подобный тому, что названо мотивирующим словом’ (*мышатый*). Продуктивными в донских говорах являются традиционные для русского языка суффиксы со значением притяжательности — *-ин-* (*кочетинный*, *волчинный*), *-иј-* (*ведмежий*), *-ск-* (*бугайский*).

Среди прилагательных исследуемой группы встречаются также отглагольные наименования с нулевыми суффиксами: *берёжая* (от *жсеребится* с метатезой), *сужочая* (от *сужочить* ‘беременеть’).

Префиксальные образования представлены наименованиями с префиксом, возникшим на месте частицы *не-*, и имеют значение 'отсутствие или противоположность признака, названного мотивирующим словом': *неезжалый* 'молодой (бычок)'; *нескотная* 'бесплодная'; *нестельная* — о яловой корове; *неплодная* — бесплодная, *неупряжная* лошадь 'верховая лошадь'. Все слова мотивированы только диалектными прилагательными. Отметим особо прилагательное *неплодная*, в котором в сопоставлении с литературной системой словообразования на месте одного префикса (*бес-*) в говорах наблюдается другой: *бесплодная* — *неплодная*.

Префиксально-суффиксальное образование, отмеченное в исследуемой тематической группе, — *бескостречный*.

В данной группе зафиксировано всего четыре прилагательных, образованных способом сложения: *белопаший*, *горболысый*, *кривохвостый*, *каплюхий*. Все четыре наименования образованы по модели «опорная субстантивная основа + соединительный *-о-*».

Третья группа прилагательных характеризует особенности ландшафта территории донских говоров. Здесь выделяются 26 наименований: *бугровый*, *вязучее*, *гулевая земля*, *душевая земля*, *обдонский*, *оборотная* (земля), *объяристый*, *степовой*, *стряемский*, *ушкорби-стая*, *кучугуристый*, *криничий*, *крепная* (земля), *отлогатый*, *улогий*, *разлогий*, *разлатый*, *паховый*, *спаховый* (склон, спуск), *субоистый*, *мочежинный*, *отрожистый* (с оврагами), *проносная* (река), *верховая вода*, *тихая вода*, *коловёртная вода*. Среди представленных наименований только одно слово в терминологическом значении (*тихая вода* 'место в реке с замедленным течением', ср. здесь сложные существительные *тиховод* и *тиховодь*) является семантическим диалектизмом. Остальные прилагательные образованы морфологическими способами.

Продуктивными моделями в данной группе прилагательных являются:

1) «основа существительного + суффиксы *-ов/-ев-*» (*бугровый, душевая, степовой, верховой*), *-н* (*мочезинный, коловёртная, оборотная, криничный, крепная*), *-ист-* (*ушкорбистый, субоистый, кучугуристый, отрожистый*), *-ск-* (*стрямский*);

2) «префикс *об-* + основа существительного + суффикс» (*объяристый, обдонский*). Следует отметить сугубо диалектное пространственное значение префикса *об-*, возникшего на месте предлога *об* в значении ‘у, около’;

3) «основа глагола + суффиксы»: *-уч-* (*вязучее*), *-ев-* (*гулевая*), *-н-* (*проносная*).

В донских говорах широко представлен синонимический ряд со значением ‘пологий (склон)’: *отлогáтый, улбгий, разлбгий, разлáтый, пахбвый, спакбвый. Отлогáтый* — донской диалектизм (форма не отмечена ни в одном областном словаре, кроме словарей донских говоров), имеет словообразовательные варианты в других русских говорах: ср. смол. *отлбгливый, отлбглый*, ряз. *отлáжнный* (СРНГ 24: 229–230). Семантический объем лексемы *разлбгий* несколько шире у Даля: «Разлогий, разложистый, развалистый, откосый в глубину, широкий устьем» (Даль 3: 1521). В СРНГ прилагательное *разлогий* отмечено в двух значениях — ‘пологий’ (с пометой *донское*) и ‘широко расходящийся в стороны’ (*терское, кубанское*) (СРНГ 33: 358). Дополнительный семантический оттенок значению слова придает приставка *раз-*, одним из значений которой в сочетании с прилагательными является ‘распространение, полнота проявления признака’. В донских говорах значение прилагательного и сфера функционирования сужены, конкретизированы — ‘пологий (о склоне возвышенности, балки)’. Прилагательное *разлáтый* в современных русских народных говорах многозначно. Самым общим значением слова является ‘расширяющийся кверху или в стороны’ (СРНГ 33:

351). Прилагательное функционирует в южнорусских говорах и неизвестно севернорусским. В донских говорах прилагательное *разлатый* употребляется как в широком смысле, так и в конкретном значении, в составе описательной конструкции *разлатый спуск* 'пологий склон возвышенности', ср. здесь ворон. *разлатон* 'овраг с пологими склонами' (Там же). В говорах нижнедонской диалектной зоны в значении 'пологий' интенсивно используются прилагательные, являющиеся старыми заимствованиями из украинского языка — *пахóвый* и *спахóвый* (ср. укр. спуховий, спуховато (Гринченко 4: 1920)).

Исследование показало, что образование прилагательных, характеризующих явления и объекты природного мира, в донских говорах происходит от основ разных типов, в том числе и с точки зрения сферы употребления: диалектных, современных общеупотребительных и даже древнерусских (*крепная, сузёмная*). Выделяется группа семантических диалектизмов: *тихая вода, сухостойный* (о животном), *скотная, плодовая*. Сопоставление рассмотренных слов с данными Словаря русских народных говоров показало, что большая часть их употребляется в ряде других русских говоров в тех же значениях, есть и локализмы (*обдонский, обьяристый, разлатый, улогий* и нек. др.).

Значительная часть рассмотренных прилагательных в донских говорах находится в вариантных отношениях. Варьированию подвергаются как общерусские слова, так и собственно диалектные, наиболее продуктивными являются фонематические и словообразовательные варианты.

Костромская микротопонимия как источник сведений для ЛАРНГ (названия родников)

Е. В. Цветкова

Статья посвящена одной из частей гидронимической системы костромских говоров — названиям родников. Данные микротопонимы, образованные на основе апеллятивной лексики и отражающие её семантические, структурно-словообразовательные особенности и своеобразие функционирования в говорах Костромской области, могут служить источником сведений для Лексического атласа русских народных говоров.

Ключевые слова: Лексический атлас русских народных говоров, топонимия, костромская микротопонимия, гидронимия, названия родников, гидрографические термины, костромские говоры

Костромской край богат родниками. Есть территории, на которых практически у каждого населённого пункта имеется свой источник и даже места скопления нескольких источников. Но только те из них, которые являются значимыми для людей (главным образом в быту, хозяйственной деятельности), чем-либо (местоположением, особенностями течения, качеством воды и т. д.) выделяются, получили собственные названия, то есть стали топонимами (в основном микротопонимами). Из-за недостаточно благоприятной ситуации в централизованном водоснабжении интерес к природным источникам повышается, организуется конкурс на лучшее их благоустройство, вследствие чего названия многих из них, особенно тех, что считаются святыми, становятся более широко известными. Это, например, *Святой источник Пахомия Нерехтского* (с. Троица Нерехт.), *Святой источник Георгия Победоносца* (с. Михали Нейск.), *Святой*

источник в честь Феодоровской иконы Божией Матери (с. Кажирово Вохом.), *Святой источник иконы Божией Матери Всех Скорбящих Радость* (д. Конев-во Шарьин.), *Святой источник Николая Чудотворца* в (д. Паново Антроп.), *Святой колодец Авраамия Чухломского* (с. Ножкино Чухл.), *Спасский ключ* (д. Подви-галиха Мантур.), *Двенадцать ключей* (д. Большие Рымы Макара.), *Светлояр* (д. Алферицино Костром.), *Сулган* (урочище Сулган Галич.) и мн. др.

На картах ЛАРНГ ЛСЛ 481, ЛСЛ 482, ЛСЛ 483, посвящённых роднику, ключу, костромские говоры могут быть представлены такими лексемами, как *ключ, ключик, родник, родничок, исток, источник, источина, поток, колёдчик, студенец, жи́лина, верховик, водорой, кипун, ключёвец, ключевина* (родник, ключ), *та́лец* (незамерзающий родник, ключ), *ключевая, ключовая, роднико́вая, источникова́я, источна́я, студёная, жива́я* (ключевая, родниковая вода): *Ключи́ там бьют, вот и вода там студёная* (д. Екатеринкино Кадыйск.); *Родники́ в этом месте, потому и сыро* (д. Калинки Судислав.); *Воду-то с ключовца не пей: студёна уж больно* (д. Легково Костром.); *В У́нже-то у нас много ключевин, вода холодная, студёная* (д. Красногорье Мантур.); *Воду-то в родникé живо́й называем* (с. Здемирово Красносел.); *В том-то ключе́ и вода жива́я* (с. Романцево Буйск.); *Воду-то с источника носим* (с. Здемирово Красносел.); *У нас возле дому исток чистый есть* (д. Мослово Мантур.) и т. д. Значительная часть этой лексики находит отражение в микропонимии (в основном микрогидронимии) Костромской области.

Значимой является связь таких гидрографических терминов, как *ключ, родник, колодец, колёдезь, ручей*, и образованных от них микропонимов, содержащих важную информацию о говорах. Данная лексика становилась предметом детального анализа (это, например, [Никонов 1961: 180–198; Лагутина 2004а: 107–112; 2004б: 108–112; Климкова

2008а: 138–146; 2008б: 102–110]). В. А. Никонов представляет ареалы функционирования этой лексики в топонимии Европейской части СССР. Так, названия от слова *ключ* занимают огромную территорию. Распространение таких наименований связывается с подъёмом Московского государства. Сравнительно немногочисленные топонимы от *родник* имеют островные ареалы, в том числе, как отмечает В. А. Никонов, «в северном Заволжье от Костромы к Белоозеру и частью к Унже». «В старейших русских областях» такие топонимы отсутствуют, что может быть объяснено их поздним появлением [Никонов 1961: 180–198].

Большая часть выявленных нами в костромских говорах наименований родников образована на основе географических терминов *ключ*, *кльчич* (восходит к праславянскому *ključь < *kljuk-jь ‘источник’ (Черных 1: 404); возможно, общеслав. *ключ* ‘источник’ по происхождению звукоподражательное — болг. *ключ* (водата ври с ключ) ‘о шуме воды’, сербохорв. *кључ* ‘клокотание, бурление воды’, *кључати* ‘кипеть, бурлить, клохтать’; обычно сближается с *кљюкати* ‘шуметь’; но можно поставить вопрос об одинаковом происхождении с *ключ* ‘крюк, ключ’ (Фасмер 2: 258); имеет много значений, в том числе *кључ* ‘жидкость, бьющая ключом’, ‘пузырьки на поверхности кипящей жидкости’, русск. *ключ* ‘источник, родник’, диал. ‘колодец’, ‘ручей’, ‘водяная воронка, водоворот’ и др. (ЭССЯ 10: 51–52)) и *родник*, *родничок* (связан со словом *род* (Фасмер 3: 491); «ключь воды, бьющій изъ земли» (Слов. Акад. 1847 4: 67); в русском языке образован с помощью суффикса *-ник* от корня глагола *родить*, восходящего к праславянскому *roditi, родником называют рождающийся источник (Полякова 2007: 340)). Это микротопонимы, образованные на основе прямого перехода в них данных географических терминов, например: *Ключ называют у нас Кльчич*. (г. Солигалич); *Ключи — множество ключей и ключиков, которые бьют вокруг деревни*. (Вохом.); *Кльчич — место, где из-под земли течёт родни-*

ковая вода и впадает в Волгу. Ключик — родник на Дмѣхе. (п. Красное-на-Волге Красносел.); На Ключике всегда народ есть. (д. Медведки Сусанин.); Ключик — в овраге в Подольском. (с. Здемирово Красносел.); Ключики — место в лесу, где находятся подземные ключи. (д. Фёдоровское Макара.); В Родникѣ вода с привкусом железа. (д. Шувалово Костром.); Родник — у реки Берёзовки. (д. Калинки Судислав.); На Заводских улицах Родничок-от. (п. Красное-на-Волге Красносел.); Роднички — на реке Сельма у деревни Калинкино. (г. Солигалич) и т. д. Встречаются и составные микропонимы, образованные по схеме «географический термин + определение, характеризующее именуемый объект» или в виде предложно-падежного сочетания, которые обычно содержат сведения о местоположении именуемых источников (чаще по названию населённого пункта), их связи с имеющими к ним какое-либо отношение людьми (чаще по антропонимам), их свойствах и качествах (чаще об особенностях воды), например: Полоскать-то ходили всё на Марусин ключь, там шибце бежит, чем на Бёленьком-то. Серёдный ключ ещё есть. (д. Лядина Мантур.); Золотничковский пруд — на горе Стрёлка, запитывается Золотничковским ключом. (д. Кузовцево Костром.); Мишинский ключ назван так, потому что недалеко протекает река Мишин луг. (с. Александровское Межев.); Лучше на Зыкин ключ за водой-то сбегать иль из колодца брать. (д. Доброумово Павин.); Водобойный ключ находится в лесу у деревни Яросята. Холодный ключ — вблизи деревни Голята. (с. Согра Вохом.); Молочный ключ — южнее деревни, под горой. В нём охлаждали бидоны с молоком после дойки. (д. Игумново Судислав.); Мухин ключ — ключ в лесу, на окраине деревни Медведки. Вычистил его Мухин. (д. Медведки Сусанин.); Монастырский ключ — источник в селе Нёжкино. (Чухл.); Холодный ключ — за Гулявкой. (с. Палкино Антроп.); Цёпинский ключ — за деревней Цёпино. (д. Елегино Буйск.); Золотничковский ключ — на горе Стрёлка. (д. Кузовцево Костром.);

Починовские-то ключи — это у деревни Починок. (д. Васильевское Солигал.); *На Крыловских ключах самая вкусная и чистая вода.* (д. Шулёво Мантур.); *Супротивный ключик назван так потому, что течёт в противоположную сторону от реки.* (д. Никулино Макар.); *Вода-то на Биленьком ключике хоть сколь простоят, и осадку нету.* (д. Лядина Мантур.); *Кузнёцкий ключик — у кузницы.* (п. Новый Курдюм Кадыйск.); *Ох, вкусна была водичка из Петрованова ключика. Название по имени хозяина Петрована.* (с. Павино Павин.); *Соболевский ключик — у дома Соболевых.* (с. Шушковым Буйск.); *Ефимов ключик получил название от имени художника, писателя Ефима Честнякова, которым и был найден.* (г. Кологрив); *Ключ На Ложкиной горе — на самом берегу реки Вохма.* (п. Вохма); *Семёновский родник-то рядом с городом Неей находится.* (г. Нея); *Чистый родник — лесной родник. Назван так, потому что в нём очень чистая вода.* (д. Петровское Нерехт.); *Высоковский родник находится около деревни Высоково.* (Буйск.); *Аничиевский родник находится в прилеске деревни Аничиево.* (д. Лопарево Галич.); *Морев родник назван в честь предпринимателя Морева, который его облагородил.* (п. Кадый); *Большой родник — один из родников в садовом кооперативе «Конструктор», назван так потому, что раньше там было больше воды, чем в другом роднике — Малом.* (Костром.); *Жучиховский родник — рядом с деревней Жучиха.* (с. Верхнеспаское Пыщуг.); *Семёловский родник находится на реке Мёзе вблизи деревни Семёлово.* (д. Грудки Судислав.); *Чистый родник — возле Соборной горы. Чистый — значит, святой, незамутнённый.* (п. Судиславль); *Ёсиповский родник — родник в деревне Ёсипово.* (д. Петровское Чухл.); *Зекеевский родник — в деревне Зекеево.* (д. Петровское Чухл.); *Василисин родник чистый у нас, светлый.* (д. Старо-Шанское Шарьин.); *Сундобский родничок — в деревне Сундоба.* (д. Чертово Чухл.); *Под Часовней — ключ под Лядиной.* (д. Лядина Мантур.); *Подорёжный — ключ, бьющий рядом с дорогой.* (г. Буй);

Родник тут есть, так и зовут — Окóло Сухáры. (с. Здемирово Красносел.); *Шíишкинская речка начинается от ключа На Мокíйке.* (с. Борщино Костром.); *Клóчик этот В Кузнецóве клóчик называем.* (с. Подольское Красносел.) и мн. др.

Как показывают наши материалы, гидрографические термины **ключ** и **родник** явились основой для образования собственных наименований только родников или мест (поселений, колодцев, мест на реках и т. д.), где (или поблизости с которыми) они бьют. В русских народных говорах эти термины имеют несколько значений, например, **ключ**: ‘ручей’ — в тамбовских, иркутских, донских, уральских, горно-алтайских говорах; ‘мелкая речка’ — в амурских; ‘маленькая речка’ — в иркутских; ‘канава, рытвина, углубление, по которому течёт вода’ — в тамбовских, рязанских; ‘колодец’ — в тверских, калининских, псковских, новгородских, вологодских, вятских, пермских; ‘речка’ — в горных районах и др. (СРНГ 13: 323; Мурзаев 1984: 279); **родник**: ‘колодец’ — в вологодских, новгородских, ярославских, пензенских, саратовских говорах; ‘исток реки’ — в воронежских и др. (СРНГ 35: 139).

Ойконимы и гидронимы Костромского края, являющиеся наиболее древними по своему возникновению, содержат только слово **ключ**, характерное, по словам В. А. Никонова, для «старейших русских областей» (см. выше): *Ключí — деревня в двух километрах от села Гíтчина. Много природных источников здесь.* (д. Жеребцово Октябр.); *Деревня Ключí была образована на ключах, которые били вокруг всей деревни. Вода в них была целебная, и приезжали даже из других деревень за водой. Деревня названа так потому, что у каждого дома из-под земли бьют ключи.* (д. Скрыбинская Вохом.); *Название деревни Ключóвки породили родники, ключи.* (г. Шарья); *Ключóвка — река. В этой реке бьют ключи. Раньше, робятами-то были, всё в Ключóвку бегали купаться.* (п. Песочный Вохом.); *Река Ключóвка — приток Волги, очень короткий, но широкий, благодаря большому ко-*

личеству ключей. (с. Селище Костром.); *Ключевое* — озеро, расположенное в двух километрах от деревни Бабье. В озере ключей много, вот и назвали Ключевое. (д. Лапшино Вохом.). Топонимы, созданные на основе слова **родник**, являются поздними по образованию: *Сад в Харине «Родничок» называется. Родник там чистый, вода очень хорошая.* (п. Никольское Костром.); *Переулоч Родниковый назван так от родника, который протекает по этому переулочу.* (д. Звонки Кологр.). И функционируют в народной речи географические термины **ключ** и **родник** на различных территориях по-разному, в определённой степени свидетельствуя о своём появлении и распространении. Наибольшей употребительностью характеризуется термин **ключ**, особенно в восточных и северо-восточных районах Костромской области, что нашло отражение, как показывают наши материалы, и в микропонимии. Сравнивая особенности употребления в говорах нарицательной лексики и образованной на её основе микропонимии, мы обратили внимание на то, что, например, во многих поселениях Судиславского и Костромского районов, близких к областному центру, в основном функционирует слово **родник**, а Кадынского района, расположенного в 150 км к востоку от Костромы, — **ключ**.

Многочисленны микропонимы, образованные на основе такого названия родника, как **колѳдчик** (частотно; обычно для наименования лечебного, святого источника) или **колѳдец** (встречается редко): *Семѳнчевский колѳдчик — ключ, бьющий из земли. Вода какая холодная на Семѳнчевском колѳдчике!* (д. Мыс Буйск.); *Святѳй колѳдчик — лесной колѳдец, родник.* (д. Тимошино Макара.); *Семѳнцевский колѳдчик — родник рядом с деревней Семѳнцево.* (г. Буй); *Кадневский колѳдчик — колѳдчик со святой водой. Там раньше был Кадневский монастырь, вода там не портится и не застаивается, хотя колѳдец находится в болотистой местности.* (п. Кадыѳ); *Колѳдчик или Родник — родник в деревне Малое Дѳвушкино.* (с. Поназырево); *Трѳицкий колѳдец нахо-*

дится около женского монастыря в селе Трбица, здесь есть ключик — святой источник. (г. Нерехта); *Стёпенский колодец* — колодец был под горой в кустах. Он назывался чаще *Ключик*. (с. Понизье Антроп.) **Колодчиком** (от слова *колодец*) называют родник, ключ в вологодских говорах (СВГ 3: 87), **колодец** (фольклорное, ласкательное) — в вятских, архангельских, вологодских, новгородских, костромских, нижегородских, самарских говорах (СРНГ 14: 161). Слово *колóдец* (восходит к праславянскому *koldьсь, которое связано со словом *koldęzь ‘источник, ключ, родник; колодец’; ср. с германским *kaldinga*, производным от *kalds* ‘холодный’ (ЭССЯ 10: 124)) в значении ‘родник, ключ’ известно, например, саратовским, тульским, вятским, архангельским, красноярским, южно-уральским говорам (ЭССЯ 10: 126; СРНГ 14: 155–156), говорам Республики Мордовия (СРГРМ). Ср.: *Родник — колодец с ключом*. (п. Вохма).

В ряде районов (например, в Костромском, Красносельском, Галичском) Костромской области встречается микрогидроним *Студенец* (студенецъ церк. «колодезь или родникъ, содержащий въ себѣ холодную воду» (Слов. Акад. 1847 4: 241); др.-рус. *студеньць* ‘колодец’, общее значение слова — ‘родник, колодец, обладающий холодной водой’; ср.: *студа, стужа, студёный* — ‘холод’, ‘очень холодный’ (Мурзаев 1984: 528)). Так именуют и сам родник, и место, где он бьёт: *Студенец — один из ключей в Буркóвском врагѹ, к которому раньше спускались за водой. В Студенецѣ вода очень чистая*. (д. Лежнево Костром.); *Студенец — место на реке, бочаг, там бьют ключи очень холодные, студёные. Вода ледяная даже летом*. (д. Захарово Красносел.); *Студенец — небольшой ручеёк, в котором холодная ключевая вода. Наберите воды из Студенецѣ*. (д. Степаново Галич.). В костромских говорах студенцом называют ключ, ключевой ручей (Костром., Красносел., Галич., Кологр., Кадыйск., Павин.), колодец (Павин., Галич.). Географический термин *студенец* в значении ‘родник’ известен пермским говорам

(СПГ 2: 412). Ср.: в новгородских говорах и в русских говорах Карелии — *студеник* (СРГК 6: 370; НОС: 1151).

Основой для образования микротопонимов становятся и лексемы, образованные от корня *-ток/-теч-* (ср. глаг. *течь*, восходящий к праславянскому **teci* < **tekti*), *истóк*, *истóчник* (от *исток*), *потóк*, *тёка́лка* и под., а также сложные слова, например, *водотóк*: *Святóй истóк есть. На него люди ездят за святой водой.* (г. Мантурово); *Истóчник — родник. Вода бьёт из-под земли с такой силой, что крутила жернова на построенной там мельнице.* (Солигал.); *Источники? Святóй истóчник есть.* (г. Солигалич); *Часто старухи на Потóк в праздники ходили. Сегодня праздник, мы пойдём на Потóк молиться да святой водички возьмём.* (д. Никулино Макара.); *Святóй потóк — родник в лесу недалеко от села Михали.* (г. Нея); *Текáлка — ключ, место, где бьёт ключ. На Текáлке всегда чистая вода.* (п. Гравийный карьер Красносел.); *Водотóк — ключ так наш называем. Мы берём воду только из Водотóка.* (д. Рогово Мантур.). Родник *истоком* называют в воронежских, пензенских (СРНГ 12: 257), вятских (ОСВГ 4: 244) говорах; *источником* — в вологодских (СРНГ 12: 262); *источной* — в онежских (СРНГ 12: 262), вятских (ОСВГ 4: 244); *водотокой* — в донских (СРНГ 4: 346); *потоком* — в псковских, костромских (СРНГ 30: 287). Ср.: *поток* — источник, проток, течение, ход, стремление; *водоток* — то же, что и *водотеча*, — место, где течёт вода; проток, ручей; *исток* — исходяще вод, источник (Слов. Акад. 1847 4: 67).

Встречается в микротопонимии и гидрографический термин *жи́лина* (от общеслав. *жила*, образованного с помощью суф. *л(а)* от *жити*; первичное значение — подземное русло, по которому пробивается родник, ключ (КЭСРЯ: 147)): *Жи́лина-то? Ключ это у нас. Вода вкусная в Жи́лине.* — Шарьинск. *Жи́линой* родник, ключ называют в олонечских говорах (СРНГ 9: 174), *жилой*, *жилкой* — в русских говорах Карелии (СРГК 2: 61–62).

Есть названия, образованные на основе слов с корнем *-тал-*, например, *та́лик, та́лец*: *В Та́лике всегда холодная вода.* (д. Доброумово Павин.); *Та́лец-то не замерзает, вода студёная, вкусная.* (Павин.).

Незамерзающий родник получает и иные названия: *Солоно́й кля́чик — небольшо́й родник. Название своё получил из-за того, что вода в нём не замерзает даже зимой.* (д. Маручата Вохом.).

Отражается в имеющихся в костромской топонимической системе названиях родников их связь с такими, также водными, объектами, как *ручей, бочаг* и др.: *Свято́й руче́й — родник в парке Сидори́ха, впадает в речку Свя́тицу.* (г. Солигалич); *Родник Свято́й руче́й протекает в деревне Пу́стьнь.* (с. Георгиевское Межев.); *Боча́г — ключ за деревней Шувáлово. Вырыта яма, вставлена бочка, и из неё течёт ключ.* (п. Караваево Костром.). Соответственно на связь с родниками указывают и названия водных объектов (чаще мест на реках): *Кля́чик — заводь на Ветлу́ге, к северу от деревни Столбецкое.* (г. Шарья); *Ба́рский ключ — брод на Волге.* (с. Красное-на-Волге Красносел.). Некоторые названия являются «общими» для многих водных объектов: *Боча́г — место, где бьёт родник.* (г. Солигалич); *Студене́ц — ручеёк.* (Галич.); *Исто́к — ручей из озера в реку Ста́рку. Все истоки в озере сходятся, их там три, али как.* (д. Лядина Мантур.).

Места, где бьют родники, часто бывают сырыми, заболоченными, что также отражается в их наименованиях: *Сырь — сырое место с родниками и колодцем на Уми́ленской горе.* (с. Толтуново Галич.); *Родников тут много, вот и Ключеви́на.* (д. Екатеринкино Кадыйск.); *Солотна́я, Солотина́ — низина сырая у реки, родников там много.* (д. Жары Судислав.). В названиях водных объектов отражается связь их особенностей с родниками: *Студе́нчик — река холодная, потому что там бьют ключи.* (д. Климово Остров.).

Находят отражение в названиях родников, а также и мест их расположения, особенности звучания воды: *Шумбэка* — ключ в пятисот километров от деревни Цепино. (Буйск.); Назвали ключ Громоватик, так как очень громко журчит вода, гремит как гром. (д. Нагорье Чухл.); *Бурчалка* — небольшой отрезок реки, где бьют подземные ключи, и во время весеннего половодья в этом месте вода сильно бурлит, бурчит. (с. Татарское Нерехт.); а также особенности воды: *Солонина* — родник. В этом месте из-под земли бьёт источник с солёной водой. Вода из Солонины солёная-солёная течёт. (с. Контеево Буйск.); *Солонина* — источник с солёной водой. (г. Буй); *Варница* — соляной источник в лесу. (д. Боково Буйск.); или какие-либо другие характеристики источника: *Бездонное окошко* — большой родник недалеко от бывшей деревни Коржино на берегу Мёзы. Говорят, что в нём утонул барин, ехавший на лошади. Дно родника закрыто песком голубоватого цвета. (д. Михайловское Судислав.); *Крепыш* — родник в деревне Косихе. Родник большой, впадает в Ветлугу. (г. Шарья); В роднике Светлое самая чистая, самая светлая вода из всех мест, отсюда и название. (с. Юрово Макара.); *Заварухина дыра* — овраг, в котором раньше был подземный ключ. (г. Галич); *Сухой лоск* — ключ. *Сухой лоск тут бьёт*. (г. Буй).

Отмечается в системе названий родников и такое свойственное для топонимии явление, как перенос наименования на объекты, на которых эти родники находятся, смежные объекты: *Клёчик* — родник в овраге в селе Подольское. Это и ягодное место. (с. Здемирово Красносел.); *Клёчки* — место в лесу, где находятся подземные ключи. На Клёчки по малину ходили. (д. Фёдоровское Макара.); *Клёчки* — кордон около посёлка Нельша, ягодное место. (г. Нея); *Подклёшина гора* находится вблизи деревни Стёпино. Под горой расположен ключ. (с. Понизье Антроп.) и т. д.

Родниковая вода — вода особая. Она не только чистая, вкусная, но и полезная, лечебная, «живая»: *Клёчик* — ис-

точник с лечебной водой: помогает при заболевании глаз. На Ключик у нас умываться ходят. (с. Контеево Буйск.); *Если заболеешь, то к Баатиному ключу надо идти.* (с. Ушаково Буйск.). Многие родники считаются святыми: *Холм Германова гора назван по имени священника Германа, который хотел построить на ней церковь. По легенде, сюда была отнесена икона Смоленской Божьей Матери, но она каким-то образом оказалась у деревни Песочное. В том месте, где появилась икона, забил ключ.* (д. Зарубино Костром.); *Трёхцкий ключик — святой источник для верующих, находится около женского монастыря.* (д. Троица Нерехт.), *Святой ключик — ключик в лесу, рядом раньше была часовня, и воду в нём освящали. Говорят, вода в Святом ключике обладает исцеляющими свойствами. Чтобы излечиться, нужно было прийти на Ключик в Скорбящую — церковный праздник, отмечаемый тринадцатого июля, умыться и оставить на дереве вещь с той части тела, которая болит.* (д. Горбачёво Солигал.); *Родник святой Елены или Колдовской называют. Там жила женщина по имени Елена, она лечила водой из родника. Ходила молва, что родник тот святой.* (д. Гудково Поназ.) и мн. др. Однако изредка встречаются и отрицательные характеристики источников, например: *Ключ — так называют ключ, который находится в лесу. Место считается опасным. В народе говорят, что там гибли люди.* (Шарьин.); *Чернушка — небольшая речка. Называют её Вонючей рекой, Ключом, Протухшим ручьём. Нашу Вонючую и без глаз найдёшь! Поди на Ключе воду брал? В Протухшем ручье вода и то чище, чем в твоём колодце!* (с. Заветлужье Вохом.).

Микропонимы, сохраняющие в себе сведения о функционирующей в говорах гидрографической лексике — названиях родников, уточняющие и дополняющие её, способны наряду с апелляциями стать материалом для соответствующих карт ЛАРНГ.

Сокращения названий районов Костромской области

Антроп. — Антроповский	Нерехт. — Нерехтский
Буйск. — Буйский	Октябр. — Октябрьский
Вохом. — Вохомский	Остров. — Островский
Галич. — Галичский	Павин. — Павинский
Кадыйск. — Кадыйский	Поназ. — Поназыревский
Кологр. — Кологривский	Пыщуг. — Пыщугский
Костром. — Костромской	Солигал. — Солигаличский
Красносел. — Красносельский	Судислав. — Судиславский
Макар. — Макарьевский	Сусанин. — Сусанинский
Мантур. — Мантуровский	Чухл. — Чухломский
Межев. — Межевой	Шарьин. — Шарьинский
Нейск. — Нейский	

Литература

Климкова Л. А. Компонент смыслового блока «вода» (ручей — ключ — колодезь — родник) в нижегородской микротопонимии // *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования)* 2008. СПб., 2008а. С. 138–146.

Климкова Л. А. Нижегородская микротопонимия: разноаспектный анализ: монография. Арзамас, 2008б. 261 с.

Лагутина О. В. Колодезь и колодец // *Русская речь*. 2004а. № 4. С. 107–112.

Лагутина О. В. Ручей // *Русская речь*. 2004б. № 5. С. 108–112.

Никонов В. А. Ручей — ключ — колодезь — криница — родник // *Материалы и исследования по русской диалектологии*. Вып. II. М., 1961. С. 180–198.

К этимологии русского диалектного слова *елбѣжник*

Т. В. Шалаева

В статье рассматривается происхождение лексемы *елбѣжник* ‘поваленный бурей лес’, зафиксированной на территории Карелии при сборе материалов для первого тома «Лексического атласа русских народных говоров» «Растительный мир». Высказывается предположение о его производности от глагола *елбзить*, обозначающего в говорах затрудненное или требующее усилий движение типа ‘ползать’, ‘таскать’, ‘тереть’ и др. В качестве семантических параллелей приводятся данные русских диалектных словарей и карт атласа.

Ключевые слова: этимология, лексический атлас русских народных говоров, еложник, ‘елозить’, ‘двигаться с трудом’

В материалах карты Л 29 «Поваленный бурей лес» тома «Растительный мир» «Лексического атласа русских народных говоров» в пункте № 25 в Прионежском районе Карелии отмечена лексема *елбѣжник* (КЛАРНГ). Она встретилась только один раз, не зафиксирована в диалектных словарях, поэтому не получила отражения на карте. Но поиски ответа на вопрос, почему информант все же назвал поваленный бурей лес «еложником», привели к некоторым предположительным выводам об этимологии этого слова.

В наброске комментария к карте «Поваленный бурей лес» Л. Я. Костючук пишет о том, что *елбѣжник* может быть результатом преобразования лексемы *ёлошник*, *елбшник*. Этого нельзя исключать, но, кажется, звук *ѣс* перед *н* и другие названия поваленного бурей леса и их синонимы на картах атласа показывают, что эти формы могут быть не тожде-

ственны и что есть основания искать для *елѡѡжник* другую производящую основу.

Что касается семантики лексемы, то, скорее всего, она была связана с трудоемким движением при прохождении через лес. Об этом свидетельствует тот факт, что на таких картах атласа, как ЛСЛ 11 «Густой лес», ЛСЛ 12 «Густые заросли кустарника», ЛСЛ 13 «Чаща, дремучий лес», Л 24 «Большой, обширный лесной массив», Л 29 «Поваленный бурей лес», Л 30 «Сломанное бурей дерево» и Л 31 «Дерево, вырванное с корнем» представлены названия участка леса, где густо растущие или в большом количестве лежащие на земле деревья мешают проходу. Ср., например, лексемы *бурелѡм*, *гѡѡца*, *дѡбри*, *завѡл*, *зѡрасть*, *трусѡба*, *чапѡжник*, *чаѡца* (КЛАРНГ).

Вероятно, этот признак был взят за основу номинации *елѡѡжник* 'поваленный бурей лес'. Производящей основой для нее в таком случае послужил отмечаемый в говорах глагол *елѡзить*. В отношении формы, кажется, для такой деривации препятствий нет. Корень *-елѡѡж-* мог появиться из основы настоящего времени (*я еложу*) или как результат изменения звука *з* в *ѡж* под влиянием фонетики финно-угорских языков, ср. твер. *кѡѡжня* 'кузница' из *кѡѡзня* (Михайлова 2013: 191), *дрѡѡжить* 'дразнить' (НОС 2010: 231), *роѡѡза* 'рогожа' (Там же: 1035), *роѡѡзка* 'мочало' (Там же) при *роѡѡѡзка* 'мочалка' (СРГРМ-Д: 214). Непосредственной производящей основой для формы *елѡѡжник* допустимо считать и основу настоящего времени, и непосредственно инфинитив *елѡзить* с соответствующими фонетическими преобразованиями, и его вариант *елѡѡжить* (ср. *елѡѡжить* 'тереть, натирать что-либо' (арх., волог.), 'есть, наедаться' (пск., твер., арх.) (СРНГ 8: 345)).

Что касается значения, то глагол *елѡзить* и его варианты часто обозначают движение, связанное с приложением усилий или встречающее препятствия. Ср. *елѡзить*, *елѡѡзить* 'ползать, передвигаться ползком' (диал. распр.), 'та-

щить, волочить что-либо по земле, по поверхности' (твер.), 'неглубоко пахать или боронить' (перм., тобол., сиб., иркут.), 'долго возиться с чем-либо' (краснояр.) (СРНГ 8: 345–346), 'перемещаться в каком-либо направлении с неоднократным возвращением в исходное положение; сновать' (*Машина ѓелѡзит тудѡ-сюдѡ* (АОС 13: 104)), перм., твер., олон., урал. *ѓлзатъ* 'ползать, передвигаться ползком' (СРНГ 8: 341), карел. (русск.) *ѓлошитъ* 'колотить, бить кого-либо' (СРНГ 8: 348), яросл. *свелѡзитъ* 'сбить, сдвинуть с места' (СРНГ 43: 114). Кроме того, *елѡзитъ* развивает семантику движения с нажимом в разные стороны по поверхности чего-либо: ср. волог., олон., южн.-сиб., заурал., курск. *елѡзитъ* 'тереть, натирать что-либо; наводить глянец, чистить' (СРНГ 8: 345–346), арх., волог. *елѡжитъ* 'тереть, натирать что-либо' (СРНГ 8: 345), волог. *елѡзитъ* 'царапать кого-, что-либо' (СРНГ 8: 349), волог. *уелѡзитъ* 'сделать поверхность, край чего-либо блестящим, долго натирая что-либо; затереть что-либо' (СРНГ 46: 323), олон. *ѓлзатъ* 'тереться обо что-либо' (СРНГ 8: 341).

Представляется, что данные значения могут быть источником для семантики лексемы *елѡжник* как названия леса, через который тяжело пробираться.

Кажется, аналогом семантического развития в данном случае может служить следующий диалектный материал: *шмурѡга, сморѡга, смурѡга* 'заросли мелкого леса, непроходимого кустарника' (НОС 2010: 1310), *шмурѡга* 'то же' (Там же: 1311), *шмурѡжняг* 'заросли кустарника' (Там же), *шмурѡжник* 'глухой, непроходимый лес' (Там же), *шмурѡжный* 'с непролазным кустарником, мелколесьем' (Там же).

По-видимому, данные лексемы также имеют первичную мотивацию «труднопроходимое место в лесу» и образованы от названия действия, в том числе хождения, требующего усилий, — а именно от глагола *шмурѡгать* 'идти медленно, тащиться', 'тереть, очищать от грязи' (Там же), *шму-*

ры́кать ‘раскатывать’ (Там же), *шмуру́га* ‘половая тряпка’ (Там же). Вероятно, в этих формах выделяется корень *-шм-*, представленный, кроме того, в следующих лексемах: *шмы́кать* ‘нажимая, водить чем-либо по какой-либо поверхности; тереть’, ‘ходить с шумом, задевая ногами землю; шаркать ногами’ (Там же), *шмы́каться* ‘тереть’ (Там же), *шмуты́ть* ‘двигаться, бродить, ползать’ (Там же), *шмыны́ть* ‘ходить с шумом, задевая ногами землю; шаркать ногами’ (Там же), *шмоны́ть*, *смоны́ть* ‘сдергивать, срывать’, ‘тереть что-либо’, ‘шаркать ногами’, ‘носить, толкать что-либо’ (Там же: 1310), *шмоны́ться* ‘делать что-либо медленно; трудиться’ (Там же), *шмо́рнуть*, *шмы́рнуть* ‘ударить’ (Там же), *шмону́ть* ‘сдернуть’ (Там же), *шмону́ться*, *смону́ться* ‘чесаться’, ‘задевать своей поверхностью о поверхность другого предмета; тереть’ (Там же), *шмо́нька* ‘человек, шаркающий ногами’ (Там же).

Корень *-шм-*, по-видимому, имеет звукоподражательное происхождение и обозначает звук, сопровождающий касание предметов друг о друга. Доказательством тому являются следующие значения: *шмы́кать* ‘ходить с шумом, задевая ногами землю; шаркать ногами’ (НОС 2010: 1311), *шмыны́ть* ‘то же’ (Там же), *шмо́нька* ‘человек, шаркающий ногами’ (Там же). Кроме диалектного материала, здесь можно упомянуть русский литературный глагол *шмы́гать* ‘быстро, с шумом двигать, шаркать, тереть’, *шмы́гать носом* ‘шумно и часто втягивать носом воздух (обычно при насморке)’ (БТСРЯ).

Семантическими параллелями для *елб́жник*, *шмуру́га*, *шмуры́жник* могут служить и данные других карт тома «Растительный мир» «Лексического атласа русских народных говоров». Так, в материалах карты ЛСЛ 12 «Густые заросли кустарника» представлены лексемы *непрола́зник* (п. 239: Ярославская область) (КЛАРНГ) и *непрола́зь* (п. 765: Брянская область) (Там же), а на карте ЛСЛ 13 «Чаща, дремучий лес» — лексемы *непрола́з* (п. 713: Тамбовская

область) (Там же) и *непроходѓмка* (п. 287: Ивановская область) (Там же), в которых выражается признак трудного продвижения через часто растущие кусты и деревья. На картах ЛСЛ 11 «Густой лес» (шп. 85, 116: Кировская и Пермская области) и Л 24 «Большой, обширный лесной массив» присутствует лексема *вѓлок* (шп. 52, 62, 116, 156, 158–160: Вологодская, Пермская области и Удмуртия) (Там же), являющаяся дериватом глагола *волочѓть* ‘тащить, тянуть за собой’ (БТСРЯ). Первичной мотивацией названия здесь, по видимому, служит признак трудности и прохода через лес, и выноса срубленных деревьев из него (Фасмер 1: 341–342).

Грамматический синкретизм неизменяемых знаменательных частей речи в русских народных говорах

Л. Г. Яцкевич

Рассматриваются типы грамматического синкретизма неизменяемых частей речи: 1) междометных глаголов и существительных, 2) аналитических прилагательных, наречий и безличных предикативов, 3) неопределенно-количественных числительных, наречий и безличных предикативов, 4) имён существительных и квантитативов, 5) имён существительных и неизменяемых предикативно-характеризующих слов. Делается вывод о том, что рассмотренные типы грамматического синкретизма — явления функциональные и относятся к сфере синхронии, поэтому их нельзя отождествлять с историческими процессами перехода слов из одной части речи в другую.

Ключевые слова: диалектный язык, грамматический синкретизм неизменяемых слов, аналитические квалификативы, аналитические квантитативы, междометные глаголы, предикативно-характеризующие слова

Одной из специфических черт лексической системы диалектного языка является значительное количество неизменяемых знаменательных слов, для которых характерен грамматический синкретизм. Эта особенность недостаточно изучена в диалектологии, между тем она создает определённые трудности при грамматической квалификации слов в диалектных словарях. В ряде работ данная проблема уже рассматривалась [Кознева 2006: 156–162; Яцкевич 2010: 77–91; 2013: 62–67, 71–78], однако глубокому монографическому исследованию она до сих пор не подвергалась. В данной статье рассматриваются основные типы грамматического синкретизма

неизменяемых диалектных слов и некоторые причины их появления. Источником для исследования послужили материалы диалектных словарей СРНГ, СРГК, СВГ, а также картотеки КСВГ и КСДК.

Процесс увеличения количества неизменяемых слов и словоформ ускоряется в истории русского языка и в современном его состоянии в связи с несколькими факторами [Астен 2003; Валгина 2001; Князев 2007: 166–174; Панов 1999; Тираспольский 2003]. Одним из этих факторов является процесс деморфологизации, который исследован недостаточно. Процессы деморфологизации трактуются в типологическом плане по-разному. Преобладает мнение о нарастании анализа в русском языке. Но возможна и иная типологическая интерпретация, согласно которой в русском языке развиваются черты, характерные для изолирующих языков [Князев 2007: 171–173].

Процессы деморфологизации обнаруживаются не только в литературном русском языке, но и в русских народных говорах [Яцкевич 2010; 2013]. Одним из таких процессов является распространение грамматического синкретизма неизменяемых знаменательных слов, которые способны приобретать в тексте функции различных частей речи. Синкретизм неизменяемых слов существенно отличается от синкретизма изменяемых слов, например, причастий и порядковых числительных, у которых в одной словоформе могут одновременно обнаруживаться грамматические признаки разных частей. Не случайно В. В. Виноградов назвал их гибридными словами [Виноградов 1947; Бабайцева 1983].

По нашим наблюдениям, в русских говорах встречается несколько типов грамматического синкретизма неизменяемых знаменательных слов, что будет рассмотрено далее.

Междометные образования глагольного и именного типа

Неизменяемые междометные глаголы в диалектной речи, в силу её устного характера, распространены гораздо шире, чем в литературном языке [Григорьев 1953]. В современных диалектных словарях зафиксировано большое количество таких слов, например: *махиль*, *махинь*, *махить* ‘употребляется для обозначения быстрого движения (от глагола *махать* — *махнуть*)’ *Девка махиль платком*. Смол.; *Один платок махинь, другой швергинь — словом гуляет* (поговорка). Смол.; *Он махить его через себя*. Нижегород., Симб., Пенз., Казан., Самар. (СРНГ 18: 47); *мац* ‘употребляется по знач. глагола *мацать*’ *Я в темноте мац руками за стенку, а тамо мышь*. Смол. Пск. (СРНГ 18: 54); *мирьг* ‘употребляется для обозначения подмаргивания’ *Кив она мне, мирьг очми*. Смол., ср.: *мирьгать* ‘моргать’ Смол. (СРНГ 18: 175); *пуг* ‘употребляется для обозначения действия, которым хотят испугать’ *Иду коло бани, а сын мене пуг за вугла*. Смол. (СРНГ 33: 104); *пурх*, *пырсь*, *пырх* ‘употребляется для обозначения быстрого движения по знач. глаг. *порхать*, *порхнуть*, *пуркнуть*, *пырскать*, *пырхать*’ (СРНГ 33: 138, 198); *Птушки пурх и разлетелись*. Смол. (СРНГ 33: 138); *тюк* ‘о быстром, коротком действии (ударе)’ *Тюк его в лоб*. Помор. (СРНГ 42: 17); *А Петро топори-ком тюк да тюк. Быстро избу-то сладил*. (КЛК); *кульк*, глаг. междом. ‘употребляется для обозначения действия погрузиться в воду, нырнуть (кулькнуть)’ *Поплавок-от кульк в воду, и леску-то потянуло*. (КЛК). См. также: *тюх* ‘употребляется по знач. глаг. *тюхать*’ Урал., Смол. (СРНГ 42: 47); *тявк* ‘употребляется по знач. глаг. *тявкнуть*’, ‘употребляется по знач. глаг. *хватить* (зубами)’ (СРНГ 42: 53) и многие другие подобные междометные образования. Их грамматический синкретизм заключается в том, что по характеру первичной звуковой семантики и грамматической неизменяемости это звукоподражательные междометия, а по

синтаксической позиции в предложении и по речевой номинации действия — это глаголы. Их глагольность связана также с тем, что они обладают синтаксическим временем и синтаксической аспектуальностью: они обозначают одноактное или однократное стремительное действие, относящееся к плану настоящего или прошедшего времени [Беляков 1969; Прокопович 1965; Хвостунова 2000; Швец 1954].

Рассматриваемые неизменяемые слова обладают и другим типом грамматического синкретизма: некоторые из междометных глаголов могут занимать в тексте синтаксическую позицию имен существительных и в этих случаях приобретают некоторые свойства данной части речи. Ср.: слово **пуг** употребляется и как междометный глагол (*Иду коло бани, а сын мене пуг за вугла.* Смол.), и как имя существительное: **пуг**, м. 'испуг' *Как за кладбище ходил, с таким пугом прибежал домой.* Новосиб. (СРНГ 33: 104).

Междометные слова, которыми призывают животных, могут также употребляться как имена существительные для названия этих животных, например: **тега** 'слово, которым призывают гусей' Ряз., Ворон., Иван., Костр., Яросл. и существительное **тега**, м. и ж. 'гусь' (СРНГ 43: 335).

Неизменяемые слова с качественной семантикой

В русских народных говорах существует тип неизменяемых слов, которые в одних синтаксических позициях являются определениями и соответственно соотносятся с прилагательными, а в других синтаксических позициях являются обстоятельствами и соотносятся с наречиями. Например, в вологодских говорах есть ряд словообразовательных синонимов **свáру**, **сваркú**, **свороткú**, **сварятку**, **сваратóчку** с общим значением 'пока горячее, только что сваренное', которые в словаре помечены как наречия. Однако они могут употребляться в одних случаях как наречия, а в других случаях как прилагательные. Ср.: а) наречие: *Я ем суп только сварку.* К.-Г. Плос. — прилагательное: *У тебя отец очень*

любил пироги, особенно налетушки свороточку. Кир. Ферап.; б) наречие: *Варёную кашу или своротку.* Тот. Лев. — прилагательное: *Суп-от своротку, девки, не ожгитёсь.* Тот. Пелев. (КСВГ). Подобные неизменяемые слова, обладающие функциональной парадигмой различных частей речи, характерны и для других говоров, например: слово *урозмись* ‘не густо и не жидко (о каше, супе)’ в СРНГ имеет помету *нареч.*, однако в приведенных примерах занимает синтаксическую позицию то наречия (*Каша сварено урозмись.* Курск.), то неизменяемого прилагательного со значением ‘не густая и не жидкая’ (*Каша сегодня у нас урозмись.* Брян. (СРНГ 47: 349)). Возможна также грамматическая полифункциональность, при которой неизменяемое слово употребляется то как прилагательное, то как наречие, то как безличный предикатив. Например, слово *впрохолодь*: прилагательное (*Впрохолодь покушали щи-то.* Челябин.) — наречие (*Впрохолодь топим.* Арх.) — предикативы (*У вас впрохолодь в помещении.* Свердл. *На Николу ещё впрохолодь быват.* (СРНГ 5: 180)); слово *вотесно*: предикатив ‘тесновато’ (*Вотесно у них в избе.* Свердл., Перм., Арх., Сиб., Курган.) и прилагательное ‘тесноват (а, о)’ (*Сапоги-то вотесно ему. Костюм вотесно.* Свердл.) (СРНГ 5: 151).

Поскольку в диалектных словарях данный тип неизменяемых слов получает противоречивые грамматические характеристики [Кознева 2006], в данной статье предлагается определение части речи по синтаксической позиции в предложении (см. примеры выше), поскольку собственно морфологических показателей неизменяемые слова не имеют. Правда, существуют и синтаксически слабые позиции, в которых бывает трудно определить, функцию какой части речи выполняет неизменяемое слово. Например, в предложении *Кашу сварила возжидко.* Свердл. (СРНГ 5: 14) *вбжидко* имеет значение ‘жидковато’ или ‘жидковатой’? Или в другом примере: *Шаньга-то восладко вышла.* Свердл. *вбсладко* имеет значение ‘сладковато’ или ‘сладковатая’?

Вместе с тем на частеречную принадлежность неизменяемого слова может влиять категориальный компонент его лексическое значение и субкатегориальное значение словообразовательной категории степени интенсивности признака [Яцкевич 2014]. Так, в диалектных словарях представлена обширная группа неизменяемых слов, обозначающих свойства и качества предметов, которые, на наш взгляд, следует называть аналитическими прилагательными. В большей степени неизменяемые прилагательные изучены на материале литературного языка [Панов 1999] и в меньшей — на материале диалектной лексики [Кознева 2006; Яцкевич 2013].

По данным СРНГ, СВГ и Словаря Даля, существует несколько тематических групп диалектных аналитических прилагательных. Далее рассмотрим некоторые из них.

1. Обозначения оттенков цвета у предметов: *избелá* ‘беловата’ *Избела она земля-то*. Челябин. (СРНГ 12: 91); *салá* ‘близкий к алому цвету’ *Купила ситчу на кофту, эдакой розовой, пожалуй, сала будет*. Баб. (СВГ 10: 86); *сбелá* ‘с белым оттенком’ *Мэдра у него чиста, так сбела така*. Том. (СРНГ 36: 168); *сбусá* ‘с сероватым оттенком’ *Боровик сбуса, как мох, така курчава* [шляпка]. Том. (СРНГ 36: 196); *сголубá* ‘с голубым оттенком’ *У меня глаза сголуба*. Арх. *У Манчи косынка маленечко сголуба*. Иркут. (СРНГ 37: 31); *сзеленá* ‘с зелёным оттенком’ *Кора у дыни сзелена, быдто не поспела*. Хабар. (СРНГ 37: 262); *сжселтá* ‘с жёлтым, желтоватым оттенком’ *Морошка сжселта така*. Свердлов. *Сырой груздь — он сжселта, а сухой — он белый*. Новосибир. *Осина по цвету сжселта, а листа зелёнькие*. Краснояр. (СРНГ 37: 259); *У белянки там скрасна ли, сжселта ли*. Плес. (СРГК 6: 82); *скраснá* ‘с красным оттенком, красноватый’ *Рубашку купила, скрасна такая*. Баб. *Еловики-те — они скрасна*. К.-Г. (СВГ 10: 31); *Масляки желты, волнушки скрасна немного*. Плес. (СРГК 6: 130); *скоричнjá* ‘близкий к коричневому цвету, коричневатый’ *Команица? Такие они скоричня, низенькие веточки*. Тот. (СВГ 10: 27); *ссерá* ‘с сероватым оттенком’

Небо-то сѣдни ссера, неуж дождь будет? Баб. (СВГ 10: 113); **сѹкрасна** ‘напоминающий по цвету красный, красноватый’ *Есь черника, мелковата. Дак это они зелѣны, ягоды-ти, сукрасна.* Сямж. (СВГ 10: 156); **сѹжелта** ‘с жѣлтым оттенком’ (СРНГ 42: 183); **сѹзелень** ‘с зелѣным оттенком’ *Вот у меня платок сузелень. Значит не очень зелѣный.* Прибайкалье; ‘в незрелом состоянии’ *Овес жали сузелень.* Перм. *Лен ещѣ сузелень маленько.* Перм. (СРНГ 42: 185); **сѹзеленью** ‘с зелѣноватым оттенком’ *Платье-то на ней сузеленью, зеленоватого цвета.* Яросл.; ‘в незрелом состоянии’ *Глядикося, овѣс-от жнут сузеленью.* Яросл. (СРНГ 42: 186); **сѹкрасень** ‘с красноватым оттенком’, ‘в незрелом состоянии’ *Колька смороду [черную] собрал сукрасень.* Ленингр. (СРНГ 42: 213); **сѹкрасна** ‘незрелый’ *Дак это они зелены, ягоды ти, сукрасна.* Волог. (СРНГ 42: 213–214). Во всех приведенных примерах неизменяемое слово является определением к существительному.

2. Обозначения масти животных: сбурá ‘с бурым оттенком’ *Хорѣк-то сбурá, а колонок, тот лучше.* Том. *Змеи: чѣрная — лесная, серы — лугови и сбурá.* Свердл. Арх. *Красна-красна — сбурá лисица. Плеть жѣлтая, а касатка сбурá.* Амур. Хабар. (СРНГ 36: 194); **сбуса́** ‘с сероватым оттенком’ *Лошадь была сбуса.* Ср. Урал. (СРНГ 36: 196); **сбелá** ‘с белым оттенком (о масти, цвете шерсти и т. п.)’ *Встречаются изредка и белые маралы или сбелá.* Горно-Алт. *У ей брюшко сбелá, и горбушка серая, черноватая.* Амур. Хабар. (СРНГ 36: 168); **сбелѣса** ‘с белым оттенком (о масти, цвете шерсти и т. п.)’ (СРНГ 36: 168); **скрасна́** ‘с красным оттенком’ *Марал бусый сбелѣса, летом он скрасна* (СРНГ 36: 168); **своронá, счерна́** ‘с чѣрным оттенком’ *Сворона не конь, счерна не медведь.* Том. (СРНГ 36: 327); **скаря́** ‘с оттенком карего цвета (о масти лошади)’ *Коней не видали? — А каких? — Один гнедой эдак скаря, другой серой.* Тобол. (СРНГ 37: 392); **счерна́** ‘черноватый’ *Карой конь, он счерна и маленько скрасна смотрит.* Киров. (СРНГ 38: 125; 43: 87); **ис-**

седá ‘с беловатой шерстью (о шкурках животных)’ *Шкурки-то у них исседа*. Свердл. (СРНГ 12: 250); *сукрась* ‘с разноцветной окраской’ *Один петух сукрась у меня есть*. Волог. (СРНГ 42: 214); *сýкрасна* ‘с красноватым оттенком’ *Северны лисы таки сукрасна, пестроваты*. Низ. Печора. (СРНГ 42: 213–214); *срыжа* ‘с оттенком рыжего цвета (о волосах, шерсти)’ *Это зимой она [белка] бывает такой: полоса идёт счерна вдоль спины, счерна и срыжа*. Перм. (СРНГ 40: 329); *ссера* ‘с серым оттенком, сероватый’ *Лось летом тоже ссера*. Иркут. (СРНГ 40: 342); *ссыза* ‘с сизым оттенком, сизоватый’ Сиб. (СРНГ 40: 343).

3. Обозначения цвета волос человека: *срусá* ‘русоватый’ *Девочка-то у Марии хорошенькая, беленькая, волосики чуть сруса*. Баб. (СВГ 10: 111); *срыжá* ‘рыжеватый’ *Волосы-то у него не русые, а, пожалуй, даже срыжа*. Баб. (СВГ 10: 111).

4. Обозначения характеристики внешности человека, черт характера: *спрýкоса* ‘страдающий небольшим косоглазием’ *Сприкоса matka у него была: глаз косил*. Вож. (СВГ 10: 105); *впродоль* ‘продолговатой формы’ *У неё... нос впродоль. Такая высокая женщина, лицо такое впродоль*. Карг. (СРГК 1: 240); *спростá* ‘простодушный, глуповатый’ *Девка-то её младшая была вроде спроста?* (КДСКШ); *ссера* ‘с серым оттенком, сероватый’ *Лицо землистое, ссера*. Краснояр. (СРНГ 40: 342).

5. Обозначения температурных, вкусовых и иных физических характеристик предметов: *впрóгорячь* ‘не очень горячее’ *Сукно нагревается, чтобы было впрогорячь. Впрогорячь — это не сильно горячее и не сильно остывшее*. Свердл. (СРНГ 5: 178); *впрóсух* ‘не совсем сухой’ *Торцовая сторона не даётя огранке ни на сухом, ни на мокром. Надо впросух*. Свердл. (СРНГ 5: 179); *впрóсырь* ‘сыроватый’ *Сено-то ещё впросырь. Хлеб-от впросырь, не испёкся в печи*. Свердл. (СРНГ 5: 180); *впрóхолодь* ‘холодноватый’ *Впрохолодь покушали щи-то*. Челяб. (СРНГ 5: 190); *вóслаб-*

ко ‘слабоват (а, о)’ *Юбка вослабко. Пояс вослабко.* Свердл.; *вбосолено, вбосолено* ‘слегка пересолен (а, о)’ *Грибы и огурцы восолоно.* Свердл. *Суп немного восолоно.* Свердл. (СРНГ 5: 151); *невпрбсушь* ‘о чём-либо недосошем, влажном’ *Не буду бельё убирать, ещё невпросушь. Ждали-ждали, да так невпрсушь и загребли сено-то.* Сямж. *Сено-то сѣдни невпросушь, так тяжело носить далеко, поэтому и стог здесь ставим.* Шексн. (СВГ 4: 88); *измокра́* ‘о подмоченном сыроватом (хлебе)’ *Когда хлеб измокра, он заплесневеает.* Новосиб. (СРНГ 12: 148). См. также рассмотренные выше слова *сваркѹ, своротбѹчку, свороткѹ* (КСВГ).

Следует отметить, что в различных исторических и диалектных словарях данный тип слов характеризуется по-разному: в одних словарях как наречия, в других — как прилагательное, а в отдельных случаях грамматическая помета вообще отсутствует. «Такое разнообразие связано в определённой мере с характером материала, которым располагали лексикографы, и, по-видимому, с теоретическими установками, принятыми составителями словарей» [Кознева 2006: 159]. Однако нам представляется, что причина кроется в характере самих слов, подвергшихся деморфологизации. Например, в СРНГ слово *скрасна* ‘с красным оттенком’ квалифицируется как наречие, однако приведённые примеры вызывают сомнения: *Карой конь, он счерна и маленько скрасна смотрит.* Киров. *Краснокоренка — маленькая травка, её от сердца и от печени пьют: цветёт беленьким цветочком, комелёк-от и листья-то скрасна.* Перм. *Полевые дикие козы летом-то они скрасна, зимой серы.* Свердл. *Одно худо — рыжий, скрасна да же.* Урал. (СРНГ 38: 125). В этих примерах неизменяемые слова семантически соотносятся с прилагательными (*беленькие цветочки — листья скрасна, летом козы скрасна — зимой серы, рыжий — скрасна*), что говорит о том, что эти неизменяемые слова также являются прилагательными. Л. М. Кознева так доказывает принадлежность подобных слов к прилагательным: «Контек-

сты с этими образованиями, зафиксированные в вологодских говорах, отражают функциональную общность данных лексем: они выступают в качестве предиката в предложениях характеристики. Коммуникативной целью этих высказываний является находящаяся в предикативной части характеристика субъекта, имеющего референтную определённую. В таких предложениях предикат выражает признак, свойство предмета, его оценку, данную под тем или иным углом зрения, и обычно обозначается качественным прилагательным» [Кознева 2006: 159]. Автор делает вывод о том, что данные неизменяемые слова являются аналитическими прилагательными [Кознева 2006: 159]. Эти доказательства и выводы являются убедительными, поэтому мы присоединяемся к мнению Л. М. Козневой и также считаем данные образования аналитическими прилагательными. Следует отметить в связи с этим случаи, когда в словаре неизменяемое прилагательное ошибочно представлено начальной формой обычного прилагательного. Например: *вожсёлтый* 'желтоватый' *Платье-то вожсело*. Свердл. (СРНГ 5: 10–11); *сбелой* и *сбелый* 'беловатый' *У обыкновенной берёзы листочки кругленьки да зелененьки, а у гладыша лист сверху зелёный, а снизу сбела сторона*. Канд. (СРГК 6: 5); *счужой* 'чужой, не свой' *Тут Вера с пацанами, счужи вси, не свои*. Арх. (СРНГ 43: 95).

Аналитические прилагательные современного литературного языка (*бежс*, *электрик*, *хаки*, *бордо* и др.), выделенные в 1950–1970-е гг. в особый лексико-грамматический класс А. А. Реформатским и М. В. Пановым, возникли в русском языке в результате заимствований, а также в результате развития тенденции к деморфологизации именных частей речи. Однако истоки этого процесса, столь характерного для языка XX в., кроются в древнем языке. Как отмечает Л. М. Кознева, «какие-то неизменяемые именные лексемы могли быть унаследованы и из праславянского языка. Ещё А. Вайан отмечал наличие неизменяемых прилагательных

в старославянских текстах: *исплынъ, свобода, сугубъ, оудобъ* [Вайан 1952: 156–157]. Есть грамматическая помета *прил. нескл.* и в ССС. Но вопрос о круге слов, которые в древности могли быть квалифицированы как неизменяемые прилагательные, требует специального рассмотрения» [Кознева 2006: 160]. Автор отмечает, что слова типа *сбела* исторически восходят к предложной форме родительного падежа краткого прилагательного. «На древность данной модели обращает внимание Н. В. Чурмаева, отмечая, что образования «с...а» встречаются уже в старейших памятниках. По её наблюдениям, наречия, обозначающие оттенки цвета, активно образовывались по этой модели в языке XVI–XVII вв. [Чурмаева 1989: 115]. Такого рода примеры, датируемые XVII в., представлены и в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» (вып. 24: 116): *сжелта* (*Сжелта*, нареч. В сочетании с прил. Желтоватого оттенка, с желтизной. ...*бархат травчатой красной, окладка дорги полосатые сжелта с кистьями шелковыми*. Кн. П. Уст. 1683. ...*руда сжелта красновата*. ДАИ Х. 1683–1698)» [Кознева 2006: 157]. Таким образом, в отличие от аналитических прилагательных современного литературного языка, диалектные неизменяемые прилагательные имеют древнее происхождение, и можно предположить, что их появление относится к эпохе формирования наречий как особой части речи, когда в текстах встречались различные образования синкретического характера. Е. И. Янович, исследователь истории наречий в русском языке, считает, что первоначально образования *с...а*, ставшие затем наречиями, появились на базе субстантивации прилагательного с предлогом. Она приводит такой пример: *А которые дела дадут дьяки подьячим с черна начисто переписывати* (Суд. 1550. л. 18), а затем указывает, что «в этом контексте словосочетание *с черна на чисто* связано с глаголами отношениями управления, а не примыкания в связи с чётким пространственным значением предлогов. По этой причине формы *с черна* и *на чисто* следует определить как субстантивы,

формирование которых должно было происходить в условиях атрибутивно-именной конструкции» [Янович 1978: 72]. Исторически субстантивированные прилагательные с предлогом встречаются и в современных говорах, например: существительное *сбуса жс.* ‘примесь другого цвета в масти лошадей’ Свердл. (СРНГ 36: 196). Важно подчеркнуть, что во всех рассмотренных выше примерах диалектные неизменяемые прилагательные употребляются в предикативной позиции. По всей видимости, употребление исходных форм прилагательных с предлогом в позиции сказуемого в двусоставном предложении и привело к образованию аналитических прилагательных, в то время как их употребление в обстоятельственной позиции привело к образованию наречий. Существенную роль сыграла и лексическая семантика прилагательных, обозначающих цвет предметов, цвет волос человека или масть животных, не предполагающая обстоятельственной семантики, а только атрибутивную или предикативную. Общим семантическим признаком, объединяющим все структурные типы диалектных неизменяемых прилагательных, является значение неполной степени качества. Эти аналитические прилагательные мотивированны обычными прилагательными и относятся к модификационному типу словообразования. С современной точки зрения, для их образования используются в основном два способа словообразования:

— слова, образованные префиксально-суффиксальным способом с помощью конфиксов: *во...-о* (*слабый* → *вослабко*, *солоный* → *восолоно*), *с...-а* (*бурый* → *сбура*, *белый* → *сбела*, *белёсый* → *сбелёса*, *голубой* → *сголуба*, *жёлтый* → *сжелта*, *красный* → *скрасна*, *серый* → *ссера*), *из...-а* (*белый* → *избелá*, *жёлтый* → *изжелтá*, *мокрый* → *измокра*, *седой* → *исседá*), *су...-а* (*жёлтый* → *сужелта*), *су...-Δ* (*зелёный* → *сузелень*, *красный* → *сукрасень*), *су...-ю* (*зелёный* → *сузеленью*);

— слова, образованные префиксальным способом — с помощью исторически производного префикса *впро-* (*горя-*

чий → *впрогорячь*, *сухой* → *впросух* и *впросуш*, *сырой* → *впросырь*, *холодный* → *впрохолодь*). Словообразование в этих моделях сопровождается морфонологическими процессами усечения флексии и во втором случае — чередованиями конечных согласных основы.

Судя по данным СРНГ, СРГК и СВГ, неизменяемые прилагательные употребляются преимущественно в севернорусских и сибирских говорах.

Неизменяемые слова с неопределённо-количественной семантикой

В русских народных говорах широкое распространение получили слова, обозначающие неопределённо большое или неопределённо малое количество как нечто целое [Яцкевич 2010]. Грамматикализованное значение квантитативов выражается ключевыми словами *много*, *немного* и *мало*, *немало*. Грамматический синкретизм данных слов, совмещающих признаки местоимений, числительных и наречий, неоднократно обсуждался разными авторами [Виноградов 1947: 311, 364; Буланин 1976: 91–93; Чеснокова 1997: 228–231]. Л. Д. Чеснокова, вслед за В. В. Виноградовым, предлагает разграничивать две группы слов: 1) наречия с количественным значением при их сочетании с глаголами (*Мы много пели. Он мало разговаривал с нами*); 2) синкретичная группа неопределённо-количественных числительных наречного типа, выражающих неопределённо большое или неопределённо малое количество предметов (*Грибники нашли много рыжиков. Мы пели много песен*) [Чеснокова 1997: 230]. Следует прибавить, что возможна и третья позиция — главный член в безличном предложении (*В лесу будет много цветов. В грибах мало соли. Мне было мало этого*). И тогда следовало бы говорить о третьей группе слов — предикативах (словах категории состояния) с неопределённо-количественной семантикой. Четвёртая — субстантивная позиция, предполагающая при себе зависимое определение, обычно харак-

терна для существительных, метафорически обозначающих количество (*Малую капельку не подождать*).

Нам представляется, что квантитативы с семантикой *много, мало*, имея различную грамматическую сочетаемость в предложении, тем не менее обладают **единой морфолого-семантической структурой и единой грамматикализованной функцией** — **детерминировать в неопределённо-количественном отношении предметы, признаки, действия, состояния**. Таким образом, квантитативы — особая синкретичная часть речи с функциональной парадигмой различных частей речи. Причём разнообразие синтаксических функций не влияет на категориальную семантику данной части речи (детерминации в неопределённо-количественном отношении) и не касается её морфологической особенности — неизменяемости.

В русских народных говорах данный класс квантитативов с неопределённо-количественной семантикой широко распространён. Рассмотрим далее эти диалектные слова с точки зрения наличия у них функциональной парадигмы.

1. Квантитативы в позиции предикатива в безличном предложении. Квантитативы могут употребляться в независимой позиции главного члена безличного предложения, от которого зависят все остальные члены предложения. Г. И. Тираспольский называет слова этого типа «стативами неопределённого количества» [Тираспольский 2003: 167]. Как и у предикативов, у этих слов есть аналитические формы времени. Ср.: наст. вр.: *Грудно грибов-то ноне*. Баб.; прош. вр.: *У меня было грудно ребяток, да многие умерли*. Тот. (СВГ 1: 146).

Ниже приводится список неизменяемых слов-квантитативов, которые употребляются в данной функции: *благо* ‘много, достаточно’ *Ноне у всех денег благо. Своих родных благо*. Влгд.; *богато* ‘много, большое количество’ *Ой, комаров сколько же богато ноне в лесу*. Ник. (СВГ 1: 29, 33); *грудно* ‘много’ *Грудно грибов-то ноне*. Баб. *У меня было грудно ре-*

бятюк, да многие умерли. Тот. (СВГ 1: 146); **дивно** ‘много, в большом количестве’ *Дивно народу-то в магазине. Сёдня получка была.* К.-Г. *Ноне грибов в лесу дивно.* В.-У.; **доволе** ‘вполне достаточно, много’ *Раньше скота было доволе.* Баб.; **додоволи** ‘вполне достаточно, много’ *И в войну картошек додоволи было.* Тот.; **дородно** ‘вполне достаточно, много’ *Лони помидор-от дородно было.* К.-Г. *Дородно уж лет-то мне.* Тот. *Ума-то дородно — тоже худо.* Верх. (СВГ 2: 23, 31, 46); **наумале** ‘мало, совсем мало’ *Хлеба-то в войну наумале было, мало, так не хватало.* Вож.; **наумаленье** ‘мало, совсем мало’ *Хлеба наумаленье было. Ой, Анна, у меня и дров наумаленье, ишио раз истоплю, да иди с верёвкой.* Кир. (СВГ 5: 81); **скалено** ‘сверх меры, очень много’ *Народу в клубе было скалено.* Баб.; **скилько** ‘как много? какое количество?’ *Скилько годков-то тебе?* Сямж.; **сколь, скель, сколя** ‘сколько? как много?’ *Сколь годков-то вам, милые?* Гряз.; **сколя** ‘в восклицательных предложениях обозначает большое количество чего-либо; как много!’ *В Троицу ходили, так ой сколя народу-то! А вчера-то мало было.* К.-Г.; **скупо** ‘мало’ *Мыла скупо было.* Сок. *Денег-то было скупо.* В.-У.; **слабко** ‘недостаточно, мало’ *Десятые — и в одном-то классе слабко, мало.* К.-Г. (СВГ 10: 26, 37, 41); **сплошно** ‘много’ *В Ленинграде сплошно магазинов.* Межд.; **страшно** ‘большое количество, много’ *Яблоков-то ноне страшно.* У.-К. (СВГ 10: 99, 138); **тесно** ‘в большом количестве, много’ *Тесно луку-то у меня.* Хар. (СВГ 11: 21).

Стативы неопределённого количества имеют древнее происхождение, однако, как отмечает Г. И. Тираспольский, в древнерусском языке в XI–XII вв. к ним относился ограниченный круг слов. Он приводит следующие примеры: **колливо** *вои у брата твоего* (Влад. летописец, 22 — 971 г.); и **мало** *рыбиць* (Остр. ев., 71); **много** *ти добра будеть* (Новг. пятая лет., ч. 2, вып. 1, с. 132 — 1071 г.); *отъ них же, реку, ньколиво мужъ чюдныхъ* (Патр. лет. 9: 103 — 1074 г.); *сих в Сурии полно* (Амартол 1: 241) [Тираспольский 2003: 188].

Круг неопределённо-количественных стативов в памятниках XIII–XV вв., а затем в памятниках XVI–XVII вв. «заметно расширяется по сравнению с такими же словами предшествующего периода» [Тираспольский 2003: 193–203]. В русских народных говорах аналитические квантитативы в функции предикатива в безличном предложении получили широкое распространение, о чём свидетельствуют диалектные словари.

2. Квантитативы в позиции приглагольного наречия. Квантитативы могут грамматически примыкать к глаголу и, как наречия, обозначать внутренние свойства действия — их интенсивность, длительность: *бойко* ‘много’ *Раньше лапти-то бойко носили.* Вож. (СВГ 1: 33); *дивно* ‘много, в большом количестве’ *Я коваднись ходила по ягоды, дак дивно принесла.* К.-Г. (СВГ 2: 25); *небеды* ‘несколько, совсем ничего’ *Дед-то небеды не понимал: на басенки Москву состроит, на деле небеды не стоит.* Тот. (СВГ 5: 87); *скиль-ко* ‘как много? какое количество’ *В банку-то тебе скиль-ко налить?* Сямж.; *скупо* ‘мало’ *Чаю скупо пили.* Сок. (СВГ 10: 19, 37); *толсто* ‘в большом количестве, много’ *Стой пнём да ври тойце.* Сок.; *туго* ‘много, в большой мере, в избытке’ *Туго, девки, работать-то нам пришлось.* Гряз. (СВГ 11: 35, 72); *чутко* ‘немного, чуть-чуть’ *Помани чутко, вот вернусь с огорода.* Влгд.; *эсколь, эстолько, эстоко, эстоль, эстуль* *Ну-ко эстоль жила, а не могла научиться половики ткать.* Ник. *Чего ты эстолько топнись?* Верх. (СВГ 12: 56, 122).

Особо следует указать синкретические конструкции, в которых квантитативы синтаксически и семантически связаны как с существительным или местоимением, так и с глаголом: *благо* ‘много, достаточно’ *Ягод благо уродилось.* Влгд. (СВГ 1: 31); *недоста* ‘недостаточно, мало’ *Али воды недоста пьём?* Шексн. *Едим и нелоста, и невкусно.* К.-Г. (СВГ 5: 91); *пбно* ‘Большое количество кого-, чего-либо; много’ *Вас там полно седни наехало.* Нюкс. (СВГ 7: 139); *страши-*

но ‘большое количество, много’ *Страшно идёт людей*. Хар. (СВГ 10: 138); *толсто* ‘в большом количестве, много’ *Травы ноне товсто больно накосили*. Тарн. *Мух-от больно товсто налетело — заедят ночью*. Сок. *Сегодня грибов не толсто принесли: всё уж истощено*. Влгд. (СВГ 11: 35).

С точки зрения грамматики квантитативы в этих конструкциях употребляются синкретично и занимают одновременно позиции неопределённо-количественного числительного и наречия. Этот тип конструкций является архаичным и отражает древние процессы становления наречия как особой части речи. Е. И. Янович, исследовавшая историю образования качественных наречий в памятниках XI–XVII вв., отмечает: «Специфической особенностью этой группы является то, что формы на *-о*, *-ть* могут сочетаться с именами существительными или местоимениями, определяя их, например: {...} *И которые крестяне мало втай вьру крестянскую дрэжали, ино и ть страха ради ... святыхъ иконъ не дрэжаху ...* (ПтЛ, 1563, 346) — “те немногие христиане”» [Янович 1978: 15].

3. Квантитативы — неопределённо-количественные числительные. Квантитативы, сочетаясь с существительными или местоимениями, делятся на две группы по характеру определяемого количества: А) слова, дающие количественную характеристику дискретному множеству, сочетаются с исчисляемыми существительными и местоимениями; Б) слова, дающие количественную характеристику недискретным величинам, сочетаются с неисчисляемыми существительными [Чеснокова 1997: 230]. Приведённые ниже примеры соответственно делятся на две группы.

А. *Небатко* ‘немного, совсем мало’ *Небатко нас с войны вернулось*. Арх. (СВГ 5: 87); *сколь*, *скель*, *сколя* ‘сколько? как много?’ *А скель вы деньков-то будете жить здесь?* Гряз. (СВГ 10: 36); *туго* ‘много, в большом количестве’ *Старух-то туго тоже там живёт, все поодинке*. Тот.

(СВГ 11: 72); *эсколь*, ‘как много, сколько’ *Эсколь девок понаехало!* К.-Г. (СВГ 12: 122).

Б. *Сколь* ‘в восклицательных предложениях обозначает большое количество чего-либо; как много!’ *Сколь ягод-то принесла!* Сок.; *страшно* ‘большое количество, много’ *Эдакий большой самовар, дак уголья-то страшно надо.* Сямж. (СВГ 10: 36); *туго* ‘много, в большом количестве’ *Иди давай в магазин-от, а то опеть туго народу найдёт.* Тот. (СВГ 11: 72); *эсколь, эстолько, эстоко, эстоль, эстуль* ‘такое количество (неопределённое, но довольно значительное)’ *Эсколь времени не мог собраться прийти.* Сямж. *Откула у меня эстоко денег-то?* В.-У. *Эстоко ягод наспело.* Тарн.; *Эсколько хруны на чёботах принёс!* Влгд.; *И по эстолько у них было станкой.* Вож. (СВГ 12: 122).

Таким образом, в русском языке, особенно в его диалектах, развивается особый морфолого-синтаксический класс слов — квантитативов, которые характеризуются неизменяемостью, неопределённо-количественной семантикой и синтаксической мобильностью. Традиционно их относят или к наречиям, в силу их неизменяемости [Буланин 1976: 91–92], или к неопределённо-количественным числительным, или к тем и к другим в зависимости от их приглагольного или присустановительного употребления [Чеснокова 1997: 230], или к неопределённо-количественным стативам [Гираспольский 2003: 167]. Однако данные слова обладают значительным своеобразием и образуют особую часть речи — аналитические квантитативы.

Грамматический синкретизм имён существительных с неопределённо-количественным значением

Как уже отмечалось, в ряде случаев бывает трудно определить морфолого-синтаксическую функцию квантитативов в силу их синкретичности. Так, в следующем примере слово *улима* занимает и позицию предикатива в безличном предложении, и позицию субстантива: *улима, ы, эс.* ‘большое ко-

личество, множество кого-, чего-либо' *Раньше ягод-то было улимма. Пойдём в лес-от рано, даж по две корзины набираем — такую улимму.* Хар. См. также: *усыпъ*, и, ж. 'большое количество, множество кого-, чего-либо' *На небе-то усыпъ звёзд.* Гряз. (СВГ 11: 121, 149); *урома*, ж. 'большое количество, множество кого-, чего-либо' *У него денег урома.* Волог. *Скота, мебели всякой, прислуги у него урома.* Перм. (СРНГ 47: 349); *материя*, и, ж. 'что-либо большого размера' *Эдакая материя!* Сольвыч., Казан.; 'большое количество, множество кого-, чего-либо' *А народу-то материя!* Астрах. (СРНГ 18: 25); *маха*, и, ж. 'о большом количестве чего-либо' *Такая маха зерна, что девать его некуда.* Шуйск. (СРНГ 18: 43); *множжина*, ы, ж. 'большое количество, множество' *Ферма большущая, скота множжина.* Ср. Урал., Перм. (СРНГ 18: 188). В рассмотренных примерах относящиеся к количественным частицы согласуются с ними только формально, так как имеют грамматикализованную внутреннюю форму. Поэтому их нельзя считать показателями субстантивности неопределённо-количественных слов.

Неизменяемые слова с предикативно-характеризующей семантикой

В своё время В. В. Виноградов выделил особый тип имен существительных с синтаксически обусловленным предикативно-характеризующим значением (*Пирожки обедение!*) [Виноградов 1977]. Такие слова за ненадобностью утрачивают морфологическую изменяемость по падежам, но остаточное (формально) сохраняют в отдельных случаях синтаксически выраженные род и число (*Пирожки такое обедение*). Таким образом, можно говорить об особом типе грамматического синкретизма подобных слов. В диалектном языке слов с предикативно-характеризующим значением довольно много, что объясняется экспрессивностью и образностью устной народной речи. Такие существительные не изменяются по падежам в синтаксически обусловленной предикативно-харак-

теризующей функции: *дóродень* ‘крепкий, здоровый человек’ *Ишь, какой дородень! Тяжести такие таскает! А уж скудается и вовсе редко.* Нюксен.; *меледа* ‘о медлительном человеке’ *Эй, ты, Петруха, меледа! Полно копаться-то!* Волог. (СРНГ 18: 65); *мельница* ‘о лгуне, обманщике’ *Молчи, мельница, тошно и слушать-то тебя.* Твер.; ‘о сквернословие’ *Экой ведь он мельница!* Перм. (СРНГ 18: 104); *митуса* ‘кто сбивает с толку, пугает’ *Не митуси ты меня, митуса.* Смол. (СРНГ 18: 177); *сулемá* ‘о вредном, нехорошем человеке’ *Свекрова бедова, будто собака, сулема.* Медвежьегор. КАССР (СРНГ 42: 220). Присоединяемые к подобным словам усилительные частицы сохраняют формальное согласование с ними. Например: *ра́денье* ‘заботливый человек’ *Экое раденье внучок-то у меня, жалеет, звать, бабу.* Верх. Чувшев. (КСВГ).

Выводы

Таким образом, в статье были рассмотрены следующие типы грамматического синкретизма неизменяемых слов:

— совмещение в неизменяемом слове — глагольном междометии — грамматических и лексико-семантических свойств звукоподражательного междометия и глагола: семантика звукового образа и неизменяемость междометий + категориальное значение действия как процесса и предикативная функция в предложении;

— наличие функциональной парадигмы разных частей речи в одном неизменяемом слове: 1) глагольного междометия и имени существительного; 2) среди качественных — аналитического прилагательного, наречия и безличного предикатива; 3) среди количественных — неопределенно-количественного числительного, наречия и безличного предикатива;

— совмещение свойств имени существительного и количественного числительного в функции неопределенно-количественного числительного, наречия или безличного предикатива;

— совмещение свойств имени существительного и предикативно-характеризующего неизменяемого слова.

В заключение следует подчеркнуть, что рассмотренный в статье грамматический синкретизм неизменяемых знаменательных слов — явление функциональное и относится к сфере синхронии, поэтому его нельзя отождествлять с историческими процессами перехода слов из одной части речи в другую. В силу этого данное явление необходимо учитывать при лексикографическом описании слов в диалектных словарях, дифференцируя грамматические пометы с учетом различных контекстов употребления.

Литература

Астен Т. Б. Аналитизм в системе морфологии имени: когнитивный и прагматический аспекты: Дис. ... докт. филол. наук. Ростов н/Д., 2003. 301 с.

Бабайцева В. В. Зона синкретизма в системе частей речи // Филологические науки. 1983. № 5. С. 35–42.

Беляков А. А. Междометные глаголы в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Куйбышев, 1969. 20 с.

Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. Пособие для учителей. М., 1976. 207 с.

Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952. 447 с.

Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2001. 304 с.

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.—Л., 1947. 784 с.

Виноградов В. В. Лексикология и лексикография: Избр. труды. М., 1977. 312 с.

Григорьев С. Л. Междометные глагольные формы в витебских говорах белорусского языка и смежных с ними переходных смоленских говорах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1953. 26 с.

Князев Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М., 2007. 704 с.

Кознева Л. М. Неизменяемые прилагательные в вологодских говорах и их лексикографическое представление // Словообразо-

вательные и грамматические категории в языке и речи: Сб. научных статей. Вологда, 2006. С. 156–163.

Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М., 1999. 275 с.

Прокопович Е. Н. Глагольно-междометные формы в русском литературном языке XIX в. // Вопросы языкознания. 1965. № 1. С. 76–82.

Тираспольский Г. И. Морфолого-типологическая эволюция русского языка. Сыктывкар, 2003. 353 с.

Хвостунова Т. И. Функционирование глагольно-междометных форм в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2000. 23 с.

Чеснокова Л. Д. Имя числительное в современном русском языке. Семантика. Грамматика. Функции. Ростов н/Д., 1997. 292 с.

Чурмаева Н. В. История наречий в русском языке. М., 1989. 176 с.

Швец Р. Д. Грамматическая характеристика глагольно-междометных форм в современном русском и украинском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1954. 21 с.

Янович Е. И. Наречие в истории русского языка: Генезис и функционирование основных морфологических типов производных наречий. Минск, 1978. 144 с.

Яцкевич Л. Г. Русское формообразование. Процессы деграмматикализации и грамматикализации. Вологда, 2010. 280 с.

Яцкевич Л. Г. Очерки морфологии вологодских говоров. Вологда, 2013. 244 с.

Яцкевич Л. Г. Словообразовательная категория степени интенсивности признака в русских народных говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. СПб., 2014. С. 700–733.

Список сокращений

- Авдеева 2008 — Авдеева М. Т. Словарь украинских говоров Воронежской области: в 2-х т. Воронеж, 2008.
- Александрова 1968 — Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1968.
- Аникин 1998 — Аникин А. Е. Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии. Материалы для балто-славянского словаря. Вып. 1. (**a-***go-*). Новосибирск, 1998.
- Аникин 2000 — Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., доп. М.; Новосибирск, 2000.
- Аникин 2003 — Аникин А. Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск, 2003.
- Аникин — Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1–10. М., 2007–2016.
- Анненков 1878 — Анненков Н. И. Ботанический словарь: Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей (...). Новое издание. СПб., 1878.
- АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой, Е. А. Нефедовой. Вып. 1–16. М., 1980–2015.
- Балакай 2001 — Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета: Формы доброжелательного обхождения. М., 2001.
- БАС — Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. / Гл. ред. В. И. Чернышев, С. Г. Бархударов, В. В. Виноградов [и др.]. М.; Л., 1950–1965.
- Браславец, Шатунова 1977 — Словарь русского камчатского наречия / Сост. К. М. Браславец, Л. В. Шатунова. Хабаровск, 1977.
- БРС — Белорусско-русский словарь / Под ред. К. К. Крапивы. М., 1962.

- БТСДК — Большой толковый словарь донского казачества / Редкол.: В. И. Дегтярев, Р. И. Кудряшова, Б. Н. Проценко, О. К. Сердюкова. М., 2003.
- БТСРГ — Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы, Антонимы. Английские эквиваленты / Под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2007.
- БТСРС — Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2005.
- БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998. (и другие стереотипные издания).
- Бурнашев — Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного: в 2-х т. СПб., 1843–1844.
- Войтенко 1991 — Войтенко А. Ф. Лексический атлас Московской области. М., 1991.
- Воронцова 2011 — Воронцова Ю. Б. Словарь коллективных прозвищ. М., 2011.
- Ганцовская 2015 — Ганцовская Н. С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома; М., 2015.
- Герасимов 1910 — Герасимов М. К. Словарь уездного череповецкого говора. СПб., 1910.
- Грінченко — Грінченко Б. Д. Словарь української мови: у 4-х т. Київ, 1907–1909.
- ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Карты. Коментаріі. Мінск, 1963.
- Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М., 1863–1866 (1-е изд. и другие фототипические издания).
- Даль, 3-е изд. — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка под редакцией проф. И. А. Бодуэна-де-Куртене: в 4-х т. СПб., 1903–1909.
- Даль, 6-е изд. — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М., 1978–1980.

- Даль, 8-е изд. — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М., 1981–1982.
- ДАРЯ 1996 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. III. Синтаксис. Лексика. Комментарии к картам. Справочный аппарат. М., 1996.
- ДАРЯ 1997 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Карты. Вып. III, ч. I. Лексика. М., 1997.
- ДАРЯ 2004 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Карты. Вып. III, ч. 2. Синтаксис. Лексика. М., 2004.
- Деулино — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.
- Дилакторский — Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / Изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. СПб., 2006.
- Добровольский 1914 — Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
- Доп. Опыт — Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858.
- Дружинина — Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии: в 4-х т. / Сост. М. Ф. Дружинина; науч. ред. Н. Г. Самсонов. Якутск, 1997–2007.
- ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Дювернуа 1894 — Дювернуа А. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1894.
- Зиброва, Барабина — Зиброва Т. Ф., Барабина М. Н. Атлас говоров Самарского края. Самара, 2009.
- Зотов 2010 — Зотов Г. В. Словарь региональной лексики Северо-Востока / Под ред. А. И. Соколянского. Магадан, 2010.
- ИИСРНГ — Инверсионный индекс к словарю русских народных говоров / Сост. Ф. П. Сороколетов, Р. В. Одеков; ред. Ф. Гледни. СПб., 2000.

- Касьпяровіч 1927 — Касьпяровіч М. Віцебскі краёвы слоўнік: (Матар'ялы) / Пад рэд. М. Я. Байкова. Б. І. Эпімаха Шыпілы. Віцебск, 1927. (2-е изд. Мінск, 2011).
- КДСКШ — Картотека диалектных слов деревни Квасюнино Шекснинского р-на Вологодской области. Вологодский государственный университет.
- КзРС — Казахско-русский словарь / Х. Махмудов, Г. Мусабаев. Алматы, 1998.
- КЛАРНГ — Картотека Лексического атласа русских народных говоров. Словарный отдел Института лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург.
- КОДХ — Куйбышевская областная диалектологическая хрестоматия / Сост. В. А. Малаховский // Уч. зап. Куйбышевского пед. ин-та. Вып. 17. Куйбышев, 1957. С. 29–168.
- ККОС — Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / Сост. Н. С. Ганцовская, Г. И. Маширова; отв. ред. Н. С. Ганцовская. Кострома, 2006.
- КрРС — Киргизско-русский словарь: в 2-х книгах / К. К. Юдахин. М., 1985.
- КСВГ — Картотека Словаря вологодских говоров. Вологодский государственный университет.
- КСГРС — Картотека Словаря говоров Русского Севера. Кафедра русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета.
- КСРГК — Картотека Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей. Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б. А. Ларина Санкт-Петербургского государственного университета.
- КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров. Словарный отдел Института лингвистических исследований РАН.
- Куликовский 1898 — Куликовский Г. И. Словарь областного олонечского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- КЭСКЯ — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. (2-е изд. Сыктывкар, 1999).

- КЭСРЯ — Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка / Под ред. С. Г. Бархударова. М., 1971. (2-е изд. М., 1975).
- КЯОС — Мельниченко Г. Г. Краткий ярославский областной словарь. Т. 1. Ярославль, 1961.
- ЛАРНГ 2004 — Лексический атлас русских народных говоров: Пробный выпуск / Отв. ред. И. А. Попов, Т. И. Вендина. СПб., 2004.
- Лаучюте 1982 — Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в русском языке. Л., 1982.
- Львов 1985 — Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка. М., 1985.
- ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990.
- МАС — Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1957–1960. (2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984).
- Миртов 1929 — Миртов А. В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д., 1929. (2-е изд. Волгоград, 2006).
- Михайлова 2013 — Михайлова Л. П. Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск; М., 2013.
- МСПП — Материалы Словаря говоров Поволжья // В. А. Малаховский и изучение народных говоров Поволжья: учебн. пособие по русской диалектологии. Куйбышев, 1991.
- Муллонен 2008 — Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008.
- Мурзаев 1984 — Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.
- Мурзаев 1999 — Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов: в 2-х т. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999.
- Мызников 2010 — Мызников С. А. Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря. СПб., 2010.
- НОС — Новгородский областной словарь: в 13-ти вып. / Отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992–2000.

- НОС 2010 — Новгородский областной словарь / Изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников; [авт.-сост. А. В. Клевцова и др.; ред. А. В. Клевцова, Л. Я. Петрова]. СПб., 2010.
- Ожегов — Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1949 (и др.).
- Ожегов, Шведова — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992 (и др.).
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852.
- ОСАГ — Обратный словарь Архангельских говоров / Под ред. О. Г. Гецовоой. М., 2006.
- ОСВГ — Областной словарь вятских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии / Под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Вып. 1–9. Киров, 1996–2014.
- Подвысоцкий 1885 — Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Полякова 2007 — Полякова Е. Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007.
- Полякова 2010 — Полякова Е. Н. Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века: в 2-х т. Пермь, 2010.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / Ред. А. И. Лебедева, О. С. Мжельская, С. М. Глускина, Л. А. Ивашко, А. И. Корнев, И. С. Лутовинова и др. Вып. 1–26. Л./СПб., 1967–2016.
- Преображенский — Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: в 3-х т. М.; Л., 1910–1949.
- Программа ДАРЯ — Программа собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка. М.; Л., 1947. 219 с.
- Программа ЛАРНГ — Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров: в 2-х ч. / Отв. ред. И. А. Попов. СПб., 1994.
- ПСДЯЛ — Полный словарь диалектной языковой личности: в 4-х т / Под ред. Е. В. Иванцовой. Томск, 2006–2012.
- СБГ — Словарь брянских говоров / Под ред. В. Н. Чагишевой. Т. 1–5. Л., 1976–1988.

- СВГ — Словарь вологодских говоров: в 12-ти вып. / Под ред. Т. Г. Паникаровской, Л. Ю. Зориной. Вологда, 1983–2007.
- СВЯ — Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л., 1972.
- СППЗБ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. / рэд. Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск, 1979–1986.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Т. 1–6. Екатеринбург, 2001–2014.
- СГЦБ — Слоўнік гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі. Т. 1 / пад рэд. Е. С. Мяцельскай. Мінск, 1990.
- СГЮВП — Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С. Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь). СПб., 1997.
- СДГВО — Словарь донских говоров Волгоградской области / Авт.-сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина, В. И. Супрун; под ред. Р. И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград, 2011.
- Селигер — Селигер: материалы по русской диалектологии: Словарь. Вып. 1–6 / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 2003–2014.
- Сердюкова 2005 — Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов н/Д., 2005.
- СКЯМ — Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.
- СКЯП — Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994.
- СлДРЯ XI–XIV — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв / Гл. ред. Р. И. Аванесов, И. С. Улукханов, В. Б. Крысько. Вып. 1–11. М., 1988–2016.
- Слов. Акад. 1806–1822 — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 1–6. СПб., 1806–1822.
- Слов. Акад. 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. Т. I–IV. СПб., 1847.
- СлОРЯМР XVI–XVII — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв / Под ред. О. С. Мжельской. Вып. 1–6. СПб., 2004–2014.

- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин, Д. Н. Шмелёв, Г. А. Богатова, В. Б. Крысько. Вып. 1–30. М., 1975–2015.
- СНМНГ — Список населенных мест Новгородской губернии / Под ред. В. А. Подобедова. Вып. I–VIII. Новгород, 1907–1912.
- СОГ — Словарь орловских говоров / Под ред. Т. В. Бахваловой. Вып. 1–4. Ярославль, 1989–1991. Вып. 5–15. Орёл, 1992–2008.
- СПГ — Словарь пермских говоров: в 2-х т. / Под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь, 2000–2002.
- СПГСР — Словарь просторечий говоров Среднего Приобья / Под ред. О. И. Блиновой. Томск, 1977.
- СПЛ XV–XVII — Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.: в 3-х вып. / Ред. Ю. И. Чайкина. СПб., 2003–2015.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6-ти т. / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2004.
- СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры: в 2-х т. / Под ред. Л. А. Ивашко. СПб., 2003–2005.
- СРГП — Словарь русских говоров Приамурья / Отв. ред. Ф. П. Филин. М., 1983. (2-е изд., испр. и доп. Благовещенск, 2007).
- СРГРМ — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия / Под ред. Р. В. Семенковой. Вып. 1–8. Саранск, 1978–2006.
- СРГРМ-Д — Словарь русских говоров на территории республики Мордовия. Дополнительный выпуск / Отв. ред. Э. Н. Акимова. СПб., 2015.
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала: в 7-ти т. / Гл. ред. П. А. Вовчок, А. К. Матвеев. Свердловск, 1964–1988.
- СРГЮП — Словарь русских говоров Южного Прикамья: в 3-х вып. / Науч. ред. И. А. Подюков. Пермь, 2010–2012.
- Срезневский — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3-х т. СПб., 1893–1912. (переизд. М., 1958).

- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Т. 1–49. М.; Л./СПб., 1965–2016.
- ССГ — Словарь смоленских говоров: в 11-ти вып. / Под ред. А. И. Ивановой, Е. Н. Борисовой, Л. З. Бояриновой. Смоленск, 1974–2005.
- ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / сост. Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачева; под ред. В. А. Сорвачевой. Сыктывкар, 1961.
- ССС — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.
- СССПИ — Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: в 6-ти вып. / Сост. В. Л. Виноградова. М.; Л., 1965–1984.
- ССРЯ — Словарь синонимов русского языка: в 2-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1971.
- Станкевіч 1989 — Станкевіч Я. Белорусско-русский (Великолитовско-русский) словарь / Беларуска-расійскі (Вялікалітоўска-расійскі) слоўнік / Byelorussian-russian (Great-litvan-Russian) Dictionary. New York, 1989.
- Сыщиков 2006 — Сыщиков А. Д. Лексика крестьянского деревянного строительства: материалы к терминологическому словарю: в 2-х ч. СПб., 2006.
- СЮКК — Словарь русских говоров южных районов Красноярского края / Отв. ред. В. Н. Рогова. Красноярск, 1988.
- ТМРС — Туркменско-русский словарь / Под ред. Н. А. Баскакова, Б. А. Каррыева, М. Я. Хамзаева. М., 1968.
- ТС — Тураўскі слоўнік: у 5 т. / Склад.: А. А. Крывіцкі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін. Мінск, 1982–1987.
- ТТРС — Татарско-русский словарь / И. А. Абдуллин, Ф. А. Ганиев, М. Г. Мухамадиев [и др.]; под ред. Ф. А. Ганиева. Казань, 2014.
- ТцРС — Турецко-русский словарь / А. Н. Баскаков. М., 1977.
- УРС 1941 — Узбекско-русский словарь / Под ред. Т. Н. Кары-Ниязова и А. К. Боровкова. Ташкент, 1941.
- УРС 1989 — Узбекско-русский словарь / О. Азизов, З. Ризаева; под ред. И. Хайрулаева. Ташкент, 1989.

- УТИЛ — Ўзбек тилининг изоҳли луғати: Икки томли / З. А. Маъруфов тахрири остида. М., 1981.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / Перевод с нем. и предисловие О. Н. Трубачёва. М., 1964–1973. (и другие стереотипные издания).
- Федоров 2008 — Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2008.
- ФЭС — Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост. Е. Ф. Губский и др. М., 1997.
- Черных — Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. М., 1993. (и другие стереотипные издания).
- Шанский, Боброва — Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М., 1994.
- Шведова 2000 — Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Все живое. Земля. Космос): 39000 сл. и фразеол. выражений. 2000.
- Шведова 2007 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.
- Шипова 1976 — Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.
- ЭС — Энциклопедический словарь: в 3-х т. / Под ред. Б. А. Введенского. М., 1953–1955.
- ЭСГТ — Энциклопедический словарь географических терминов / Под ред. С. В. Колесник. М., 1968.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. Вып. 1–39. М., 1974–2014.
- ЭСЧЯ — Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1–2. Чебоксары, 1996.
- ЯОС — Ярославский областной словарь: в 10-ти т. / Под ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991.

- LW — Kettunen L. Livisches Wörterbuch mit grammatischer Einleitung. Helsinki, 1938 (репринт 1999). (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. V).
- SKES — Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XII).

Указатель диалектной лексики

В указателе представлены только те слова, которые в текстах статей приведены в начальной форме, т. е. существительные в им. п., глаголы в инфинитиве и т. д. Словосочетания приводятся по алфавиту первого компонента.

ажинковский, 464	бабка-заговорщица, 170	барáшка-барáшка, 386
азовский, 464	бабушка, 141	бáрошник, 260, 262
акуловская буровинка, 463	бабье жито, 229, 231, 237	бáрыш, 260, 262
алак, 105	багряковский, 462, 464	бáря-бáря, 386
алас, 103	бадараны, 103	бáский, 26, 28
алачики, 105	бадьа, 241	Баско, 208
алаши, 103	бадьа, 240, 241	баславлять, 31
алык, 105	бажоной, 255, 260	басли́вый, 26, 28
амбар, 334, 336–339	баз, 236	бáся-бáся, 386
амбáр, 334	база, 236	батожá, 141
анбáр, 334	базика, 229, 235, 236	батожки, 141
антернацанал, 201, 202	базло́, 33	батыли́нник, 229, 231, 232
апана, 103	балабол, 138	батюшка, 257
апорез-травá, 140	балаболка, 138	бахвáлистый, 31
аргис, 105	балаболочник, 138	бахилы, 48
аржевинье, 353	балабольник, 138	бахóря, 26, 28
арже́винье, 352, 353, 355	балабо́нник, 138	баять, 27
арря́, 386, 389	балабо́нить, 27	бáять, 26
архиереева голова, 463	балабонка, 138	безвётрие, 37
астраханский, 464	баля́кать, 27	бездóжжица, 37, 44
баба, 141	банить, 243	безрукий, 166
бабарь, 144	ба́нить, 242	бей-до-слéз, 229, 231, 237
бабка, 141, 144, 149	ба́нка, 429, 430	бе́ка-бе́ка, 386
ба́бка, 203	барáн, 295	белéсить, 242, 246
	барáшек, 295	белёк, 241, 242, 246
	барáшек-барáшек, 386	белица, 136

- белоголовец, 138
 белоголовик, 138
 белоголовник, 138
 белодолгий, 462, 464
 белокимпшатский, 464
 белокорка, 136
 белокруглый, 462, 464
 белолистка, 136, 150
 беломясый, 462, 464
 белопахий, 465, 467
 белосемянный, 464
 белостволка, 136
 белотельный, 464
 белоцвет, 138
 бельш, 138
 беляк, 145
 беля́к, 331
 беляница, 145
 белянка, 136, 145
 бережняк, 132
 береговик, 132
 береговина, 132
 бережина, 132
 бережник, 132
 бережняк, 132
 березевик, 144
 березень, 137
 березина, 134, 137
 березица, 137
 березник, 137, 144
 березница, 137
 березняк, 137
 березовик, 137, 144
 березовица, 137
 березовка, 137
 березовник, 129
 березок, 137
 березьевка, 137
- березян, 137
 берестеник, 430
 берестяник, 429
 берёжая, 466
 берёжная, 465
 берёзица, 137
 берёзник, 137, 144
 берёзница, 137
 берёзовик, 137, 144
 берёзовица, 137
 берёзовка, 137
 берёзовник, 137
 беседник, 260, 262
 беседничек, 260, 262
 бесист, 168
 бесистая, 168
 бесистые люди, 168
 бесистый мужик, 168
 бескоренный, 464
 бескорешный, 464
 бескостречный, 465, 467
 беспáвестный, 41
 беспогодица, 37
 беспогóдица, 44
 бессне́жица, 44
 бесюки, 143, 146
 бесястые люди, 168
 бесястый, 168
 бешенка, 143, 146
 бздун, 146
 бздушка, 146
 бздых, 146
 бздох, 146
 бздюха, 146
 Битма, 214
 благо, 501, 503
 благородный гриб, 144
- благуша, 144, 146
 благушка, 144, 146
 блаславлять, 31
 блíнница, 295, 429
 блюдо, 241
 блóдо, 240, 246
 бля́ха, 436
 богато, 501
 богово дерево, 463
 богомóлка, 294
 богонóс, 294
 боерак, 253
 Божественно, 213
 бойко, 503
 болотина, 140
 болотник, 132, 140, 144, 150
 болотница, 140, 142
 болотня, 140
 болотняк, 132, 140, 150
 болотнянка, 140
 болотовик, 144
 болту́ша, 26, 27
 большее, 216, 217
 большáк, 347
 большемы́тье, 85
 Большéмытье, 88
 бор, 128
 бормотушка, 170
 боровик, 144, 145
 боровика, 142
 боровина, 132, 142
 боровинка, 131, 132, 142
 боровник, 144
 боровок, 144
 борода́, 83, 84, 408, 410, 413
 Борода́, 88

- бороднёе, 408, 410, 413
 бородной, 408, 411
 борозденный, 465, 466
 борозданный, 466
 боронить, 447
 бороновать, 447
 борошень, 102
 ботаться, 320
 ботвила, 31
 ботвить, 26, 31
 бочажина, 140
 бочажница, 140
 боярак, 252, 253
 Боярак, 253
 брат, 259, 400, 403, 404
 братан, 400, 403
 братец, 257, 400, 403
 братук, 404
 братцы, 404
 братчик, 400, 403, 407
 братчики, 400, 403
 бревенник, 132
 бревянник, 132
 брехать, 32
 брехаться, 32
 брехливый, 28
 брешливый, 28
 бругатный, 466
 брухака, 320
 брухаться, 320
 брухачая, 320
 брухливый, 465, 466
 брухтаться, 320
 брухтачая, 320
 брухучая, 320
 брюхо, 327
- брякучка, 33
 бряхучка, 33
 бряхучня, 33
 бряхушка, 33
 бубенцы, 102
 бубенчик, 141
 бубунец, 141
 бугайский, 466
 бугачи, 103
 бугровый, 467, 468
 бугунистый, 462–465
 будуница, 102
 будылистый, 462–465
 будыскаться, 320
 буерак, 253
 бук, 240, 241
 б́ука-б́ука, 387
 булгачить, 30, 34
 буран, 40
 буранить, 39, 43
 бурга, 44
 бургунский, 463
 бурдеть, 32
 бурелом, 484
 буреломник, 129
 бурелый, 463, 465
 буреполом, 129
 бурьга, 40, 43
 буряки, 396
 бутаться, 320
 бутыльница, 229, 232
 Бутыльница, 236
 бучение, 243, 246
 бучить, 243
 б́учить, 243, 246
 быкарь, 147
 быть, 325
 бычиный глаз, 463
 бычок, 147
- б́ся-б́ся, 386
 б́шка-б́шка, 386
 вагава, 104
 валежина, 129
 валежник, 129
 вáленица, 431
 валента́йка, 431
 валенщик, 48
 валёж, 129
 Валёж, 88
 валёжник, 129
 валом, 212
 валюшка, 431
 валяная чаша, 431, 432
 валятушка, 431
 валятушки, 437
 варжины, 105
 василёк, 141
 василис, 141
 василиск, 141
 василисник, 141
 василь, 141
 васильчик, 141
 васильчок, 141
 ватага, 387
 ведёрница, 318
 ведмежий, 466
 ведренный, 38
 ведреть, 39
 ведрянóй, 38
 венечек, 346
 в́нчик, 346
 вербава, 134
 вербленный, 464
 вербяной, 463, 464
 веретник, 169
 веретник-колдун, 169

- верх, 96
 верховая вода, 467
 вершовец, 137
 верховик, 132
 верховік, 40, 471
 верховина, 137
 верховой, 468
 верховіе, 294
 верхуша, 92, 98, 137
 верху́ша, 92
 верхушка, 137
 вершина, 132, 137
 вершинка, 132, 137
 вершинник, 132, 137
 вершок, 92, 98, 137
 Вершок, 92
 веря́жка, 108, 112
 весенник, 146
 весённик, 40
 весенушка, 140
 весенушки, 148
 весёлка, 135, 136
 весёнка, 146
 весна, 326
 веснёшники, 146
 веснуха, 142
 веснушка, 142
 веснянка, 142
 веснянки, 146
 веснятки, 146
 ветвистое, 136
 ветливое, 136
 ветлистое, 136
 ветлявое, 136
 ветох, 180, 184, 186
 вето́х, 175, 183
 вето́х, 180, 183
 ветошо́к, 175, 183
 ветошь, 183
 ветробой, 129
 ветровал, 129
 ветродуй, 139, 149
 ветроду́йка, 139, 149
 ветролом, 129
 ветх, 175, 180, 183,
 186
 вётха, 183
 вётхо, 183
 ветхово́й, 183
 ветховіе воды, 183
 ветхо́вый отжив, 183
 Вётюг, 161
 вечеровальник, 260,
 262
 веча́рка, 199
 вешенка, 146
 вешки, 146
 вешнёвки, 146
 вешники, 146
 вешница, 142
 ве́дренный, 38
 ве́дро, 37
 ве́тох, 184
 ве́тох, 175, 180, 183
 ве́тошок, 175, 183
 ве́тух, 175, 183
 вётх, 175, 183
 ве́тых, 180
 взвад, 108, 111, 112
 взвезд, 370
 взвест, 370
 взводистый, 130
 взводы, 366
 взвоз, 366–369
 взво́зик, 367
 взвозина, 367
 взвози́ть, 367
 взвозье, 366, 367
 взво́зье, 367
 взглумля́ться, 33
 взгонистый, 130
 вздо́рник, 33
 взды́мки, 84
 Взды́мки, 88
 взлесок, 132
 взлесье, 132
 взлягошки, 207
 Взлягошки, 211
 взмо́стье, 374
 Взнулет, 211
 взъезд, 366, 368, 370,
 371
 взъездо́, 368
 Вйдра, 395
 вилага, 137
 вилаха, 137
 вилы, 446
 виляка, 137
 виляха, 137
 ви́мя, 319
 вин, 397
 виноде́л, 294
 винолі́й, 294
 виноча́рпий, 294
 Вйнык, 395
 висла, 137
 вислина, 137
 витуха, 137
 вить, 411
 вихрелом, 129
 вна́топот, 207
 водоро́й, 471
 водото́к, 478
 водяні́к, 457
 во́желтый, 497
 во́жидко, 492
 войда, 105
 войдать, 105
 волженский, 464
 волнейка, 145

- волница, 145
 волнуха, 145
 волнушка, 145
 воловий глаз, 463
 во́лок, 487
 волха, 288
 волхва, 288
 волчийный, 466
 волчье лыко, 143
 волчьи ягоды, 143
 вонькуха, 139, 149
 вонючка, 139, 149
 вонявка, 139, 149
 ворблячка, 229, 232, 236
 Воробье́ныш, 162
 Ворovej, 215
 Воронёнок, 162
 вороний глаз, 143
 Ворони́ца, 161
 воронка, 147
 воротяжка, 51
 Воротяжка, 51
 во́слабко, 496, 499
 во́сладко, 492
 во́солено, 496
 восолоно, 499
 во́солono, 496
 во́тесно, 492
 впрогорячь, 500
 впрóгорячь, 495
 впродоль, 495
 впрсух, 500
 впрб́сух, 495
 впрсуш, 500
 впрсырь, 500
 впрб́сырь, 495
 впрохолодь, 492, 500
 Впрохолодь, 492
 впрóхолодь, 495
 врев, 108, 116
 времянка, 335–337, 339
 время́нка, 335
 втыкать, 448
 Вчастух, 213
 Вчастуху, 213
 въезд, 370, 371
 выгарки, 129
 выгарь, 129
 въгон, 388
 въгорода, 453
 въгородка, 454
 въгульная тёлка, 318
 выжина́ха, 408, 409
 выжинки, 408
 въжинки, 83, 408
 Вь́жинки, 88
 въкатать, 245, 246
 выка́тывать, 246
 вылом, 129
 выломок, 129
 вымы́ть, 242, 246
 въпадка, 44
 въпадки, 41
 въпадок, 44
 выпра́шивать, 30
 выруб, 132
 вырубка, 132
 вырубок, 132
 высокоарь, 130
 высокоач, 130
 высокорник, 130
 высокоствольник, 131
 выспелый, 464, 465
 въчкилять, 68, 75
 выш, 92–94, 98
 въшгородь, 108, 109
 вышник, 130
 вышь, 92–94, 98
 въюга, 40
 въюша, 43
 вязать, 450
 вязина, 134
 вязучее, 467, 468
 въкалка, 321
 въсна́ка, 346, 347
 Вятель, 300
 въшника, 346, 347
 гавринская машина, 444
 гагаристое, 136
 Гага́чить, 163
 гадючья лебеда, 463
 гаёк, 131
 гай, 131
 га́й, 32
 гамулы, 104
 гардальный, 463
 гарник, 129
 гасик, 48, 49
 гасок, 48
 гача, 105
 гачи, 105
 гезд, 373
 герасим, 147
 глаго́лить, 27
 гладина, 133
 гладинка, 133
 гла́дкий, 31
 гла́дух, 321
 гладуха, 145
 гладушинка, 133
 гладушка, 133
 гладю́чий, 321
 глазливый, 169
 глазомой, 140

- глѣчик, 393
 глот, 33
 глотиха, 137
 глотуха, 137
 глухомань, 131
 глушина, 135, 136
 глушка, 135, 136
 глушнега, 135, 136
 глушник, 131
 глушнина, 136
 глушняга, 136
 глушняк, 131, 135, 136
 Глѣчик, 393
 гнилушник, 129
 гнильѣ, 129
 говористый, 26, 28
 говоркий, 26, 28
 Гоже, 208
 гожихонько, 209
 голѣдная, 39
 гололѣдить, 39
 голощёка, 133
 голубель, 142
 голубец, 145
 голубига, 142
 голубика, 142
 голубина, 142
 голубинка, 142
 голубиха, 142
 голубица, 142, 145
 голубка, 142
 голубнига, 142
 голубника, 142
 голубниха, 142
 голубочек, 256, 263
 голубчик, 263
 голубяна, 142
 голубянка, 142
 голыдьба, 133
 голыздина, 133
 голызина, 133
 гон, 455
 гонистый, 130
 гонкий, 130
 горбатый, 167
 горбач, 136
 горбина, 92–94, 98
 горболысый, 467
 горбыль, 136
 горелка, 129
 горель, 129
 горельник, 129
 горечь, 139, 149
 горицвет, 138
 горицветка, 138
 горицветник, 138
 Горлопасто, 212
 горнушка, 288, 337
 горнушка, 334
 Горныця, 393
 горняк, 132
 горѣд, 453
 городѣц, 453
 городище, 454
 горохвина, 353
 горѣхвина, 353
 горохвинье, 353
 горѣхвинье, 352, 353, 355
 горчак, 139, 146, 149
 горчаница, 139, 149
 горчанка, 139, 149
 горчатка, 139, 149
 горчень, 139, 149
 горчик, 139, 149
 горчица, 139, 149
 горчняк, 149
 горчук, 139, 144, 149
 горчун, 139, 149
 горчуха, 146
 горчужник, 139, 149
 горькун, 144
 горькуха, 139, 146, 149
 горькуша, 139, 146, 149
 горькушка, 139, 146, 149
 горькушник, 139, 149
 горькушница, 139, 149
 горьчак, 139, 149
 грабарь, 50
 грабли, 446
 град, 454
 градусѣйная, 41
 гранатный, 463
 гребалки, 446
 гречиховый, 463
 грибан, 143
 грибник, 43
 грива, 132
 гривка, 132
 грох, 446
 грудница, 140
 грудно, 501
 Грудно, 501
 грудянка, 140
 грязнотѣ, 240, 246
 губина, 143, 144
 губица, 330
 губовьѣ, 330
 гувенник, 133
 гувно, 133
 гугун, 288
 Гуж, 380
 гужик, 381
 гулевая, 468

- гулевая земля, 467
 гуменник, 133
 гумѣнник, 457
 гуменье, 353
 гумѣнье, 352, 355
 гумно, 133
 гумно́, 457
 гундѣть, 29
 гурт, 83, 387
 гуртвод, 441
 гуртование, 441
 гуртовать, 387, 441
 гуртовщик, 441
 гуртоправ, 441
 гуртоправцы, 442
 гуси, 229, 236
 гúси-гúси, 386
 гусиная трава, 463
 густарник, 131
 густина, 131
 густолесье, 131
 густярá, 331
 гутóрить, 26, 27
 гúща, 484
 гушар, 131
 гушара, 131
 гущина, 131
- дапамóга, 83
 дáча, 457
 двори́на, 454
 двори́ще, 454
 двудомка, 229, 232
 двудомница, 229, 232
 дѣбри, 484
 деваха, 400, 406
 Деваха, 406
 девка-жѣнка-бабка,
 259
 девка-матушка, 259
- девка-паря, 259
 девки-бабы, 259
 девки-жѣнки, 259
 девки-ребята-
 братцы, 259
 девясил, 138
 девясила, 138
 девясильник, 138
 девятисил, 138
 девятисила, 138
 девятисилка, 138
 дед, 141, 404
 дед-и-баба, 141, 149
 дедко, 400, 404, 405,
 407
 дедо, 400, 404
 Дедо, 404
 дедовник, 141
 дедуш, 400, 404, 405
 Дедуш, 404
 дезд, 373
 деловьѣ, 132
 дергать, 450
 дес, 366, 372, 373
 дест, 373
 детонька, 257
 деточка, 257
 дѣр, 131
 джала, 230
 джела, 230
 дивно, 502, 503
 дйдель, 203
 дикарка, 136
 дикарь, 136
 дикарька, 136
 дйкий, 380
 дикий перец, 229,
 231, 237
 дикорька, 136
 дикуш, 136
- дикуша, 136
 дикушка, 136
 диль, 457
 дитятко, 257, 401
 дичка, 136
 дичок, 136
 днище, 102
 Добром, 209
 доброхот, 260, 263
 добрый, 130
 добрый гриб, 144
 доволе, 502
 додоголи, 502
 дождевик, 146
 дождѣвка, 146
 дожйн, 408, 409
 дожйна, 408, 409
 дожина́ха, 408, 409
 дожинки, 408
 дожйнки, 83, 408,
 409
 Дожйнки, 88
 дóйка, 319
 дóйница, 318
 докончание, 185
 дол, 253
 долбйнка, 431, 435
 долгоязйчный, 31
 долина, 133, 253
 долинка, 133
 домна, 229
 домная крапива,
 229, 236
 дорекáть, 26, 32
 дороганушка, 256
 дороганушко, 256
 дорогашечка, 256
 дорогашка, 256
 дорогаюшка, 256
 дорогая, 256

- дорогеюнка, 256
 дорогеюшко, 256
 дорогиночка, 256
 дорогой, 255, 256,
 260, 268
 дорогуленька, 256
 дорогулька, 256
 дорогуночка, 256
 дорогушенька, 256
 дородень, 507
 дородно, 502
 доска, 427
 доска́, 427
 дочикилять, 67, 75
 дочка, 257
 доянье, 319
 драбина, 393
 драгоценный, 256
 дражни́ть, 484
 драть, 450
 дрём, 131
 дробить, 450
 Дробы́на, 393
 дровеник, 132
 дровеняк, 132
 дровник, 132
 дровняк, 132
 дровяник, 132
 дровяницы, 85
 Дровя́нцы, 88
 дроженица, 137
 дрожина, 137
 дрожица, 137
 дрожнина, 137
 дрожница, 137
 дроленька, 260
 дролечёк, 260
 дролечка, 260, 266
 дролик, 260
 дролиночка, 260
- дрóлить, 263
 дролишко, 260
 дрóль, 260
 дрóлька, 260
 дрóлюша, 260
 дрóлюшка, 260
 дрóля, 260, 266, 269
 Дроля, 263
 дрóляха, 260
 дрóчи́ть, 263
 друг, 260, 261, 269
 дружи́ться, 30
 дружок, 260, 261,
 269
 дружочек, 260, 261
 дря́зга, 32
 дубас, 102
 дубильня, 137
 дубина, 137
 дубна, 137
 дубник, 129
 дубнина, 137
 дубняк, 137, 144
 дубовик, 144
 дубовина, 137
 дубовник, 137
 дубрава, 128
 дувак, 139, 149
 дуван, 139, 149
 дуванец, 139, 149
 дуванчик, 139, 149
 дунька, 147
 дуня, 147
 дуняшка, 147
 дуплястый, 463
 дурава, 142
 дурак, 129
 дураха, 142
 дурина, 140
 дурман, 131
- дурнига, 140, 150
 дурник, 140
 дурника, 140, 142
 дурнина, 140, 150
 дурница, 140, 142
 дурной глаз, 169
 дурняк, 129
 дурь-трава, 140
 дурянка, 140
 духманка, 139, 148
 духмяна, 139, 148
 духмяная, 463
 духмяник, 139, 148
 духмяница, 139, 148
 духмянка, 139, 148
 духмяный, 465
 духнянка, 139, 148
 духовитая, 463
 духовица, 139, 149
 духо́нь, 37
 душанка, 139, 148
 душевая, 468
 душевая земля, 467
 душистик, 139, 148
 душистка, 139, 148
 душица, 139, 148
 душичка, 139, 148
 душмянка, 139, 148
 душник, 139, 148
 душница, 139, 148
 душнянка, 139, 148
 дю́жа, 397
 дяденька, 404
 дяденьки, 400
 дядёк, 400, 404
 Дядёк, 404
 дядюш, 400, 404, 405
 Дядюш, 404
 дядя, 400, 404

- Дятлята, 162
 евала, 104
 евалая, 104
 евращка, 105
 егоза́, 30
 едѣбный гриб, 144
 едобный гриб, 144
 едовый гриб, 144
 едоки́, 457
 едомо, 105
 едомый гриб, 144
 едучий гриб, 144
 езд, 366, 372, 373
 ездо, 366
 ездó, 372
 еланка, 133
 елань, 105, 133
 елица, 134
 еловик, 144, 145
 ело́жить, 484, 485
 ело́жник, 483–486
 ело́зить, 483–485
 елози́ть, 484
 ёлошить, 485
 ело́шник, 483
 елу́зить, 485
 елушка, 145
 ерекник, 169
 ерекница, 169
 еремей, 147
 еретик, 169
 еретник, 169
 еретника, 169
 еретница, 169
 ёгла, 108
 ёгла, 114
 ёлзать, 485
 ёлошник, 483
 Жавора́та, 160, 161
 Жаворонёнок, 160, 162
 жа́воронка, 162
 Жаворо́нка, 162
 Жаворо́нок, 162
 жаворя́та, 160
 Жаворя́та, 161
 жагало, 229, 235
 жала, 140, 149, 229–231, 233, 235, 236
 жаленица, 229, 232–235
 жалéть, 31
 жалива, 140, 149, 232
 жалика, 232
 жалица, 140, 149, 229, 231, 233, 235
 жало́ва, 229, 233, 235
 жальва, 231
 жальник, 229, 232–235
 жальница, 234
 жало́га, 229, 233–235
 жало́ка, 140, 149, 229, 231–235
 жало́чка, 229, 232–235
 жаля́ка, 229, 233–235
 жамкать, 243
 жа́мкать, 242
 жамкнúть, 39
 жамочный, 463
 жа́реник, 436
 жарéнка, 436
 жарéха, 47
 жарéха, 436
 жарина, 37
 Жарко, 210
 жарник, 130, 150
 жарни́к, 436
 жаровига, 142
 жаровика, 142
 жаровина, 142
 жаровиха, 142
 жаровица, 142
 жаро́вник, 436
 жаровница, 142
 жаро́вой утюг, 246
 жаровый, 130
 жгунья, 229, 232, 235
 жгутник, 229
 жгуха, 229, 232, 235
 жгуч, 229, 232, 235
 жгучая крапива, 229
 жгучая трава, 229
 жгучина, 229, 231, 235
 жгучка, 140, 149, 228, 229, 232, 235, 236
 жгучка, 230
 жгучка, жигун, жигучка, жальва, 232
 жгучка, ожальник, жегало, 232
 жгучник, 140, 149, 229, 236
 жегала, 228, 229, 231–233, 235
 жегало, 231, 233
 жегука, 229, 233, 235
 жегулица, 229, 232, 233, 235
 жегуха, 229, 233, 235

- жегучка, 229, 230, 233, 235
 желанной, 260, 268
 желанный, 255
 железняк, 140
 желнатый, 466
 желтавка, 145
 желташка, 145
 желтовица, 145
 желтоголовник, 138
 желтомясый, 463, 464
 желтуха, 138, 145
 желтушка, 138, 145, 150
 желтушник, 138
 желтявка, 145
 желтяк, 138
 желтянка, 145
 желудевый, 462, 463
 жeníмый, 294
 жених, 141
 жерденик, 132
 жердинник, 132
 жердник, 132
 жердняк, 132
 жердовник, 132
 жердяник, 132
 жеребиться, 466
 жеребчик, 205
 жёлтик, 138, 145
 жива́я, 471
 Живочки, 210
 Живочко, 210
 жига, 140, 149, 229–232, 234, 235
 жигава, 229, 232, 234, 235
 жигала, 140, 149, 229, 232, 234, 235
 жигалица, 232
 жигалка, 140, 149, 228, 229, 231, 234, 235
 жигалко, 140, 149
 жигало, 140, 149, 229, 234, 235
 жигальник, 229, 232, 234, 235
 жиган, 229, 232, 234, 235
 жигаца, 229, 232, 234, 235
 жигачка, 232
 жигловка, 229, 232, 234, 235
 жигука, 140, 149, 229, 231, 234, 235
 жигун, 140, 149, 229, 231, 234, 235
 жигуха, 140, 149, 229, 231, 234, 235
 жигуча, 229, 234, 235
 жигучка, 140, 149, 228–232, 234, 235
 жидель, 131
 жидник, 131
 жидняк, 131
 жи́лина, 471, 478
 жилова, 232
 жильник, 140
 жиляка, 233
 жмакать, 243
 жма́кать, 242, 246
 жмыкать, 243
 жмб́кать, 242
 жниво, 353
 жни́во, 351, 353
 жнивье́, 351, 353, 359
 жоменица, 229, 236
 жрунко, 233
 жулик, 270, 271
 Жулик, 271
 жура, 143
 журавика, 143
 журавина, 143
 журавинка, 143
 журавинье, 143
 журавиха, 143
 журавица, 143
 журавичка, 143
 журавлейка, 143
 журавлика, 143
 журавлина, 143
 журавлиха, 143
 журавлица, 143
 забáивать, 34
 забалы́каться, 27
 забáять, 34
 забока, 132
 заборник, 132, 150
 завал, 129
 зава́л, 484
 заваль, 129
 заварить, 32
 завариха, 33
 за́верть, 40
 заветерье, 37
 завива́ть, 411
 завиту́ха, 40
 завить, 411
 завлекаша, 260, 262
 завола́кивать(ся), 39, 44
 завью́жить, 39
 заглушица, 131
 заговору́ха, 170
 заговорщик, 170
 заговорщица, 170

- загón, 455
 Загón, 388
 загорода, 454
 загородь, 47
 Загруппка, 395
 задвóрка, 454
 задуба, 137
 задубье, 137
 зайниться, 39, 43, 44
 зайка, 256
 займище, 131, 132
 зайчата, 147
 Зайчатник, 163
 зайчик, 147
 зайчонок, 147
 зайчушка, 147
 закальжнить, 39, 44
 заклáдывать, 44
 заклéклый, 462
 закосячить, 193
 закраек, 132
 закрайка, 132
 закром, 337
 зáкром, 335
 закрóм, 335
 закута, 337
 зáкута, 337, 339
 заку́та, 337, 339
 залежь, 129
 залепня, 142
 залесок, 132
 залесье, 132
 залётина, 260, 265
 залётка, 260
 Залётка, 265
 залёточка, 260, 265
 залётушка, 265
 залом, 129
 зáмерки, 41
 заметéлить, 44
 заморенный, 462, 464
 занелáдиться, 44
 занепогóдиться, 44
 заоболáкивать(ся), 39
 зáпадник, 40
 запогóдиться, 44
 запрудíть, 44
 запузыривать, 44
 зарастень, 131
 зáрасть, 484
 зарод, 105
 зарослый, 464, 465
 заросль, 131
 заросляк, 131
 заростель, 131
 заростник, 131
 заростняк, 131
 засадиха, 137, 142
 зáсек, 454
 засека, 132
 засидиха, 137
 заснэжить, 44
 засошина, 129
 застойник, 129
 засухоль, 129
 засушина, 130
 засушник, 130
 затíшье, 37
 зачикилять, 67, 68, 75, 76
 заюшко, 256
 заячий холодок, 463
 Заячы гостинцы, 379
 збойливый, 96
 звáльщик, 294
 зват, 294
 звáтый, 294
 звенец, 138
 звенильник, 138
 звенильчик, 138
 звенчак, 138
 зверебой, 138
 зверобей, 138
 зверобойник, 138
 зверьбой, 138
 звоз, 366–369
 звозница, 367
 звозье, 366
 звонари́, 296
 звонарь, 138
 звонец, 138
 звонник, 138
 звонок, 138
 звоночек, 138
 звончик, 138
 згíздо, 370
 Зд́ика, 380
 здорóви, 396
 здоровяк, 130
 зеленец, 142, 150
 зеленёк, 142
 зеленик, 142
 зеленика, 150
 зеленица, 142
 зеленок, 142
 зеленуга, 142
 зеленуха, 142, 145
 зеленушка, 142, 145
 зеленчак, 142
 зеленчук, 142
 зелёнка, 142
 земика, 142
 земляика, 142
 земляна, 142
 землянига, 142
 земляника, 142
 землянина, 142

- землянинка, 256
 земляница, 142
 землянка, 142
 зерём, 108, 113
 зерно, 256
 зёрнышко, 256
 зёхало, 169
 зймник, 317
 зимница, 142
 зимовая корова, 316
 зимовик, 316
 зимовка, 142
 зинуть, 32
 злодей, 260, 269, 270
 злюка, 229, 231, 236
 змеиный гриб, 463
 знающий чертей, 168
 зола, 244
 зóла, 243, 246
 зóлить, 242
 золить, 242
 золотавушка, 257
 золотанушка, 257
 золотарник, 138
 золотая, 257
 золотейко, 257
 золотенько, 257
 золотеюшка, 257
 золотеюшко, 257
 золотилко, 257
 золотинка, 257
 золотиночка, 257
 золотиношка, 257
 золотка, 257
 золотко, 256
 золотник, 138
 золотой, 256, 257
 золотолетник, 138
 золототысячник, 138
 золотце, 257
 зольное мыло, 243, 246
 зря, 213
 зубоскálиться, 33
 зъезд, 366, 370
 зя́бко, 40
 зяп-зяп, 40
 ивайлук, 104
 ивашка, 147
 ивка, 134
 ивня, 134
 игловатка, 435
 игольник, 129
 игреливый, 466
 изба, 51
 избелá, 493, 499
 избник, 132
 избняк, 132, 150
 избомы́тье, 85
 Избомы́тье, 88
 Избяная, 88
 избянный, 132
 изверетень, 137
 извоз, 366
 извóз, 369, 370
 изворотень, 137
 изгорóд, 454
 йзгорода, 454
 изгорóда, 454
 изжелтá, 499
 Излучка, 214
 измокра, 499
 измокра́, 496
 изъезд, 372
 ймя, 319
 Исподволёк, 211
 Исподволок, 211
 Исподвольки, 211
 испутём, 207
 Испутём, 209
 исседá, 495, 499
 исток, 478
 истóк, 471, 478
 истóчина, 471
 истóчная, 471
 истóчник, 471, 478
 истóчниковая, 471
 Истягом, 211
 исчерный, 240, 246
 ичиги, 105
 ййсты, 397
 йисть, 397
 кабáлка, 244, 246
 кавалер, 260, 264, 269
 кадá, 397
 кадулька, 426
 кадúлька, 425, 426, 429
 казак, 260, 265
 калаус, 105
 кáлда, 389
 Кáлда, 388
 калунный, 462
 калуновый, 462, 463
 калы́кать, 27
 камагористый, 466
 камас, 105
 каменка, 142
 камлея, 105
 камно́, 108, 110
 камора, 338
 камóра, 338, 339
 камули, 104
 канáша, 260, 266
 каноны, 104
 каплоухий, 467

- каприва, 234
 капу́стки, 85
 Капу́стки, 88
 капу́стник, 455
 капу́стница, 85, 456
 Капу́стница, 88
 капу́стничек, 456
 карапива, 234
 ка́рда, 389
 ка́ризна, 85
 Ка́ризна, 88
 Карку́нья, 162
 Карку́ша, 162
 карповский, 464
 карто́фельник, 456
 карто́фельница, 456
 карто́фельнице, 456
 карто́фище, 456
 карто́флице, 456
 карто́фля́ник, 456
 карто́фник, 456
 карто́шник, 456
 касатка, 288
 ката́лка, 244, 245
 ка́танье, 246
 ката́ть, 246
 кача́лка, 244, 245
 ка́ша, 83, 84, 408,
 411, 412, 414
 Ка́ша, 88
 квашница, 429
 квашни́ца, 429
 квашня, 429
 квашня́, 429
 Кво́чка, 161
 кибас, 105
 кипу́н, 471
 киселица, 142
 киселка, 139
 кисельца, 139
 кисельдь, 139
 кисленица, 139
 кисленка, 139
 кислец, 139
 кислѐнка, 139
 кислик, 139
 кислика, 136, 139
 кислинка, 139
 кислица, 136, 139,
 142
 кисличка, 136
 кислуха, 136, 139
 кислушка, 136, 139,
 142
 кислюха, 142
 кисляк, 139
 кислянка, 139
 кислятина, 142
 кислятка, 139
 кислятник, 139
 кладушка, 426
 кладу́шка, 425, 426
 клеть, 337, 339
 кло́ка, 156
 Кло́ка, 160, 161
 клохту́ша, 156
 Клохту́ша, 163
 клочеватка, 435
 клу́ка, 156
 Клу́ка, 163
 клу-клу-клу, 387
 клуня, 335–337, 339
 клу́ня, 156, 335
 Клу́ня, 160, 161
 клу́ша, 156
 Клу́ша, 161
 клы́ка, 156
 Клы́ка, 160–163
 клы́ша, 156, 161, 163
 клюквинка, 264
 ключ, 471, 472, 475,
 476
 ключева́я, 471
 ключевина́, 471
 клю́чик, 471, 472
 ключо́вая, 471
 ключо́вец, 471
 княженика, 143
 княженица, 143
 княжик, 147
 княжика, 143
 княжица, 143
 княжника, 143
 княжница, 143
 ковалер, 264
 кодушка, 419, 420
 козе́л, 147
 козлец, 147
 козлёнок, 147
 козюля, 229, 233
 козяк, 147
 колдун-еретик, 169
 колдун-еретник, 169
 колобедник, 437
 колобедница, 431,
 433
 коловёртная, 468
 коловёртная вода,
 467
 колóдезь, 471
 колодезя́, 319
 колодец, 477
 колóдец, 471, 476,
 477
 колóдчик, 471, 476
 колок, 131
 коло́ка, 320
 колоколец, 139, 141
 колокольник, 141
 колокольчик, 141

- колóмень, 109
 колосник, 146
 колосовик, 146
 колосовник, 146
 колоту́шка, 241, 242
 колоть, 450
 колóться, 320
 кóлтать, 71
 колхозник, 147
 кóлча, 71
 колы́, 397
 колюха, 140, 229, 233, 235
 колóчий, 320
 колючка, 140, 229, 235
 колючник, 140
 комбайн, 444
 комора, 338
 комо́ра, 338, 339
 конáться, 29
 кондовый, 130
 конесно, 221
 коновал, 165
 конопля́ник, 456
 конотоп, 139
 копа́льщик, 294
 копать, 448
 копотíха, 85
 Копотíха, 88
 коприва, 230, 231, 235
 коприна, 234
 корабельник, 132
 коренíк, 431, 434
 кореновátка, 431, 434
 корену́шка, 431, 434
 коренья́, 346
 корешáтик, 431, 434
 корешки, 229, 233
 кормоватка, 435
 кормовитая, 462, 463
 корневátка, 434
 корновáйка, 431, 434
 корновáтик, 431, 434
 корновátка, 431
 коробейщи́ки, 294
 коробóчка, 345, 346
 коробьё, 345, 346
 коробья́, 345, 346
 коровак, 147
 короватик, 147
 короватка, 147
 короватник, 147
 короведник, 147
 коровенник, 147
 коровик, 147
 коровка, 147
 коровник, 147
 коровяк, 147
 коровятик, 147
 коровятка, 147
 коровятник, 147
 король, 147
 корпива, 231, 234, 235
 корщу́нчатый, 465, 466
 коса, 446
 косить, 450
 косовина, 353
 косови́на, 353
 косови́нье, 353
 косови́нье, 352, 353, 355
 косогор, 94, 96, 98
 Косогор, 94
 косой, 167
 косошарый, 167
 костерíть, 32
 костра, 229, 233, 235
 кострива, 229, 233, 235
 кострика, 229, 232, 235
 кострочка, 229, 235
 косты́га, 201
 костырка, 229, 233, 235
 косяна, 142
 косянига, 142
 косяника, 142
 косяница, 142
 косуля, 229
 косьё, 352, 353, 356
 косячатая, 466
 котелки, 141
 котёнок, 256
 котики, 419–422
 кочетиный, 466
 Кошáчий городок, 379
 крадичи, 207
 крап, 233
 крапива, 229–232, 234, 236, 238
 крапива двухдомная, 229
 крапива, жгучая
 крапива, жгучка, жига, жигучка, жала, 232
 крапива, жгучая
 крапива, жгучка, жигучка, жига, жигала, 232
 крапива, жгучка, сверблочка, 232

- крапива, крапивница, сербучка, 232
 крапивница, 229, 231, 232, 237
 крапивник, 229, 233
 крапивница, 229, 231, 232, 419–421
 крапиво, 229, 231
 крапивоуха, 229, 233
 крапивоь, 229, 231, 232, 237
 крапила, 229, 234, 237
 крапилица, 233
 крапова, 234
 крапыва, 234
 краснавка, 145
 краснёха, 145
 краснёшка, 145
 красноголовик, 138, 145
 красноголовка, 138, 145
 красноголовник, 138
 красностопый, 462, 464
 краснуля, 145
 краснутка, 145
 краснуха, 145
 краснушка, 145
 краснога, 145
 краснюшка, 145
 краснявка, 145
 крепива, 230, 234
 крепная, 467–469
 кривая, 167
 кривина, 136
 кривляга, 136
 кривляк, 130, 136
 кривляка, 136
 кривняк, 130, 136
 криволесье, 130
 кривостой, 130
 кривохвостый, 467
 кривулина, 136
 кривуля, 136
 кривуляк, 136
 кривуляка, 136
 кривуха, 136
 кривуша, 130, 136
 кривушка, 136
 кривью, 136
 кривьяк, 136
 кривьяка, 136
 криничий, 467
 криничный, 468
 крича́ть, 29
 кровавец, 140
 кровавик, 140
 кровавчик, 140
 Крова́ты, 394
 кровебой, 140
 кровепуск, 140
 кровохлёб, 140
 кровохлёбка, 140
 кровь-трава, 140
 кровяник, 140
 кроми́ть, 190
 кропива, 230, 231, 234
 кропова, 234
 кропотли́вый, 33
 кропува, 234
 кропыва, 234
 круглина, 133
 кругловина, 133
 круговина, 133
 кружевина, 133
 крупá, 41
 Кру́тко, 210
 крутнем, 207
 круча, 94
 крушина, 135, 136
 крыжная, 466
 крыча́ть, 29
 крючье, 353
 крючье, 352, 355
 кряпиво, 230, 234
 кубарь, 147
 кубышка, 147
 куга, 463
 кудэсить, 299
 кужиный, 463
 кужня, 484
 кўзня, 484
 кукуль, 105
 кукушечник, 141
 кукушины́е слезки, 463
 кукушки, 141
 кукушник, 141
 кулак, 147
 кулемка, 105
 култук, 105
 кулугур, 419–421
 кульк, 490
 культивировать, 447
 кундюбый, 462
 кура́, 40
 Куратно, 214
 курень, 131, 337
 курёнь, 337
 куржевинка, 105
 куриные лапки, 463
 Курлы́канье, 162
 Курлы́кать, 162
 курник, 337, 339
 кўрник, 337
 курочка, 147
 курбы́н, 32

- курь́ниться, 32
 курья, 105
 кутерьма́, 40
 кухлянка, 105
 кучугуристый, 467, 468
 кушевая, 463
 кыш, 386, 387

 лабаз, 105
 Ла́вки, 394
 лагу́нник, 295
 лагушник, 233
 лада, 258
 ла́диться, 30
 ладо, 258
 ла́дочка, 429, 430
 ладушка, 258, 260, 263
 ладушко, 258
 ла́йка, 33
 ла́ковица, 429, 430
 Ланкосом, 211
 ла́па-ла́па, 386
 лапистое, 136
 лап-лап-лап, 386
 лапонька, 256
 лапочка, 256
 лапушка, 256
 ласточинные слезки, 463
 лебеда, 229, 231
 левада, 96, 98
 лейка, 446
 Лейхать, 377
 Лейхать, 377
 Лейхнуть, 377
 лепня́, 41
 лес, 128
 лесавка, 137
 лесина, 130
 лесище, 131
 лесковка, 137
 лесник, 165
 лесника, 137, 150
 лесничка, 137
 леснушка, 137
 лесовина, 137
 лесовка, 137
 лесовушка, 137
 лесок, 131
 лесье, 128
 ле́тник, 317
 Ле́тник, 316
 ле́тошник, 316
 лечебка, 140
 лечебник, 140
 лешак, 137
 лешака, 137
 лешуга, 137
 лизоблю́дка, 320
 ли́повица, 429, 430
 ли́повка, 429, 430
 лисики, 147
 лисица, 147
 лисичка, 147
 лиска, 147
 лист, 436
 листовяк, 129
 листовя́нник, 129
 листья́стый, 462, 463
 лисушка, 147
 лисянка, 147
 лисята, 147
 лить, 192
 лихосты́ться, 32
 лоба́ха, 321
 лобогрейки, 444
 ловса́-эрьке, 389
 лом, 129, 446
 ломте́вый, 462, 463
 ломучий, 462, 464, 465
 лонже́ный, 466
 лопата, 446
 лопотли́вый, 28
 лопыри́стый, 462, 463
 лоток, 241
 лоток, 240, 241, 427
 лощина, 252
 луговик, 144
 луговина, 133
 луговище, 133
 луговой, 288
 лужина, 133
 лукóма, 117
 лыва, 105
 лысина, 133, 204
 лы́сина, 204
 лысы́ть, 190
 лы́ска, 321
 львиный ротик, 463
 любезной, 260, 268
 любезный, 255
 Любесь, 208
 любимой, 260, 268
 любимый, 255
 любой, 260, 268
 любота, 217
 Любота, 209
 любушка, 260
 люди́мый, 26
 Лю́лька, 394
 лю-лю-лю, 386
 ляд, 128

 мазурик, 260, 270
 ма́й, 32
 майдан, 133

- майская крапива, 145
 229
 макароля, 260
 маковица, 137
 маковка, 137, 203
 ма́ковка, 204
 маковушка, 137
 макуша, 137
 макушка, 98, 137
 малахай, 105
 малёг, 131
 малёнка, 425, 426
 малинка, 256
 малиночка, 256, 264
 малолесье, 131
 малорос, 130
 малороска, 130
 малорослик, 130
 малоросник, 130
 мальчик, 260, 261
 мальчишка, 260, 261
 ма́ма, 344
 мамáша, 344
 мамáшка, 344, 347
 ма́мка, 344
 мамонька, 401
 ма́мушка, 344, 347
 мамынька, 401
 мандара, 105
 ма́нька-ма́нька, 386
 маняло, 103
 ма́ня-ма́ня, 386
 мариец, 166
 марьяна, 141
 масет, 260
 масёт, 266
 масетка, 260
 масеточка, 260
 маслак, 145
 маслевик, 145
 маслей, 145
 маслѐха, 145
 масли́вый, 39
 маслуха, 145
 маслушка, 145
 мастеровáть, 192
 матаня, 260
 матáня, 266
 материя, 506
 матерняк, 131
 ма́тица, 345
 ма́тичное, 85
 матка, 419–422
 матрёна, 147
 матрёшка, 147
 матушка, 257
 матушка-девушка,
 259
 мать-и-мачеха, 141,
 149
 маут, 104
 маха, 506
 махиль, 490
 махинь, 490
 махить, 490
 махнатушка, 420
 махрастый, 462, 463
 мац, 490
 мачеха, 229, 231, 233,
 236
 мачтовик, 132
 мачтовник, 132
 ма́шка-ма́шка, 386
 медвѐдки, 41
 медвянка, 139
 медовик, 139
 медовица, 139
 медовичник, 139
 медовка, 139
 медовник, 139
 медовница, 139
 медоник, 139
 медулка, 139
 медунец, 139
 медунижник, 139
 медуница, 139
 медуничник, 139
 медуничик, 139
 медушник, 139
 медушняк, 139
 междулесица, 133
 междулесок, 133
 междулесье, 133
 межлесье, 133
 меледа, 507
 мелкач, 130, 131
 мелкаш, 130
 мелкашник, 131
 мелколесник, 130
 мелколесье, 130, 131
 мелкотина, 131
 мелкотник, 131
 мелкотняк, 131
 мельник, 165
 мѐльник, 425, 426
 мельница, 507
 мелятник, 130, 131
 Менталя, 210
 Ментом, 210
 мерекать, 201
 мерѐкать, 201
 мерекováть, 201
 мѐрник, 425, 426
 мертвень, 130
 мертвечатина, 130
 мертвешник, 130
 мертвина, 130
 мертвяк, 130
 месить, 450
 мэсишная, 39

- метель, 40
 мети́г, 40
 мешать, 450
 ме́ртнице, 130
 ми́кнуть, 320
 милай, 400
 ми́лачок, 400, 406
 ми́ленькой, 260, 268
 ми́лёнок, 260
 Ми́лёнок, 263
 ми́лёночек, 263
 ми́лой, 260, 268
 ми́лушка, 266
 ми́лый, 255
 мир, 400, 401
 ми́ръг, 490
 ми́ръгать, 490
 ми́туса, 507
 мно́голесье, 131
 мно́готравье, 133
 мно́жина, 506
 мо́крятник, 132, 150
 мо́лельщица, 294
 мо́лёной, 255, 260
 мо́лилка, 294
 мо́лода, 181
 мо́лодая, 345
 мо́лодель, 131
 мо́лодельник, 131
 мо́лодень, 131
 мо́лодец, 260, 261
 мо́лодизжник, 131
 мо́лодик, 180–182, 184, 186
 мо́лодик,, 180
 мо́лодик, 181
 мо́лоди́к, 175, 180–182
 мо́лодильник, 140
 мо́лодичо́к, 175
 мо́лодка, 400, 406
 мо́лодка, 345
 мо́лодник, 131
 мо́лодни́к, 181
 мо́лодняк, 130, 131
 мо́лодня́к, 181
 мо́лодо́к, 181
 мо́лодчик, 400, 406, 407
 мо́лодяжка, 131
 мо́лодяжник, 131
 мо́лодя́к, 180
 мо́лодятник, 132
 мо́локальник, 139
 мо́локан, 139
 мо́локанка, 139
 мо́локанник, 139
 мо́ло́ковая, 318
 мо́локовик, 139
 мо́локон, 139
 мо́локонник, 139
 мо́лосник, 139
 мо́лотить, 450
 мо́лоток, 446
 мо́лоть, 450
 мо́лочавник, 139
 мо́лочай, 139
 мо́лочайник, 139
 мо́лочальник, 139
 мо́лочан, 139
 мо́лочанник, 139
 мо́лочашник, 139
 мо́лочей, 139
 мо́лочейник, 139
 мо́лочная, 318
 мо́лочник, 132, 139, 145
 Мо́лочник, 316
 мо́лочница, 139
 мо́нах, 141
 мо́рок, 37
 мо́рокова́ть, 202
 мо́сква, 27
 мо́сква, 25
 мо́ст, 374
 мо́стовняк, 367
 мо́стовня́к, 374
 мо́тыга, 446
 мо́хнатики, 419–421
 мо́хнатки, 422
 мо́хнатуха, 420
 мо́хнушка, 145, 147
 мо́ховик, 132, 144, 150, 288
 мо́чажина, 140
 мо́чажник, 140
 мо́чажница, 140
 мо́чальник, 150
 мо́чанка, 146
 мо́чези́нный, 467, 468
 мо́ченец, 140, 229, 233
 мо́чужка, 146
 мо́чу́лье, 353
 мо́чу́лье, 351, 352, 355
 му́косей, 427
 му́косейка, 427
 му́косейная доска, 427
 му́сник, 429
 му́хмор, 146
 му́хморик, 146
 му́хморник, 146
 му́хобой, 146
 му́хоед, 146
 му́холов, 146
 му́хомор, 146
 му́хоморик, 146

- мухоморина, 146
 мухоморка, 146
 мухоморник, 146
 мухоморок, 146
 мухотрав, 146
 мухотрава, 146
 мухотравик, 146
 мухотравка, 146
 мухотравник, 146
 мучник, 429
 мучница, 425, 426
 мыльная трава, 463
 мы́ться, 242, 243
 мышак, 144
 мышатый, 466
 мышьяк, 144
 мягкий, 433
 мягонький, 433
 мяконький, 433
 мякошник, 431, 433,
 437
 мяшки-мяшки, 386

 набая́ться, 27
 набористая, 462, 463
 навзмо́сье, 367
 навзмо́сье, 374
 нависли́вый, 39
 навозник, 145
 навóзница, 84
 Навóзница, 88
 навозняк, 145
 наволок, 41
 наво́лочнo, 39
 наво́лочный, 39, 43
 наво́лочь, 37, 41
 навстречник, 47
 навя́за, 34
 нага́шник, 347
 нагля́чка, 33

 наддорожник, 140
 надзёмка, 41
 надоёда, 34
 надоёдник, 34
 надоёдница, 34
 надрéзка, 245, 246
 надсмехáться, 33
 надсмешíть, 33
 надсмéшку, 33
 надуванчик, 139, 149
 назапертё, 204
 назерком, 207
 назóла, 34
 назóльник, 34
 назóльница, 34
 на́зьмы, 84
 назьмы́, 84
 На́зьмы, 88
 Назьмы́, 88
 наймать, 442
 нака́зывать, 30
 накачнóй, 34
 накидная, 466
 накось, 218
 на́ледь, 43
 наотличку, 215
 напередник, 347
 напрямóк, 30
 наряжа́тые, 294
 насыпать, 433
 насы́пка, 425, 426,
 431, 433
 на́толка, 81
 На́толка, 88
 нато́щá, 328
 нато́щáка, 328
 нато́щáках, 328
 нато́щáх, 328
 нато́ще, 328
 наумале, 502

 наумаленье, 502
 науморышки, 213
 Науморышки, 211
 научáть, 30
 нахáльница, 33
 нахвáлистый, 31
 нахлупля́ть, 194
 на́ция, 328
 небасли́вый, 28
 Небатко, 504
 небеды, 503
 небрехли́вый, 28
 Невидаючи, 210
 Неви́дя, 210
 невпроед, 207
 невпрóсушь, 496
 негодно, 212
 Негодно, 212
 негодняк, 129
 негодье, 129
 недоста, 503
 неезжалы́й, 467
 нелюди́мка, 28
 нелюди́мок, 26, 28
 немая, 167
 неплодная, 467
 непогóдица, 37
 не́погодь, 37
 непрола́з, 486
 непрола́зник, 486
 непрола́зь, 486
 непроходíмка, 487
 нескотная, 467
 нестельная, 467
 несудóбный, 30
 нетелёная, 318
 нётель, 317
 неупряжная, 467
 нехворощ, 140
 нехвороща, 140

- нехотяшки, 207
 нечистая, 168
 нечистая сила, 168
 нечистые люди, 168
 нечистый, 168
 нива, 131
 низина, 253
 низменность, 253
 низови́к, 40
 низь, 252, 253
 но́ва, 185
 новец, 185, 186
 но́вец, 185
 нове́ц, 175, 184, 185
 нови́к, 185
 нож, 446
 носоватка, 435
 но́чва, 434
 но́чви, 427, 429, 431, 434, 437
 но́чвы, 431, 434
 Но́чвы, 395
 но́чевни, 431, 434
 но́чэвка, 241
 но́чэвка, 431, 434
 но́чэвки, 240, 241
 но́чэвки, 431, 434
 нучать, 419, 421

 обабка, 143
 обабок, 144
 обаим, 34
 Обаполом, 209
 обдонский, 467–469
 обдуванчик, 139, 149
 обжига, 229, 233, 235
 обжи́нки, 83
 Обжи́нки, 88
 обирать, 448
 облагушка, 144, 146

 облаки, 353
 обла́ки, 352
 обледе́ница, 43
 облесок, 132
 облесье, 131, 133
 облóжник, 41
 обломный, 462, 464
 облячье, 353
 облячье, 352, 355
 обмыва́льщица, 294
 обнали́чить, 193
 ободво́рина, 455
 ободво́рица, 455
 ободво́рница, 455
 ободво́рок, 455
 ободво́рье, 455
 оборотная, 467, 468
 обочина, 133
 обрабатывать, 447, 448
 обро́ть, 351, 352
 обро́тье, 351, 352, 355
 обрывать, 450
 обсе́дланность, 455
 обсе́длость, 455
 обу́тривать(ся), 39
 обжа́ристый, 467–469
 овин, 334, 337, 339
 овин, 334
 овина, 339
 овина́, 334
 огнище, 129
 огонёк, 141
 огонь-крапива, 228, 231, 237
 огонь-крапива, 229
 огородёц, 453
 огоро́дина, 453

 огоро́динка, 453
 огороди́ть, 453
 огоро́дище, 453
 огоро́дница, 453
 огоро́дцы, 453
 огра́да, 454
 огривок, 92–94, 98
 огу́зья, 346
 огуре́шник, 456
 оденье, 51, 52
 одёнье, 52
 одного́дчик, 316
 одуван, 139, 149
 одуванец, 139, 149
 одуванчик, 149
 ожалник, 140, 149, 229, 231, 233–235
 ожалница, 229, 233–235
 ожгучка, 233
 ожига, 140, 149, 228, 229, 231, 232, 235
 озерина, 132
 озёрник, 132
 околок, 131
 окося́чить, 193
 окраина, 133
 крайка, 133
 окромля́ть, 190
 ольховик, 145
 ольховина, 134
 ольховник, 145
 ольшняк, 129
 омшаник, 47
 омшара, 132, 150
 опана, 103
 опáрница, 429, 431
 опенник, 144
 опеньш, 144, 150
 опе́чек, 85

- оповещáнин, 294
 опóйтух, 316
 опотолóчить, 193
 опóюх, 316
 оправлять, 194
 определítь, 191
 опылять, 448
 орлик, 141
 осéдность, 455
 óсек, 454
 осéк, 454
 осенник, 146
 óсéнок, 317
 осенчýк, 317, 346
 осинник, 129, 144
 осиновик, 144
 осíновка, 425, 426
 осклéток, 321
 осколок, 131
 ослéток, 321
 ослýток, 321
 осмехáться, 33
 остол, 102, 105
 отара, 387
 отварушка, 146
 отвóдок, 457
 отвóз, 84
 Отвóз, 88
 отéл, 321, 322
 отжатнóе, 408, 410
 отжинáха, 408, 409
 отлáжный, 468
 отлог, 94, 96, 99
 отлогáтый, 467, 468
 Отлогáтый, 468
 отлóгливый, 468
 отлóглый, 468
 отлякай, 217
 отлякой, 216
 отоса, 353
 отóса, 351, 352
 отосье, 353
 отóсье, 351, 352, 355
 отпра́вить, 191
 отрожистый, 467, 468
 отрывать, 450
 отю́кать, 32
 охотник, 165
 Охотником, 214
 ошалевáть, 194
 ошлéпить, 194
 паберега, 132
 паколье, 353
 пáколье, 351, 352, 358
 палáст, 43
 паленина, 129
 палестина, 133
 палестинка, 133
 пальма, 105
 пáмылки, 244
 пáпа, 344, 345
 папáша, 345
 папáшка, 345
 пáпка, 345
 парашютик, 141
 паренёк, 260
 парень, 260, 261
 пáрень, 351, 353
 парень-девка, 259
 пáренье, 351, 353, 358
 пари, 405
 паркíма, 320
 парма, 131
 парнёк, 261
 парнишко, 261
 паровóй утюг, 246
 паросник, 132
 парунья, 105
 парúнья, 156, 157
 пару́нья, 157
 Парúнья, 160, 161
 парусняг, 132
 парусняк, 130
 парúха, 157
 парь, 400, 405
 паря, 259, 400, 405
 паря-девка, 259
 паря-девушка, 259
 пастух, 165
 пахать, 448
 пахóвый, 467–469
 пахучка, 139, 148, 149
 пахучник, 139, 148
 пáчетать, 381
 пащёнок, 401, 407
 певún, 158
 пелеса, 351–353
 пелесье, 353
 пелёсье, 351, 352, 358
 пенёчник, 144
 пёрвенец, 317
 первостáтка, 317
 первотéл, 317, 322
 первотéлок, 317, 322
 первоцвет, 140, 148
 перебúть, 328
 Передёржка, 388
 передéть, 328
 передóй, 318
 передóйка, 318
 передóйная, 318
 перелесок, 131
 перенóс, 40
 перепонник, 145
 перерез, 241

- перерез, 240, 241
 перечинять, 194
 перешибить, 199
 пермяк, 166
 пермянка, 166
 песковатка, 435
 петровские яблоки, 463
 петрушечный, 463
 петун, 157
 Петун, 160
 петух, 147
 Пétух, 163
 петушок, 147
 пеун, 157, 158
 Пеун, 160, 161, 163
 печебитье, 84
 Печебитье, 85, 88
 Печекулán, 381
 печка, 379
 Печка, 380
 Пéчка, 379
 печник, 165
 печно́е, 85
 Печь, 379
 Пилик, 377
 Пили́к, 377
 Пиличóк, 377
 пílка, 377
 Пíлка, 377
 писаная, 400, 406
 плавка, 145
 плакунья, 137
 плакучка, 137
 плакуша, 137
 плаку́ша, 294
 плачу́ха, 137
 плачуша, 137
 плéмя, 322
 плести, 450
 плешина, 133
 плешка, 133
 плодовая, 465, 466, 469
 плотник, 165
 плóшка, 431
 по(а)хтушка, 446
 побережина, 132
 поблудный, 466
 повадливый, 25, 28
 повал, 129
 повалесье, 129
 поварушка, 146
 Повеселей, 215
 пове́ть, 351, 352
 пове́тье, 351, 352, 355
 повитель, 137
 повитуха, 137, 165
 Повольно, 214
 поганец, 144, 150
 поганица, 144
 поганка, 144
 поганник, 144
 поганок, 144
 погануха, 144
 поганушка, 144
 поганьш, 144, 150
 поганьшка, 144
 погань, 144
 поганька, 144
 поганюха, 144
 погарь, 129
 погода, 37, 38
 погóда, 38
 погóжий, 38
 погонистый, 130
 погонка, 132
 погонный, 130
 погорелье, 129
 погорельник, 129
 Погулче, 215
 погутóрить, 27
 подбережник, 132
 подберезник, 144
 подберёзник, 144
 подберёзоватик, 144
 подберёзовик, 144
 подберёзовка, 144
 подберёзовок, 144
 подберёзок, 144
 подвора́шник, 320
 поддождевик, 146
 поддождик, 146
 поддорожка, 140
 поддорожник, 140
 поддру́жье, 295
 поддубленник, 144
 поддубник, 144
 поддубовик, 144
 поддуванчик, 139, 149
 поджелезник, 140
 поджелезница, 140
 поджени́шник, 295
 подзадвóрок, 455
 подзёмка, 40, 41
 подзóр, 319
 подиру́ка, 40
 подлесник, 130
 подлесок, 130–133
 подлесье, 133
 подловка, 47
 подмóга, 83
 Подмóга, 88
 подневéстница, 295
 поднизúха, 41
 пóдник, 319
 подножие, 97
 подно́счик, 294
 подбить, 319

- подб́ой, 319
 подойник, 141
 подорешник, 144
 подорожник, 140
 подорожница, 140
 подосён, 144
 подосин, 144
 подосинник, 144
 подосиноватик, 144
 подосиновик, 144
 подосиновка, 144
 подосинок, 144
 подоси́нь, 144
 подрастель, 130
 подрост, 130, 132
 подростель, 130, 132
 подростник, 130
 подросток, 130, 132
 подсад, 130
 подсада, 130
 подсадник, 130
 подсадок, 130
 подсва́шка, 295
 подсва́шница, 295
 подси́нька, 244
 подснежица, 142
 подснежка, 142
 подснежник, 142
 подснежница, 142
 подсо́ба, 83
 подсо́бка, 83
 Подсо́бка, 88
 подсосенник, 144
 подсосёнок, 144
 подсохлина, 150
 Подстатушку, 209
 подстой, 130
 подсушник, 130
 поду́шечницы, 295
 подъельник, 144
 подъя́лошник, 145
 подъя́льш, 145
 поезжа́не, 295
 пожарище, 129
 пожарница, 142
 пожинáнье, 408, 410
 пожинаха, 408
 пожинáха, 408, 409
 пожи́нки, 408, 409
 Пожи́нки, 88
 пожмыкать, 243
 пожмы́кать, 242, 246
 пожмыхать, 243
 пожмы́хать, 242, 246
 позве́ушки, 296
 позвонец, 138
 позвонóчки, 296
 поздорóвкаться, 26, 29
 поздрáвствоваться, 29
 поземка, 142, 150
 позёмка, 40, 41
 позёмок, 41
 Позупрак, 213
 позывáтка, 294
 позывáтый, 294
 Поиспраски, 209
 поймáться, 105
 поката́ть, 246
 покатной, 466
 покату́шка, 431, 432
 покача́ть, 246
 Поклеванно, 208
 Пол, 395
 пола, 49
 Пола, 50
 полдру́жка, 295
 полдру́жье, 295
 Полепее, 215
 полесок, 130
 полесье, 130, 132
 ползу́н, 41, 43
 ползу́ха, 41
 поливать, 448
 полная точка, 182
 по́лно, 503
 полно́, 182
 полнота, 180, 183, 186
 по́лнота, 175
 полнотá, 175, 182
 по́лнотá, 180, 182
 полог, 96, 98
 по́лог, 96
 полог, 96
 полом, 129
 полоту́шки, 84
 Полоту́шки, 88
 полоть, 448
 полсва́ха, 295
 по́мога, 78, 83
 помо́га, 78, 83
 По́мога, 88
 Помóга, 88
 помолóт, 84
 Помолóт, 89
 помолóтка, 84
 Помолóтка, 89
 помолóтки, 84
 Помолóтки, 89
 Помолóтная, 89
 помочá, 82
 Помочá, 89
 Помочане, 84
 помочи, 79
 по́мочи, 82
 По́мочи, 89
 Помóчушка, 89
 помочь, 79, 83, 402

- по́мочь, 78, 82, 83, 88, 89
 По́мочь, 89
 помощь, 79
 по́мощь, 82
 По́мощь, 89
 помылок, 244
 помы́лок, 244
 помы́ха, 41
 помяту́шки, 85
 Помяту́шки, 89
 понарок, 217
 Понарок, 210
 поневе́стница, 295
 понигушка, 49
 понизо́вка, 40, 41
 понизу́ха, 41
 поп, 141, 147
 попасная, 464
 попик, 141
 поплавица, 145
 поплавка, 145
 поплетье, 353
 поплёт, 353
 Поплошей, 215
 поповник, 141, 147
 поповский дичок, 463
 поподгребать, 448
 попок, 141
 Попрытче, 215
 попря́дух, 86
 попря́духа, 85
 попря́ду́ха, 85
 Попря́духа, 89
 Попря́ду́ха, 89
 попря́ду́хи, 86
 попря́ду́шки, 85, 86
 Попря́душки, 89
 попускаться, 102
 попутник, 140
 попутчик, 140
 поредняк, 131
 поредь, 131
 поредье, 131
 По-резкому, 211
 порезник, 140
 поречина, 132
 порог, 96–98
 поросёнок, 147
 поросюшка, 147
 поросьяшка, 147
 порошить, 39
 порса, 105
 посенженный, 466
 Поскусней, 215
 последник, 139, 140
 Послободже, 215
 посме́шница, 33
 посновить, 191
 Посо́ба, 89
 посо́бие, 78
 Посо́бие, 89
 Пособле́ние, 89
 пособле́нье, 83
 пособлю́шки, 83
 Пособлю́шки, 89
 Пособля́нка, 89
 пособля́нки, 83
 посо́бье, 83
 поста́вно, 201
 поставный, 201
 поста́вный, 201
 постано́вить, 191
 постельник, 294
 постра́дка, 408, 410
 посудачить, 27
 потешить, 319
 по́тка, 362
 пото́к, 471, 478
 Потоло́к, 89
 потрепу́шки, 85
 Потрепу́шки, 89
 Потруднеючи, 215
 Похудо, 209
 початочный, 462–464
 Поча́чатать, 381
 почиля́ть, 68, 75
 почи́н, 321
 начинáть, 321
 почто, 47
 пошёл, 387
 пощунáть, 32
 православные, 400
 пра́льник, 241, 242, 246
 пра́ник, 242
 праский гриб, 144
 прать, 242, 243
 превелико, 213
 предови́н, 351, 353
 предови́нье, 351, 353, 355
 пре́ный, 321
 прибережник, 132
 приберёзовик, 144
 приберёзовок, 144
 прибрежник, 132
 прибрежнина, 132
 прибрежня, 132
 прибрежняк, 132
 пригорок, 97, 98
 приделок, 338
 приде́лух, 338
 придорожник, 140, 150
 придорожница, 229, 233
 приёмщица, 294

- прижéник, 295
 приклет, 353
 приклéг, 351, 353
 приклетье, 353
 приклéтье, 351, 353, 355
 приозёрица, 132
 припенно, 212
 припутник, 140
 приречник, 132
 причикíливать, 68, 69, 75
 причикилять, 68, 69, 75
 причítывать, 31
 приятка, 260, 263
 пробалéкать, 27
 провидоха, 169
 провожáтая, 294
 провожáтки, 294
 прогалина, 133
 прогалинка, 133
 прогалок, 133
 проголызина, 133
 прогонистый, 130
 продорожник, 140
 прозелень, 142
 прозрительная, 169
 прозúbка, 320
 прозúка, 320
 прокива, 230, 234, 235
 пролесок, 133
 пролесье, 133
 пронзитель, 169
 проносная, 467, 468
 пропазítь, 192
 пропóй, 345
 прорабáтывать, 319
 проредка, 131
 прореж, 131
 проруб, 132
 прорубка, 132
 просветлина, 133
 просеивать, 450
 просек, 132
 просека, 132
 просёка, 132
 простирнúть, 242, 243
 просяк, 132
 прóтвень, 436
 прóтег, 436
 прочикилять, 67, 68, 75
 прошелушить, 450
 прошмыгнúть, 246
 прсíнь-прсíнь, 322
 прудило, 102
 прусняк, 130
 Прытко, 213
 прядва, 140
 прядево, 140
 прядиво, 140
 прядíльницы, 85, 86
 Прядíльницы, 89
 пряха, 288
 пта, 362
 птаéчка, 362
 птах, 362
 пта́ха, 362
 пта́ша, 363
 пташонок, 362
 птенéчек, 363
 птох, 362
 птóшка, 363
 птух, 362
 птúха, 362
 птушата, 363
 птúшка, 363
 птушонок, 363
 птúоха, 362
 птúаха, 362
 пуг, 490, 491
 пугач, 103
 пунька, 335, 336, 339
 пúнька, 335
 пуня, 335–337, 339
 пургá, 40, 44
 пурх, 490
 пустítь, 191
 пустодуй, 139, 149
 пустолесье, 133
 пустоты, 133
 пустоша, 133
 пустошка, 133
 пустошок, 133
 пустошь, 133
 пустынка, 133
 пустынь, 133
 пustyрник, 229, 236
 пustyрь, 133
 путик, 140
 путник, 140
 путью, 216, 217
 Путью, 214
 пуханка, 139
 пухлянка, 139
 пушистик, 139
 пушок, 139
 пша, 387
 пшенисный, 221
 пшол, 387
 Пылко, 214
 пыреистый, 462, 463
 пырьс, 490
 пырх, 490
 пьяница, 142
 рáденье, 507

- разболокаться, 202
 развесистое, 137
 разделать, 191
 раздопблье, 37
 раздувайчик, 139, 149
 раздуванчик, 139, 149
 раздздорваться, 29
 разлапистое, 136
 разлатон, 469
 разлатый, 468, 469
 разлътый, 467, 468
 разлатый спуск, 469
 разлогий, 468
 разлгый, 467, 468
 Разляйшиться, 377
 разнолесица, 129
 разнолесок, 129
 разнолесье, 129
 разнбсчик, 294
 разнотравье, 133
 разруб, 132
 разрубка, 132
 райно, 212
 Райно, 212
 раль, 425, 426
 ральё, 359
 рамдйт, 26, 32
 рамень, 131
 раменьё, 131
 ранник, 140
 раскладистое, 137
 раскосячить, 193
 расплетать, 450
 распогонять, 32
 рассадиха, 137
 Рахта, 377
 Рахтинья, 377
 Рахтужье, 377
 ребристая, 462
 ребя, 400, 405
 редашка, 131
 редица, 131, 133
 редка, 131
 редколесица, 131
 редколесок, 131
 редколесье, 131
 редменный, 465
 редник, 131
 редняк, 131
 редыш, 131
 редьё, 131
 редяк, 131
 реженец, 131
 резать, 450
 Резко, 213
 рем, 131
 рема, 131
 репище, 105
 ретовать, 320
 речйтсья, 321
 речнина, 132
 решето, 446
 ржэвня, 353
 ритник, 169
 рляннй, 320
 рбить, 202
 робята, 400
 ров, 252
 ровдуга, 105
 рогатая трава, 229
 рогатка, 316
 рогач, 394
 Рогач, 394
 рогбжка, 484
 рогбза, 484
 рогбзка, 484
 родёха, 317
 родимец, 400, 406
 родимой, 255, 257
 родины, 321
 родник, 472, 475, 476
 родник, 471, 472, 476
 родникбвая, 471
 родничбк, 471, 472
 родной, 255, 257
 рбжная, 317
 роженое, 401, 406
 роженый, 400, 401, 406
 ропость, 131
 росляк, 132
 рбстополь, 37
 роца, 128, 131
 руба, 353
 рбба, 352
 рубелёк, 245, 246
 рубель, 245
 рубиль, 245
 рубить, 450
 рбье, 352, 358
 рубьё, 353
 ругачка, 32
 ругачкий, 33
 ругливый, 33
 ручёй, 471
 рушилка, 445, 446
 рыжак, 145
 рыжеватый, 167
 рыжевик, 145
 рыжий, 167
 рыжик, 145, 150
 рыжовик, 145
 рыжун, 145
 рыжуха, 145
 рбльщик, 294
 рябая, 321
 рябушка, 321
 рябчик, 145

- ряди́льщица, 294
 ряди́ха, 294
 ряжедица, 421
 ряжедицы, 419, 422
 рясье, 353
 рясье, 352, 358
 ряшка, 241
 ряшка, 241

 сад, 455
 са́дик, 455
 са́дник, 455
 садни́к, 455
 садо́вник, 455
 садо́вничек, 455
 садо́к, 455
 сады́, 455
 сажать, 448
 сайба, 105
 сакма, 102
 сала́, 493
 салама́та, 84
 саломáт, 408, 412–414
 Саломáт, 413
 саломата, 413
 саломáта, 408, 411–414
 самокля́жа, 108, 117
 самокра́жа, 117
 сарай, 337–339
 сасонник, 251
 сбела, 497–499
 белá, 493, 494
 белёса, 494, 499
 белой, 497
 белый, 497
 сбивать, 450
 сбóрчий, 294
 сбóрщик, 294

 сбура, 499
 сбура́, 494
 сбуса, 499
 сбусá, 493, 494
 свалякать, 419–421
 сварато́чку, 491
 свáриться, 32
 сварку, 491
 сварку́, 491, 496
 свáрник, 32
 свáру, 491
 сварьбя́не, 295
 сварятку, 491
 сватко, 401, 405
 сватушко, 401, 405
 свекро́вья, 344
 свербить, 236
 сверблючка, 229–232, 235
 сверблячка, 233
 свербука, 231
 свербуха, 229, 233, 235
 свербучка, 230–232
 свербыля, 233
 светлина, 133
 светловина, 133
 свинарь, 147
 свинка, 147
 свинорой, 147
 свиноройка, 147
 свинорь, 147
 свинух, 147
 свинуха, 147
 свинушка, 147
 свóдня, 294
 сворона́, 494
 своротку, 492
 своротку́, 491, 496
 свороточку, 492

 своротóчку, 496
 свя́слы, 346
 свято́шничать, 299
 стáздо, 371
 стголуба, 499
 стголубá, 493
 Сда́ивать, 319
 сдобьё, 351–353, 359
 сдойть, 319
 сдо́нжить, 30
 сды́мки, 84
 Сды́мки, 89
 себра, 83
 себра́, 78, 83
 Себра́, 89
 се́ленка, 425, 427, 431
 се́ленки, 427, 431
 се́ленцы, 427, 431
 се́льниса, 427, 428
 се́льница, 427, 431
 семейник, 147
 семижильник, 140
 семиколенная, 464
 се́нник, 337
 сеновни́цы, 84
 Сеновни́цы, 89
 серблочка, 229, 235
 сербука, 229, 235
 сербуха, 229, 235
 сербучка, 229, 230, 235
 сергучка, 229, 230, 233, 235
 сердечник, 140
 сердюка, 229, 231, 233, 236
 серебрянник, 138
 серебряный, 256
 серуха, 145
 серушка, 145

- серя́к, 347
 серянка, 145
 сестропрода́вец, 294
 сестропрода́вица,
 294
 се́яльник, 427, 431
 се́яльница, 427, 431
 се́янка, 427, 431
 сеять, 427, 448
 жжелта, 499
 жжелта́, 493
 Сжи́нки, 89
 сзелена́, 493
 си́вер, 40
 си́верно, 40
 сижмашкой, 207
 синеви́ца, 145
 синесто́пый, 462, 464
 сини́ца, 142
 сину́шка, 145
 Си́ны, 393
 синю́тка, 145
 синю́ха, 145
 синю́шка, 145
 синя́вка, 145
 синя́шка, 145
 сито, 446
 ска́ла, 245
 ска́ла, 244, 245
 скала́, 244
 скала́ , 246
 скалено, 502
 скаря́, 494
 скат, 94, 95, 99
 скель, 502, 504
 ски́лько, 502, 503
 скло́читься, 32
 скоблѝть, 190
 сковальжи́на, 33
 сколок, 131
 сколь, 502, 504
 Сколь, 505
 сколя, 502, 504
 сконадѝбить, 191
 скоричня́, 493
 Скѝтирть, 394
 скотная, 465, 466,
 469
 скрасна, 496, 499
 скрасна́, 493, 494
 скри́пач, 145
 скри́пица, 145
 скри́пун, 145
 скри́пуха, 145
 скрича́ть, 26, 29
 Скрѝня, 395
 скрыча́ть, 29
 скупѝ, 502, 503
 сла́бко, 502
 Сла́бко, 214
 сладкока́менные,
 464
 сладкока́менный,
 464
 слажа́ться, 26, 31
 сла́жик, 146
 сласте́на, 146
 сла́стик, 146
 сла́стник, 146
 сла́стушка, 146
 сла́стяк, 146
 слату́шка, 146
 сле́жник, 132
 сле́жняк, 132
 Сле́йхать, 377
 слепая, 167
 слепой, 167
 сли́зень, 145
 сли́зняк, 145
 слова́рка, 170
 словени́к, 170
 словени́ца, 170
 словесни́к, 170
 словни́к, 170
 словни́ца, 170
 словщи́ца, 170
 слѝм, 129
 сло́ма, 129
 слюня́вчик, 145
 смони́ть, 486
 смону́ться, 486
 смору́га, 485
 сму́га, 246
 смуру́га, 485
 снаря́дѝха, 294
 снежни́ца, 142
 соба́ка, 141, 149
 собачи́к, 144
 собачка́, 141, 149
 собачни́к, 141, 149
 собачня́к, 144
 собачу́га, 144
 собира́ть, 450
 собра́ть, 191
 соверши́ть, 191
 Советно, 214
 содо́м, 32
 содо́мища, 32
 сокова́лить, 190
 со́кол, 263
 со́колик, 256, 263
 солени́к, 150
 Солове́йка, 162
 соловейчи́к, 364, 365
 соловейчи́к, 361
 Солове́юшка, 162
 солови́к, 364, 365
 соло́вик, 361
 соловка́, 364, 365
 соло́вка, 361

- Солóвка, 162
 соловня́тко, 364
 соловня́тко, 361
 солову́шка, 363, 365
 солову́шка, 361
 соловчи́к, 364, 365
 соловчи́к, 361
 соловы́ш, 364, 365
 соловы́ш, 361
 соловье́нок, 361, 363, 365
 соловье́нчик, 361, 364, 365
 соловье́ныш, 361, 364, 365
 соловья́тушка, 363, 365
 соловья́тушка, 361
 соловья́ша, 364, 365
 соловья́ша, 361
 солода́ха, 146
 солода́шка, 146
 солоде́на, 146
 солодо́к, 146
 солоду́ха, 146
 солодя́га, 146
 солодя́жка, 146
 солодя́нка, 146
 солодя́ха, 146
 солома́т, 411
 солома́та, 84
 Солома́та, 89
 солонь́й, 499
 сопли́вик, 145
 сопля́к, 145
 сорване́ц, 25, 33
 соро́мник, 33
 сосенник, 129
 со́ска, 204
 соснови́к, 144
 сосонник, 251
 сосо́нчик, 316
 составля́ть, 192
 состря́пать, 191
 соча́ть, 190
 сошник, 130
 сошня́к, 130
 сошьё́, 352, 353, 356
 спахо́вый, 467–469
 спелы́й, 130
 спло́шно, 502
 сповади́ться, 432
 спова́льница, 431, 432
 сповяну́ть, 432
 спогуби́тель, 432
 спогуби́ть, 432
 Спо́доль, 212
 сподува́ть, 432
 спожы́нки, 83
 Спожы́нки, 89
 спокида́ть, 432
 споко́й, 432
 сполива́ть, 432
 Спорно́, 210
 справно́, 212
 Справно́, 209, 212
 спрашива́ть, 30
 спры́коса, 495
 спроста́, 495
 сруса́, 495
 срыва́ть, 450
 Срывно́, 214
 сры́жа, 495
 срыжа́, 495
 ссера́, 495, 499
 ссера́, 493
 ссиза́, 495
 ста́вец, 431, 432
 ста́йка, 105
 стари́к, 186
 стари́к, 175, 186
 старичо́к, 186
 старове́рца, 419, 421
 стары́к, 186
 ство́рка, 393
 Ство́рки, 393
 стеле́нная, 317
 стельная́, 465
 степовой́, 467, 468
 стё́л, 321, 322
 Стил, 393
 Сты́льчики, 394
 стля́нь, 367
 сто́гнуть, 320
 стогунцы́, 421, 422
 стогуны́, 419
 стожа́р, 353
 стожа́р, 352
 стожа́рье, 353
 стожа́рье, 352, 355
 Сто́йло, 388
 стопори́ть, 194
 стопта́ть, 199
 стоя́к, 130
 страки́ва, 228, 230, 232, 236
 стра(о)ки́ва, 229, 235
 стра(п)ти́ва, 229, 235
 страшно́, 502, 504, 505
 стрека́ва, 140, 149, 228, 229, 231, 232, 235
 стрекала́, 229, 233–235
 стрека́лина, 229, 233–235
 стрекала́к, 229, 233–235

- стрекало, 229, 233–235
 стрекачая, 229, 233–235
 стрекачка, 229, 233–235
 стрекаша, 140, 149, 229, 231, 235
 стрекашина, 140, 149, 229, 231, 235
 стрекива, 140, 149, 229–232, 235
 стрекиша, 140, 149, 229, 231, 235
 стрекова, 229, 233–235
 стрекоза, 229, 233–235
 стрекоча, 229, 235
 стрекуха, 229, 233–235
 стрекучая, 233, 234
 стрекучая крапива, 229, 235
 стрекучка, 140, 149, 228, 229, 231, 235
 строевик, 131, 132
 строёнка, 131
 строитель, 165
 стройлес, 131
 стройник, 131
 стройняк, 131
 строптива, 236
 струганить, 190
 стяжский, 467, 468
 стряпильная доска, 427
 студенёц, 471, 477
 студеник, 478
 студенó, 39, 44
 студёная, 471
 студёно, 39, 44
 субоистый, 467, 468
 судачить, 27
 сужелта, 499
 сужелта, 494
 сузелень, 499
 сүзелень, 494
 сузеленью, 499
 сүзеленью, 494
 сузём, 131
 сузёмная, 469
 сукастое, 136
 суклевастое, 136
 суковастое, 136
 суковатое, 136
 сукочая, 466
 сукочить, 466
 сукрасень, 499
 сүкрасень, 494
 сүкрасна, 494, 495
 сукрась, 495
 сулемá, 507
 сулятный, 466
 сундүк, 345
 супротивничать, 200
 супротивство, 200
 супрядки, 86
 сүпрядки, 85, 86
 Сүпрядки, 89
 супряжánки, 86
 Супряжницы, 86
 сустрóбить, 191
 сүтолока, 81
 Сүтолока, 89
 сутунок, 194
 сутуры, 105
 сухара, 130
 сухарина, 130
 сухарник, 130, 150
 сухарняк, 130
 сухат, 130
 сухмяный, 43
 сухняк, 130
 сухобылый, 462, 464
 суховник, 130
 сухолесье, 130
 сухольё, 130
 сухоподстой, 130
 сухоподстойник, 130
 сухопостой, 130
 сухопостойник, 130
 сухостав, 130
 сухойстой, 130
 сухойстойка, 130
 сухойстойник, 130
 сухойстойный, 465, 469
 случастое, 136
 случистое, 136
 случастое, 136
 случклявое, 136
 случковастое, 136
 случковатое, 136
 случливое, 136
 случлявое, 136
 случьеватое, 136
 сушарник, 130
 сушильник, 130
 сушина, 130, 150
 сушинник, 130
 сушки, 130
 сушляк, 130
 сушмяный, 43
 сушник, 130
 сушнина, 130
 сушняжник, 130
 сушняк, 130
 счерна, 494, 496
 счерна́, 494

- счужой, 497
 сшибать, 448
 съедомый гриб, 144
 съезд, 366, 371, 373
 съездá, 372
 съездечка, 372
 съездéчко, 372
 съездó, 372
 съездóк, 372
 съелóзить, 485
 съестной гриб, 144
 съестный гриб, 144
 съизд, 366
 сынок, 257
 сынушко, 401, 405
 сыроедка, 146
 сыроежка, 146
 сыроежник, 146
 сыруга, 146
 сыружка, 146
 сырьесто, 212
 Сырьесто, 212
 Сябёр, 89

 та, 397
 табун, 387
 тайбола, 131
 тайга, 105, 131
 тáлец, 471, 479
 тáлик, 479
 Тáлкуша, 89
 татарин, 141
 татарка, 141, 166
 татарник, 141
 татарочка, 166
 татарское крапиво,
 229, 231, 237
 тварь, 229, 231, 236
 твердогордая, 464
 творог, 429
 твorbженка, 429
 творожник, 429
 твorbжница, 429
 твorbжóнка, 429
 тега, 491
 тéга-тéга, 386
 тéкáлка, 478
 телáня-телáня, 387
 тéла-тéла, 387
 тéлево, 321, 322
 тéленая, 317
 телóк, 316
 телúха, 317
 телушóк, 316
 телушóнка, 316
 тельш, 316
 теля, 316
 Темно, 209
 Тепле, 215
 теплинка, 47
 тесно, 502
 Тетэря, 161, 162
 тешáть, 319
 тéшить, 319
 тёл, 321, 322
 тёмношарый, 167
 тёрка, 242
 тйга-тйга, 386
 тйги-тйги, 386
 тйжа, 386
 тижóк-тижóк, 386
 тиж-тиж-тиж, 386
 тйлькы, 397
 титева, 367
 ти-ти-ти, 387
 титя-титя, 387
 тихая вода, 467, 469
 тиховод, 467
 тиховодь, 467
 тишма, 213, 218
 тоды, 397
 тóжы, 397
 толкáч, 81
 Толкáч, 89
 толкúчий, 320
 толок, 81
 толóк, 82
 Толóк, 89
 толока, 79, 81
 тóлока, 78, 82
 толóка, 78, 82
 толокá, 78, 79, 81, 82,
 88
 Тóлока, 89
 Толóка, 89
 Толокá, 89
 толóкá, 88
 Толóки, 89
 толочь, 450
 толстéха, 321
 толстéха, 321
 толсто, 503, 504
 толщó, 214
 Толщó, 214
 тóлькы, 397
 томá, 43
 тонковато, 212
 Тонковато, 212
 топляк, 132, 150
 топник, 429, 430
 тополеый, 462, 463
 топор, 446
 топтун, 139
 торбаса, 105
 торить, 95
 тохонько, 214
 Тохонько, 214
 тошнотье, 353
 тошнóтье, 352, 353,
 355

- тошегато, 210
тощо, 210
Тприть, 322
тпру, 387
тпрусе-тпрусе, 322
тпрусінь, 322
тпрусінька, 315
тпрусіня, 315
тпрусіня, 316
тпрусіня-тпрусіня, 322
тпруся, 387
травица, 133
травник, 133
травница, 133
травостой, 133
травяник, 133
требуха́стая, 321
требуша́стая, 321
трепач, 260, 269
трепетуха, 137
Трѣхгѣдок, 316
трѣхлистик, 138, 148
трѣхлистник, 138, 148
Трѣхстѣтка, 316
трилистник, 138, 148
троелистник, 138, 148
тропинник, 140
трусница, 137
трут, 330
трутовік, 329
трусцѣба, 131
трусцѣба, 484
трусцѣбник, 131
тря, 386
трясина, 137
трясина, 137
трясуха, 137
- трясучка, 137
Тубѣрѣчка, 381
Тубѣчка, 381
туго, 503–505
тугосѣбая, 319
туды, 202
тулово, 353
ту́лово, 352, 353
туловьѣ, 353
ту́ловьѣ, 351, 353, 355
тулун, 105
турсук, 105
тусмѣнно, 39, 43
тусмѣнно, 39
ту́ча, 44
туча́, 41, 44
туяс, 105
Тц-тц-тц, 387
тыпа-тыпа, 387
тычинник, 150
тюк, 490
тюлушѣнка, 316
тюх, 490
Тябло, 394
тявк, 490
тягунец, 140
тятенька, 400, 407
тятя, 400
тятя, 400
- убмыва́льщица, 294
увѣдриться, 43
угорѣдец, 454
уда, 105
уелѣзить, 485
Ужасно, 210
ужо, 198
ужѣ, 198, 397
узвѣд, 111
- уймище, 131
укатѣть, 246
укѣтывать, 246
укенчина, 103
улима, 505, 506
улогий, 469
улѣгий, 467, 468
умный гриб, 144
Уморно, 210
упряжной, 466
урема, 131
урозмись, 492
урома, 506
уросливый глаз, 169
урочище, 131
усѣ, 397
ускудно, 212
Ускудно, 212
усыпь, 506
утиж-утиж, 387
ути-ути, 387
утка, 104
Утолока, 89
утоло́ка, 81
уточка, 104
уть-уть-уть, 387
у́тю-у́тю, 387
ухажѣр, 260, 269
Ухажѣр, 262
ухажѣрик, 260
ухажѣришко, 262
ухорез, 260, 270
учинить, 194
ушки, 147
ушкорбистая, 467
ушкорбистый, 468
- фарбѣты, 352, 353
фарбѣтьѣ, 352, 353
фатера, 419

- фи́гас, 49
 фи́гасик, 49
 фи́ла, 408, 411–413
 филá, 408, 411–413
 Филá, 412
 фи́ла, 414
 филану́ть, 413
 фонарик, 141
 фо́рма, 431

 халабудка, 337
 хари́зна, 85
 Хари́зна, 89
 хата, 51
 ха́та, 393
 хатына, 337
 хаты́на, 336
 хахаль, 260, 265
 хахель, 260, 265
 хвальби́шка, 31
 хвальбу́н, 31
 хватче, 216, 217
 хвойник, 129
 хвойняк, 129
 хворобой, 138
 хиуз, 105
 хле́бная ча́шка, 431
 хлев, 337, 339
 хлевье́, 352, 353, 356
 хлисья, 131
 хма́ра, 41
 хма́рить, 43
 хму́рно, 39
 ховру́н, 84
 Ховру́н, 89
 холобу́дка, 337
 хо́лодно, 39
 холодно́, 39
 холостить, 450
 хоньбы, 105

 хороший гриб, 144
 хось, 387
 христéц, 346
 хрустишка, 145
 хрустяшка, 145
 хрюш-хрюш, 387
 хулиган, 260, 270
 хурта́, 40

 цапа, 140
 цедилка, 446, 447
 цедильник, 447
 цедильный, 447
 цеп, 52
 цепун, 140
 цепуха, 140
 цепь, 52
 Циплю́ха, 157
 ципляти́ха, 157
 ципля́тница, 157
 ципляту́ха, 157
 Цы́ва-цы́ва, 163
 цыган, 166
 цыплю́ха, 157
 Цыплю́ха, 161–163
 цып-цып-цып, 387
 Цы́рька, 160
 Цы́рьки, 160
 Цю́нжи, 380

 чабан, 387
 ча́га, 329, 330
 чадушко, 257
 чакиля́ть, 72
 Чанжа, 380
 Ча́нжи, 380
 Ча́нши, 380
 Ча́ньжа, 380
 чапужник, 252
 чапыжник, 251, 252

 чапы́жник, 484
 чара, 436
 чару́ша, 431, 435, 437
 частель, 131
 частельник, 131
 частик, 131
 частьна, 131
 частоба́й, 27
 частоба́йка, 27
 чаут, 104
 ча́чатать, 381
 ча́читать, 381
 Ча́читать, 381
 чашечки, 141
 чашка-кореноватка,
 431
 чашка-коренова́тка,
 435
 чаща, 131
 ча́ща, 484
 чащара, 131
 чащель, 131
 чащельник, 131
 чащина, 131
 чащоба, 131
 чащобник, 131
 чва́нец, 31
 чепыжник, 252
 черенок, 446
 черень, 136
 черёмный, 167
 чернава, 142
 чернавика, 142
 чернига, 142
 черника, 142, 150
 чернилица, 142
 чернина, 142
 черниха, 142
 черница, 142
 черничка, 142

- чернобай, 170
 чернобайка, 170
 чернобылый, 462, 464
 чернобыльник, 150
 черноглазый, 167
 чернолесье, 131
 черномушка, 136
 чернопузик, 145
 чернопузка, 145
 черношарый, 167
 чернуха, 136, 142, 145
 чернушка, 142, 145
 черный мост, 367
 черныш, 145
 чернышка, 145
 черняк, 136
 чертист, 168
 чертистая, 168
 чертистая старушка, 168
 чертистка, 168
 чертистые люди, 168
 чертистый, 168
 чертистый мужик, 168
 чертиха, 168
 чертознай, 168
 чертошай, 168
 честной, 400
 чёрная, 229, 231
 чёрный мост, 374
 чёрт, 168
 Чиво, 210
 чикальдúшки, 70, 75
 чикилдá, 71
 чикилдáть, 71
 чикилеками, 75
 чикилэки, 74
 чикíлики, 74
 чикилíки, 74
 чикíль, 70
 чикильдá, 70, 75
 чикильдúшки, 70, 75
 чикильнúть, 70, 75
 чикíль-чикíль, 75
 чикилявый, 69, 75
 чикиляй, 69, 75
 чикилять, 66–68, 70, 72, 73, 75, 76
 чикиляшки, 70, 71, 75
 Чиплюха, 162
 чиркун, 288
 чиснега, 136
 чистарка, 136
 чистая губа, 144
 чистец, 150
 чистики, 446
 чистина, 133
 чистинка, 133
 чистка, 135, 136
 чистовина, 133
 чистолист, 136
 чистополь, 136
 чистотка, 136
 чистуха, 135, 136
 чистушка, 135, 136
 чистый гриб, 144
 чисть, 133
 чистяжина, 133
 чистяк, 135, 136
 читáльщица, 294
 чýчер, 40
 чýчерно, 39, 40
 чища, 133
 чищина, 133
 чищоба, 133
 чохом, 210
 Чужик, 381
 чукилять, 72
 чуман, 105
 чúнджи, 380
 Чúнджи, 380
 Чúнжда, 380
 Чúнжи, 380
 чúня-чúня, 387
 чутко, 503
 чушатник, 102
 чушка, 103
 шабала, 435
 шабалá, 431, 435
 шагла, 105
 шайба, 105
 шанежка, 105
 шаньга, 105
 шармáнка, 25
 шарóшить, 190
 шахма, 102
 Шеборско, 214
 шелестуха, 137
 Шеметой, 210
 Шеметом, 211
 шепотунья, 170
 шептальничек, 170
 шептáрь, 170
 шептун, 170
 шептунья, 170
 шептуха, 170
 Шибаркой, 209
 Шибко, 211, 213
 шиликун, 102
 шипичник, 252
 шипишник, 252
 шипчинник, 252
 шипшинник, 252
 шира, 103
 Ширкун, 296

- ширкуны́, 296
 ширы́кать, 192
 шкурат, 353
 шкура́т, 352, 353
 шкуратье, 353
 шкура́тье, 352, 353,
 355
 шкуру́ить, 190
 шлейть, 27
 шлея́, 28
 шляпник, 141
 шляпочник, 141
 шмонить, 486
 шмониться, 486
 шмону́ть, 486
 шмону́ться, 486
 шмонька, 486
 шмо́рнуть, 486
 шмот, 352, 353
 шмотье́, 353, 359
 шмо́тье, 352
 шмуру́га, 485, 486
 шмуружнѣг, 485
 шмуры́га, 485
 шмуры́гать, 485
 шмуры́жник, 485,
 486
 шмуры́жный, 485
 шмуры́кать, 486
 шмутить, 486
 шмы́кать, 486
 шмы́каться, 486
 шмыня́ть, 486
 шмы́рнуть, 486
 Шометом, 211
 шопотунья, 170
 шпанская, 466
 шторм, 40
 шуга́ть, 190
 шуметь, 25, 29
 шумну́ть, 29
 шурга́, 40, 44
 шут, 288
 Шутоломно, 211
 шыпшы́нник, 252
 щавель, 229, 231
 ща́га, 330
 щелеватый, 462, 463
 эсколь, 503, 505
 эстоко, 503, 505
 эсто́ль, 503, 505
 эсто́лька, 503, 505
 эсту́ль, 503, 505
 эт, 397
 юхала, 105
 ягодин, 263
 ягодина, 263
 ягодинка, 256, 260,
 266
 ягодиночка, 256, 263
 ягодинушка, 263
 ягодка, 256, 263, 266
 ядрёный, 130
 ядрёный гриб, 144
 яло́вка, 318
 я́рка, 295, 346
 яр-яр-яр, 386

Научное издание
Лексический атлас русских народных говоров
(Материалы и исследования)
2016

Печатается по решению Ученого совета
Института лингвистических исследований РАН

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН

Подписано в печать 29.12.2016. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 34.75
Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)622-01-23

ISBN 978-5-4469-1096-0

9 785446 910960 >